

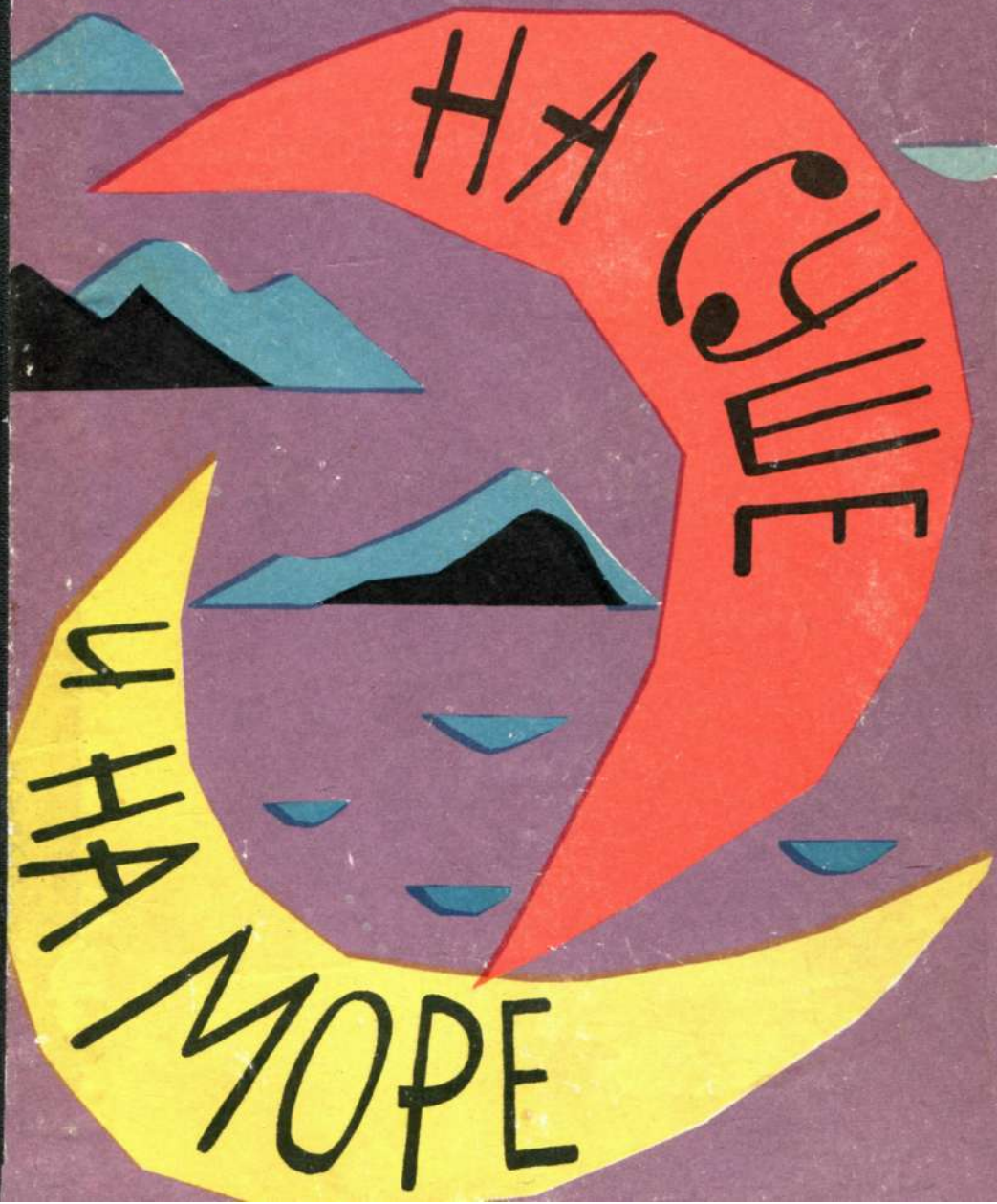
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

НА

СУШЕ

И НА

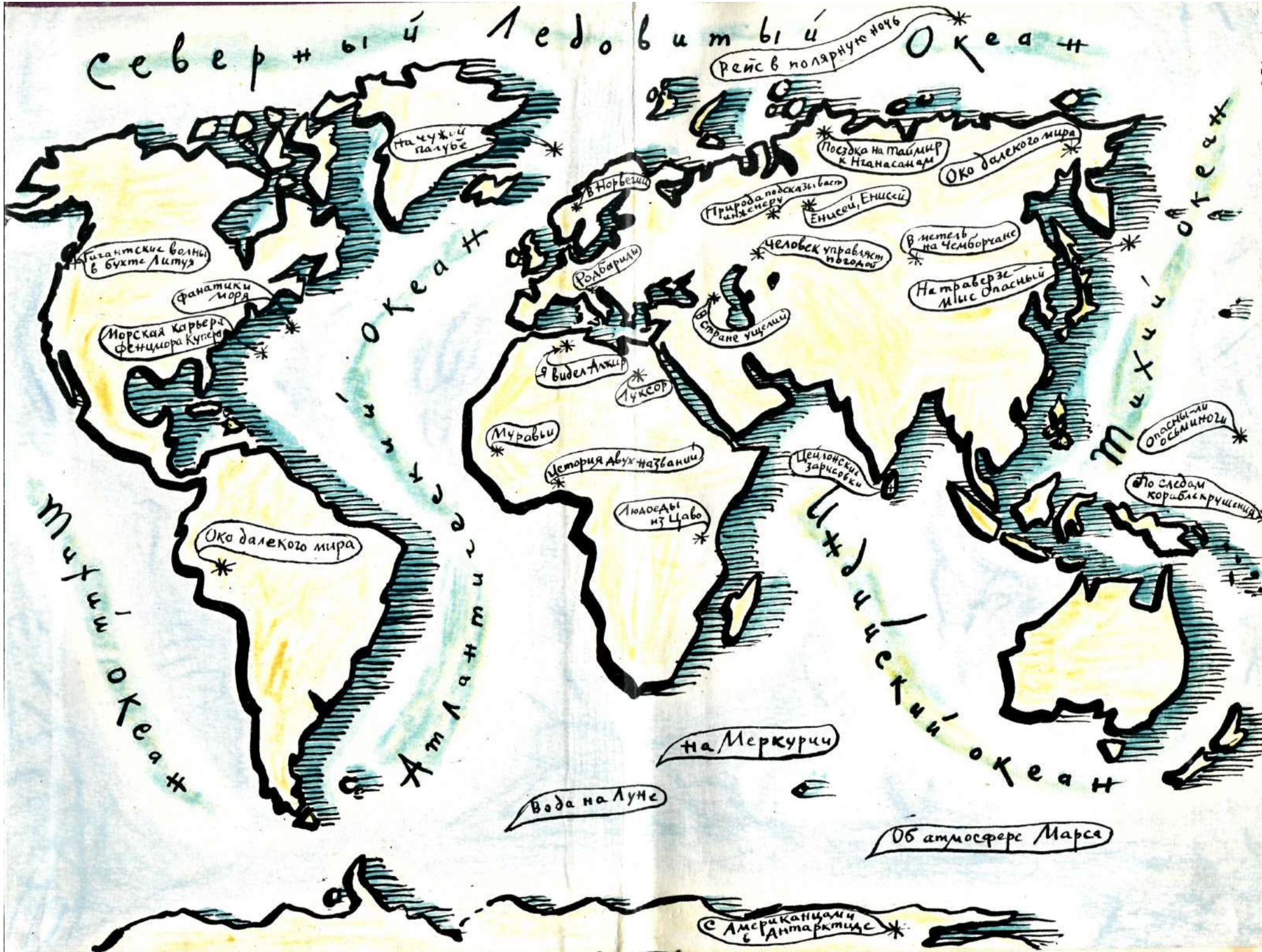
МОРЕ

Ір. 49 коп.

Северный Ледовитый Океан

© Американцы в Антарктиде *

Путе-
шест-
вия

Приклю-
чения

Государственное
Издательство

Гео-
графиче-
ской
Лите-
ратуры

Фан-
тас-
тика

Москва, 1962

НА СУШЕ

И

НА МОРЕ

ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ,
ОЧЕРКИ

Редакционная коллегия:
П. Н. БУРЛАКА, И. А. ЕФРЕМОВ, Б. С. ЕВГЕНЬЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
А. П. КАЗАНЦЕВ, С. Н. КУМКЕС, С. В. ОБРУЧЕВ, М. Е. ДОЛИНОВ

Ответственный секретарь
Н. Н. ПРОНИН

В третьем выпуске художественно-географического сборника «На суше и на море» рассказывается о героических буднях советских моряков в Заполярье, о приключениях в горах Прибайкалья, плавании по Енисею, путешествиях по Алжиру, Цейлону, Норвегии и другим странам, об интересных и загадочных природных явлениях, наблюдаемых в различных частях земного шара. Излагаются научные гипотезы о составе атмосферы Марса и о существовании воды на Луне. В сборник включены также научно-фантастические рассказы советских и зарубежных авторов.

Обложка, форзац, титул и заставки
художника С. М. ПОЖАРСКОГО

Георгий
Кубанский

НА
ЧУЖОЙ
ПАЛУБЕ

Повесть

1

РЕТЬИ СУТКИ бушевал шторм. Вал за валом вырастал из непроглядного мрака полярной ночи и с раскатистым гулом разбивался о нос траулера, взбрасывая пенистые султаны над высоким полубаком. По тускло освещенной палубе с яростным шипением металась вода, в поисках добычи пробиралась во все закоулки и с недобрым ворчанием сбегала в шпигаты. Удары волн, шипение воды и разбойный посвист ветра в оснастке сливались с грозным ревом невидного в ночи бурного океана. А «Тамань», распарывая острым форштевнем водяные горы, упорно стремилась

навстречу ветру, буре, подальше от затерянных в студеном море каменистых обледенелых островов.

Штормовая вахта в Заполярье напряженна круглые сутки. Зимой за семидесятой параллелью дни и ночи надолго сливаются в сплошную темень. Хорошо если холодные сполохи северного сияния озарят всклокоченное злое море, борющееся с бурей одинокое судно. На свисающих с полубака и кормы напльвах льда вспыхнут голубоватые отблески, заискрятся заиндевшие мачты и ванты... Но сегодня за усеянными капелью стеклами ходовой рубки не виднелось даже и слабых проблесков света. Куда ни глянешь — мрак, мрак и мрак.

Вахтенный штурман Морозов не спеша прошелся по рубке, стараясь держаться поближе к окнам. Присматривая за палубой, морем, лучше иметь под рукой оконные поручни: сбросит волна посильнее — есть за что ухватиться.

— Держать по курсу, — напомнил он рулевому.

Рулевой Алеша Вихров — молодой, по-мальчишески гибкий матрос — приподнял брови, будто хотел спросить: «Зачем повторять приказание? Как же я могу еще держать, если не по курсу?» Вступать в пререкания с вахтенным штурманом не следовало. Алеша сдержался и ответил безразличным тоном былого моряка.

— Есть, держать по курсу.

Морозов не заметил выразительного взгляда Алеши. Ему хотелось излить душу. Вести на вахте посторонние разговоры с рулевым запрещает устав. Но какой устав может запретить думать в бесконечно долгую штормовую вахту?

Посторонние мысли становились все назойливее. Хоть бы капитан вышел, спросил о ветре, курсе, поворчал на шторм, срывающий лов.

Морозов понимал состояние капитана. На днях «Тамань» нащупала крупный косяк трески. Промысел шел прекрасно. Трюмные чердаки* быстро заполнялись засыпанной солью треской. Не прошло и суток, как на косяк, найденный «Таманью», сбегались со всех сторон траулеры: советские, норвежские, английские, французские. В океане стало тесно, и Степан Дмитриевич почти не выходил из ходовой рубки. «Тамань» двигалась, предупреждая соседей брезентовым шаром, поднятым на штаг-корнаке — протянутом между мачтами тросе: «Внимание! Иду с тралом!»

Шторм налетел с северо-запада, разогнал траулеры. Рассеялись они в разные стороны и сейчас носятся по волнам, избегая соседей. Третьи сутки «Тамань», слегка подрабатывая

* Трюмные чердаки — разборные перегородки в трюме, где укладывается рыба.

машиной, держится носом на волну, жжет впустую уголь, расходует пресную воду. Как тут не расстроиться капитану?

Степан Дмитриевич по-своему выражал досаду на непогоду: отсыпался после двенадцати суток напряженной промысловой работы. Если лов был удачен, Степан Дмитриевич сам руководил спуском и подъемом трала. Кто мог на судне лучше капитана вовремя подать команду, подогнать замешкавшегося матроса или похвалить расторопного, поставить в пример остальным. А когда рыба пропадала — тоже бывало не до отдыха. Кому, если не капитану, следовало искать потерянный косяк? Высокая койка с задергивающимся шелковым пологом оставалась на промысле не смятой неделями. Спал Степан Дмитриевич урывками, на узком диванчике. Снимет китель, ботинки и заснет прежде, чем голова коснется подушки. Но стоило заглянуть в каюту вахтенному штурмаргу, позвать «Степан Дмитриевич!», и капитан сразу раскрывал глаза — ясные, блестящие, без малейших признаков сна.

— Что у тебя? — спрашивал он ровным голосом, будто продолжал беседу.

Морозов пришел на траулер минувшей осенью из Херсонского мореходного училища. За несколько месяцев он привык к своеобразной манере капитана разговаривать со своими людьми. Его больше не смущало, когда Степан Дмитриевич, выслушав молодого штурмана, отрывисто бросал.

— Разберись там...

А сам поворачивался на другой бок и тут же засыпал снова.

В таких случаях приходилось принимать решение самому. Морозов делал это уверенно, со спокойным сознанием моряка, облеченного доверием капитана.

Ох и тягостны же вы, последние минуты штормовой вахты! Чего только не передумаешь!..

Дверь звучно хлопнула. В рубку вошел матрос.

— Товарищ вахтенный штурман! — обратился он к Морозову. — Разрешите стать в руль?

— Сменяйте, — бросил Морозов.

Он облегченно вздохнул и оперся обеими руками на оконный поручень. Скоро сменят и его.

Молодой штурман увидел на стекле свое отражение: довольную улыбку, выделяющую мягкие ребячьи ямочки на щеках и подбородке, — и нахмурился. Ох, уж эти ямочки! Сколько они доставляли ему огорчений! И в мореходке, и на траулере. Ямочки на розовых крепких щеках Морозова постоянно вызывали шутки товарищей. Желая казаться взрослее, он держался не по возрасту серьезно, даже сурово. Напускная юношеская солидность привела к тому, что из всего командного состава траулера лишь самого юного, третьего штурмана

все звали по фамилии — «Морозов», а иногда и несколько официально — «товарищ Морозов».

Морозов мог часами стоять у окна, любясь бушующим океаном. Бесконечно разнообразными казались ему прыгающие на палубу волны, кружевные разводы пены на склонах водяных гор и особенно шум бури. В нем слышались отчаянные человеческие голоса, далекие раскаты пушек, рев неведомых зверей и детский плач...

— Где капитан?

Морозов обернулся на голос. В дверях стоял радиооператор Мерцалов. Озабоченный взгляд его скользнул по рулевому, Морозову.

— Где капитан? — нетерпеливо повторил он.

— Степан Дмитриевич отдыхает.— Морозов нахмурился. В настойчивости радиооператора он увидел посягательство на авторитет вахтенного штурмана и строго выпрямился.— Что у тебя?

— SOS принял,— бросил Мерцалов.

И скрылся за дверью.

В каюту капитана он вошел без стука.

— Степан Дмитриевич!

Капитан приоткрыл глаза и недовольно поморщился.

— Да?

— SOS принял.

— SOS?— Степан Дмитриевич сел. Нашупывая ногами стоящие возле диванчика туфли, он смотрел в вытянувшееся лицо радиооператора.— Кто передает?

— «Гертруда». Судно потеряло ход и дрейфует недалеко от нас, на зюйд-зюйд-весте.

— На какой волне приняли SOS?—спросил капитан.

— На шестисотке.

— Так, так! — протянул капитан. По международным морским законам волну шестьсот метров могла занимать лишь рация гибнущего судна.— Держите связь с «Гертрудой». Уточните координаты, какая необходима помощь.

Натягивая на ходу китель, Степан Дмитриевич крупными шагами прошел в ходовую рубку и остановился у медного раструба переговорной трубки. Дунул в него.

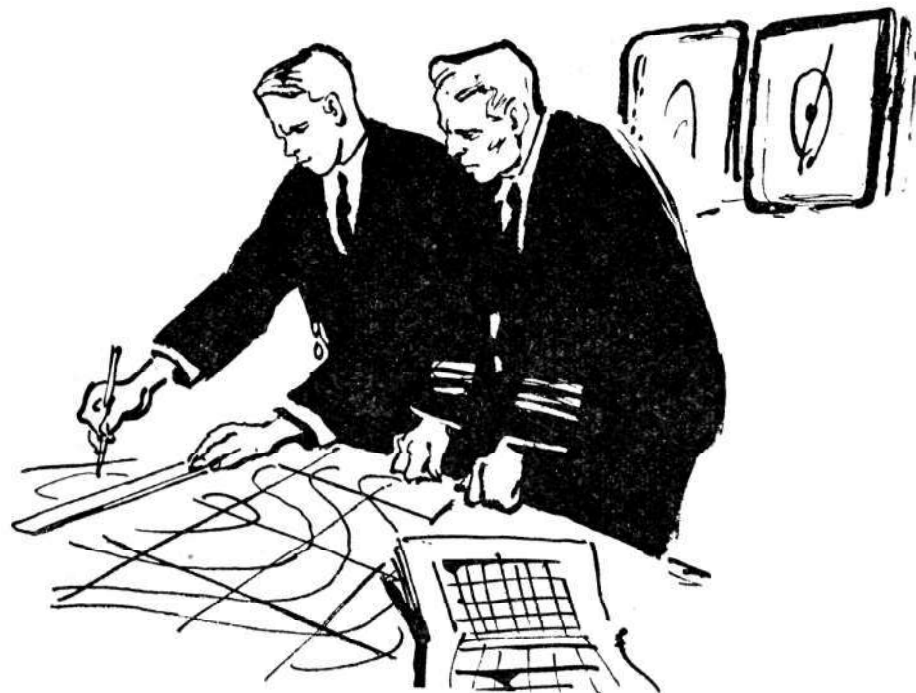
— Слушаю,— ответила трубка.

— Сколько оборотов? — спросил капитан.

— Подрабатываем помалу,—беспечно сообщила трубка.— Держу на восьмидесяти.

— Прибавьте,— коротко приказал капитан.—И поднимите старшего механика. Доложите ему: приняли SOS.

Степан Дмитриевич прошел к столу и склонился над разостланной Морозовым картой. Молча проследил он за тонкой карандашной линией, показывающей курс и местонахож-

дение траулера, и, не глядя на ожидающе подтянувшегося Морозова, бросил:

— Сдашь вахту, оставайся со мной.

Пока Морозов сдавал вахту старшему помощнику, Степан Дмитриевич прошел в радиорубку.

Мерцалов плотно сидел в кресле, прикрепленном к полу медной цепочкой. Рука его привычно стучала ключом радиопередатчика.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил капитан.

— «Гертруда» идет под ирландским флагом.—Мерцалов сдвинул наушники.—Порт приписки Галифакс. Владелец парохода компания «Меркурий». Место назначения Шпицберген.

— Так, так! — Степан Дмитриевич опустил в стоящее за оператором свободное «капитанское» кресло.—Название парохода немецкое, флаг ирландский, порт приписки канадский.

— Международный капитализм! — улыбнулся Мерцалов.

— Запросите «Гертруду», что у нее за повреждения? — сказал капитан, не принимая шуток.— Да поточнее.

— Запрашивал.— Мерцалов запнулся.— Разве договоришься одними сигналами? Английского я не знаю...

— Переходи на телефон.—Степан Дмитриевич оглянулся на стоящего в дверях Морозова.— Заходи.

Морозов втиснулся в загроможденную аппаратурой и двумя креслами маленькую радиорубку, вытер блестящий от пота лоб и старательно надел наушники.

— ...«Гертруда» потеряла ход в первый день шторма,— медленно переводил он.— Грот-мачта рухнула, разбила катер и сорвала запасную антенну. Поэтому радиосвязь крайне ограничена. Утром волны сорвали шлюпку. Крен достиг двадцати двух градусов, на размахе доходит до шестидесяти. Обледенение притопленного борта угрожающе растет. На пароходе имеются раненые и обмороженные. Капитан «Гертруды» просит снять команду.—Морозов выжидающе посмотрел на капитана.— Все.

— Не так-то и мало! — Степан Дмитриевич сильно провел ладонью по тугому седеющему ежику.— Погодка самая подходящая... снимать команду, раненых...

Он оборвал фразу и вернулся в ходовую рубку.

— Стармех в машинном,— встретил его сменивший Морозова старший помощник.

И словно подтверждая его слова, из переговорной трубки послышался тонкий протяжный свист.

Степан Дмитриевич подошел к трубке.

— Слушаю.

— Сто двадцать два оборота,— доложил старший механик.

— Мало! — нетерпеливо бросил Степан Дмитриевич. — Идем на SOS. Понятно? Выжмите из машины все, что можно.

2

Алеша вышел из ходовой рубки. Гулко топая тяжелыми рыбацкими сапогами по металлическим ступенькам, спустился в салон.

В салоне было шумно и душно. Шторм — вынужденный отдых для рыбаков. Каждый пользовался им по-своему. Любители музыки сгрудились возле баяниста засольщика. И хотя пальцы музыканта порой не попадали на нужные лады, слушатели были довольны. Даже пожилой, всегда озабоченный боцман Иван Акимович и тот подсел поближе к баяну и слушал его с таким видом, будто выполнял тяжелую работу.

— Что раскис, моряк? — окликнула Алешу повариха Домнушка.— Гляди веселее. Не все еще в жизни пропало!

— Ты, Домнушка, совсем как помполит,— бросил издали баянист. — Бодрее, да веселее! А если душа невесела? Обидели парня.

— Обидели! Значит, он так и будет ходить теперь в рваном бушлате? — ответила со своеобразной женской логикой Домнушка.

Она взяла полными, но крепкими руками Алешу за плечи и повернула спиной к рыбакам, показывая лопнувший по шву рукав.

— За иголкой идти неохота,— буркнул Алеша, вывертываясь из рук Домнушки.— Видела на палубе что творится?

— Неохота? За иголкой сходить? — На широком лице поварихи сбежались частые добрые морщинки. — Вот оно что-о!

Домнушка насмешливо поджала губы и скрылась в камбузе, отделенном от салона легкой дощатой перегородкой. Немного спустя она вышла и подала Алеше иголку.

— Возьми, родной. Вот. И нитку тебе вдела. Пользуйся.

Алеша стянул с плеч бушлат и принялся зашивать рукав. Но тут судно бросило набок. Иголка проскочила сквозь сукно и впилась в мякоть большого пальца. Алеша невольно чертыхнулся.

Занятый бушлатом, он не заметил, как к нему подошел боцман. Широко и прочно расставив ноги в высоких сапогах с отвернутыми голенищами, Иван Акимович наблюдал за усилиями молодого рыбака. Потом чисто выбритое мясистое лицо боцмана с мохнатыми бровями и шишковатым носом насмешливо сморщилось.

— Правильно делает капитан, что не дает тебе аттестата, — он незаметно подмигнул притихшим в ожидании шутки рыбакам. — Куда такому идти в загранку? Рукава пришить не можешь!

Алеша сердито сдвинул брови и продолжал шить, не отвечая боцману. Иван Акимович задел его больное место. На стоянке Алеша случайно познакомился с капитаном перегонной команды, уходящей в Стокгольм принимать новый траулер. Капитану приглянулся бойкий молодой матрос, и он предложил ему перейти с «Тамани» в перегонную команду. Радостный примчался Алеша к Степану Дмитриевичу. И тут... его постигла неудача. Капитан наотрез отказался выдать аттестат. Как ни просил Алеша, как ни убеждал, Степан Дмитриевич оставался неумолим.

— Ступайте,— оборвал он Алешу,— аттестата я вам не дам.

По лицу капитана, по обращению на «вы» Алеша понял: Степан Дмитриевич свое решение не изменит. Он неловко потоптался возле стола и вышел из каюты.

Неудача ошеломила Алешу. На траулере он с первого же дня почувствовал себя нужным человеком. Молодой быстрый матрос держался уверенно, совсем не походил на новичка. На палубе он никогда не оставался без дела. Пока вахта, ожидая подъема трала, покуривала под полубаком, Алеша возьмет пику — недлинную палку с насаженным на конце выгнутым

стальным острием, соберет в кучу остатки неразделанной трески, выбросит за борт «сорную» рыбу: скатов, пинагоров, синих зубаток. Никто не слышал от него слова «устал». Кажется, он даже не понимал, что такое усталость. Но главное, что привлекло к нему внимание капитана,— это работа у трала. Алеша обладал ценным для матроса даром: он всегда находился там, где нуждались в его помощи. Только тралмейстер крикнет «стропик» — Алеша уже подает свитую кольцом толстую веревку. Тралмейстер лишь оглянулся — а Вихров, проваливаясь выше колен в трепещущей рыбе, протягивает ему замок, прикрепляющий угол трала к грузовой стреле.

Степан Дмитриевич присмотрелся к старательному и ловкому новичку. Узнал он, что Алеша, еще будучи школьником, увлекался морским делом: занимался в клубе юных моряков, изучал там сигнализацию, швартовку, ходил в шлюпочные походы. Окончив среднюю школу, Алеша больше двух месяцев добивался места в Арктическом пароходстве. В отделе кадров не решались взять молодого паренька: слишком много в нем было еще мальчишеского. Торопили Алешу домашние обстоятельства. Не мог он сидеть на иждивении матери — работницы рыбокомбината, растившей кроме него еще младшую сестренку. Пришлось оставить мечты о пароходе с синими полосами на трубах и пойти на траулер.

Уже после третьего рейса Степан Дмитриевич аттестовал Алешу матросом второго класса. И тут подвернулся случай сходить в заграничное плавание.

Обида, точившая юношу все эти дни, вспыхнула с новой силой. Тонкие брови его надломилась уголками, губы плотно сжались, стали строгими.

А Иван Акимович, словно не замечая недовольства собеседника, продолжал все тем же добродушно подзадоривающим тоном.

— Отпусти тебя на перегон. Что же получится? Придете вы на стоянку. И пойдешь ты по какому-нибудь Ливерпулю или даже по Лондону... в рваных портках. А там, знаешь, каждая дырка на твоих штанах — пятно на наш флот. Точно!

Алеша упорно молчал. Молчал и шил. Спорить с Иваном Акимовичем не следовало. Боцмана в команде любили. Вздумает тот разыграть молодого матроса — каждый поддержит. Любят рыбаки розыгрыш.

— А ты не думай зря,— неторопливо продолжал Иван Акимович.— Гляди, друг, как шить-то надобно. В качку!

Он отобрал у Алеши иголку, бушлат. В толстых пальцах боцмана иголка шла легко. Стежки ложились по сукну ровные, будто Ивана Акимовича и не качало.

— Гляди, парень, гляди! — благодушно приговаривал Иван Акимович.— А то куда рукав пришьешь, исколешь

палец, инвалидом станешь. Рановато тебе еще на пенсию. Прежде ты рыбки пошкерь, в загранку сходи...

— И схожу,— не выдержал Алеша.— Не отпустят по-хорошему — отстану на стоянке, и концы.

— Отстать не хитро,—по-прежнему мирно, не принимая прозвучавшего в голосе юноши вызова, ответил Иван Акимович.— Только аттестаты на причале-то не валяются. С чем ты в загранку пойдешь? Вот беда-то твоя где!

И опять боцман задел больное место молодого матроса. Алеша прекрасно понимал, что, не имея на руках хорошего аттестата, в перегонную команду не попадешь. Не продолжая явно проигранного спора, он взял поданный Иваном Акимовичем бушлат и кивнул.

— Спасибо, боцман.

— Пользуйся.

Алеша накинул бушлат на плечи, но тут судно бросило набок с такой силой, что он еле успел схватиться рукой за стол. За спиной щенячьим голосом взвизгнул баян.

— Вот дает океан! — воскликнул баянист, обращаясь к боцману.

Иван Акимович не ответил. Волна ударила в борт. Судно раскачивало с боку на бок. Значит, «Тамань» разворачивается. В такую бурю! Лишь сейчас слух Ивана Акимовича уловил участвовавший стук машины.

Боцман с деланным равнодушием направился к выходу.

Неожиданно дверь широко распахнулась. На пороге появился моторист.

— Отдыхаем, братцы? Он обвел сидящих в салоне возбужденно блестящими глазами.— Так-так! А наверху... SOS приняли. Веселая ночь будет.

И словно подтверждая его слова, новая волна гулко бухнула в борт.

3

«Тамань» разворачивалась, широко раскачиваясь и порой черпая бортом воду. Черная водяная гора с ярко-серебряным от корабельного освещения гребнем и пенистыми прожилками на склонах придвинулась почти к самым окнам рубки и с размаху ударила в борт. Сверкающая коса пены и брызг взметнулась над траулером. Ветер сорвал ее верхушку, перенес через палубу и рассыпал за подветренным бортом. Порой волна высоко подбрасывала корму, и траулер зарывался носом в воду. Следующий вал накрывал судно, захлестывая даже ходовой мостик. Из окон рубки, за сбегавшей водой не видно было даже палубы. Новичку показалось бы, что «Тамань» стремительно уходит в глубь моря. Но траулер вырывался из-под волны и упорно шел в сторону гибнущего парохода.

- Морозов!— позвал капитан.
- Он в радиорубке,— напомнил старший помощник.
- Тогда вы... Приготовьте средства сигнализации.

Вошел Морозов. Широкое лицо его с крепким во всю щеку румянцем было деловито, а в глазах горело жадное юношеское любопытство.

— Координаты уточнили,— доложил он, подавая капитану записку.— Груз «Гертруды»— строительные материалы и оборудование для шахт.

- Водоизмещение? — спросил капитан.
- Двенадцать тысяч шестьсот тонн.

Напряженную паузу прервал сорвавшийся у рулевого легкий свист и чей-то голос.

— Двенадцать шестьсот! Вот это бандура! А у нас и восьмисот нет.

— Доложите управлению порта,— капитан строго взглянул на рулевого и обернулся к Морозову,— приняли SOS. Идем на помощь. И координаты. Наши и «Гертруды».

- Ясно. Только...
- Что только?

— Прямой связи с портом нет,— напомнил Морозов.— Далеко мы забрались. И проходимость радиоволн неважная.

— Доложите через посредника. Кто в пути, между нами и портом?

- «Таймень», «Кемь» и «Сивуч».
- На «Сивуче» толковый радист. Сделает.

Морозов четко повернулся и вышел из рубки. Лицо его было по-прежнему озабоченно. Он все еще не мог решить, как должен держаться штурман в подобных обстоятельствах. Сохранять достойную командира солидность? А может быть, надо выполнять приказания капитана бегом?

Степан Дмитриевич ходил по рубке крупными шагами. Злую игру ведет с ним буря. Сперва сбила с косяка, а теперь подкинула гибнущее судно, куда более крупное, чем «Тамань».

Что можно сделать? Чем помочь «Гертруде»? Прежде всего придется завести трос, выровнять пароход притопленным бортом на ветер, помочь ему продержаться на плаву, пока не подоспеет более мощное судно. Но скоро ли придет помощь? Откуда? Едва ли в этом районе Атлантики найдется судно, сумеющее в шторм пробуксировать «Гертуду» в порт. В высоких широтах крупные пароходы — редкие гости. Обычны здесь траулеры да норвежские моторные боты. Сколько придется ждать помощи, дрейфовать вместе с «Гертудой»?.. Одно было ясно: снять экипаж в такую волну, раненых и обмороженных невозможно. Придется вступать в борьбу за пароход...

В ходовой рубке собрался народ: свободные от вахты механики, второй штурман. Пришел и первый помощник * Петр Андреевич Левченко — смуглый, со смоляно-черными волосами и тонкими, плотно сжатыми губами, придававшими его лицу волевое, а иногда и упрямое выражение. За ним незаметно проскочил в уголок рубки Алеша. Все молчали, посматривая на капитана, ловили каждое его движение, взгляд, стараясь предугадать дальнейшее развитие событий.

4

Третий час пробивалась «Тамань» через шторм и темень к обреченному пароходу. На открытом крыле ходовой рубки непрерывно сменялись добровольные наблюдатели. Придерживаясь за мерзлый поручень, напряженно всматривались они в воющий мрак, всматривались до боли в глазах. Порой казалось, что вдалеке еле приметно просвечивают огоньки. Наблюдатель напрягал зрение, уже готовый крикнуть «вижу!»... И снова мрак, мрак и мрак.

Вышел на крыло и сам капитан. Прищурясь, долго смотрел он на море, потом бросил через плечо.

— Фальшфейер!

На крыле рубки вспыхнуло короткое яркое пламя, вытянулось в ослепительно белую тугую струю, пригасило корабельное освещение. В мертвенном свете фальшфейера лица людей казались высеченными из мела. Сверкающая белая струя, рассыпая крупные яркие хлопья пламени, освещала кипящие гребни волн, прижавшийся к надстройке переход с крыла ходовой рубки на капитанский мостик.

Пламя фальшфейера обмякло, стало тускнеть. Морозов бросил обгоревшую картонную трубку в подскочившую волну. Желтеющее дряблое пламя слегка зашипело, и снова вязкий мрак облепил траулер со всех сторон.

А люди не уходили с крыла рубки, всматриваясь в даль, ожидая ответного сигнала.

Первым оторвался от поручня Степан Дмитриевич. Стремительно прошел он в радиорубку.

— Как связь?

— Держу с управлением порта,— доложил, не снимая наушников, Мерцалов.— Сообщил: «Идем на помощь аварийному пароходу». Дали «добро» **.

— Что сообщают с «Гертруды»?

— Волна бьет в левый, притопленный, борт. Но ветер постепенно заворачивает на норд. Если он свернет еще на румб и ударит в поднятый борт — пароход перевернется.

* Помощник капитана по политической части.

** «Добро» — согласие.

Капитан выслушал Мерцалова и молча вернулся в ходовую рубку.

— Ну и темень! — встретил его Петр Андреевич.— Можно в двух-трех милях проскочить и не заметить такую махину, как «Гертруда».

— Не проскочим!—ответил капитан.— Иногда и темень на пользу. Алеша! К прожектору. Постой. Писать умеешь?

Алеша замялся. В клубе юных моряков он изучал азбуку Морзе, сигнализацию флажками и даже выступал в соревнованиях сигнальщиков. Но обстоятельства сложились слишком серьезные, чтобы ответить на вопрос капитана утвердительно.

— Свети на облака,—приказал Степан Дмитриевич.— Сигналь одно и тоже: «Идем на помощь». И все. До получения ответа.

— Есть сигналь «Идем на помощь!» — бойко повторил Алеша, чувствуя, как все сильнее охватывает его волнение.

Привычно хватаясь за поручень и порой нависая над кипящим морем, пробежал он по качающемуся переходу, поднялся по трапу. На открытом ходовом мостике ветер уперся в грудь, трепал опущенные уши меховой шапки. С трудом оторвал Алеша примерзший брезентовый чехол, прикрывающий прожектор, укрепленный на высокой металлической ноге.

Длинный белый луч полоснул темноту. Алеша навалился всем телом на ручки прожектора, но удержать луч на низко нависших облаках был не в состоянии. Траулер бросало с носа на корму. Луч то вспыхивал мутным пятном на облаках, то упирался в надвигающуюся на нос волну или таял в бесконечной темени.

Время от времени Алеша выключал прожектор. Шурысь после яркого света, всматривался он вперед, ожидая увидеть огни «Гертруды» или ответный сигнал. Выждав немного, Алеша снова включал прожектор, и снова тире и точки отражались на облаках и волнах, извещая гибнущий пароход: «Иду на помощь! Иду на помощь!»

Вдалеке появилась еле приметная красная искорка, а иод ней дрожащее розовое пятнышко — ее • отражение на волнах.

Алеша ухватился обеими руками за поручень. Замирая от нетерпения, всматривался он в темноту. Еще искорка. На этот раз белая, окруженная тусклым желтоватым ореолом.

Алеша бросился к переговорной трубке.

— Справа по носу ракеты! — кричал он. — Ракеты! Справа!..

Из ходовой рубки ответили не сразу. Ожидание у переговорной трубки казалось бесконечным. Наконец-то послышался глуховатый голос Степана Дмитриевича.

— Смотри-смотри там! Не теряй из виду...

А сам капитан с неожиданной для его грузной фигуры живостью взбежал на мостик в одном кителе.

— Ракетницу! — негромко приказал он.

Не отрывая взгляда от моря, выхватил он поданный Морозовым пистолет с толстым стволом; не глядя переломил его, зарядил.

Выстрел. В небе под низко нависшими облаками раскрылась ракета, озарила зыбким желтоватым светом косматое море, ходовой мостик с двумя прожекторами, мачты. За первой поднялась вторая, третья...

— Хватит! — Степан Дмитриевич отдувался, как после тяжелой работы.— Подождем ответа.

Не глядя сунул он в чью-то руку пистолет, банку с ракетами и спустился с мостика в рубку.

«Тамань» двигалась прямо на «Гертруду». Далекие искорки появлялись над морем через равные промежутки и скрывались за волнами. Приближались они медленно, словно испытывая выдержку рыбаков...

— Вижу судно!—крикнул Петр Андреевич.— Справа по носу!

Все обернулись в сторону, куда показывала рука помполита. Вдалеке маячило еле приметное мутное пятно — отсветы далекой еще «Гертруды». Из-за волн мигнули огоньки. Еще раз.

— Передайте радисту — сказал капитан,—сообщить в управление порта: «Установили зрительную связь с аварийным пароходом. Подходим к нему».

Подталкиваемая океанскими валами, «Тамань» сближалась с бедствующим судном. Все чаще проглядывали из-за волн огоньки, становились четче.

Алеша включил прожектор. Яркий луч вырвал из темноты надстройку большого парохода. И тут же высокий вал разделил корабли.

Как ни коротко осветил прожектор пароход, глаза моряков успели заметить самое главное.

— Крепко его перекосило! — сказал Петр Андреевич.

— Воды принял немного,—добавил капитан.

Прожектор вырывал из темноты то часть надстройки «Гертруды», то голой палубы с торчащим на ней уродливым обломком грот-мачты. Яркими полосками вспыхивали под лучом ванты уцелевшей фок-мачты. На открытом ходовом мостике виднелась одинокая серебристая фигурка.

— Капитан! — тяжело произнес Степан Дмитриевич.

— Да-а! — сочувственно протянул кто-то.— Невесело ему там.

Из многого и многого, чему научила Степана Дмитриевича суровая морская служба, он особенно выделял одно незыбле-

2 На суше и на море

17

мое правило. В тяжелых обстоятельствах капитан не имеет права долго размышлять. Поэтому несколько неожиданно для всех прозвучала его команда:

— Приготовить к спуску спасательную шлюпку номер один! — Степан Дмитриевич осмотрел сразу изменившиеся лица окружающих его людей. — На шлюпке пойдут: старший помощник, боцман и матрос Алексей Вихров. Начальником спасательной команды назначаю первого помощника Петра Андреевича Левченко. — Капитан посмотрел на Петра Андреевича и внушительно повторил: — Вас назначаю начальником. Там люди. Надо помочь им. Вам, как говорится, и карты в руки.

— С одними картами немного сделаешь, — сдержанно возразил Петр Андреевич, несколько задетый тем, что капитан подобрал спасательную команду, не советуясь с ним. — Трудно помочь людям, если не знаешь их языка.

— Замечание дельное, — согласился капитан. — Возьмите с собой третьего штурмана Морозова.* — Он по-английски неплохо знает. Старший помощник остается на борту.

Степан Дмитриевич отвел Петра Андреевича в сторону.

— Начальником спасательной команды я могу послать только вас, — сказал он и значительно добавил: — Судно-то... ирландское.

Петр Андреевич понял капитана с полуслова: Ирландия — страна, не имеющая дипломатических отношений с Советским Союзом. Но когда в бурю гибнет судно, не время вспоминать о цветах его флага и режиме страны...

— Я пойду на «Гертруду», — выдвинулась вперед незаметно стоявшая за спинами мужчин Домнушка и, не давая возразить себе, быстро добавила: — Сколько я обмороженных выходила на Волховском фронте. Сколько раненых перевязала!.. Это дело для меня не новое, привычное.

— Больше послать некого, — поддержал ее Петр Андреевич. — Домнушка у нас... вроде внештатного фельдшера. Слушай что с матросом — сразу бежит к ней.

— Поморка! — значительно добавил боцман. — С шести лет к веслам приучена. На море она, что кайра. Только ныряет похуже.

— Добро! — поставил точку капитан. — Пойдешь на шлюпке.

Домнушка улыбнулась и пошла готовиться к отплытию.

Никто не понял, чему улыбнулась Домнушка. Это было ее маленькой тайной. Всю жизнь мечтала она о спокойной жизни. Мечтала когда-то стать медицинской сестрой и жить в домике матери с небольшим, холемым садиком. Поступила Домнушка в Архангельскую фельдшерскую школу. Проучилась около двух лет. Началась война. Закончив второй курс, ушла

на фронт санинструктором. Всю войну мечтала она вернуться в домик матери — спокойный, тихий... И надо же было ей накануне прорыва блокады Ленинграда выходить усатого старшину морской пехоты! Выходила его Домнушка и почувствовала, как дорог ей этот грубоватый балагур, упорно не желавший даже в госпитале расстаться с полосатой тельняшкой — «матросской душой». Год спустя кончилась война. Уехала Домнушка с Иваном Акимовичем в Мурманск. Участь матросской жены, месяцами не видящей, мужа, ее не привлекала. Стала она буфетчицей на пароходе, где плавал Иван Акимович. Случилось, что боцман не поладил со старшим помощником. Домнушка вместе с Иваном Акимовичем перешла на траулер, стала поварихой. Готовила... как умела. Рыбаки народ некапризный. Было бы сытно да чисто...

Не прошло и десяти минут, как спасательная команда, боясь со встречным ветром, вышла на ростры*.

С капитанского мостика кто-то невидимый в темноте направил на ростры луч прожектора, осветил покрытую брезентовым чехлом шлюпку.

— Куда? — прикрикнул боцман на быстрого Алешу. — Горяч больно. Прежде ледок сколи, потом чехол скатывай. Аккуратно скатывай, помалу. А то сорвет ветер к чертям собачьим и брезент, и тебя вместе с ним.

Приговаривая так, Иван Акимович сам умело оббил ломиком ледок и с помощью матросов освободил шлюпку от брезентового чехла.

Рыбаки дорожили каждой минутой, работали не жалея сил. Невозможно было отличить матроса от штурмана или помполита. Ощущение опасности, нависшей над чужим парходом, сравнило всех.

— Шлюпка номер один готова к спуску, — доложил Иван Акимович первому помощнику. Боцман считал необходимым строго соблюдать морской ритуал в любых условиях.

— На тали! — подал команду Петр Андреевич и обернулся к своим людям. — По банкам! **

Поворотный механизм вынес шлюпку с сидящей в ней спасательной командой за борт. Слегка поскрипывая, тали осторожно спускали ее к воде. Крупная волна легко приподняла траулер и тут же глубоко посадила его кормой в воду.

— Трави, трави! — закричал Иван Акимович. — Трави, дьяволы христовы! Кранцы за борт!

Шлюпка скользнула по талям и плотно села на приподнявшуюся волну. Протянутые с «Тамани» багры уперлись в борт

* Ростры — решетчатая площадка, соединяющая палубную надстройку с кормой.

** Банка — скамья в шлюпке.

шлюпки, отталкивая ее от траулера. Но новая волна оказалась сильнее человеческих рук. Она прижала шлюпку к мягким кранцам. И вдруг, повинаясь какой-то прихоти бури, вода оторвала шлюпку от борта траулера и рывком отнесла ее в сторону метров на десять.

Рыбаки стояли на рострах, цепко держась за шлюпбалки и смотрели, как шлюпка то взлетала на волну, то скрывалась в провале настолько стремительно, что даже у следивших за нею с прочной палубы «Тамани» перехватывало дыхание.

5

Подхваченная пологом валом, шлюпка быстро удалялась от опасного соседства «Тамани». Алеша и Морозов гребли четко, ритмично. Иван Акимович навалился всем телом на руль, с трудом удерживая его в нужном положении. Неожиданно шлюпка рыскнула в сторону. Правые весла скользнули по воздуху, левые ушли глубоко в воду и словно уперлись там в камень. Корма поднялась над водой. Руль в руках боцмана ослабел. Шлюпка потеряла управление, рыскнула еще раз. Набежавшая сзади волна накрыла корму. Петр Андреевич и Домнушка схватились за черпаки...

С «Тамани» старались помочь своим людям. Луч прожектора освещал всклокоченное море, пока между траулером и шлюпкой не выросла водяная гора. Стремительно надвигалась она на крохотное суденышко. Уже видны были просвечивающие под лучом прожектора клочья пены на зеленоватом гребне. Злое шипение заглушило стук уключин, хриплое дыхание людей. Шлюпка взлетела кормой вверх на крутой склон волны. Залитая белым светом прожектора, коротко задержалась она наверху. Под носом у нее раскрылся черный бездонный провал. Шлюпка устремилась в него, беспомощно взмахнув в воздухе веслами, и зарылась носом в воду. Плохо пришлось бы рыбакам, если б не воздушные ящики по бортам, в носу и корме шлюпки!

Петр Андреевич и Домнушка, тяжело дыша, вычерпывали воду. Сейчас они не видели ни «Гертруды», ни «Тамани», даже моря. Ничего, кроме черпаков и воды в шлюпке. Каждый новый вал, набегающий сзади, мог оказаться последним в их жизни. Какой покойной казалась сейчас недалекая, ярко освещенная «Тамань», даже завалившаяся на бок «Гертуда»!

В эти трудные минуты некогда было и думать об опасности, о том, что ждет на «Гертруде». А Алешу захватило окрыляющее сознание своего бесстрашия. Кругом клокотал, ревел океан. А он, наваливаясь на тяжелые вальки весел, вызывающе шептал.

— Давай, давай! Не страшно. Ни черта не страшно!

Волны рывками подбрасывали шлюпку к большому черному пароходу с белыми надстройками. Быстро приближалась накренившаяся палуба с четкими прямоугольниками задраенных по-штормовому грузовых люков, низкий борт, временами не видный за волнами.

Подойти к пароходу с наветренной стороны нечего было и думать. Первая же волна с размаху ударит шлюпку о борт, разобьет в щепки. Надо было обогнуть «Гертруду» и зайти к ней с подветренной стороны. Тогда высокий корпус парохода несколько прикроет шлюпку от ветра и волны.

— Жми-и! — хрипел Иван Акимович, наваливаясь всем телом на дергающийся руль.— Жми, жми-и!

Полузалитая шлюпка почти поравнялась с высоким носом «Гертруды». Теперь Морозов и Алеша гребли уже против волны, наваливаясь грудью на вальки весел. Исчезли гордые мысли о бесстрашии, подвиге. Главным в жизни оказался точный и сильный гребок. Еще один, еще... А вода стала плотной, неподатливой. Руль под телом боцмана трепетал, вырывался, как живое непокорное существо. От каждого рывка весел шлюпка резко дергалась. Но придержать ее на месте не удавалось. Высокий форштевень «Гертруды» уже поравнялся с гребцами. Еще немного — и он станет удаляться от них.

— Дава-ай! — хрипел боцман.— Чуго-ок! Еще!..

На полубаке «Гертруды» матросы всячески старались привлечь внимание таманцев. Один из них размахивал над головой тонким бросательным концом с прикрепленной на конце гирькой, зашитой в матерчатый мешочек с песком.

— Эге-ей! — прорвалось сквозь рев бури и вой ветра.— Э-эй!..

В луче прожектора сверкнула тонкая серебристая полоска. Подхваченная ветром, она уклонилась в сторону от шлюпки и пропала в темноте. Следом за ней поднялась вторая полоска, натянулась над головами гребцов.

Алеша бросил весла. Придерживаясь рукой за качающийся борт, он приподнялся и свободной рукой перехватил тонкий линь.

Иван Акимович не мог доверить молодому матросу бросательный конец. Стоило сделать неловкое движение, не предугадать толчок волны — и веревка вырвет человека из рыскнувшей шлюпки, швырнет в воду. Боцман быстро передал руль Петру Андреевичу и отобрал конец у Алеши.

Осторожно выбирая трепещущий в ладонях линь, Иван Акимович подтягивал привязанный к нему прочный швартовый конец. Выработанная годами цепкость да чутье старого моряка помогали ему угадывать каждое движение шлюпки. Если волна бросала ее в сторону, чуткая рука боцмана несколько от-

пускала конец. Но стоило волне ослабить напор, и Иван Акимович быстро выбирал лить.

Шлюпка медленно приближалась кормой вперед к высокому подветренному борту «Гертруды». Сверху что-то кричали, по казывали руками. Но ветер относил голоса людей. Впрочем, в вслушиваться в них было некогда. Все внимание таманцев устремилось на небольшую полосу воды, отделяющую шлюпку от парохода.

С палубы полетел второй конец. Морозов бросил почти бесполезные весла, подхватил на лету лить и стал осторожно подтягивать нос шлюпки, разворачивая ее бортом к пароходу. Вода упорно отталкивала ее в пустынное бушующее море. Оба конца то туго натягивались, то несколько провисали, и тогда Иван Акимович и Морозов спешили подтянуться еще на метр-два к пароходу.

Новая волна приподняла шлюпку. Высокий черный борт резко надвинулся.

Иван Акимович выпрямился во весь рост и рявкнул, шире ко раскрывая усатый свирепый рот.

— Принима-ай!

С парохода сбросили два штормтрапа. Они плотно легли на завалившийся борт.

— Пошла, Домнушка! — подал команду Петр Андреевич. — Вихров! На второй трап.

Алеша замялся. Неловко было ему — молодому крепкому парню — уходить со шлюпки первым из мужчин, вместе с пожилой женщиной. Это никак не вязалось с вновь вспыхнувшим радостным ощущением бесстрашия, близящегося подвига.

— Пошел, Вихров! Пошел! — загремел Иван Акимович. — Жива-а!

Окрик боцмана будто подтолкнул в спину. Алеша полез по трапу. За спиной образовался черный, бездонный, но совсем не страшный провал.

Сильные руки тянулись сверху к рыбакам, помогали выбраться со штормтрапа. После трепки, полученной в море, скошенная палуба парохода казалась таманцам прочной и надежной. Лишь сейчас почувствовали они, как холодна вода, пробравшаяся через рукава и ворота к телу. Лишь руки оставались горячими, настолько горячими, что даже мокрые рукавицы не могли остудить пылающие ладони.

6

На «Гертруде» рыбаков приняли восторженно. Их обнимали, хлопали жесткими ладонями по плечам. В непонятном говоре и восклицаниях изредка звучало и родное русское слово, неведомо как оставшееся в чужой памяти. В нестройном гомо-

не выделялся сорванный бас Ивана Акимовича, вперемежку с крепкими пожеланиями буре, успокаивавшего матросов «Гертруды».

А руки тянулись и тянулись к таманцам со всех сторон.

— Комрад, комрад! Фрэнд!

— Гуд пиипл!

— Товаритш!

— Эввиво советико маринари!

— Виво, виво! — все еще тяжело дыша ворчал Иван Акимович. — С вашим виво, братцы, мы чуть соленой воды не нахлебались. Такая ушица нам не по брюху. Пищеварение может испортить. И надолго.

Алеша осматривал чужой пароход, матросов блестящими от любопытства глазами. Новые впечатления оттеснили из памяти только что пережитую опасность, пересилили усталость. Но сильнее всего возбуждала юношу острая и радостная мысль: вот как начинается подвиг!

Рослый немолодой моряк с золотыми нашивками на рукаве кожана отстранил матросов от русских и, вскинув два пальца к шапке, представился.

— Джим Олстон! Старший помощник.

Джим Олстон приказал матросам ослабить концы, привязывающие шлюпку таманцев (поднимать ее было бы слишком хлопотно), и повел их к надстройке.

Придерживаясь за укрепленные на металлических стойках прочные пеньковые леера, моряки двумя редкими цепочками пробирались к надстройке. Если пароход бросало влево — палуба круто скашивалась. Приходилось напрягать все тело, чтобы устоять на ногах.

У входа в надстройку Петр Андреевич привалился спиной к стене. Отдыхая, он наскоро осмотрелся. На освещенном прожектором полубаке готовили буксирный трос. Скоро «Тамань» вытянет его и станет придерживать «Гертруду» в наиболее безопасном положении — низким бортом на ветер, волну. Но придать пароходу большую остойчивость — только первая помощь. А дальше?..

Лишь сейчас Петр Андреевич увидел, насколько сложна внезапно свалившаяся на его плечи задача. Волны с разбегу заплескивались на палубу и, откатываясь назад, сбрасывались через борт в море шумными каскадами. Капитан «Гертруды» был прав. Стоило ветру еще свернуть на норд, и удар могучего океанского вала — сотен тонн стремительно несущейся воды — в высоко поднятый правый борт перевернет неустойчивый пароход.

Все, что происходило сейчас с Петром Андреевичем, было ново, а многое даже непонятно. Он пришел в траловый флот из военно-морских сил. В отделе кадров долго не могли подо-

брать ему место. Не пошлешь бывшего главного боцмана крейсера — имевшего под началом большую команду и сложное хозяйство — боцманом на траулер? Выход из затруднительного положения подсказала характеристика: «Тов. Левченко был членом партийного комитета трех созывов. Проявил вкус к партработе, умение воздействовать на товарищей и подчиненных...» Так бывший главный боцман крейсера стал первым помощником капитана траулера.

Петр Андреевич привык работать с людьми, зная их характеры и наклонности. В своей многосторонней деятельности первый помощник никогда не испытывал одиночества. Если Петр Андреевич сталкивался с особо трудным характером, он не рубил с плеча. Возле него всегда была маленькая, но крепкая партийная организация, комсомольцы, опытный капитан-коммунист. В сложном случае можно было повременить с решением до конца рейса, посоветоваться в парткоме порта...

Как далек оказался весь этот привычный и разумно налаженный мир сейчас! Всего лишь несколько десятков метров отделяло Петра Андреевича от «Тамани». Первый помощник оказался на чужой палубе, за границей. На «Гертруде» властвовали чужие законы и нравы. Волею обстоятельств он отвечает за жизнь людей, говорящих на незнакомом языке, за пароход, принадлежащий каким-то капиталистам, которых он

привык ненавидеть с детства. Но главное — впервые в жизни Петр Андреевич попал в условия, где выработанные за десятки лет привычные средства убеждения людей бессильны и даже неуместны. И все же чужое судно надо спасти. Ведь с появлением на «Гертруде» рыбаков с «Тамани» за участь парохода отвечает советский флаг. Но сборы на шлюпку были так поспешны, что спасательной команде успели только коротко объяснить задачу. Сам же Петр Андреевич, поторапливаемый нетерпеливым взглядом капитана, успел лишь сказать:

— Помните, товарищи! Мы идем на чужой пароход не просто как моряки, а представителями нашей великой Родины.

Общие слова. Но что можно было сказать в такой спешке? События стремительно несли Петра Андреевича, не давали собраться с мыслями, подумать. У входа в надстройку Джим Олстон посторонился и пропустил таманцев вперед. В проходе Петр Андреевич увидел дверь матросского салона. Джим Олстон жестом пригласил зайти туда. Петр Андреевич переступил порог и замер. На брошенных на полу тюфяках лежали и сидели матросы. На некоторых виднелись сделанные наспех перевязки.

В салон набилось не менее трети всего экипажа. Перед глазами Петра Андреевича встал высокий правый борт, бушующее море. Снять этих людей в такой шторм — нечего и думать.

Джим Олстон что-то сказал Домнушке.

— Здесь раненые и обмороженные,— перевел Морозов и не узнал своего голоса, настолько изменился он от волнения.— Аптечка на пароходе есть. И неплохая. Имеется изолятор. А доктора на грузовом судне не полагается. Больного всегда можно доставить в попутный порт, в крайнем случае передать на встречное судно.

— Понятно.— Петр Андреевич обернулся к Домнушке и произнес так, будто увиденное в салоне несколько его не удивило.— Оставайся здесь. Твое хозяйство.

...Широким трапом поднялись рыбаки в просторную штурманскую. Миновав ее, вошли в ходовую рубку. От большого стола поднялся высокий худощавый старик с темным острым лицом, одетый в тужурку с широким золотым шевроном на рукаве.

— Кептен! — представил его Джим Олстон.— Ричард О'Доновен.

Капитан, почти не сгибая длинной худой спины, опустил голову.

Петр Андреевич привычно вскинул руку к мокрой ушанке.

— Первый помощник траулера «Тамань».

Он обернулся к стоящим позади товарищам и по очереди представил их.

Морозов переводил бойко и лишь изредка запинался, останавливаясь взглядом на капитане «Гертруды», словно спрашивая, понимает ли тот его.

Каждый раз, когда называли новое имя, Ричард О'Доновен опускал темное лицо с синеватыми припухшими подглазницами и резкими морщинами по краям тонкого рта с бледными нечеткими губами.

— Я прошу вас снять экипаж,— перешел к делу Ричард О'Доновен.— Дальнейшая борьба за судно бесполезна. Мы потеряли ход, а вместе с ним и управление. Смещение груза достигло критической точки и, к сожалению, все еще продолжается.

— Как машины? — поинтересовался Петр Андреевич.

— Это, пожалуй, единственное, что осталось на пароходе в порядке,— ответил Ричард О'Доновен.

— Но не маловажное,— значительно вставил Морозов, уже тяготившийся выпавшей на его долю пассивной ролью переводчика.

— Что машины, если нет винта? — бросил капитан.— Жить пароходу осталось немного. Крен усиливается. Стоит ветру переменить направление, и «Гертруда» перевернется, как лодка на ручье.

— А если переместить часть груза? — спросил Петр Андреевич и в поисках поддержки посмотрел на стоящего за капитаном старшего помощника.

— Вы предлагаете раскрыть трюм, — Ричард О'Доновен приподнял широкие густые брови, казавшиеся на его узком морщинистом лице чужими, приклеенными,— когда накренившаяся палуба обращена на волну?

— Есть же на пароходе лазовый люк? — настаивал Петр Андреевич.

— Ни один матрос не полезет в такую мышеловку,— устало возразил капитан.— Ни один. Если пароход перевернется, никто из трюма не вырвется. А в том, что он рано или поздно перевернется... нет никаких сомнений.

— Возможно, есть все же какие-то пути к спасению парохода? — Петр Андреевич настойчиво посмотрел на капитана, затем на старшего помощника. Говоря «пароход», он думал о беспомощных людях, лежащих в матросском салоне.— Надо осмотреть его, подумать.

— Подумать? — Лицо капитана сморщилось в слабом подобии улыбки.— Неужели вы полагаете, что я решил оставить судно... не думая? За трое суток шторма у меня было вполне достаточно времени для размышлений.— Он глубоко вздохнул и продолжал, с трудом выжимая из себя фразу за фразой.— Этот пароход я получил семнадцать лет назад. Я сплю и слышу, что делается в машинном отделении, слышу, кто стоит у

руля.— Он помолчал и продолжал, отрывисто роняя слово за словом: — На судах компании «Меркурий» я плаваю неполных двадцать пять лет. Всего три месяца с небольшим осталось мне, чтобы получить пенсию и уйти на покой. Моя пенсия! Покой!.. Вы сами понимаете: компания не любит убытков. Да, да! За убытки пенсию не дают. Но на палубе почти шестьдесят человек команды. Люди боролись со штормом. Отчаянно боролись. Жизнью рисковали! Вы были в салоне. Видели. Пострадали лучшие люди экипажа. Штатные матросы! Остальные наняты в порту на рейс. Сброд. Завсегдатаи бордингаузов. Положиться на них нельзя. Мне остается одно из двух: либо продолжать безнадежную борьбу с бурей, имея ослабленный экипаж, и в случае гибели судна ответить перед морским судом не только за «Гертруду», но и за людей, что погибли вместе с ней...— Он запнулся и тяжело произнес: — Я не говорю уже о том, как ответить за них перед господом, собственной совестью и моими детьми.

«О своей жизни не думает,— с уважением отметил про себя Петр Андреевич.—Морская косточка!»

— Я хотел бы знать, что думает о положении судна старший помощник? — спросил он.

Джим Олстон выслушал перевод Морозова с неподвижным лицом и четко ответил.

— Капитан лично отвечает за пароход и груз, а потому любой мой совет неуместен.

С трудом скрывая досаду, Петр Андреевич отвернулся от старшего помощника.

— Вы ничего не сказали о втором «либо»,— напомнил он капитану.

— Второе либо...— Ричард О'Доновен справился с охватившим его волнением и заговорил убежденно, твердо.— Надо позаботиться о спасении экипажа... Когда «Гертруда» потеряла ход,— продолжал он, не дождавшись от Петра Андреевича ни одобрения, ни возражений,—я запросил компанию: как мне" быть. Вот ответ.

Ричард О'Доновен брезгливо, как нечто нечистое, поднял двумя пальцами смятую, видимо в гневе, радиограмму и подал ее Морозову.

— «Ричард О'Доновен! — читал Морозов.— Вы отвечаете за пароход, груз и экипаж...»

— Прошу прощения! — остановил Морозова капитан. — Сперва пароход, потом груз и в последнюю очередь экипаж. Это не случайно.

— «...Предоставляем вам право решать самому, как спасти доверенные вам компанией ценности и людей,—продолжал читать Морозов.— Действуйте в соответствии с обстоятельст-

вами. О вашей пенсии мы помним, так же как и о пенсии Тони Мерча».

Капитан жестко усмехнулся и бросил радиограмму в ящик стола.

— Не может же компания радировать прямо: плевать нам на людей и на вас, почтенный Ричард О'Доновен. Сделайте все, чтобы спасти ценности. А чтобы я не колебался... напомним о пенсии.— Он гневно сощурился, отчего синие мешочки под глазами набухли, стали тверже.— И я принял решение. Один раз за двадцать пять лет беспорочной службы моим хозяевам. Я отодвинул интересы компании «Меркурий» на второй план. На первом у меня жизни моих людей: хороших и беспутных, умных и идиотов. Все же это люди, черт возьми! Они хотят жить и имеют на это право. Тогда-то я и решил: бросить к дьяволу все и снять с этой развалины экипаж.

Слушая измученного бессонными ночами капитана, Петр Андреевич испытывал все более крепнущее желание сохранить пароход, а вместе с ним и пенсию этому мужественному старику с усталым морщинистым лицом и широкими мохнатыми бровями.

Петр Андреевич привычно, по-военному четко бросил руки по швам.

— Разрешите познакомиться с положением парохода?

— Это ваше право,— поклонился капитан.— Вы дали нам буксирный конец. Осматривайте «Гертруду». Принимайте любые меры, чтобы спасти судно. Быть может, вам повезет больше, чем мне. Желаю удачи.

Ричард О'Доновен показал на стоящего в стороне моряка.

— Вам поможет Тони Мерч. Боцман. Старый моряк! Знает каждый закоулок парохода. Тони начал службу на судах компании на два года раньше меня. Его имя также упоминается в радиограмме. Это единственный человек в экипаже, не считая меня, кто кровно заинтересован в спасении «Гертуды».

Петр Андреевич обернулся к Тони Мерчу и приветливо произнес одну из немногих знакомых ему английских фраз:

— О'кей, Тони!

Боцман «Гертуды» был полной противоположностью подтянутому холодноватому капитану. Невысокий, с могучим телом на коротких кривоватых ногах и приподнятыми широкими плечами, он походил на старого добродушного пирата из романов Стивенсона. Усиливала это сходство большая голова, черная, с густой проседью курчавая шевелюра и плотные, словно приклеенные бакенбарды.

Петр Андреевич пожал крепкую руку боцмана и сказал.

— Ничего, боцман! Поднимем народ...

Он взглянул на замешкавшегося с переводом Морозова и запнулся, понял, насколько неуместны эти привычные слова на

чужой палубе, где властвуют иные, чем у нас, законы и нравы. Поднимем народ! Не те слова. Петр Андреевич быстро поправился и деловито сказал:

— Приступим к осмотру, боцман.

На этот раз Морозов перевел сказанное им уверенно.

— Вы пройдете с нами? — спросил Петр Андреевич у капитана.

— Мое место здесь,— с достоинством поклонился Ричард О'Доновен.

Петр Андреевич заметил туго накрахмаленную свежую рубашку капитана и с растущим уважением подумал: «Морская косточка! Перед тем как пойти на дно, он галстук поправит».

7

Море бесновалось по-прежнему. Особенно ощущалась его ярость в закрытых помещениях: в салонах, в машинном отделении, в кочегарке. Каждый стремительный размах парохода влево казался последним. А когда он медленно, словно напрягая остаток сил, выравнивался, трудно избавиться от мысли, что следующий вал ударит сильнее, а тогда... «Моли тесь, женщины, за нас!»—как поется в старинной матросской песне. И все же пар в котлах держали. Каждый из машинной команды — от старшего механика и до кочегара — понимал, что теплые грелки напоминали экипажу: пароход еще жив.

Но и на палубе было немногим легче. Буксирный трос г «Тамани» надежно придерживал «Гертруду» накренившимся бортом на ветер. Волна захлестывала палубу, оббегала горловины люков и шумно откатывалась обратно.

Иван Акимович обратил внимание Петра Андреевича на другую опасность. Причудливые наплывы льда свисали с левой стороны надстройки за борт, образовали нечто похожее на пещеру. Широкие глыбы его спускались с кормы и полубака. Местами даже фальшборт затянуло льдом; от шпигатов остались лишь узкие отверстия, возле них почти непрерывно хлопотала сбегаящая в море вода.

Ивана Акимовича прервал зычный голос динамика.

— Капитан зовет.— Тони Мерч извинился и вернулся в надстройку.

Петр Андреевич только кивнул в ответ. Мысли его были далеки от боцмана. Ричард О'Доновен был прав. Раскрыть огромный грузовой люк, обращенный навстречу волне, мог только безумный.

Алеша перехватил взгляд Петра Андреевича и понял, о чем тот думает. Придерживаясь за леера, добрался он до лазо-

вого люка, выходящего на палубу неподалеку от обломка грот-мачты. Сунул руку в высокий, почти по пояс, тамбур. Вместо люка пальцы нащупали лед.

— Разбить бы лед ломами,— предложил Иван Акимович, выслушав Алешу.— Да и самим спуститься в трюм. Разобраться там, что к чему.

— Допустим, что мы спустились.— Петр Андреевич искаса взглянул на боцмана.— А дальше? Что мы сделаем в трюме? В темноте!

— Это точно! — Иван Акимович приподнял шапку и ожесточенно поскреб пятерней затылок.— В непонятное дело попали. Туман!

Таманцы вернулись в надстройку. В знакомом узком проходе, ведущем в штурманскую, их встретили матросы. Они не посторонились, не уступили дорогу Петру Андреевичу, а сгрудились перед ним в плотную кучку.

Некоторое время все молчали. Потом посыпались со всех сторон вопросы. Растерявшийся под неожиданным и явно недружелюбным натиском, Морозов перевел очень немногое. Матросы спрашивали: скоро ли снимут их с погибающего судна?

Стараясь воздействовать на возбужденных людей, Петр Андреевич держался подчеркнуто спокойно. Проверенный прием подействовал. Шум несколько затих. Но стоило Петру Андреевичу заговорить о том, что надо спасти судно, груз, как его перебили возгласы.

— Долго вы будете искать спасение?

— Пускай спасают те, кому нужна эта развалина!

— Не уговаривайте нас!

— Мы моряки! Понимаем, в какой котел попали.

В поведении матросов не осталось и тени недавнего радушия. Резкий перелом в их отношении к таманцам был совершенно необъясним. На все доводы Петра Андреевича они упорно твердили свое: снимайте нас с парохода.

Беспокойство Петра Андреевича нарастало с каждой минутой. Проще всего было объяснить происходящее на «Гертруде» трусостью, паникой, охватившей экипаж, где тон задавали люди, набранные на рейс, равнодушные к участи парохода. Но панике всегда сопутствует страх и порождаемые им растерянность, суетливость. Паникеры не обладают выдержкой. А эти стойки. Они кричат об опасности и в то же время не хотят и пальцем шевельнуть, чтобы уменьшить ее. Расчет у них простой и верный. Люди с чужого траулера не могут уйти, бросить экипаж погибающего парохода. А жечь русские моряки хотят не меньше, чем ирландцы, норвежцы, португальцы. Придет время, и они отступят, снимут людей с «Гертруды». Иного-то выхода в их положении нет...

Перебил размышления Петра Андреевича могучего сложения пожилой матрос.

— С вашего позволения, сэр! — Он выступил вперед и вскинул тяжелую узловатую кисть к полям зюйдвестки. — Старший рулевой Беллерсхайм. Меня послали к вам товарищи.

— Слушаю вас.

— Пора снимать людей.

— Я не обращался к вам за советами, — сухо остановил матроса Петр Андреевич.

— Мы боролись за жизнь старухи трое суток, — настойчиво продолжал Беллерсхайм, — До последних сил боролись. Сколько она еще продержится на плаву? Час? Два? Четыре? Не все ли равно? Хорошего ждать нечего.

— Видите море? — Петр Андреевич показал рукой на темный иллюминатор. — Вы беретесь посадить пострадавших в шлюпку? Вы переправите их на траулер?

— Если пароход перевернется, им легче не станет, — возразил Беллерсхайм.

— Пароход не должен перевернуться, — отрезал Петр Андреевич, — Не должен и не перевернется.

— Я понимаю вас — В низком, голосе Беллерсхайма провалилась новая, язвительная нотка, — Наши интересы слишком различны.

— Наши интересы едины, — твердо стоял на своем Петр Андреевич, — а потому вы должны помочь нам осмотреть второй трюм.

— Ни один матрос в трюм не полезет.

— Вы убеждены в этом?

— Здесь тонущий пароход, а не клуб самоубийц.

Петру Андреевичу хотелось прикрикнуть на могучего матроса с бычьей шеей и грубоватыми чертами крупного морщинистого лица, назвать его трусом... Но здесь была чужая палуба. Эти люди жили по законам и нравственным нормам, незнакомым советским рыбакам. Не скажешь им, как на траулере: спасайте народное достояние. Но трудно, невозможно было понять, как может моряк с легкой душой оставить пароход с работающей машиной?

Воспитанный в строгих условиях военного флота, Петр Андреевич превыше всего ставил четкий судовой порядок. А что творилось на «Гертруде»? Строгий и умный судовой порядок полетел к чертям. Выработанные веками правила поведения на аварийном пароходе словно перечеркнул короткий огненно-красный сигнал SOS. И это в то время, когда порядок был нужнее, чем когда-либо!

— Пока мы не сделаем все возможное для спасения судна, ни один человек снят с борта не будет, — твердо произнес Петр Андреевич.

— Это ваше последнее слово? — спросил Беллерсхайм.

— Да.

— Прошу прощения, сэр!

Беллерсхайм знакомым небрежным движением вскинул моласту руку к полям зюйдвестки и отошел к ожидающим его товарищам.

Положение несколько прояснилось. Но легче от этого не стало. Экипаж «Гертруды» знал: капитан дал в эфир SOS, просил снять людей с парохода. Матросы радостно встретили шлюпку с траулера, ожидая от нее спасения. А им предлагают продолжать борьбу, которую сам капитан считает безнадежной. Перед глазами матросов дразняще покачивался на волнах траулер. Всего несколько десятков метров отделяло их от его спокойной палубы... И тут на пути встал чужой упрямый человек со своим требованием спасать безнадежный пароход.

Желая исправить положение, Петр Андреевич заговорил о чести моряка. Слушая его, матросы вызывающе молчали, поглядывая куда-то в сторону. И только Беллерсхайм с недоброй усмешкой бросил:

— Хотите заставить нас работать? Напрасный труд!

Петр Андреевич уже готов был откровенно высказать все, что думал о Беллерсхайме и его товарищах, когда из бокового прохода неожиданно вынырнул Иван Акимович, взял его под руку и отвел в сторону.

— На корме плот сколачивают, — тихо сообщил он.

— Плот? — не понял Петр Андреевич. Он все еще думал, как ответить Беллерсхайму. — Какой плот? Кто сбивает?

— Ихние люди, — Иван Акимович кивнул в сторону выжидающе поглядывающих матросов «Гертруды».

— Это что?.. — Лицо Петра Андреевича стало жестким, — Паника?

— Зачем? — возразил боцман, — Без паники сколачивают. По-деловому. На плот разбирают ростры. По краям бочки навязывают пустые. Толково делают.

Петр Андреевич опешил от неожиданности. Неужели они надумали самовольно перебираться на «Тамань»? Расчет у них точен. Капитан «Тамани» не может в такую бурю отказать

снять людей с плота. Возможно, они готовят спасательные средства, ожидая неизбежной капитуляции таманцев?.. Остановила Петра Андреевича мысль о шлюпке: «Цела ли она? Надо бы проверить». Петр Андреевич быстро перебрал в памяти своих людей: боцман нужен здесь — опытный человек, Морозов — переводчик.

— Вихров! — позвал он. — Где Алеша?

— Возможно, Домнушке помогает, — неуверенно произнес Морозов.

— Парень не может сидеть без дела, — поддержал его боцман.

— Домнушке он не помощник, — бросил Петр Андреевич, беспокоенный самовольным уходом матроса. — Идите все к капитану. Я загляну к Домнушке и тоже приду в рубку.

Теперь-то стало понятно, что делать и как держать себя с матросами «Гертруды».

— Передай этим молодцам, — Петр Андреевич движением головы показал Морозову в сторону ожидающих матросов, — если и придется снимать экипаж, первыми я посажу на спасательные средства раненых и обмороженных, затем тех, кто могут нам спасти пароход и машинную команду. Остальных... — он бросил презрительный взгляд в сторону Беллержайма, — остальных последними.

И не дожидаясь, пока Морозов переведет сказанное им, он раздвинул руками матросов и направился к Домнушке.

8

Домнушка вошла в матросский салон, окинула внимательным и чуть настороженным взглядом длинные столы с поднятыми по краям штормовыми бортиками. На тюфяках, брошенных на полу, лежали матросы. Несколько человек сидели, опираясь спинами о стену — так меньше трепала качка. За тонкой стеной бушевало море, но в салоне было тихо. Разве застонет кто от нестерпимой боли или сорвется крепкое матросское проклятие.

Неубранный салон с затоптанным полом, замызганные столы с обедками совсем не подходили для перевязок. Домнушка сбросила рукавицы и плащ, сняла желтую проолифенную куртку и такие же брюки. Привычным движением подсунула рукава и принялась разминать красные иззябшие пальцы. Желая объяснить выжидающе посматривающим на нее людям, зачем она пришла, Домнушка хлопнула ладонью по сумке с красным крестом, потом показала рукой на стол с остатками еды и брезгливо поморщилась.

Один из матросов подскочил с пола, понимая закивал головой и выбежал из салона. Пока Домнушка готовила пере-

вязочные средства и шины, матрос вернулся с товарищем — курносый белокрысым парнем. Оживленно переговариваясь между собой, они набрали в таз воды из бака, проворно вымыли стол, накрыли его чистой простыней и принялись протирать швабрами пол.

Пока матросы готовили место для перевязки, Домнушка успела бегло осмотреть пострадавших. Их было меньше, чем показалось на первый взгляд: четверо с ранениями и ушибами и двое обмороженных. Остальные были здоровы. Отдыхать в каютах было жутко, а потому они прихватили свои тюфяки и перебрались в салон.

Первым Домнушка осмотрела матроса с поврежденным бедром. Прощупывая через одежду распухшее твердое бедро, она не могла избавиться от мысли: удастся ли наложить шину в таких условиях?

На наклонном качающемся столе даже срезать одежду с пострадавшего оказалось нелегко.

Пока пароход стремительно валился налево, Домнушка вместе с добровольными помощниками придерживала пострадавшего на столе. А когда «Гертруда» медленно выравнивалась и замирала, словно в ожидании нового удара, Домнушка быстро резала ножницами грубую ткань робы. Матрос лежал, прикусив сухие серые губы. Порой выдержки у него не хватало. Из запекшегося рта вырывался хриплый звук — не то вздох, не то стон.

«Как же я тебя ворочать стану, бедолага ты? — думала Домнушка, сбрасывая со стола куски срезанных брюк. — Толкнет качка под руку... Это что же будет?»

И как бы отвечая ей, судно трянуло от носа к корме. Матрос вытянулся на столе, заскрипел зубами и напрягся всем телом. Ноги его в полосатых носках мелко тряслись.

Пришлось дать ему несколько успокоиться. Да и самой Домнушке надо было внимательнее осмотреть перелом, подумать, как наложить шину.

Матрос повернул к ней бледное лицо в крупных каплях пота и хрипло спросил что-то.

— Не понимаю, дружок, — покачала головой Домнушка.

На лице у нее было столько искреннего огорчения, что матрос понял его по-своему и заговорил, горячо, срывающимся от боли голосом.

— Ну, право же, не понимаю! — растерянно повторила Домнушка. — Об чем ты, родной, толкуешь мне?

Курносый матрос со шваброй подошел к ней.

— Митчелл спрашивает: нас не бросят в этой мышеловке? — перевел он. — Не забудут тут?

Домнушка оторвалась от шины и удивленно посмотрела на курносого.

— Я русский,— пояснил он.— Зовут меня Тихоном, а по-ихнему Томом. Родился я в Канаде. Потом заскучал дома, не поладил с отцом и ушел в море. Из духоборов мы.

И он снова повторил вопрос Митчелла.

— Передай ему...

На лбу Домнушки сбежались тонкие частые морщинки. Она понимала, что отвечает не только Митчеллу, Тихону-Тому, но и всем, кто ждал в салоне помощи. Хотелось ответить как можно убедительнее, развеять оскорбительные опасения, что рыбаки могут бросить или даже забыть в салоне раненых и обмороженных. Конечно, Домнушка понимала, что нельзя требовать от беспомощных людей рассудительности. К тому же все они моряки и знают, что переправить их в такой шторм на траулер почти невозможно.

— Передай ему так...— Домнушка оглянулась. Со всех сторон на нее смотрели внимательные, ожидающие глаза.— Мы пришли к вам на выручку. И уж если придется снимать людей, так первыми мы заберем раненых и обмороженных. Вот так!

Матросы поняли ответ Домнушки, прежде чем Тихон-Том успел его перевести. Широкое доброе лицо и взволнованный грудной голос женщины сказали им больше, чем слова. В салоне видели, в каком виде вошла она сюда. На скамье лежал ее мокрый дождевик, рукавицы, проолифенная желтая куртка и брюки. Матросы понимали, с каким трудом и риском добралась смелая женщина до «Гертруды». Такой нельзя не поверить.

— А теперь,— закончила Домнушка,— будьте молодцами. Потерпите, пока я с этим парнем справлюсь. Ему, бедолаге, досталось.

Добровольные помощники помогли ей перенести стонущего Митчелла со стола на тюфяк, лежащий на полу и покрытый чистой простыней; наложить шину на столе нечего было и думать. Сейчас Домнушка не видела ничего, кроме распухшего твердого бедра. Помощники ее придерживали потерявшего сознание Митчелла на наклонной раскачивающейся палубе, пока Домнушка с неожиданной даже для нее самой ловкостью накладывала шину и закрепляла ее бинтами.

Отвлек Домнушку от Митчелла шум за спиной. В салон вбежал коренастый пожилой матрос с толстым красным лицом и приплюснутым носом. Рыжие волосы его беспорядочно падали на низкий морщинистый лоб. Размахивая тяжелыми руками, он хрипло кричал что-то, повторяя одно и то же слово.

— Уберите его! — бросила, не оборачиваясь, Домнушка.

Тихон-Том схватил рыжего за плечо и рывком завернул его к двери. Рыжий упирался, кричал что-то, обращаясь к улыбающимся матросам. А когда Тихон-Том с помощью подоспевшего товарища все же вытолкнул его из салона, тот принялся

дубасить в дверь с такой силой — филенки затряслись в пазах. Пришлось выйти из салона и уgomонить буяна.

Скоро Тихон-Том вернулся в салон и занял свое место, возле раненого.

— Чего он разгулялся? — спросила Домнушка, закрепляя бинтом шину.

— Пьяница! — Махнул рукой Тихон-Том.— Струсил и кричит. Он не только пьяница, но еще и дурачок. Над ним вся команда потешается. Так и зовут его: Майкл-Попугай, Майкл-Дурачина, Майкл-Дубовая Голова.

Он заметил, что Домнушка не слушает его, и замолк.

Домнушке было не до разговоров. Последние годы вся ее практика на траулере сводилась к перевязкам. Наколет рыбак руку о ядовитый плавник морского окуня или порежет, обрабатывая рыбу, и бежит к ней. Здесь — иное дело. Особенно смущали Домнушку ушибы. Темное дело эти ушибы! Разве поймешь по внешнему виду ушибленного, насколько серьезно он пострадал? Тут и врач-то не сразу разберется! А Домнушке приходилось оказывать помощь наспех, не размышляя...

В салон вошел Петр Андреевич.

— Ну как? — Остановился он возле Домнушки. — Получается?

Она отерла тыльной стороной руки влажный лоб, но ответить не успела.

— Стараемся, — неожиданно ответил за нее Тихон-Том.— Сколь возможно.

Петр Андреевич всмотрелся в лицо собеседника.

— Давно из России? — спросил он без обиняков.

— А мы отроду не видывали ее,— ответил Тихон-Том.— Отец и тот не помнит, какая она, Рассея.

Он так и произнес «Рассея». Слушая матроса, Петр Андреевич задумался: можно ли положиться на этого

человека? Кто знает, с кем приходится здесь общаться? Быть может, тот же Беллерсхайм, восстановивший матросов против русских, бывший ээсовец или что-то в этом роде, а Тихон-Том — белогвардейский отпрыск. Но если давать волю предположениям, подозрительность опутает руки и ноги хуже любых сетей. Отличить друга от недруга можно только общаясь с людьми, а не подозревая их...

Из затруднительного раздумья вывел его сам Тихон-Том.

— Я не один говорю тут по-русски,— сказал он.

— Кто же еще? — живо подхватил Петр Андреевич.

— Олаф Ларсен.

— Норвежец?

— Да. Стоящий мужик! — с уважением произнес Тихон-Том.— У них в войну два года прятались русские пленные. Бежали они из лагеря. В пути поморозили ноги. Куды таких денешь? Либо выдавай фашистам на погибель, либо прячь. Спрятали норвеги парней. С ними Олаф и наострился по-русски. А теперь со мной старается.

Нет. Недруг не сказал бы о другом, знающем русский язык, решил Петр Андреевич. И отбросив остатки сомнений, он по-своему перешел на «ты».

— Помоги мне столкнуться с вашими ребятами. А то я по-английски ни в зуб и они по-русски... ни лешего не знают.

— Да я...—Тихон-Том радушно улыбнулся,—с полной радостью. Только бы перевязаться...— Он посмотрел на пальцы, неумело обмотанные грязным бинтом, и махнул рукой.— Ладно. Сойдет куда и так. Сбегаю за Олафом. С ним вы сразу столкнетесь. Такой мужик!

9

Рыжий Майкл грохотал кулаками в запертую дверь салона, пока не ушиб руку о вырез филенки. Тогда он повернулся спиной к двери и стал бить в нее каблуком.

Неожиданно нога его ушла в пустоту. Он качнулся назад и тут же получил в спину такой пинок, что ткнулся лбом в противоположную стену прохода.

Майкл вдохновенно выругался и, стиснув кулаки, обернулся, готовый к отпору.

В дверях стоял Тихон-Том. В руках он держал швабру.

— Если ты не уберешься отсюда,— внушительно произнес он,— я изломаю швабру о твою глупую голову.

И захлопнул дверь.

Майкл потер ладонью ушибленный лоб и крикнул в закрытую дверь:

— Сами вы дураки! Безмозглые! Я умнее всех вас!

Рыжий неприязненно покосился на дверь и развалистой походкой зашагал по проходу. Он поднялся по лестнице, с не-

обычной смелостью миновал непривычно пустынную штурманскую. У Дверей ходовой рубки Майкл остановился, наскоро пригладил грязными ладонями давно нечесанные вихры и решительно нажал ручку двери.

— Капитан! — крикнул он с порога.— У нас... преступление! Страшное преступление! Если сообщить о нем в газету, можно получить кучу денег. А преступника упрячут за решетку. Крепко упрячут!..

Майкл говорил, захлебываясь от волнения и бурно жестикулируя. Время от времени он потирал тыльной стороной руки белое пятно на лбу и возбуждался еще больше.

— Спокойно, старина! —остановил его Ричард О'Доновен.— Что за преступление? Какое мне дело до газет? Я ничего не понимаю.

Майкл начал снова. Глядя в неподвижное лицо капитана, он путался все больше, частил, заглывал слова.

— Слушать тебя бесполезно, — поднялся Ричард О'Доновен,— пока ты не успокоишься...

— Капитан! Я — Майкл-Попугай, Майкл-Дурачина, Майкл-Дубовая Голова. Но выслушайте меня...

— Нельзя так трусить, Майкл,—мягко упрекнул его капитан.— Ты мужчина. Моряк!

Ричард О'Доновен подошел к вделанному в стену шкафчику, достал из него бутылку рому и налил полстакана.

— Выпей. Для храбрости. — Он заметил замешательство матроса и властно повторил: — Пей. Пока ты не успокоишься, я не стану тебя слушать.

Майкл взял протянутый ему стакан, оглянулся с таким видом, будто хотел сказать кому-то: «Вы же видели? Я отказывался!» Потом понюхал ром и, прикрыв глаза, выпил его одним длинным глотком.

— Рассказывай.— Ричард О'Доновен взял стакан и опустил в кресло.— Смелее.

Крепкий ром обжег рот голодного Майкла, огоньком полыхнул по усталому продрогшему телу.

— Маловато? — понимающе спросил Ричард О'Доновен.

И, не дожидаясь ответа, налил еще полстакана.

На этот раз Майкл выпил без уговоров. Вытер губы рукавом и принялся рассказывать.

Ром ударил в голову сразу, сильно. Желая убедить капитана, Майкл горячился все больше. Укоризненный взгляд Ричарда О'Доновена и особенно короткие реплики — «не кричи», «я не глухой», «не маши руками» — сбивали его. Майкл старался говорить тише, следил за руками, а речь его становилась все более путаной, бессвязной.

Капитан налил еще полстакана и поставил бутылку в шкафчик.

— Больше не дам,— твердо сказал он.— Все!

На этот раз золотистый жгучий напиток странно подействовал на Майкла. Рыжий не только успокоился, но даже почувствовал себя героем. От его робости и неуверенности не осталось и следа. Майкл больше не запинаясь. Он разглагольствовал, размахивая тяжелыми веснушчатými руками. Ему казалось, что капитан слушает его с восхищением. Завтра вся команда в восторге скажет: «Вот так Майкл-Попугай! Вот так Дурачина!»

Ричард О'Доновен по-прежнему сидел со стаканом в руке и внимательно вслушивался в бессвязную болтовню рыжего. Потом он поставил стакан на место, подошел к микрофону и все тем же ровным голосом позвал.

— Боцман! Ко мне!

— Да, да! Боцмана мне дайте! — ораторствовал рыжий, все больше хмелея от выпитого рома и тепла.— Я ему... все скажу. В лицо скажу. Ты преступник, Тони Мерч! За правду, Майкл... Он рванул на себе куртку и надрывно закашлялся.

Грузный боцман вошел в рубку неслышной кошачьей походкой. Не глядя на обличающего его рыжего, он подошел к капитану.

— Да, сэр?

Майкл широко расставил ноги. Скрестив руки на груди, он шевелил бровями, сиюсь изобразить гнев и презрение к боцману. И вдруг лицо его недоуменно вытянулось, руки повисли.

— Тони! — сказал капитан.— Майкл очень переволновался, устал. Немного выпил. Устрой его отдохнуть. Но так, чтобы он своей болтовней не будоражил других матросов.

— Кто пьян? — опомнился Майкл. И привычно забормотал, почти не сознавая того, что говорит: — Я не пьян, я не пил...

— Допустим, что ты не пил, Майкл,— мягко заметил капитан. — Но... надо отдохнуть. Ты слишком переволновался за эти дни. Ступай.

Боцман действовал менее дипломатично.

— Видишь дверь? — Он повернул Майкла и подтолкнул его вперед.— Не задерживайся. Матросу в рубке делать нечего.

— Молчи! — Майкл все еще не мог опомниться. — Молчи, преступник!

Он выпрямился, готовый обличать и громить. Но тут его словно надломил в пояснице. Короткий резкий удар боцмана пришелся точно в солнечное сплетение.

Майкл хватал ртом воздух и никак не мог вздохнуть. А Тони Мерч ловко завернул руку матроса и вывел его из рубки.

Рыжий почти не сопротивлялся. Он шел быстро, направляемый сзади сильной рукой боцмана, и никак не мог перевести дыхание.

В проходе они встретили рослого матроса с красиво посаженной на широких плечах белокурой головой. Он посторонился, пропуская боцмана и Майкла.

— Нашел время,— укоризненно бросил матрос.

— Я не пьян, Олаф! — крикнул Майкл. — Я не пил. Меня капитан угостил.

— Шагай, шагай! — подтолкнул его боцман.— Собутыльник капитана.

— Двадцать восемь лет плаваю, — сказал Тони Мерч, обращаясь к Олафу Ларсену. — Повидал пьяниц. И ни разу не слышал, чтобы такой вот признался, что он выпил.

— Капитан меня напоил! — закричал в отчаянии Майкл.— Капитан!

Это была последняя вспышка. В затуманенном алкоголем мозгу невероятно четко пронеслось: «Не верят тебе, Майкл-Попугай, Майкл-Дурачина, Майкл-Дубовая* Голова! И не поверят». Рыжий сразу обмяк и зашагал дальше,, больше не пытаясь ни вырваться, ни объяснить то, что так потрясло его и придало смелости обратиться к самому капитану....

В недолгой жизни Алеши не было еще столь сильных впечатлений и переживаний за такой короткий срок. Гордое ощущение бесстрашия, охватившее его на захлестываемой волнами шлюпке, поднялось до предела после бурной встречи на пароходе, крепких объятий матросов. Алеша рвался к подвигу. Он готов был работать до кровавых мозолей, броситься в ледяную воду, лишь бы спасти доверившихся им людей, встретивших его с такой искренней радостью. В том, что «Гертруда» будет спасена, у Алеши никаких сомнений не было.

Но дальше все пошло совсем не так, как следовало бы.

Сидя с Иваном Акимовичем в углу рубки, Алеша жадно ловил обрывки непонятной беседы. Он не понимал ни капитана, ни Петра Андреевича. Как можно терять время на переговоры, когда за дверями рубки ждут матросы? Потолковать бы с ними. Найдут они ход в трюм. А не найдут, так возьмут инструмент и прорежут водонепроницаемую переборку, разделяющую второй трюм и угольный бункер. Все равно пароход записан в покойники. Чего с ним церемониться?

Возмущение Алеши нарастало с каждой минутой. Стоило пробиваться в шлюпку по штормовому морю, чтобы теперь сидеть в углу? За все время беседы ни капитан, ни Петр Андреевич ни разу не обратились к ним, даже не взглянули в их сторону. Скорее всего и взяли-то его, Алешу, на шлюпку... надо же было кому-то грести! А теперь сиди, загорай!

— Разговорились!—вырвалось у Алеши.— Как у тещи...

На плечо его мягко легла ладонь Ивана Акимовича.

— Начальство ищет решения, наше дело помалкивать. Тут такой закон.— И не давая возразить себе, он показал глазами на Джима Олстона.— Погляди, как старпом возле капитана... на коготках пляшет.

Алеша затаил, исподлобья посматривая черными горящими глазами на беседующих.

Так и сидел он, пока Петр Андреевич не обернулся к ним. Алеша вскочил на ноги, не дожидаясь зова. Миготом вылетели обидные мысли, и он первым выбежал из опостылевшей рубки.

Осматривая пароход, Алеша увлекся. Бесстрашно скользил он по качающейся палубе; цепко хватаясь за леер, временами сжимался в комок под резкими порывами ветра, наваливался грудью на туго натянутый упругий линь. А океан мохнатый зверем бросался на завалившийся пароход, силился подмять его под себя, вызывая у Алеши дерзкое желание пересилить бушующую стихию. Даже досадно стало, что осмотр закончился так скоро и пришлось вернуться в надстройку. Снова появилось неприятное ощущение, что он не нужен здесь, лишний. Опять придется держаться в стороне и ловить немного, что дойдет до его слуха из негромкого перевода Морозова. И тут вторая встреча с матросами «Гертруды» ошеломила Алешу, разбила хорошее волнение, державшее его в состоянии трепетного ожидания, готовности к подвигу. Люди, восторженно встретившие таманцев, стали неузнаваемы. Стремление поскорее покинуть пароход и укрыться на чужом судне никак не вязалось с представлениями Алеши о душе моряка. Поведение экипажа «Гертруды» оставило у него скверный осадок, будто его коварно обманули люди, которым он верил безгранично, задолго до того, как встретился с ними.

Алеша держался в стороне от спорящих с безразличным, даже несколько надменным лицом. Обидное ощущение, что он

здесь ненужный, лишний, крепло все больше. Нарастало желание наперекор упорствующим матросам «Гертруды» проникнуть в трюм, доказать, что рыбаки правы. Не может быть, чтобы туда не было хода. Надо самим искать его. Петру Андреевичу сделать это неудобно. Начальник! А что, если он, Алеша, рискнет, поищет, как пробраться в трюм. С него спрос невелик. На худой конец скажут: молодой матрос, порядков не знает.

Алеша отодвинулся в сторону от спорящих. Еще немного. Никто не заметил этого. Знакомая широкая лестница вела наверх — в штурманскую и радиорубку. Куда ведет узкая, вниз? Стараясь ступить потише, Алеша спустился по ней в длинный проход с двумя рядами дверей.

Алеша прошел половину прохода и крикнул:

— Э-эй!

Никто не ответил ему.

Он зашел в ближайшую каюту. Увидел смятые постели. На одной из них не было тюфяка. К наклонной стене прижался раскрытый чемодан. Возле него на полу валялись носильные вещи и обычные в матросском обиходе мелочи. Ничего интересного!

Алеша вышел в проход и направился дальше, заглядывая по пути в каюты. Первое впечатление, будто люди в панике бежали отсюда, усиливалось с каждым шагом.

Проход раздвоился. Алеша остановился. Куда идти? Настороженный слух его уловил глухой стук и несколько позднее голос. Кто-то звал на помощь. Алеша направился на голос. Остановился у последней двери, увидел на засове висячий замок.

Запертый Майкл услышал шаги в проходе и закричал.

— Я не пьян! Клянусь могилой матери, не пьян! Тони Мерч запер меня. Выпустите, и я докажу, что Тони заслужил веревку на шею.

Алеша не понимал, что кричит человек за дверью. Но он знал, что запирают каюты запрещено, тем более в шторм, да еще на обреченном пароходе. Человека заперли в пустынном проходе, в кладовой. Случайно или умышленно это сделали — значения не имело. Человека следовало освободить.

Алеша зашел в ближайшую каюту. Снял с иллюминатора стальной прут со шторкой. Бросил шторку на койку и вернулся к запертой двери. Заложив прут в дужку замка, он нажал на него. Дужка с протяжным скрипучим звуком вышла из замка. В открытую дверь крепко пахло особым запахом боцманской кладовки: краской, веревками, смолой.

Майкл выскочил из кладовки. Растрепанный, взлохмаченный, с застрявшей в рыжей шевелюре пеньковой трухой, он походил на легендарного трюмного духа.

Не успел Алеша присмотреться к Майклу, как тот заговорил, горячо, заглатывая от волнения слова. Несколько раз он даже ударил себя в грудь большим костистым кулаком.

— Постой, друг... Камрад,— поправился Алеша.— Что ты мне доказываешь? Все равно я не понимаю. Их бин ниht шпрее инглиш. Ферштеен? — Для большей убедительности он даже руками развел.— Проводи-ка меня лучше во второй трюм. Цвай трюм! Понимаешь?

После того как Алеша несколько раз повторил слова «цвай трюм», Майкл понимающе закивал головой и скрылся в кладовке.

Вышел он оттуда с небольшим ломом, электрофонариком и куском нетолстого каната. На прощание рыжий плюнул на дверь кладовки, обругал Тони Мерча и показал Алеше рукой: «пойдем». Они вышли на палубу. Выждав, когда пароход выровнялся, броском пробежали к тамбуру, прикрывающему лазовый люк. Не теряя времени Майкл принялся скалывать ломом лед в тамбуре.

Алеша опасно оглянулся. Они стояли на открытой палубе. Их могли заметить каждую минуту. Ему и в голову не пришло, что из окон высокой ходовой рубки на тускло освещенной палубе могли увидеть людей, но нельзя было разглядеть лица, а тем более небольшой ломик.

Майкл долбил лед короткими частыми ударами, пока не добрался до кольца крышки люка. Потянул за него. Кольцо не поддалось. Несколько легких ударов, и примерзшая крышка отбита. Майкл продел в кольцо захваченный из кладовки кусок каната. Один конец его он дал Алеше, второй перекинул через плечо. Вдвоем они пригнулись и резко, рывком выпрямились. Крышка поднялась. Из тамбура пахло спертым воздухом трюма.

Майкл переложил фонарик из кармана за пазуху — так было спокойнее, не потеряешь — и первым скрылся в темном люке.

Алеша коротко осмотрелся — палуба по-прежнему оставалась пустынной — и скользнул за Майклом в тамбур.

В узкой шахте Алешу окутал непроглядный мрак. Лишь над головой в четырехугольнике люка виднелось несколько ярких звезд. Порой из-под ног доносились странные искаженные эхом звуки — то грохот обвала, то всплеск воды, то устрашающе громкий скрип, будто пароход расползлся по швам. Хотелось окликнуть не видного где-то в глубине Майкла, но сдерживало самолюбие — еще подумает, что русский струсил. И Алеша, стиснув зубы, нащупывал в темноте металлические ступеньки трапа.

...Неожиданно нога уперлась в твердую площадку. Наконец-то! Все еще держась за поручни, Алеша потоптался на месте,

словно желая убедиться в том, что трап действительно кончился, потом обвел рукой вокруг себя. Ладонь нащупала влажную обшивку борта.

— Э-эй! — негромко позвал Алеша.— Кто там?

Почти рядом вспыхнул тонкий луч, осветил внизу беспорядочно сгрудившиеся бревна, сломанные стойки грузовых креплений, скользнул по ним вдаль и уперся в плотно сложенные у противоположного борта крупные ящики. Такие же ящики, прочно увязанные канатами, высились штабелями и по обеим сторонам выхода из шахты.

Алеша хотел подойти к Майклу, но фонарик скрылся за ящиками. Темнота сковала Алешу. Трюм сразу стал громадным и наполненным непонятными тревожными звуками — потрескиванием, звоном, скрипом. Волна обрушилась на палубу, и в трюме загудело, всплески и шипение воды слышались со всех сторон. Что делать? Надо бы выяснить, в каком состоянии находится груз. Отойти от трапа? А найдет ли он обратный путь к шахте? В такой тьме можно заблудиться в двух шагах от трапа. Одиночество давило на Алешу все сильнее, привязывало к выходу из шахты. Ощущение времени было потеряно. Казалось, что он стоит так, придерживаясь за металлическую ступеньку, бесконечно долго. Внезапно и остро нахлынуло вдруг беспокойство за исчезнувшего Майкла. Алеша уже решил было рискнуть пойти поискать товарища, когда пароход сильно качнуло. Совсем рядом послышался грозный скрип канатов и треск ящиков. Казалось, вот-вот — и они поползут, раздавят прижавшегося спиной к трапу одинокого человека. Пришли на память слова Петра Андреевича: «Что мы там сделаем? В темноте!» Правильно сказал помполит! Ни черта в одиночку в незнакомом темном трюме не сделаешь. Даже груза не осмотришь. Надо выбраться поскорее отсюда и доложить Петру Андреевичу, что доступ в трюм открыт.

И словно подтверждая правильность принятого Алешей решения, совсем рядом что-то рухнуло с оглушительным грохотом и треском. Громовые раскаты заполнили трюм, сделали его тесным. И сразу беспокойство Алешы за Майкла перешло в страх. Где рыжий? Что с ним?

— Эге-ей! — крикнул Алеша.

— Э-эй! — откликнулся Майкл совсем близко.

— Давай сюда-а!

Луч фонарика, приплясывая на ящиках и бревнах, приблизился, осветил трап, вход в шахту. Сразу стало спокойнее.

В темноте почти торжественно прозвучал голос Майкла.

Что он сказал, Алеша не понял, но догадался: надо похвалить смелого проводника.

— Молодец! — Он дружески похлопал Майкла по плечу.— Пошли к начальству.

Петр Андреевич не дошел до радиорубки. Поднимаясь по лестнице, он услышал возбужденные голоса, а затем увидел Морозова и Ивана Акимовича, окруженных матросами.

От напускной сдержанности Морозова не оставалось и следа. Он горячо доказывал что-то матросам. Его перебивали, но желали слушать.

Петр Андреевич остановился в стороне. Вслушался в чужую речь... и ничего не понял. Лишь два знакомых слова коротко задержали его внимание: «селвидж мони». Слова эти привлекали своей неуместностью. О каком вознаграждении можно говорить сейчас? Кого вознаграждать? За что?

Морозов заметил Петра Андреевича и обратился к нему,, весь красный от негодования.

— Договорились! — Голос его дрожал.— Что им ни толкуй,, они твердят свое: напрасно стараетесь заставить нас работать, участь парохода решена.

— Кто решил участь парохода? — холодно спросил Петр Андреевич.

— Море и возраст «Гертруды»,—ответил Беллерсхайм.— В Англии, Германии, Норвегии, не говоря уже о Соединенных Штатах, такая ржавая лоханка давно пошла бы на слом. Только наша компания ухитряется выжимать из нее какой-то доход.

— Я не правомочен обсуждать здесь порядки в чужих странах,— сдержанно возразил Петр Андреевич.— Я знаю лишь одно: оставить аварийное судно можно только после того, как: сделано все для его спасения.

— Мы сделали все,— отрезал Беллерсхайм.

И оглянулся на товарищей, шумно поддержавших его.

— Я плаваю с Ричардом О'Доновеном семнадцать лет. И знаю старика! — Выступил вперед Тони Мерч.— Три года* назад мы попали в ураган у Фолклендских островов. Буря заклинила руль. В носовом трюме открылась течь. Двое суток несло нас к берегам Патагонии. Капитан и не помышлял бросить судно, хотя мы и встречались с пароходами и нам предлагали помощь. Но если Ричард О'Доновен сказал плохо — значит, надежды никакой.

Едва Тони Мерч закончил, как его шумно поддержали; матросы. В общем гомоне Петр Андреевич снова уловил знакомые слова — «селвидж мони». К чему бы они? Какое тут, к черту, вознаграждение? Не обращая внимания на незатихающий шум, он спросил у Морозова.

— Что они кричат о селвидж мони?

— Чушь собачью!—голос Морозова сорвался от гнева.— Говорят: «Вы рискуете головами, рассчитывая получить за

спасение «Гертруды» хороший куш. Вы лезете к черту в котел за большие деньги. А мы не желаем подыхать ради ваших карманов». Вот что они говорят.

— Карманов?

Петр Андреевич почувствовал, как у него перехватило дыхание от гнева. Хотелось прикрикнуть на тех, кто посмели заподозрить его и товарищей в высшем проявлении подлости. И кто заподозрил? Свой брат. Матросы!

Пока Морозов спорил с Беллерсхаймом, забыв о том, что он переводчик, забыв о стоящем рядом начальнике, рассудок Петра Андреевича справился с бушующими чувствами. Очень вовремя вспомнилась любимая поговорка Степана Дмитриевича: «Горячность — плохая помощница в делах». Чтобы ни случилось, а хорошо, что болезнь экипажа «Гертруды» прорвалась наружу. Не время сейчас выяснять, чей подлый язык первым произнес гнусность и почему ей поверили матросы. Сердечное расположение к ним ушло. Осталось лишь властное чувство долга. Наконец-то найден ответ на вопрос, не дававший покоя. Стойкость матросов «Гертруды» объяснялась не трусостью, не паникой, а убеждением в своей правоте. Это было опасно. Трусость можно преодолеть силой воли, личной смелостью, панику обуздать резкими мерами. Сломить убеждение неизмерима труднее. Экипаж «Гертруды» уверен в стремлении советских рыбаков использовать удачный случай — сорвать куш с беспомощного парохода. Как и чем можно разбить эту оскорбительную уверенность? Ведь они-то охотно воспользовались бы такой возможностью. И никто бы их за это не осудил. Вознаграждение за спасение погибающего судна узаконено международным морским правом. Причем сумма вознаграждения определяется по соглашению, проще говоря — сколько удастся сорвать...

Перебил мысли Петра Андреевича сочный низкий голос.

— Старший моторист Олаф Ларсен!

С первого взгляда на обветренное открытое лицо норвежца Петр Андреевич понял: такой человек должен пользоваться доверием товарищей. Следовало во что бы то ни стало привлечь его на свою сторону.

— Я рад, Ларсен, что могу говорить с вами без переводчика.— Петр Андреевич взволнованно потер подбородок.— Сейчас меня и моих товарищей оскорбили так... Если б это случилось в других условиях, мы повернулись бы и ушли. Но здесь море, шторм...

— Да? — бесстрастно произнес Олаф Ларсен, не выражая тоном ни согласия с собеседником, ни сомнений в услышанном.

— О каком вознаграждении болтает этот человек? — Петр Андреевич показал головой на Беллерсхайма.

— Это опытный матрос и прекрасный товарищ,— сдержанно возразил Олаф Ларсен.

— Как может он болтать о вознаграждении? — В голосе Петра Андреевича прорвалось раздражение. — Вы-то, Ларсен, должны меня понять! Когда ваши родители и соседи укрывали, кормили и лечили советских солдат, разве они думали об оплате? Отрывая кусок хлеба от себя и своих детей, они подсчитывали, сколько за это получают? Рискуя имуществом, а может быть, и головой, они гнались за наживой? Вы носили раненым еду, часами сидели с ними и даже научились русскому языку ради каких-то выгод? Вам ничего не заплатили. И тем не менее я убежден в том, — что вы и сейчас не только не жалеете о сделанном, но и гордитесь им. Так как же ваши товарищи посмели заподозрить нас в такой подлости?

Натиск Петра Андреевича смутил Олафа Ларсена. Крохотное, укрытое в горах местечко и поныне гордилось тем, что несколько его жителей спасли и выходили обмороженных беглецов из лагеря военнопленных. В жизни самого Олафа Ларсена это было самым большим событием, и он охотно рассказывал о нем товарищам.

— Что ж вы молчите? — Петр Андреевич настойчиво смотрел на Олафа Ларсена, взглядом требовал ответа. — Вы поняли меня?

— Понял.

Не зная, что ответить, Олаф Ларсен перевел слова русского выжидающе поглядывающим на него товарищам.

— Я готов дать честное слово моряка, что никакого вознаграждения за спасение «Гертуды» мы не получим, — твердо продолжал Петр Андреевич не давая Ларсену и его товарищам опомниться от первого натиска. — Если этого мало, мы готовы заверить чем угодно, что деньги нас совершенно не интересуют.

Пока Ларсен переводил, Петр Андреевич внимательно наблюдал за матросами. Держались они по-прежнему упорно, перебивали Ларсена и поглядывали в сторону рыбаков с откровенной неприязнью.

— Больше того, — добавил Петр Андреевич. — Я и мои товарищи напишем обязательство, что не претендуем ни на какое вознаграждение с компании «Меркурий». Сейчас же напишем. И сдадим капитану.

— Мы не отстаиваем интересы компании, — с усмешкой бросил Беллерсхайм. — Что нам ее деньги?

— А мы отстаиваем лишь одно: честь нашего флага, — четко произнес Петр Андреевич. — Если на палубу парохода поднялись советские моряки, он не может погибнуть.

Матросы несколько притихли. Дьявольская настойчивость русских, хоть и была непонятна, но вызвала невольное уважение. Рисковать головой ради флага! Морские бродяги, бездумно переходившие с судна на судно, плававшие под десятком различных флагов — от звездного американского до лоскутно-пестрого доминиканского, — легко меняя их, не принимали близко к сердцу такое отвлеченное понятие, как честь флага.

Замешательство матросов обнадежило Петра Андреевича. Но воспользоваться им не удалось. Из радиорубки выскочил рослый негр. Раздвинув плечом сгрудившихся товарищей, он крикнул Петру Андреевичу.

— Кептен «Таман» ...радио!

Петра Андреевича словно встряхнули. Что сказать Степану Дмитриевичу?

Почти два часа он на чужой палубе. Домнушка отлично справилась со своим делом. А он — первый помощник капитана! — не может сломить упорства экипажа. Р1 отступить невозможно. Некуда отступить! Не сядешь на шлюпку, не бросишь замерший пароход и людей на верную гибель?

— Вот что... — обратился Петр Андреевич к Беллерсхайму и внутренне досадуя, что надежды на Олафа Ларсена явно не оправдались. — Мне трудно было говорить с вами, пока я считал, что вы просто струсил. Теперь я вижу — вы не трусы. Но и вы, надеюсь, тоже поняли, что и мы не из робких. Вы упрямы. Мы никогда не отступаем от принятого решения. Поэтому нам лучше не упираться лбами, а договориться.

— О чем договариваться? — спросил Беллерсхайм.

— Начнем с вознаграждения. Если оно нам полагается, то

мы отказываемся от него в пользу пострадавших от шторма ваших товарищей.

— Отказываетесь? — переспросил Тони Мерч.

— Да! — Петр Андреевич посмотрел на боцмана.— Не верите?

— Верю.— Тони Мерч достал из кармана трубку.— Но откажется ли от денег ваша компания? А потом вам в порту выплатят...

— Владелец траулера не какая-то компания, а советское государство,— перебил его Морозов.

— Тем более! — воскликнул Тони Мерч,— Вы не можете говорить от имени государства. И государство не станет спрашивать у вас, как поступить ему с компанией «Меркурий»? Каждый знает, что Советы не любят нашу свободную Ирландию.

Свободную Ирландию! Вот каков ты, боцман! Нет! Дубоватый Тони Мерч оказался совсем не так прост. Как мог Петр Андреевич, недавний главный боцман крейсера, отвечать за высокие инстанции? К тому же он, как и большинство советских моряков, весьма слабо знал положение о вознаграждении за спасение судна и оказании помощи в море. В этом отношении матросы «Гертруды» были куда более осведомлены, чем первый помощник капитана траулера.

Выручил Петра Андреевича все тот же негр. Снова появился он за спинами матросов и нетерпеливо прокричал.

— Тралкептен ... радио! Бек, бек!

Петр Андреевич остановил взгляд на Олафе Ларсене, как бы ожидая его поддержки, потом на Беллерсхайме.

— Через пять минут встретимся у капитана,— сказал он.— Не можем же мы решать участь судна, не спросив мнения капитана.

Последние слова придали мыслям Петра Андреевича новое направление. Экипаж «Гертруды» явно доверяет своему капитану. Следовательно, надо встряхнуть Ричарда О'Доновена, заставить его повлиять на матросов. Кто больше всех заинтересован в сохранении парохода, если не капитан? Придется напомнить о пенсии, чтобы оживить старика и заставить его воздействовать на экипаж силой своего авторитета.

12

Щеголеватый радист с лоснящимся косым пробором пригласил Петра Андреевича сесть, протянул ему микрофон.

Петр Андреевич тяжело опустился в кресло. Нелегко было ему собраться с мыслями, подготовиться к докладу. Он понимал, насколько сложно положение Ричарда О'Доновена. Капитан отчаялся спасти пароход и дал в эфир SOS. Сигнал, конечно, записан в вахтенном журнале. И теперь, если «Гертуда»

ущелест, окажется, что не капитан сохранил судно, а пришлые рыбаки с небольшого траулера. Ричард О'Доновен мог потерять не только право на пенсию, но и личную репутацию. Потеря для старого капитана огромная, непоправимая...

Хорошо знакомый голос с легкой хрипотцой прозвучал неожиданно и так близко... Петр Андреевич невольно оглянулся, словно ожидая увидеть рядом Степана Дмитриевича.

— Петр Андреевич! Ты, я вижу, настолько занят, что даже не докладываешь мне о ходе работ.—Степан Дмитриевич говорил с легкой усмешечкой, словно не было ни бури, ни угрозы, нависшей над «Гертрудой».—Не вздумай бодрячить. Докладывай без прикрас. Я же понимаю, где ты находишься. Там все не по-нашему. Возможны всякие... неожиданности. Перехожу на прием.

Петр Андреевич понимал, почему капитан говорит благодушно, почти шутливо. Чувствует-то себя Степан Дмитриевич совсем не так легко, как могло показаться по его голосу. Петр Андреевич живо представил себе, как бешеные рыбки буксирного троса дергают траулер... Летят через штормовые бортики стола миски с едой; даже опытные матросы не могут стоять на ногах. А Степан Дмитриевич смотрит на неподвижный пароход. Знакомо напрягаются тугие желваки стиснутых челюстей. В нескольких десятках метров от «Тамани» находятся его люди. У них что-то не ладится. А он, капитан, бессилен вмешаться, помочь им.

Старательно подбирая слово к слову и порой невольно оглядываясь на любопытно слушающего незнакомую речь радиооператора, рассказывал Петр Андреевич о капитане, поведении экипажа парохода...

— То-то я и вижу отсюда, что у вас творится неладное,— ответил Степан Дмитриевич.— Спасательная группа на борту, а рация «Гертруды» все еще передает SOS. Пароход обледенел, а на палубе ни души. Трудно мне советовать, Петр Андреевич—продолжал после короткой паузы Степан Дмитриевич.—У меня-то не дует, а потому давать отсюда советы легко. Но отступать нам с тобой некуда. Тяжело добраться до аварийного судна. Но уйти с него, не оказав помощи... сам понимаешь! А помощь в нашем положении возможна только одна— отстоять пароход. Внуши это людям с «Гертруды». Любой ценой! Растолкуй им, что перевозить людей, особенно пострадавших, по такой волне и болтанке не на чем, невозможно, преступление.

— Они строят плот.

— Да-а! — протянул капитан. И сразу голос его стал жестким.—В таком случае передай всем на «Гертуде»: я запрещаю снимать людей с парохода. За-пре-щаю! Вали все на

меня, и тебе станет легче. Со мной не поторгуются. Слишком далек я от них. В общем, действуй, Петр Андреевич. Я достаточно знаю тебя и твоих людей, а потому полностью доверяю тебе. Любое твоё решение заранее поддерживаю, как своё собственное. Я кончил. Прием.

— Спасибо, Степан Дмитриевич за доверие,— с сердцем произнес Петр Андреевич.— Скажи напоследок: есть ли у нас соседи?

— На подходе СРТ-459. Я сообщил ему о «Гертруде». Милых в шестидесяти от нас дрейфует «Скумбрия» и англичанин «Лайф». Есть поблизости два норвежских ботишка. Да что с них? Малыши!

Все это было не то, что нужно. «Скумбрия» — траулер того же типа, что и «Тамань», СРТ — средний рыболовный траулер — почти вдвое меньше.

— А где «Атлантика»? — спросил Петр Андреевич.— Танкер «Красноводск»?

— На них не рассчитывай,— ответил Степан Дмитриевич.— «Атлантика» подходит к району промысла сельди. Это севернее Исландии. Ближе всех ледокол «Силач». Но и до него сутки ходу.

Петр Андреевич попрощался с капитаном, поблагодарил радиооператора и направился в ходовую рубку.

В рубке было необычнолюдно. Ричард О'Доновен стоял у окна. Возле него тенью держался Джим Олстон. В стороне тихо беседовали несколько штурманов и механиков. Отдельной кучкой сбились представители экипажа: Беллерсхайм, Тони Мерч, Олаф Ларсен и два матроса, судя по засаленным черным робам, оба из машинного отделения. В другом углу рубки стояли Морозов и Иван Акимович.

Петр Андреевич посмотрел на круглые часы над штурвалом и сухо произнес.

— Два часа потеряны впустую. А когда мы прибыли сюда, нам говорили, что дорога каждая минута.— Он помолчал и внушительно сказал.— Капитан «Тамани» выразил свое крайнее недовольство моей медлительностью и потребовал решительной борьбы за сохранение судна. Больше того! Он отказался выслушать какие-либо объяснения о причинах нашего, как он выразился, возмутительного бездействия.

Петр Андреевич заметил, как изменились лица слушателей, в особенности капитана, Беллерсхайма и Тони Мерча. Итак, все споры с русскими, находившимися на борту «Гертруды», оказались бесполезны. Командует ими капитан с траулера. Ему ничего не угрожает. На его нервы не действует ни волна, ни усиливающийся крен, ни обледенение. Петр Андреевич заметил растерянность окружающих и продолжал все тем же суховато-деловым тоном.

— Капитан «Тамани» вызвал для буксировки «Гертруды» второй траулер, хотя он и убежден, что нужды в этом не будет. Он просил передать экипажу «Гертруды», что если не удастся выровнять пароход, он подумает о дальнейших мерах для его спасения.

Петр Андреевич остановился, дал своим слушателям несколько опомниться, а потом нанес удар, обдуманый еще в радиорубке.

— Мы не уйдем с парохода восемь, десять, двадцать часов. Не уйдем до тех пор, пока капитан траулера не увидит настоящую угрозу жизни экипажа. «Тамань» поддерживает «Гертруды» в наиболее благоприятном режиме по отношению к волне. Опасность, что пароход перевернется, устранена. Скоро подойдет второй траулер. Экипаж мы снимем лишь в том случае, если капитан «Тамани» признает положение парохода действительно безнадежным. До этого пройдет много времени, быть может сутки, даже больше.

— А теперь подумайте о другом,— продолжал Петр Андреевич в полной тишине.— Как будет выглядеть экипаж на берегу, когда узнают, что люди бездействовали в шторм, выжидали, пока положение станет действительно безнадежным, и мы оказались вынужденными снять бездельничавший экипаж? Какие аттестаты получат матросы? Я не говорю уже о штурманах. Не забудьте, что рация траулера давно сообщила в порт о нашей встрече, отправке спасательной команды. Из порта уже трижды запрашивали, почему нет донесений о результатах спасательных работ? Что прикажете мне доложить? Что доложит ваш капитан, когда вы придете в порт? Я сказал все. Решайте сами, что теперь делать.

Как только Петр Андреевич умолк, в рубке образовалось несколько группок, вполголоса обсуждавших сказанное русским рыбаком.

Ричард О'Доновен поднял руку, требуя общего внимания.

— Господин Левченко прав,— сказал он.— Помощь советского траулера пока устранила угрозу катастрофы. Поэтому мы обязаны сделать все возможное, чтобы сохранить пароход. Джим Олстон!

Старший помощник сделал шаг вперед и взял под козырек.

— Слушаю, сэр!

— Объявите аврал.

Петр Андреевич еле сдерживал радость. Казалось, палуба под ногами сразу стала устойчивой, прочной. Он уже мысленно прикидывал, кого оставить старшим на палубных работах, когда в рубку вошел мокрый Алеша. Не обращая внимания на невольно расступившихся перед ним людей, он подбежал к Петру Андреевичу и крикнул.

— Лазовый люк открыт! Я был в трюме. Вот с ним.

Лишь сейчас все заметили незаметно проскользнувшего в дверь и сразу укрывшегося за спинами русских рыжего Майкла.

Пока Алеша торопливо и несколько сбивчиво рассказывал о том, как он проник в трюм, Петр Андреевич Посмотрел на капитана и тут же отвел глаза в сторону. Совсем недавно тот утверждал, что проникнуть в трюм нельзя, да и матросы ни за что не спустятся в «мышеловку». Путь в трюм проложил матрос с «Гертруды». Посмотрим, так ли уж упорны остальные. Впрочем, сейчас было не время для споров и упреков. Надо действовать.

И словно подтверждая правильность решения Петра Андреевича, послышался частый тревожный звон. Стремительно разносился он над пустынной палубой, по переходам и каютам, даже в машинном отделении. Аврал!

Петр Андреевич понимал, почему матросы не хотят спускаться в трюм. Наглухо закупоренный, темный, он действительно походил на ловушку. Страх в нем легко мог перейти в панику. Алеша и рыжий матрос подали хороший пример: первыми спустились лазовым люком вниз. Но этого мало. Надо прежде всего внушить матросам уверенность в безопасности парохода, а следовательно, и трюмных работ.

— Спроси у старшего механика,— сказал Петр Андреевич Морозов,— может ли он обеспечить работы сухим паром?

— Пар есть,— коротко ответил старший механик. —

Температура пара?

— Около трехсот градусов.— Старший механик понимающе посмотрел на Петра Андреевича.— Можно поднять до трехсот шестидесяти, а давление до пяти килограммов на квадратный сантиметр. Шланги готовы. Через пять минут они будут на палубе.

— Отлично! — подхватил Петр Андреевич.

Слушая перевод Морозова, он не сводил взгляда со старшего механика. В коротких четких ответах его, в готовности дать пар чувствовался союзник.

— Я бы лично работал не паром, а кипятком,— посоветовал старший механик.

— Пожалуй,— согласился Петр Андреевич.— Кипяток лучше.— И обратился к остальным: — Прошу за мной.

За Петром Андреевичем вышли из рубки штурманы и механики, представители экипажа.

За дверями на полукруглой площадке и ступеньках лестницы расположились в ожидании решения командования матросы.

Последним вышел из рубки старший помощник Джим Олстон и остановился в стороне, всем своим отчужденным видом показывая, что он не желает вмешиваться в происходящее на площадке.

Петр Андреевич внимательно всматривался в хмурые, обросшие лица матросов. Для трюмных работ следовало отобрать людей физически сильных, а главное, с крепкими нервами. Но как отличить в толпе мужественного от слабого духом? Впрочем, работать на зыбкой и местами обледенелой палубе с тяжелым шлангом, бьющим с огромной силой крутым кипятком, тоже далеко не просто.

— Назначьте на палубные работы старшим Беллерсхайма,— подсказал Морозов, угадавший, о чем задумался старший группы.— В трюме он станет бузить, толковать о клубе самоубийц. На палубе не разговаривайся. Каждому придется действовать шлангом самостоятельно, вдалеке от остальных.

— Так и сделаем,— согласился Петр Андреевич.— Волна с ветерком живо охладит его горячую голову.

— Беллерсхайм! — Настроение начальника передалось и Морозову. В голосе его появились властные нотки.— Подберите четырех человек для работы на палубе.

— Есть, сэр! — Беллерсхайм знакомым небрежным движением вскинул руку к полям зюйдвестки и вышел вперед.

Не задумываясь называл он имя за именем. Первым отошел в сторону Тихон-Том, за ним коренастый негр-кочегар со странным именем Пьер Канада и маленький гибкий швед.

Беллерсхайм подошел к старшему помощнику, коротко переговорил с ним и вернулся к Морозову.

— Старшим палубной группы останется третий механик Жозеф Бланшар,— доложил он и повернул было к товарищам.

— А вы? — невольно вырвалось у Морозова.— Вы куда?

— Пойду в трюм,— с достоинством ответил матрос— Ганс Беллерсхайм нужнее в трюме.

И он показал Морозову свои могучие узловатые руки.

Отделаться от Беллерсхайма не удалось. Он стоял с товарищами — огромный, прочный, уверенный в своей силе и правоте. Почему Беллерсхайм вызвался добровольно идти в трюм? Заговорило самолюбие старого моряка, или вожак не захотел отставать от товарищей? Размышлять над этим было некогда.

— Люди и шланги готовы! — доложил третий механик, коренастый смуглый крепыш с седеющими курчавыми волосами.— Разрешите приступить?

Пропуская вперед палубную группу, Петр Андреевич задумался: можно ли полагаться на впервые увиденного третьего механика? Явный южанин! Да еще из машинного отделения. Любый матрос траулера умеет бороться с обледенением.

Для него это повседневная привычная работа. Взгляд Петра Андреевича задержался на взволнованно ожидающем лице Алеши.

— Оставайся на палубе, — приказал он. — Только не лихачествуй. Голову береги. Да покажи, что для нас, рыбаков, борьба со льдом дело привычное. А если станет кто увильгивать... бегом ко мне.

— Ясно! — с готовностью ответил Алеша.

И подхватив ближайший шланг, принялся проверять его.

Третий механик обвязал грудь прочным линем, пристегнул закрепленный на конце его карабин к лееру. Обвязывались и остальные матросы.

Жозеф Бланшар увидел, что Алеша собирается идти с ним, и подал ему линь. Алеша со снисходительной улыбкой качнул головой. Тогда Жозеф Бланшар без церемоний взял его за плечи и, отчитывая по-английски, сам перехватил линем грудь Алеши, закрепил прочным узлом и дал карабин в руки.

Петру Андреевичу это понравилось. Хватка у третьего механика есть. Дружба дружбой, а порядок на палубе соблюдай.

Отобранные для работы в трюме матросы стянулись к выходу из надстройки на палубу, плотно забив неширокий проход. Пока они ждали Тони Мерча, ушедшего с Беллерсхаймом за инструментами и тросами, на палубе приступили к работам. Тугие струи крутого кипятка врезались в свисающий с полубака наплыв льда. Крепкие клубки пара вскипали под шлангами и, прижимаемые ветром, мелкой рябью стлались по палубе.

Дожидааясь боцмана, матросы видели: борьба с креном началась сразу и энергично. Уже и возле борта закурчавился пар, и на ходовом мостике появились две фигуры, подтягивающие шланг.

Первыми спустились в лазовый люк Беллерсхайм с переносной люстрой и Тони Мерч с увесистым мотком троса. Один за другим скрывались матросы в тамбуре, втаскивая за собой тросы, блоки, вымбовки.

Глухо бухнула о борт отвалившаяся от полубака глыба льда и повисла над морем на вмерзшем в нее канате. Матрос закрыл вентиль шланга и ударом топора пересек пеньковый канат.

Пока двое очищали полубак, остальные разбились попарно и направили шланги на широкий и толстый пласт льда, свисающий с капитанского мостика за борт. Порывистый ветер бил в лицо, рвал из рук шланги. Вскипающий под струей кипятка пар застилал стену надстройки. Порой приходилось работать почти вслепую.

Жозеф Бланшар взял на себя наиболее трудную часть работы. Он поднялся со своим напарником Алешей на ходовой мостик, привязался там к поручню и, борясь с ветром и широкими размахами качки, подрезал сверху широкий пласт, покрывавший добрую треть надстройки. Толстые рукавицы скоро прогрелись от горячего шланга, стали жечь руки. Пришлось передать его Алеше. Сменяя друг друга, они не замечали, как проходило время. Все внимание их уходило на углубляющуюся прорезь между стеной ходовой рубки и льдом.

Глубоко прорезав ледяной пласт сверху, напарники спустились на палубу. По-прежнему работая поочередно, они постепенно отделяли глыбу от стены надстройки. Подрезанный с трех сторон огромный пласт льда готов был оторваться и рухнуть в море.

Высокая водяная гора обрушилась на палубу. Матросы, но выпуская из рук трепещущие шланги, ухватились за леера, навалились на них грудью. Один Жозеф Бланшар увлекся и неосмотрительно оказался в стороне от леера. Волна накрыла его, сбила с ног, приподняла и понесла по наклонной палубе к борту. Жозеф Бланшар выпустил шланг, отчаянно извернулся, стараясь ухватиться за привязывающий его линь.

В последний момент он весь выгнулся и ударом обеих ног о фальшборт отбросил себя назад.

Брошенный шланг, извиваясь подобно гигантской змее, бил крепкой струей кипятка по стене надстройки. И вдруг, повинаясь каким-то причудам бушующей в нем энергии, он резко повернулся и, извиваясь, пополз на оглушенного Жозефа Бланшара.

Прижавшийся к лееру Алеша заметил опасность и подошел вовремя. Ударом ноги он отбросил взбесившийся шланг в сторону от оглушенного напарника.

Жозеф Бланшар поднялся. Подхватил шланг. Перебирая рукавицами по брезентовому рукаву, подтянул к себе наконец-ник. Укрошенный шланг снова обрушил свою ярость на лед.

Алеша заметил неточные движения механика. Придерживаясь за леер, подобрался к нему и показал знаками, чтобы тот сходил погреться. Жозеф Бланшар отрицательно качнул головой и даже шланга не отдал. Алеша увидел, что струя бьет мимо широкой уже прорези, разделяющей стену и лед. Недолго думая, он силой отобрал шланг из ослабевших рук механика и крикнул.

— Ступай, погрейся. А то вылетишь за борт...

А сам, широко расставив ноги, прочно привалился спиной к стене и направил струю в прорезь.

— Петр Андреевич! — позвал Морозов.

Петр Андреевич оглянулся. У тамбура ожидали очереди последние три матроса. Один из них тянул линию переносного телефона. Теперь можно было оставить палубу.

14

За свою долгую и нелегкую морскую службу Петр Андреевич прошел серьезную школу, научился сдерживать свои чувства, не давать им волю на глазах у подчиненных. Но сегодня в трюме чужого парохода его все сильнее охватывало опасение, что матросы заметят, как он борется с растущим в нем беспокойством. Для тревоги были серьезные основания. Каждый удар волны в гулком трюме звучал как предвестник близкой катастрофы. Слышалось, как приближается она с нарастающим рокочущим звуком, коротко замирает и с громким шипением обрушивается на пароход. После первого протяжного грохота долго еще звучали в трюме отголоски могучего удара. А когда они замирали, сперва робко, потом все сильнее слышались всплески и журчание воды за бортом, над головой, у шпигатов и под ногами, в балластных цистернах, расположенных между первым и вторым днищами парохода. Порой казалось, что вода уже прорвалась в трюм и сейчас хлынет могучим потоком, разбрасывая по пути людей, ящики, бревна.

Матросы не успели подумать об опасности. У выхода из шахты их встречали боцман и Беллерсхайм и сразу направляли на рабочие места. Несколько человек принялись чинить изломанные грузовые отсеки. Остальные, умело действуя вымбовками — недлинными, но прочными шестами, разбирали свалившиеся в центр трюма бревна и ящики.

Иван Акимович критически посматривал на работающих. Потом он не выдержал. Подошел к Тони Мерчу. Попробовал объяснить, что такая перегрузка займет слишком много времени. Поднять на блоке тяжелый ящик и уложить его на место — большой труд. А сколько придется переместить их, чтобы уменьшить крен?

Тони Мерч не дослушал его и недовольно отмахнулся.

— Ты пойми меня, моржовая голова! — горячился Иван Акимович. — Таким-то макарком, вручную, мы все эти тонны перекидаем не раньше, чем к морковкину заговенью.

Тони Мерч стоял с деревянным лицом, словно не слышал ничего.

— Штурман! — окликнул Иван Акимович Морозова. — Рас-толкуй хоть ты лупоглазому...

Но Тони Мерч, не слушая никого, направился к работающим.

— Два боцмана в одном трюме... — усмехнулся Морозов. — Это похуже, чем два кота в мешке.

Петр Андреевич не ответил на шутку штурмана. Странно чувствовал он себя в недрах чужого парохода. Трюм делился на отсеки из толстых досок, укрепленных на опорах — четырехгранных дубовых брусах. Между отсеками, по центру, оставалось свободное пространство. Как объяснил капитан, здесь стояли выгруженные в Исландии автокраны. Перегородки правого отсека не выдержали натиска бури, обрушились. Сброшенные качкой ящики и бревна завалили пустой центр трюма, отчего загрузка правого борта резко уменьшилась, и пароход накренился налево. Дальше качка усугубила положение, смещая все больше груза на левую сторону.

Пока Петр Андреевич присматривался, размышляя, как бы получше организовать перегрузку, Иван Акимович перехватил вышедших из шахты двух матросов и принялся горячо втолковывать им что-то, действуя, впрочем, больше руками, чем словами.

Морозов изнывал от сознания, что стоит безучастным свидетелем, когда дорога каждая пара рук. Он понимал, что вмешиваться в распоряжения Тони Мерча или даже советовать ему не следовало. Опытный боцман знает, как перегружать трюм лучше, чем молодой штурман. Но и оставаться сочувствующим наблюдателем было невозможно. Он сбросил куртку и присоединился к Ивану Акимовичу.

Петр Андреевич проводил его взглядом, но ничего не сказал. Ему и самому хотелось присоединиться к работающим. Конечно, его положение куда сложнее, чем у Ивана Акимовича или даже у Морозова. Не уронит ли он достоинство начальника спасательной команды, ворячая с матросами ящики? Ведь ни один из штурманов «Гертруды» не пошел в трюм. Но сколько же можно так сидеть в стороне? Перегрузка будет продолжаться не час и не два. Да за это время матросы к нему всякое уважение потеряют. «Я начальствую в советской спасательной команде,— решил Петр Андреевич.— Для меня их отношения с матросами не обязательны. Пускай думают и говорят что хотят». И он направился за Морозовым.

Иван Акимович искренне обрадовался неожиданному подкреплению. Много ли сделаешь с людьми, не понимая их, хотя бы они и хотели всей душой помочь тебе? А тут такая помощь — две пары рук, да еще и переводчик!..

Пока внизу разбирали завал, Иван Акимович со своими людьми соорудил грубое подобие подвесной дороги. От борта к борту протянули стальной трос. С приподнятого правого борта закрепили его за рым*, а на притопленном левом борту подняли повыше. Подвешенный на блоке к наклонному тросу ящик, увлекаемый собственной тяжестью, скользил с перегруженного левого борта на правый. Там его подхватывали матросы и надежно крепили в штабеле. Труднее всего оказалось придерживать скользящий на блоке ящик оттяжками из пенькового троса. Но и с этим справились умелые руки матросов. Обмотали они оттяжки вокруг стоечного бруса и теперь без особого напряжения сдерживали любой рывок качки.

Иван Акимович оставил самодельную подвесную дорогу Петру Андреевичу, а сам взял Морозова, набрал новых людей и принялся сооружать вторую, такую же.

На этот раз Тони Мерч не стал спорить. Правота русского была слишком наглядна.

Ящик за ящиком, тяжело покачиваясь и поскрипывая канатами, переправлялись через пустое пространство к правому борту. Слышались лишь знакомые возгласы.

- Вира, помалу!
- Потравливай!
- Давай, давай!

Значительно труднее пришлось матросам, разбиравшим завал между грузовыми отсеками. Бревна после каждого удара волны перемещались. Приходилось работать осторожно, поглядывая по сторонам.

Матросы трудились по-авральному, не щадя ни рук, ни сил. Пора было дать им передохнуть.

* Рым — кольцо в борту для крепления грузов.

Ближающийся перерыв беспокоил Петра Андреевича. Что сочувствуют матросы, когда оторвутся от работы, поглощающей все их внимание? Как подействуют на них удары волн, раскатистый грохот в трюме, плеск воды за бортом, под ногами и даже над головой?

Команду на отдых подал Тони Мерч и сам первым опустился на подвернувшийся ящик.

Обычно матросы устраиваются на перекур там, где их застает команда. Но на этот раз в огромном гулком трюме, где привольно гуляло эхо, удесятая шум шторма, скрип шпангоута и многие непонятные, а потому тревожащие звуки, люди, сами того не замечая, сбились в кучу. Один боцман лежал в стороне на большом ящике, широко раскинув руки и ноги.

Минута за минутой тянулись почти в полном молчании. Кое у кого на лицах появилось знакомое выражение настороженного ожидания.

Петр Андреевич напряженно искал, чем бы отвлечь матросов от ненужных размышлений. Попробовал он пошутить. Морозов перевел. Один Ларсен слегка улыбнулся. Остальные не шелохнулись. И не удивительно. Что за шутка... в переводе? Молчание становилось все более тягостным. Люди курили с каким-то ожесточением, посматривая друг на друга так, будто ожидали услышать нечто тревожное. Петр Андреевич напряженно обдумывал, как-бы поднять настроение матросов. Анекдот, смешной случай из пережитого... Все не годилось. В переводе теряются интонации рассказчика, а вместе с ними и соль занятой истории, живинка. А не хватить ли задорную частушку? Пускай послушают, увидят, что русский моряк нигде не робеет. И вдруг Петр Андреевич оживился.

— Запевай «Катюшу»!— Ударил он по плечу Морозова.— Давай! Фронтальная подружка и тут не подведет.

Морозов понимающе кивнул и запел звонким мальчишеским голосом:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Петр Андреевич подхватил с Иваном Акимовичем:

Выходила на берег Катюша^
На'высокий берег, на крутой...

В пение ворвался могучий густой бас. Кто это? Петр Андреевич, не оборачиваясь, покосился в сторону баса. Голос его сорвался от изумления. Беллерсхайм! Здорово!

А Беллерсхайм потянул за собой остальных. Пели Ларсен и Тони Мерч, ирландцы и негры, и матрос с изжелта-смуглой

кожей, национальности которого на взгляд не определишь — португалец, испанец, а быть может, и итальянец?

Песня звучала все громче. Могучее трюмное эхо из врага превратилось в друга. Оно удесятерило силу человеческих голосов, теснило рвущиеся извне звуки бури, и потрескивание шпангоута, и плеск воды. В песне смешались русские, английские, португальские слова. Но все понимали, что Катюша любит хорошего парня, ждет его, сбережет ему свою чистую девичью любовь, а главное, ничего страшного с парнем, находящимся вдалеке от деревушки, не случится...

Песня захватила всех, отвлекла от сумрачного трюма, от темных углов, куда не добирался желтоватый свет подвесной люстры. На людей нахлынули чувства, далекие от невеселой действительности. Да и сам Петр Андреевич глядел на окружающие его обросшие усталые лица по-иному. Не слишком ли он осторожничал с этими людьми. Конечно, трудно было понять их. Вон Беллерсхайм, от которого он так хотел избавиться, обхватил узловатыми ручищами колени и, пригибая упрямую лобастую голову, давит голоса соседей своим могучим басом.

И когда песня кончилась, Петр Андреевич почувствовал, как потеплели его отношения с чужими матросами. Хотелось закрепить растущее, доброе, хотя и бессловесное взаимопонимание. Попробовать разве «Песню о Родине»? А не сочтут ли это за агитацию на чужом пароходе? Народ-то здесь разный. Как Тони Мерч преподнес ему «Свободную Ирландию!» Пока Петр Андреевич перебирал в памяти знакомые песни, вынул его Олаф Ларсен: запел хорошо известную всему миру мелодию. Рыбаки, а за ними и матросы «Гертруды» охотно подхватили:

...Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...

Песня росла, ширилась, смешивая незнакомые слова в единый, понятный всему человечеству язык. Она увлекала людей все больше. Хотелось жить, пользоваться прелестью летних вечеров — под Москвой, в Дублине, Галифаксе и Лиссабоне. Каждый пел о своих вечерах, видел близкую сердцу картину: приземистые строения ирландских поселков, остроконечные крыши солнечного Шлезвига, затянутый туманною дымкою берег Уэлса. И лица вставали перед поющими очень разные: девичьи, свежие; и старушечьи, сморщенные; и пухлые ребячьи — но все одинаково близкие, вызывающие острое желание повидать их...

— Отдохнули? — поднялся Петр Андреевич.

— Пошел все по местам! — бухнул басом Беллерсхайм, натягивая рукавицы с таким видом, будто готовился к драке.

Матросам не пришлось объяснять, куда идти и что делать. Рабочие места у них уже определились. Появилось и ощущение товарищеского плеча.

Петр Андреевич связался по телефону с ходовой рубкой и объявил работающим, что крен уменьшился на два градуса. Это было немного. Но все же опасность убывала.

В трюме появились новые люди. На некоторых из них виднелись перевязки.

Новички обступили Ивана Акимовича, старались объясниться с ним знаками.

— Добро, добро! Сейчас пристрою вас к делу.— Иван Акимович довольно подмигнул товарищам.— Домнушкины крестники.

15

Петр Андреевич первым заметил пробирающегося по грузовому отсеку Джима Олстона. Что принес в трюм безликий старший помощник, не смеющий в присутствии капитана и рта раскрыть? Почему он не позвонил по телефону, а пришел сам? Во всем этом было что-то тревожное. Джим Олстон быстро спустился к нему и стал искать взглядом Морозова. Именно Морозова. На ожидающего зова Олафа Ларсена он почему-то избегал смотреть.

Старший помощник подождал, пока Морозов подошел к нему, и тихо произнес два слова. Морозов посмотрел в его лицо непонимающими глазами. И только после того, как Джим Олстон повторил сказанное, он, запинаясь, тихо перевел.

— Капитан... застрелился.

— Застрелился? — Петр Андреевич оглянулся, как бы проверяя, какое влияние окажет тяжкая весть на окружающих. Не увидят ли они виновника самоубийства в нем, пришедом с другого судна, в его напористости?

Работы приостановились. Матросы видели: старший помощник сообщил русским нечто важное.

Джим Олстон протянул Морозову сложенный вчетверо лист бумаги и сказал.

— Письмо капитана.

— Читай.— Петр Андреевич увидел, как матросы медленно стягиваются к ним, и, избегая смотреть на них, напомнил: — Читай тихо. Олаф Ларсен понимает по-русски.

«Дорогая Эдит, Ральф, Гарри и Гертруда!..» — начал Морозов.

— Эдит — жена его, — вставил Джим Олстон.— Ральф и Гарри — сыновья. Гертруда — дочь. Капитан назвал ее так в честь...

— Понимаю, — кивнул Петр Андреевич.

«...Трудно уходить из жизни, сознавая, что это единственная возможность избавиться от суда, позора, гражданской смерти,— продолжал читать Морозов.— Но иного выхода у меня нет.

За четверть века службы я достиг большого доверия компании, уважения товарищей и экипажа. Это-то и обернулось против меня с такой силой, что никто и ничто не может спасти меня. Перед выходом в рейс меня пригласил шеф и с глазу на глаз предупредил, что на «Гертруде», возможно, произойдет серьезная авария. Возможно, судно потеряет ход, а вместе с ним и управление. В высоких широтах, на огромном удалении от доков, авария может привести к гибели судна. Стоит ли рисковать людьми, отстаивая пароход, второй год почти не дающий дохода? Все равно его придется скоро сдать на слом. Шеф ничего не сказал о страховой премии. Нужно ли было напоминать мне, старому капитану, о столь простой истине? Зато он очень кстати вспомнил о моей пенсии. Заглянул в контракт и прочитал пункт о том, что компания дает мне пенсию за полных двадцать пять лет беспорочной службы. Следовательно (дал мне понять шеф), если меня уволят за три месяца до срока, то я потеряю право на пенсию.

«Компания не имеет сейчас свободных судов,— закончил шеф.— Но вас это не должно волновать. Для старого служащего, соблюдающего наши интересы в любых условиях и обстоятельствах, мы всегда найдем возможность дать дослужить последние месяцы».

Я прекрасно понимал, что капитан моего возраста, да еще и уволенный столь поспешно после двадцати пяти лет службы никому не нужен. Оставалось на выбор: либо не мешать предусмотренным шефом «случайностям», либо лишиться возможности довести Гарри и Гертруду до самостоятельности, оставить их недоучками.

Авария произошла, как меня и предупреждал шеф, в отдаленном от портов районе, где не было надежды на должную помощь. Па сотню миль вокруг дрейфовало лишь несколько рыбацких судов. Всю ночь я колебался. На рассвете свежий ветер перешел в шторм. Он лишил нас мачты, резко ограничил радиосвязь. Смещение груза в трюме и обледенение поставили нас в критическое положение. Теперь уже выход оставался один: оставить пароход. Я дал в эфир SOS. На помощь пришли русские. Я сделал все возможное, чтобы оставить «Гертруду»: воздействовал в нужном направлении на веривший мне экипаж, штурманов и механиков отправил на аварийные посты и приказал им следить за угрозой пароходу (так мне было удобнее вести переговоры с рыбаками), матросу, знающему русский язык,

приказал подменить раненого товарища. И все рухнуло. Русские с их невысказанным напором сумели переломить настроение экипажа. Даже штурманы оставили свои посты и собрались в рубке. Впервые в жизни я увидел на лицах подчиненных недоверие и даже услышал от них советы. Что оставалось мне делать? Я объявил аврал. Из окон рубки видно: матросы работают как бешеные. Положение парохода и сейчас еще более чем серьезно. Но я вижу: они вытянут «Гертруду» с того света. Я представил себе, как меня встретят в порту. Каждый поймет, что пароход хотели потопить ради получения страховой премии (это наиболее выгодный способ ликвидировать устаревшее судно). Представитель страхового общества, естественно, обратится в морской суд. Ответчиком буду я, капитан. «Был ли пароход в безнадежном состоянии?» — спросит истец. Суд ответит: «Нет, не был». — «Имел ли право капитан просить траулер снять экипаж, бросить судно и груз?» — спросит истец. «Нет, не имел», — ответит суд. Компания, конечно, отвергнет версию страхового общества о попытке потопить пароход и выдвинет свою. Какую? Непригодность старого капитана, растерявшегося в сложных штормовых условиях Заполярья. Они докажут свое, представив копии радиограмм, требующих от меня сохранить пароход, груз, и выйдут чистыми из грязи.

Кто же застрянет в этой грязи? Капитан. Я застряну.

Но есть во всем этом нечто даже более страшное, чем морской суд, лишение работы и необеспеченная старость,— голос собственной совести. Как я посмотрю в глаза детям, в твои глаза, Эдит? Где мои понятия о долге моряка, чести? А раз так, то ни мне, ни другим не нужна жизнь старого, обесчещенного капитана — капитана-преступника. Поздно заговорила совесть!

Простите меня. Ричард О'Доновен».

Пока Морозов читал, матросы столпились вокруг него. С растущим беспокойством заглядывали они во взволнованное лицо русского. Даже Олаф Ларсен и тот ничего не понял из отдельных, услышанных слов, настолько тихо читал Морозов.

Петр Андреевич видел, мысли матросов далеки от работы, которую только что они выполняли с таким рвением. Приказать им разойтись по своим местам? Нет. Приказом сейчас ничего не сделаешь, лишь разрушим только что установленное п еще не окрепшее взаимопонимание. И он принял смелое решение: взял письмо у Морозова и передал его Джиму Олстону.

— Прочтите матросам,— сказал он и, заметив недоумение старшего помощника, настойчиво повторил.— Читайте, чи-

тайте. Пускай эту весть они узнают от вас. Это очень поможет вам в дальнейшем.

Матросы поняли сказанное Петром Андреевичем по выражению его лица, энергичному жесту и замешательству старшего помощника.

— Читайте, сэр! — зашумели они.—Мы хотим знать все! Что случилось наверху?

Джим Олстон, преодолевая внутреннее сопротивление, поднял руку.

Все притихли.

Старший помощник читал письмо. Его слишком четкий голос сразу приковал к себе внимание. Никто сейчас не слышал ни рева моря, ни поскрипывания шпангоута. А когда он кончил читать, матросы не шелхнулись, оглушенные чудовищной вестью.

— Сейчас не время обсуждать участь нашего капитана,— начал Джим Олстон, предупреждая ненужные, по его мнению, разговоры.

— Почему? — резко спросил Белл ерсхайм.—Почему не время?

— Беллерсхайм! — Джим Олстон резко повысил голос.

— Почему мы должны молчать? — Беллерсхайм выдержал: строгий взгляд старшего помощника.— Они убили капитана.

— А могли убить всех нас! — крикнул Олаф Ларсен.

— Не станем молчать! — подхватили со всех сторон матросы.— Не можем молчать!

— Криком мертвому не поможете,— попытался остановить их Джим Олстон.

— Поможем!—убежденно бросил Беллерсхайм.—Поможем и мертвому. Конечно, не криком. Мы приведем эту посудину в порт.

— Верно! Хорошо сказал! — шумно поддержали его матросы.— Вызовем на палубу страховых боссов. Они-то разберутся, кто и ради чего топили пароход.

Гнев захватил людей, подавил усталость. Их превратили в разменную монету, в фишки для какой-то гнусной финансовой игры, где на кону стояли не только деньги, но и человеческие жизни.

Джим Олстон смотрел на бушующих матросов. Первое замешательство его прошло. Растерянное выражение лица сменилось уверенным, волевым. Он поднялся на оторванную от грузового отсека доску. Осмотрел невольно притихших под его взглядом людей. Голос старшего помощника зазвучал негромко и четко, как у человека, знающего, что его обязаны слушать, не могут не слушать.

— Я принимаю на себя командование «Гертрудой» и полную ответственность за сохранность парохода.

Последние слова Джима Олстона вызвали восторженный крик матросов.

— Хорошо сказал! Молодец старший! Порадуем компанию!

Джим Олстон выждал, пока возбуждение слушателей несколько спало, и продолжал.

— Я попрошу русских,— он посмотрел в сторону Петра Андреевича, — по-прежнему придерживать «Гертуду» в нужном положении, а несколько позже вызвать более мощное судно для буксировки. Смею заверить вас,— многозначительно закончил Джим Олстон,— будет сделано все, что нужно. «Гертуда» не утонет.

— Выровняем старуху! — Беллерсхайм натянул огромные рукавицы.— Или у меня на плечах не голова, а пустая бочка от пива!

Никто в трюме не заметил, как там появился рыжий Майкл. Матросы были слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам. Они вкладывали в свой тяжелый труд не только все силы

и умение, но и бушевавшую в их сердцах злость к тем, по чьей вине им пришлось пережить три страшных дня.

Майкл вышел из шахты. Не спеша осмотрелся. Заметив беседующих в стороне Джима Олстона и Олафа Ларсена, он смело направился к ним.

Первым увидел Майкла боцман. Рыжий поймал на себе его недобрый взгляд и на всякий случай обошел своего недруга.

— Эй, Попугай! — окликнул его Тони Мерч. — Сходи в носовую кладовку...

— Я уже побывал в кладовке, — дерзко перебил его Майкл. — Хватит с меня.

— Майкл! — строго одернул матроса старший помощник. — Вы слышали приказание боцмана?

— Слышал. — Лицо Майкла напряглось, покраснело, на лбу вздулись темные жилы. — Слушайте все! — Он уловил угрожающее движение боцмана и легко вскочил на поваленный ящик. — У нас на пароходе преступление! Тони Мерча надо повесить. Немедленно!

— Экий ты торопливый! — усмехнулся Олаф Ларсен.

— Майкл! — строгий голос старшего помощника оборвал неуместные шутки.

В другое время матросы охотно потешились бы очередной выходкой Майкла-Дурачины, подзадорили б его. Но... тон Джима Олстона напомнил о смерти капитана, о положении парохода.

Один Майкл не обратил никакого внимания на окрик старшего помощника. Он поднял вверх костистые кулаки и закричал.

— Тони Мерч намотал на винт канат. Я сам видел. Своими глазами.

Матросы замерли. Свалившееся на боцмана обвинение не укладывалось в их сознании. Если б не самоубийство капитана, не его посмертное письмо, в трюме посмеялись бы над рыжим, и только. Но сейчас общее внимание было напряжено. Выкрик Майкла заставил всех невольно обернуться в сторону боцмана.

Тони Мерч, тяжело ступая, направился к Майклу. Рыжий соскочил с ящика и с неожиданной ловкостью юркнул за спины таманцев. Морозов шагнул в сторону, загородил собой Майкла. Но и это не остановило взбешенного боцмана. Он плечом оттолкнул Морозова, бросился на Майкла, но ударить не успел. Опомнившиеся матросы схватили его, повисли на плечах. Тони Мерч рвался, напрягая все силы, грозил раздавить каблуком пьяницу и болвана Майкла.

— Придержите его, — приказал старший помощник и обернулся к рыжему. — Что вы хотели сказать, Майкл Юджвин?

— Трое суток назад Тони Мерч вызвал меня с ужина и

велел помочь ему перетянуть бухту перлиня, — начал Майкл, искоса поглядывая на повисшего на сильных руках матросов боцмана. — Вдвоем мы подтянули канат к самому борту. «Можешь идти ужинать, — сказал Тони. — Больше ты мне не нужен». Вернулся я в салон и вспомнил, что забыл на ахтерлюке рукавицы. Совсем новые рукавицы! Выхожу я на корму и вижу... Тони опустил конец перлиня по ходу судна и болтает им в воде. «Какое мне дело до того, что делает боцман? — сказал я себе. — Раз болтает концом в воде — значит, нужно болтать». Взял я рукавицы. Вернулся в салон. Поужинал. Лег спать. Потом нас разбудили. «Гертруда» потеряла ход. Поднялась суматоха. А мне-то что? Потеряла ход и потеряла. На то воля божья! Пускай капитан думает, что делать дальше. Потом шторм набросился на нас. Три дня не было времени не только для размышлений... поспать не удавалось. Все помнят! А когда пришли русские и сказали, что «Гертуду» можно спасти, стал и я думать: «Что делал боцман на корме? Зачем он болтал концом перлиня в воде? Куда делась огромная бухта каната? В такую качку ее и втроем не стащить в кладовку!» Пошел я к капитану. Старик угостил меня ромом и велел отдохнуть. А боцман, собака, запер меня в дальнюю кладовку. Русский парень выручил меня из-под замка. А то потонул бы я, как крыса в ловушке. Только крыса всегда выберется вовремя. Найдет щель...

— Я вас понял, Майкл, — остановил разговорившегося матроса Джим Олстон. — Вы обвиняете боцмана в том, что он умышленно намотал на винт бухту перлиня и тем самым лишил «Гертуду» хода?

— Обвиняю! — выпрямился Майкл. — Его надо повесить.

— Кого вы слушаете? — Тони Мерч рванулся в руках матросов. — Майкла-Дурачину, Майкла-Попугая! Кому верите?

— Я не верю болтовне Майкла. — Беллерсхайм покачал головой. — Не верю, чтобы боцман...

— Я сам видел! — перебил его рыжий. — Своими глазами...

И замолк под бешеным взглядом Беллерсхайма.

— Не верю я тебе, Майкл. — Беллерсхайм тяжело перевел дыхание и обернулся к боцману. — Но, скажи, Тони, зачем ты говорил нам, что русские пришли сюда за большие деньги и хотят, чтобы мы таскали для них каштаны из огня? За тобой и я убеждал наших парней послать русских с их заботами о спасении «Гертуды» ко всем дьяволам и не спускаться в трюм. Зачем ты это делал, Тони?

Все ждали ответа Тони Мерча, не спускали с него строгих глаз.

— Так велел он, — выдавил из себя боцман и показал головой в сторону ходовой рубки.

— Валишь на мертвого? — Олаф Ларсен окинул его брезгливым взглядом. — А он в письме и не помянул о тебе. Всю вину принял на себя. Всю!

— Да, боцман! — в ровном голосе Беллерсхайма звучала ярость. — Не видать тебе хозяйской милости. Уж мы постраемся!

— Почему на бирже серебренники? — крикнул кто-то из матросов. — Иуда!

— Мы проверим утверждения Майкла, — поспешил остановить надвигающийся новый взрыв негодования Джим Олстон. — А пока я отстраняю вас, Тони Мерч, от обязанностей боцмана...

— Меня? — Тони Мерч не сразу понял услышанное. — Я двенадцать лет!..

— Беллерсхайм! — продолжал Джим Олстон, не обращая внимания на выкрик Тони. — Исполняйте обязанности боцмана. А вы, Тони Мерч, займитесь перегрузкой.

Джим Олстон отвернулся от разжалованного боцмана к Петру Андреевичу.

— Вас я попрошу пройти со мной. Ларсен! Вы тоже...

— И я! — подскочил Майкл, все еще косясь в сторону Тони Мерча.

— И вы пойдете со мной, — согласился Джим Олстон, рассудив, что не следует оставлять вместе разоблачителя и обвиняемого.

Перед тем как уйти из трюма, он задержал взгляд на бывшем боцмане и сказал Беллерсхайму:

— Я запрещаю Тони Мерчу выходить из трюма. Проследите за выполнением моего приказа.

— Это что?.. — прохрипел Тони Мерч. — Арест?

— Возможно, — спокойно ответил Джим Олстон. — Надо будет — приму более жесткие меры.

— Наручники наденете? — Тони Мерч весь устремился вперед. Казалось, он сейчас бросится на нового капитана. — Запрете в канатный ящик?

— Беллерсхайм! — Джим Олстон повернулся спиной к дрожащему Тони Мерчу. — Покажите ему рабочее место.

— Есть, сэр! — грозно бросил Беллерсхайм и значительно добавил. — Тони Мерч отсюда не выйдет.

— Не выйду? — переспросил Тони Мерч. — Я... не выйду?

Он осмотрелся. Ни одного сочувственного взгляда не увидел он, ни одной руки, готовой поддержать его. Попытка боцмана свалить пущенную им сплетню о русских рыбаках на погибшего капитана восстановила против него матросов. Они держались так, словно преступление Тони Мерча было уже доказано и товарищи взяли на себя обязанности служителей правосудия. А правосудие на аварийном судне, да еще и в бу-

шующем море, жестоко. Тони Мерч прекрасно знал это. Ведь сам он не раз бывал если и не судьей, то строгим и неумолимым исполнителем морских законов.

Морозов первым выбрался из лазового люка и глубоко, полной грудью дышал свежим морским воздухом.

Над морем разгоралось северное сияние. Огромный, вполнеба сверкающий занавес мягко колыбался тяжелыми голубоватыми складками с запутавшейся в них узкой молодой луной. Складки быстро густели, гасили звезды. Внизу занавес оторачивала широкая серебристая бахрама штормующего моря.

После сырого затхлого трюма с кипящими в нем страстями, с его напряженной трудовой жизнью пустынная палуба оставила гнетущее впечатление. Море бесновалось по-прежнему.

В мертвенном свете северного сияния завалившийся набок пароход — безлюдный, со сломанной мачтой и раскачивающимися на таях обломками шлюпки — выглядел брошенным, обреченным.

За Морозовым вылез из тамбура Джим Олстон, а несколько позднее и Петр Андреевич. Ждать Олафа Ларсена и Майкла они не стали и укрылись от ветра в надстройке.

Джим Олстон воспользовался передышкой и сообщил Петру Андреевичу, что он принял решение обследовать гребной вал своими силами.

— В море? — спросил Петр Андреевич.

Джим Олстон услышал в его голосе недоверие и пояснил.

— За последние несколько часов ветер сменил направление и сейчас дует с норд-оста. Массы воды, приведенные в движение норд-вестом, еще стремятся по инерции на зюйд-ост. А ветер, раскачивая воду в новом направлении, гасит старые волны, но еще не поднял новые. Поэтому движение воды значительно ослабело.

— А как температура воды? — заинтересовался Морозов.

— На глубине восьми метров плюс шесть по Цельсию. Гольфстрим никакой мороз не остудит...

В надстройку вбежал Ларсен, а за ним и Майкл, все еще бормочущий что-то о боцмане.

— Приготовьтесь, Ларсен, — приказал Джим Олстон. — Перед тем как начнете одеваться, внимательно проверьте акванланг.

Морозов резко, всем телом, подался к Джиму Олстону и облизул пересохшие от волнения губы.

— Нет ли у вас... второго акванганга? — спросил он.

— Вы умеете пользоваться аппаратом? — Джим Олстон всмотрелся в взволнованное лицо юноши.

— В Херсонском мореходном училище я был старшиной группы аквалангистов,— по-курсантски четко ответил Морозов.— Мне приходилось спускаться под воду на глубину до тридцати метров.

— А погода? — Джим Олстон кивнул в сторону моря.

— Мы тренировались круглый год. Конечно, в соответствующих костюмах.

— Хорошо,— согласился Джим Олстон.— Идите с Ларсеном.

Все это произошло так быстро, Морозов даже не перевел своего разговора с Джимом Олстоном Петру Андреевичу, а лишь доложил, что идет готовиться к спуску под воду. Он всячески старался держаться солиднее, унять клокочущую в нем радость, и оттого она становилась еще более заметной, яркой.

Трудно было Петру Андреевичу сразу определить свое отношение к смелому решению нового капитана «Гертруды». Глубоко под водой застыл неподвижный винт, сковавший огромное судно, мощную машину. Что на нем намотано? Сорванные бурей сети рыбаков или же опущенный преступным боцманом с кормы толстый канат? Допустим, что случится чудо: аквалангисты доберутся до гребного вала и выяснят, что сковало винт. Облегчить положение «Гертруды» в открытом море все равно не удастся. Намотка на винт — авария серьезная. Устранить ее можно только в порту...

Джим Олстон и Петр Андреевич проводили аквалангистов до каюты, а затем поднялись в радиорубку.

— С кем держите связь? — спросил Джим Олстон.

— Только с «Таманью».— Радиооператор приподнял наушники.— Час назад ответил дрейфующий норвежский бот.

— Прекратите подачу сигналов о помощи,— приказал Джим Олстон.— Содействия траулера для нас пока вполне достаточно.

Вслушиваясь в непонятную речь, Петр Андреевич вспомнил, что давно не информировал Степана Дмитриевича, и попросил радиста вызвать к аппарату капитана траулера.

Степан Дмитриевич ответил очень быстро. Видимо, он ждал в радиорубке «Тамани».

На этот раз доклад шел легко. События на пароходе развивались быстро и в нужном направлении.

— Значит, порядок у тебя? — весело подытожил Степан Дмитриевич доклад первого помощника.— Только сам, говоришь, остался не у дел. Хорошо! Ты свое сделал: расшевелил людей, внушил им уверенность в благополучный исход. Присматривай теперь, чтобы народ не остыл. А новому капитану «Гертруды» передай: мы будем буксировать их до встречи с более мощным судном.

Степану Дмитриевичу не удалось обмануть первого помощника ни нарочито спокойным тоном, ни шутками. Слушая его, Петр Андреевич живо представлял себе, как борется с бурей небольшой траулер. Бешеные рыбки буксирного троса, связывающего «Тамань» и «Гертуду», сбрасывают спящих с коек (если кто-либо может сейчас спать на траулере). Почему-то вспомнились книги, журналы и патефонные пластинки, сложенные из предосторожности на полу каюты. Расползлись они сейчас, перемешались. Дверь в каюту не откроешь. А впереди еще тяжелая буксировка!.. Думая о положении на траулере, Петр Андреевич все время ждал вопроса капитана: скоро ли вы вернетесь с «Гертруды»? И в том, что Степан Дмитриевич не спросил о самом главном, чувствовалось больше понимания трудного положения первого помощника на чужой палубе, чем в нелегко дающемся капитану спокойном тоне и шутках.

Джим Олстон посмотрел на часы и знаками показал: пора идти.

На открытой корме ветер набросился на них, то упруго упирался в спину, то злобно теребил одежду.

Тихон-Том и Алеша крепили к борту штормтрап с привязанными к последней ступеньке для большей устойчивости тяжелыми колосниками. Из-за трубы вышел и выжидающе уставился на нового капитана рыжий Майкл.

Алеша выбрал удобную минуту и остановил Петра Андреевича.

— Морозов с аквалангом пойдет? — В глазах у него блеснула обида.

— У него есть навыки, опыт,— ответил Петр Андреевич, пресекая готовую сорваться просьбу Алеши.— Новичка в таких условиях я не пустил бы в воду.

— А кто переводить будет? — не унимался Алеша. Он так искал подвига! Но и здесь ему пришлось выполнять работу, обычную на траулере, хотя и неизмеримо более тяжелую.— Главное для нас язык. Без языка что мы тут?..

— А вот... Чем не переводчик? — Петр Андреевич показал на Тихона-Тома. И добавил строже: — Давай-ка трап готовь.

Из выходившего на корму тамбура боцманской кладовой, где хранилось снаряжение для погрузки кормового трюма, вышли Олаф Ларсен и Морозов. Одеты в серые костюмы из непроницаемой ткани и в каучуковые шлемы, с кислородными приборами и масками, прикрывающими их лица, они походили на существа, прибывшие с другой планеты. Шлепающие по палубе ласты и зыбкий свет северного сияния дополняли их неземной облик. На шее у Морозова висел черный мешочек с инструментами. Олаф Ларсен держал в руке лампу подводного освещения с зеркально блестящим рефлектором.

Джим Олстон внимательно проверил костюмы и снаряжение аквалангистов. Петр Андреевич привязал к ремням водолазов тонкие крепкие линии и закрепил их намертво; случись что с человеком под водой — товарищи вытащат на палубу.

— Не забывайте о качке, — напомнил еще раз им Джим Олстон. — В особенности у винта. Головы берегите.

Вместо ответа Олаф Ларсен и Морозов надели поверх каучуковых шлемов меховые шапки. Желая поскорее пробить волну, каждый из них навесил на плечи по куску тяжелой цепи.

— Трап готов! — доложил Алеша, с нескрываемой завистью глядя на последние приготовления.

— Пошел за борт! — подал команду Джим Олстон.

Олаф Ларсен помахал рукой остающимся на корме и первым перевалился через фальшборт. За ним четко обрисовалась на фоне полыхающих по небу голубых полос фигура Морозова ж скрылась в темноте.

18

За бортом ветер набросился на смельчаков с удвоенной силой, раскачивал штормтрап. Тяжелая цепь давила на плечо, порой дергала, будто стараясь сорвать человека с зыбкой ступеньки, бросить его в шипящую воду. А когда порыв ветра ослабевал, нога торопливо искала на ощупь следующую перекладину. Морозов прижимался грудью, всем телом к штормтрапу, пережидая новый натиск ветра. Стараясь хоть чем-то облегчить казавшийся бесконечным спуск, он прибегнул к проверенному с детства средству — стал мысленно считать ступеньки: «...шесть... семь... восемь».

Морозов не видел, как соскользнул в воду напарник, а почувствовал это всем телом. Облегченный штормтрап рванулся в сторону. Еще более зыбкими стали под ногами ступеньки.

Осторожно, чтоб не уронить с плеча цепь, Морозов взглянул вниз. Под водой маячило зеленовато-мутное пятно. Медленно ползло оно к днищу парохода. Волна спала — пятно вспыхнуло, стало ярче, ближе.

«Ларсен плывет», — понял Морозов.

И осторожно поймал ногой перекладину.

«...шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...»

Набежавшая волна обхватила ноги, бедра и звучно шлепнула в округлую скулу кормы.

«Пора!» — решил Морозов.

И оторвался от штормтрапа.

Увлекаемый висящей на плече цепью, Морозов быстро пошел на глубину. После резкого морозного ветра вода показалась очень теплой. Сжимая зубами загубник кислородного прибора, Морозов погружался все глубже. Расплывчатый зелено-

ватый круг впереди быстро поднимался. Вот он уже наравне с Морозовым... несколько выше... уходит вверх...

Морозов сбросил с плеча цепь. Резко облегченное тело взлетело вверх, будто получило толчок снизу. Морозов выровнялся. Часто и сильно работая ластами и руками, плыл он к огромному зеленоватому кругу с выделяющимся в нем мутным пятном. Даже на глубине движение воды было весьма ощутимым. Темное пятно на бутылочно-зеленоватом фоне' постепенно уменьшалось, обретало очертания человеческой фигуры.

Морозов подплыл к Олафу Ларсену, сидящему на гребном валу под лампой, подвешенной на лопасти винта. Сердце его забило часто и сильно, отдавая ударами в висках. Основание двух лопастей винта перехватила туго натянутая крепкая сеть. Одеревенелым жгутом перекинулась она на гребной вал и там скрылась под плотно намотанным в несколько слоев толстым — в руку человека — канатом. Вращение винта натянуло пеньковый перлинь с такой силой, что он казался слитым в один крепкий кусок, несколько напоминающий цветом и упругостью кость.

Лишь теперь стало понятно, как удалось преступнику так быстро намотать канат на винт. К концу перлиня боцман привязал крепкую сеть для погрузки ящиков и бочек. Расчет его был точен: сеть за-

целится за работающий винт, потянет за собой канат и наматывает его если не на винт, так на гребной вал. Результаты будут одинаковы — судно потеряет ход.

Более бурно воспринял увиденное Олаф Ларсен. Еще в трюме он вспомнил недавнюю встречу в проходе с Тони Мерчем и пьяным Майклом. Рыжий уверял, что напоил его капитан. Тогда слова Майкла прозвучали для Олафа Ларсена как обычная болтовня пьяницы. И уже значительно позже, в трюме, после самоубийства капитана, он задумался: а быть может, это было не болтовней? Олаф Ларсен не рискнул высказать свои сомнения в трюме. Остановило его одеревенелое лицо Беллерсхайма, стиснутые кулаки матросов. Но желание внести ясность, выяснить, преступник Тони Мерч или нет, не давало покоя. Выбрав минутку, он предложил Джиму Олстону попытаться обследовать винт под водой в легководолазном костюме.

Олаф Ларсен прекрасно понимал, насколько все это сложно и рискованно. И он искренне обрадовался, когда Морозов вызвался спуститься с ним под воду. И сейчас, когда Олаф Ларсен увидел, что сковало пароход, его затрясло от нахлынувшего негодования. Особенно тяжело было, что он не мог даже поделиться с товарищем своим возмущением или хотя бы отвести душу — ругнуться.

Неожиданно гребной вал с сидящим на нем Ларсеном плавно взмыл наверх. Морозова вода отбросила в сторону. Слегка работая руками и ногами, он выждал, пока корма вернулась на прежнее место. Энергичный гребок. Еще! Морозов ухватился за лопасть винта...

Ларсен подвинулся, дал товарищу сесть рядом с собой и показал знаками: отдохни, осмотришь. Потом он устроился верхом на гребном вале, цепко охватив его ногами, нагнулся и вытянул свободный конец каната.

Скоро они поняли, что работать в качку под водой возможно, лишь ни на мгновение не отрываясь от парохода.

Придерживаясь за гребной вал, то взмывая вместе с ним, то опускаясь, аквалангисты сравнительно легко сняли первый виток каната. Зато уже второй виток держался намного крепче, а третий пришлось дергать изо всех сил. Морозов уперся обеими ногами в лопасть винта, напряг все тело... Еще полвитка сорвали с вала. Еще немного...

Дальше перлинь не шел.

Аквалангисты устало повисли, придерживаясь руками за гребной вал. Корма парохода плавно поднималась и опускалась вместе с ними. Скоро холод стал прихватывать руки и даже ноги, хотя у каждого под ластами было надето по две пары шерстяных чулок. Вода была значительно теплее воздуха, а зябка дрожь ползла по всему телу, знобила спину, поторавливала.

Снова взялись аквалангисты за канат. То напрягаясь до лоты в пояснице, то дергая его из стороны в сторону, с трудом оторвали еще с половину витка. Дальше, несмотря на все усилия, перлинь держался как припаянный.

Первым оставил безнадежные попытки Олаф Ларсен. Он сильно оттолкнулся от гребного вала и подплыл к висящей на балере руля сумке с инструментами. Достал из нее молоток, зубило. Но и эта попытка ничего не дала. Привычная для любого матроса работа здесь оказалась невыполнимой. Вода ослабляла размах молотка, и зубило отскакивало от пружинящего каната, как от кости, оставляя на нем лишь царапины.

Больше делать под водой было нечего. Олаф Ларсен показал рукой наверх. Морозов понимающе кивнул. Последний раз осмотрели они гребной вал, плавно колышущийся под ним конец каната, сняли сумку с инструментами, лампу и поплыли к штормтрапу. Вся их изнурительная работа дала более чем скромные результаты. Удалось снять три слабо державшихся верхних витка перлиня. Сорвать его дальше или обрубить под водой — нечего было и думать. Олаф Ларсен снял с руля лампу и показал напарнику рукой: «Плывем».

На корме Джим Олстон не стал слушать своих подводных разведчиков. Он провел их в ближайшую каюту, приказал раздеться. Майкл потащил за ними переносный телефон.

Спустя несколько минут Морозов и Ларсен уже сидели с поджатыми ногами на койках в одних трусах. На плечи им накинули заботливо подогретые альпаки — меховые куртки с капюшоном, покрытые парусиной. Обжигаясь горячим кофе, они докладывали о том, что видели под водой. Как ни странно, но никто из них ни разу не произнес имени боцмана. Преступник отошел куда-то на задний план. Волновало аквалангистов другое. Они сумели добраться до парализованного винта, но оказались бессильны устранить причину аварии.

Джим Олстон успокоил огорченных аквалангистов. Он и не рассчитывал, что им удастся снять перлинь. Выяснить в таких условиях положение гребного вала — половина удачи. Джим Олстон присмотрелся к аквалангистам и спросил:

- Можете вы еще раз спуститься под воду?

Ларсен посмотрел на Морозова, и тот ответил за двоих.

— Если полчаса отдохнуть...

— Даю вам на отдых час — Поднялся Джим Олстон. — Не теряйте ни минуты. Через час вас разбудят.

Петр Андреевич смотрел на Джима Олстона со смешанным чувством изумления и уважения. Превращение безликого старшего помощника в деятельного и волевого капитана происходило с поистине необъяснимой быстротой.

— Думаете, удастся ли нам освободить винт? — перебил его мысль капитан. И тут же ответил на свой вопрос: — Не

знаю. Но старая поговорка говорит: не подставишь кружку — умрешь от жажды рядом с бочкой пива.

Он снял телефонную трубку и соединился с трюмом.

— Беллерсхайм? Сообщите матросам: крен уменьшился еще на градус. Да. И пришлите ко мне русского боцмана. Он вам нужен? Но здесь без него не обойтись. Сейчас же. Ко мне.

19

Алеша был захвачен тем, что происходило на его глазах. С нарастающим волнением следил он за Олафом Ларсеном и Морозовым, когда они спускались в море, остро переживал неизвестность, пока аквалангисты вели под кормой тяжелую и опасную разведку, и радость при их появлении на палубе. Но стоило им скрыться в надстройке, как на Алешу нахлынула усталость, а за ней и тягостное ощущение одиночества. На огромной пустынной корме остались лишь двое: Алеша со шлангом да в стороне, у подветренного борта, рыжий Майкл, оббивающий обледенелые ступеньки штормтрапа. Даже Тихон-Том побежал в камбуз — горячий кофе с ромом и гренки для аквалангистов были сейчас важнее очистки кормы ото льда.

Тугая горячая струя из шланга врезалась в свисающий с кормы ледяной наплыв все глубже. Упругие клубки пара били в лицо, слепили Алешу. Куртка его покрылась густым мохнатым инеем. Сапоги и брюки на коленях обледенели от брызг. Заиндевела и шапка. Замерзшие жесткие уши ее торчали в стороны.

Алеша с усилием разогнул одеревеневшую спину. Сбросив рукавицу, не спеша вытер ладонью мокрое лицо... и замер. Слух его уловил приглушенный ветром сдавленный крик. Алеша закрыл вентиль шланга. Прислушался. Крик повторился, но уже значительно слабее.

«Человек за бортом! — обожгло сознание.— Рыжий свалился!»

Алеша бросил шланг, выбежал на открытую корму и остолбенел, не веря своим глазам. В нескольких шагах от него Тони Мерч, захватив сзади согнутой рукой шею Майкла, старался оторвать его от лебедки. Искраженное лицо Майкла, его беспомощно раскрытый рот, напряженные руки, вцепившиеся в лебедку, словно подтолкнули Алешу. Не размышляя, он с разбегу прыгнул на спину Тони Мерча. Ухватив обеими руками подбородок боцмана, резко дернул его голову в сторону.

Тони Мерч выпустил рыжего, волчком повернулся на месте и всей тяжестью своего грузного тела опрокинулся назад, на лебедку.

Острая боль в крестце заставила Алешу разжать руки. И тут же удар кулака свалил его с ног. Алеша растянулся на

палубе, Тони Мерч подскочил к нему. С какой-то болезненной четкостью увидел Алеша поднятый над его лицом тяжелый сапог, блеснувшую подковку на каблуке...

Ударить Тони Мерч не успел. Опомнившийся Майкл бросился сзади к нему под колени. Боцман грузно рухнул на спину. Падая, он извернулся и плотно обхватил поясницу Майкла короткими крепкими ногами.

Майкл извивался, бил головой в грудь врага. Жесткие ладони Тони Мерча стиснули его шею. Майкл захрипел. Но тут Алеша справился с первой острой болью. Обхватив боцмана сзади, он крепко сцепил руки на его груди.

Три тела сплелись в клубок. Даже хриплое дыхание и обрывки проклятий, вырывавшиеся из него, казалось, принадлежали одному злему многорукому существу.

С каждым размахом качки комок из трех тел скользил по покатоной палубе, постепенно приближаясь к фальшборту. Море поднималось сбоку, стремительно надвигалось на них, замирало скошенной стеной и снова валилось за борт.

Алеша оглянулся. Надо бы крикнуть, позвать на помощь. Кого? Корма была пустынна. На это-то и рассчитывал Тони Мерч, когда ускользнул из трюма. Терять ему было нечего, а выиграть он мог: избавиться от единственного свидетеля и неугомонного обличителя. А там, в порту, можно будет все списать за счет моря. Буря смысла увальня Майкла-Дурачину. Кто докажет, что это не так?

В точный расчет его опять врезался русский мальчишка. Откуда в его тонких руках такая цепкость?

Жесткая ладонь Тони Мерча разогнула пальцы Алеши, заломила назад. Руки разомкнулись. Еще усилие! Тони Мерч пригнулся...

Неожиданный удар Майкла головой в подбородок заставил Мерча выпустить пальцы Алеши. И снова они сомкнулись на груди боцмана, как спаянные.

Алеша тратил меньше сил на борьбу. На его стороне было серьезное преимущество: время всегда работает против преступника. Понимал это и Тони Мерч. Каждую минуту кто-то мог появиться на корме. Мысль об этом приводила его в бешенство, заставляла напрягать все силы, чтобы разорвать руки мальчишки и в то же время не выпустить бьющегося в железном захвате ног Майкла.

Оборвал ожесточенную схватку властный окрик.

— Встать!

Комок тел развалился. Три лица обернулись на голос. Увидели подбегающего к ним Ивана Акимовича, а за ним Тихона-Тома.

Тони Мерч сообразил, что сейчас самое лучшее для него перевести все в обычную драку. Он вскочил на ноги, бросился

с кулаками на Майкла, но ударить не успел. Его схватили, закутали руки за спину.

— Поддай-ка, Леха, литье,— деловито бросил Иван Акимович.— Придется вязать гада.

Пока Иван Акимович и Тихон-Том вязали руки Тони Мерча, на корму вышел Джим Олстон. Окинул взглядом разжалованного боцмана.

— Заприте его в кладовой машинного отделения,— приказал он Тихону-Тому.— Ключ передайте старшему механику. До прибытия в порт его будет кормить Беллерсхайм.

Тони Мерч уставился неподвижными глазами в лицо капитана. В ровном голосе, каким тот распорядился его участью, в невозмутимом лице, на котором не блеснуло ни удивления, ни гнева, было нечто новое, страшное. Взгляд боцмана задержался на прикрепленном к фальшборту штормтрапе с оббитыми ото льда ступеньками. Неужели найдется сумасшедший, полезет в ледяную воду, чтобы изобличить его? Впрочем, разве не сумасшедшие отстояли чужое, обреченное судно от гибели против желания капитана и команды?..

Тони Мерч сразу весь обмяк и, тяжело шаркая, сапогами, направился к люку машинного отделения.

20

Казалось, он только закрыл глаза. Почему его будят? Чья-то рука мягко, но настойчиво трясет его плечо. Опять! —

— Подъем, подъем!

Рука становится все настойчивее, тербит шевелюру.

— Да очнись ты!.. Открой глаза. Ну!

Морозов с усилием приподнял тяжелые, словно чужие веки. Увидел над собой лицо Петра Андреевича.

— Переломй себя,— стараясь держаться строже, сказал Петр Андреевич.— Вам дали поспать не час, как вы просили, а больше двух. А ну, кто поднимется первым: советский моряк или ирландский?

Петр Андреевич отвернулся, желая скрыть улыбку. Очень уж наивно прозвучали его слова. Будто к ребенку обращается! А давно ли этот раздумавшийся со сна паренек был мальчонкой? Еще и сейчас в его сонном лице с обиженно оттопыренной нижней губой есть что-то ребячье.

Неожиданно Морозов закрыл глаза и плавным движением юркнул с головой под одеяло. Та же сильная рука стащила с него одеяло.

Наконец-то до сознания дошло, надо вставать. Морозов сел в постели, опустил ноги с койки. Внезапный сильный толчок откинул его назад. Он ударился затылком об стену и пробудился окончательно.

Из соседней койки неловко вывалился Олаф Ларсен. Осмотрел мутным взглядом каюту, Петра Андреевича, разложенное на креслах облачение аквалангистов. Взгляд его задержался на Тихоне-Томе, придерживавшем на столе термос и поднос с бутербродами, и сразу стал осмысленным.

Горячий шоколад и гренки развеяли сон окончательно.

Аквалангисты надели вязаные шерстяные брюки, толстые фуфайки, гидрокombineзоны, ласты.

— Пошли, хлопцы! — поднялся Петр Андреевич.— Время.

Джим Олстон ждал их на корме. Возле него на палубе стоял переносный телефон. В стороне Иван Акимович с матросами брали на стопор приспущенный за борт кормовой якорь...

Аквалангисты не успели осмотреться.

— Прошу внимания! — обратился к ним Джим Олстон.

Коротко и четко объяснил он свой дерзкий замысел. Аквалангисты должны были под водой срastить свисающий с гребного вала свободный конец перлиня с цепью приспущенного с кормы якоря. Затем механик даст самый малый ход... Вернее, даже не ход. Слегка подрабатывая машиной, он станет как можно медленнее проворачивать винт парохода в обратную сторону. Тяжесть спущенного со стопора якоря потянет канат вниз, освобождая гребной вал и винт.

— Кончите сращивать перлинь с якорной цепью, немедленно сигнальте частым подергиванием страховочного линя,— закончил Джим Олстон.— Если сможете — проследите, пока гребной вал не очистится от каната.

Слушая капитана, Морозов не мог справиться с растущим волнением. Неужели удастся освободить пароход, вернуть его к жизни?..

Оборвала его мысли команда Джима Олстона.

— Пошел за борт!

Морозов спустился по штормтрапу. В воде он освободился от висящего на плече обрывка цепи. Когда он подплыл к Олафу Ларсену, тот успел подвесить лампу к рулю и направить светящийся конус на винт и гребной вал.

Вдвоем они поймали конец перлиня и потянули его к якорной цепи. Канат дрожал и вырывался из рук, как живое существо — то боязливое, то непокорное. Чем дальше оттягивали его от гребного вала, тем сильнее он сопротивлялся, тянул в сторону днища...

Немного оставалось до туго натянутой цепи, когда канат вырвался и исчез за винтом настолько стремительно, словно заранее выбрал себе укромное местечко под черным днищем.

Аквалангисты вернулись к рулю. Придерживаясь за него, выровняли дыхание.

Олаф Ларсен сильно оттолкнулся от руля и, часто работая ластами, ушел в глубину. Вынырнул он с концом перлиня. Положив его на гребной вал, он знаками показал напарнику: «Ложись на него. Держи».

Морозов навалился грудью на конец каната. Олаф Ларсен достал из черной сумки моток прочного линя. Связав конец его с канатом, норвежец сверкнул зеленоватым серебром под лучом лампы и растаял вдали.

Ларсен вернулся не скоро. Ухватившись за гребной вал, он показал Морозову зажатый в руке конец линя, ухотившего в сторону приспущенного с кормы якоря.

«Обвел лить вокруг якорной цепи,— понял Морозов.— Толково! Теперь-то подтянем канат».

Олаф Ларсен безмолвно позвал его за собой. Они подплыли к слегка покачивающейся цепи. Выбирая тугой, трепещущий в ладонях лить, подтянули конец упирающегося каната и общими усилиями обернули его в два витка вокруг якорной цепи. Перлинь был укрошен. Больше он не вырывался из рук и лишь упруго выгибался в сторону движения воды.

Окруженные зыбким зеленоватым полумраком аквалангисты разводили растрепанный конец перлиня на пряди и старательно сращивали их с цепью. Однообразная утомительная работа притупила ощущение времени. От долгого пребывания в воде пальцы одеревенели и все хуже справлялись с мягкими пеньковыми прядями...

...Морозов обшарил обеими руками канат и не нашел свободной пряди. Он глубоко и облегченно вздохнул, выпустив облачко шипящих воздушных пузырьков. Наконец-то! Канат надежно сращен с цепью.

Самое трудное осталось позади. А волнение нарастало все больше. Морозов забылся от радости настолько, что хотел сказать товарищу привычное «давай», но лишь булькнул губами.

Олаф Ларсен сам с трудом сдерживал охватившее его радостное нетерпение. Частое подергивание линя передало наверх: «Все готово!»

С кормы ответили: «Внимание! Сейчас пойдет якорь!»

Придерживаясь за балер руля, Морозов и Ларсен не отрывали взглядов от тускло отсвечивающих под лампой лопастей винта.

Наверху загрохотало, гулко, до боли в ушах — пошел якорь.

Канат скользнул вниз и легко сорвал половину витка, с которой так и не справились оба аквалангиста. Тугой, как шест, он замер, уходя в плотную темень.

Наконец-то! Медленно двинулись лопасти винта. Отливая матово-серебристыми бликами в падающем сверху свете лампы, они сделали полный круг, сняли первый виток с гребного вала. Еще виток...

Волнение Морозова все нарастало. Чем ближе к гребному валу, тем сильнее спрессован на нем перлинь, натянутый мочуей тягой винта.

Вдруг Морозов радостно булькнул ртом и чуть не хлебнул воды. Ведь если сила, спрессовавшая канат, возрастет по мере приближения к гребному валу, то и тяжесть, нависшая на перлине, непрерывно увеличивается. Метр якорной цепи на судне такого размера, как «Гертруда», весит килограммов шестьдесят. Если вытравят двести метров цепи, то мертвый груз, повисший на канате, увеличится на двенадцать тонн. Такая нагрузка плюс якорь сорвут что угодно. Лишь бы канат выдержал.

И словно подтверждая мнение Морозова, винт несколько ускорил шаг. Из-под каната выглянул лоснящийся черный металл. Еще виток и еще... Конец перлиня оторвался от гребного вала и стремительно исчез в темной глубине. Лишь на одной из лопастей винта лениво кружил обрывок сетки...

Радостные, возбужденные победой аквалангисты срезали ножом сетку с лопасти винта, сняли с руля лампу, сумку с инструментами и поплыли к штурмтрапу.

Морозов первым ухватился за скользкую ступеньку. Но стоило ему выбраться из воды по пояс, как он почувствовал страшную слабость. С трудом поднялся он на несколько ступенек и бессильно повис на полусогнутых руках, чувствуя, что онемевшие пальцы готовы разжаться, выпустить штурмтрап. Жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, Морозов слышал внизу частое, неправдоподобно громкое дыхание Олафа Ларсена. Товарищу пришлось не легче.

Олаф Ларсен был старше Морозова и понимал, что ложное самолюбие удесятерит опасность. С трудом придерживаясь одной рукой за штурмтрап, он другой нащупал страховочный лить и несколько раз сильно дернул его. Наверху поняли сигнал. Лить натянулся. Тело сразу стало легче.

Хватаясь непослушными пальцами за ступеньку, Морозов подтягивался к ней, напрягая все тело. А оно становилось все грузнее, порой почти повисало на придерживающем его лине...

Чьи-то крепкие руки подхватили Морозова, перевалили через фальшборт, поставили на непослушные, трясущиеся ноги. Как во сне слышал он радостные голоса, отрывистые приказания Джима Олстона.

Морозов стоял, поддерживаемый Петром Андреевичем и Алейшей, и искал взглядом Олафа Ларсена. Не сразу узнал он в обмякшей мешковатой фигуре, повисшей на руках товарищей, статного норвежца. «Неужели и я такой же?»—невольно подумал Морозов,

Олаф Ларсен тоже искал его. С трудом переставляя ноги, подошел он к напарнику и остановился рядом с ним.

В общей радостной сумятице один лишь Джим Олстон стоял с самым невозмутимым видом. Он понимал, что испытывают сейчас аквалангисты, и не хотел портить минуту, которая останется у молодых людей в памяти на всю жизнь. Вот почему капитан всем своим официальным видом показывал: я жду вас.

Чьи-то дружеские руки сняли с Морозова и Ларсена маски, кислородные приборы, ненужные больше мокрые тяжелые шапки.

Олаф Ларсен с усилием выпрямился и хриплым голосом доложил.

— Гребной вал чист.

— Можете отдыхать.— Джим Олстон вскинул два пальца к шапке.— Я освобождаю вас на сутки от вахты.

...Морозов не помнил, как он оказался в каюте, кто и когда стянул с него гидрокombинезон, фуфайку и вязаные толстые штаны. Не помнил он, как уложили его на койку.

Грубые руки усердно терли спину. Казалось, еще немного. — и они сорвут с нее кожу. Но Морозов не чувствовал ничего, кроме навалившейся на спину и мешающей дышать тяжести.

Петр Андреевич остановился. Его тут же сменил Иван Акимович. Боцман деловито подсучил рукава, поплевал на ладони, словно собирался колоть дрова, и принялся растирать Морозова.

Под его жесткими руками спина порозовела, потом покраснела.

С соседней койки Ларсен запросил пощады у растиравшего его Тихона-Тома. Он сел. Выпил полстакана рому.

А Иван Акимович все тер спину Морозова. Наконец он остановился и с недоумением посмотрел на Петра Андреевича.

— Что с ним?

Петр Андреевич подошел к койке, нагнулся, внимательно всмотрелся в уткнувшегося лицом в подушку Морозова и спокойно улыбнулся.

— Хватит, боцман. Накрой-ка парня одеялом.

Морозов спал.

21

Пароход оживился. Первым добрым вестником возвращения его к жизни был горячий обед. Оберегая измученных матросов от ненужной траты сил, Петр Андреевич распорядился снести обед в трюм.

Появление кока с буфетчицей, нагруженных термосами и посудой, вызвало в трюме бурное оживление. Несколько голов настойчиво требовали.

— Качать кока! Качать!..

Если б не страшная усталость матросов, пришлось бы грузному коку полетать в их крепких руках. Впрочем, он укрощал шумливых быстро: тарелку с горячим гуляшом в руки, и голодный матрос умолкал.

После обеда усталость экипажа сказалась с еще большей силой.

Матросы не могли подняться на ноги. Джим Олстон предусмотрительно дал им два часа на отдых. Матросы повалились на ящики и заснули там, где их застало приказание капитана. Еще бы! Отдых был вторым добрым вестником.

За кормой парохода вскипали первые буруны, оставляя на волнах клочья пены. Петр Андреевич следил за ними с крыла ходовой рубки со смешанным чувством радости и гордости. Управление «Гертрудой» оказалось в крепких руках Джима Олстона. Настроение экипажа поднималось на глазах. Пароход слушался руля. Ритм аварийных работ держался четкий. Пора переправляться на «Тамань». Но как заговорить об этом? Не собьет ли эта весть настроение экипажа? До чего правильно сказал Степан Дмитриевич! Трудно добраться в бурю до аварийного судна. Но уйти с него!..

Внимание Петра Андреевича привлекли два матроса на полубаке. Он вернулся в рубку, достал из ящика бинокль и подошел к окну. Нос парохода то высоко взлетал, прикрывая узкую полоску луны, то глубоко опускался, и тогда луна стремительно выскакивала над полубаком, а за ней поднималось и кипящее море. В зыбком свете северного сияния четко выделялись фигуры матросов, готовившихся отдать буксирный конец «Тамани».

В рубку вошел рулевой. С разрешения вахтенного штурмана занял место у штурвала. Еще добрая примета возвращения парохода к жизни.

Штурман показал Петру Андреевичу на рулевого и, довольный, сказал что-то. Петр Андреевич понял его, хотя не знал английского языка.

— Теперь дело пойдет! — кивнул он.

Ободренный поддержкой русского, штурман принялся горячо растолковывать ему что-то, временами останавливаясь и ожидая согласия.

Станный разговор вели они. Каждый говорил на своем языке, не знакомом другому. И тем не менее собеседники понимали друг друга.

«Гертруда» дрейфовала самостоятельно. Все настойчивее беспокоила Петра Андреевича мысль: «Пора возвращаться. Пора!» Но тут же он живо представил себе, как море захлестывает прыгающую на волнах шлюпку. Нет. Спешить не следует. Люди измотались. Пускай отдохнут.

В рубку вошли Джим Олстон с Морозовым.

Петр Андреевич искренне обрадовался, увидев Морозова.

— Отдохнул? — встретил он штурмана.

— Порядок! — Морозов солидно наклонил лобастое лицо. — Могу хоть сейчас нырять под винт.

— Уже не нырнешь. — Петр Андреевич с нескрываемым удовольствием показал в сторону штурвала. — Видишь?

Морозов внимательно осмотрел рулевого и довольно протянул.

— Да-а!

Ему хотелось спросить, как можно было хоронить заживо такой пароход, с надежной машиной, ради какой-то страховой премии? Но он вспомнил, что находится на чужой палубе, за границей. Придется придержать свое возмущение до возвращения на «Тамань». Вместе с мыслью о траулере ему живо представилось, как ждут их рыбаки, какие ведут разговоры в салоне. Захотелось поскорее увидеть свою каюту, товарищей, сменить жесткую штурмовую одежду на привычный китель...

Джим Олстон перевел рукоять машинного телеграфа на «Самый малый». Звонок послушно отрепетовал команду. Осталось проверить, как «Гертруда» слушается руля.

Матрос у штурвала с напряженно-внимательным лицом перекатал руль вправо, потом влево. Делалось это сперва медленно, плавно, затем все быстрее, резче. Судно послушно выполняло команды. После получаса маневров Джим Олстон поставил «Гертруду» носом на волну и бросил рулевому:

— Так держать!

Он подошел к молчаливо наблюдавшему за ним Петру Андреевичу и протянул руку.

— Что ж!.. Мне остается поблагодарить вас и ваших людей за самоотверженную и умелую помощь.

— А мне... — Петр Андреевич ответил на рукопожатие и выпрямился. Но стоило ему взглянуть в открытое радушное лицо Джима Олстона, и он увидел, насколько неуместен сейчас официальный тон.

— Я рад, что познакомился с опытным изобретательным моряком, с отличным экипажем. Остается, с вашего разрешения...

— Не спешите, — остановил его Джим Олстон. — Вам предстоит нелегкая переправа. Дайте вашим людям отдохнуть. — Он перехватил устремленный на него пристальный взгляд собеседника и улыбнулся. — У вас такой вид, будто вы хотите что-то сказать и не решаетесь.

— Пожалуй, — согласился Петр Андреевич. — Не решаюсь.

— А вы смелее, — дружелюбно поощрил его Джим Олстон.

— Как можно ошибиться в человеке, — осторожно начал Петр Андреевич.

— Вы имеете в виду капитана? — В голосе Джима Олстона прозвучало недовольство.

— Нет. Я говорю о вас. Меня удивила ваша нерешительность, безучастность ко всему, что происходило с пароходом...

— Безучастность? — повторил Джим Олстон. — Это не совсем точно. Безучастность, равнодушии... не в моем характере. Волею обстоятельств я вынужден был держаться безучастно, пассивно. Вы удивлены? Понимаю вас. Но, думаю, что и вы меня поймете.

Он прошелся по рубке, затем отвел своих слушателей в сторону от рулевого и вахтенного штурмана и заговорил — тихо, медленно, будто отбирая из множества нахлынувших мыслей самое важное.

— Полгода назад меня уволили с работы. Ни одна компания не брала меня. За что? Будучи капитаном, я допустил у себя на судне забастовку. Не удивляетесь. Мы многого не понимаем у вас. Но и вы неважно разбираетесь в том, что делается у нас. Напоминаю вам, что капитан на судне — полномочный представитель компании. Он обязан соблюдать ее интересы, как свои собственные, а иногда даже в ущерб своим личным. Меня взяли на «Гертруду», полагая, что я доста-

точно потрепан и укрошен. Да, так оно и было. Я пришел сюда с единственным желанием: ни во что не вмешиваться и ничем не интересоваться, кроме своих прямых служебных обязанностей. А получилось...— Он вздохнул и произнес другим тоном: — Интересно, какой аттестат даст мне «Меркурий»?

— А вы переходите к нам, в Советский Союз,— с юношеской непосредственностью предложил Морозов.— Сколько у нас работает...

Он перехватил вопросительный взгляд Петра Андреевича и осекся.

— В Советский Союз! — на суховатом лице Джима Олстона появилась мягкая отеческая улыбка.— Как бы вам объяснить мое положение?.. Представьте себе, что загорелся дом, где вы родились, выросли, живете с семьей много лет. Что вы станете делать?

— Стану... тушить пожар,— ответил Морозов, уже понимая, куда клонит собеседник.

— Тушить пожар,— повторил Джим Олстон.— А вы предлагаете мне, когда в моем родном доме горит, бросить все — родных, друзей — и укрыться под прочной крышей Советского Союза. Нет. Я буду тушить пожар в своем доме. Как? Не знаю. Но буду тушить. Возможно, я останусь без работы. Возможно, из старшего помощника превращусь во второго, а то и в третьего. Все возможно. Зато я отправлю фотокопии посмертного письма Ричарда О'Доновена в газеты. Пускай читатели заглянут в грязную кухню боссов.

— Но кто же его напечатает? — воскликнул Морозов.— Газеты принадлежат тоже боссам,

— Боссы есть разные,— возразил Джим Олстон.— Они грызутся между собой. И как еще грызутся. Судовладельцы на стену полезут, если такое письмо появится в газете. Зато страховые боссы... ухватятся за него. А они... зубасты. Очень зубасты!

Джим Олстон замолк — на него выжидательно смотрел вахтенный штурман. Капитан подошел к нему, и они склонились над картой.

— Сложный у них переплет, парень,— сказал Петр Андреевич Морозову.— Сразу не разберешься. Отложим-ка мы это дело до возвращения на «Тамань». А пока пройдем в радиорубку.

Петр Андреевич доложил по рации Степану Дмитриевичу о состоянии парохода и принятом решении оставить «Гертруду», получил в ответ «добро» и облегченно вздохнул. Но странно... Сейчас, когда он мог в любую минуту расстаться с чужой палубой, у него вдруг появилось тягостное ощущение, будто он забыл нечто очень важное, без чего нельзя сесть в шлюпку, вернуться на траулер. Петр Андреевич напрягал память, пе-

ребирая все, что делалось на пароходе. В трюме работы идут слаженно, четко. Руля пароход слушается отлично. В машинном отделении делать нечего. Еще покойный Ричард О'Доновен сказал, что машина — единственное, что действует на «Гертруде» безотказно. Даже негодяй боцман посажен. Но что же тогда забыто?

Петр Андреевич взглянул на часы. Можно поднимать Алешу и Ивана Акимовича. Отдохнули. Мысль о близящемся возвращении на траулер напомнила о забытом. Надо проститься с экипажем «Гертруды», с теми, кто пошел за таманцами в трюм, вместе с ними делили тревоги, опасность и первые жгучие радости удачи. В голове уже зарождалось простое и сердечное обращение к матросам. Надо начать с морского братства и перейти к рабочей дружбе, что преодолевает границы, различие в языках, нравах... Мысль подстраивалась к мысли легко...

Петр Андреевич заторопился, пожал на прощание руку радиооператору и обернулся к Морозову.

— Пойдем. Надо проститься с народом.

В слабо освещенном трюме матросы не сразу заметили таманцев. Лишь Беллерсхайм издали приветливо помахал рукой и знаками пригласил: присоединяйтесь, помогайте. Но стоило Морозову объявить, что сейчас они возвращаются на траулер, как работы приостановили. Матросы устремились со всех сторон к таманцам. Петра Андреевича и Морозова затискали в объятиях, крепко, до хруста в суставах, жали им руки, хлопали по плечам. В сплошном гомоне невозможно было понять ни слова. Впрочем, сияющие глаза, такие выразительные на грязных, давно небритых лицах, говорили больше, чем могли выразить любые слова. Особенно приятно было это Петру Андреевичу. Лучше объясняться самому знаками, чем выслушивать переводчика.

Петр Андреевич и Морозов с трудом вырвались из крепких матросских рук. Напутствуемые добрыми пожеланиями, скрылись они в шахте, ведущей к лазовому люку. Уже поднимаясь по отвесному трапу, Петр Андреевич вспомнил: речи о морском братстве и рабочей дружбе он так и не произнес. А зачем она? Такие чувства, как дружба, признательность, понятны без слов. Незатихающий внизу гул голосов подтвердил эту мысль, породил в груди хорошее теплое чувство к оставленным в трюме людям.

Но особенно тронуло таманцев прощание с ранеными и обмороженными в матросском салоне. перевязанные, накормленные и даже умытые, они тянулись к отъезжающим. Каждому хотелось сказать на прощание нечто значительное, запоминающееся надолго, на всю жизнь. Некоторые просили на память

сувениры. Были и такие, что сами дарили. В кармане Петра Андреевича, несмотря на его сопротивление, лежал складной матросский нож *ж* какие-то безделушки. Морозова уговорили взять на память акваланг и гидрокомбинезон, в которых он спускался на гребной вал «Гертруды».

На счастье, в кармане у Морозова оказались мелкие монеты. На всех монет не хватило. Петр Андреевич пожертвовал своим шарфом — разорвал его на сувениры.

Прощание затянулось, а Митчелл все еще не выпускал руку Домнушки, гладил ее своей большой шершавой ладонью, не отрывая взгляда от лица спасительницы, словно хотел запомнить каждую черточку женщины, имени которой даже не знал, а называл ее просто «русская».

Трудно было прервать их, но все же пришлось Петру Андреевичу напомнить о близящемся расставании.

— Все! — произнес он мягко, будто извиняясь за вмешательство перед Митчеллом. И обратился к Морозову.— Подни май наших орлов.

22

Вот все и кончилось.

Провожали таманцев немногие, но уважаемые люди экипажа. Посадкой в шлюпку распорядился сам Джим Олстон. Вышли на палубу старший механик и Жозеф Бланшар. Освобожденный от вахты Олаф Ларсен и махина Беллерсхайм придерживали отпорными крюками шлюпку, из которой чьи-то заботливые руки уже вычерпали воду.

Короткая четкая команда капитана. Таманцы спустились в шлюпку. Несколькими сильными взмахами веслами, и попутная волна подхватила ее, понесла к «Тамани».

Иван Акимович навалился на руль и не сразу заметил, что остальные прислушивались к голосам с «Гертруды». Даже сидящие на веслах Алеша и Морозов, не переставая грести, повернули головы, ловили теряющиеся в шуме моря голоса.

Прислушался и боцман. Сквозь посвист ветра и рокот волн прорывались обрывки хорошо знакомой мелодии. «Катюша!» На палубе пели «Катюшу», напоминая о том, как в зловещем гудящем трюме нехитрая песенка растопила ледяную стену, разделявшую моряков «Гертруды» и «Тамани», сблизила их, помогла понять друг друга.

Первым опомнился Иван Акимович.

— Веселее! — закричал он.— Веселее давай! Не пахать веслами моря. Картошка тут не вырастет!

Навалились на весла гребцы. Боцман напрягся от шеи до ступней, удерживая шлюпку в нужном направлении. Петр Андреевич и Домнушка выплескивали черпаками воду за борт. И всем им в грохоте волн, и в шуме ветра, и в гортанных вы-

криках чаек — первых вестниц перелома погоды, слышалась издавна знакомая песенка о Катюше.

А «Гертуда» почти не отдалялась от шлюпки. Джим Олстон осторожно маневрировал. Меняя передний ход на задний, «Гертуда» медленно продвигалась к «Тамани», прижимаясь к рыскающей шлюпке и прикрывая ее от волн своим высоким корпусом. И так пароход сопровождал своих спасителей, пока волна не пронесла шлюпку под носом траулера. Теперь уже «Тамань» дала полный ход вперед и прикрыла шлюпку и от волн, и от дружеских взглядов, взволнованно следивших с парохода за каждым ее движением.

«Гертуда» протяжно загудела, прощаясь с горсткой от важных людей, замигала прожектором. Никто в шлюпке не смог прочитать ни сигналов парохода, ни короткого ответа с ходового мостика траулера. Не до того было. Низкий потертый тралом борт «Тамани» резко надвинулся на шлюпку. Сквозь ветер прорвался знакомый голос Степана Дмитриевича.

— На шлюпке! Одержива-ай!

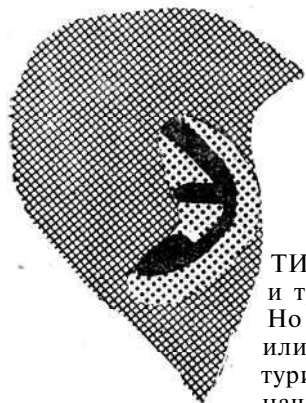
— Давай, давай! — заревел Иван Акимович, покрывая гул моря.

С ростр полетел бросательный конец.

Феликс
Штильмарк

В МЕТЕЛЬ НА ЧЕМБОРЧАНЕ

Из дневника охотоведа

ТИ ТРОПЫ не были туристскими, да и тропами их, пожалуй, не назовешь. Но всякий раз, когда в горах Алтая или Саян я встречаюсь с группами туристов и за коротким перекурком начинается разговор о тех местах, где доводилось нам бывать, я рассказываю об этом первом своем большом таежном заходе.

Людам нашей довольно редкой специальности — биологам-охотоведам — в отличие от геологов и туристов почти никогда не случается ходить группой. Нам не приходится подбирать состав участников, нас не

ведут инструкторы или начальники отрядов, не забрасывают в глухие места вертолеты. Помогает нам не техника, не снаряжение и даже не особое умение. Простые люди — таежные охотники: русские и эвенки, тофалары и якуты — всегда по таежному неторопливо, без лишних разговоров и красивых слов, порой даже со скрытой усмешкой, выручают нас в тайге и ДР лятся не только своим опытом, но и последним куском хлеба.

Федор был в 1956 году студентом четвертого курса факультета охотоведения Московского пушно-мехового института. Его, коренного москвича, давно почему-то особенно манило Прибайкалье, и он настойчиво добивался направления на практику в далекую Иркутскую область. Когда в областном управлении заготовок пушнины ему предложили на выбор несколько районов, где предстояло провести учет соболя, он без колебания выбрал Качугский, который охватывает весь бассейн верховья Лены и горы Байкальского хребта. По территории этот район примерно равен Бельгии.

Для обследования были выбраны верховья Киренги — один из самых глухих и труднодоступных районов северо-западного Прибайкалья. Уже лет двадцать туда не ходили охотники и там не бывали охотоведы. Нужно было пробраться в те места, провести учет пушных зверей, выяснить условия и возможности освоения этих охотничьих угодий.

Федор выехал из Иркутска в Качуг в конце сентября. Здесь хороший тракт, и автобус легко проходит путь за пять-шесть часов.

Лена у Качуга встретила его легким морозцем, золотом прибрежных лиственниц, криками пролетающих над рекой гусиных стай. Была та особая, знакомая только сибирякам пора осени, когда небо отличается какой-то удивительной прозрачностью и чистотой, когда по ночам стоят крепкие морозы, а днем вполне можно загорать на солнце.

На попутных подводах, минуя деревни Бутаково, Ацикяк, Очеул, Федор подвигался на север, в сторону Киренги. Он знал, что там располагается охотничий эвенкийский колхоз, правление которого находится в Муриныне. От Качуга до нее двести километров, а от последних русских деревень, куда еще можно добраться на лошадях, — сто. Эти последние деревни с эвенкийскими названиями — Юхта и Шевыкан — спрятались меж невысоких хребтов, сплошь покрытых лиственничной тайгой. От Шевыкана на Киренгу идут две тропы: одна — летняя, по хребтам, но ее так завалило, что и найти нельзя, а другая — зимняя, по долинам рек и болотам. Федор хотел со всем своим небогатым скарбом выходить один, но ему повезло: встретился в Шевыкане попутчик до самой Муриныни. Отрезанная от всего света, Муриныня имеет свою рацию. Эвенк-радиост

Юрий Шерстов везет домой новые батареи. Кроме этого драгоценного вьюка он погрузил на свою лошадь и часть вещей Федора.

Нелегко дается трехдневный переход до Мурины, пока реки и болота окончательно не замерзнут. Тропа идет по бесконечным кочкарным травянистым долинам и «калтусам», как называют здесь особые, очень тяжелые для ходьбы болота.

Сорок километров от Шевыкана до первого эвенкийского стойбища Тырка, где несколько маленьких домиков и небольшая метеостанция стоят на берегу глухого таежного озера.

На следующем переходе от Тырки до Чининги, что стоит уже на Киренге, Федору навсегда запомнился один особенно кочковатый участок тропы, который, видимо, неспроста называют «гладь». Но зато каким замечательно вкусным киренгским ленком * угостили его в Чининге!

Особенно опасны болота на последнем переходе до Мурины. Всю дорогу здесь надо вести лошадь в поводу. И хотя Юрий был местным жителем и лошадь шла уже не первый раз,

* Ленок — рыба из семейства лососевых.

все же несчастье случилось. В одном месте, почуяв опасность, опытная таежная лошаденка вдруг резко остановилась. Юрий, спешивший прийти домой засветло, потянул повод и крикнул шедшему сзади Федору:

— Небось пройдет! Ну-ка, Федя, шевельни ее!

Федор замахнулся хворостиной, лошадь шагнула вперед, провалилась передними ногами, рванулась и отчаянно забилась в болоте, разбрызгивая вокруг густую мутно-коричневую болотную жижу. Вьюки свалились в грязь. Юрий и Федор, проваливаясь по пояс, бросились к ней и кое-как развьючили. Лошадь перестала биться и, погрузившись до середины крупы в трясины, тяжело дышала, широко раздувая ноздри.

Юрий достал топор, вырубил два длинных шеста, и, продев их под брюхо лошади, вместе с Федором с огромным трудом вытащили ее. Они запоздали и пришли в Мурины ночью, совершенно измученные, едва не сбившись с тропы уже у самой деревни. Только лай собак, слышимый в тайге за несколько километров от жилья (усталому путнику он кажется самой прекрасной музыкой на свете!), помог им добраться до дому.

Федор поспел в Мурию вовремя. На следующий день состоялось общее собрание охотников колхоза, где решали, кому куда идти на промысел. У Федора не было возможностей организовать специальную экспедицию, нанять проводников и транспорт, да никто из охотников в это время и не пошел бы с ним. Но ему удалось убедить колхозников направить бригаду в пять-шесть человек в дальние уголья, к реке Чемборчан — последнему крупному притоку Лево́й Киренги в ее верховьях...

Охотники согласились взять с собой в кочевье Федора и даже выделили для него двух вьючных оленей.

Выходить решили через три дня. Срок кочевья и запас продуктов был рассчитан на месяц. В поход отправились четверо мужчин: сам председатель колхоза Семен Сидорович Шерстов, один из

лучших охотников Илья Северьянович Чертовских и двое молодых ребят — Северьян Сафонов и Петр Корпаков. Кроме них должны были идти еще две женщины, чтобы вести оленей и ухаживать за ними.

Дни перед выходом протекали в хлопотах. Надо было закупить продукты, испечь хлеб и засушить сухари, сшить «кульмеи» — легкую зимнюю обувь из лосиного камыса*, Главная трудность предстоящего похода состояла в том, что в бригаде имелось всего лишь шестнадцать вьючных оленей. Здешний олень-бык берет вьюк в сорок килограммов, а оленуха вдвое меньше. На семь человек этого было совсем мало, поэтому приходилось еще и еще раз перебирать все пожитки, чтобы не взять лишнего груза и не забыть необходимого.

Собирались долго, но зато, выйдя из стойбища, уже не задерживались в пути и каждый день продвигались вперед на 30—35 километров. Последнее зимовье осталось на маленькой речке Уян, впадающей в Киренгу. Здесь оленей переправили на правый берег Киренги и пошли вверх по течению. Через несколько дней пути по киренгским ельникам и калтусам перевалили хребет Сыенок, покрытый почти сплошь старой гарью. Теперь оставалось не более двух переходов до Чемборчана.

...Как всегда, двигались без тропы, узким ложем безымянной таежной речушки. Впереди, прокладывая дорогу, шла Катя Корнакова. Широкоплечая и коренастая, она вела семь оленей, связанных друг с другом узкими длинными ремнями. Тетка Арина, маленькая, но удивительно выносливая, несмотря на свои шестьдесят лет, вела шесть; а у Федора, замыкавшего этот небольшой караван, было три оленя. Охотники обычно не идут с оленями, а проходят по хребтам и лишь в конце дня выходят на оленью тропу, но один из них должен быть с караваном.

Идти было нелегко. На каждом шагу встречались завалы, и, когда олени преодолевали их, весь строй сбивался, а от толчков перекашивались вьюки. Очень мешали оленята, которые бежали сбоку и часто, выскочив на тропу между связанными оленухами, пытались сосать матерей на ходу.

«Имаджерен!» (Куда идешь!) — кричали на оленят женщины и отгоняли их длинными посохами. Когда проходили особенно густые заросли, идущая впереди Катя громко кричала: «Модэ, модэ, модэ» или «тхой, тхой!», и, услышав знакомый призыв, олени быстрее перебирали ногами.

Федор уже привык к длительным переходам, совершаемым всегда без остановок и привалов, к звону оленьих ботал, отрывистому всхрапыванию оленят, характерному пощелкиванию

* Камыс, или камус,—сибирское название шкурки с лосиной или оленьей ноги. Идет на поделки.

оленьих копыт. Для него стало обычным видеть перед глазами непрерывно мотающуюся из стороны в сторону кладь на спине идущего впереди оленя.

...В этот день они шли по основанию склона пологого хребта, поросшего редким ельником, напоминавшим Федору Подмосковье. Внезапно ельник расступился, и они увидели, что ручей, по которому двигался караван, впадает здесь в какую-то реку, протекающую по очень широкой долине, сплошь покрытой мелким ерником (заросли карликовой березки). За долиной виднелись небольшие округлые хребты. Слева, на востоке, отчетливо вырисовывались снежные вершины Байкальских гор.

— Катя, это что за место? — крикнул Федор, хотя и сам уже догадывался, куда они вышли.

— Чэмборчан это, Фэдя!

Значит, пришли! Между Чемборчаном илевой Киренгой располагались самые большие массивы кедровых лесов — лучшие охотничьи угодья, знаменитые богатством пушного зверя. Старики оживлялись, вспоминая свои кочевья на Чемборчан. Прежде сюда кочевали эвенки не только с Киренги, но и с верховий Лены. Им приходилось переваливать несколько хребтов и преодолевать десятки рек, чтобы попасть в эти места. С начала войны охотников здесь не было, поэтому спутники Федора возлагали на Чемборчан большие надежды...

Со склона пологого хребта Федор мог обозреть всю местность, и то, что он увидел, было страшно. Вместо тайги по всем хребтам, видневшимся за Чемборчаном, расстилались необозримые гари. В Качугском лесхозе Федору говорили, что сравнительно недавно в верховьях Чемборчана был пожар, но ведь здесь-то они почти на устье, так какие же пространства охватил пожар, если он прошел по всему Чемборчану!

Катя повела оленей через долину, выбирая места, где заросли ерника были не так густы. У противоположного хребта их уже дожидались пришедшие сюда напрямиком через хребет охотники. Они сидели у костра на колодине и кипятили чай, хотя было еще рано. На выступе обгорелого дерева стволами вниз висели их небольшие мелкокалиберные винтовки, а рядом лежали поняги* с привязанными топорами и котелками.

Подведя своих оленей, Федор привязал их к дереву и тоже сел на колоду. Все молчали. Семен и Илья курили свои неизменные трубки, а ребята сигарки.

— Кочевали, кочевали и вот зашли — кругом одни гари! — произнес наконец Семен. — Ну-ка, Фэдя, достань свою карту.

Федор вытащил из полевой сумки планшет и достал оттуда стертую на сгибах кальку, на которую он снял в Иркутске

* Понята — тонкая доска с набором ремней для крепления любой ноши. Понягу носят на ремнях за плечами.

карту этих мест. По материалам лесоустройства на карте были обозначены разные леса. Вся обширная излучина Чемборчана была закрашена в темно-красный цвет, которым обозначается старая кедровая тайга.

— Откуда же мог прийти пожар? — спросил Северьян.

— С вершины Лены, — ответил Семен. — Однако, прошлый год это было. Лето стояло сухое, пожары часто бывали, а в июне сюда через гольцы перевалила с Байкала какая-то экспедиция. Я тогда на лодке по Киренге до самого Чемборчана поднимался, на устье их ночуйку видел. Потом они вверх по Чемборчану поднялись и на Лену перевалили. Вот эта экспедиция и пустила пожар, чтоб ей самой сгореть здесь!

— Что это за экспедиция была? — спросил Федор.

— А кто ее знает, карты, может, делали или в земле что искали. Ведь там, в гольцах, — он кивнул в сторону белевших вдаль гор, — много чего найти можно. Старики говорили, там гора есть, так у нее одна сторона вся гладкая — из слюды. Мой отец с одним стариком на ту гору ходил. Старик велел ему про нее никогда не говорить.

— Почему?

— За слюдой придут в гольцы, так вовсе тайги не станет. Ты видишь, одна экспедиция сколько пожгла, а без тайги мы кого делать будем? * Я как в армии был, полсвета прошел, все города видел. Уж как уговаривали меня переехать отсюда, да куда же от тайги уйдешь, ведь она, парень, тянет.

Снова помолчав, охотники стали совещаться, куда идти дальше. Говорил больше Семен, остальные изредка вставляли свои замечания. Федор не мог понять их разговора, где переплетались русские и эвенкийские слова. Решающий голос подал Илья. Он говорил мало и редко, но очень уверенно, и его мнение обычно бывало окончательным. Вынув изо рта трубку, он сказал что-то коротко и твердо, как бы прекращая разговор. Все сразу зашевелились, видно было, что решение принято.

— Пойдем, Федя, к Киренге. В нее повыше Чемборчана впадает речка Дипкохан — вот она и на карте у тебя нанесена. Там и ночуем. Мы сразу пройдем хребтом, а вам с оленями не пройти — идите по Чемборчану, а в низовьях перейдете нэ Дипкохан, там встретимся.

Хотя Федор был уже хорошо знаком с таежными обычаями, он еще раз подивился тому, что охотники, расходясь поодиночке, уверенно назначали место встречи в тайге, где они были впервые.

Отвязав оленей, женщины и Федор пошли долиной. Пришлось пробираться сквозь ельник километров десять, чтобы обогнуть хребты между Чемборчаном и Дипкоханом. Снег

* Тамошние охотники говорят не «что делать», а «кого делать»

здесь был уже гораздо глубже, в иных местах чуть не до колена, но еще часто встречались следы запоздавших залечь медведей. И на хребте Сыенок удалось убить медвежонка.

Когда хребты кончились, караван свернул вправо и, пройдя еще километра два, оказался в долине Дипкохана, почти такой же широкой, как и долина Чемборчана.

Семен Сидорович, выбравший место для ночлега так, чтобы поблизости были и дрова, и вода, уже дожидался остальных. Он только что кончил рубить большую лиственницу, и Федор с завистью посмотрел на нее. Этих дров группе Семена хватит дня на два!

Дело в том, что семь человек не могут ночевать у одного костра, и даже в одной юрте им не поместиться. Илья, тетка Арина и Федор составили одну группу, а остальные — другую.

Уже темнело, и как только оленей подвели к месту ночевки, закипела работа. Быстро развьючивали оленей, выюки аккуратно складывали под деревьями. Илья еще не пришел, и ночевку приготавливали вдвоем. Тетка Арина и Федор не обменялись ни единым словом — за время кочевья Федор привык не спрашивать, а делать что нужно. Прежде всего, пока тетка Арина разбирала вещи, он начал рубить ближайшие пихты и ели, превращая их в длинные жерди для устройства юрты. Тем временем тетка Арина распарила на костре длинный тальниковый прут и связала им тонкие концы трех длинных жердей. Эти жерди они поставили над расчищенной от снега площадкой так, чтобы вершина была как раз над центром круга метров пяти в диаметре. После этого уложили остальные 20—25 жердей, и остов юрты был готов. Тетка Арина сейчас же развела посреди юрты костер и приспособила таган. Затем она молча протянула Федору большой черный чайник, и тот, захватив топор, чтобы прорубить лед, направился к ручью за водой.

Подойдя к ручью, он снова огляделся вокруг. Где-то невдалеке, должно быть за полосой ельника, протекает Левая Киренга. За ней — пространства ерника, но дальше на фоне гольцов тянутся два длинных крутых хребта, и даже отсюда видно, что они покрыты старой кедровой тайгой.

Федор смотрел на них как замороженный. Вот куда ему надо пойти!

В этот момент он увидел Семена. Тот шел по его следу с таким же черным, словно насквозь прокопченным чайником в руках.

— Что, Федя, глядишь? Уж не думаешь ли за Киренгу пойти? А как перейдешь реку?

— Неужели не замерзла еще? А глубокая она здесь?

— Однако, не замерзла. Переходить ее нельзя — сразу зачоченеешь и с ног собьешь. Ну, да уж выручу тебя, открою

секрет. Еще отец говорил мне — выше Дипкохана через Киренгу листвень упала, вот по ней и перейдешь, если не сгнила.

Пока Федор ходил за водой, тетка Арина настелила внутри юрты широким полукругом пихтовый лапник и внесла все вещи. Теперь оставалось оборудовать заслон юрты, для чего использовалось все, что только можно: куски брезента, плащ-палатки, куски бересты и даже мешковина. Тетка Арина набрасывала их снаружи, а Федор привязывал к жердям. Последней подвесили мешковину над входом в юрту, и тогда тетка Арина, взяв два берестяных ведра, пошла за водой, а Федор отправился рубить дрова. Теперь он знал, что выбрать дерево на костер — дело не простое, если хочешь ночью выспаться и не сгореть. Нужно выбирать стоящее на корню крепкое, без гнили, сухое дерево. Лучшим считается лиственница, хорош и кедр, но он редко попадаетея сухим на корню и ею очень трудно рубить. В крайнем случае берут ель.

На этот раз Федору удалось быстро найти сухую листвень толщиной примерно в телеграфный столб. Повалив дерево, он разрубил его на несколько двухметровых отрезков и перета scal их в юрту. Три пары таких «полешков» да две небольшие сухие елки на растопку — таков был запас дров на ночь. Теперь все приготовления к ночлегу были закончены. Стемнело. Давно пришли на ночевку Петр и Северьян, и только Ильи все еще не было.

Федор нарубил хвои для собаки, длинной щепкой очистил снег со своих суконных брюк и, низко пригнувшись, вошел в юрту. Брезенты были развешаны невысоко: они отражали тепло костра и предохраняли от снегопада. Тетка Арина сидела напротив, подогнув под себя ноги, и пила чай из деревянной чуманки. Федор достал из поняги кружку, хлеб и сахар, налил себе крепчайшего кирпичного чая и сел к костру, наслаждаясь отдыхом.

Внезапно нижний край одного из брезентов приподнялся, и в юрту просунулась большая рыжая собачья морда. Это был Буська — широкогрудый старый пес, принадлежавший тетке Арине. Его все любили за спокойный нрав, он никогда не ввязывался в собачьи ссоры и лишь изредка, глядя на дерущихся собак, начинал басисто лаять, словно призывая к примирению. Из всех собак только Буська забирался на ночь в юрту. Выгнать собаку прочь может лишь ее хозяин, а тетка Арина никогда не гнала Буську. Всегда молчаливая, она чуть оживлялась, когда пес залезал в юрту, гладила его, что-то тихо приговаривая, а пес прижимался к ней своей лобастой мордой.

Обеспокоенный отсутствием Ильи, Федор взял ружье, вышел наружу и уже хотел стрелять, как перед ним возникла фигура охотника.

— Ну это, паря, напрасно. Меня-то еще искать в тайге не приходилось,— сказал он, счищая снег с ноговиц и ватника.

Расчетливо точными движениями он повесил на сук тозовку и патронташ, снял с плеч понягу, быстро нарубил лапника для трех своих собак, посмотрел, есть ли вода, велик ли запас дров, и, только убедившись, что все в порядке, вошел в юрту. Следом за ним, воровато озираясь, влезла Белка — маленькая черная лайка с коротким, словно обрубленным хвостом. Это была лучшая соболиная собака во всей бригаде, но она отличалась большой хитростью и не упускала случая что-нибудь стащить. На прошлой ночевке Белка стянула у Федора весь его запас сливочного масла, который он недостаточно тщательно спрятал в хвое. Присутствие этой воруги в зимовье не допускалось, и Белка присела у входа, умильно поглядывая то на хозяина, то на костер.

Неписанный распорядок кочевой жизни соблюдался строго: утолив первый голод чаем, охотники варят еду собакам и лишь потом готовят обед себе. Вода в собачьем ведре уже закипела, и Федор хотел его снять, когда Илья толкнул его в бок и показал глазами на сидевшую у входа собаку. Она сидела с закрытыми глазами и, точь-в-точь как очень усталый человек, «клевала носом». На мгновение она открыла глаза, но тут же утомленно прикрыла их и вновь уронила голову. Вдруг одна из ее лап подогнулась, разомлевшая собака упала на бок и тотчас вскочила, ошеломленная грянувшим смехом.

— Что, Белочка, досталось тебе сегодня? — спросил Илья.— Однако, иди на двор, я тебе лапнику нарубил, не такой сегодня мороз, чтобы в юрте спать.

Заварив похлебку для собак двумя горстями муки, Федор вынес ведро наружу стыннуть, а на освободившееся место повесил другое ведро, для себя.

Вечером всегда варили мясо. «Без мяса по тайге не походишь»,— говорили эвенки. В кочевье все охотники взяли сохатину, кроме того, два дня питались добытым на Сыенке медвежонком. Очень редко кто-нибудь приносил глухаря или рябчика — их здесь было мало: соболь поел.

Пока варился ужин, Федор направился во вторую юрту «подводить итоги дня». Один, без всякой помощи охотников, он не мог бы выполнить своей задачи. Обо всем, что видели охотники за день, они рассказывали Федору, и так, постепенно, у него набиралось все больше сведений о природе этих мест.

— Ну, Семен Сидорович, что сегодня интересного видели, — спросил Федор, входя к соседям.

Семен, сидя у костра, заканчивал обдирать добытых белок. Делал он это с артистической быстротой, и на всю операцию затрачивалось лишь несколько хорошо отработанных движений.

— Нынче, Федя, снег на гольцах рано выпал и глубокий сильно. Я сегодня опять диких оленей следя видел и изюбрь с гольцов вниз идет. Все следы в одну сторону — к Лене, на запад, где снега меньше. А за ними и росомаха тянется — ее тоже след встретил. Весь зверь уходит — не иначе глубокий снег скоро будет. Как бы он нас тут не завалил. Здесь ведь знаешь как: начнет снег валить неделю подряд, да хлопьями с рукавицу, так, пожалуй, Сыенок назад не пройдем, однако, будем тут зимовать.

— Пока оленей своих не съедим,— добавила Катя.

— А почему бы лыжи не сделать? — спросил Федор.

— Вот как снег завалит, тогда сам узнаешь,— отвечал Семен.— По раннему снегу на лыжах хуже, чем пешком,— проваливаешься так же, а ногу двигать труднее.

— Сколько же белок сегодня добыли?

— Кого добудешь, сам видишь, какие гари, да соболей сколько, откуда же белке быть? Ведь прежде мы если штук двадцать за день принесем, так считаем, что зря ходили. А нынче за все кочевье, пожалуй, полсотни не соберем. Бы вало, придешь с охоты, всю юрту кругом шкурками завешаешь, а сейчас что? — он кивнул в сторону висевших шкурок.

— Зато теперь соболь есть.

— Это правда, соболей тогда не было. Помню, как в сорок седьмом году мы с одним стариком след встретили. Глядим — что за колонок такой здоровый? Потом он хватился: «Паря, да ведь соболь!» И старики-то след забыли. Знаешь, Федя,— оживился Семен,— отец мой рассказывал, как прежде купцы к нам в Муринью за соболями приезжали. Издалека — с Качуга, из Киренска, с самого Иркутска собирались. Что там тогда делалось! Да я и сам помню. Водку привозили, как бутылку выпил — так три белки отдай, а тунгусу-то бутылка одна что!

В карты — это больше купцы между собой играли. Иной и без товару, и без шкурок назад уходит. Соболей тогда редко охотники добывали. Если кто добудет, так сам-то молчит, ну, а слух идет, и купцы за тем охотником ходят, как за девкой. Ну, потом достает охотник шкурку, а она вся в тряпку завернута, один хвост наружу. Вот купцы на хвост глядят и гадают: плохой соболь, хороший ли. Один говорит: «Я пятьдесят рублей дам!» Другой сразу: «Сто даю!» Третий: «Сто двадцать!» Каждому охота соболя взять, сколько ни отдай, все равно в барыше будет. Ну, как никто больше не дает, охотник отдаст, если соболь неважный, а то и больше требует. Вот ведь как было — это уже на моей памяти. А теперь их здесь больше белок. Я нынче прошел километра три хребтом и четыре свежих следа встретил, да сырым лесом...— И Семен рассказал Федору о своих встречах соболей.

Расспросив Петра и Северьяна и записав их сведения, Федор вернулся в свою юрту. Илья и тетка Арина уже хлебали суп из большого котелка и доставали со дна куски вареного сохатинного мяса. Федор не замедлил присоединиться к ним.

Поев и выпив еще чаю, начали готовиться ко сну. Обувь — насквозь промокшие олочи — надо повесить под брезент к теплу, не забыв вынуть из них травяные стельки. На ночь Федор надевал сухие теплые носки.

Илья принес в юрту два самых толстых бревна и стал готовить костер на ночь. Ни знаменитой ножи, ни других сложных систем костров в тайге Федору не приходилось видеть. Илья поправил огонь и положил в костер толстые концы бревен, разведя их противоположные концы в разные стороны, чтобы дрова горели понемногу, а не по всей длине.

Перед тем как ложиться спать, Федор всегда записывал в дневник все наблюдения и впечатления дня, поэтому он обычно ложился позже других. Илья уже спал, натянув на голову свою козью парку, когда Федор, последний раз поправив дрова в костре, улегся спиной к огню, укрывшись сыроватым еще ватником.

Каждую ночь Федору приходилось два-три раза просыпаться от холода, когда прогорали дрова в костре, и поправлять их, но, привыкнув к походной жизни, он тотчас же засыпал вновь и за длинную ночь вполне успевал отдохнуть.

Утром раньше всех поднялся Илья. Он положил в догорающий костер новые бревна, сходил за водой и повесил на таган ведро для собак. Федор повернулся на спину, открыл глаза и увидел на фоне еще совсем темного неба сходящиеся наверху тонкие жерди юрты.

— Ты что, паря, спать на Лену приехал? Лежи, солнце еще не встало...

От этих слов Федор мигом поднялся и начал обуваться. В олочи он положил свежие стельки (женщины взяли запас специальной мягкой болотной травки), наматал подсохшие за ночь портянки и, накинув ватник, вышел наружу. Начинало чуть светать, и по всему чувствовалось, что вот-вот пойдет снег.

— Ну что, Федя, пойдешь за Киренгу соболей-то своих считать? — спросил Илья, тоже выйдя из юрты,— а то, смотри, я туда пойду.

Федор хорошо знал, что эвенки на охоту ходят только по одному, но все же сказал:

— Разве мало места за Киренгой, пойдем вместе, я тебе не помеха.

— Нет уж, нечего вдвоем там делать, я пойду на тот хребет,— он махнул рукой в направлении долины,— туда и блинке, и Киренги переходить не надо. Ты смотри, парень,— доба-

вил он,— осторожнее с Киренгой, ее тоже зря-то не перейдешь, коли не мастер.

Федор пошел укладываться. В маленький рюкзак положил он свой котелок, булку хлеба, десяток кусков сахара, чай, соль и небольшой запас патронов.

Первым в это утро ушел Илья, а вторым — Федор. Тетка Арина что-то задержалась, а во второй юрте вообще вставали позже.

Километра два пришлось пробираться сквозь густой ерник по долине Дипкохана, прежде чем издали послышался глухой ровный шум реки. Пройдя густой приречный ельник, Федор вышел на берег. Здесь Киренга была не той широкой рекой, какой Федор видел ее последний раз у Сыенка, а свирепой горной речушкой. Ее каменистое дно сплошь покрывал толстый слой зеленоватого льда, поверху почти непрерывно шла шуга, а у берегов широкой полосой лежал уже окрепший лед.

Нет более трудных мест для ходьбы по тайге, чем кочковатый прибрежный ельник, особенно когда снег завалил кочки. Не прошел Федор и километра по реке, ища переход, как его охватило сомнение. Но Семен не ошибся. Пройдя еще поворот, Федор увидел огромную листовницу, упавшую с противоположного берега. Ее вершина была в воде, и пришлось делать дополнительный переход из двух елок.

Вырубив шест, Федор начал переправу. Когда он, встав на ствол листовницы, опустил в воду шест, его едва не сбило с ног — с такой силой течение рвануло шест из рук, прижав его к дереву.

Благополучно добравшись до противоположного берега, Федор через час был уже у хребта. Склон хребта, обращенный к долине реки, был очень крут, и подниматься по нему пришлось долго. По хребту действительно росли кедр, а попадавшие среди них стволы осин и берез свидетельствовали, что когда-то здесь была гарь. Федор решил заложить на этом хребте пробную площадку по учету **соболя***.

Уже начинало темнеть, когда Федор закончил обход. По своему следу он вернулся к большому кедровому выворотню, который облюбовал для ночлега. Два огромных кедр при падении увлекли за собою всю свиту окружавших пихт и елей. Трехметровый выворотень, от которого во все стороны торчали толстые извитые корни с налипшими комьями рыжей земли, поднимался как стена, надежно защищая от ветра.

Ночевка получилась удачная. Правда, здесь не было листовниц на дрова, но выручил небольшой сухой кедр. Ночь была не холодной, и Федор лишь раза два поправлял костер.

* Пробная площадка для учета — 10 кв. км, длина обхода около 15 км.

Новое утро было таким же хмурым и беспокойным, как вчера, но снегопад не начинался, и Федор решил продолжать путь дальше, чтобы сделать второй учет на дальнем хребте.

Строго соблюдая засеченное по компасу направление, он вскоре вышел к восточному склону своего хребта. За неширокой падью просматривался следующий хребет — большой и длинный, его противоположный склон выходил, вероятно, уже к Правой Киренге. Пройти эту падь было бы нетрудно, но спуск вниз преградил бурелом. В тайге нередко буря проходит узкой полосой, особенно по склонам, превращая их в непроходимые завалы. Так и здесь — могучие кедр с еще свежими" кронами лежали на земле, обращенные вершинами все в одну сторону. Приходилось непрерывно перебираться через занесенные снегом стволы или перепрыгивать с одного дерева на другое, а спуск был крутой и длинный, так что Федор вынужден" был останавливаться и отдыхать, словно при подъеме.

Склон второго хребта был еще круче, но зато здесь стоял прекрасный старый кедровый лес. Красноствольные кедр высились как колонны, а их узкие кроны начинались почти от **самой** земли. Было видно, что этих кедров никогда не касался колот орешников, и Федор внешне попытался представить себе, как далеко он забрался от всякого жилья.

К концу дня, закончив закладку второй площадки, Федор оказался еще на десяток километров дальше от своего лагеря. Выбирая место для ночлега, он думал о том, как поступить, и решил завтра утром возвращаться. Снег здесь был уже совсем глубокий, к тому же еда кончается, да и спутникам своим Федор сказал, что пойдет на одну-две ночи. И так, решено — завтра утром прямым ходом обратно. Надо засечь направление и не сходить с него.

Подумав об этом, Федор полез в карман за компасом и, не успев до конца понять в чем дело, внезапно физически ощутил приступ неясного еще страха. Компаса не было!

Он всегда клал компас в этот карман и знал, что искать его бесполезно, но все же несколько раз просмотрел везде, где только можно, надеясь уже на какое-то чудо. Перестав рубить дрова, Федор сел на колодину и задумался. Он обратил внимание, что в сгущающейся таежной тьме было совсем тихо, в то время как весь день не утихал ветер.

На мгновение снова пришла мысль о том, как он далеко от людей, совсем один и без компаса, но тут же Федор заставил себя приободриться. Ведь в таком глубоком снегу след его будет виден. Не завалит же его снегом за сутки обратного пути к реке? Решив так, Федор продолжал готовиться к ночлегу. В этом кедряке совсем не было дров, и пришлось брать пихту. Ночевать у костра из пихтовых дров нельзя — они сильно разбрасывают искры, так что к утру можно остаться без одежды. Пришлось спать без костра, по временам разжигая огонь заново и отогреваясь.

Когда ночью Федор проснулся от холода и поднялся, чтобы развести огонь, он в первый момент даже не понял, что произошло. Ватник, которым он был укрыт, рюкзак, лежащий в головах, нарубленный пихтовый лапник и даже костер — все было покрыто свежевывающим снегом. Снег валил так густо, с такою быстротой, словно кто-то сыпавший его сверху торопился прикрыть землю. Никогда в жизни еще не видел Федор таких удивительно больших снежинок — две-три снежинки вполне закрывали ладонь.

Отогравшись, он лег спать снова и проснулся, уже когда начинало светать, весь с ног до головы засыпанный снегом. За ночь здесь выпал снег на высоту более двадцати сантиметров! Он был такой пухлый и легкий, что пришлось раз десять накладывать его в котелок, чтобы вскипятить чай.

Говорят, что одна беда приводит другую. Теперь у него оставался лишь небольшой ломоть хлеба, кусок сахара и щепотка чаю. Правда, было ружье, но за весь путь Федор не встречал ничего, кроме двух кедровок да редких дятлов. Свою собаку он не взял — она мешала бы проводить учет, а толку от нее все равно было мало.

Вчерашний след едва угадывался в глубоком снегу. Идти стало совсем трудно, снег был уже выше колена. По-прежнему было пасмурно, снегопад продолжался, хотя и не такой сильный, как ночью. Но зато какой же красивой была тайга в это утро! Красота эта была так удивительна, что с трудом верилось в ее реальность — все окружающее казалось ожившей сказкой или чудесными декорациями.

Огромные кедры держали на своих растопыренных широких лапах целые сугробы пушистого, будто невесомого снега. Длинные ажурные ветви пихт, чем-то напоминавшие веточки мимозы, тоже были обрамлены крупными снежными хлопьями.

Со старых пихт и елей длинными прозрачными прядями свисали вниз волокна древесного лишайника (*Usuca barbata*). Облепленные свежим снегом, они превратились в какие-то волшебные украшения, придававшие тайге торжественный и сказочный облик.

Федор шел теперь совсем медленно, и к концу дня он был все еще на дальнем хребте. Уже начинался склон, где-то впереди должен быть распадок между хребтами, но в сумерках и мгле ничего нельзя было разглядеть, и Федор решил заночевать здесь.

И снова приютил его кедровый выворотень, и опять всю ночь шел снег, но на этот раз Федор нашел дрова, положил в костер большие поленья и спал крепко. Лишь один раз он встал поправить огонь и переместился ближе к костру, высунив ноги из-под выворотня, так что к утру их совсем засыпало снегом. От усталости он проспал на редкость долго и, когда проснулся, было совсем светло. Костер погас, и даже угли дотлевали. Снег перестал под утро, но за ночь его опять навалило так много, что вы-

воротень и весь завал казался теперь большим сугробом. Старого следа уже нигде не видно. Невозможно ориентироваться и по очертаниям хребтов — они совершенно исчезли из виду.

Федор начертил на снегу грубый план местности, проверил на нем свой путь и местонахождение и выбрал кратчайшее направление к Киренге. Повторив свой расчет еще раз, он двинулся вниз по склону в распадок. Снова закрутила метель.

Начав подъем по склону противоположного хребта, он с радостью увидел, что пришел к знакомому завалу. Но преодолеть его теперь, вверх по склону, когда все покрыто снежной толщей, оказалось невозможным. Пришлось обходить, отклоняясь влево от основного направления.

Вдобавок ко всем бедам разошелся ветер, да и снегопад не прекращался. Порывы ветра то и дело сотрясали вершины кедров, и, словно обвал, рушился с них снег, окутывая все дерево снежной пылью, медленно оседавшей вниз на землю. Днем стало теплее, было не больше пяти градусов мороза, и одежда Федора, который шел весь засыпанный снегом, все более и более намокала. В одном месте Федору удалось сбить кедровку, что придало ему бодрости.

К вечеру Федор одолел второй хребет и вышел на его западный склон. Но это был совсем не тот пологий склон, которому он поднялся, перейдя Киренгу, а совсем другой — очень крутой, почти обрывистый, и спускаться по нему было трудно. Если он идет правильно, уже недалеко должна быть Киренга, хотя в снежной пелене он не мог видеть хребтов на другой ее стороне.

После спуска с хребта пришлось идти кочковатым ельником. Здесь каждый шаг давался с большим напряжением сил, кочек совершенно не было видно под снегом, и иногда Федор проваливался чуть не по пояс.

Начинало смеркаться, надо было вновь подумать о ночлеге. Вся одежда была насквозь мокрой, а в этом ельнике нет хороших дров и негде развести костер.

От усталости в сознание Федора начало прокрадываться сомнение: а вдруг он неправильно выбрал направление и эта долина вовсе не Киренги... Он уже подумал, не повернуть ли обратно, как неожиданно вышел на берег реки. Киренга возникла перед ним внезапно, потому что на другой ее стороне был такой же мелкий ельник, как и здесь.

По расчетам Федора, переход через реку должен быть ниже по течению, ведь он, стремясь быстрее вернуться к Киренге, всю обратную дорогу забирал влево.

Пройдя вниз по течению, Федор увидел впереди высокий хребет, круто спускающийся к реке, и решил заночевать здесь.

Ночевку на этот раз выбрал под большим кедром. Несколько прислоненных к его стволу пихтушек составили подобие

юрты. Расчистив снег под кедром, Федор настлал здесь хвою, а костер решил развести чуть ниже по склону. Оборудовав ночевку, он принес воды из Киренги и повесил котелок, чтобы сварить кедровку.

Хотя он ничего не ел последние два дня и очень устал, почему-то есть совершенно не хотелось, и он через силу съел суп и мясо птицы, зато с наслаждением выпил несколько кружек горячего чая.

Вслушиваясь в непрерывный рокот реки, он думал о том, что подводит своих спутников — раз начал валить снег, надо всем уходить, а его нет. Пожалуй, если еще сутки не придет, го, наверно, отправятся его искать.

Федор хотел подсушить свою насквозь мокрую одежду и развел большой костер, но тут же пожалел об этом. С огромного кедра, под которым он обосновался, закапала вода, и вме-сто того, чтобы обсушиться, Федор лишь еще больше промок. Ведь слышал же он, что нельзя разводить костер под деревом, но в тайге все познается на собственном опыте.

С трудом примостившись у самого костра, он улегся, положив голову на выступ кедрового корня. За ночь много раз просыпался и придвигался ближе к огню. Заснул последний раз, когда уже начинало светать, и проснулся поздно. Разведя заново костер, Федор принялся отогревать заочневшие ноги. Ночью мороз был не больше десяти градусов, но вся одежда превратилась в ледяной панцирь.

В это утро ему очень не хотелось расставаться с костром и вновь мять снег по берегам Киренги. Был уже десятый час, когда он сложил пожитки и двинулся вдоль реки, вниз по течению.

Погода вроде бы прояснилась немного: снегопад перестал и сквозь мутную пелену можно было даже угадать то место на горизонте, где, едва выступая из-за края хребта, висело •солнце.

Федор надеялся, что переход где-то близко, и поначалу шел довольно быстро. Но вскоре начал уставать. Кочковатому прибрежному ельнику не было конца, один поворот реки сменялся другим.

«Ничего,— утешал он себя,— вот только дойти до той большой ели, до того поворота, до конца этого хребта...»

Он брел уже более пяти часов. Какой-то большой хребет на той стороне реки остался у него за спиной, низкорослый ельник сменился старым, тот — каким-то березняком и снова ельником, извилиястая река делала десятки поворотов, и за каждым из них Федор ожидал увидеть знакомую лиственку, но ее все не было.

Время шло. Небо то прояснялось, то как-то сразу становилось мутным, и начинал сыпать частый мелкий снег. Сегодня

ему ни разу не встречалось ничего живого, лишь на верху крутого склона кричали кукши, но у Федора не было сил лезть за ними.

Он взглянул на часы. Было уже три часа, близится нова» ночь... Федор остановился и присел на поваленное дерево. Может быть, пришла ему в голову мысль, он давно прошел эту листвень по какой-нибудь протоке и теперь уходит вниз по течению? Федор с тоской вглядывался в широкую долину за Киренгой. Там виднелся сплошной ерник, видимо, здесь в Киренгу впадала какая-то речушка, но может быть, это уже Чемборчан?

Внезапно он отчетливо услышал какой-то звук. Когда это1 звук повторился, Федору показалось, что он слышит отдаленный собачий лай. Федор застыл на месте, но тут же понял, что это летит ворон. Птица пролетела недалеко от него и начала кружить. Федор не шевелясь смотрел, как ворон, делая один круг за другим, спускался ниже и наконец пролетел так низко, что было отчетливо видно, как птица почесала на лету свой клюв рубчатой черной лапой.

«Ну, погоди же ты у меня», — прошептал Федор. Но как только он потянулся за ружьем, ворон взмыл вверх, и быстрый выстрел не достиг своей цели. Однако ворон не улетел, мало того, появился другой, а за ним еще пара. За все время кочевья Федор не встречал этих птиц, а тут они откуда-то взялись на его голову.

Он поднялся и снова пошел вперед, спотыкаясь на кочках.

Из последних сил дотащился до склона нового хребта и стал готовить ночлег.

Утром он продолжал свой путь вниз по течению, но уверенности в правильности пути у него уже не осталось, и он все чаще думал, не пойти ли обратно, хотя и понимал, что нет ничего хуже, чем ходить взад и вперед.

Выйдя к берегу, Федор вновь и вновь думал, что надо перейти реку и продолжать движение к лагерю. Но как это сделать? Он смотрел на бурное течение, на зеленоватый лед, покрывавший камни, на шугу, которая терлась о прибрежный лед. На другой стороне сплошной ерник, нет дров, так что даже не обсушишься. Переходить нельзя — собьет, на льду и замерзнешь.

Пройдя еще два часа, он совсем выбился из сил и решил развести костер, отдохнуть и подумать.

Наконец Федор пришел к выводу, что самое правильное будет срубить дерево и по нему перейти реку.

Выбрав склоненную над рекою ель, начал рубить ее своим маленьким топориком. Но Федор не мог похвастать умением валить деревья. Ель легла наискось, течение развернуло ее в унесло.

Пройдя с полкилометра, Федор увидел еще одно склоненное дерево. Это была лиственница, и рубить ее крепкую древесину было трудно. Дерево росло на крутом склоне, и когда оно упало, верхушка лишь едва касалась закрайки льда на другом берегу.

Федор все же решил переходить. Срубил шест и двинулся по стволу. Но шест силой течения превратился в рычаг, который начал медленно разворачивать дерево. Комель его оказался у самой воды, и вот-вот дерево должно было поплыть... Бросив шест, Федор невероятным усилием удержался на узком скользком стволе и выбрался обратно на берег.

«Да,— подумал он, утирая пот со лба и вспоминая слова Ильи,— зря-то не перейдешь!»

Начало темнеть. Эта ночь была для него тяжелой. От усталости он не готовил ночевку и не рубил лапник, а сел возле маленького костра, распахнув мокрый насквозь ватник. Вслушиваясь в шум реки, думал о своих спутниках, которые, наверное, ищут его. Голода он по-прежнему не ощущал, но мысли путались и было беспокойно. Он плохо следил за костром в эту ночь и прожег свой ватник.

Утром Федор проснулся очолевший от холода. Может быть, правильнее не идти дальше, а дожидаться, пока его найдут? Куда идти усталому и голодному, без компаса, не зная дороги? Но мысль, что его могут найти обессиленного, вот так, у жалкого костра из тонких дровишек, заставила его быстрее собираться в путь.

Короткий приступ безразличия, овладевший было Федором, прошел. Вчерашний опыт убедил его, что выбирать более тонкие и склоненные над водой деревья не имеет смысла. Уж если рубить, то такое дерево, которое наверняка ляжет через реку. Еще издали увидел он на склоне огромную лиственницу. Когда Федор подошел к ней и достал свой маленький топорик, ему вспомнилась притча о разбойнике, которому для искупления грехов было дано срезать ножом дуб в три обхвата.

Однако он решительно взялся за дело. Минут через сорок в глубине ствола раздалось легкое потрескивание, а по вершине пробежала дрожь. Федор посмотрел вверх и ему стало не по себе — так велико было это дерево. Но надо было кончать. Еще несколько сильных прямых ударов... Раздался грохот падения, сильный плеск, и... Киренгу можно переходить! Правда, посередине реки волны переливаются через согнувшийся ствол, но это уже пустяк.

Собрав все свое имущество, он начал переправу. Несколько трудных минут — и он на другой стороне. Страшная, ревушая река позади! Обрадованный и ободренный, Федор быстро двинулся по выбранному направлению, но уже через десяток минут понял, что такого темпа ему не выдержать. В ельнике снег

был почти до пояса, и через каждые пятьдесят-сто шагов приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Усталость и голод давали себя чувствовать. Он начал подумывать о привале, но осенний день короток, и нельзя терять ни минуты драгоценного светлого времени.

Между тем его вновь начало искушать сомнение — злейший враг заблудившегося. Теперь Федору казалось, что он идет не в направлении Дипкохана, как наметил, а обратно, к Киренге. Когда он пытался собраться с мыслями и восстановить в памяти пройденный путь, получалось, что все правильно, но стоило одолеть несколько сотен метров, как сомнения начинались снова.

Так прошел он километров восемь. Наконец ельник начал редеть и впереди показалась широкая долина какой-то реки. Сейчас все должно было разрешиться: если путь правильный, то это долина Дипкохана и лагерь близко. Он вышел к ернику и вдруг услышал знакомый ровный шум реки. Снова берег Киренги!

В первый раз Федором овладело чувство отчаяния. И все же он снова заставил себя мысленно проследить свой путь. Оставалась еще надежда, что Киренга делала здесь большую дугу. Значит, надо продолжать путь вопреки всем сомнениям. Дипкохан должен быть близко!

В эту минуту рассеялась мутная снежная пелена, стало светлее, и на миг прояснились очертания хребтов, показавшиеся Федору удивительно знакомыми. Еще боясь поверить себе, он прошел вниз по течению и за поворотом увидел свой первый злополучный переход! С этой стороны к лиственнице вела свежая тропа. Федор подошел ближе и, увидев, что на ту сторону перешло несколько человек с собаками, понял — охотники пошли его искать.

Федор вышел на их след. Идти по тропе после глубокого снега казалось счастьем.

Через полчаса Федор сидел в юрте и пил чай, а тетка Арина жарила на рожне большие куски сохатинного мяса. Он уже поел и хотел ложиться, когда пришли Семен Сидорович и Серверьян.

— Что, Федя, живой! А мы уж беспокоиться стали. Главное, ушел, а на сколько дней, точно не сказал. Первые два дня прошли — ладно, знаем, что не на день пошел. На третий начали думать, не заплутал ли. Да нет, говорим, однако, соболей считает, ведь не простое дело. Потом стрелять начали, видно ты не слышал. А сегодня искать пошли. Как перешли, я говорю Илье: «Вы с Петрухой идите на другой хребет, а мы со Свирейкой берегом пойдем». Ну, километров с десяток прошли, набрали на твой след. Ты, видать, правильно вниз по реке шел, а потом что-то засумневался. Мы по следу-то до твоей

ночуйки дошли, набрали на листвень, что ты свалил,— уж подивился я, как это ты своим топориком ее одолел,— потом перешли, да и следили тебя до самой юрты, как соболя. Мы-то котелок несли, чай, хлеб, думали, ты нас ждать будешь, видим, ослаб ты голодом. Однако, все же упорный ты, дошел до ночуйки. Ну, расскажи, как это у тебя получилось.

Но Федору теперь, когда все кончилось, происшедшее совсем не казалось столь значительным, чтобы о нем подробно рассказывать.

— Да что там,— сказал он,— решил спрямить, вышел к Киренге, да и бродил по ней три дня.

— Значит, как обратно шел, сильно влево забрал, а по Киренге здесь не то что три дня — неделю идти можно. Надо было переходить сразу, когда вышел к реке, никогда берегом не ходи, особо по глубокому снегу.

Разговор был прерван, пришли Илья и Петр; они успели побывать на втором хребте. Федор опасался услышать от острого на язык Ильи насмешки, но тот, подходя к юрте, еще издали спросил: пришел ли Федя, и, услышав ответ, так сердечно сказал «слава богу», что у виновника сердце дрогнуло.

Рано утром при непрекращающемся снегопаде все начали торопливое отступление. По высокому снегу шли медленно и не успели засветло дойти до места прежней стоянки у Сыенка: темнота застала караван еще на Чемборчане. Все устали. Семен, шедший сзади, призывал заночевать здесь, но Илья упорно пробивал тропу вперед. Как он в полной темноте при снегопаде и метели вывел их к месту старой ночевки, Федор не мог бы объяснить.

Здесь стояли остовы юрт и были остатки дров, которые, уходя с ночлега, прислоняют стоймя к ближним деревьям. Как часто выручает людей этот таежный обычай!

Утром Федор проснулся первым. Уже светало, в юрту сыпался мелкий частый снег. Федор обулся и хотел выйти наружу, но навешенный над входом мешок не поддавался. Оказалось, что за ночь на нем вырос целый сугроб снега. Когда Федор наконец вылез из юрты, то увидел странное зрелище. Нельзя было даже представить себе, что еще несколько часов назад здесь ходили люди, рубили дрова, готовили ночлег. Снег засыпал и юрты, и собак, которые, услышав шаги Федора, словно по волшебству появлялись из-под сугробов, а от тропы к ручью не осталось и помина.

Когда тронулись с ночлега, то Федор, шедший вторым, подумал, что не сможет идти. Подавшись грудью вперед, он погружался в пухлый снег почти по плечи — люди шли буквально сквозь снег.

Ведущий, Семен, проторив сотню шагов, остановился, чтобы перевести дух. За ним встали и остальные. Федор обернулся. За Северьяном, замыкавшим шествие, длинной цепью растянулись собаки. Они бежали словно в глубокой траншее, их совсем не было видно, а от оленей виднелись только рога.

Семен скоро уступил свое место Федору. Тот продержался недолго. Более упорно пробивали тропу Илья и Северьян, но и они быстро выбивались из сил. И при этом эвенки ни словом, ни намеком не упрекнули виновника задержки — Федора. Ведь из-за его опоздания обратный путь был таким тяжелым!

Перед подъемом на хребет устроили длинный перекур у костра и, отдохнув, начали штурм заснеженного хребта Сьеннок.

Никогда не забыть Федору этого перехода. Временами казалось, что у пятерых людей, поочередно пропускавших друг друга вперед, не хватит сил, чтобы подняться на хребет.

Снег не переставал, снова падали огромные хлопья. И все-таки даже в таких небывалых обстоятельствах охотники остаются верны себе. На спуске попался свежий след соболя. Было видно, зверек только что прошел, причем он тоже проваливался глубоко в снег. Несколько наиболее азартных собак бухнулись в снег и забарахтались, отчаянно пробиваясь вперед, остальные кинулись за ними. Следом за собаками пошел Илья, и почти сразу послышался выстрел — по такому снегу соболю не может далеко уйти.

На радостях здесь же и ночевали, а назавтра добрались до ночевки на Токтыкане. Здесь решили дневать, а еще через два перехода глубина снега стала уменьшаться на глазах, и вскоре они шли уже сравнительно легко.

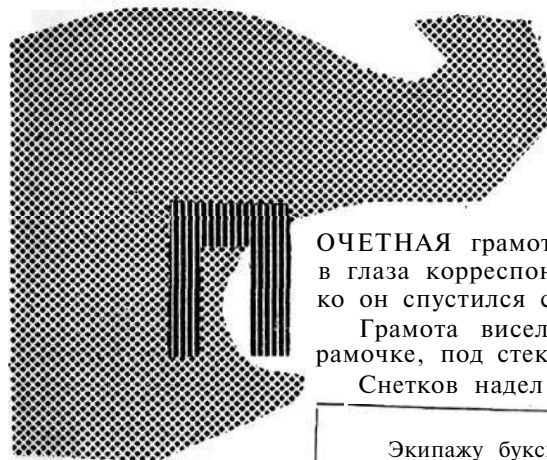
Охотники остались у зимовья Уян, где снег был до колен и еще можно было охотиться с собаками, а Федор ушел в Муриню — ему предстояло теперь обследовать результаты выпуска соболей на реке Келоре.

Потом Федору приходилось лазить и в дальних северных лесах Западной Сибири, и в Саянах, и по Алтаю, и опять по приленской тайге... Но впечатления первой таежной эпопеи не забудутся никогда.

Борис
Евгеньев

НА ТРАВЕРЗЕ—
МЫС
ОПАСНЫЙ

Рассказ

ОЧЕТНАЯ грамота — первое, что бросилось в глаза корреспонденту Снеткову, как только он спустился с палубы в каюту катера.

Грамота висела возле иллюминатора, в рамочке, под стеклом.

Снетков надел очки, прочитал:

Экипажу буксирного катера «Кихчик»
Петропавловского рыбокомбината
за опасение самоходной баржи «Аврора»
в штормовую погоду
10 декабря 1958 года
и самоотверженную работу
команды катера

По всегдашней привычке тотчас «фиксировать» все сколько-нибудь приметное, любопытное, корреспондент вытащил из кармана потрепанную записную книжку и переписал текст почетной грамоты.

— Что за беда приключилась с «Авророй»? — спросил он молодого матроса, прибежавшего с палубы и торопливо рывшегося в сундучке возле своей койки.

— С какой «Авророй»? А-а, с этой! — матрос, круглолицый, краснощекий паренек, посмотрел на почетную грамоту, посмотрел на корреспондента, виновато улыбнулся. — Вот уж чего не знаю, того не знаю! Не было меня тогда на корабле...

Набил карманы ватника охотничьими патронами и помчался наверх, загремел сапогами по крутому трапу. Минуты не прошло — Снетков услышал над головой короткие хлопки выстрелов: моряки били с палубы топорков, кайр, бакланов. Великое множество морской птицы кружилось над бухтой, качалось на волнах.

В каюту заглянул капитан — смуглолицый, шеголеватый, в новеньком бушлате поверх черного кителя, в лихо заломленной фуражке. Хотел, видно, посмотреть заботливым хозяйским глазом, как разместились пассажиры.

Снетков обратился к нему с тем же вопросом, который только что задал матросу.

Молодой капитан внимательно посмотрел на корреспондента, будто впервые увидел на борту своего судна пожилого, с седыми висками, давно небритого, шуплого человека в синем плаще. Снисходительно улыбнулся: «Ох уж, эти газетчики!»

— Дела давно минувших дней! — сказал он. — В общем, ничего особенного. Потом как-нибудь расскажу, сейчас, извините, недосуг... Вы бы Федьку спросили — он был здесь, за патронами приходил.

— Да он говорит — не знает ничего!

— Он-то не знает? Он, можно сказать, — главный герой спектакля! Это он так — застеснялся!

Снетков хорошо знал упорную нелюбовь этих мужественных, стыдливо скромных людей ко всему сколько-нибудь показному, особенно к рассказам о своих подвигах. И он вполне удовлетворился коротким рассказом радиста, белобрысого великана, заглянувшего после ухода капитана в каюту попросить огонька.

— Зимний штормяга был, — сказал радист, закуривая: — і снег, муть, черт-те что! А у них, на «Авроре», топливо кончилось. Положеньице, конечно, невеселое: на траверзе — мыс Опасный. Понесло на камни. Приняли мы сигнал бедствия — пошли. Нелегко нашему «жучку» в такую волну подойти на сближение с другим судном. И так и сяк крутились. Федька

выручил: обвязался поясом, сиганул с концом за борт. Отчаянная голова! С «Авроры» его в момент выловили. Ну, завели буксир — все нормально!

Дымя папироской, он пошел вразвалочку к тесной своей радиоконурке возле трапа — степенный, видно, добродушный парень.

Глядя на его широкую спину, обтянутую серым свитером, заштопанным на локтях, Снетков вдруг вспомнил: ему говорили на базе, что на катере — комсомольский экипаж, что борются ребята за почетное звание экипажа коммунистического труда. Достал записную книжку, стал быстро-быстро писать в ней...

— Геройские ребята — ничего не скажешь! — услышал Снетков возле своего уха бодренький тенорок. Вздвогнув от неожиданности, обернулся.

За его спиной стоял один из пассажиров, которых капитан ао доброте душевной согласился доставить в Рыбачий поселок, откуда до Петропавловска ходят рейсовые катера.

К числу пассажиров принадлежали и корреспондент Снетков, и геодезист — высокий, голенастый молодой человек в сапогах, штормовке, форменной фуражке, с большим рюкзаком и какими-то приборами в грязных брезентовых чехлах, и небольшое семейство: муж, жена, грудной ребенок.

С явной неохотой допустил капитан это семейство на борт катера. Снетков как раз стоял на палубе, любясь фиолетовой громадой Вилючинского вулкана, по плечам которого медленно сползали дымчато-серые облака, когда к катеру подошел глава семьи — коренастый парень в побелевшей по швам кожаной куртке, с бородкой «под норвежца». Смирненно, почти заискивающе, попросил он капитана помочь ему добратсья «с семейством и барахлишком» до Рыбачьего поселка.

Капитан молча осмотрел его с ног до головы, перевел взгляд на «барахлишко», сложенное на пирсе. Возле узлов, мешков, обшарпанных чемоданов сиротливо стояла на ветру, задуваншем с океана, худенькая большеглазая женщина, похожая на девочку-подростка, с ребенком, завернутым в синее ватное одеяльце, на руках.

— Я уже взял двоих, — хмурясь, сказал капитан. — Куда ж я тебя-то возьму, да еще с таким багажом?

Парень торопливо подошел вплотную к поручням катера.

— Да я ж понимаю, милый ты человек! — заговорил он, понижая голос, прижимая руки к груди. — Задарма что ли прошусь? Разве ж я не понимаю? Да, господа же-ж!..

— Не знаю, что ты там понимаешь, — оборвал его капитан и сдвинул к переносице соболиные брови. — У меня не пассажирский лайнер — за проезд не беру. Вот это ты должен понимать!

— А я что? Я ж по человечеству прошу! — испуганно за-
ныл парень. — Видишь, не один я: с малым ребеночком, с ба-
бой, то есть, с этой, с женщиной, так сказать! Куда ж мне
с ними теперь?

Капитан, не слушая его, смотрел на женщину, стоявшую
на пирсе. Тихонько покачивая на руках ребенка, загораживая
его спиной от ветра, она снизу вверх смотрела на молодого
статного капитана. Во всем облике ее было что-то девически
беспомощное, усталое. Ветер трепал ее пеструю юбчонку, пряд-
ку светлых волос, выбившуюся из-под розовой косынки.

И Снетков, поглядывая то на нее, то на капитана, с не-
вольным волнением гадал: «Возьмет или откажет? Неужели
откажет?»

Капитан отвел глаза от молодой женщины, кашлянул, стро-
го сказал:

— Садись, да поживей! Отходим сейчас...

Парень со всех ног кинулся к вещам.

— Иди, Катюша, иди, милая, на катер! — бормотал он. —
Ветер-то какой!.. Ребеночка не застудить бы... Спасибо добро-
му человеку... Я мигом, в один момент!

Схватил мешок, чемодан, побежал следом за женой. Жен-
щина с ребенком спустилась в каюту, а он уже бежал за оче-
редным мешком.

— Что уезжаешь-то? Или работы тут нет? — все также
строго спросил капитан.

Парень опустил мешок на палубу и, утирая рукавом взмок-
ший лоб, быстро проговорил:

— Тут, дорогой товарищ, человеку чистая погибель!.. Тут,
на базе, такие дела творятся — одна тысяча и одна ночь! Ей-
богу, рассказать — не поверишь! — и снова кинулся на пирс
к оставшимся чемоданам...

И вот он стоял возле корреспондента, разглядывал почет-
ную грамоту.

— Геройские ребята! — повторил он, одобрительно покачал
головой, поцокал языком.

Он был неприятен, несимпатичен корреспонденту, и, в на-
рушение своей привычки знакомиться со встречными людьми,
Снетков сухо ответил:

— Обыкновенные советские люди!

— И очень даже справедливо вы заметили! Именно так:
обыкновенные, советские! — проговорил парень и вернулся на
свое место.

Он уселся на краешек койки, возле аккуратно уложенных
вещей. На той же койке лежала его жена с ребенком, уккры-
вшись с головой байковым одеялом. Как только они размести-
лись в тесной каютке, она покормила грудью раскричавшегося
малыша. А потом, когда катер вышел из бухты и его стала

покачивать, стала им поигрывать вольная океанская волна,
молодая женщина прилегла на койку и лежала неподвижно,
как неживая. Видно, нелегко давалась ей качка. И только ког-
да ребенок начал покряхтывать, похныкивать, слышался ее
тихий голос: «Шшш, шшш». И ребенок затихал.

Корреспондент Снетков, да и, конечно, капитан катера сра-
зу сообразили, что отъезд парня и его семейства с сельдеобра-
батывающей базы похож на поспешное отступление, если не
на бегство. Прощтрафился ли он чем, или с начальством не
поладил? Трудно судить о человеке, не зная причин его поступ-
ков... Снетков к тому же знал: на базе множество неполадок.
Поэтому-то он и приехал на базу и торчал на ней три дня,
выполняя задание областной газеты.

Базе этой не везло. Три года назад она пострадала от цу-
нами — гигантских волн, разрушивших ее постройки. Хорошо,
что из людей никто не погиб!.. В прошлом году, зимой, с ближ-
ней крутой сопки обрушилась на базу снежная лавина. Базу
заново отстроили. Завезли сезонных рабочих. Тихая, окружен-
ная сопками бухта ожила: сейнеры с уловом сельди все чаще
бороздили ее спокойные воды. База плохо справлялась с прие-
мом рыбы. Не хватало рабочих рук, обнаружились дефекты в
устройстве гидрожелоба, по которому рыба подается в засоль-
ные цехи. А тут еще неверная рыбацкая «судьба» нанесла базе
удар: косяки сельди, повинувшись таинственным, плохо разгадан-
ным человеком законам, вдруг начисто исчезли из района ба-
зы. Промысел переместился далеко к северо-востоку.

Вот и получилось так: то база не справлялась с приемкой
рыбы, то вдруг простой! Решено было использовать время для
ремонта гидрожелоба своими силами. Нашлись, конечно, и та-
кие, которым это было не по нутру: зарботки-то снизились, а
ждать у моря погоды охоты нет!.. Похоже, и этот разбитной
парень с «норвежской» бородкой решил поискать более хлеб-
ного местечка...

В каюте было душно, пахло чем-то кислым — пеленками,,
что ли? С вторжением в каюту пассажиров она сразу утратила
подтянутый моряцкий вид. На одной из нижних коек распо-
ложилось семейство. На другой спал свинцовым сном усталого
человека геодезист. И только две верхние койки были аккурат-
но заправлены. Но забраться на одну из них Снетков по-
боялся: уснешь, да чего доброго загремишь вниз. Вон как
качает!..

Он повернулся спиной к каюте — стал смотреть в иллюми-
натор.

За круглым, слегка запотевшим стеклом открылся тот осо-
бый, ни с чем не сравнимый мир, который никогда не оставлял
Снеткова равнодушным, хотя в нем, в этом мире, проходила
вся его жизнь. Так велико было своеобразное очарование этого

мира, таким он был щедрым, таким прекрасным, что даже буднично повседневное соприкосновение с ним всегда пробуждало в душе свежее чувство новизны, радости.

Солнце стояло низко. И океанские волны, недавно, при выходе из бухты, горевшие яркой синевой, потемнели. Они стали словно тяжелее, холоднее. Стекло-прозрачные, серо-зеленые громады их вздымались одна за другой в могучем, завораживающем ритме. Пенные гривы волн казались золотыми крыльями гигантских птиц — взмахивали птицы крыльями, хотели взлететь над простором беспокойного океана и бессильно падали, тонули в волнах.

Зубчатой стеной, километрах в четырех от ныряющего в волнах катера, высились скалы. Подставляя голые лбы яростным ветрам, иссеченные трещинами, словно шрамами, мрачно бронзовели они в лучах закатного солнца. И, подобно листьям, сорванным осенним вихрем, над ними и возле них вились тучи морских птиц...

Снетков считал, что этот мир — далекий, северо-восточный край советской земли, целиком заполнивший его душу, — должен породить особых людей — людей деятельных, смелых, высокого мужества и самоотвержения. Он, конечно, понимал, что эти качества свойственны и всему советскому народу — народу-борцу, неутомимому созидателю. Но ему казалось, что они, драгоценные эти качества, должны проявляться с особой энергией именно здесь, перед лицом суровой природы. Вот почему бережно и любовно собирал он, копил, хранил в сердце, в памяти, в записных своих книжках встречи с такими людьми, рассказы о них. И он немало повидал таких людей за пять лет скитаний по краю, ставшему для него второй родиной. Он мечтал написать о здешних людях книгу, да все было недосуг!..

Волна заглянула в иллюминатор — словно мутно-зеленая, струящаяся штора закрыла его снаружи на две-три секунды. За первой волной — вторая, третья...

Качка заметно усилилась. С койки упала, покатила по полу пустая бутылка из-под молока.

— Дает жару! Ох, и дает! — весело сказал парень с «норвежской» бородкой, поднимая бутылку и заботливо разглядывая ее — не побилась ли. — То ли еще будет, как к Опасному подойдем!

Снетков, поджав ноги, прилег на рундук под иллюминатором, положил под голову портфель, кепку. Устало закрыл глаза. И сразу слышнее стали звуки, наполнявшие маленький кораблик, отважно борющийся с беспокойным океаном. Что-то скрипело, потрескивало, скрежетало. То и дело слышались сильные тупые удары волн, от которых катер вздрагивал и стонал, змеиное шипение воды, растекавшейся по бортам, ког-

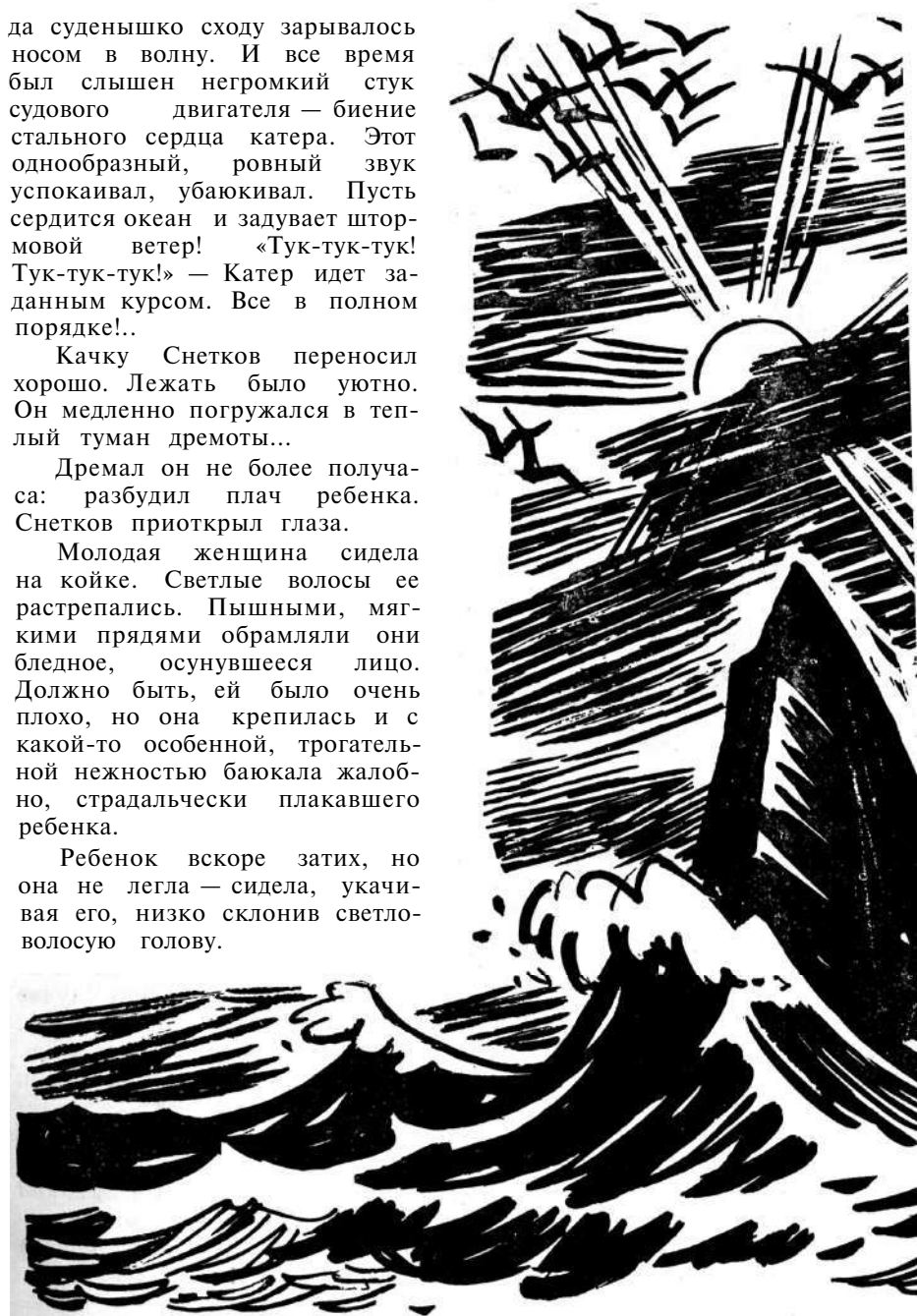
да суденышко сходило зарывалось носом в волну. И все время был слышен негромкий стук судового двигателя — биение стального сердца катера. Этот однообразный, ровный звук успокаивал, убаюкивал. Пусть сердится океан и задувает штормовой ветер! «Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!» — Катер идет заданным курсом. Все в полном порядке!..

Качку Снетков переносил хорошо. Лежать было уютно. Он медленно погружался в теплый туман дремоты...

Дремал он не более получаса: разбудил плач ребенка. Снетков приоткрыл глаза.

Молодая женщина сидела на койке. Светлые волосы ее растрепались. Пышными, мягкими прядями обрамляли они бледное, осунувшееся лицо. Должно быть, ей было очень плохо, но она крепилась и с какой-то особенной, трогательной нежностью баюкала жалобно, страдальчески плакавшего ребенка.

Ребенок вскоре затих, но она не легла — сидела, качивая его, низко склонив светловолосую голову.

— Дура ты беспонятная! Ни разума в тебе, ни соображения! — злым, свистящим шепотом говорил ей муж, продолжая, как видно, разговор, начатый, пока Снетков спал. — Разве я плохого ищущу? Я хорошего ищущу, понимаешь ты это или нет?.. Поедем в бухту Лаврова или в Апуку подадимся. Там рабочие руки всегда на вес золота. А я — человек с ини-ци-а-тивной, не пень какой-нибудь!.. Знаешь, сколько умные люди при случае зашибить могут? То-то и оно, что ни шиша ты не знаешь!.. Чего молчишь, будто воды в рот набрала?

— Устала я, Павел, от поисков, — тихо проговорила она и, вздохнув, отвела волосы от лица.

— А мне, думаешь, легко? Не такой я, Катерина, человек, чтобы задарма ишачить! — Он взьерошил, распушил свою бородку, поднял вверх указательный палец. — Работы я никакой не боюсь, только дай ты мне такую работу, чтобы и мне интерес был! А за спасибочки, да за портретик на Доске почета спину гнуть я не согласен — не дурачок!

— Живут же другие люди — хорошо, спокойно живут...

— Мне другие не указ — свой котелок варит! Ты, может, скажешь еще, что нужно было здесь, на этой треклятой базе остаться да ждать, когда бог рыбку пошлет?

— Другие ж остались...

— Опять двадцать пять! С тобой говорить, что об стенку горох!..

Павел раздраженно махнул рукой, закурил папироску. Покосился в сторону корреспондента, тот лежал с закрытыми глазами, похоже, спал.

Все, что Снетков слышал, не было для него чем-то новым. Он знал и такую породу людей — людей, суетливо мечущихся из стороны в сторону в поисках «интересной» работы, «подходящих» условий, попросту говоря, в погоне за длинным рублем.

И какими же чужаками были они со своим жалким хищничеством, стремлением урвать побольше, а отдать поменьше, чужаками среди прочих людей, отдающих все, что у них есть, общему большому делу!..

Хлопнула дверь. На трапе загремели быстрые шаги. В каюту вошел, ловко балансируя, как цирковой канатоходец, молодой матрос, краснощекий Федька, с дымящейся кастрюлей в руках.

Он поставил кастрюлю на маленький, привинченный к полу столик, и из нее тотчас выплеснулась, потекла по голубой клеенке мутноватая жидкость. Придерживая кастрюлю рукой, матрос весело спросил:

— А ну, граждане пассажиры, кому ушицы? Только попроворней, — добавил он, — а то с полу собирать придется!

— Хочешь, Катерина? — спросил Павел жену.

— Ох, что ты! Глаза бы не глядели!..

— Это вы, гражданочка, напрасно! — сказал Федька. — Горяченькая ушица очень даже полезная, если кто от качки болеет!

— Попробую-ка я вашей ушицы! — Павел налил полную кружку, достал из мешка хлеб.

Налил себе кружку и Снетков. Есть ему не хотелось — боялся обидеть радушных хозяев.

То, что матрос ласково называл «ушицей», оказалось крепко посоленной и наперченной похлебкой из морских птиц — топорка и селезня баклана. Их моряки подстрелили при выходе из бухты и ловко выловили черпаком.

Федька разбудил геодезиста, все это время похрапывавшего на койке, накрывшись видавшей виды грязной, прожженной искрами костров штормовкой. Тот живо, по-солдатски, вскочил, провел ладонями по лицу, стоня сон, пригладил черные, всклокоченные волосы.

— Похлебочка? — спросил он, вставая с койки. — Это хорошо и даже отлично!

Катер качнуло, кастрюля поехала по столу, Федька вовремя ухватил ее.

— Ого, покачивает!.. Чуть я без ужина не остался! — геодезист поставил кастрюлю на колени и попросил ложку.

Необыкновенно быстро расправился он с «ушицей» и половиной буханки черного хлеба, которую дал ему матрос. Потом долго, старательно обгладывал косточки, с трудом отдирая от них крепкими зубами жесткое лиловатое мясо морской дичи.

— Ну, молодец! — восхищенно сказал Федька, когда геодезист покончил с едой и вытер руки грязным носовым платком. — Видать, отощал в сопках-то!

— Отощать не отощал, а покушал с удовольствием, — признался геодезист. — По чести сказать, до чертиков надоела, пригорелая пшенная каша!

Федька вытер тряпкой стол и ушел, прихватив пустую кастрюлю. Снетков с интересом присматривался к геодезисту.

Загорелое лицо молодого человека казалось еще темнее от многодневной щетины. Пестрая ковбойка ключьями висела на его плечах, на торчащих лопатках. Думая о чем-то, шурясь от папиросного дыма, он машинально растягивал пальцами дыры, сквозь которые были видны сиреневая майка и смуглое тело.

— От лямок рюкзака, — пробормотал он, поймав взгляд корреспондента. — Прямо горит материя! — Смушенно улыбнулся.

Получаса не прошло, как Снетков все знал о нем.

Восемь дней провел этот молодой, нескладно высокий парень в полном одиночестве на склонах Вилючинского вулкана. «Небольшая рекогносцировочка!» — коротко сказал он, не вдаваясь в подробности. Восемь ночей спал у костра в крохотной палатке. Высоко в горах она за ночь покрывалась таким плотным налетом инея, так задубевала, что по утрам трудно было сложить ее. Восемь дней блуждал он по лесам, продираясь сквозь заросли кедрового стланика, карабкался по скалам. Трудно было подобраться к главной вершине — сбивали ложные конусы...

Оружие? Никакого оружия у него не было. Лишний груз, да и зачем оно? Медведи сейчас не опасны — сытые. Видел ли медведей? Ну, как же! А вот сколько — не помнит. Штук десять, может двенадцать. Чего их считать?

Тут Павел, тоже слушавший его, фыркнул, покрутил головой. Геодезист удивленно взглянул на него.

— Вот когда шел обратно, малость сбился с дороги. Хотел выйти к бухте Сарана, да не угадал. Пришлось спускаться к

океану, идти берегом на Вилючинскую. А берегом идти не легко: много «непропусков» — океан вплотную подходит к скалам. Хочешь не хочешь — лезь на них!.. Переходил вброд реку у самого устья. Снаряжение тяжелое, вода по шею. Стало было в океан сносить. Ничего, все в общем было хорошо!..

«Ничего, все было хорошо! — повторил про себя Снетков. — Что это — привычка? Сила бездумной молодости? Мужественная верность долгу?.. Наверное, всего понемножку!» — думал он, и рука сама тянулась к карману за записной книжкой. Этот парень, видно, из таких!..

— Может, я не понял чего, — послышался вкрадчивый голос Павла, — но, сделай милость, скажи мне, по доброй воле скитался ты восемь деп в сопках или заставляют вас?

— Что значит заставляют? Это ж моя работа! Получил задание — иди, выполняй!

— Н-да... И по душе тебе такая работенка?

— Очень даже по душе! Ни на какую другую не променяю!

— Понятно!.. Есть, конечно, такие отчаянные, вот, к примеру, геологи эти. Видал я их: идут замученные, грязные, оборванные. Неужто такое кому по душе? Не то ты говоришь, друг! Условия, видно, подходящие! И получаете вы прилично — побольше нашего брата, рабочего. И ни тебе начальства, ни тебе надзора! Хочешь — полеживай целый день в палатке, кушай кашу, консервы!

Геодезист громко, от души расхохотался.

— Ну и чудило ты, братец!.. Полеживай, говоришь, в палатке и консервы кушай?

Смех его начисто смыл то колючее и недоброе, что прозвучало в притворно простодушных словах Павла. Невольно усмехнулся и Снетков. Велика сила смеха — порою сильнее всякого слова.

Но что это?..

Геодезист сидел на койке, словно вслушиваясь во что-то, и смеха уже не было в его глазах. Насторожился, вытянул шею и Павел.

Что-то случилось. Но что именно — пока еще до сознания не дошло...

Первое впечатление было таким, что внезапно наступила тишина — неожиданная, тревожная.

Нет, какая же тишина? По-прежнему слышны и скрип, и треск, и скрежет. Плещет растекающаяся по палубе вода. По-прежнему глухие удары волн сотрясают катер... И все-таки в хаосе звуков не было главного — того, что до этой минуты было таким же обязательным и таким же почти неприметным, как свое дыхание, как биение сердца, — не было слышно сту-

ка двигателя. Привычный, успокаивающий звук, наполнявший катер ритмической дрожью, внезапно оборвался.

Все молчали. И ждали, ждали — вот сейчас снова послышится стук двигателя, снова будет ощутимо легкое дрожание переборки...

На палубе, над головами сидевших в каюте, протопали тяжелые шаги.

— Ну, чего там у них? — недовольно хмурясь, проговорил Павел.

— Бывает, — спокойно сказал геодезист. — Так ты, чудило, думаешь, что жизнь у нас легкая, вольготная? — спросил он, возвращаясь к прерванному разговору.

— Что мне до вашей жизни! — сердито ответил Павел.

Снетков приподнялся с рундука, посмотрел в иллюминатор. Ничего не видно — мутная темень. Порою она становилась скользкой, летучей, когда иллюминатор захлестывала волна.

Катер сильно мотало, клало с бока на бок, с носа на корму, подкидывало вверх, бросало вниз. И Снетков с колючим холодком в сердце подумал: «Остановился двигатель, выключилась механическая сила, тянувшая судно в нужном направлении. Теперь катер стал игрушкой волн, они могут поступить с ним по своей прихоти: унести в океан, разбить о прибрежные скалы...»

Дверь наверху распахнулась. По трапу загремели шаги. В каюту вошли три человека: радист, матрос Федька и черно-волосый, с круглым монгольским лицом механик — его Снетков видел впервые.

Со всех стекала вода — видно, крепко приласкала их волна, пока они добирались из машинного отделения сюда, в каюту.

Кисть правой руки механика была залита кровью. Пятна свежей крови виднелись на его зеленой брезентовой куртке, на брюках, заправленных в сапоги. Лицо его было землистобледным. Пытаясь улыбнуться дрожащими губами, он подул на руку, с которой капала кровь.

— Открывай аптечку, Федя, — сказал радист матросу. — Бинта давай побольше, ваты. Йод был у нас в шкафчике...

— Вот ведь беда какая! — с досадой сказал механик.

— Палец не сломал? — спросил радист.

— Вроде как нет. — Морщась от боли, механик согнул и разогнул пальцы раненой руки. — Кожу сорвало... Поживей, Федор, давай бинт! Недосуг...

— Чего там у вас? — спросил Павел, исподлобья глядя на вошедших.

— Не видишь — человек покалечился! — ответил Федька, раскладывая на столе бинты, вату.

— Сунулся было к форсунке, а тут как качнет, на ногах не устоял! — виновато проговорил механик и опять подул на руку.

— Вижу, что покалечился... Я не про то. Что с мотором-то?

— А ты что — механик? — спросил радист. — Иди подсоби — спасибо скажем!

— Механик или не механик, роли не играет! А как пассажир я в полном праве спросить...

— Ха! Пас-са-жир!.. Боишься, не доплывешь? — насмешливо спросил Федька.

— Помолчи, Федор! — строго сказал радист.

— Не беспокойся, полный порядок будет! — проговорил механик. — Захочешь — до самой Москвы довезем!

— Нашли время шутки шутить! — зло сказал Павел. — У меня жена, ребенок... У самого Опасного у них, видишь, мотор забарахлил, а они шутки шутят! Каждая минута дорога...

— Тебе одному она дорога? — тихо спросил механик, в упор глядя на Павла.

— Помолчи ты, Христа ради! — страдальчески проговорила Катерина, обращаясь к мужу. — Что они — дела своего не знают?

— Ты помолчи! Спрашивают тебя? — огрызнулся тот.

Молодая женщина поднялась, поправила растрепавшиеся волосы, застегнула на груди вязаную кофточку.

— Давайте перевяжу, я умею, — сказала она. — Нужно промыть рану. Крови-то сколько!..

Снетков сидел на рундуке, смотрел на людей, сгрудившихся возле стола. Они с трудом удерживались на ногах — казалось, они танцуют какой-то нелепый танец, топчась на одном месте. Мелькание алебастрово-белого бинта. Светлые женские волосы в летучих золотых бликах. На койке захныкал ре-

бенок. И тотчас голос Катерины: «Сейчас, миленький, сейчас!.. Паша, возьми Толика, покачай». — «Ну да, буду я еще!»

И все это казалось Снеткову каким-то странным, почти нереальным. Потому, должно быть, странным, что происходило все это на суденышке, безвольно, бессильно мотающемся на волнах ночного штормующего океана.

...Мыс Опасный, мыс Опасный!.. Ничего не скажешь — сильно звучит это географическое название громадной голой скалы, каменным выступом врезавшейся в океан. Особенно сильно звучит оно теперь, ночью, на катере с заглушим двигателем! Место и ,вправду рисковое — гряда камней тянулась от берега далеко в океан; она часто меняла свои очертания — достаточно для этого небольшого подземного толчка...

Мыс Опасный!..

— Ну вот, прямо как в амбулатории!.. — сказал повеселевший механик. — Спасибо, гражданочка!

Левой, здоровой рукой он отер лоб. Помахал кистью правой, превратившейся в толстую снежно-белую культяпку, из которой выглядывали кончики пальцев с посиневшими ногтями.

— Пошли, друзья, пошли живенько! — проговорил он.

— Ты что — сдурел? — спросил радист.

— Ладно, ладно, пошли!

— Я тебя спрашиваю: сдурел ты или нет? С такой-то рукой!

— Левая-то цела!..

— И я с вами! — сказал геодезист, торопливо надевая штормовку. — В моторах я разбираюсь.

— Вот и хорошо! — охотно согласился механик. — Вот и помощь пришла!.. А ты, Коля, останься, — негромко сказал он радисту, — аппаратуру свою проверишь...

— Чего это ее проверять?

— Останься, Коля, я говорю! — и совсем тихо добавил: — Пассажиры тут...

Секунду, не больше, смотрели они друг другу в глаза. Радист молча пожал плечами.

— Ну, пошли! — еще раз сказал механик. — Только, друг, на палубе держись — знаешь, как бьет, как поливает?

— Не бойся! — весело отозвался геодезист.

И они ушли. Радист постоял минутку, словно прислушиваясь к чему-то, — большой, спокойный, — и скрылся в радиорубке.

Катерина, как только кончила бинтовать механику руку, вернулась к койке. И ребенок вскоре затих, она перепеленала, убаюкала его.

130 — Дела-делишки! — громко сказал Павел. Он сидел, вцепившись руками в край койки, жевал мундштук потухшей

папиросы. Видно, он искал сочувствия у Снеткова, но тот молчал.

Не раз за свою скитальческую жизнь, — не говоря уж о фронтовых годах, — он побывал в разных, порою сложных переделках. Особой храбростью не отличался, но и трусом себя не считал. Испытывая временами естественный для каждого человека страх, он умел не показывать его. По опыту знал: самое тягостное в подобного рода случаях — пассивное ожидание угрожающей опасности. И еще худо, когда не знаешь, как велика она.

Со времени остановки судового двигателя прошло полчаса, а может, и больше. Не так уж мало, чтобы опасность разбиться о прибрежные камни стала близкой!.. Но как близка эта опасность, что случилось с двигателем, скоро ли починят его, да и сумеют ли починить — всего этого Снетков не знал. Приставать же к людям с расспросами казалось ему неуместным.

Он представлял себе, с каким напряжением работает сейчас весь маленький экипаж катера, и завидовал этим людям: они заняты делом, они борются! Молодой капитан стоит у штурвала, всматривается в ревущую мглу, вслушиваясь в то же время всем существом своим: не оживет ли его суденышко, не забьется ли вновь его сердце? Внизу, в тесном машинном отделении, механик с забинтованной рукой, Федька-матрос и этот славный парень геодезист, сбивая в кровь руки, перепачканные маслом, соляжкой, «колдуют» над заглушим двигателем — дорога каждая минута!.. Радист, закрывшись в тесной конурке, наверное, уже в десятый раз опробовал свое хозяйство, готовый по команде капитана в любую минуту послать сигнал бедствия — бросить в огромный темный простор одинокий крик о помощи...

А вот он, корреспондент Снетков, ничем, решительно ничем не может помочь этим молодым парням! Он совершенно беспомощен — сиди и жди!.. И терпеть эту свою беспомощность, томительную эту неизвестность просто не вмоготу!..

Катер тяжело ложился с боку на бок. Он то останавливался, то вдруг рыскал вперед, зарываясь носом в волну.

Внезапно Павел сорвался с койки. С размаху налетел на стол, шатаясь, перебежал каюту, скрылся в узеньком коридорчике, из которого трап вел вверх, на палубу. Справа от трапа радиорубка. Павел грохнул кулаком в дверцу.

— Эй, радист! — крикнул он. — Какого черта, в самом деле! Давай SOS!..

В ответ спокойный голос радиста:

— Ты что разорался? Командир какой нашелся!..

— Пропадем почем зря!.. К Опасному сносит!

— Ты не паникуй! Понял? Катись-ка ты отсюда... — не

удержался добродушный радист, добавил крепкое слово, поясняющее, куда должен катиться Павел.

— Черти окаянные, — плачущим голосом проговорил тот, возвращаясь к своей койке. — О людях не думают!..

— Что вы в самом деле! — прикрикнул на него Снетков. — Что им лучше, чем нам?

— Мне от этого не легче!..

Снетков с удивлением смотрел на Павла: ничего-то в нем не осталось от разбитного, нагловатого парня! Даже голос изменился: стал хриплым, противно тонким. И лицо как-то расплылось, углы рта опустились. Особенно нелепой выглядела на этом лице мужественная «норвежская» бородка. Павел закурил папиросу, не докурив, бросил на пол, придавил сапогом, тотчас достал из пачки другую...

Сплоховал, струсил человек! Снетков встал. Не мог он больше сидеть и чего-то ждать. Застегнул прорезиненный плащ на все пуговицы, подошел к трапу. «Хоть выгляну наружу!..»

Цепляясь за поручни, он поднялся по убегающим из-под ног ступенькам, остановился перед закрытой дверью. И в ту же секунду дверь охнула, содрогнулась от сильного удара волны.

Послышался громкий плеск.

Ну и ну!.. Что же творится сейчас на палубе? И все-таки в тот момент, когда катер повалился на правый борт, а левый поднялся над волнами, Снетков рискнул приоткрыть дверь, выглянуть наружу.

Чернильный мрак, иссеченный, как показалось ему, призрачно-белыми и голубоватыми полосами. В лицо ударила сильная струя воздуха, насыщенного водяной пылью, — соленое дыхание огромной пустыни воды. Он услышал грозный гул штормующего океана, посвист ветра, рычание и плеск волн.

Все это вдруг предстало в такой пугающей близости, было таким угрожающим, что сердце похолодело. Прежде чем он успел закрыть в страхе дверь, его обдало холодной водой, словно кто плеснул с палубы из ведра. Изов всей силы рванул он дверь на себя, захлопнул ее и некоторое время стоял, судорожно вцепившись в ручку двери, моргая, встряхивая головой.

«Спасите наши души! — как-то непроизвольно прошептал он непослушными, словно замерзшими губами. Но тотчас взял себя в руки, усмехнулся: — Струсил, старик?»

Постояв немного возле двери, Снетков осторожно спустился по трапу вниз, принавливаясь к прыжкам катера. На нижней ступеньке — с нее была видна вся каюта — он остановился.

Это еще что такое?!.. Стоя на коленях возле рундука, Павел доставал из него спасательные пояса — большие квадратные куски пробки, обшитые серым брезентом, аккуратно сложенные и обвязанные тесьмой. Катерина молча следила со своей койки за его воровски-быстрыми движениями. Вот он кинул ей в ноги один пояс. За ним второй, третий, четвертый...

— Спрячь, слышишь? Скорей, дура! Под одеяло спрячь!..

— Что ты, Паша...

— Скорей, говорю!.. Не дай бог, что случится — не хватит на всех-то!..

Тут он оглянулся — глаза его встретились с глазами Снеткова. Крышка рундука с шумом хлопнулась. Павел молчал, стоя на коленях. Молчал Снетков. Прикрыв рот рукой, словно сдерживая крик, Катерина испуганно смотрела на корреспондента. Спасательные пояса грудой лежали на койке возле ее ног.

— Положи на место пояса! — негромко сказал Снетков, подходя к столу. — Сейчас же положи.

В эту минуту он вдруг почувствовал себя до удивления спокойным. Он ведь был не один: он был вместе со всеми этими славными ребятами, которые боролись за жизнь катера, вероятно, меньше всего думая о себе. А то, что было там, на трапе, — это всего лишь минутная слабость. Как это важно: сознавать свою общность с хорошими людьми!..

Павел медленно поднялся с пола. Не глядя на корреспондента, пробормотал:

— Да господи, себе я что-ли?.. Ребеночка жалко...

— И что бы ты только делал без ребеночка! — неожиданно раздался насмешливый голос радиста. Он стоял за спиной Снеткова в узкой двери радиорубки и тоже все видел.

Заплакала Катерина, заплакала по-детски, в голос, захлебываясь слезами. Руками и ногами она спихивала с койки спасательные пояса, будто было в них что-то опасное и гадкое одновременно. И они с глухим стуком падали на пол.

— Не хочу, не хочу, не хочу! — выкрикивала она, содрогаясь от рыданий.

Катер тряхнуло со страшной силой. Он жутко повалился набок, застонал, затрещал. Электрическая лампочка судорожно замигала.

«Конец!» — мелькнуло в голове Снеткова. Он едва не упал — так внезапно ослабли, стали ватными ноги...

И вдруг: «Тук-тук-тук, тук-тук-тук». Двигатель заработал! Негромкий ритмический звук сразу наполнил каюту, приглушил и скрип, и скрежет, и удары волн — все угрожающие, недобрые звуки.

Стук двигателя услышали все.

Катерина опустила голову на подушку, всхлипывая, закрыла лицо руками.

Радист метнулся в рубку, схватил бушлат, стал надевать, не попадая в рукава.

— Полный порядок! — крикнул он Снеткову. — Ну и золотые ребята! — И побежал по трапу вверх.

Неслышной тенью скользнул Павел к своей койке, стал торопливо складывать размотавшиеся пояса, перевязывать их тесьмой.

Снетков в изнеможении опустился на рундук под иллюминатором. Теперь, когда двигатель работал, он почувствовал, что освобождается от гнетущей скованности, которая все это время непомерным грузом лежала на нем, не давая расправить плечи, глубже вздохнуть.

Неуклюже переступая с ноги на ногу, стараясь сохранить равновесие, к рундуку подошел Павел со спасательными поясами. Он крепко прижимал их обеими руками к груди.

— Побеспокою вас на одну минуточку, — смиренно попросил он. — Уберу их с глаз долой... — И, сокрушенно вздохнув, сказал: — Вот уж правду люди говорят: кто на море не бывал, тот и горя не видал!

Снетков встал. Павел уложил пояса в рундук, осторожно, чтобы не стукнуть, опустил крышку. Снетков снова уселся на свое место и, закрыв глаза, отдался упоительному чувству покоя.

«Тук-тук-тук! Тук-тук-тук» — Двигатель работал!..

Наверху хлопнула дверь. В каюту спустились матрос

Федька и геодезист. Они принесли с собой струю свежего морского воздуха.

Федька посмотрел на Снеткова, улыбнулся, подмигнул. И Снеткову стало тепло от этой его улыбки. Ему вдруг ужасно захотелось спать. Веки слипались, голова клонилась на грудь. Он прилег на рундук. Сквозь полусон он слышал: в каюту вошли капитан и радист. Капитан спросил бодрим веселым голосом:

— Ну как, товарищ корреспондент, не укачало?

Снетков сделал над собой усилие, заморгал, улыбнулся: — Ничего, мол, все хорошо! Он покосился в сторону семьи Павла.

Павел лежал, повернувшись лицом к переборке. Катерина сидела на краю койки, загоразивая мужа спиной. Обхватив тонкими руками завернутого в одеяло ребенка, она привычно укачивала его. Низко склоненное, измученное лицо ее казалось постаревшим. Снетков отметил про себя: никто из находившихся в каюте моряков ни разу не взглянул в их сторону. Будто их и не было в каюте...

Проснулся Снетков, когда катер стоял в бухте Сарана, медленно, плавно покачиваясь на несильной волне. Сверху, с палубы, доносились голоса, топот ног.

Ни моряков, ни геодезиста в каюте не было. Павел все так же лежал, повернувшись лицом к переборке. Катерина все так же сидела, опустив голову, с ребенком на коленях...

Снетков одернул измятый плащ, отыскал свою кепку и поднялся на палубу. После духоты в каюте сырой холодный воздух казался особенно свежим.

Катер стоял у низкого берега, приткнувшись боком к кунгасу. На невысокой мачте катера горел огонек. Он освещал кунгас, часть берега с грузовой машиной, людей возле нее. Черные, с маслянистым отблеском волны плескались у прибрежных камней.

Тихо было в бухте — просто не верилось, что совсем недавно разъяренный океан грохотал вокруг катера!

В бухте Сарана катер должен был взять на буксир кунгас с колхозной рыбой и доставить его в поселок Рыбачий, на рыбообрабатывающую базу.

От грузовика по доскам, перекинутым с берега на кунгас, взад-вперед бегали колхозники: таскали на носилках рыбу. Поблескивая в свете фонаря тусклым золотом, она с влажным шелестом сыпалась с носилок в трюм кунгаса: кета, горбуша, кижуч.

— Шабаш! — крикнул кто-то у грузовика.

— Ну, вот и все! — сказал бригадир колхозников, плотный, невысокий человек в ватнике, в резиновых сапогах. Он стоял рядом с капитаном и геодезистом на палубе, покуривая трубочку.

— Кто от вас пойдет? — спросил капитан.

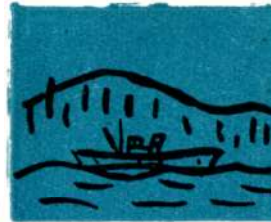
— Трофимов пойдет, — сказал бригадир. — Ну, счастливо! В море-то спокойно? Как сюда дошли?

— Нормально дошли, — ответил капитан. — Тут спокойно, а возле Опасного штормит.

— Там всегда штормит!

— Это верно, — подтвердил капитан. — Малость походили по кочкам!.. А так все хорошо!

Анна Вальцева

ЕНИСЕЙ,
ЕНИСЕЙ...

Дорожная тетрадь

ВСТУПЛЕНИЕ

ОЕЗД неожиданно остановился среди ржаного поля. Ни станции, ни полустанка, ни просто даже домика путевого обходчика, и непонятно было, почему остановился поезд, но он остановился. Кругом поле созревающей ржи, вдали темнел лес и к нему по ржи вела пряменькая тропка...

Вероятно, многие, если не все, люди испытывали хоть раз в жизни такое искушение: бросить все, соскочить с поезда и уйти... по такой вот стежке. Со мной это случалось не однажды, но всякий раз раздавалось: «Ку-да?» Иногда это говорили люди, иногда обстоятельства, чаще всего я сама. И тропка среди ржи оста-

валась позади, а на душе долго еще держалось легкое и горькое, как дым костра, чувство потери.

Поезд тронулся, дорожка осталась позади, но на этот раз горечи не было: впереди меня ждал Енисей.

...Пятый день стою я у вагонного окна, с самого рассвета дотемна.

Позади остались средняя Россия, Урал, Зауралье, Свердловск, Новосибирск. Много раз пересекал наш поезд большие и малые реки.

Пятый день рассказывает мне о Енисее сосед по купе старик геолог.

— Енисей! — восклицает он, — его зовут «клубящийся», «необъятный», «река-богатырь», «красавец Сибири». Он поражает воображение, он восхищает, он изумляет — масштабами, мощностью, контрастами и разнообразием.

Енисей — самая многоводная река Советского Союза. Енисей течет с юга прямо на север, перерезая Красноярский край, он зачинается в горах Монголии и отдает свои воды Северному Ледовитому океану.

Горы высотой в три тысячи метров, поросшие дремучей тайгой, бурные реки, срывающиеся с круч, пшеница равнинной части бассейна, пустынная тундра, где стелется карликовый кустарник, льды Арктики...

Охотники на медведей, рыбаки, оленеводы, геологи, мерзлотоведы, гидростроители, горняки...

Украинцы, русские, ненцы, саха, эвенки...

Кварталы благоустроенных пятиэтажных домов, круглые ансамблевые площади Норильска — этого крупнейшего промышленного центра, находящегося далеко за полярным кругом, связанного с Енисеем тоненькой ниточкой в 120 километров — самой северной в мире железной дорогой, и островерхние шалаши, крытые оленьими шкурами, — чумы — жилище ненцев, пастухов-оленьеводов... Лесорубы, что валят огромные деревья, и большой отряд интеллигенции, живущий на острове Диксон, — радисты и метеорологи...

Это ли не разнообразие?

Но есть и общее!

Тундра и тайга, горы и равнины Сибири полны непередаваемой красоты, они своеобразны, у них есть свой, только им присущий характер.

Что же касается людей, всех их — самых разных — объединяет одна черта: гордость своим краем, своим Енисеем.

Ибо Сибирь — это край неисчислимых энергетических, горных и лесных богатств, это край молодости, край будущего.

Пятый день геолог рассказывает мне о Енисее...

Енисей у Красноярска величаво катил свои тяжелые серые воды. Новый, нарядный речной вокзал со шпилем... Множество людей на ступенях нарядной набережной — с детьми, с вещами.

— Куда вы едете? — спросила я кого-то.

На меня удивленно посмотрели.

— Вниз, конечно. В Норильск.

«Ну, а я поплыву вверх по Енисею...» — подумала я.

По шаткому понтонному мосту (из воды тогда еще торчали только быки строящегося моста) я перебралась на правый берег. Побродила по новому району, похожему на московские Черемушки, и неожиданно попала в грузовой порт.

Электрокары быстро и споро разгружали железнодорожные составы, автокары развозили товары по складам, мощные краны подымали огромные ящики, по подземным транспортерам шло зерно. Это был современный, великолепно оснащенный, механизированный большой порт. С барж, пришедших с низовьев, выгружались слитки какого-то незнакомого мне металла. На суда, уходящие вниз, грузилось оборудование и продовольствие, зерно и игрушки, скот и учебники, телевизоры и промтовары. Все, что требует большой город, здесь перегружалось, переваливалось, пересыпалось. «В Норильск» — было написано на контейнерах, ящиках и тюках. В «Норильск». Это был город тех людей, на набережной...

— Куда вы решили плыть сначала? — спросили меня в парходстве.

— Вниз, конечно...

...Флагман енисейского флота, как его зовут здесь — «белоснежный лебедь Енисея», теплоход «Валерий Чкалов» взял пассажиров вдвое больше, чем ему было положено. Люди заполнили все салоны, лестницы, коридоры.

— Зачем вы так перегружаете теплоход? — спросила я капитана Фомина.

Он поднял на меня глаза.

— Люди ждали нас несколько дней. Многие с детьми... Вы же видели, что делалось в Красноярске! Сейчас им тесно, но зато через четыре дня они будут дома. И улыбнулся.

— Кто они такие, ваши пассажиры?

— Отпускники. Работают в Норильске на рудниках, на заводах, а летом уезжают к теплу. Кто родичей навещает, кто на курорт едет. Первые рейсы, по весне, мы в низовья идем налегке, а оттуда полным-полно. Ближе к осени — наоборот. Этот рейс и следующий особенно напряженные из-за пионеров. Везем пятьсот ребят. Отдыхали на юге края. У нас под Красноярском хорошие есть лагеря!

Под Красноярском — на юге! Поистине, относительно представления о севере и юге, о холоде и тепле.

— Степан Иванович! — подбегает к капитану первый штурман. — Пионеры теплоход разоружают.

— То есть?

— Сувениры! Шурупчики блестящие, цепочки из умывальныхников, шарики от жалюзи...

— А! Пригласите, пожалуйста, пионеров в музыкальный салон.

Я тоже иду в музыкальный салон, по дороге размышляя б капитане и первом штурмане. Капитан флагамена меньше всего похож на «морского волка». Это молодой еще человек, высокий, красивый, с румянцем во всю щеку, чрезвычайно спокойный и вежливый. Ко всем без исключения он обращается на «вы», даже к молоденьким матросикам, которые от непривычки к такому обращению смущаются. В речи его иногда проскальзывают речные термины, он тут же их поясняет. (Я заметила, это часто бывает у людей, которые учатся. Или же у тех, кто очень любит свою профессию. У капитана действуют, видимо, обе причины: мне рассказывали, что он заочник института водного транспорта.) У Фомина умные серые глаза, а улыбка... Впрочем, об улыбке я уже говорила. А штурман еще моложе — ему 24 года. Он маленький, плотный. Его мальчишечье лицо всегда озабоченно, он строг, шутить с ним надо осторожно. Он ходит по теплоходу, хозяйски приглядываясь ко всему и ко всем. И все зовут штурмана уважительно, по имени-отчеству: Иннокентий Васильевич.

Когда капитан входит в салон, в него впивается пятьсот пар блестящих глаз. Он явно импонирует ребятам.

— Ребята! — очень спокойно начинает капитан. — Раз уж вам довелось плыть на нашем теплоходе, я вам расскажу о нем, чтобы вы знали, что это за судно, кто его строил.

— Флагман «Валерий Чкалов» — замечательный теплоход, надеюсь, вы это оценили?

Минуту не слышно ничего, кроме восторженных криков. Дождавшись тишины, капитан продолжает.

— Построили наш теплоход в Германской Демократической Республике, на верфи города Висмар. Я и наш старший механик, вы его знаете, приехали в Висмар, когда был готов только металлический корпус. Вот как выглядел тогда теплоход... Капитан передает большую фотографию ребятам.

— Полгода жили мы в Германии, пока строился теплоход. Мы наблюдали за работой и, конечно, работали тоже. Немецкие рабочие очень старались, они знали, что теплоход пойдет в Советский Союз, и им хотелось, чтобы у нас оценили их мастерство... Наш механик покажет вам машинное отделение, по очереди, конечно, все сразу там не поместятся. Я позна-

комлю вас с приборами управления. Ну, а как отделаны каюты, салоны, рестораны, палубы — вы видите сами! Обратите внимание, как подобран цвет линкруста, как отполировано дерево, как любовно сделаны всякие мелочи, как все продумано... Вот поглядите, еще фотография: «Чкалова» спустили со стапелей. Это вот немецкие рабочие — строители теплохода, вот стоим мы с механиком. А это — немецкая девочка держит за веревочку бутылку шампанского, сейчас она ее кинет, бутылка ударится о борт и брызги шампанского «спрыснут» теплоход. Вы, верно, слышали о таком обычае? А вот и горлышко этой разбитой бутылки. Видите, оно прикреплено к полированной дощечке, а на ней надпись: «Капитану Фомину от бургомистра города Висмар». Я этот памятный подарок храню у себя, в каюте...

Капитан минутку держит дощечку с прикрепленным горлышком, прижимая ее к груди, затем передает ребятам посмотреть.

— Ребята! — говорит он, — мы, команда «Чкалова», очень любим наш теплоход! Мы его очень бережем! И я вас прошу, ребята, если вы увидите где-нибудь непорядок, ну там, выскакивает шурупчик, или планка жалюзи отстала, или цепочка в умывальнике оторвалась, пожалуйста, почините. А отвертку или плоскогубцы вам с удовольствием даст любой матрос. Никто не откажет! В крайнем случае приходите запросто ко мне...

Через некоторое время в разных концах можно было видеть ребят с молотками, отвертками, клеем. А какой-то рыженький паренек возится с дверной ручкой моей каюты: я вспоминаю — она слегка дребезжала.

...Рядом со мной едет симпатичная седая женщина. Это одна из первых туристок по Енисею (туризм здесь только начинает развиваться). Я заметила, что Иннокентий Васильевич, который по возрасту вполне мог быть ей сыном, в свободное от вахты время охотно беседует с ней. Чаще всего они располагаются в шезлонгах под окном моей каюты.

— Я вам не мешаю? — высовываюсь я в окно.

— Нет, нет! А вы вам? — вежливо, с капитанской интонацией спрашивает штурман.

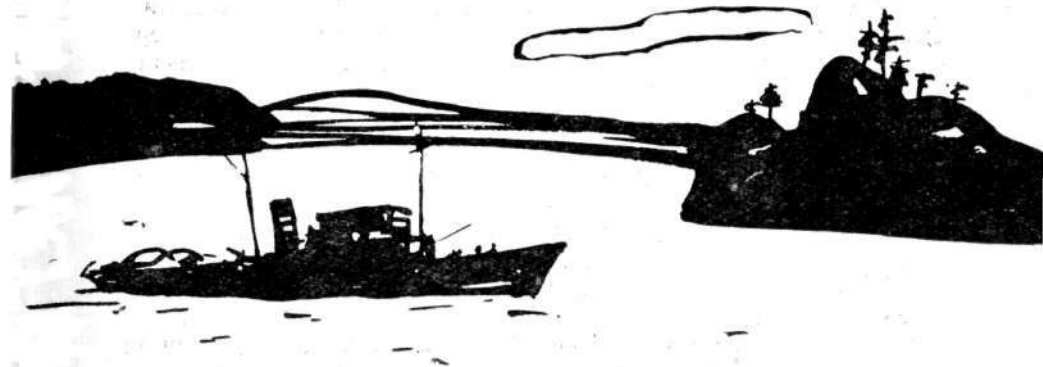
— Тоже нет...

— Мой муж умер в прошлом году, — слышу я неторопливый рассказ женщины. — Он был еще нестарый человек, часто вспоминал годы гражданской войны... Боевое крещение он получил в бою за красноярский мост...

В другой раз я слышу обрывок фразы:

— В каждом деле, Иннокентий Васильевич, должно быть партийное начало...

Вечером диалог:

Иннокентий Васильевич. Как интересно: вы знали его лично, а наш теплоход носит его имя! Рассказали бы о нем нашим ребятам!

Седая пассажирка. О! Я ведь не работала с ним, мы просто жили рядом, были в добрых отношениях и даже раз провели вместе лето...

Иннокентий Васильевич. Вот и расскажите, какой он был человек!

На следующий день на палубе один матрос рассказывает другому:

— Или вот она рассказала такой эпизод. Едут в поезде. Валерий Павлович стоит в тамбуре, за поручни держится, ветер ему прямо в лицо. И вдруг вырвал ветер из его руки перчатку, знаешь, пилотские такие — кожаные, на меху, и унес! А Чкалов сорвал с другой руки перчатку и кинул вслед первой: «Если кто найдет, так пусть хоть воспользуется. Одна-то ни ему, ни мне ни к чему!»... Ребята смеются.

...Я и не заметила, как изменились берега. Когда отошли от Красноярска, мне все казалось, что я плыву по Волге, а тайга виделась обыкновенным смешанным лесом. Но вот берега стали ниже, Енисей раздался. И характер тайги стал иным: больше ели, меньше лиственных деревьев, и оттого позолота, как ранняя седина у молодого, — клочьями. Но леса здесь могучие!

...Впереди — Енисейск. С реки он смотрится как старинная, пожелтевшая фотография. Колокольни восемнадцати церквей до сих пор определяют силуэт города. Город протянулся вдоль берега, подпертого ряжевными стенами. Много бывших купеческих домов: двухэтажных, квадратных, о семи окнах с каждого бока, под железной крышей. А есть дома полутораэтажные — низ каменный, верх деревянный. Резные украшения на воротах, окнах.

В Енисейске около 25 тысяч человек. Из предприятий здесь — судоверфь, где строят баржи, и механические мастерские — ремонтная база для тракторов лесхозов. Есть в городе педагогический институт, педучилище.

...Музей в Енисейске — один из лучших в Сибири. Музейное дело такое: есть энтузиасты среди сотрудников музея — музей настоящий, нету — не повезло городу... Здесь, видимо, есть.

Мы не спеша ходим по музею — и пассажиры, и свободные от вахты члены команды.

Оказывается, это казаки в XVII веке основали «Енисейский острог»...

Сто лет назад между Енисейском и Туруханском прошли первые пароходы: «Опыт» — 20 лошадиных сил и «Енисей» — 60 лошадиных сил.

Декабрист Бобрищев-Пушкин, член «Южного общества», был заточен в Енисейский монастырь. У дверей его кельи всегда стоял часовой, на ногах узника были кандалы, он сошел с ума... А к племяннику автора «Недоросля», декабристу М. А. Фонвизину, приехала жена, и их дом стал центром, где собирались ссыльные.

Позже в Енисейск были посланы большевики — депутаты IV Государственной думы. Григорий Иванович Петровский работал на пристани токарем...

Енисейск Енисейском, а рядом-то возник Ново-Енисейск. И возле Маклакова, знаменитого деревообрабатывающим комбинатом, — выросло Ново-Маклаково. Трехэтажные дома среди тайги... Весь этот комплекс новых городов, где идет рубка, обработка и сплав леса, будет называться Лесосибирском. Он займет по берегу километров пятьдесят. Я старательно пишу на карте: «Лесосибирск».

Читаю в справочнике:

«Лесные богатства края так велики, что лесная промышленность вместе со строительством не потребляет и десятой части годового прироста леса».

Разговоры на палубе:

— В Енисейске организовали Народный театр. Говорят, здорово начали! Жаль, мы мало времени стояли! Посмотреть бы спектакль!

Оказывается, энтузиасты есть не только в Енисейском музее!

Знакомый голос. А, это моя седая соседка!

— В этом году, Иннокентий Васильевич, я могу идти на пенсию... Устала-то я изрядно, но не хочется.

— И не идите! Вот отдохнете у нас на Енисее...

— Да, знаете, не хочется отживать. Есть люди — живут, а есть — отживают.

И неожиданно молодо смеется.

— Видите подтаежное село? — спрашивает меня молоденький матрос. — Мы сейчас остановимся возле него. Наш первый штурман отсюда родом. Полсела родни... Ох, ягоды там, сила!..

— Всю жизнь слышала от мужа о голубике, — говорила моя соседка вечером, — и вот только теперь привелось попробовать. Действительно, вкусно. Не стесняйтесь, берите больше, у меня целое лукошко.

— Вы сходили на берег?

— Нет. Меня угостили...

...Вот мы уже за полярным кругом, И странно: холодно, а день прибавился. Полярный день. А лес все более чахлый, деревья малорослые, тощие — лиственница, береза, осина. И, конечно, ель.

Енисей течет прямо на север. И оттого так быстро меняется все вокруг. Кажется, только что была тайга. И вот уже лесотундра. А лесотундра — это редколесье... И все холодней становится и холодней...

Радист принес новость: по пароходству приказ — «Марию Ульянову», старый колесный пароход, построенный еще в прошлом веке, на слом! У всех двойственное чувство — пароход стар, на нем давно уже не возят пассажиров, кряхтя, он ползал по каким-то служебным надобностям, пора ему, конечно, на слом. Но, с другой стороны, — это история. На этом самом пароходе ехала в ссылку к Ленину Надежда Константиновна Крупская. И назван пароход именем сестры Ленина — Марии Ильиничны Ульяновой...

Мы встретили «Марию Ульянову», когда пароход заканчивал свой последний рейс — он шел в затон, на слом. Флаг на нем был приспущен, и пароход протяжно гудел, печально, печально... И все встречные суда приспускали флаги и тоже прощально гудели.

Матросы смотрели вслед старому пароходу и, вздыхая, говорили: «Вот и пришел конец старику!»

На следующий день навстречу нам попался караван новых судов, их построили в Ленинграде и перегоняли на Енисей Северным путем. Матросы заинтересованно разглядывали суда и потом долго и придирчиво разбирали их. Там были и пассажирские, и грузовые суда, был даже ледокол...

На Енисее такие события нередки, и, возможно, я забыла бы об этих двух встречах, не случись третьей.

Примерно через месяц я попала в Подтесово — городок енисейских судоводителей. В подтесовском затоне суда обычно зимуют, сюда же они приходят на ремонт.

И вот у слипа я увидела два судна: новенький, нарядный небольшой теплоход и рядом старую колесную галошу. Между ними зажат был катерок, и рабочие, стоя на катере, снимали металлические золоченые буквы с борта старого парохода и прикрепляли на борт нового теплохода.

«Мария Уль», — прочла я на новом судне. — «янова» — еще было написано на старом. Вся команда старого парохода — и капитан, и штурман, и матросы — стояли на палубе молодого и смотрели, как рабочие переносят буквы...

Подходим к Дудинке. 23.30. Совсем светло. «Пишу, читаю без лампы». Холодно. Днем несколько раз начинался дождь.

Сейчас дождя нет, но над горизонтом залегли объемные темно-синие и сизые тучи, длинные, как «лежащие Демоны» Врубеля, они заломили руки, распустили волосы... Между тучами ярко рдеет заря. А купол неба — голубой, светлый...

На реке 5—6 баллов, прогноз: «ветер порывами до 8 баллов». Ширина Енисея здесь более пяти километров. Идем посередине. Берега низкие, и кажется, что это узкие острова, а за ними еще вода, такая же свинцовая, неуютная, тяжелая. Навстречу попадает много пароходов и барж. Вдали видны огни Дудинки. Там сойдет основная масса пассажиров. Сто двадцать пионеров поедут с нами дальше, на Диксон. Это в основном дети зимовщиков.

Небо меняется непрерывно, и так же меняется река, но все равно светло. Полярный день.

«У-ра ка-пи-та-ну!» — скандируют сошедшие в Дудинке пионеры. Капитан улыбается.

Дудинка — столица Таймырского округа. Дома на сваях из навеки потемневшего, намокшего дерева. Впрочем, это только приречный район, «Шанхай», какие нередко встречаются в старых городах. В центре Дудинки много новых домов. Здесь находятся советские и партийные организации округа, есть учебные заведения...

Но главное в Дудинке — это морские и речные причалы Норильского комбината.

Дудинка — это перевалочный пункт, это речная база Норильска, отстоящего на 120 километров отсюда. Большая часть пассажиров, сошедших с «Чкалова», устремилась в одном направлении — к вокзалу линии Дудинка — Норильск.

— Так хочется съездить поглядеть Норильск, — сказал ходивший с нами по городу Иннокентий Васильевич, — и все не удастся. Стоянка — несколько часов, не обернуться, а поезд ходит раз в сутки.

А я уже твердо решила: на обратном пути попрощаюсь с «Чкаловым», много ли увидишь с борта теплохода? И никакие «куда?!» меня теперь не остановят!

— Хорошо было в лагере? — спрашиваю я того самого рыженького паренька, что починил дверную ручку в моей каюте. Он едет с нами дальше.

— Замечательно!

— Чем же ты озабочен?

— Не знаю, успею ли к маме съездить до начала учебного года.

— А где твоя мама?

— С папой на зимовке. А я живу на Диксоне, в интернате. Прежде папа был метеорологом, а мама радистом, а теперь совмещение профессий — они оба и метеорологи, и радисты. Я прежде каждое лето с родителями проводил, помогал им: мастерил капканы, чинил снасти... Бывало, всю зиму об этом мечтаешь... А в это лето путевку в лагерь дали. Я по радио с папой говорил, в микрофон, и спрашиваю: ехать в лагерь или нет, а на другой день мне радиограмма...

Мальчик достает из нагрудного кармана лыжной курточки аккуратно сложенную бумажку и доверчиво протягивает мне. Там написано: «конечно поезжай отдохни получше повеселись у нас все хорошо целуем маму папу». Мамапапа так и написано в одно слово.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я мальчика.

— Саня! Но все зовут Рыжик. И вы так зовите.

— Нет, зачем же!

— Я привык. Ведь я и вправду рыжий...

Рыжик вздыхает.

— А все же по маме соскучился... Может, какое судно пойдет в ту сторону...

...Удивительно меняется здесь погода: то шторм, то солнце. А нынче так похолодало, что все надели меховые куртки. То есть надели те, у кого они есть. А я — как и была — в габардиновом пальто и капроновом шарфике. Пока добегала от каюты до рубки, замерзла. Капитан поглядел и ушел. А вскоре вернулся с полушубком. Это, видимо, его полушубок, по-

тому что мне он, как пальто,— ниже колен. Иннокентий Васильевич как увидел меня в полушубке, так и закатился смехом, а мне хорошо, тепло! Спасибо добрым людям!

...От пристани Караул Енисей раздается: сначала ширина его 8 километров, потом 18, потом 35 и вот уже 60! Это место называется Широкая Переправа. Но не думайте, что это устье, до устья еще далеко! Берега здесь пустынные — тундра, поросшая стелющимся кустарником: полярной ивой и карликовой березой. Редко-редко где видно селение: один-два домика или стайка островерхих ненецких чумов... Но вот уже берега едва видны...

Раньше теплоход вели по створам, по бакенам, по вешкам. Капитан или штурман, смотря чья вахта, наблюдал за путевыми знаками, выходил на мостик, смотрел на кормовые створы и время от времени говорил рулевому «маленечко направо» или «маленечко налево».

Теперь в рубке появились лоцманские карты, слабым синим огнем освещен компас, рдеют лампочки над приборами. Эхограф показывает порядочные глубины. Ровный гул возникает в рубке: капитан включил локатор. Он нагрелся, и вот забегал по экрану яркий лучик, высвечивая темные контуры берегов и дрожащую, но неуклонную прямую нашего пути...

...В рубку врывается проводница.

— Степан Иванович!— кричит она капитану,— Это кто же дал такое распоряжение: пионеров разместить во всех каютах. Мы после Дудинки только что прибрались, и вдруг, здрасте!

— Это я дал такое распоряжение,— очень тихо и вежливо говорит капитан.

— Вы?! Значит, вы наш труд ни во что ставите?

— Дети у нас ехали в четырехместных каютах, они спали и на нижних и на верхних полках,— так же тихо говорит капитан.— Мы не имели возможности поместить их иначе. Теперь у нас эта возможность появилась...

Проводница еще не понимает, она смотрит на капитана с недоумением, и он, досадливо покачав головой, заканчивает:

— Вы знаете, как спят дети? Они разбрасываются во сне, часто падают на пол... Мне жаль, что у вас нет своих детей, вы не пришли бы ко мне по такому поводу. А лишний раз убрать каюту, разве это так трудно?

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не проскандировать: «У-ра-ка-пи-та-ну!»

— Тетенька, вы вербованная? — спрашивает меня Рыжик.

— Почему?

— Полушубок больно чудной! — улыбается мальчик.

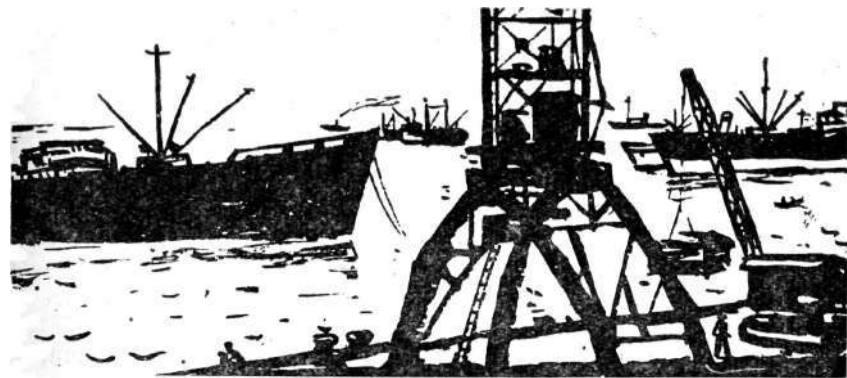
— А знаешь, он какой теплый!

— Это да-а!

...Вот он Диксон — ворота Арктики!

Но в эти ворота не так-то легко войти: воды скованы льдом. В августе-то!

К нам подходит ледокол «Ермак» и берет нас на буксир. Это тот самый знаменитый «Ермак», что построен по идее и заданиям адмирала Макарова почти шестьдесят лет назад. Ледокол награжден орденом Ленина... Он немало походил по Северному морскому пути... Я с волнением гляжу на его «широкую спину»! Подумать только, тот самый «Ермак»!

На Диксоне находятся — включая его материковую, таймырскую часть — порт, гидробаза, районные организации, школа (та самая, Рыжиковая), обсерватория, РМЦ и т. д.

Радиометцентр. Отсюда получают «обстановочные данные» самолеты и суда, идущие Северным путем.

В большом теплом доме РМЦ, уставленном современной аппаратурой, находятся научные работники, инженеры, техники. Это работники высокой квалификации. Многие из молодых людей, что сегодня работают здесь радистами, сами зимовали в Арктике...

Эти «островитяне» — главным образом москвичи, ленинградцы и киевляне — имеют дело с новой техникой и живут они все в одинаковых условиях: в современных, благоустроенных домах, не возятся с домашним хозяйством, три раза в день бесплатно питаются в столовой... — не кажется ли вам, что они живут чуть ближе к коммунизму, чем мы, жители материка?

— А у нас есть свой Парк культуры! — весело говорит мне «островитянка» Римма (на голове у нее наушники, а привыч-

В ПОСЕЛКЕ У ШИРОКОЙ ПЕРЕПРАВЫ

И вот я живу в поселке у Широкой Переправы. Живу не в чуме, как предполагал штурман, а в доме при больнице, меня приютили медсестра Леночка и ее муж учитель Николай Николаевич.

Живут в поселке ненцы — местный народ, занимающийся рыболовством, оленеводством и охотой. Врачи и учителя — русские.

Окна больницы выходят прямо на Енисей, на море, как говорят здесь.

По вечерам (понятие условное, все равно светло) к Лене собираются люди, и мне приходится рассказывать о Москве, Ленинграде, словом, о жизни на материке и отвечать на множество вопросов. Это у нас называется вечерняя пресс-конференция.

А днем я вместе с учителями ремонтирую школу, или хожу по гостям, или сижу в правлении и читаю протоколы собраний.

«В колхозе сто человек трудоспособных. Доход колхоза — 700 тысяч (в старых деньгах). На трудодень выдали 21 р. 43 к., 500 граммов мяса.

В колхозе работают 3 бригады рыболовецкие (рыба: осетр, омуль, сиг, корюшка, ряпушка), есть охотничье хозяйство, оленей — 200 голов».

Председателя колхоза сейчас в поселке нет, та же самая шлюпка, что доставила меня на берег, забрала его на теплоход. Он уехал в Дудинку. Жаль. Из рассказов людей, из скупых слов не очень грамотно написанных протоколов встает фигура умного, волевого руководителя. Зовут председателя — Иван Федорович.

Моя хозяйка Леночка — маленькая, полная, очень складная молодая женщина. Светлые тугие косички она укладывает вокруг головы, у нее очень темные, круглые глаза, а лицо белое-белое, детское, и первые морщинки, жесткие, грустные, кажутся еще только нарисованными. Так и хочется стереть их, но они есть и у рта, и меж бровей.

— Мне все же трудно на Севере, — признается она. — Я ведь сама из Ивановской области. Жила с папой-мамой, в семье, никаких забот не знала. Окончила медучилище и вот седьмой год уже на Севере. Однако уезжать отсюда боюсь. Здесь я привыкла, и сама хозяйка, и зарплата вдвое, разве же я теперь сумею на маленькие деньги жить? И работа у меня интересная, самостоятельная... Врач мне доверяет...

В этом я убедилась. Врач Иван Алексеевич — пятидесятилетний высокий человек с узкими глазами, скуластый,

ные пальцы, быстро летая по пишушей машинке, сами «переводят» услышанную морзянку). — Вот поглядите в окно: из валунов выложены аллеи, а дорожки между ними посыпаны песочком. У нас так и говорят: «Пойдем погулять «в камушки»!

И верно: «в Парке культуры» сидит несколько парочек. Они разговаривают или, умолкая, смотрят вдаль: что они видят? Серое море, и тундру, и снег, залежный в оврагах. А на рейде стоят пароходы... Привезли сюда норильский уголек!

В воскресенье на острове состоялось торжественное шествие и возложение венков на братскую могилу моряков, погибших здесь в августе 1942 года в бою с фашистским рейдером, нарушившим нашу северную границу. О том, как все это произошло, рассказывает мне начальник радиометцентра Валентин Игнатченко, очевидец этого боя. Он был тогда радистом на Диксоне. Вот из того окна РМЦ он наблюдал бой и радировал о нем на материк.

...А в рубке «Чкалова» хозяйничают чужие люди. Это работники диксоновской гидробазы, девиаторы: проверяют исправность приборов.

...Прощай, Диксон! Мы снова на Енисее, пошли в обратный путь.

Нас то и дело обгоняют караваны гусей — птицы, крича, летят на юг...

На следующий день теплоход замедляет ход.

На берегу, у самой воды, стайка оленьих чумов и несколько домиков. Другого берега не видно — ширина Енисея здесь 60 километров.

Широкая Переправа.

— Рыболовецкий колхоз. Здесь можно купить рыбы, — говорит штурман капитану.

На моей карте этот поселок не обозначен.

— Капитан, — говорю я, — я хочу сойти на берег и пожить здесь несколько дней.

— Экзотики захотелось? — после минуты общего молчания осведомляется строгий штурман. — В чуме станете жить?

— Постараюсь в доме, — честно отвечаю я. — Капитан, вы не обижайтесь, мне очень понравился ваш теплоход и все вы, но... поймите, много ли увидишь с борта теплохода?..

Помощь приходит, откуда я и не ждала.

— Если этого требует работа товарища... — это говорит седая пассажирка.

— Приготовить шлюпку! — помолчав, командует капитан.

русский, с примесью азиатских кровей, живет тут же при больнице.

— Всю жизнь на Севере,— говорит он мне.— За исключением войны. На фронте был с первого дня. Сделал пять с половиной тысяч операций. Вот этими руками...

Ладони у него большие, широкие, сильные. И все-таки чем-то он мне не нравится...

В воскресенье пошли в тундру за грибами обабками, подберезовиками значит. Унылое дело! Мох, болото. Березки — самые большие мне по колено, тальник — по пояс и то кое-где. Холмы, холмы, распадки между ними и снова холмы. Некоторые холмы странной формы: то вроде большого муравейника, то в точности старинный шлем, так и кажется, будто это курганы. Иногда между холмами виднеется серый Енисей — «море».

Мы с Леночкой еле-еле брели, уж очень тяжело идти по мху, да еще то и дело приходится переходить ручьи. Видели ягоду — морошку и голубику, здесь она еще незрелая, а грибов набрали раз-два и обчелся! Устали и повернули к дому. А муж Лены Николай Николаевич набрал грибов полный накомарник.

...Я теперь знаю, какие цветы растут в тундре — темносиние незабудки, колокольчики, ромашки, лютики, мышинный горошек. И светлый ягель, по форме похожий на рога оленя.

...Ненецкое кладбище. Ненцы не закапывают своих покойников, а заворачивают в шкуры, кладут в ящики, которые и оставляют на поверхности земли. Над ящиком дуга, на ней колокольчик, который колышет ветер; легкий звон колокольца отпугивает волков. Тут же бутылка спирта, стакан, старая посуда. Прежде при покойнике оставляли все его имущество. И олений. И примета была: если олений загрызли волки — значит, покойник был плохим человеком.

— Заходи к нам в гости! — приглашает меня пожилая ненка Амуне.

Согнувшись, пролезаю в чум. Вся семья дома и пьет чай. Сидят на шкурах, а на коленях держат доску с кленкой. Вместо стола. Чай пьют крепкий и радуются, узнав, что я тоже люблю крепкую заварку. Посреди чума железная печка, над ней сушится растопка. Печки есть не во всех чумах, в некоторых вместо печки лист железа и на нем костер.

Спят все подряд, по радиусу, ногами к центру.

На зиму строят балки, домики 2 X 3 метра, установленные на санях. Деревянный каркас балка затягивают шкурами, потом брезентом. На стоянках полозья засыпают снегом, чтобы

не поддувало снизу. В балке имеются железная печь, кровать, стол, табуретки. Колхоз строит балки и старается приучить ненцев жить в них, и ненцы охотно живут в балках, но на лето, на период дождей, перебираются в чумы, более покатые, на которых не так мокнут и гниют шкуры «шока» — покрытия. Значит, есть недоработка в конструкции балка...

Обо всем этом рассказывает мне Катя — красивая девочка-школьница, дочь Амуне. Катя считает меня своей старой знакомой: она на «Чкалове» возвращалась из лагеря и еще на теплоходе заметила меня. «Из-за полушубка!» — соображаю я. И угадываю.

— Я только сперва думала, что вы вербованная... — смущенно добавляет Катя.

Но у меня уже выработался свой прием на такой случай.

— Это мне «чкаловцы» дали полушубок,— объясняю я.— Знаешь, какой теплый. Померь!

Катя охотно надевает капитанский полушубок. Он действительно теплый. И это всех примиряет с ним. Его перестают замечать.

— До тех пор, пока вы не побываете в Норильске, у вас не будет верного представления о Севере,— говорит доктор Иван Алексеевич. Он мне рассказывает об одном из крупных норильских рудников.

Ну почему он мне так не нравится, этот доктор?

— Нашу Катю учить стоит,— как бы раздумывая, замечает Катин дед Лампай Бакулович.— Она, что на нее затратят,

всегда вернет. Она даже учительницей стать сможет. Не то, что некоторые...

О ком он думает? Кто эти «некоторые»?

В местной школе учатся дети и ненцев, и саха, и нганасан. Обучение ведется на русском языке. Но как обучить малыша алфавиту, как учить его складывать и вычитать числа, когда он привезен из далекого стойбища и не понимает по-русски?

Таймырские учителя нашли выход. Здесь обучение начинают не с семи, а с шести лет. Малыша, не знающего русского языка, привозят в интернат, его зачисляют в нулевую группу. Год его учат только одному — говорить по-русски. А через год он идет в первый класс и учится наравне со всеми. От того и успеваемость в первых классах хорошая, ровная.

Много времени спустя мне привелось побывать в Горной Шории. Одна учительница жаловалась на то, как трудно учить ребятишек с гор.

— Они же не знают русского языка, разве угнаться им за русскими ребятами! И весь класс тянут назад.

Я рассказала ей о таймырских учителях.

— Что вы! — испугалась учительница. — С семилетними не знаю как маемся, а если еще шестилеток брать, совсем в нянек превратимся!

«А! — подумала я. — Ты из той же породы, что проводница на «Чкалове»!»

...Майко стоит и нетерпеливо постукивает себя бичом по сапогам. Он в нарядной, отделанной орнаментом из разных мехов парке и заячьей шапке.

— Ну, поехали, что ли!

В санки впряжены пять оленей. Я сажусь и сразу же понимаю, что возничий мой из лихачей: гонит оленей без разбору — кочки так кочки, ямы так ямы, в ручьи с размаху и так же из них навверх, на гору, и снова вниз. Держусь обеими руками и только стараюсь сориентироваться: если свалюсь, куда же идти? К счастью, не свалилась...

Вот и стадо. Это личные олени колхозников. Нежные важенки, трогательные телята, величественные быки. Олени совсем ручные, я хожу среди стада, глажу телят, кормлю их взятым с собой присоленным хлебом. Большой белый бык снисходительно следит за мной. Рога у оленей бархатные, мягкие...

Живет Майко с женой Гули в палатке, а неподалеку на холме стоит их пустой балок. Сейчас ведь лето! У Майко гостит Жарок, молодой охотник. Увидев меня, он поворачивается и уходит в тундру. Это удивляет меня, мы с Жарком знакомы, он лежал в больнице, и мы с ним не раз разговаривали. Такой милый парень, очень приветливый!

Майко прекрасно говорит по-русски. Оказывается, где он только не учился! И школу колхозных кадров окончил (на председателя учился), и курсы оленеводов, и комсомольских работников! Два года работал вторым секретарем райкома комсомола.

— А теперь работаете пастухом? — осторожно спрашиваю я.

— А меня отовсюду выгоняли! — смеется Майко, — За пьянку!

Ну, веселого-то тут мало...

Возвращается Жарок. Он принес мне из тундры несколько ярких, как огоньки, цветков. Эти цветы так и называются — «жарки»... Его тезки.

— Не слышали, — спрашивает меня Майко, — в Дудинке собирались сельскохозяйственный техникум открывать, откроют в этом году? Хочу поступить.

— На заочное отделение?

— Зачем? На очное. Стипендию дадут, питание, обмундирование, буду на полном государственном обеспечении!

Я взглядываю на Жарка. Он покраснел и смотрит в сторону.

Обратно я решаю идти пешком. Только не тундрой, а берегом. До Енисея меня провожают все трое: Майко, Гули, Жарок, потом Майко и Гули возвращаются. Мы с Жарком разговариваем о ненецком языке.

— В ненецком языке много русских слов, — говорит Жарок.

— Новые слова — «журнал», «книга», «агитпункт»?

— Да. И «сахар», «масло», «товар», «консервы». Раньше ненцы таких слов не знали. А «водка», «соль», «табак» — знали. Купцы завозили. И эти слова есть в ненецком языке.

— Вы дружите с Майко, Жарок?

— Нет. Он же стилиага.

От неожиданности я останавливаюсь. Майко не носит ультраузких брюк, он, вероятно, не знает о существовании рок-н-ролла, одет он в одежды из оленьих шкур, и все-таки он несомненно стилиага.

— Почему его всюду посылают учиться?

Жарок медлит с ответом.

— Неправильно это. Теперь поняли. Знаете, хороший работник в колхозе нужен, его на несколько лет отпускать жалко... Да и не каждый может поехать — стариков кормить надо. А Майко все равно...

— Вы охотник, Жарок. На кого вы любите охотиться?

— Я добываю любого зверя. Но бить люблю волка.

Мы' идем вдоль Енисея. Берег здесь напоминает крымский: он обрывист, порос колючей травой, то там, то здесь — на уступах — видны кусты ромашки или колокольчика. А у воды — песок, галька или, такой же как в Крыму, обкатанный серый булыжник. Попадаются вымытые рекой добела оленьи рога.

Вдоль кромки прибоя лентой лежит вынесенный волнами сухой лес. Енисей сплавляет лес, снабжает жителей этих безлесных мест нужными им, как воздух, стройматериалами и топливом. Он щедрее, чем тундра...

Я поворачиваюсь к тундре лицом. И вдруг замечаю, как неповторимо прекрасна эта плавная линия холмов, как увязана с серебристым небом эта оливковая, серебристо-зеленая земля. Я представляю эти холмы, покрытые мягкой пеленой снега. В руках у меня жарки — яркие цветы тундры...

— Вам радиограмма! — встречает меня Николай Николаевич.

— А-а! Это с «Чкалова»! Следующим рейсом они заберут меня отсюда.

«Рейс отменен ввиду шторма. Добирайтесь Дудинку».

Вот это да!

Мы с Леночкой в гостях у доктора. Жена доктора Дзидра Карловна угощает нас полярным деликатесом: пирогами с зеленым луком. Лук и редис она выращивает на завалинке дома, за это ее прозвали «Мичуриным». Здесь это новость.

Дзидре Карловне лет сорок с небольшим, она художавая блондинка с бледно-голубыми глазами, очень молчаливая.

Черная сибирская лайка ласкается ко мне.

— Как ее зовут? — спрашиваю я, давая собаке сахар.

— Лайма.

— Счастье? — улыбаюсь я.

— Вы говорите по-латышски? — вскидывается Дзидра Карловна.

Я не говорю по-латышски, но жена доктора утешена уже тем, что я бывала на Рижском взморье. Она уехала оттуда давно...

— Она была ссыльная, а я нет, — неожиданно говорит доктор. — И все равно пошел в органы и сказал: «Беру!»

Воцаряется неловкое молчание. Наверно, так и было, но зачем он говорит об этом? И уж наверняка не в первый раз...

— А вы не работаете? — спрашиваю я жену доктора.

Лена под столом толкает меня. Но уже поздно.

— Я прежде работала, — тихо говорит Дзидра Карловна. — Я — операционная сестра. Но с тех пор, как вышла замуж... Теперь я ухаживаю за мужем.

Иван Алексеевич кивает: он разрешает за собой ухаживать.

— Но вы ведь давно освобождены. Почему же вы не возвращаетесь на родину?

Опять толчок под столом. И опять поздно.

— Иван Алексеевич говорит, до пенсии надо здесь жить. Тогда пенсия будет высокая...

— Да, — посмеиваясь, подтверждает доктор. — Мы — полярники. Нам пенсия полагается раньше и больше. Вот выйдет стаж — тогда мы и заживем! Уедем, конечно! Только я думаю, лучше на юг ехать. Купим где-нибудь под Сочи дачу, разведем сад...

Дзидра Карловна молчит. Мне вспоминается: «кто живет, а кто отживает!»

...Осетров, пойманных в Енисее, солят (посыпают солью или заливают тузлуком, водным раствором соли), затем через два-четыре-шесть дней (мало-, средне- и сильносоленая рыба) вялят: нарезают на куски и вывешивают на солнце и ветер. (Под крышами у чердачных окон набиты крючья, там рыба и подвешивается.) Провисев так дней пять — рыба готова. А можно после этого еще и коптить ее. Но она и так вкусная! Только жирна! Никогда не представляла, какой осетр жирный!

...Ветер переменялся: уже не западный, самый страшный здесь, а южный, но шторм продолжается. На берег накатывает вал за валом, и по всему Енисею — серому, взбаламученному — видны барашки. Противоположный берег — лысый, не-

приглядный — то виден, то не виден, а там, где Широкая Переправа, колючим кустарником вздымаются волны на фоне светлого, серенького неба! Сегодня вдали показалось какое-то судно, и все напряженно вглядывались, пока не определили, что это шхуна. На таких шхунах к иностранным судам подходят лоцманы и ведут эти суда дальше по незнакомым для них водам до Игарки — морского порта, расположенного чуть ли не в полтысяче километров от моря.

— Да вы не беспокойтесь,— утешает меня Николай Николаевич (мы сидим у окон и на стеклянных табличках пишем; «5 класс», «6 класс»). — Утихнет шторм, придет почтовый катер и заберет вас в Дудинку.

«Утихнет!» В старом справочнике я уже прочла: «В этом районе штилевые дни составляют около шести процентов времени в году. Здесь нередки ветры со скоростью 20 и более метров в секунду, близкие к ураганам».

...Заведующий Красным чумом пытался пройти в рыбацкую бригаду, отнести им библиотечку-передвижку и к вечеру вернулся обратно: не смог перебраться через разлившийся ручей.

...Одна молоденькая учительница, приехав сюда, сразу же выучила ненецкий язык. Это она занимается с шестилетками. Сейчас ее нет, она поехала в Ленинград за учебниками для себя, она заочница. И я огорчаюсь: ни председателя нет, ни ее.

Но у нас есть Жарок! Он ведет меня в пушной склад и показывает меха, добытые в тундре. Белый, нежный горноста́й — мех королевских мант́ий! А это — волчище, у, какой громадный!

— Этого я забил,— удовлетворенно говорит Жарок, рассматривая дыру от пули.

— А это что за мех?

Мех золотистый, короткий, довольно жесткий.

— Нерпа! — Жарок вытаращивает глаза и растопыривает пальцы, изображая морского зверька — нерпу.

Он велит мне скинуть полушубок и набрасывает на плечи голубого песца! Вот тебе и тундра!

...Леночка день и ночь крутится в больнице. Но в десять часов она моет руки особенно тщательно, заменяет свой обычный белый халат туго накрахмаленным, ослепительным и, выйдя в коридор, ждет доктора. Начинается врачебный обход. Иван Алексеевич идет впереди, Леночка с тетрадкой за ним, она записывает каждое его слово. Я стою сзади, держа в руках наспруганные Лениным мужем деревянные ложечки для осмотра горла больного. Потом доктор скрывается у себя, а Леночка готовит лекарства, делает уколы, перевязки, возится в лаборатории, часами разговаривает с больными, командует санитарками и поварихой.

Ах, какой бы из нее получился врач! Но медицине заочно не обучают. Для этого надо ехать на материк, шесть лет учиться.

Ее муж — отличный семьянин, они живут мирно, дружно, но способен ли он помочь жене стать врачом? И решится ли она сама? Я с сомнением гляжу на них. А она была бы не просто хорошим врачом, она была бы талантливым врачом! В поселке ее уважают и обращаются за помощью к ней охотнее, чем к доктору. Истинно — одни живут, а другие отживают...

Впрочем, Иван Алексеевич — опытный и умный специалист. Если можно больного положить в больницу, а можно и не класть — он кладет, при наличии, разумеется, свободных коек. «Пусть человек отдохнет, поживет не в чуме, а в человеческих условиях. И потом он охотнее переедет из чума в дом, уверяю вас!»

...И все-таки...

Женщина сидит у ручья и разговаривает с собакой:

— Ах, Лайма, ты ничего не знаешь! Здесь берег, а у нас называется взморье. У нас дюны, и на них растут сосны. Они растут так...

Женщина вскакивает, привстает на цыпочки и широко раскидывает руки.

— Смотрите, какой корабль стал на рейде!

— Мы таких отроду не видели.

Выбегаем на берег и всматриваемся. К берегу идет шлюпка. Из нее вылезает моряки, какие-то женщины, мужчины в штатском и человек в кожаном пальто. Это... представьте, мой знакомый, «мэр» Диксона, а точнее — председатель Диксоновского райисполкома.

— Вот это встреча! Какими судьбами?

Оказывается, моряки пришли на Диксон. Используя это, предприимчивый «мэр» уговорил командира дать один корабль, чтобы объехать с коллективом самодеятельности «медвежьих углы». Итак, в наш поселок приехали «артисты»!

Надо ли говорить о том, какой успех имел их концерт!

А потом я еду вместе с ними. Не думайте, что в Дудинку! Нет, снова на Диксон... «Мэр» говорит, что на Диксон обязательно придет пароход, а сюда едва ли. Если я останусь, мне придется ждать, пока установятся морозы и самолет сможет сесть в заснеженной тундре...

Прощай, поселок у Широкой Переправы! И хоть не вела к тебе тропинка среди ржи, хорошо, что я побывала здесь. Впрочем, к тебе протянулась тропинка, и даже не одна, а две. На небе одновременно стоят солнце и луна, и две тропинки — золотистая и серебряная — лежат на тусклом свинце Енисея.

...Мы идем не прямо к Диксону. На пути еще концерт в рыбацкой бригаде. Наша шлюпка тыкается в берег в тот самый момент, когда рыбаки вытягивают сети. Моряки и артисты подстраиваются к ним, становясь под бечеву. Вот уже человек тридцать тянут сеть — одинаково загорелые, здоровые, молодые лица. Сети медленно ползут по песку, и вот уже нет берега, есть переливающееся, сверкающее, непрерывно меняющееся живое серебро. Есть ослепительный блеск, стремительное движение, все оттенки серого, голубого, белого и розового, есть богатство, великолепие, сама жизнь! И это не рыба — сиг, окунь, осетр — это Улов. Это — Енисей плюс труд!

Это я так думаю, чувствую, а вслух говорю только одно слово: «Здорово!»

— Нормально! — поправляет меня стоящий рядом высокий мужчина, так же, как и я, любующийся уловом.

А маленькая девочка, что вертится тут же, смотрит не на рыбу, она ее сто раз видела, а на меня.

— Тетечка! — тянет она меня за рукав, — вы вербованная? О господи!

Мужчина разом оборачивается ко мне и улыбается:

— Это вы гостили в поселке у Широкой Переправы?

— Ну, я...

— А я тамшний председатель колхоза.

— Иван Федорович?!

— Все-таки встретились!

Пока идет концерт, мы с Иваном Федоровичем разговариваем. Разобралась ли я в жизни поселка? А побывала ли в стойбище? Не посоветую ли чего в отношении Красного чума? Поменять заведующего? Где взять хорошего? Учить молодежь? Только не такую, как Майко!

— Кажется, разобрались! — Иван Федорович крутит головой.

Он жалуется мне, что ездил в Дудинку за стройбригадой, а возвращается один. Дают «холодных сапожников», так-то, как они, мы и сами строить умеем. А нам нужны такие специалисты, чтобы они научили ненцев дома строить, и не как-нибудь, тюх-плюх, а современно... Это политическое дело, кочевой народ научить дом строить! Не буду ли я в окружке? Может, поддержку? Он там оставил послание.

Концерт окончен. Гостей угощают жареной рыбой нынешнего улова. Но разве это рыба? Это нежнейшая, тающая во рту, совсем необычного вкуса пища! Да, это рыба. Енисейский омуль...

— Иван Федорович! — говорю я, уже прощаясь. — Скажите, пожалуйста, кто такие вербованные?

Председатель лукаво смеется, потом лицо его становится серьезным.

— У нас в Сибири с рабочей силой где избыток, где не-достача. И вот туда, где не хватает рабочих рук, вербуют лю-дей со всей страны... Это бы, по идее, и неплохо, да беда в том, что попадают и непутевые. Охотники за длинным руб-лем, неумехи... Одеваются тоже как попало...

Мы оба смеемся. Вот так-с!

...Шторм все сильнее. Командир решил отстояться. Зашли за остров и встали на якорь. Но — качает! Актеры лежат в каютах и стонут.

Я через силу сижу в кают-компании. Здесь играют в доми-но. Замполит с сожалением смотрит на свои костяшки: «Ах, я его так любила, так любила, он меня тоже обожал!» — в трах по столу! Ведь не так важно хорошо сыграть, главное громко стукнуть! Линолеумный стол весь в боевых ранениях от этих хлопков.

Между прочим, во время войны в кают-компании помеща-лась операционная, на этом самом столе оперировали раненых. Об этом напоминают висящие по углам неоновые лампы-юпите-ры, ныне бездействующие.

— Вас просят подняться в рубку,— говорит мне по-явившийся в дверях матрос.

Подымаюсь. В рубке с командиром корабля разговаривает насквозь промокший незнакомый человек.

— Вот спросите товарища писателя,— говорит незнако-мец. — Я уверен, он поддержит меня. Потому что знает, как живет здесь народ!

«Товарищ писатель» в недоумении вглядывается в незна-комца. В чем дело? Кто это?

— Да не могу я! — отговаривается командир. — Через два часа как из пушки должны тронуться.

— Через два часа нам не тронуться! Смотрите, как шторм разыгрывается! А если и решите тронуться, посигнальте, и я в ту же минуту прерву сеанс и привезу вам ленту.

— Прервешь?

— Что же делать! Прерву. Только вы еще долго отстаи-ваться будете! Я у вас все кинокартины по одной переберу, вот увидите! Если бы вы только знали, что это для людей значит новую картину поглядеть. Это же — праздник! И я объявлю, что это, мол, морячки нам картину дали!

— Да не лъсти ты! — отмахивается командир и обращает-ся ко мне. — Ну, что делать?

— А как он доведет ленту? — говорю я, с ужасом глядя на разбушевавшийся Енисей.

— Довезет!

— Тогда, конечно, надо дать! Новый фильм — это дейст-вительно праздник! И в случае чего, начальство с этим счита-ется...

— А вы, товарищ писатель, в случае чего, тоже поддер-жите.

Я с готовностью киваю. Но командир все неспокоен: а вдруг механик вправду утопит ленту?

Человек в отчаянии лезет за пазуху, протягивает коман-диру коричневую книжечку. На ней золотыми буквами на-писано: «Лучший киномеханик Красноярского края». Пока матросы перематывают ленту, счастливый киномеханик рас-сказывает:

— В СССР каждый житель, хоть города, хоть тундры, должен посетить кино шесть с половиной раз в год. Такой план. А у нас в том году вышло по девяти с половиной на человека. За это мы грамоту Министерства культуры полу-чили. А в этом году мы наметили, чтоб тринадцать с полови-ной...

— Ну, вот,— замечает командир,— если посигналю, пре-рывай сеанс. Это и будет половина.

Коробки с кинолентами осторожно грузят в прыгающую яа волнах малютку-лодку. Такие лодки называют тузиками. Как лодка отплывает, я уже не вижу. Спешу в каюту и ло-жусь. За занавеской стонет какая-то женщина...

Надо сказать, что этот киномеханик, этот энтузиаст, дей-ствительно перебрал по одному имевшиеся на корабле филь-мы. Шторм продолжался двое суток, и он на своем тузике несколько раз подходил к кораблю. Я записала его имя — Ро-манов Владимир Иванович.

СНОВА ДИКСОН

Шторм продолжается. Ветер порывами до 11—12 баллов. Снег, дождь. Окна гостиницы заледенели, и сквозь них трудно разглядеть бухту, где отстаиваются — повернулись по ветру и притихли — корабли. В поселке ни одного моряка. Впрочем, на улице вообще никого, дождь на лету превращается в лед. Пронзительно воеет и гудит ветер.

— Запела пурга,— жалуется «хозяйка гостиницы». — Этак-то всю зиму!

«Ну и пускай!—думаю я.—Самое главное — я уже на суше».

Я лежу на кровати. В ногах у меня, привалившись, сидит Вера, моя соседка по комнате. Ей 30 лет, она высокая, темная и сероглазая, немножко грубоватая, прямая, так и осталась в ней комсомольская ухватка. Только что она рассказала мне, как неудачно складывается ее командировка на Диксон: приехала в какую-то организацию с ревизией, а главный бух-галтер не допускает ее к проверке документации. Самодур, и все: она с ним поругалась, он и не допускает. Она дала теле-

грамму в Красноярск, но из-за шторма телеграмма все еще не отправлена, лежит на почте. Она волнуется и каждый день все больше ругается с бухгалтером. Не может же она уезжать ни с чем, одна дорога три семьсот! Разве ж можно так пускаться на ветер государственные деньги!..

Я киваю, а сама лениво думаю: «Интересно, а как бы ты отсюда уехала?» Я-то уж неделю жду оказии...

Третья обитательница нашей комнаты Люба (она недавно приехала и работает в загсе) перед зеркалом накручивает волосы на бигуди и негромко поет:

...Не послушалась она
Матери совета
И пустилась с моряком
В край белого света.

— А я мать-одиночка,— неожиданно говорит Вера. — Славика-то я одна рашу, без отца. Честное слово.

Люба замерла и в зеркало смотрит на Веру.

— Надо же! — продолжает Вера.— Семь лет дружили, такая любовь была, водой не разлить, а как забеременела, отрезся и, как ножом отрезало, ни разу не показался. Ну, что ж, думаю, если ты подлый человек, я ребенку и матью и отцом буду. Вот, Люба, станешь замуж выходить, сто раз человека обсмотри.

Люба часто-часто кивает.

Приходит хозяйка гостиницы и сообщает, что ветром свалило метеовышку.

Воеет, скулит пурга...

— К нашим-то гидрографам,— продолжает хозяйка,— гость пришел, Казанцев Василий Павлович, старший механик с гидробота «Бурный». Может, слышали имя? Его вся Арктика знает и благодарит. Как же! Бывало, лед бурят бурмашиной 15 минут, а он какие-то шарики-подшипники приспособил, и теперь за 15 секунд скважину пробуривают. А минуты-то эти на морозе, под ветром...

Люба, забыв что на ней бигуди, бежит к соседям, будто попросить чаю на заварку.

— Дяденька как дяденька, довольно симпатичный,— говорит она, вернувшись. — Вера, покажи фотокарточку Славика!

Славный, остролицый мальчик. Умненькие глазки.

Мы пьем чай, а потом долго играем в «слова» — кто больше знает слов на определенную букву. Вера все время проигрывает. Это удивляет и огорчает ей.

— Ну ладно, вы выигрываете, нам положено, а Любка-то! Надо же!

— Это потому, что я учусь в десятом классе,— наставительно объясняет Люба.— Вы видели, на чем я выезжаю? На научной терминологии.

Я снова ложусь, Вера садится у меня в ногах, Люба занимает свою позицию у зеркала.

«Волга, Волга, мать родная...» — доносится из соседней комнаты.

Удивительно много поют на Енисее о Волге, поют о «диком бреге Иртыша», про «славное море — священный Байкал». И ни разу не слышала я песни о Енисее. Какая несправедливость!

— Нас в семье девять детей,— рассказывает Вера. — Я самая старшая. Отец до сих пор в подтаежном селе председателем сельсовета работает... Семья наша чалдонская. Прадед политическим ссыльным был. И прабабка тоже. Она еврейка, из Одессы, молодой умерла, зачахла. Дед говорил, я лицом на нее похожа, он-то ее помнил. На царя они покушались... А все-таки обидно, всегда во всем я первая была: и в пионерах, и в комсомоле, а теперь вот даже Любка меня обскакивает... Отстала я, значит...

Она хмурит свои прямые черные брови, не иначе как полученные в наследство от прабабки.

Ох, и скулит же пурга! Я лежу и обдумываю: как бы все-таки попасть на остров, в радиометцентр. Может, рискнуть попросить у начальника порта катер? Не даст...

...У начальника порта идет диспетчерское совещание. Обсуждается вопрос как быть: на море 7—9 баллов, но необходимо разгрузить «Днепрогэс» и «Мету».

Вдруг по телефону сообщают: грузовой буксир «Кавказ» сорвало с якоря и несет на камни. Совещание прервано, все бросились на причал. Из окна кабинета я гляжу, как пытаются спасти «Кавказ». Ну и ну! О катере и заикаться нечего!

Спускаюсь в первый этаж и вдруг вижу табличку «ЗАГС». Захожу. Моя Люба, завитая, нарядная, поздравляет молодоженов. Раз уж я вошла в такой торжественный момент, я тоже поздравляю.

— А вы меня не узнаете? — улыбается новобрачная. — Мы же с вами в одной каюте ехали, на тральщике-то...

Припоминаю, за занавеской лежала какая-то женщина и стонала. Стонать-то стонала, а заметила, кто с ней едет...

— А я же радист-наблюдатель с острова Лескин. Митя там плотником. Мы специально отпросились в загс съездить. А тогда на тральщике я еще обратила внимание, как у вас интересно рукав скроен. У нас так не шьют. Оказывается, тут ластовица, вот почему он так ладно сидит!

«Надо же!» — как говорит Вера.

...Неужели придется сидеть в гостинице до тех пор, пока этот проклятый шторм не утихнет! По радио передают «хождение по улицам опасно», но не замерла же жизнь на Диксоне! Люди-то работают!

Надеваю спасительный полушубок и бегу в школу. Она на той же улице.

Знакомая картина: заканчивается ремонт. Посредине комнаты, на дверях которой написано «Физический кабинет», растерянно стоит девушка. В руках у нее моток электрического шнура.

— Вот надо сделать проводку, и некому,— жалуется он мне. — Нет монтера.

— Попросите учителя физики. Он наверняка умеет.

— Я — учитель физики...

Она неумело разматывает шнур и запутывается в нем. Входит паренек, ученик старшего класса, и весело говорит:

— Сейчас сделаем провод очку...

— Они проходили практику в мастерских гидробазы, — оправдывается учительница.

— Плохо, плохо готовят кадры, — сокрушенно рассказывает директор школы. В наших условиях учитель должен быть умельцем. Я выступал на совещании в Дудинке с таким предложением. В педагогические вузы надо призвать молодых рабочих со средним техническим образованием. Из таких выйдут учителя так учителя! А то передоверили воспитание ребят таким вот девчушкам... Я из учеников стараюсь воспитать настоящих мужчин. У нас есть механические мастерские, ребята изучают слесарное, токарное и автодело. Собрали, между прочим, сами грузовую автомашину... Кроме того, они проходили практику в мастерских гидробазы и морского порта, в портовом гараже. Закрепили каждого ученика за опытным рабочим. И ребята участвовали в выполнении производственной программы. Потом многим присвоили разряд, а несколько человек остались работать и перешли учиться в вечернюю школу. Как раз лучшие ребята...

Другая группа, 22 человека, на заработанные во время практики деньги поехала на экскурсию в Москву. А считали бы вы отчеты, что написали они после практики: о производстве, где работали, о его значении, характеризовали станки, увязывая принципы их работы с законами физики...

Мы ходим по школе, и директор рассказывает, рассказывает, волнуясь и горячась. Вот здесь девушки шьют — школа-то интернат; детей не только учат, кормят, но и одевают. И хочется, чтобы одежда была и теплая, и удобная, и современно красивая. Сейчас девушки обуживают ребятам брюки, раз уж такая мода... А вот здесь принимают экзамен от моряков-заочников.

Нужны спортивные помещения! На воздухе спортом не займешься: ветер, мороз. А без спорта молодежь не воспитаешь!

Я слушаю и все выглядываю Рыжика, но его нет. Значит, все-таки уехал навестить маму...

— Тяга к музыке огромная, а у нас нет музыкального руководителя, — жалуется директор.

Да, нет и того, и другого, но глядя на все вокруг, слушая директора, видя, как он волнуется и болеет за дело, я проникаюсь уверенностью: нет, так будет!

Вечером я рассказываю о школе своим соседкам по комнате.

— Замечательный директор! — подтверждает Люба, — я тоже у них учусь, в вечерней школе. А говорил он вам, что это самая северная средняя школа во всем мире? Ни в Канаде, ни в США в этих широтах нет средних школ...

Она сидит перед зеркалом и, разговаривая, накручивает волосы на бигуди.

— Надоела ты мне со своей завивкой! — неожиданно резко говорит Вера. Она сегодня снова поругалась с бухгалтером и оттого зла, придирается ко всему.

— Меня положение обязывает быть красивой, — невозмутимо отвечает Люба. — Ко мне в загс люди в торжественных случаях приходят, и я должна соответствовать...

Я вспоминаю радиста-наблюдателя и заступаюсь за Любу.

— Все равно он меня к документации допустит и ревизию я произведу, — мрачно говорит Вера. — И если обнаружу растрату или какой непорядок!..

Мы с Любой переглядываемся.

Чем занимается гидробаза на Диксоне? Она проводит различного рода исследования условий плавания в Заполярье и готовит необходимые материалы. Летом для этого используются авиация, суда, зимой — санный путь. Работают люди в тяжелых условиях: промеры производятся круглый год, это значит, живут гидрографы на льду в палатках по три-четыре месяца. Зимой в условиях торошения нет иного способа передвижения, кроме пешего, — трудно!

Отвечает гидробаза и за навигационное ограждение. На обслуживаемом участке — от меридиана острова Вилькицкого до острова Большой в море Лаптевых — работники базы ставят створы, буи, вехи и другие навигационные знаки и следят за ними.

Гидробаза несет также девиационную службу, то есть проверяет приборы на приходящих в порт судах.

Все это мне рассказывает главный инженер гидробазы — молодой высокий человек с очень черными, коротко остриженными волосами. Эти волосы, огромные черные глаза, а главное, по-особому тонкий стан и стремительность движений выдают в нем кавказца. Так и есть — он дагестанец, впрочем, прекрасно чувствующий себя в Арктике.

Мы сидим в большой комнате гидробазы, где все окна затканы темными плетями помидоров, тяжелые плоды жадно вобрали в себя свет полярного солнца, от ветра и мороза они защищены стеклами, согреты теплом комнаты.

Эта своеобразная оранжерея в конторе гидробазы на минутку отвлекает моё внимание от слов инженера. Впрочем, я тут же вспоминаю: «девиационная служба». Ну как же! Едва «Чкалов» встал у причалов Диксона, как в рубку тотчас же пришли девиаторы, и штурман, ни слова ни говоря, предоставил им хозяйничать у приборов. Они проверяли инструменты и приборы всю ночь, а потом капитан благодарил их.

— Самое трудное, конечно, это работа на льду. Отряды из трех человек работают в километре друг от друга, пробуривают лед, берут пробы, делают промеры, — продолжает главный инженер. — И это в тридцатиградусные морозы! За последние пять лет пройдено, таким образом, свыше 400 тысяч метров, пробурено около 100 тысяч скважин глубиной не менее двух метров каждая... Ну, что еще рассказать? Полученные материалы мы отсылаем в Ленинград, где после камеральных работ и издаются карты. Но не дожидаясь этого, мы копируем свои данные и даем их судоводителям, которым они нужны как можно скорее... Говорил ли я о лоцмейстерской службе? У нас целый штат опытных лоцманов, которые хорошо знают эти воды, они проводят иностранные суда в опасных местах.

Я вспоминаю шхуну, маячившую на горизонте у Широкой Переправы.

Как заботливо подвязаны ветви помидоров к оконным рамам, поистине, здесь ценят каждый лучик неяркого полярного солнца!

Шторм длится уже... Сбилась со счета, мне кажется — вечность!

НА «ПОБЕДЕ»

Три дня пути от Диксона до Дудинки — погода как по заказу. Енисей словно подменили, тихий и синий-синий. Вышли мы в сумерки (по часам), небо было совсем перламутровым, а у самого горизонта протянулась ярко-оранжевая заря, в берегах залегли нежно-сиреневые, как туман, тени. Было полнолуние.

Пароход «Победа» — буксир, тянущий лихтера, несамоходные, металлические суда, с углем. То есть он на Диксон везет уголь, сейчас-то лихтера пустые. Наш караван растянулся на 800 метров. Команды на «Победе» — 12 человек. Это совсем другое дело — грузовое судно или пассажирское.

Здесь я попала в семью — большую и дружную. И отец этой семьи — капитан Юрий Маркович Рубинчик, южанин, бывший керченский моряк, долго плававший в водах Дальнего Востока, а последние двадцать лет в северных морях...

...С рулевым Володей мы сидим в радиорубке, просматриваем долгоиграющие пластинки, и Володя рассказывает мне свою историю.

С одиннадцати лет он сирота, жил у бабки, мыкался по теткам. Окончил девять классов в Норильске и решил пробираться на материк. Денег на проезд не было, и товарищ научил его наняться на пароход, только чтоб доехать до Красноярска. Товарищ этот тоже решил податься на «магистраль», был он значительно старше Володи, опекал Володю, а вернее — подпаивал, парень оказался полублатной.

Юрий Маркович взял их на «Победу»: товарища кочегаром, Володю рулевым. В пути пригляделся к ним, порасспросил. И когда пришли в Красноярск, товарищу дал расчет, так и сказал: «Пускай едет подальше», а Володю задержал, поговорил с ним, обещал устроить его в школу командного состава в Подтесово (городке речников, где приписана «Победа» и где она обычно зимует). Володя остался. Теперь он зимой живет в Подтесово, ему дали комнату на двоих с рулевым Веной. На второй курс он перешел отличником.

— Теперь у меня дело верное, — застенчиво улыбаясь, говорит Володя. — Через три года я — штурман! И все — Юрий Маркович. Я в нем как будто отца нашел...

Мы видим, как на мостик выходит Юрий Маркович. Он напевает себе под нос песенку Вертинского (память о Дальнем Востоке!), щурясь, вглядывается в даль и, по-южному растягивая слова, отдает команду.

...Утро. Легкая рябь. Солнце острыми сверкающими звездами играет на воде. Путь лежит на юг, и это ощутимо — с каждым часом теплее. Берега уже покрыты кустарником. В одном направлении с нами второй день летят гуси.

Мы обгоняем караван, точь-в-точь такой же, как наш. Это «Родина» — близнец «Победы». Команды пароходов дружат и соревнуются. Сейчас встреча после долгой разлуки: «Родина» была на Оби, она перегоняет оттуда новые лихтера. (Енисейский флот все время пополняется, то и дело видны новые суда. Речники следят за этим и при встречах сообщают друг другу о пополнении.)

Пароходы обмениваются приветственными гудками.

— Подвали поближе! — крикнули с «Родины».

Там все штурманы стояли на мостике. Наши тоже все вышли.

— Как праздник провели? — в рупор крикнул штурман «Родины».

— Какой праздник?

— А вчера же был День шахтера! Мы же с вами тоже угольщики!

Хохот на обоих пароходах.

— Давай причаливай к нам на осетринку!

— У нас у самих есть!

Правда, вчера купили у рыбаков двух осетров килограммов по двадцати каждый. Осетры были живые и дышали, показывая огромные жабры. Повариха жарила их, сегодня с утра была уха и пирог с осетриной.

— Что ты больно плохо ешь? — участливо говорила повариха рулевому Володе, сидя рядом с ним в столовой.

— Да что вы, тетя Маша! Я такой кусище съел, двумя руками держал!

— Ну и еще кусочек-то можно же съесть? Я ведь старалась.

Парень вздыхает и берет еще кусок пирога, снова такой, что одной рукой не удержать.

Мы обогнали «Родину». Капитан критически оглядывает свой пароход и говорит:

— Угольщики! Что верно, то верно! Когда мы хотим пристать там, где стоит «Чкалов», Степан Иванович ручки подымает: «Не подходите, вы нам окраску запачкаете!» Однако «Чкалову» рейс на Диксон отменили, а мы, бог даст, еще раза три сходим. Уголек-то нужен!

Мы проходим вблизи берега. На песке стоят три чума, кругом сушатся сети и развешана рабочая роба. На берегу ни души.

— Ночь рыбачили, теперь отсыпаются, — замечает Юрий Маркович.

На низких луговых островах виднеется сено в копнах. Солнце ослепительной дорожкой лежит как раз перед нами. Полдень.

...Третьим штурманом на «Победе» работает Катя, невысокая, молчаливая девушка.

— Прекрасный работник! — шепотом говорит мне капитан, глазами указывая на Катю. Она стоит у штурвала. — Я ее рекомендовал на второго штурмана, но она не захотела, хочет еще на «Победе» поработать.

— Не на «Победе», а с вами, — неожиданно возражает Катя.

Юрий Маркович смущается и выходит из рубки.

Катя оживает.

— Третий штурман самостоятельной вахты, по положению, не несет. Но мне Юрий Маркович доверяет, — с гордостью говорит она. — А учиться мне у него есть чему — человек пожилой, положительный, культурный. А то, зна-

ете, бывает, как у Маяковского: «На волнах катерок, с катерка матерок». А самое главное — заниматься не препятствует, наоборот, помогает. Я же заочница института водного транспорта.

Она вздыхает. Я чувствую, что это еще не все, и жду. Некоторое время мы молчим, а потом Катя оглядывается:

— С семьей у меня не получилось, — тихо говорит она. — Вышла было замуж. А он: «Бросай плавать. Что за жена, всегда в рейсе!» — И не понимает, что не могу я без Енисея. Я с детства мечтала, как стану капитаном...

Слезы катятся по ее лицу, но она старательно крутит штурвал.

— Разошлись?

Катя кивает.

— Я прежде была веселая, а теперь... Думаю о нем каждую минуту. Но не могу иначе... Ну почему, — с отчаянием восклицает она, — мне за все приходится так дорого платить? Живут же люди легко, а мне так трудно все дается!

— Это потому, Катя, — раздумывая, говорю я, — что вы ставите перед собой трудные задачи

— А вам как живется? — неожиданно спрашивает Катя. — Легко или трудно?

Я улыбаюсь: нашла кого спросить!

— Хотя, что я спрашиваю? Вы же, писатели, постоянно в рейсе...

Так ли я поняла? Я взглядываю на Катю и встречаю прощательный, умный и уже смеющийся взгляд Катиних мокрых глаз...

Выхожу на палубу. О, в этих широтах значительно темнее, чем на Диксоне, — не то чтобы сумерки, но вроде... А в вышине все летят и кричат гуси...

НОРИЛЬСК

Когда знаешь, что вокруг на сотни километров во все стороны тянется безлюдная, промерзшая тундра, этот город потрясает как чудо, как мираж в пустыне. Нет, это не мираж. Все в точности, как говорил старый геолог в поезде: разбитый на квадраты город, кварталы трех-четырёх-пятиэтажных благоустроенных домов, асфальтированные улицы, мостовые, разделенные газонами, ансамблевые круглые площади, гастрономы, универмаги, театр, гиганты заводы, занимающая целый квартал ТЭЦ, краны, стройки... Город лежит в котловине, с трех сторон он окружен высокими черными горами. Только на западе тоненькая ниточка железнодорожной линии (самой северной в мире!), да, если идти на север малыми реками, через озеро Пясино можно пробраться к морю.

...В редакции газеты «Заполярная правда», куда я явилась прямо с поезда (где еще можно застать людей на рассвете?), меня связали с двумя товарищами, которые и помогли мне узнать Норильск.

Первый мой гид по Норильску — Сергей Львович Щеглов. Есть люди счастливой наружности, увидишь их и сразу проникаешься к ним симпатией и доверием. Таков Сергей Львович. Ему около сорока, он невысок, глаза у него карие, живые и веселые. Пришел он ко мне в гостиницу с завода, в сапогах и кожанке, и сразу мы с ним пошли в столовую обедать. На всем Севере в столовых самообслуживание, и стоя в очереди с подносами, мы уже разговаривали с Сергеем Львовичем так, словно век были знакомы.

Для начала он прочел мне лекцию по истории Норильска. Щеглов — Нестор-летописец этого города. Много раз выступал он в газетах и журналах со статьями о Норильске. После я их прочла. Он рассказал мне о землепроходцах XI века — новгородцах, зашедших в эти края в поисках воли и «мягкой рухляди». (Так, во всяком случае, говорится в ру-

кописях XIII века.) Рассказал он и об избах XV—XVI веков, развалины которых до сих пор сохранились по берегам малых рек. О Мессершмидте*, давшем одно из первых описаний Севера, где упоминалось о черном камне — угле в районе Норильских Камней. О Великой Северной экспедиции, организованной Петром Великим, об академике Ф. Б. Шмидте** и семье Сотниковых, так много сделавших для освоения богатства Норильска, и, наконец, о наших современниках: геологе Урванцеве, связавшем свою судьбу с Норильском, и о том, чье имя носит Норильский комбинат, А. П. Завенягине — человеке, судьба и характер которого так полны были контрастов...

Я не стану пересказывать всего, что рассказал мне Сергей Львович. Я просто отошлю интересующихся Норильском к отличной книге, написанной Щегловым в соавторстве с А. Бондаревым, — «Город Норильск» (Красноярск, 1958).

Рассказал мне Щеглов и о себе. Он из тех, кто не по своей воле попал на Север. Студентом исторического факультета он был арестован и выслан в Норильск. Отбыл срок, но не уехал. Поступил учиться на заочное отделение политехнического института, проучился шесть лет, теперь работает инженером. Он давно реабилитирован, но уезжать пока не хочет. Полюбил свою специальность инженера, полюбил работу, да и с Норильском чувствует себя связанным. Когда-то в прошлом Щеглов серьезно подумывал о литературе как о профессии (он дал мне прочесть несколько своих рассказов и статей, и я считаю его способным литератором). Но рассудил иначе — предпочел остаться инженером. Ему виднее... Сейчас Сергей Щеглов активный член литобъединения.

Так мы разговаривали, переходя от общего к личному, и наоборот.

...Многие элементы, входящие в систему Менделеева, есть в Норильске. Здесь находятся месторождения угля, меди, никеля, платины, кобальта и т. п. Сердце Норильска — никелевый завод...

Так рассказывал Щеглов. А показывал мне Норильск и Владимир Андреевич Елисеев, работавший в то время заместителем председателя горисполкома, большой мужчина, лет пятидесяти, с крупными чертами лица, очень простой в обращении. Судьба Елисеева сложилась иначе, чем у Щегло-

* Мессершмидт Даниил Готлиб (1685—1735) — исследователь Сибири. По происхождению немец, приглашен Петром I и по его заданию путешествовал по Сибири. Написал отчет об исследовании Сибири в 10 томах, который впервые публикуется сейчас Академией наук ГДР совместно с Академией наук СССР.— *Прим. ред.*

** Федор Богданович Шмидт (1832—1908) — академик, русский геолог, палеонтолог, ботаник.— *Прим. ред.*

ва, однако и он прочно связан с Норильском. В 1936 году молодым педагогом он приехал сюда из Горьковской области и стал преподавать. Началась война, Елисеев воевал, а затем вернулся в Норильск. Учил, организовывал школы и семь лет был директором политехникума. Этот техникум только называется так, а на самом деле это учебный комбинат с заочным отделением политехнического института, с десятками всевозможных курсов. Семиэтажному зданию техникума позавидует иной московский институт.

Были мы с Елисеевым на руднике открытых работ. Огромный амфитеатр его наполнен техникой: тут и бурильные агрегаты, и скреперы, и автоматизированная погрузка. И кругом рельсы, рельсы; норильчане избежали узкого места рудников — вместо автотранспорта они используют железные дороги... Длинные цехи флотации, где совсем не видно людей; в желобах непрерывно движется вспененная, пузырящаяся масса, похожая на вытащенную из Енисея рыбу, на тот самый Улов, только темный, с твердым блеском, это и есть улов, Улов Металла...

Обо всем этом можно было бы не говорить, рудник есть рудник, флотация есть флотация, их многие видели, в конце концов, они всюду одинаковы, вопрос масштаба. Но — нет! Дело не только в масштабе. Я не могла забыть: кругом во все стороны на сотни километров простирается тундра! Этот город индустрии, город техники казался занесенным сюда с иной планеты!

...Куда бы мы ни приходили, к Елисееву кидались люди — рабочие, техники, инженеры, — называли его «Влади мир Андреевич», а он их «Коля, Ваня, Миша».

— Мои ученики, — просто сказал он мне, — все через техникум прошли, кто заочником был, кто на курсах учился.

С ним интересно ходить, сразу видишь город в двух временах: настоящем и прошедшем. Вернее сказать — в недавнем прошлом.

— Сейчас у нас одна из главных задач, — рассказывает Елисеев, — техника безопасности, борьба с травматизмом. Ведь рабочие-то наши в основном молодежь. Учить надо. И беречь. Когда в Норильске остро стал вопрос с рабочей силой, выручила молодежь, комсомол, откликнулись на призыв партии, приехали работать в Заполярье. Как же таких ребят не поберечь? Норильск теперь с полным правом можно назвать молодежным городом. И все-таки... — он перебивает себя. — Еще многое нужно сделать. Вот взять хотя бы эти бараки...

Мы заходим в барак. Длинное строение перегородено поперек на квартиры. Каждая квартира имеет свой вход, квартира — семья.

— Ненавижу бараки! — говорит Елисеев. — Уж лучше па

латки, землянки, те через год сносят, а бараки живучи, как... — он ищет сравнение, — как клопы! Ставят их на время, а они существуют де-ся-ти-летия! Строим дома, строим, а от барakov до конца никак не избавимся! Я бы грандиозный праздник закатил, если бы удалось последний барак разметать!

Видела я в Норильске плавательный бассейн, телецентр (тогда он достраивался, а теперь, мне рассказывали, уже работает, и очень хорошо — отличный подобрался коллектив на телестудии), великолепную городскую библиотеку, спортивные залы в школах, школьные оранжереи. А школа № 2, где я побывала, вся как оранжерея, от лестниц до классов. На перила лестниц подвешены горшки с вьющимися растениями и висят надписи: «Цветы в этом пролете ребят такого-то класса» или «Этот цветок такой-то девочки». Я не говорю уж о том, что это красиво, но и полезно: устраняется бич, видимо, многих школ — по этим перилам не скатиться вниз!

...В магазинах полно товаров, и, покупая яблоки, я невольно вспомнила зеленый лук Дзидры Карловны, выращенный ею на завалинке.

«ЧКАЛОВ» ИДЕТ ВВЕРХ

...Наконец-то я снова на «Чкалове»! Я очень рада, и, кажется, «чкаловцы» тоже рады встрече со мной. Они знают, что я плавала и на тральщике, и на «Победе», но как-никак я «ихняя»: начала-то я путешествовать на «Чкалове». Как-то так само собой получилось, что я стала вроде бы членом их коллектива.

Больше всех встрече радуется строгий штурман Иннокентий Васильевич. Его мальчишечье в веснушках лицо оживлено.

— Ну, — то и дело перебивает он мои рассказы, — видите, как хорошо, что вы решились высадиться на берег! А то бы вы ничего этого не увидели!

Я киваю, хотя меня так и подмывает напомнить: «Экзотики захотелось? В чуме собираетесь жить?»

— Вот так и вырабатывается характер! — заключает Иннокентий Васильевич!

— Проявляется, — поправляет его капитан.

— Что?

— Я говорю: не вырабатывается характер, а проявляется! — повторяет капитан.

Иннокентий Васильевич некоторое время думает и соглашается.

На пассажирском судне рядом идут две жизни — жизнь пассажиров и жизнь команды. Они редко смешиваются. Члены команды несут вахту, то есть исполняют свои обязан-

ности совершенно конкретные и в строго определенное время, учатся (особенно на Енисее), живут в служебных помещениях, питаются в своей столовой. У них своя прачечная, свой душ, свой красный уголок, своя библиотека. Курсанты или студенты-практиканты в свободное от вахты время пишут свои курсовые или дипломные работы, которые курируют капитан, штурманы или старший механик; кто-то работает хорошо — его уважают, кто-то работает плохо — его не одобряют. Здесь свои отношения: одни дружат, другие, бывает, и ссорятся; словом, идет нормальная, размеренная жизнь рабочего коллектива.

Совсем иное дело пассажиры. В большинстве это люди, едущие в отпуск, реже — в командировки. И те и другие здесь вне обычных условий быта, работы, обязанностей. Поездку на пароходе они воспринимают как отдых. И тут выясняется, что некоторые попросту не умеют культурно отдыхать. Подавляющее большинство пассажиров ведет себя как должно: сидят на палубах, наслаждаясь покоем, любят красивые окрестностями, читают, знакомятся друг с другом, разговаривают, слушают музыку в музыкальных салонах, поют, танцуют, играют в шахматы...

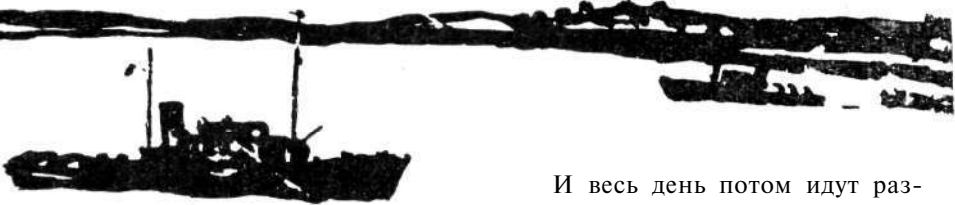
Но — некоторые! Круглые сутки бьются в карты, пьют без просыпу, затевают ссоры, драки... и единственное, что может их приструнить, — это угроза «сказать капитану».

Ибо капитан здесь полновластный хозяин. Он может посадить буяна «под замок» (на «Чкалове», например, роль «холодной» играет огромная труба, сооружение на теплоходах чисто декоративное и вместе с тем единственно пустующее помещение. Просидев ночь в трубе, пьянчужка трезвеет и становится шелковым).

Капитан может забрать у хулигана паспорт и сдать его вместе с владельцем на ближней пристани в милицию. А там пусть решают, сколько суток он заслужил. Но больше всего на дебошира действует право капитана ссадить его во-он хоть на том острове! Матросы с удовольствием доставят хулигана на остров, высадят и на прощание помашут ручкой: «загорай, дескать!», и «загорает» горемыка до тех пор, пока кто-нибудь на проходящем мимо судне не сжалится и не снимет незадачливого Робинзона с его необитаемого острова.

Такие случаи бывают редко, о них все знают, воспитательное значение их ощутимо. И все же такое случается...

Брешь в стене, разделяющей команду и пассажиров, как правило, пробивают дети пассажиров. Дети ласковы и любознательны, а члены команды, среди которых немало семейных людей, скучают по малышам, заманивают детей к себе в каюту, показывают что-нибудь интересное, угощают конфеткой или пряником.

И весь день потом идут разговоры о детях, о женах, оставшихся на берегу...

Итак, мы «помаленьку» идем вверх. Берега в сплошной осенней позолоте. Енисей тих. Глубины здесь порядочные, эхограф показал 15 метров. День нынче был солнечный, и хотя прохладно (+5°), чувствуется, что движемся к югу. Можно бы уже вернуть капитану так здорово выручивший меня полубок, но я медлю. И не зря. На подходе к Туруханску погода изменилась, солнце скрылось, серенькое небо низко навалилось на реку и окрестные берега.

У самого Туруханска (а подошли мы туда в три часа дня) повалил снег крупными, пушистыми, «рождественскими» хлопьями. В Туруханске стояли час, и пока я ходила поглядеть избу, где жил в ссылке Я. М. Свердлов, теплоход наш изменился: палуба покрылась пушистой одежкой, перила обросли мягкой, белой обшивкой. Видимость резко понизилась — впереди сплошное снятое молоко. Снегопад прекратился, но денек так и угас сереньким.

В 21 час совсем темно. Я отвыкла от этого и потому ощущаю какую-то тревогу. В рубке не зажигают огня, глаз осваивается с темнотой и уже различает берега, реку, створы. Рулевой молча стоит у пульта уп-

равления (штурвала на «Чкалове» нет), нажимает кнопки, сверяясь с компасом. Время идет. На теплоходе тихо. Пассажиры спят, палубы в полумгле, горят только ходовые огни.

Но вот показывается встречное судно. Его уже узнали. Это близнец «Чкалова» — «Александр Матросов». Отношения между командами этих теплоходов примерно такие же, как между командами «Победы» и «Родины». Загораются огни на всех трех палубах. Гудит приветственный гудок. Слышится ответный. Разошлись правыми бортами.

Некоторое время флагман, освещенный, нарядный, плывет по темной реке, отражаясь всеми своими огнями — истинно «белоснежный лебедь Енисея». Потом хозяйственный Иннокентий Васильевич выключает освещение палуб, теплоход снова принимает деловой вид, уверенно и ровно идет вверх по Енисею.

Снова пошел снег, видимость ухудшилась, исчезли берега. Капитан включает локатор. Тревога моя рассеялась. Глаз привык и уже различает проблесковый огонь впереди. В полосе света виден косой, стремительно летящий снег. Теплоход идет вверх...

Геннадий Фиш НОРВЕЖСКИЕ ВСТРЕЧИ*

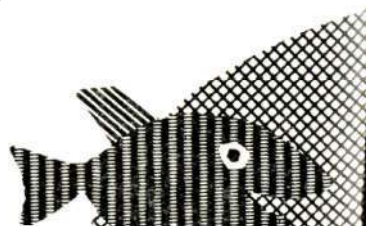
«ДРАКОНЫ» И «УЛИТКИ»

ВОТ НА ЭТИХ-ТО утлых посудинах викинги пересекали Атлантику. Доходили до берегов Америки! Наводили ужас на всю Европу! Трудно этому поверить!

Такие мысли приходят, когда видишь шитую из сосновых досок быстрокрылую ладью с гордо поднятым завитком покрытого узорной резьбой носа и такой же высокой кормой...

В Дании на острове Зеландия мне довелось увидеть Трелеборг — обнесенный земляным валом военный лагерь викингов, где команда каждого струга помещалась

* Из книги «Норвегия рядом».

в отдельном бревенчатом строении, напоминающем корабль, опрокинутый вверх дном...

В Ютландии, вблизи Орхуса, я видел кладбище викингов — каждые тридцать три надгробных камня поставлены так, чтобы общий абрис походил на очертания корабля.

На стенах музея в Оулу, в Суоми, я видел полосатый шерстяной парус ладьи викингов. Он служил им и общим одеялом в безветрие и на суше.

И вот теперь я стою перед поднятым на металлические стеллажи подлинным кораблем викингов, прекрасно сохранившимся за тысячу с лишним лет...

Море поглотило множество таких кораблей, но земля сохранила их. Обряд погребения викингов требовал, чтобы вместе с умершим вождь-конунгом погребали все, что необходимо ему на том свете... Если, хороня своего вождя, воинственные кочевники степей вместе с ним хоронили боевого коня, то для загробного плавания конунгу нужен был прежде всего его боевой корабль.

Из кургана Тюне, близ города Сарпсборга, почти сто лет назад был извлечен из земли первый корабль викингов.

В 1880 году в кургане на низкой равнине у Санде-фьорда нашли вторую ладью. И в начале нашего века вблизи фермы Осеберг откопали наиболее сохранившийся третий корабль.

Все они находятся сейчас под крышей музея «Корабли викингов» на окраине Осло, на Бюгдой.

Ой — по нашему остров, но Бюгдой все же не остров, а полуостров.

На Бюгдой привез меня на своей машине мой друг — Адам Эгед-Ниссен, человек с такой доброй, располагающей улыбкой, что при виде ее невольно сам улыбаешься.

Увидев улыбку впервые, я поверил в то, что и наяву может так быть, как в сказке «Алиса в стране чудес»: добрый старый кот улыбнулся и исчез, а в воздухе долго еще оставалась одна его улыбка. Я понимаю, что одна такая улыбка уже может успокоить и обнадежить самого мнительного больного. Ведь Адам, как у нас называют, — частно практикующий врач. Злые языки говорят, что из-за этой улыбки коллеги не только прощают ему успех у пациентов, но и, закрыв глаза даже на то, что Адам Эгед-Ниссен депутат муниципалитета от коммунистов, избрали его в правление союза врачей заместителем председателя.

Сегодняшнее воскресенье Адам посвятил тому, чтобы показать мне, что можно увидеть только в Осло и нигде в другом городе мира.

Вначале я решил, что речь идет о знаменитом Фрогнер-парке, широко раскинувшемся на окраине столицы. Этот парк — огромная пространственная композиция, в которой

среди зелени размещено несколько сот скульптур, высеченных из камня и отлитых из бронзы своеобразным, талантливым ваятелем Густавом Вигеланном в течение нескольких десятилетий неустанного, поистине титанического, вдохновенного труда. Созданный по единому творческому замыслу этого выдающегося скульптора, парк-музей и в самом деле явление в мировом искусстве исключительное. Но когда Адам обещал показать мне то, чего нет ни в одной другой столице, он думал, как оказалось, совсем не о Фрогнер-парке.

— Едем!

Мы побывали сначала в Народном музее на открытом воздухе, которым знаменит Бюгдой. Сюда в парк свезены со всех концов Норвегии — из Сетесдаля и Нумедаля, из Трённелага и Телемарка — срубы полтораэта старинных крестьянских домов с обиходной утварью, со всем их дворовым хозяйством: хлевами и коровниками, навесами овчарен, мельницами, конюшнями, баньками, амбарами с нависающими

галерейками вторых этажей. Жилища богатеев с крылечками, изукрашенными узорной резьбой, крытые тесом и дранкой, перемежаются с приземистыми избушками с торфяными крышами, поросшими изумрудной травой-муравой. Недавно на Бюгдой перевезли и жилище лапландцев из Финмаркена.

Большинству строений здесь лет за триста, а самому древнему — деревянной церкви, перенесенной сюда из Халлингдала, — за восемьсот.

Это самая старая в мире из сохранившихся деревянных церквей. Крытая галерейка на деревянных колоннах обегает четырехугольный зал, заалтарное помещение.

Впрочем, и Народный музей на открытом воздухе — пусть жилье крестьян и отличается от норвежского — можно увидеть в столицах других стран... Но вот эти корабли викингов — действительно, Адам Эгед-Ниссен был прав — нигде в мире не увидишь...

Пораженный совершенством их формы, словно их сделал не безвестный плотник своим топором, а резцом высек из мрамора великий скульптор, я понимал в ту минуту Константина Симонова, который, увидев эти острогрудые челны, воскликнул:

— Не берусь описывать эти корабли. Чтобы составить о них настоящее представление, их надо видеть... Скажу только, что от них веет духом мужества и силы, в них все прекрасно и вместе с тем нет ничего лишнего!..

Оказывается, вся эта красота неразрывно связана с конструктивной целесообразностью: и поднятый высоко нос — форштевень, легко рассекающий волну, и продолговатый ребристый овал двадцатиметрового корпуса, и расстояние в пять метров от борта к борту в самом широком месте... и, главное, выдающийся высокий, режущий воду киль, который делал в те времена норвежские суда самыми быстроходными в мире.

Чтобы ни у кого не осталось сомнения, что древние норвежские сагописцы и скальды правы и Америка открыта норвежцами лет за пятьсот до путешествия Колумба, норвежцы в 1891 году, когда в Чикаго открылась Всемирная выставка, построили корабль-ладью, точную копию той, что выкопана была из кургана, разве что без узорной резьбы, изображающей рыб и змей. Несколько норвежских парней на парусах и веслах благополучно переплыли Атлантический океан и привели свой корабль на Всемирную выставку в Чикаго. Это стало одним из интереснейших событий выставки...

Пятнадцать или шестнадцать пар весел и руль, тридцать — тридцать два гребца-воина и командир — вот и весь экипаж.

Профессор Н. М. Книпович* говорил, что за много веков не было выработано более совершенного типа судов, чем суда викингов... Взяв на гребень волны, их струг не заливаётся водой, легко идет под парусами и веслами. Высокий киль делает его устойчивым. Вот почему струг сохраняется, особенно в северных областях Норвегии, и по сей день...

— Главный его недостаток — отсутствие палубы, — отмечал Книпович...

А все же и сегодня из восьмидесяти тысяч рыбаков Норвегии больше половины промышляют рыбу на безмоторных, беспалубных судах, схожих с ладьями викингов. Их секут ветры, мочат дожди...

— Ничего, мы, норвежцы, сроднились с морем, такой уж наш норвежский характер, — объясняет Адам.

— Ну, а завоевывать с горсткой храбрецов-разбойников на этих ладьях большие города, убивать мирных жителей, грабить, как говорит летопись, «не оставляя собаки, которая лаяла бы им вслед», — это тоже проявление норвежского характера?!

— Конечно, кое-что и от характера, — смеется Адам, — но один характер не спас бы викингов от поражений. Главное — превосходство в «технике», придававшее им смелость, наглость, чувство безнаказанности.

В превосходстве корабельной техники! Странно применять это слово к такому, казалось бы, элементарно простому сооружению, сработанному одним лишь топором, но это так. В то время когда другие народы строили плоскодонные и поэтому малоустойчивые, неповоротливые и тихоходные суда, норвежцы первыми стали строить остродонные килевые корабли. Это давало им возможность избегать дрейфа. Суда их стали на море маневреннее. Внезапность нападения — великая сила! Они приближались к врагу быстрее, чем могла долететь весть об их появлении.

«Техника» и вера в то, что крылатые девы-валькирии уносят души павших в Валгалу, где герои каждое утро для времяпровождения вступают друг с другом в жестокий бой, но к обеду их раны заживают, и они начинают пировать и бражничать, — придавали викингам смелость, которая города берет, уверенность в своей непобедимости.

Трудно, наверное, многим из них было смириться с христианским раем, где праведные вместе с ангелами распевают псалмы, славящие господу... А ведь таким, видимо, его представляют себе молодые монашки в темных длинных рясах и

* Николай Михайлович Книпович (1862—1939) — знаменитый советский зоолог и океанограф. — *Прим. ред.*

белокрылых крахмальных головных уборах, которые пришли в Музей кораблей викингов сразу вслед за нами.

Это французские монахини. Предки их творили в церквах утвержденную римским престолом молитву: «Господи, спаси нас от ярости норманнов», а они теперь прибыли на экскурсию в край норманнов и с особым любопытством разглядывают найденные при раскопках в кургане Тюне круглые бронзовые броши с изображением рычащего льва и всадника на коне с копьем наперевес.

Здесь же в ларьке они покупают ставшие модными копии украшений средневековых скандинавов.

Свои боевые быстроходные суда викинги называли «драконами», мелкие рыбацьи — «улитками». Улитка по-старонорвежски — шнека. А мне-то думалось, что это название рыбацкой промысловой лодки прирожденное беломорское, кемское, архангелгородское, с Летнего берега Колы.

Я говорю Адаму, что хвосты змей, разинутые пасти драконов, вырезанные на стругах викингов, схожи с коньками, выступающими над фронтонами только что осмотренной нами древней деревянной церкви.

— А разве килевидная форма крыш на большинстве старинных деревянных церквей не говорит о том, что их соорудили кораблестроители? Они же и принесли свои приемы резьбы и плотничьего мастерства... — отвечает мой спутник. — Впрочем, я мало разбираюсь в предметах божественных, хотя по прямой линии и происхожу от равноапостольского Ганса Эггеде. Того, кто обратил в христианство гренландских эскимосов! — зарзательно смеется Адам... — В прошлом году, когда открывали ему памятник, у одной из церквей Осло, я получил приглашение на эту церемонию, хотя всем известно, что я коммунист, неверующий.

О родстве Адама по этой линии я услышал впервые. Мне была знакома другая, известная всему норвежскому рабочему движению линия — Ниссен. Отец Адама — тоже Адам Ниссен, был одним из основателей Норвежской коммунистической партии и многолетним ее председателем.

Вслед за католическими монахинями мы выходим из музея кораблей викингов в цветущий парк полуострова Бюгдой и направляемся в другое место — второго такого на всем свете не сыщешь, — к последнему приколу «Фрама», к дому, где выставлен знаменитый плот из бальзовых бревен — «Кон-Тики».

ЦЕПОЧКА ГАРИБАЛЬДИ

Перед тем как войти в мавзолей «Фрама», эту железобетонную пирамиду со стеклянными полотнищами окон, мы с Адамом сели за столик в кафе под открытым небом.

Он сам человек предельно скромный, но что поделать — раз уж зашла речь о родичах Адама, то нужно договорить...

Одна из стен новой ратуши украшена огромным панно (два с половиной на семь с половиной метров), подаренным городу Фондовой биржей. Художник Карл Хегберг по заказу биржевиков масляными красками изобразил «Коммерцию, мореплавание и индустрию». А на противоположной стене картина такой же величины — подарок рабочих Осло.

Замечательный художник Рейдар Оулие показал историю рабочего движения в Осло — от его зарождения до наших дней. В центре этой интереснейшей композиции, на фоне рабочей демонстрации с красными знаменами, во весь рост семь наиболее выдающихся за столетие вождей рабочих, и среди них Оскар Ниссен с волевым лицом, с острой, напоминающей плехановскую черной бородкой.

Каждый раз, приходя на заседание муниципалитета, Адам Ниссен — а он депутат городского совета — может взглянуть на портрет своего двоюродного деда, окруженного рабочими Осло.

В 1864 году, когда бисмарковская милитаристская Пруссия, репетирующая будущее завоевание мира, бросила свои войска на Данию, правительство короля Швеции и Норвегии вопреки обещаниям и пышным тирадам общественных деятелей не выполнило своего союзного обязательства и не помогло героически сражавшимся датчанам.

Боевые патриотические песни датчанина Ханса Андерсена были у всех на устах, горячие призывы молодого Бьёрнсона* воодушевляли юношество. И, минуя кордоны, немало молодых норвежцев в «частном порядке» перебирались в Данию и создавали норвежские дружины, чтобы помочь братьям-скандинавам в их неравной битве с немецкими милитаристами. Глубоко возмущенный предательством правительства, ранее обещавшего помощь датчанам, душевно потрясенный, в знак протеста более чем на четверть века покинул родину Ибсен**. С Норвегией он попрощался стихами:

Страну я будил набатным стихом —
Никто не дрогнул в краю родном.
Я выполнил долг мой, и вот пароход
Меня из Норвегии милой везет.

Была среди нас, как будто родная,
Спокойная женщина пожилая;

* Бьёрнстjerne Бьёрнсон (1832—1910) — норвежский писатель и общественный деятель, борец за национальную независимость Норвегии.— *Прим. ред.*

** Генрик Ибсен (1828—1906) — крупнейший норвежский драматург, классик норвежской национальной литературы.— *Прим. ред.*

Многие дамы печально и чинно
Вздыхали: «Она проводила сына!»
Она улыбалась, кивая всем,
«О, я не боюсь за него совсем!»
Мне стало легко и спокойно вдруг:
Она укрепила мой слабый дух!
Не умер народ мой, коль женщина эта
Чудесной верой своей согрета!
Откуда же веру она черпала?
Она вдохновенно и гордо знала,
Что сын ее — милый, единственный сын —
Солдат, но солдат норвежских дружин...

Бойцами этих дружин, спасавших честь норвежцев, были и перебравшиеся в Данию два молодых врача — братья Кристиан и Оскар Эгед-Ниссен.

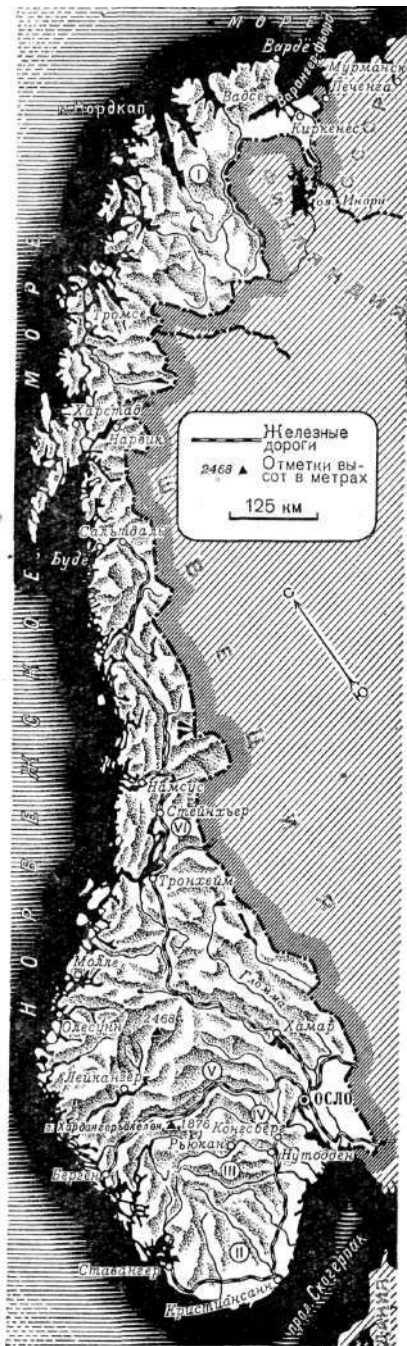
Незадолго перед этим Кристиан добровольцем в героических отрядах Гарибальди участвовал в освобождении Италии, а Оскар несколько лет спустя сражался на баррикадах Парижской коммуны. Прощаясь с Кристианом, Джузеппе Гарибальди подарил на память своему верному воину простую тоненькую серебряную цепочку. Вернувшись на родину, Кристиан — он был дедом моего нового друга Адама — занялся врачебной практикой в норвежском Заполярье — в Тромсё, километров на сто севернее Харстада, бывшего прихода преподобного Ганса Эгед. А Оскар стал одним из видных организаторов и руководителей рабочего движения в столице. Умер он пятьдесят лет назад, будучи председателем Норвежской рабочей партии.

Сын Кристиана Эгед-Ниссена — Адам-Пауль — забрался еще севернее своего отца — в Вардё, и стал там почтмейстером. Вардё, самый близкий к России город Норвегии, был удобным местом для пересылки революционной литературы, первым пристанищем бежавших политических заключенных, сосланных царем на вечное поселение в Архангельскую губернию. Многие из этих подпольных явок были связаны с молодым почтмейстером, социалистом, избранным депутатом стортинга после того, как Норвегия стала независимой. Побывав в начале 1918 года у Ленина, Адам-Пауль, вдохновленный величием идей Октября, стал затем одним из первых лидеров норвежских коммунистов. Умер он на боевом посту председателя компартии.

Таким был отец Адама.

У почтмейстера Ниссена было много детей и мало денег, для того чтобы дать всем высшее образование... И вот Адам осенью 1932 года очутился в Москве, где вскоре ему удалось попасть в зимний набор медицинского института...

...В конце 1938 года, получив диплом, молодой врач и молодой коммунист Адам вернулся на родину, чтобы заняться мирной профессией деда.

Карта Норвегии.

Но не тут-то было! Чтобы получить разрешение на врачебную практику, требовалось сдать дополнительные экзамены. Дело в том, что в Норвегии курс обучения на медицинских факультетах длится семь с половиной лет, а у нас — в то время медиков не хватало, врачей выпускали ускоренно — курс пять лет...

Экзамены предстояли серьезные, а как к ним готовиться, когда практиковать нельзя и денег нет?

И Адам нашел выход...

Он нанялся врачом на китобойную флотилию. Никто из дипломированных врачей идти туда не хотел.

В судовых командах люди здоровые, молодые, решил Адам, работы будет немного. И к тому же можно отдалиться учебе — нет развлечений, отрывающих от книг. А морской болезни Адам не страшился.

В сентябре 1939 года китобойная флотилия отчалила от берегов Норвегии, уходя в антарктические моря. На флагманском корабле каюту врача занимал обложившийся книгами Адам Ниссен.

Но сдать экзамены ему так и не удалось.

Началась вторая мировая война... Китобои делали свое дело — били китов, разделявая их на мясо и вытапливая жир, в свободное же время толпились у радиорубки, ловя последние известия из Европы с фронтов. Большинство было

Цифрами обозначены провинции:
I — Финмаркен, II — Сетсдаль, III — Телемарк, IV — Нумедаль, V — Халлингдаль, VI — Трэннеланг

уверено, что буря войны и на этот раз не обрушит разрушительные волны на нейтральную Норвегию.

Сезон боя китов был закончен, и груженная добычей флотилия готовилась к обратному походу, когда около Рио-де-Жанейро девятого апреля 1940 года радист флотилии принял тревожное сообщение: «Вермахт нарушил нейтралитет Норвегии, на улицах Осло, в долинах и предгорьях идут бои... Правительство эвакуировалось из столицы... Норвегия ждет, что каждый выполнит свой долг...»

Но как? Где? Куда идти? Что делать?..

Ясно было так же, что стране в ее борьбе понадобятся деньги и деньги. Поэтому для начала отправились в Нью-Орлеан, чтобы сдать там американским фирмам добычу и получить за нее необходимую валюту.

...В Нью-Орлеане каждого уже ждало известие, что ему надлежит ехать.

Адаму Эгедэ-Ниссену надо было ехать в Канаду, там в районе, получившем название «Малая Норвегия», из норвежцев, находившихся к моменту немецкой интервенции за границей, формировалась национальная воинская часть.

В Галифакс Адам Ниссен спокойно прибыл на пароходе. До срока, обозначенного в приказе, оставалось три дня... и Ниссен решил:

— Посмотрю-ка я напоследок Канаду. За три дня доберусь до лагеря на автомобиле.

Чемодан был набит медицинскими учебниками, а в кармане похрустывали бумажки — заработок за китобойный сезон. Он купил подержанную машину марки «олдсмобиль», погрузил в нее чемоданы, и в путь-дорогу. Проскочив Квебек, миновал Торонто. Двое суток за рулем, и Адам был уже не так далеко от места назначения, когда среди бела дня не заметил, как дорога вдруг исчезла, и автомобиль, на большой скорости перескочив через кювет, ударился о телеграфный столб, перевернулся... и встал на колёса. Сразу же машину обступила толпа. Ошеломленный Адам не понимал, жив ли он, цел ли?.. Открыл дверцу и, к удивлению толпы и своему собственному, вылез, встал на ноги, снял шляпу и сказал:

— Здравствуйте, господа!

Кто-то предложил продать разбитую машину за пятьдесят долларов.

— Нет, — отказался Ниссен, — я машину не продаю.

Спросив, где почта, он пошел отправлять последнюю штатскую телеграмму: «К сожалению, не могу явиться в срок, немного запаздую».

— В конце концов я все-таки приехал туда, — улыбается Адам, — и был лекарем в лагере, единственным врачом нор-

вежской армии с советским дипломом, и одновременно проходил военную учебу. Там у меня появились и новые друзья. Среди них был рядовой Тур Хейердал. Он был страстным охотником — все свободное время проводил в лесу на охоте... В Канаде есть еще и леса, и охота, и медведи. И как-то на охоте он подстрелил медведицу. При ней оказался еще молочный медвежонок. Тур забрал его в лагерь. Выворнил из рожка. Медвежонок словно прикипел к нему. Радовался, когда Тур возвращался с учения. Даже спал с ним на одной кровати. А когда к Туру приехала его жена, медвежонок не мог потерпеть, чтобы кто-нибудь лежал рядом с его хозяином на кровати. Он считал это своей привилегией. Медвежонок немедля влезал сам на постель, расталкивал супругов и занимал место между ними. Из-за этого происходили мелкие семейные сцены.

— Но ведь я не могу выбросить медвежонок, я виноват перед ним... убил его мамашу! — оправдывался Тур.

— Чем бы окончились ссоры из-за медвежонок, неизвестно, но мы получили новые назначения и должны были покинуть Канаду... Тур Хейердал отправлялся к главным норвежским воинским силам, расквартированным в Шотландии. Там его сначала как человека, не имевшего воинской профессии (кому нужен в дни войны этнограф?), назначили официантом в офицерской столовой.

Иссена же перевели в Исландию врачом авиаэскадрильи, которая патрулировала морские караваны. Там, в Исландии, он встретил свою сестру Герд — знаменитую драматическую норвежскую актрису, жену поэта Нурдала Грига *. В годы войны она жила в Исландии.

Когда Нурдаль первый раз увидел Герд Эгед-Иссен, он не отводил глаз от простой серебряной цепочки на ее шее. Это была семейная реликвия, перешедшая к ней от деда Кристиана, — подарок Гарибальди.

— Дай мне ее, — сказал Нурдаль, снимая с шеи цепочку... Она должна быть у меня.

Герд удивилась.

— Я беру... свою цепочку... и тебя с нею...

И как могла Герд не подарить эту цепочку, дар Гарибальди, Нурдалю Григу, который собирался тогда в Интернациональную бригаду, сражавшуюся на испанской земле за свободу человечества.

Потом он был военным корреспондентом и часто навещался в Исландию, где жила его жена Герд и где она играла в спектаклях и давала концерты для норвежских воинских частей.

* Нурдаль Григ (1902—1943)—выдающийся норвежский писатель, антифашист-демократ.— *Прим. ред.*

Много норвежских беженцев и правительственных учреждений находилось в то время в Рейкьявике.

Двадцать второго июня (в Исландии в это время царят белые ночи и светит полуночное солнце) Ниссен зашел в английский офицерский клуб. Он беседовал с английскими офицерами, когда кто-то включил радиоприемник, настроенный на лондонскую волну, и оттуда зазвучала речь Черчилля о том, что полчища Гитлера обрушились на Советский Союз, о том, что Советская Россия отныне стала союзником Англии.

Когда радио замолкло, старший офицер поднялся с места и провозгласил тост за здоровье и успехи нашего нового союзника. И многие офицеры стали пожимать руку Ниссену, так как он был единственным коммунистом в офицерском клубе и не считал нужным скрывать это.

— Ты был прав, врач! — сказал на улице Адаму военный моряк, в котором он узнал старого сослуживца, матроса, одного из самых заядлых спорщиков о политике в кубрике китобойного судна. — Мы-то хотели выбросить тебя в море, а прав оказался ты! — повторил он.

Зимой тридцать девятого года, введенные в заблуждение антисоветской пропагандой, на всех своих судах «сердобольные» норвежцы собирали пожертвования в пользу Финляндии, которая вела войну с Советским Союзом. Адам отказался, дать на это дело хотя бы одно эре.

И вот теперь, двадцать второго июня, перед ним стоял один из заводил в военной форме и, каюсь, говорил:

— Ты был прав, врач! Один против нас всех... Молодец!

МЫ СРОДНИЛИСЬ С МОРЕМ

Январь сорок второго года, несмотря на промозглую холодину, на бесконечные сумерки, которые в тех широтах называются днем, Адам встречал с самыми радужными чувствами.

Еще бы! Он назначался помощником профессора Крейберга, которому поручено организовать в Канаде санитарный батальон и полевой госпиталь войск вторжения! Значит, близко возвращение в Норвегию!

Это даже хорошо, что темная ночь всего на час-два сменяется дневными сумерками,— вражеским подводным лодкам труднее обнаружить корабль, идущий без огней... Теплоход (одиннадцать тысяч тонн водоизмещением!) взял курс на Гренландию, подальше от немецких субмарин, а затем, уже у берегов Америки, крутой поворот на юг.

Сначала шли с конвоем, потом суда конвоя повернули обратно.

— Через три дня мы будем в Нью-Йорке,— сказал капитан.

Но, по-видимому, верны морские приметы — нельзя никогда точно называть день и час, когда собираешься отдать якорь в порту назначения!

В тот же вечер судно было торпедировано немецкой подводной лодкой.

Ниссен сидел за чашкой кофе и беседовал с другом о том, что каждый из них собирается делать в Нью-Йорке. И вдруг удар. Треск. Все зашаталось. Погасло электричество... Корабль затрясся. Чашки и блюда разбиваются со звоном. Адам быстро находит свою каюту, надевает непромокаемое пальто, в одну руку берет

стоящий наготове чемодан, в другую — вышитую подушечку, подарок одной незнакомой ему девушке в Нью-Йорке от ее подруги из Исландии, подарок, который он обещал передать лично,— и бегом по трапу наверх.

На палубу уже высыпали все, кто не занят службой. Вид у всех подчеркнуто спокойный, какой бывает, когда нервы напряжены до предела. Команда накладывает заплаты на проделанное торпедой отверстие, «пассажиры» осматривают его и вслух гадают, ускользнули от преследования или нет...

Становится все темнее, но никто уже вниз не спускается, и поэтому, когда в половине третьего ночи одна за другой две торпеды сотрясают корабль, люди встречают этот страшный удар на палубе. Судно сильно накреняется. Ему нанесены смертельные раны.

Спасательные шлюпки спускаются на воду. Темно. Море штормит.

Сильная волна бьет шлюпку, в которую попал Адам, швыряет о борт тонущего корабля. Люди спускаются к шлюпкам по канатам. Трое падают в воду. Одного из них Адам успевает схватить за шиворот и помогает ему взобраться на борт. Волны подбрасывают шлюпку к небу и опускают вниз в пропасть, снежная пурга сечет глаза, и все же при вспышках орудийных выстрелов удается мельком разглядеть силуэт

всплывшей подводной лодки, которая, чтобы довершить сделанное ею, стреляет и по шлюпкам и по кораблю. И он во мраке ночи, озаряя языками пламени небо, вспыхивает огромным погребальным костром.

Потом костер угасает. Снова мрак поглощает и море, и небо, и шлюпку, плывущую в безбрежном океане. Сидящий рядом с Адамом на банке гребец, спокойный Кристиансен, наконец разозлился:

— Меня торпедируют уже третий раз... Это мне начинает надоедать,— громко говорит он.

Утром прекратился снегопад, тьму сменили сумерки, и стало видно, что вблизи друг от друга то взлетают на волне вверх, то соскальзывают вниз только четыре шлюпки... Две из них так разбиты о борт корабля, что приходится людей пересаживать на шлюпку Ниссена.

Это было нелегко. При переходе людей с тонущей шлюпки на шлюпку, которой командовал первый штурман, сломался руль. Не удалось даже перебросить с тонущих шлюпок бочонки с водой...

На плаву остались две лодки, но их скоро развело волной и ветром. Шлюпка, где находился Адам, переполнена — двадцать четыре человека, из них девять настолько слабы, что на их помощь нельзя рассчитывать. Народу набилось так много, что лежать было негде, и больные сидели, укрытые брезентом. Среди них капитан — он, как положено, последним покинул корабль, но промок до нитки, лицо обожжено.

— Воспаление легких. Высокая температура. Полубредовое состояние. Принимай на себя команду,— сказал Адам первому штурману Харальду Хансену.

Это был отличный моряк, прекрасный товарищ, но дисциплинированный до педантизма.

— Как же я могу командовать, если капитан жив и сам дает распоряжения. Потом неприятностей не оберешься!

— Я дам тебе письменную медицинскую справку, что ты принял команду лишь потому, что капитан болен.

— Давай! Только пиши разборчивей! — сказал Хансен и приступил к делу.

Он привел в порядок руль, из двух весел соорудил мачту. Разделил работоспособных на три вахты по пяти человек. Каждая вахта — три часа.

Свободные от вахты люди могут вместе с больными согреться и укрыться от шторма под брезентом у мачты.

Парус бьется, гребцы гребут, рулевой налегает на румпель.

Так проходит первый день. Питание, как в пансионе,— трехразовое: по сухарю и одной банке мясных консервов на восьмерых и полстакана воды на каждого в сутки.

Адам работал, как и все, и вдобавок еще лечил. Но машиниста вылечить уже никто бы не смог. Он то и дело выползал из-под брезента, был беспокоен, рвался выброситься в море. Помешать можно, только крепко обняв его, неусыпно держа в кольце плотно сомкнутых рук. Это также стало работой Адама. Больной был буквально на его руках трое суток, и эти трое суток Адам не спал. Но в конце концов врач задремал. А утром кто-то положил руку на его плечо, и он проснулся.

— Можешь отпустить машиниста,— сказал Хансен.

Машинист умер еще ночью, но Адам даже во сне не размыкал рук.

Дни были похожи один на другой и отличались от первых только тем, что рацион воды сократился до трети стакана... Людей, окруженных водами океана, мучает жажда...

Когда кажется, что море разбушевалось больше, чем это возможно, и шлюпку вот-вот перевернет волной, штурман, как положено, плюет в море, и это помогает — люди смеются.

Рулевой удерживает вырывающийся из рук румпель. Гребцы налегают на весла, и лодка продолжает продираться по водяным кручам к берегам Ньюфаундленда.

Адам в полудремоте сидит под брезентом. И вдруг что-то застучало, забарабанило, словно прорвался мешок с горохом и рассыпался по обледенелому брезенту.

Дождь! Идет дождь.

Люди ртом ловят тяжелые капли сладкой небесной воды.

И дальше путь по волнам.

Все делится по-братски. Сигарета переходит изо рта в рот — и никто не затягивается два раза. В карманах наскребли крошки табаку — на одну трубку хватит. Светясь угольком в ночи, эта трубка тоже кочует изо рта в рот.

И вдруг вечером все увидели поблизости горы!.. Это пятые сутки испытания.

Радостная ночь и мрачное утро. Выяснилось: горы эти не земля, а не то сносимый течением кочующий айсберг, не то облако.

Адам массирует себе деревенеющие, онемевшие от мороза и сидения ноги. Он делает массаж соседу. Обучает других этому же.

И вскоре каждый массирует ноги другому.

Снова налетает шторм. Шлюпку подымает высоко, как никогда. Выматывает до головокружения. Адаму кажется, что он высоко вознесся над другими, работающими где-то внизу. Кто-то произносит слова молитвы, а Адам начинает считать секунды между взлетами на гребень... Десять... двенадцать... четырнадцать...

Дальше считать некогда, вместе с товарищем надо выпивать воду — их двое сейчас черпальщиков, — пена

брызжет в шлюпку. Водяная гора катится на людей, шипя и пенясь. Кажется, сейчас перевернет. Рулевой грудью ложится на руль. Руки у него онемели, распухли. Волдыри, полопавшись, открывают живое мясо, разьедаемое соленой морской водой. Он повернул голову назад, оглядывает набирающие силу пенящиеся валы.

Но вот бешенство шторма уже позади, и размах между волнами всего пять секунд.

Корабельный плотник — это он был рулевым — садится на скамью, смотрит на свои руки — сплошную кровоточащую рану — и тихо говорит Адаму:

— Больше не могу!

Адам бросает черпак и бинтует рану.

У руля уже другой матрос.

За ночь шлюпка покрывается толстой ледяной коркой. Оледеневают и парус. Его приходится снять — что тоже не так уж легко — и смерзшийся уложить вдоль лодки во всю длину. Грести нельзя. Все забираются под парус и засыпают. Только вахтенный да рулевой бодрствуют.

Ночью (какая по счету!) Адам вдруг просыпается. Он чувствует себя безмерно уставшим, слабым, и ему почти что тепло... Он хочет уснуть снова и вдруг понимает, что замерзает. Усилием воли заставляет себя подняться, откидывает тяжелый ото льда парус, который закрывает его, словно крышка сундука. Рядом лежит моряк из Олесунна, Адам будит его, и они начинают бороться, чтобы как-нибудь согреться. И когда приходят в себя, им кажется, что притулившийся сбоку сосед артиллерист Деффи слишком уж неподвижен. Они пытаются растолкать его... Но поздно. Он уже «перешел границу».

— Смотри, — говорит ему Кристиансен, пытаюсь разбудить, — птицы пролетели. Это сухопутные птицы. Скоро земля, понимаешь!

И в самом деле, едва не задев мачту крылом, пронеслось несколько птиц.

Но ничто не может помочь артиллеристу. Деффи закончил свое последнее плавание. А птицы обманули.

— В то утро, — вспоминает Адам, — мы все были молчаливее и тише, и я впервые подумал о смерти. Я не чувствовал страха. Я теперь знал, что когда замерзнешь, — ^ это не больно. Но так нелепо, так горько умирать! Навсегда покинуть близких, расстаться с друзьями и больше не быть!..

И вдруг — самолет!

Люди совсем обезумели, стали махать летчику веслами, плащами, стаскивали с себя свитера, которые поярче, взмывали ими. Только бы летчик заметил!

Самолет спикировал на шлюпку, покачал крыльями и, перед тем как уйти, сбросил небольшой пакет, угодивший в море. Надо было успеть вытащить, пока он не ушел на дно. В пакете было два аварийных ланча: четыре бутерброда, два яблока, два апельсина и два термоса с какао и кофе.

— И мне пришлось делить это добро на двадцать две порции! Все, не сводя глаз, следили за моими руками. Право, никогда в жизни у меня не было такого острого чувства ответственности...

Делили даже апельсиновую корку...

— Это самый счастливый день в моей жизни, доктор, — сказал мальчик, сидевший рядом со мной на банке. А он уже два дня не вымолвил ни слова. Я думал, что он лишился навсегда дара речи.

— Да, мы спасены, — ответил я, стараясь сохранить спокойствие, хотя очень хотелось плакать. И было страшно, что самолет нас потеряет.

Часа через два подошел канадский эсминец.

— Теплые каюты. Масса всего вкусного — горячий кофе, бульон, сигареты. У нас кружится голова...

Это случилось на десятый день бедствия. Через сутки эсминец пришел в Галифакс. Всех положили в больницу, кроме одного...

— Как удивительно уверенно чувствуешь себя, когда снова ступаешь по земле...

Адам не сказал мне, что он в тот же день пошел на танцы. Я узнал об этом из книги его сестры Герд. Знаменитая актриса получила от главнокомандующего норвежской армией, кронпринца Улафа, телеграмму о том, что брат ее в безопасности и что его смелости и самообладанию обязаны спасением двадцать человек.

— Ну это он, как полагается всякому штабному, преувеличил, — покраснев, пытается отшутиться Адам.

...Мечта его наконец осуществилась.

Он был в числе первых норвежцев, вернувшихся на родную землю в дни, когда еще бушевала война, среди тех военных, которые высадились на севере, в Финмаркене и Киркепесе, освобожденных от врагов советской армией. Вместе с Адамом сошли на берег Тур Хейердал и другие его товарищи... Не было рядом с ним только того, кто перед войной отбывал воинскую службу в батальоне Альта в Финмаркене, того, кто должен был бы первым вступить на освобожденную землю, его друга и шурина — поэта Нурдаля Грига.

Не одну только радостную телеграмму о подвиге брата довелось получить Герд Эгде-Ниссен в Исландии. Пришла к ней и горькая весть о гибели мужа — Нурдаля Грига, на подбитом над Берлином канадском самолете. Тело его распознали

лишь по простой серебряной цепочке на шее, цепочке, подаренной деду Адама и Герд самим Джузеппе Гарибальди.

После войны Адаму Ниссену засчитали стаж армейского врача, разрешили заниматься практикой, но от злополучных экзаменов, к которым он начал готовиться еще перед войной, все же не освободили. Он должен был сдать их через два года. Тогда Адам с молодой женой, медицинской сестрой норвежкой, которую он встретил в Америке, поселился в маленьком провинциальном городке, где ничто не могло отвлечь его от учебы. Там он лечил и зубрил. Зубрил и лечил. И лишь сдав экзамены, переехал в столицу, открыв свой врачебный кабинет, или, как здесь называют, контору, в рабочем районе Осло.

На прием к Эгде-Ниссену попасть не так-то легко, но, когда я прихворнул в Осло, мне также довелось стать его пациентом.

И вот сейчас мы вместе с ним входили в музей «Фрама».

НА ПОСЛЕДНЕМ ПРИКОЛЕ

Когда на другой день после спуска корабля дома у Нансена собрались друзья, то условились не произносить торжественных спичей. Нансен не переносил краснобайства. И стоило кому-нибудь, забыв об этом, начать за столом «откальывать» длинную высокопарную речь, двое друзей — он их об этом попросил раньше — отодвигали свои стулья, бежали на кухню и принимались насосом качать воду...

Если вчера еще многие гадали, как будет назван этот корабль: именем ли жены — «Ева» или именем дочери — «Лив», именем родины — «Норвегия» или названием места, к которому он устремится, — «Северный полюс», то теперь уже оставалось только вспоминать, как, взойдя вместе с Нансеном на мостки, Ева сильным ударом разбила о форштевень корабля бутылку шампанского и громко сказала: «Фрам» — имя ему».

«Фрам» — по-русски «Вперед!»

На бетонном полу лежат сейчас якоря «Фрама». Просмолненная обшивка его сильно выгнутого корпуса, укрепленного на бетонных опорах, закрывает от нас, идущих вдоль днища, высокие мачты. И только поднявшись по железной лесенке на уровень палубы, мы видим, что на его фок-мачте в тридцати двух метрах над уровнем моря (высота десятиэтажного дома) прилажена дозорная бочка, а клотик подступает чуть ли не вплотную к островерхой крыше музея.

В специально сделанный прорез корпуса судна видна почти что метровая толщина бортов — двойная обшивка, между

которой залит толстый слой вара, паутина балок, толщенных внутренних подпорок, распорок из дуба, пролежавшего на складах верфи тридцать лет.

Впрочем, стоит ли здесь вновь рассказывать о том, что точно и подробно описано самим Нансеном. Это деревянное судно вынесло и трехлетний дрейф, и сжатие льдов и вернулось невредимым из своего легендарного плавания, как бы подтверждая правоту старой поговорки русских поморов, что па деревянных судах плавают железные люди.

Уже после того, как был совершен легендарный дрейф, на заседании Русского географического общества в Петербурге, отвечая на вопросы русских ученых, Нансен сказал:

«Если меня спросят, почему я не выстроил «Фрам» из стали, отвечу: не потому, что я сомневался в возможности сделать его достаточно крепким при постройке из стали, но

потому, как справедливо замечает адмирал Макаров, что люди всегда склонны доверять больше тому, что они знают».

А норвежцы знают деревянные суда и умеют на них ходить. И рыбаки на «улитках», и викинги на «драконах» избегали царство льда и снега — Нифлехейма, возникшего на севере еще до сотворения Земли... Оттуда шли снег, бури, морозы и другие невзгоды. В отличие от «геенны огненной» ада христиан скандинавы отправляли своих грешников в это царство холода и мрака.

Кто же по своей воле будет туда стремиться?

Но путь «Фрама» по воле Нансена лежал к Нифлехейму.

Его экспедиция была не только делом географа-исследователя, но и борьбой за национальное самоутверждение. Пора, наконец, считать народ не по числу голов, а по числу настоящих сердец. Норвегия достойна независимости! У нее не только саги о древних героях, но и сегодня ее сыны могут во имя человечества совершить не меньшее. Ее Орфей — Эдвард Григ, покорил Европу, стихи Бьёрнсона звучат на всех языках мира. Драмы Ибсена, признанного лучшего драматурга современности, потрясают всех мыслящих людей на свете. И вот теперь на весь мир зазвучит новое имя ученого, известного уже своим переходом на лыжах через Гренландию, что до него считалось делом невозможным.

Вот почему стортинг на осуществление этого предприятия выделил ему немалые суммы, вот почему на всех берегах Норвегии народ, провожая «Фрам», выходил к нему на встречу на яхтах, на шлюпках, приветствуя и ожидая подвига.

И Нансен не мог не совершить его.

С каким-то трепетом душевным хожу я по палубе, спускаюсь в трюмы «Фрама», вхожу в машинное отделение этого корабля, имя которого теперь принадлежит истории, как имя каравеллы «Санта Мария», на которой Колумб открыл Новый Свет, или «Авроры», залп которой возвестил рождение нового мира.

Фрам совершил больше, чем то, к чему его готовили. После первого дрейфа и принесенных им открытий он ушел в четырехлетний рейс-экспедицию под руководством Отто Свердрупа* вдоль ледовитых берегов Америки. А затем трехлетнее плавание на юг, увенчавшееся сенсационным успехом — «прыжком» Руала Амундсена к Южному полюсу.

На обратном пути из экспедиции к Южному полюсу «Фрам» был первым кораблем, прошедшим из Атлантики в Тихий океан через Панамский канал.

* Отто Свердруп (1854—1930) — известный норвежский полярный мореплаватель и исследователь, спутник Ф. Нансена во многих экспедициях.— Прим. ред.

Одного на нем нет: рации. Такой привычной сейчас на каждом корабле, связывающей со всем миром любую экспедицию, даже ту, которая на плоту из бальзовых бревен пересекла Тихий океан. И сам не ведаешь, что в мире происходит, и о себе вести не подашь, помощи не попросишь...

На столике каюты Нансена фотография той, «которая дала имя кораблю и имела мужество ожидать».

Веши, медицинские инструменты, навигационные приборы, снаряжение путешественников — их одежда... и среди них то «орудие», которое теперь известно всем нашим домашним хозяйкам, но которое так детально описывал Нансен как вещь, необходимую в любом путешествии на собаках, во льдах, — обыкновеннейший примус... Ныне предмет кухонного обихода, уже отходящий в прошлое, тогда был новейшим изобретением скандинавов.

В каждой из шести кают на стене табличка с фамилиями тех, кто жил в них во время исторических рейсов «Фрама». Каюта Нансена, каюта Амундсена, каюта Свердрупа. Все норвежцы, и среди них один русский — Александр Кучин.

Его подозревали в провозе в Россию революционной нелегальной литературы. Возможно, чтобы спастись от ареста, он уехал в Норвегию и некоторое время занимался океанографией в Бергене у друга Нансена, тоже профессора океанографии, Хелланда-Хансена. Нансену так понравился этот энергичный способный студент, что он, помогая Амундсену готовить последнюю экспедицию на «Фраме», посоветовал включить в команду и Кучина, хотя стортинг, субсидировавший эту экспедицию, и объявил ее делом чисто норвежским.

Через два года после экспедиции «Фрама», вернувшись на родину, Кучин стал капитаном «Геркулеса», который погиб со всей командой у берегов Таймырского полуострова во время экспедиции Русанова при попытке пройти от Шпицбергена до Владивостока Северо-восточным морским путем...

Только через восемь лет на специально выстроенном для этого корабле Амундсену удалось пройти тем путем, который оказался гибельным для его младшего товарища Александра Кучина. Этим же путем Амундсен хотел вернуться с Аляски на родину. И в том и в другом рейсе в экипаже «Мод» радиостом (уже была рация!) и матросом был взятый Амундсенем в пути у Югорского Шара русский — Геннадий Олонкин. На обратном пути с Аляски их было всего четверо — Амундсен, Харальд Свердруп *, Вистинг и Олонкин.

История полярных исследований не знает такого примера, когда ответственной и опасной экспедиция предпринималась бы при столь ничтожном числе участников.

* Харальд Ульрик Свердруп (1888—1957) — норвежский полярный исследователь, метеоролог и океанограф.— *Прим. ред.*

Геннадий Олонкин остался в Норвегии. Еще перед поездкой в Осло я отыскал его адрес. Он теперь работал в метеорологическом институте в Тромсё. Я собирался там с ним встретиться. Но, прибыв в Тромсё, я узнал от его жены, что мой тезка болен и находится в одной из больниц в столице, где позже я его и разыскал.

Но в тот день на полуострове Бюгдой в доме «Фрама» мне об Олонкине напомнила только фамилия Кучина и Вистинга. Того самого, который вместе с Амундсенем ходил на корабле «Мод» от Аляски в Норвегию.

Вистинг был и на «Фраме», уходящем в Антарктику, в той первой пятерке людей, достигших Южного полюса. Он был первым штурманом на корабле «Мод» во всех его плаваниях и принял участие в первом перелете дирижабля «Норге» над Северным полюсом. Поэтому, когда в 1935 году уже не оставалось в живых ни одного из руководителей экспедиций на «Фраме» — ни Фритьофа Нансена, ни Отто Свердрупа, ни Руала Амундсена — и стортинг решил сохранить «Фрам» как национальную реликвию, было вполне естественно, что Оскар Вистинг должен стать директором-хранителем нового музея.

Местом последнего прикола «Фрама» был избран Бюгдой. Соорудили бетонное подножие. Подвели к берегу прославленный корабль и медленно, с предосторожностями кранами и на таях стали вытягивать «Фрам» на сушу, чтобы затем, когда он уже будет укреплен на своих железобетонных опорах, возвести вокруг него огромный бетонный шатер.

На палубе, распорядясь работами, направляя их, стоял шестидесятипятилетний штурман «Фрама» Оскар Вистинг, и когда корабль, навсегда простившись с соленой волной, был установлен на железобетонных опорах — больше плаваний не предстояло! — сердце полярного волка не выдержало... Оскар Вистинг умер от разрыва сердца на посту, на палубе любимого корабля.

Дата эта — 3 декабря 1936 года — отмечена на бронзовом мемориальном барельефе, на внутренней стене бетонного шатра.

Одна из католических монахинь фотографирует эту памятную доску.

Здесь, и особенно в машинном отделении «Фрама», их темные рясы и белые крылатые чепцы уже не так «созвучны», как около «драконов» викингов, но монашенки, не смущаясь, останавливаются рядом с нами около фотографии Фина, прекрасной сторожевой собаки на «Фраме», отличившейся во время второй его экспедиции под командованием Отто Свердрупа.

СКОТТ И АМУНДСЕН

Нансен был убежден, что возьми он с собой больше собак, то наверняка бы дошел до Северного полюса. Это убеждение передалось и его другу, поэту Бьёрнсену. Выступая на самом большом митинге в истории страны, на площади у крепости Акерсхюс, перед народом, собравшимся встретить Нансена и его команду, он обронил шутку:

— Нансен указал путь к Северному полюсу, и теперь достижение его — лишь собачий вопрос...

Однако поэт на этом же митинге, обращаясь к членам экспедиции, воскликнул: «Примите наше спасибо за то, что вы в меру сил потрудились во славу и честь Норвегии, за то, что умножили богатство страны, умножив в народе любовь к ней и веру народа в собственные силы, за все то, что вы сделали для науки, и за то, что превратили нас на время как бы в одну семью, счастливую общим счастьем!»

Забывая обо всем этом, некоторые, отменяя в сторону все высокие свойства человеческого характера тех, кто вышел победителем в ледяных пустынях мрачного царства Нифлехейм, хотели всю честь приписать собакам!

Экспедиция Амундсена, опередив английскую экспедицию Скотта*, подняла свой флаг на Южном полюсе. Скотт со своими спутниками погиб на обратном пути с полюса. Амундсен с друзьями вернулся жив, невредим и здоров.

И вот на обеде в Лондоне, данном в Королевском географическом обществе в честь Руала Амундсена, раздраженный неудачей английской экспедиции, будучи не в состоянии отрицать личные заслуги норвежца, председательствующий сделал все, чтобы умалить его подвиг, и в своей речи, отметив роль собак в благополучном исходе экспедиции Амундсена, нагрубил, закончив свой спич словами:

— Позволю себе поэтому предложить прокричать троекратное ура в честь собак!

Сей оратор позволял себе хамские выходки и по отношению к нам, к Советской стране. Помню многолюдные демонстрации на улицах Петрограда с протестом против его ультиматума, помню, как мы сжигали соломенную куклу, изображавшую лорда Керзона...

Все это мне снова пришло на память, когда поезд, шедший из Осло в Берген, остановился на станции Финсе, расположенной в горах выше всех железнодорожных станций Старого Света. Почти вплотную подойдя к ней, обрывались льды знаменитого Хардангерского глетчера. Рядом со станционной

* Роберт Скотт (1868—1912) — английский полярный исследователь, возглавлял две экспедиции в Антарктику.—Ярил. ред.

платформой высилась среди камней скульптура человека сурового вида. Прочитав надпись на постаменте о том, что передо мной памятник Роберту Фалькону Скотту, я, признаюсь, был сначала немного удивлен.

Оказывается, здесь, в Финсе, со своими верными спутниками, перед тем как отправиться в роковой для них поход к Южному полюсу, жил и тренировался этот даже в неудачах замечательный своей волей и выдержкой исследователь Антарктики.

«Нет, не лорд Керзон, а норвежцы поставили памятник побежденному ими сопернику. Как это хорошо!» — радовался я их душевному благородству. А поезд в это время через бесчисленные туннели и горные мосты уносил меня к Бергену, к морю.

Недели через две намного севернее полярного круга, в Тромсё, неподалеку от того места, откуда знаменитый норвежец стартовал в свой последний, без возврата, полет, я увидел и памятник победителю. Широко, как матросы при качке, расставив ноги в унтах, в длинной малице с меховым воротником, с непокрытой головой, в свете ночного незаходящего солнца стоял бронзовый Амундсен — капитан ледовых морей, устремив свой орлий взор в даль, в сторону океана.

И в том, что памятник англичанину Скотту воздвигнут в Норвегии, и в том, что памятник Амундсену — национальному герою — поставлен не в столице, а в Тромсё, и не в память об апогее его жизни — открытии Южного полюса, а о том часе, когда этот немолодой уже, прославленный человек, стремясь спасти терпящую бедствие во льдах итальянскую экспедицию, рванулся в заведомо неподготовленный полет и погиб, «душу отдав за други своя», — мне думается, отразились те стороны «норвежского характера», которые делают Норвегию такой близкой нашему сердцу.

Эти же черты можно увидеть в прощании Нансена с другом своим, капитаном «Фрама» — Отто Свердрупом, в непроглядной полярной ночи, невдалеке от вмерзшего во льды «Фрама».

Нансен уходил с Иохансеном пешком к Северному полюсу. Когда он выйдет, где и вообще выйдет ли когда-нибудь — было, как говорится, одному богу известно. Свердруп оставался капитаном на дрейфующем «Фраме». Когда окончится дрейф и выйдет ли когда-нибудь «Фрам» на чистую воду, вернется ли домой из этой самоубийственной, как уверяли многие ученые, экспедиции — тоже никому не было ведомо.

Свердруп проводил своего друга несколько километров по торосам, и когда ему уже надо было возвращаться на «Фрам», в Нансену дальше идти на север, Свердруп сел на край нарта

и спросил, не думает ли Нансен после возвращения домой отправиться к Южному полюсу?

— Я надеюсь, что ты дождешься сначала моего возвращения! — тихо сказал Свердруп.

На Южный полюс Нансен не взял друга только потому, что великодушно уступил свой «Фрам» для этой экспедиции Амундсену.

В этой застенчивой просьбе быть вместе в невероятных трудах и лишениях, осуществляя новую мечту, в этом вечном стремлении вперед — фрам — мне кажется, сказались лучшие черты норвежского национального характера.

Весь состав экипажа «Фрама» свидетельствовал о том, что выдержка и самоотверженность полярных исследователей — свойство народное. Пусть первые десять человек Нансен отобрал из сотен желающих, но ведь, когда экипаж уже был укомплектован и оставалась свободной одна только вакансия кочегара, пришел двадцатилетний студент Фредерик Иохансен, лейтенант, ушедший из армии, чтобы учиться в университете, чемпион Европы по гимнастике. Ну что ж, что других вакансий нет, он согласен работать кочегаром. Этот лейтенант, студент, гимнаст, кочегар, и стал тем вторым человеком, с которым Нансен отправился на санях от вмерзшего во льды «Фрама» пешком к Северному полюсу.

А по пути в Тромсё «случайно» в половине девятого утра на «Фрам» поднялся говорливый весельчак Берндт Бентсев «переговорить» с Нансеном, а через полтора часа его, удивленного разговором, штурмана, вступившего в экипаж в ранге простого матроса, «Фрам» уносил в открытое море, в многолетнее полярное путешествие.

Столько было норвежцев, желающих разделить труды и участь Нансена, и столько среди них достойных!

— И среди тех, кто был в этих экспедициях, только двое не норвежцы — Александр Кучин и Геннадий Олонкин, — говорит Адам.

— Ну что ж, я рад, что и при всем различии нашей истории есть сходство в характере норвежцев и русских, что не только страны наши, но и сердца рядом! — отвечаю я.

Мы разглядываем текст первой телеграммы, которую послал из Вардё Нансен, сообщая о том, что он вернулся после трехлетних скитаний в неизвестности и «ожидает скорого возвращения «Фрама».

Нансен вспоминал о том, как, высадившись на пристани, никем не признанный, он пришел на телеграф, положил на конторку солидную пачку (несколько десятков) телеграмм и сказал, что некоторые телеграммы ему бы хотелось отправить возможно скорее. Почтмейстер пытливо поглядел сначала на него, потом на пачку, спокойно взял ее, но как только

взгляд упал на подпись под телеграммой, лежавшей сверху, выражение его лица изменилось. Он сердечно приветствовал Нансена и поздравил его со счастливым возвращением домой.

Разглядывая эту первую телеграмму, я вдруг вспоминаю о том, что основатель компартии Адам Ялмар Эгед-Ниссен как раз в эти годы был почтмейстером в Вардё.

— Так это твой отец первый в Норвегии поздравил Нансена с победой?

Но Адам смотрит на часы и говорит, что мы слишком долго ходим по «Фраму» и нас уже давно ждет Анна-Лиса Урбие.

Отец ее был губернатором Финмаркена, как раз тогда, когда там подвизался Адам Ялмар Ниссен, который был не только почтмейстером. Он организовал в местной маленькой типографии по просьбе русских товарищей печатание большевистских листовок и нелегальных брошюр, которые затем переправлялись на рыбацких суденышках в Россию.

Царское правительство заявило протест против существования подобной типографии.

И, воспользовавшись тем, что Ниссен уехал на сессию стортинга, губернатор Урбие закрыл и опечатал типографию. Тогда жена Ниссена, мать Адама, посадила своих малюток в детскую колясочку и во главе большой группы рабочих, рыбаков отправилась к типографии, требуя от губернатора снять печати.

Урбие пришлось уступить.

— Это была, наверное, первая революционная демонстрация, в которой ты принимал участие?

— Нет, меня там не могло быть, — серьезно отвечает Адам. — Герд была в этой колясочке, а я родился позже, когда отца повысили в должности — назначили почтмейстером в Ставангер. Там меня мать действительно возила на какие-то демонстрации.

Пути губернатора Урбие и почтмейстера Ниссена еще раз перекрестились в Москве, куда Урбие прибыл первым полномочным послом Норвегии в Советском Союзе, а Ниссен делегатом на конгресс Коминтерна.

И вот теперь дочь губернатора и посла Урбие, Анна-Лиса, коммунистка, узница гитлеровских концлагерей, написавшая проникновенную книгу воспоминаний о женском лагере в Равенсбрюке, назначила нам встречу в старинном кабачке-ресторане художников и артистов «Блом». Он известен и тем, что вот уже скоро сто лет, как там ежегодно присуждается наиболее частому завсегдатаю «Большой Рыцарский Крест Ордена Красного Носа». Нарисованные лучшими художниками шуточные гербы этих «рыцарей», среди которых я видел имена Бьёрн-

стьерне Бьёрнсона, Генрика Ибсена, Эдварда Грига и других, украшают стены «Блома».

Монахини направились в дом «Кон-Тики», а мы пошли разыскивать машину Адама среди большого, все прибывающего стада автомобилей, сверкающих на солнце лаком всех расцветок.

— Ничего, не унывай, с «Кон-Тики» ты еще успеешь познакомиться.

Но, прощаясь с «Фрамом», я и не унывал, потому что мы условились встретиться с участником похода и хранителем музея «Кон-Тики» Кнудом Хаугландом.

В КАБИНЕТЕ ХАУГЛАНДА

Жил человек по имени Кнут. Он родился в местечке Рьукан в тысяча девятьсот семнадцатом году, когда Рьуканский водопад, низвергающийся с высоты двухсот сорока пяти метров, еще не был запрятан в трубы и по праву назывался дымящимся. Кнут был сын... — так начинались древние саги, но нам сейчас неважно, чей он был сын, отложим в сторону начало старинных саг. Человек этот жив. И мы сидим за столом у него в кабинете. А за стеной кабинета огромные бальзовые бревна плота, увенчанные парусом, на котором штурман художник Эрик Хессельберг изобразил бородатое лицо древнего бога перуанцев, чучела морских чудищ, рыб и прочие экзотические экспонаты музея «Кон-Тики», директор которого мой собеседник Кнут Хаугланд.

— Тур Хейердал написал хорошую книгу,— говорит Кнут,— и сделал нас всех героями. Я никогда не был жуиром, но теперь из-за него получаю любовные письма от девиц в возрасте до двадцати лет со всего мира. Из Америки... и даже из России. Впрочем, из России не любовные. Вот,— Хаугланд открывает ящик стола и роется в нем, отыскивая письмо,— от паренька с Камчатки. Он колхозник, не специалист в этнографии, но пишет: «Я полностью согласен с Хейердалом и прошу взять меня с собой в следующую экспедицию». Наверное, точно так же норвежские мальчишки просят включить их в ваши космические полеты.

Моего собеседника, которому немногим за сорок, голубоглазого, со светлыми с рыжинкой волосами, невысокого, сухопарого, никак не назовешь киногероем, но я уже видел три кинофильма, посвященные его невероятным приключениям — «Битва за тяжелую воду», «Кон-Тики». А кадры последней картины — «В кольце», — еще не совсем законченной, мне на днях показывал бывший чемпион по метанию копья, талантливый норвежский писатель и кинорежиссер — Арне Скоуэн. известный и советскому зрителю по фильму «Девять жизней»

— Знаете, три фирмы мне предлагали поставить картину об этом эпизоде моей жизни, но я решительно отказывался. Хотел начисто забыть про войну, про стрельбу, про кровь. Я не желаю быть персонажем американизированных боевиков. Но под конец Скоуэн как бы подслушал некоторые мои мысли. И я подумал: «Молодежь должна знать, что мы прошли, что передумали, что пережили, чтобы никогда не повторилось безумие войны... Если бы вы знали так, как узнал я, сколько любви, заботы, переживаний, сколько страданий вложено в то, чтобы появилось на свет крошечное розовое тельце новорожденного. Но вот маленькая свинцовая капля — и все это прах».

Однажды я вылез из вентиляционной трубы, чтобы проинструктировать двух товарищей, как обращаться с рацией,— вам ведь известно, что я со своей радиостанцией скрывался в центральном родильном доме Осло! У двери я чуть не столкнулся с человеком, который, увидев меня, отпрянул и быстро пошел прочь. Уходя, он то и дело оглядывался. Это меня насторожило. Вечером я вернулся поздно. И опять чуть не столкнулся с тем же человеком, который словно дежурил у двери. Все стало ясно — меня выследили. Я зашел к главному врачу, который приютил меня, и сказал:

— Нужно бежать отсюда. Шпик дежурит у дверей.

Доктор подвел меня к окну и в щелочку показал: «Этот?»

По тротуару взад и вперед ходил тот человек, с которым я дважды чуть не столкнулся.

— Он.

Тогда врач засмеялся, хлопнул меня по плечу и сказал.

— погоди, придет время — и ты будешь также ходить под окнами этого дома! Это отец ребенка, который с часу на час должен родиться!..

В то время я даже не был женат... А вот сегодня я так же бродил под окнами этого дома... У меня родилась дочка — доктор мне позвонил час назад. Это тот же самый врач. Я тогда сказал ему, что если будет даровано мне судьбой дожить до часа, когда родится мой ребенок, то я смогу доверить лишь ему... Так и получилось. Он принимал и мою первую дочь. Удивительная вещь — жизнь! Я надеюсь, вы простите меня за то, что наша беседа будет короче, чем мы предполагали. Ровно в четыре я должен быть в родильном доме.

Простить его?! Да ведь просиди мы с ним целые сутки, и то вряд ли бы он смог «подбросить деталь», которая бы лучше и органичнее завершала рассказ, чем это неожиданное известие о том, что его дети впервые открыли глаза в том самом месте, где он выполнял смертельно опасное задание в годы войны. И воспитателем новорожденных был тот самый врач, который, рискуя жизнью, прятал от нацистов их отца!..

Когда десятого июня 1940 года норвежская армия (положение было безнадежно) по приказу правительства прекратила сопротивление на территории Норвегии, Кнут Хаугланд, двадцатидвухлетний паренек, сержант-радист, находился на севере Норвегии, вблизи Тромсё. Вместе со своей частью он успел эвакуироваться в Англию, где и поступил в специальную школу.

Там Кнут проходил все премудрости работы в подполье для того, чтобы включиться в борьбу — движение Сопротивления в оккупированной немцами Норвегии.

И вот наступил час, когда надо было применить полученные знания. Их, четырех норвежцев, должны были выбросить на высокое плоскогорье Хардангервидда с заданием подготовить нападение на завод тяжелой воды близ Рыокана, а затем, по прибытии подкрепления, принять участие в уничтожении завода.

Европа была захвачена нацистами. Казалось, немцы вот-вот прорвутся к Волге. Войска союзников отступали в Ливийской пустыне...

Кнут Хаугланд сидел, скорчившись в три погребели, со своей рацией в бомбовом люке. Выбросили их глухой ночью поздней осени.

Ветер порывами рвал парашюты, дождем, перемешанным со снегом, сек глаза.

Самолет был маленький, и, кроме летчиков, места хватало только для четверых с рацией, запасными батареями для нее и продуктами на несколько дней.

Боеприпасы и продовольствие должен был сбросить другой самолет, но его сбили в пути.

По рации сообщили, что мешки с продовольствием и боеприпасами сбросят следующей ночью. Но в следующую ночь погода была еще хуже, чем накануне, когда приземлялась группа Хаугланда. А за ней ночь — штормовая. В третью же непогода разыгралась еще пуще. Поздняя осень клубила над океаном туманы, ставила на пути самолета бесконечные дождевые завесы. К тому же немцы забеспокоились: то ли они что-то узнали, то ли их станции засекли рацию Хаугланда. И тогда через несколько дней группа, так и не дождавшаяся продовольствия, получила приказ: немедленно уходить в горы.

- Но в Англии легче было издать приказ, чем нам здесь его выполнить, — говорит Хаугланд.

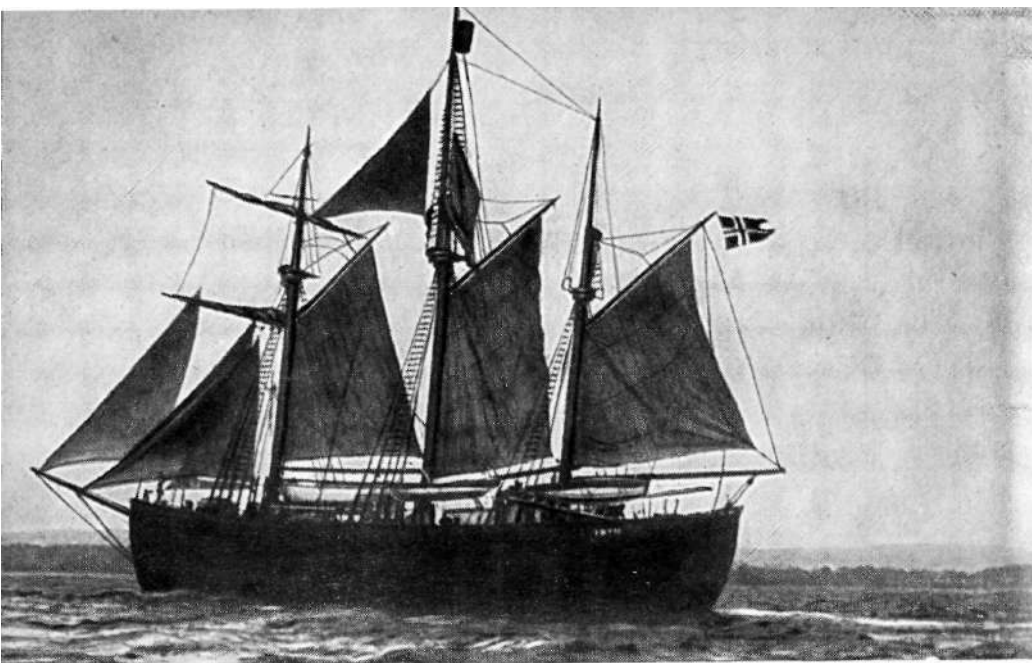
И тем не менее выполнили. На лыжах они прошли большую часть пути — до одной из заброшенных пастушьих хижин в горах, вблизи границы вечного льда. И там занялись тем, что им было поручено — подготавливали нападение на химический завод «Норск Гидро», находившийся в глубине долины, километров за сорок от их хижины.

Судно викингов,
найденное при раскопках
в кургане Осеберг
на берегу Осло-фьорда

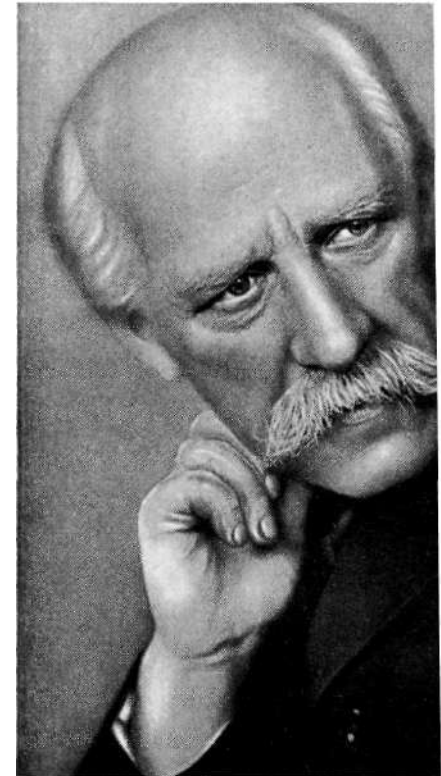
Старинные крестьянские хозяйственные постройки,
перенесенные из провинции Телемарк в музей на полуострове Бюгдой

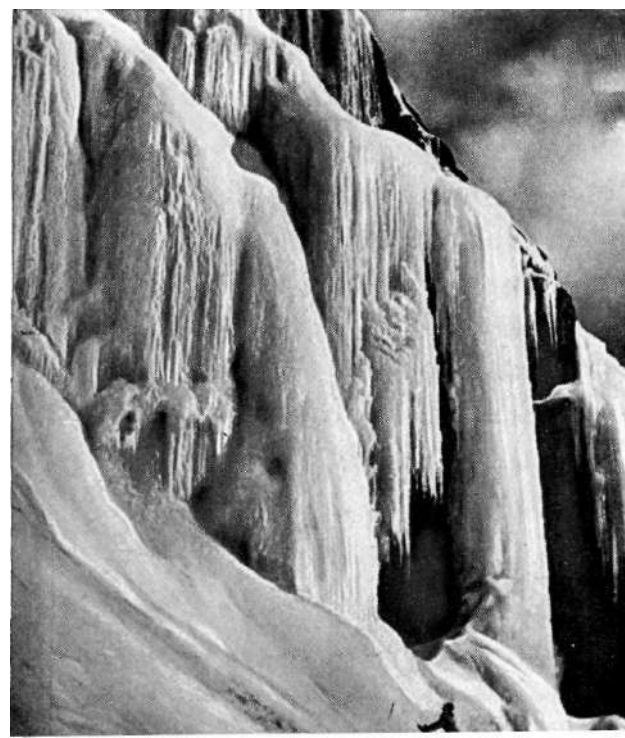
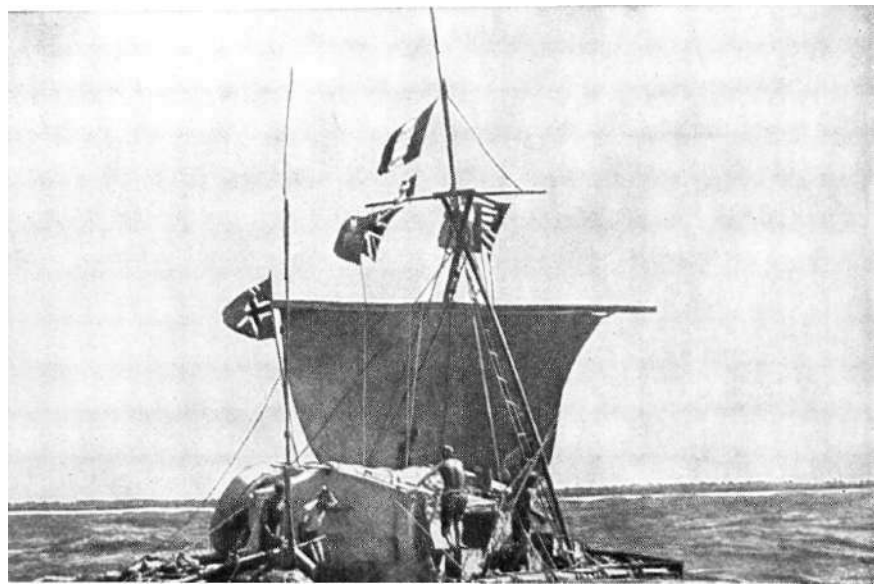

Знаменитый «Фрам» — корабль Нансена и Амундсена, ныне находящийся в музее на полуострове Бюгдой

Фритъоф Нансен
(1861 — 1930)

«Кон-Тики» — бальзовый плот, на котором Тур Хеердал с товарищами пересек Тихий океан. Находится в музее на полуострове Бюгдой

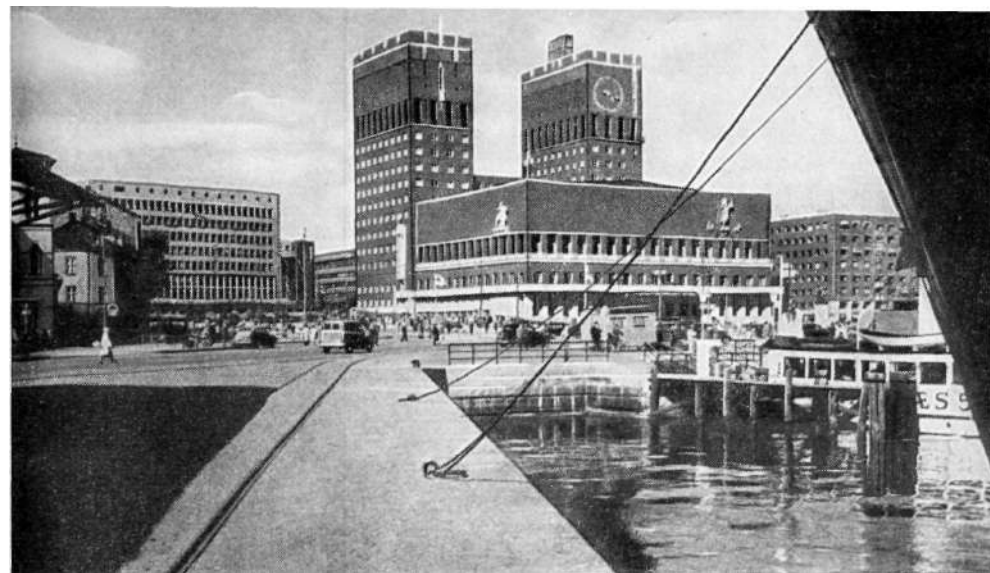

Зима в горах
Рондаллен

Канатная дорога через долину в Рьюкане. Здесь находится крупнейшая гидроэлектростанция в стране. Центр электрохимической промышленности Норвегии

В глубине Хардангер-фьорда

Осло. Вид на новую ратушу с причалов порта

Олесунн — город, построенный на трех островах, «сельдяная столица» Норвегии

Мыс Нордкап — самая северная точка Европы

Дорога Троллей в Ромсдальских горах, известнейшая в Западной Норвегии

Богатство Норвегии — бесчисленные водопады

Долина реки Винье в Западном Телемарке

Последняя бухта Гейрангер-фьорда

Самая старая в мире деревянная церковь
в Лердале (район Согн)

Продукты они так и не получили, а те, что в рюкзаках, пришли к концу. Населению продовольствие выдавалось по карточкам, да и к тому же, живя в отдалении, общаться с людьми было сложно и опасно, а те, с кем они были связаны, сами жили впроголодь. Охота исключена. В инструкции, которую они обязаны выполнять, говорилось: оружие иметь наготове, но не заряжать до необходимости, чтобы случайным выстрелом не поднять тревоги.

И так они жили в хижине: впроголодь, делая свое дело — готовя нападение, связываясь с верными людьми, посылая в точно назначенный час шифровки по радию — это было делом Кнута. О еде у них было запрещено говорить, но, когда они засыпали, их радовали сны, в которых они поглощали самые вкусные в мире яства. И так было до тех пор, пока случай — великое дело случай! — не послал отбившегося от стада и исхудавшего оленя!

— Это был не олень, а настоящая спасательная экспедиция, без него мы погибли бы... Это ясно... Мы съели его без остатка, — говорит Кнут. — Мы выпили его кровь... Сварили все. Можете понять, как мы голодали перед этим! Съели глаза, рога, кожу и все, что находилось... в желудке. Еще бы, это была зелень! Витамин С! А у нас уже начиналось нечто вроде цинги...

Так, спасенные оленем, они с еще большей энергией занялись своим делом до тех пор, пока в феврале не получили «с неба» пищу и боеприпасы, доставленные самолетом вместе со второй группой в шесть норвежцев-парашютистов.

Надо было приступить к прямому действию.

БИТВА ЗА ТЯЖЕЛУЮ ВОДУ

Тяжелая вода необходима для атомного котла. И ни Кнут Хаугланд, ни его друзья, сброшенные промозглой осенней ночью с парашютами на Хардангервидда, ничего не знали ни о свойствах этой тяжелой воды, ни о том, что такое атомное оружие. Это было сверхтайной сверхсекретных лабораторий. Но именно группе Хаугланда предстояло помешать нацистам создать атомную бомбу.

Не знали они и того, что девятого марта сорокового года, перед самым вторжением германской армии в Норвегию, на аэродроме Форнебю, близ Осло, стояли рядом два самолета, готовые к взлету. Один должен был лететь на Амстердам, другой — в Шотландию. Перед самым стартом подъехало такси, и пассажир погрузил в самолет, идущий на Амстердам, два тяжелых чемодана. За минуту до отлета он же незаметно для наблюдателей перенес оба чемодана в соседний самолет.

Пассажир этот был капитаном французской разведки.

В чемоданах находились баллоны со 165 килограммами тяжелой воды, тайком привезенные из Рьюкана.

За французом следили немецкие разведчики, но в последние мгновения ему удалось их провести.

Обе машины одновременно поднялись в воздух. Вызванные по радиации немецкими разведчиками гитлеровские самолеты заставили машину, взявшую курс на Амстердам, приземлиться в Гамбурге. И там они обнаружили, что машина пуста. Французский же разведчик в это время был уже в Шотландии. Бесценный груз двух чемоданов на следующий день доставили в Коллеж-де-Франс в Париже в распоряжение Фредерика Жолио-Кюри, который и настоял перед французским правительством на проведении этой операции.

В тот день, когда Петэн подписывал в Компьене капитуляцию Франции, тяжелая вода благодаря предусмотрительности Жолио-Кюри находилась уже на пути в Англию.

Почему же именно французской разведке удалось осуществить эту операцию? Не только потому, что на этом настаивал Жолио-Кюри, а потому, что французскому правительству были ведомы тайны производства «Норск Гидро», ведь контрольный пакет акций этого концерна находился в руках французского капитала, принявшего деятельное участие в очень прибыльной для него эксплуатации норвежской воды, норвежского воздуха, норвежского гения и норвежских рабочих рук.

Даже сейчас, когда концерн национализирован и считается государственным, тридцать девять процентов акций принадлежат французскому капиталу, тесно связанному с американскими монополиями.

Когда немцы оккупировали Норвегию, одним из первых экономических мероприятий было срочное расширение химической промышленности, необходимой для большой войны.

В 1942 году Рьюканский завод должен был произвести почти в десять раз больше воды, чем похитила французская разведка, — около 1560 литров. Установка, производящая тяжелую воду, давала немцам гигантское потенциальное преимущество в работе над атомным оружием. Поэтому-то союзники решили произвести диверсию на заводе «Норск Гидро»... В этом и состояла задача той группы, участники которой, съев оленя со всеми его потрохами, восстановили свои силы.

Наступил наконец день операции. Двадцать седьмого февраля в восемь часов вечера группа покинула хижину во Фьесбюдалене. Шли на лучших в мире горных лыжах «Телемарк» — Рьюканский завод находится в области Телемарк, известной всему свету своим горнолыжным спортом и рекорсменами-лыжниками. Спускаться в темноте с горы на лыжах

даже по отлично разведанному пути не так-то легко и для опытного лыжника. А тут еще, словно желая помочь операции и скрыть участников ее от злого глаза, разыгралась пурга. Облепила всех мокрым снегом.

— Словно все злые тролли Телемарка сорвались и забушевали, — сказал один из лыжников.

— Ничего. Взойдет солнце и для нас...

Тролли — злые духи, таящиеся в недрах гор, по норвежским народным поверьям, обладают волшебной силой лишь от полуночи до первых лучей восходящего солнца.

— Тшш! — шикнул командир.

Шли в воинском обмундировании, без маскировочных халатов.

Рьюкан расположен внизу, в ущелье, около железнодорожной линии, и местоположение домов в городе точно отражает социальную лестницу. Самые низко оплачиваемые рабочие живут ниже, среднеоплачиваемые — повыше. На самом верху — дома местных воротил и руководящего персонала. Участки там намного дороже. Ведь наверху с утра появляется солнце и ввечеру его лучи еще золотят верхние склоны, в то время как внизу сумрак давно заполнил ущелье и улицы. Но темнота ущелья в февральскую метельную ночь была союзником людей, продвигавшихся к заводу.

Электролизная установка для тяжелой воды находится в нескольких километрах на запад от города. Завод был окружен минными полями, поэтому, спустившись к реке, группа прикрытия пошла вдоль железнодорожного пути, а за ней шагах в двухстах — подрывники.

Вдоль дороги все время шарили прожекторы, и приходилось пригибаться, чтобы не попасть в их луч.

А около моста через реку и вовсе пришлось залечь в снег и замаскироваться — по дороге, прорезая фарами метель, двигались два автобуса из Рьюкана с ночной сменой немецкой охраны.

Незадолго до полуночи норвежцы были уже в полукилометре от завода и заняли исходный рубеж. Сильный западный ветер доносил слабый шум непрерывно работающих заводских машин. Метель улеглась, и норвежцам, занявшим исходный рубеж, были хорошо видны и дорога, и завод. Руководитель операции Клаус еще раз проверил, твердо ли знает каждый свою роль в операции.

В двенадцать часов сменялся немецкий караул. Пятнадцать немцев жили в бараке, расположенном между машинным отделением и электролизной установкой.

После того как караулы сменились, норвежцы подобрались к калитке, ведущей к складам, она была метрах в десяти от железнодорожных ворот. В проделанное в ограде отверстие проползли подрывники. И пока другие продвигались к складам вдоль железнодорожного пути (все остальное пространство немцы заминировали), Клаус послал подрывника с кусачками открыть для группы прикрытия и для отхода железнодорожные ворота, запертые на всякий замок и железную цепь. Сделать это человеку, прошедшему специальную школу, не представляло большого труда.

Группа прикрытия вошла на территорию завода и по сигналу двинулась к барaku охраны.

Наступило двадцать восьмое февраля. Ровно ноль часов тридцать минут. Условленный для атаки час.

Стояла глухая тишина. Вдоль дороги шарили немецкие прожекторы. От ближайшего фронта было несколько тысяч километров. Четверо подрывников во главе с Клаусом подошли к двери электролизного цеха, через которую должны были пройти в помещение. Но она была заперта. Взломать не удалось. А подрывать нельзя. Ведь даже пользоваться ручными фонариками запрещено.

Вторая дверь на первом этаже тоже была наглухо заперта и никак не поддавалась усилиям. Норвежец-вахтер, который был посвящен во все и должен был, уйдя с поста, оставить двери открытыми, то ли сдрейфил, то ли не понял чего-то, но двери оказались закрытыми на засовы...

Операция, которая была так прекрасно задумана, так хорошо начавшаяся, каждую секунду могла провалиться... Через окошко был виден зал с концентрационной установкой и спокойно стоящий около нее человек — охранник норвежец в очках.

Через минуту-другую, а минуты эти то съеживались до мгновения, то казались часами, Клаус нашел место, где кабель входил в здание, и вместе с товарищем проник в подвал кабельного туннеля — лабиринт перепутанных труб и проводов. Сквозь отверстие в потолке туннеля был виден объект. Они прокрались из подвала в помещение. Рядом зал с концентрационной установкой. Дверь туда была открыта. Норвежцы вошли и, как скупое сообщалось потом в донесении, «захватили охранника». Затем сделали то, что должен был раньше сделать он: заперли двойные двери между комнатой, в которой были цистерны с тяжелой водой, и соседним помещением, чтобы никто не помешал.

Клаус стал закладывать взрывчатку. Это не требовало много времени. Модели, на которых они тренировались, были точной копией здешней установки. Клаус уже разместил половину своей взрывчатки, когда вдруг послышался звон разбитого стекла. Он оглянулся. Окно, выходящее на задний двор, было разбито. Это двое других подрывников, не найдя входа в кабельный туннель, решили действовать по-своему... Один из них влез в окно, помог разместить оставшуюся взрывчатку. Клаус закладывал запалы.

Потом запалы были зажжены. Охраннику приказали спрятаться на чердаке, а сами подрывники быстро через окно выскочили из дома во двор. Они успели отойти метров тридцать от цеха, когда раздался взрыв.

Выбежав через раскрытые железнодорожные ворота, норвежцы прислушались. На заводе царил тишина, и только, как раньше, слышался глухой шум работающих машин.

Снова начался снегопад, скрывший все следы.

Все люди, прибывшие со вторым самолетом, побежали в сторону, противоположную той, где находилась горная хижина, — к Швеции.

Так была совершена эта вошедшая в историю операция. Немцы сразу же арестовали всех часовых.

Когда на другой день после этого на завод прибыл командующий немецкой армией Фалькенхорст и осмотрел все на месте, у него невольно вырвался возглас: «Отличная работа!»

Но в штабе за морем еще ничего не знали ни о результатах операции, ни о судьбе ее участников.

Они добрались до своей рации только через два дня. Вверх идти потруднее, чем вниз, особенно тогда, когда идешь в темноте, запутывая следы.

И только тогда Кнут Хаугланд смог передать по радио сообщение: *«Уничтожено три тысячи фунтов тяжелой воды и важнейшие части концентрационной установки. Ни одной жертвы...»*

Просто удивительно, до чего точно, пунктуально, что называется «шаг в шаг», выполнен был разработанный план.

В штабе были убеждены, что они предусмотрели все детали операции, и сообщение Кнута Хаугланда это подтвердило.

— Это потому, — улыбается он, — что там говорилось, как положено военным языком, «захватили охранника», а на самом деле охранник, когда его взяли, оказался покорным, не сопротивлялся, к тому же он был очень близорук, а мы сняли у него с носа очки и, только когда были зажжены запалы, вернули их, он снова стал зрячим и сказал: «Беги!»

В ответ на телеграмму Хаугланда из штаба пришел приказ двоим из участников группы вернуться в Англию через Швецию, а ему с одним товарищем остаться, чтобы выполнить еще одно нелегкое задание.

— Когда оно было выполнено, — продолжает рассказывать Кнут, — я в штатской одежде с «правильными» документами в кармане пиджака отправился через Осло в Швецию. А оттуда вернулся, как говорится, в «исходное положение».

К осени сорок третьего года в штабе союзников стало известно, что на заводе «Норск Гидро» снова заработала установка, и тяжелая вода снова начала поступать в балонны.

Шестнадцатого ноября крупная эскадрилья восьмой бомбардировочной дивизии воздушных сил США атаковала силовую станцию и электролизную установку вблизи Рьюкана.

Но если горстке норвежцев без потерь удалось взорвать три тысячи фунтов тяжелой воды, то в результате дорогостоящего налета с воздуха, из которого не вернулось несколько бомбардировщиков, уничтожено только сто двадцать фунтов!..

Как раз в ту ночь, когда шла бомбежка, километрах в восьми-десяти от Рьюкана сержант-радиот Кнут Хаугланд,

пропорыв свинцовые осенние тучи, приземлился с парашютом вблизи Конгсберга. Немногом больше года прошло с ночи первой высадки. Он считал себя уже опытным в этом деле человеком, и задание казалось ему не очень сложным — связаться с командующими силами Сопротивления на норвежской земле.

— Но именно в тот раз у меня и расшатались нервы, — говорит Хаугланд. — После приземления я пошел в горы, в хижину, где должен был переночевать. Хижину я нашел легко. Все было в порядке... И я заснул... Заснул крепким, беспечным сном, каким спят люди, когда опасность уже позади. Но стоит на войне забыть о ней, как она уже здесь.

Проснулся оттого, что кто-то толкнул меня. Я открыл глаза. На меня было направлено оружие. Больше я ничего не видел: ударили по глазам, потом чем-то тяжелым по голове. Три немца скрутили меня прежде, чем я успел опомниться. Сорвали пистолет. Взяли рюкзак. Они сразу поняли, что я за парень. Но не убили потому, что получили приказ доставить в гестапо в Осло. Зато по пути в комендатуру Конгсберга побили еще и поиздевались надо мной вдоволь. Вывели меня из комендатуры в три часа ночи, чтобы к рассвету доставить в столицу. Четверо сопровождающих с пистолетами — по охраннику с каждого бока, один впереди, другой сзади.

Спасти могло только чудо! Но меня спасло то, что терять-то было уже нечего, а они оплошали — не надели наручники. И когда мы вышли на лестницу, на площадку второго этажа, я рванулся вперед и сделал большой прыжок вниз! Раздались выстрелы... Но они промахнулись... Я выскочил на улицу и побежал за угол, за другой. Какое счастье, что было так темно, как бывает безлунной ноябрьской ночью! Городок я знал отлично, а они были здесь чужаками. Я бежал в горы, где должны были встретить меня товарищи.

Откуда только взялись силы. Правда, я отлично выспался в хижине. Шел весь следующий день без остановок и встретил своих товарищей. Рассказал им обо всем. Впрочем, и моя одежда, и лицо были тоже достаточно красноречивы.

Товарищи спрятали в укромное место все, что могло навести на след. Дружья укрыли меня и выхаживали, пока я совсем не оправился, и только после нового года, в начале января, я попал в Осло.

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ

— Хотя я и не женщина, но меня поместили в центральную женскую больницу, в родильное отделение к доктору Финн Бё. Ну, а об остальном вы знаете.

Вместе с доктором Бё Хаугланд прошел по всем этажам больницы, чтобы наметить пути для бегства в случае опасно-

сти. На чердаке Хаугланд обратил внимание на вентиляционную трубу, которая проходила через все здание и заканчивалась каморкой, где мог поместиться один человек. Она и стала его резиденцией.

— Из родильного дома я регулярно передавал по радио все стекавшиеся ко мне сведения. Изредка выходил инструктировать.

Но, разумеется, немцы вскоре забеспокоились. Начали отыскивать неизвестную станцию. Пришлось менять и время работы, и шифры. Но все ближе и ближе они подбирались к родильному дому. Однажды явились с облавой. Доктор облачил меня в белый халат, и я как его ассистент принял участие в операции, в появлении на свет нового человека... И тут я впервые по-настоящему понял, что это такое. Я здесь был олицетворением войны со всеми ее несчастьями, смертями, женщины же представляли жизнь и будущее. Здесь же я воочию увидел цель борьбы—мир, семья, спокойствие детей, словом, то, из-за чего я рисковал собой. Имею ли я право оставаться здесь и ставить под угрозу их жизни и наше будущее? — спрашивал я себя. Нет! Я должен уйти отсюда в другое место. И потом еще я думал о том, выпадет ли на мою долю когда-нибудь счастье самому стать отцом или раньше... — и Хаугланд проводит рукой по шее.

Доктор уговаривал меня остаться. Говорил, что скажет, когда действительно надо будет уйти. Но... первого апреля случилось то, чего мы все опасались.

В тот день радиопередача шла как обычно, но при приеме то и дело срывали работу странные помехи, которые означали, что в непосредственной близости работает пеленгатор.

Дальше ждать было нельзя.

— Я поспешно вылез из трубы, открыл люк и вышел на чердак.

Но гестаповцы уже были там. В темноте они осторожно пробирались по чердаку. Хаугланд, тоже бесшумно, в резиновых сапогах, приближался к немцам, ничего не ведая об их присутствии. Вдруг его ослепил свет электрического фонарика, и он увидел пятерых людей в штатском.

— Стой! Стой!

Но Хаугланд уже бросился назад. Немцы побежали за ним, крича:

— Руки вверх! Руки вверх!

У конца вентиляционной трубы Хаугланд остановился, открыл люк, влез внутрь и запер его за собой. По железным скобам внутренней лестницы он стал подниматься в трубе вверх, но вскоре обнаружил, что верхний выход ее забит. Пришлось ползти назад. Тут он заметил какую-то железную дверцу. Перочинным ножом открыл ее. Между тем гестапов-

цы, взломав крышку, стали влезать в люк. Хаугланд выбрался через дверцу на крышу.

— Я побежал по крыше, кто-то бежал за мной. Я, не оглядываясь, выстрелил из автомата. Перескочил на крышу пониже. Побежал по ней. Ясный апрельский день был в разгаре. На улице торопились по своим делам прохожие. Девушки в ярких платьях. Позванивали на рельсах трамваи. Я хочу спрыгнуть со стены вниз на улицу—предо мной немецкие солдаты. Оцепление... Я нажимаю спусковой крючок, выпускаю в них целый магазин.

Они не ожидали моего появления именно с этой стороны, сверху. Держа автомат наперевес, прыгаю вниз, прямо на них. Они отпрянули в стороны, наверное решили, что вслед за мной прыгнут еще и другие. А я, не оглядываясь, перебежал через улицу, бросил в подворотню автомат, смешался с прохожими и уже не бегу, чтобы не вызвать подозрение, а иду спокойно. За углом вскакиваю на мимо идущий трамвай. Проезжаю остановку. И около кладбища Вольфрельсенгреслунд соскакиваю на ходу, перемахивая через кладбищенскую стену. А там много людей, пришедших на могилы близких. Из кладбищенских ворот выхожу на улицу вместе с другими посетителями и иду к Гуннару Сёнстеби, у которого все наготове. Он вместе со мной прыгал с парашютом еще в первый раз! Гуннар достает из шкафа комбинезоны строительного-ремонтных рабочих, мы садимся на велосипеды и едем из города. А потом дальше по шоссе на восток, на Швецию...

Из еды у нас с собой было только по полбутылки суррогатного кофе на брата.

Ехали спокойно. Когда издали видели, что навстречу приближаются подозрительные люди, мы сходили с велосипедов, садились у обочины со своими лопатками и молоточками и делали вид, что проверяем или чиним дорогу — у Гуннара и на этот случай были заготовлены документы.

Вот и вся моя история... Снова Швеция, снова Англия. Лейтенант Хаугланд — звание это он получил, когда жил в родильном доме, — вернулся домой уже вместе с частями норвежской армии после капитуляции вермахта.

ПОСТСКРИПТУМ К ПУТЕШЕСТВИЮ НА „КОН-ТИКИ“

— С тех пор потянулась спокойная армейская жизнь — хотя я чувствовал себя уставшим от войны и у меня пошаливали нервы — до того дня, как вдруг пришла из Лимы депеша от Тура Хейердала, с которым мы подружились в Англии во время войны.

«Собираюсь отправиться на деревянном плоту через Тихий океан, чтобы подтвердить теорию заселения южных морей

выходцами из Перу, — телеграфировал Хейердал. — Хочешь участвовать? Гарантирую лишь бесплатный проезд до Перу, а также хорошее применение твоим техническим знаниям во время плавания. Отвечай немедленно».

— Вот,— продолжал Хаугланд,— отличная разрядка для нервов, подумал я. Пошел к начальству и попросил отпуск для отдыха и лечения нервов на два месяца. А на следующий день телеграфировал:

«Согласен тчк Хаугланд»

— Дальнейшее известно. Правда, отпуск пришлось продлить — сто один день были мы на «Кон-Тики». Нервы мои успокоились. Пришли в норму... Знаете, великая вещь переменить на время занятия.

Памятуя о признании Нансена, который за пятнадцать месяцев, проведенных во льдах, после того как оставил «Фрам» и сам-друг отправился пешком к Северному полюсу, прибавил в весе десять килограммов, я легко поверил Хаугланду, что сто один день и сто одна ночь пребывания на плоту «Кон-Тики», отданном в безбрежную власть Тихого океана, могут укрепить самую расшатанную нервную систему.

Тур Хейердал часто обижается на то, что люди, говоря об исключительной дерзости предпринятого им похода, часто не считают нужным даже упомянуть, что не жажда приключений вдохновляла его, а идея, неукротимое стремление ученого в эксперименте доказать правоту своей гипотезы.

И то, что экспериментом проверялась история, до тех пор пока я не узнал здесь, на Бюгдой, о походе молодых норвежцев в конце прошлого века на утлом суденышке викингов в Америку,— казалось мне неожиданной, новаторской постановкой вопроса. Теперь я знаю, что могло подсказать Хейердалу такой эксперимент. Разумеется, это несколько не умаляет подвиг Хейердала и его товарищей, совершенный ими для доказательства научной гипотезы.

— Решающую роль в таких предприятиях играет руководитель, который даже при плохой команде может сделать много, — говорит Хаугланд. — Хейердал прекрасный организатор. Амундсен говорил, что для успеха в такого рода экспедициях должна быть всегда дистанция между командиром и подчиненными. И на «Фраме», и на «Мод» все с ним были на «вы». У нас же ничего подобного. Все на «ты». Говорят о суровых законах Дракона, но знаете ли, законы Хейердала на плоту были страшнее, — улыбнулся Хаугланд, — он не обо всем написал. Так вот, для нас было законом запрещение кого-нибудь бранить за проступок или оплошность, которые были совершены вчера, и даже вспоминать о них. Если кто-нибудь, нарушая этот закон, вспоминал о старом, ему дружно затыкали рот... В последние четырнадцать дней было за-

прещено говорить о женщинах... Мы все не только не рассорились на плоту — ведь за сто один день на такой малой площадке можно и возненавидеть друг друга, — а, наоборот, стали еще большими друзьями, чем были до тех пор, пока взошли на плот. А когда мы собираемся вместе, то говорим не о «Кон-Тики», а о том, как пошла у каждого жизнь после нашего путешествия. Правда, нам редко удается собраться вместе. Хейердал живет сейчас в Италии. Вы спрашиваете, почему там? — В улыбку Хаугланда я улавливаю хитринку. — Тур так много работал в южных морях, что в Норвегии ему, вероятно, холодно. К тому же надо скорее писать новую книгу, чтобы заработать деньги на следующую экспедицию. А здесь мешает популярность, многолюдие... Ведь он и первую свою книгу написал, чтобы рассчитаться с долгами за первую экспедицию — несколько тысяч крон долга — и получить деньги на вторую. А она стоила так много, что мы залезли по уши в долги. И за строительство музея, и за перевоз экспонатов. Ведь на это не получено ни от кого дотации — ни от государства, ни от муниципалитета. Частный музей... Приходите еще, я вам покажу прихода-расходную смету. На плоту, когда неизвестно было даже, доплывем или нет, мы решили в случае удачи создать этот музей, весь чистый доход от которого пойдет в пользу студентов, на их экспериментальные работы. Если так будет продолжаться, то, расплатившись с долгами, годика через два мы уже сможем субсидировать студентов. Все, чем Хейердал владел, и гонорары за книгу — все вложил в «Аку-Аку», случись авария, он был бы разорен, стал бы «банкротом». Это в его характере — сразу ставить все на кон! — с одобрением говорит Хаугланд о своем друге.

— А где сейчас Эрик Хессельберг? Я хотел проехать к нему, но узнал, что и его нет в Норвегии.

— Да, Эрик покинул цивилизацию, — смеется Хаугланд. — Вам известно, что он не только штурман, но еще и талантливый художник. Он купил яхту, назвал ее «Тики» и вместе с Анна-Лисе — женой, дочкой Карин и прочими домочадцами живет на ней, курсируя вдоль берегов Средиземного моря. А главное, пишет и пишет картины. Что касается остальных — Герман Ватцингер сейчас живет в Перу. Он инженер, работает там на предприятии, изготовляющем холодильники. Телеграфист Торстейн Робю после экспедиции учился в Швейцарии, стал инженером-радиоэнергетиком. Он то проектирует электростанции в Норвегии, то вдруг сорвется и едет в Африку читать лекции. До сих пор не женат. Нет гнезда — перелетная птица. А что касается Бенгта Эмерика Даниельсона, то он сейчас на Таити. В отличие от Торстейна женат. На местной девушке. Он недавно получил в Упсале докторскую степень по этногра-

фии. Ему, как говорится, и карты в руки — писать исследования о своих родственниках со стороны жены. Бенгт целый год прожил на острове Раройя, куда течение выбросило наш плот... И потом написал интереснейшую книгу об острове и его жителях. Интереснейшую! — повторил Кнут Хаугланд.

...Мой собеседник бросает беглый взгляд на циферблат... Скоро четыре. Надо торопиться, и, препоручив меня девушке, которая вела экскурсию по музею, Кнут Хаугланд отправляется на первое свидание с дочерью.

На прощание я дарю ему ленинградское издание «Кон-Тики», которого в книжном собрании музея еще нет.

...Дня через три мы снова встретились с Кнутом Хаугландом у крепости Акерсхюс, под стенами которой на площади разместились дощатые выставочные павильоны.

Рядом с норвежскими флагами у ворот развевались «серпастые и молоткастые» знамена Советского Союза. Открывалась наша промышленная выставка...

От ворот к месту президиума, к раковине для оркестра, скамьи перед которой были уже до отказа заполнены публикой, три человека быстро раскрывают красную ковровую дорожку. По ней должен был пройти король.

В толпе я увидел Хаугланда. Поздороваться было куда легче, чем пробраться к нему.

— Как здоровые жены, как назвали малышку?

Старшую дочь Кнут назвал Турфин, именем, соединявшим в себе имена двух его лучших друзей — Хейердала и доктора-восприемника. У новорожденной же — пусть судьба пошлет ей счастье! — в тот день имени еще не было.

Когда через некоторое время я рассказал Туру Хейердалу о своей встрече с Хаугландом и о том, что тот мне говорил о нем, Тур воскликнул:

— Ну так я ему отомщу! Расскажу то, чего он сам никогда о себе не скажет. Ведь он вам не сказал, что получил самые высокие, выше которых нет, воинские награды. Английскую и норвежскую?

— Нет, не сказал.

— А о том, что все суммы, которые ему причитались за разрешение фильма о нем и за консультацию сценария, — а это немало, — он передал вдовам своих товарищей парашютистов! Не хочу, мол, ничего зарабатывать на своем участии в войне. Об этом тоже умолчал?

— Умолчал.

— И, конечно, не обмолвился и о том, что был моим командиром в той группе радистов, которых он готовил, чтобы сбросить на парашютах в Норвегии?

— И об этом не обмолвился.

— Я так и знал. Хаугланд верен себе.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Море не волнуется. Ни пенистых гребешков, ни волн. Просто глубокое дыхание Ледовитого океана мерно колышет его гордую, соленую толщу. Мы прилетели сюда из Тромсё на маленьком шестиместном почтовом гидроплане, который покачивается сейчас посреди голубоватого аквадрома Сёре-Варангерфьорда, последнего фьорда Норвегии.

Отсюда на север уже нет земли. Океан. Льды. Полюс. Льды. Снова океан и первый берег — Америка.

Бросаю прощальный взгляд на подрагивающие поплавки, короткие растопыренные крылышки самолета. Еще только выгружаются брезентовые мешки почты, еще не все пассажиры вышли из моторки на пристань, а мы уже мчимся по дороге, пробитой вдоль подножия горы, на склоне которой выросли цехи железорудной обогатительной фабрики.

Так второй раз в моей жизни возникает Киркенес — с воздуха, с моря, с запада. В начале лета. Мирный. Первый раз я пришел сюда в дни войны по каменистой суше, с востока, глубокой осенью, шестнадцать лет назад...

За рулем Хельвольд, председатель киркенесских коммунистов, один из старейших деятелей норвежской компартии.

Он встретил нас на пристани.

Вместе с ним в машине добродушный молодой человек, похожий на рыжего медведя, в пенсне и фетровой шляпе. Это каменщик из Вадсё, приехавший наниматься на строительство гидростанции вблизи Киркенеса, ток которой пой-

дет в Советский Союз. Через несколько часов он отправится обратно за семьей и в ожидании парохода, отваливающего рано утром, вместе с Хельвольдом пришел встретить нас.

Как тихо и безветренно сейчас в этом самом «ветреном» месте Европы — Финмаркене, где частые свирепые вихри сбивают с ног человека, срывают крыши с домов!

Нет, здешняя пословица о том, что в Финмаркене в году девять месяцев зима, а три месяца нельзя ходить на лыжах, — как и положено пословице, — преувеличивает. Бывает здесь и лето, пусть робкое, пусть быстрое, но бывает такое, как сейчас. И оно не только в обилии вечернего света, но и в зеленеющих перед уютными двухэтажными домами палисадничках, в горделиво выпрямившихся стрелчатых цветах иван-чая. Каменистые склоны гор кажутся облитыми кровью и молоком от алых и белых цветов устилающего их вереска.

— Завтра с утра Курт Мортенсен из «Скалы Севера» поведет тебя на железные рудники — самые северные в мире! — и на обогатительную фабрику. А вечером в Рабочем доме ты встретишься с активом нашего общества дружбы с Советским Союзом, — говорит Хельвольд. — С кем бы ты хотел еще встретиться здесь? — спрашивает он.

У меня много адресов, но прежде всего я хочу повидать Дагни. Когда немцы захватили Финмаркен, на мотоботе она бежала в Советский Союз, а после того, как Гитлер начал войну с нами, ее сбросили на парашюте в тыл фашистов с боевыми заданиями. Когда после войны здесь спорили, откуда — из Англии или из Советского Союза — сброшена в Норвегию первая парашютистка Дагни Сиблюнд, было точно установлено, что из СССР.

— Дагни увидеть невозможно, — отвечает Хельвольд.

— Что же стряслось в мирное время с ней, вынесшей такие испытания войны?

— О, нет! Ничего плохого. Только она уже не Сиблюнд. Переменила фамилию — вышла замуж. И сейчас вместе с мужем в Швеции.

— Я хотел бы еще побывать у шофера, который прятал нашего летчика в Сванвике.

— А-а... Таксист Сигурд Ларсен. Хорошо, ты будешь у него. Только он сейчас живет не на Сванвике, а здесь, на окраине.

— Ну, а девочку Ваня можно видеть?

— Тоже нет... Во-первых, она уже не девочка, годы идут... Во-вторых, она уехала до осени в Нарвик.

— А может, она вернулась, — с надеждой спрашивает мой спутник Мартин, — и ты еще не знаешь об этом...

— Кому же знать, как не мне... Это моя дочка, — смеясь отвечает Хельвольд. — Правда, она теперь не единственная Ваня. Это имя так понравилось нашим женщинам, что уже в трех городах есть по девочке Ване. Это те, что я знаю. А может быть, их и больше... Но первая-то Ваня моя!

Я не знаю, кто в Скандинавии первым дал своей дочери имя Соня. Но это случилось в те дни, когда Софья Ковалевская* стала первой женщиной профессором Стокгольмского университета. И сам факт этот был необычен, а история ее жизни, ученой-нигилистки, так романтична, что с тех пор именем ее — не Софья, а уменьшительным — Соня — в Скандинавии стали нарекать девочек. Самая известная из норвежских Сонь — чемпионка мира по фигурному катанию на коньках Соня Хени. Но Соня все же имя женское. А как же такое ярко выраженное мужское имя Ваня превратилось здесь в девичье?..

Незадолго до прихода немцев жена Хельвольда родила дочку. Мужа ее в это время в городе не было. Разделяя симпатии Хельвольда к советскому народу и желая сделать приятное мужу, но не зная русского языка, она окрестила дочку Ваней — самым русским именем из всех, какие знала, полагая, что это имя женское.

Когда Хельвольд вернулся, все было уже сделано, и к тому же имя это ему тоже нравилось. Кроме того, оно звучало как вызов!

Гитлеровские егеря в те дни подходили к Финмаркене, и ночью на рыбацком мотоботе семья Хельвольда вместе с несколькими другими семьями бежала в Мурманск.

Путь этот был изведен — так большевики доставляли в царскую Россию транспорты нелегальной литературы, так в годы блокады Советской России норвежские рыбаки переправляли делегатов на конгрессы Коминтерна. Так пробирались в Москву Галлахер, Тельман, Андерсен-Нексё. Норд вегр — Северный путь...

Хельвольд останавливает машину посреди Киркенеса, около высокого, гладко обтесанного гранитного камня. На нем высечены имена киркенесцев, расстрелянных гитлеровцами.

И среди других фамилий — Иенсен.

— Это он. За то, что переправил меня с семьей на мотоботе в Россию. Когда Иенсен вернулся домой, гестаповцы уже ждали его.

На открытой площадке, где высится монумент, еще один памятник — здание городской библиотеки.

* Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891) — выдающийся русский математик, а также писатель и публицист, первая в мире женщина профессор и член корреспондент Академии наук.— *Прим. ред.*

Когда немцы захватили Норвегию, в ней было четырнадцать тысяч школьных учителей и двенадцать тысяч из них подписали декларацию о том, что отказываются вести преподавание по новым квислинговским программам, «противоречащим их убеждениям, а также гуманным принципам воспитания детей...»

Получив эту пощечину, квислинговцы арестовали каждого десятого учителя. Семьсот из них — половину арестованных — после «следствия», учиненного эсэсовцами, и двухнедельного «показательного устрашения» погрузили на открытые платформы для перевозки скота (дело было в феврале) и отправили в Тронхейм. Там перегрузили в трюмы двух старых пароходов каботажного плавания и отправили вокруг Нордкапа (без еды, медикаментов, в страшной тесноте нельзя было даже прилечь) в Киркенес, где заставили разгружать суда с боеприпасами и грузить их железной рудой.

Поселили учителей в концлагере вместе с советскими военнопленными, в условиях, обрекающих на смерть. И только посильная помощь, которую украдкой оказывали им жители округи, помогла выжить многим из этих людей, так же как и тысячам наших пленных.

После войны учителя решили, что лучшей памятью о киркенесцах, томившихся здесь, лучшим выражением благодарности им будет новая городская библиотека. Старую немцы сожгли при отступлении.

«Обязательно зайду сюда», — решаю я, пока Мартин переводит надпись на бронзовой доске, прибитой на стене библиотеки.

«Построена в благодарность населению
Южного Варангера,
помогавшему 636 норвежским учителям,
заключенным здесь в лагере Южный Варангер»

Вблизи от библиотеки, тоже в центре города, на широкой гранитной площадке, высеченной из камня, боец в знакомой гимнастерке, в знакомой пилотке, со знакомым автоматом — памятник советским воинам — освободителям Киркенеса. В первоначальном своем виде наш солдат попирал ногой хищную птицу — германского геральдического орла. Потом орел исчез.

— Почему? Вероятно, потому, что и его включили в НАТО, стал «союзником», — горько усмехается Хельвольд и снова включает мотор. — Как тебе сейчас Киркенес? — спрашивает он через минуту.

«Эта гряда щебенки, что когда-то звалась Киркенесом», — вспоминаю я строки стихотворения поэта Бориса Лихарева, написанные им в первые дни после освобождения города.

«Эта гряда камней» превратилась сейчас в пестрый, благоустроенный городок.

Хельвольд был первым мэром Киркенеса после его освобождения.

— Гордость за свой город — у них семейное, — говорит каменщик из Вадсё, напоминая, что отец Хельвольда пришел на рудник, когда ни города, ни поселка еще и не было. Дважды затем был он здесь мэром.

На другой день на стене ратуши я увидел портреты — таков здесь обычай — Хельвольда и его отца.

Часы на новой церкви показывают половину двенадцатого, но то, что это не полдень, а полночь, понимаешь лишь по безлюдью улиц.

— В гости сейчас поздно, — говорит Хельвольд. — Но разве можно сразу после самолета ложиться спать!

И мы выезжаем из Киркенеса на восток, в сторону такой близкой отсюда советской границы.

БЕРЕЗА В БУРЮ

Светло-зеленое пламя молоденькой, еще клейкой июньской листвы. Между белыми стволами озаренная полуполночным солнцем изумрудная гладь фьорда. Березки высокие, тонкие, как подростки, вытянувшиеся не по летам. Самые северные березы на свете. Березовая роща, словно оробевшая от своей смелости. Ишь, куда забралась!

Эльвинес.

Позади Киркенес.

Через несколько километров граница.

— Вот за этой рощицей, за поворотом был дом, — говорю я Хельвольду. А рядом в сорок четвертом году стоял наш медсанбат.

Еще шестнадцать лет назад, когда, пройдя с боями по каменистой, болотистой пустыне Заполярья, наши части пересекли границу Норвегии, удивили меня эти встретившие здесь нас березки. Я тогда еще не знал, что, как сосна для Суоми, вишня для Японии, береза для Норвегии — дерево-символ. Только в Норвегии она не тонкая, как у нас, стройная белоствольная девушка, во поле невинная березонька — символ нежности, скромности, а смелая, взобравшаяся на скалистую кручу, цепкими корнями охватившая расщелины. Широко раскинув крепкие жилистые руки, шумя густой листвой на упругих, гнущихся под штормами ветвах, зеленой грудью встречает она напор неистовых морских ветров. Здесь она символ силы и не-

прихотливости, храбрости и красоты. Такой я увидел ее на знаменитой картине «отца норвежской живописи» И. Даля «Берега в бурю» в городском музее Бергена. Такой, как та, что раскинула свои ветви на кургане Осеберга, где был погребен вместе со своим кораблем-«драконом» один из вождей викингов.

Но в этой роще под Киркенесом березы были такие же, как в наших песнях.

Остановившись тогда на опушке, я наблюдал, как у взорванного моста, там, где река Патсойки, пенясь, впадает в фьорд, саперы наводили переправу.

А в фьорде, неподалеку от берега, на якоре покачивались два чудом уцелевших рыбацких мотобота. Немцы яростно дрались за каждый метр дороги, закрывая подступы к Киркенесу. Чтобы обойти их с фланга, необходимо было форсировать фьорд шириной почти в два километра. И тут во тьме осенней ночи появились два норвежских мотобота. Они подошли к пирсу, и рыбаки зазвали на борт наших бойцов. Те не знали норвежского языка, рыбаки не говорили по-русски, но думали они об одном и том же, а на крутых берегах фьорда факелами пылали подожженные немцами уютные домики норвежцев.

На маленьком мотоботе, тезке нансеновского прославленно-го «Фрама», шкипер Мортен Хансен — старик. На мотоботе побольше, «Фиск», шкипер Турольф Пало — еще совсем молодой парень. Но и старые и молодые, голубоглазые и сероглазые рыбаки — Пер Нильсен, Колобьер Марфьелер, Хельмар Варенг, Рагнер Павери, Арне Вульф и Мусту — работали, не отдыхая, всю ночь и весь день на ветру.

Утром из-за мыса выскочил еще один мотобот, и шкипер его без слов приступил к делу.

Рядом рвались снаряды, мины. С горы по фьорду немцы строчили из станковых пулеметов, но невозмутимые норвежские рыбаки продолжали перевозить привычных к боевым тяготам красноармейцев.

Один мотобот был подожжен немецким снарядом. Сбив пламя, рыбаки продолжали свое дело.

В это время подошел полк амфибий и занялся переправой пехоты. И только после этого рыбаки смогли отдохнуть.

В два часа пополудни, поднявшись на палубу «Фрама», я спросил у Мортена Хансена, не нужно ли им чего-нибудь?

— Нужен керосин для мотора, чтобы перевозить русских,— наш на исходе,— ответил старик.

Длинные волосы его развевал ветер. В зубах рыбаков курились, как и положено, трубки, но традиционных зюйдвесток не было. Они, как почти все норвежцы, что было нам в новинку, даже поздней осенью ходили с непокрытой головой.

— Рыбаки целиком переправили наш полк,— сказал мне на берегу старый знакомый, капитан Артемьев, показывая на «Фрам» и «Фиск»,— и мы свою боевую задачу выполнили.

Встретил я его уже тогда, когда немцы, взорвав мост, отошли от реки и бой шел у последней перед Киркенесом переправы. Но краткий этот разговор мне хорошо запомнился потому, что «Фрам» и «Фиск» переправляли как раз тот полк, в разведке которого служил солдатом и был ранен мой сын.

А норвежские рыбаки, отдыхая на мотоботе, ставили в нашу честь одну и ту же пластинку— «Стеньку Разина», раз за разом, почти не снимая ее с патефона. Над зеленой водой фьорда на незнакомом языке плыла эта песня о волжской вольнице.

А над головами то и дело свистя пролетали раскаленные болванки снарядов — наши артиллеристы посылали вдогонку гитлеровцам из их же пушек, трофейных, трофейные снаряды. В полусумерках осеннего дня удивительно зеленела трава на склоне, по которому норвежская крестьянка длинной хворостинной гнала вниз, в поселок, комолую корову. Она прятала ее в горах от немцев, а теперь бояться нечего — внизу по дороге двигались русские.

У обочины, прижимая к груди автомат, стоял боец в серой ушанке с гвардейским значком на полушубке и неотрывно глядел на норвежку, на важно шагающую корову.

На глазах его были слезы.

— За три года первую штатскую бабу вижу... и первую живую корову,— сказал он мне.

Это был солдат из бывшей ополченческой, ныне гвардейской, дивизии, которая бессменно три года дралась с гитлеровцами в тундре и на сопках Заполярья.

На другой день, возвращаясь из Киркенеса, превращенного гитлеровцами в груды развалин, я опять проезжал мимо этой, самой северной в мире березовой рощи. За рощей у двухэтажного дома, перед которым на высоком флагштоке трепетал на ветру норвежский национальный флаг, были уже разбиты палатки медсанбата.

Под холодным сеющим дождем наш боец и молодой норвежец с повязкой красного креста на рукаве, с непокрытой головой, выносили из санитарной машины носилки. На них, прижимая к груди слабо попискивающий сверток, лежала женщина. Молодой военврач — женщина с русой косой, уложенной вокруг головы,—хлопотала у носилок, Узнав меня, она сказала:

— В бомбоубежище, в штольне, где прятались норвеги*,

* Норвеги (норвег — он, норвега — она) — так называли бойцы Советской армии норвежцев, повторяя имя, данное им древними летописями. Так и по сей день называют норвежцев наши поморы.

родились дети. Мы сейчас перевозим сюда и рожениц, и новорожденных. Вам обязательно надо написать об этом.

Я не мог тогда задержаться и на четверть часа — осенние дни в Заполярье короче воробьиного носа, а надо было засветло на связанном самолете добраться до телеграфа, чтобы передать в Москву корреспонденцию об освобождении Киркенеса.

И вот теперь, через много лет, уже не в сумеречный осенний день, а в светлый, беззакатный весенний вечер я снова встретил эти березки недалеко от Киркенеса, увидел голубеющий за рощей двухэтажный дом и сразу припомнились и женщина на носилках, прижимающая к груди бесформенный сверток, и двое хлопочущих около нее парней — русский и норвежец.

Где эти парни? Где рожденные в штольнях детишки? Может, и сейчас еще не поздно выполнить совет капитана медицинской службы с русой косой?..

Дорога петляет вдоль берега быстрой Пасвик-эльв, усердно бегущей по гранитному ложу, усыпанному черными, облизанными водой камнями. Начиная свой бег в финском озере Инари, через девять озер стремится она воды к Баренцеву морю, прыгает по пути с пятнадцати трамплинов — стремнин и водопадов, отделяя Норвегию от Советской страны. И только на одном пятачке, в том месте, где в давние времена была возведена каменная церковь Бориса и Глеба, перескакивают полоски границы на западный берег Пасвик-эльв, по-фински Патсайоки.

У этого пятачка и будут строить норвежцы по нашему заказу гидроэлектростанцию, ток которой пойдет в Мурманскую область.

— Послезавтра по этим местам мы проедем с Гульвогом — председателем всей нашей Финмаркенской организации. Он служит в конторе этого строительства, — обещает Хельвольд.

В местечке Сванвик мы останавливаемся около сруба лютеранской кирки с высокой, сшитой из сосновых досок колокольней, напоминающей вышку пожарного депо.

— Чем она примечательна? Здесь нет и намека на старину.

— Конечно, нет. Она построена, когда мой отец был мэром округа. Сам он неверующий. Активист Норвежской рабочей партии... Но людям из Сванвика далеко было ходить в Киркенес к обедне. И, «идя навстречу трудящимся», он возглавил строительство этой кирки. Оппортунизм, скажешь? Так, что ли? — улыбается Хельвольд... — «Вы, ребята, — говорил мне отец, — слишком круто берете». А когда пришли немцы, он закопал в саду, зная, как я дорожу ими, бюст Маркса, стоявший на моем столе, и барельеф Ленина. И точно обозначил место. Я тебе завтра покажу их. Прекрасный был человек!

«Я бедняк? — спрашивал он. — Нет, я самый богатый на свете человек. Ни одного своего ребенка я не променял бы на все золото мира. А у меня их тринадцать». Последних, младших своих детей он крестил в этой кирке.

— А твоих детей? Ваню? Тоже крестили тут?

— Ну, нет. Мои ходят некрещеными. Но я не могу пожаловаться на них. Хорошие ребята. Тебя завтра на этой машине будет возить мой сын. Он работает шофером.

А я снова вспомнил тех, кто родился осенью сорок четвертого года в пещере под Киркенесом, и спросил Хельвольда, знает ли он что-нибудь об их судьбе.

— Это можно узнать, — сказал он, — нужна только путеводная ниточка.

Такой ниточкой может быть фамилия районной акушерки, которая была в этом убежище. Я тогда записал ее — Иохансен,

— Значит, твоя ниточка потеряна, — ответил Хельвольд. — Фамилия нашей районной акушерки — Лунд,

Меня несколько удивило, что, видя мое огорчение, Хельвольд улыбается.

— А впрочем, позвони Лунд. Она наверняка чем-нибудь да поможет, — сказал он.

ФРУ ЛУНД И „ЕЕ ДЕТИ“

Созвонившись на другой день с фру Лунд, после обеда я пришел к ней домой. Меня встретила плотная голубоглазая женщина лет за сорок. На низком диване, за низким же продолговатым столиком, уставленным кофейными чашечками и рюмочками, сидел празднично одетый мужчина. Фру Лунд познакомила нас:

— Мой муж... Я действительно была тогда фрекен Иохансен. А теперь фру Лунд.

Вот, значит, почему так хитро улыбался Хельвольд.

— Господин Лунд тоже был в убежище. Поженились мы позже. Тогда он был женат не на мне. Но это другая история... — не окончив фразы, фру Лунд встала и исчезла в соседней комнате. Из-за двери слышался приглушенный шепот.

— Я двадцать два года районная акушерка, — продолжала через минутку, вернувшись к нам, фру Лунд, — Но пройдет еще двадцать два года, а те две недели в пещере я буду помнить день за днем, час за часом. Там скопилось несколько сот киркенесцев. Старики и дети, мужчины и женщины. Мы пришли в этот туннель четырнадцатого октября, и в тот же день родился первый ребенок. Девочка. А ровно через час появился на свет мальчик. Жизнь, знаете ли, не прекращается.

Советские войска наступали, киркенесцы ждали их со дня на день. Слышали грохот бомбежек, разрывы снарядов... В от-

местку за то, что жители не покинули Киркенес, нацисты со всех концов подожгли город. Это было, кажется, единственное обещание, которое они выполнили. Так продолжалось две недели.

— Двоих новорожденных мы там и крестили — думали, что скоро умрут, такие тщедушные родились, слабенькие. Жена пастора с трехлетним ребенком тоже пряталась в туннеле, — продолжала рассказывать фру Лунд. — В прошлом году у нас открыли новую кирку, построенную вместо той, которую разрушили. И как раз моим детям исполнилось по пятнадцати лет! Они первыми прошли конфирмацию в новой церкви. Десять детей я приняла в те дни, и все живы, здоровы. Чудесная у меня профессия, правда?

— Вот видите, снялись сразу после конфирмации, — фру Лунд протягивает мне фотографию. Подростки — мальчики и девочки, тщательно причесанные, с не улыбающимися торжественными лицами, подобающими серьезности момента.

— Только их здесь почему-то не десять, а восемь....

— Двоих на снимке нет. Были заняты на работе. Мальчик служит боем в гостинице, девочка горничной в одной семье. А вот и другой снимок, где дети все вместе. Это когда им исполнилось десять лет.

Сняты они у входа в пещеру-туннель, где впервые открыли глаза. Фру Лунд рассказывает, что здесь в то время стоял сарай, в котором хранились косилки, сеялки. Хотя между бревнами были такие щели, что ветер свободно гулял по сараю, но все же он оказался удобнее штольни, по стенам которой сочилась вода.

— Для затемнения завесили щели домоткаными ковриками. Конечно, было и холодно, и голодно. Не хватало медикаментов, но все боялись худшего — что немцы угонят отсюда.

Однажды фру Лунд (тогда еще фрекен Иохансен) вышла из сарая и увидела, как немцы расстреливали цистерны с бензином, поджигали их, и к темному осеннему небу поднимались беглые языки пламени.

Ясно было — уходят.

В разрушенном Киркенесе горели огромные штабеля каменного угля.

В сарае, где лежали роженицы, тускло светились керосиновые коптилки.

— Я велела потушить их. И встала в дверях, чтобы преградить путь немцам, если они вздумают зайти. Ночью, в половине третьего, к нам постучали. Было темно и очень страшно...

— Натяните на лица простыни, — крикнула я и открыла дверь. В сарай вошел мэр Киркенеса — Хауген.

— Сейчас я обменялся первым рукопожатием с русскими, — сказал он.

И словно по команде женщины откинули с лица простыни, а я зажгла лампу. И только успела это сделать, как в дверях появился русский офицер с двумя солдатами. Он спросил, нет ли здесь немцев, и узнав, что только женщины с детьми, отдал честь и вышел.

Поставив двух солдат у входа в пещеру, офицер засветил фонарик и вошел вглубь. Оттуда вдруг донеслась песня. Она становилась все громче...

Встречая советских воинов, норвежцы запели «Интернационал».

— Да, мы все запели, — подтвердил господин Лунд.

Так пришло освобождение.

В комнате наступило молчание и только из-за дверей слышалось шушуканье.

Я видел этих людей из туннеля. Видел, как, убедившись в том, что в городе русские, они вышли из своего убежища и двигались по дороге с детьми, со скорбем.

Я видел их слезы, их горе над тлеющим пепелищем.

Немцы и квислинговский министр Ионас Ли сдержали свое слово. Киркенеса не стало. Осталось лишь место, где когда-то стоял город. Чудом уцелело всего двадцать восемь домиков. На пороге суровой полярной зимы немцы лишили население крова, сожгли одежду. Да что дома! Они перекорезили все телеграфные столбы. Пробили днища у рыбацких лодок.

Над еще горячими углями склонялись, пытаясь что-то найти, жители сожженных домов.

— Нацисты сделали это! — сказал мне пришедший в комендатуру вместе с только что вернувшимся из туннеля мэром Хаугеном Гаральд Вальдберг — долговязый, лысый человек в форме, напоминающей английскую морскую. Это брандмейстер города. Человек пожилой, бывалый.

У домика коменданта, где мы встретились с ним, стоял красный пожарный автомобиль.

— Почему же вы, брандмейстер, не тушили пожары? — спросил я.

— Мы пытались тушить! — живо отвечает Вальдберг. — Поджигали специальные команды. Они подымали оружие на всякого, кто пытался сбить пламя. Мой собственный дом сначала не загорелся. Его подожгли второй раз, а когда я хотел вынести свою одежду, немецкий солдат вырвал ее у меня и бросил обратно в огонь.

— Они увели, — добавил Хауген, — всех наших лошадей, забрали автомобили, охотничьи ружья. Даже у лесника забрали ружье.

— А утром я увидела первую советскую женщину,— продолжала свой рассказ фру Лунд.— Высокая, офицер, с русыми косами вокруг головы. Сначала, не поняв, кто это, не пустила ее в сарай.

— Я доктор, — сказала женщина. С ней был норвежский переводчик...

Она вошла, огляделась и поняла все.

— Надо срочно найти другое место.

И нашла... У доктора Хальстрема в березовой роще за Эльвинесом была лечебница. Рядом с ней и расположилась ваша санитарная часть. К вечеру туда отвезли всех матерей с новорожденными. Я, конечно, была с ними. С тех пор каждый год в день освобождения Киркенеса мы — десять матерей с детьми и я — собираемся вместе, пьем кофе, фотографируемся и вспоминаем то время.

Опять в комнате воцарилось молчание...

— Да, ведь я приготовила вам сюрприз,— спохватилась фру Лунд, встала и торжественно распахнула дверь.— Входите!

В гостиную вошли две беленькие, тоненькие девушки в двое парнишек. Девушки присели в книксене, парнишки расшаркались.

Пожимая мне руку, они называют свои имена.

Так вот кто, оказывается, шушукался за дверью, еле сдерживая смех. Нелегко было им ждать полтора часа.

Глядя на них, я думаю о том, что памятник советскому воину-освободителю в центре Киркенеса для этих девушек и

юношей не просто символ, а постоянное вещественное напоминание о самых первых днях жизни. А ведь Дагни Сиблюнд в начале войны была немногим старше, чем эти девочки.

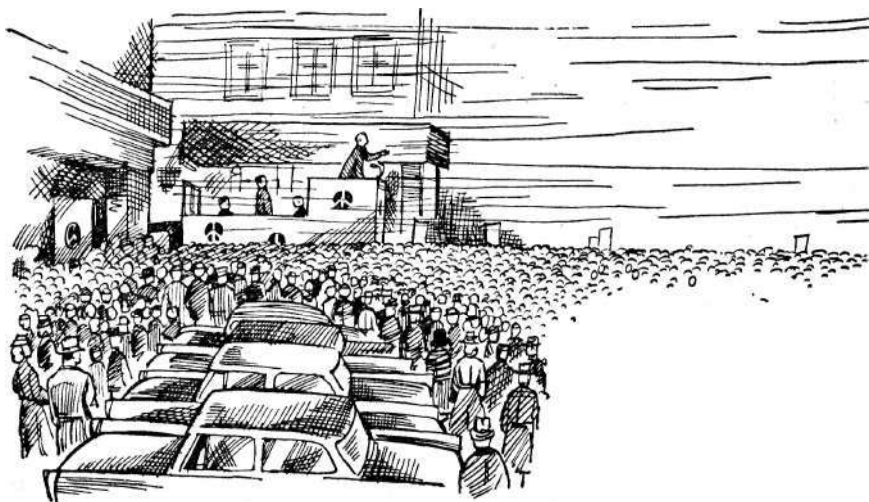
Смушение первых минут знакомства быстро проходит за чашкой горячего кофе.

Ребята рассказывают о своих планах.

Однако мне пора прощаться с фру Лунд и «се детьми» — надо идти в новый Рабочий дом.

Только что звонили, что там уже собрались и друзья Дагни Сиблюнд, и родители Эббы Сеттер, и шофер Сигурд Ларсен, который спас в годы войны и прятал у себя на чердаке Павла Кочегина, нашего летчика с подбитого немцами самолета, и плотник Мартин Юхансен, с которым я познакомился сегодня утром на строительстве бассейна для плавания. Пришли люди¹ с обогатительной фабрики и железного рудника. И Курт Мортенсен — председатель их боевого, сыгравшего немалую роль в рабочем движении Норвегии профсоюза, гордо именуемого (здесь каждый профсоюз имеет свое собственное название) «Скала Севера». Мортенсен совсем еще молодой человек.. Когда наши части освободили Финмаркен, он был моложе тех парнишек, с которыми я познакомился у фру Лунд.

На эту встречу — собрание киркенесского Общества дружбы с Советским Союзом — пришла и Сольвейг Вике — родная сестра Иенсена, рыбака, расстрелянного за то, что он на мотоцикле переправлял антифашистов на восток, чье имя высечена

на поминальном граните обелиска. Был здесь и младший брат Хельвольда, ведающий сейчас отделом труда в муниципалитете. О многом шла речь на этом собрании, но больше всего, конечно, о том, что надо делать, чтобы не допустить ядерной войны; об этом сейчас думают все честные люди во всех странах. А на вечер я был приглашен в гости Хельвольдом-старшим и его женой, назвавшей свою дочку Ваня.

ПЕРВЫЙ НОЧЛЕГ

Перед встречей с фру Лунд и «ее детьми» утром я успел побывать в местечке Тернет, километрах в двадцати от Киркенеса.

За рулем машины на этот раз был молодой Хельвольд-сын, высокий, краснощекий, круглолицый, красивый парень в кожанке, словно сошедший с рекламного плаката. Он совсем недавно кончил школу и теперь переживал медовый месяц своей независимой жизни, самостоятельной службы — городским шофером-механиком. Он немного говорил по-русски, и ему понятно было, как, впрочем, и другим киркенесским друзьям, мое желание повидать тот дом, в котором я нашел свой первый ночлег в Норвегии.

И сидя рядом с молодым Хельвольдом, глядя на развертывающиеся перед нами кольца дороги, в этот ослепляющий солнечным светом июньский день я перебирал в своей памяти шаг за шагом события того короткого, облачного октябрьского дня, когда впервые ступил на норвежскую землю.

Первые километры дороги на каменистой, горной земле ничем не отличались от военных дорог Кольского полуострова, от нашей заполярной тундры, похожей на гигантские волны внезапно окаменевшего моря. Метров на триста ввысь возносится скалистая гряда, а за ней внизу болото или озеро. За болотом снова встает поросший мхами гранитный хребет, а за ним опять болото, а потом вновь каменная гряда — и так от Мурманска до Атлантики, сотни километров. Если снять пограничный столб, то вряд ли кто бы и заметил границу между Мурманской областью и Норвегией. И вдруг за одним из поворотов, словно в волшебный фонарь вставили новую пластинку, поглубели горы, зазеленела вода и на склонах гор появились робкие рощицы. Ветер сразу стал не таким резким, потеплел. Сказывалось дыхание Гольфстрима.

...Наши войска вырвались к Яр-фьорду. На склонах прибрежных гор запестрели разноцветные домики норвежцев. Даже невзирая на грохот близкого боя, как не засмотреться на эти крутые обрывистые горы, эти пестрые домики, отраженные в глубокой воде фьорда! То был первый норвежский поселок. Тернет.

Подоженная немцами школа, где должен был разместиться штаб, догорала. Значит, штаб гвардейской дивизии генерала Короткова размещается в каком-то другом домике.

Впереди по дороге шли войска. Обветренные герои боев Заполярья. Дорога не вмещала пехоту и автомобили, орудия и повозки — весь этот движущийся на запад поток. Отжимая все остальные машины к обочине дороги, грохоча гусеницами, проходили танки седьмой гвардейской Новгородской орденосной бригады. Мне надо было найти среди них танк младшего лейтенанта Боярчикова.

Вчера вечером танки вырвались к фьорду, опередив пехоту, и танк Боярчикова был первым. Он завязал бой с тремя немецкими катерами, на палубах которых было много егерей. Катера отвечали огнем орудий и пулеметов. В получасовом бою танку удалось потопить два катера, третий все же успел удрать — выскочить из фьорда в Баренцево море.

Танки медленно продвигались в походной колонне по загроможденной дороге, и с экипажем Боярчикова я беседовал на ходу, прицепившись к броне машины.

— Да они сразу поняли, что попали в вагон для некурящих! — сказал один танкист, снимая шлем. Голова его была перевязана задымленным уже бинтом.

— А мы сюда прибыли не лимонные дольки сосать! — подхватил водитель, но тут же рассердился на себя, на товарищей ва то, что был упущен третий катер. — Надо было вести огонь сначала по дальнему катеру, а потом уж по ближним. Знали ведь, когда танки надвигаются по дороге, бей по последнему, чтобы другим к отходу дорогу перекрыть. Так ведь положено по уставу?!

— Но ведь нас долбали из ближнего катера, — возразил ему башенный. — И скажи ты мне, в каком это уставе записано про бой танка с морским флотом?

— А в каком сказано, что пехота может пройти по дну моря! А вот, поди же ты, коротковцы прошли! — возразил третий танкист и, раскрыв лист фронтовой газеты «В бой за Родину», ткнул рукой в мою корреспонденцию о том, как бойцы генерала Короткова прошли в часы отлива по вязкому дну моря, по дну Печенгской губы, и внезапно обрушились на фланг немецкой обороны. Это было в битве за Петсамо *... Действительно, трудно уставу предусмотреть все неожиданности войны на берегах полярного Баренцева моря...

— Вот Тернет, — сказал молодой Хельвольд, притормаживая машину.

Неужели это тот самый дом, где тогда располагался штаб Короткова?! Да, это он! Узнаю. Вот и угловое окно той ком-

* Петсамо — ныне город Печеага. — *Прим. ред.*

наты во втором этаже... Каким старомодным выглядит сейчас среди других, новых, дом, который казался мне самым уютным и удобным местом на свете в ту промозглую осеннюю ночь, когда я нашел приют под его крышей.

В других уцелевших тогда домиках жили норвежцы, и по приказу маршала ни один из них наши солдаты не могли занимать под постой. А было уже темно. День в конце октября проходит здесь с необычайной быстротой. Спать, как две прошлые ночи, в своей амфибии я не мог — она где-то безнадежно застряла позади. С водителем было условлено: место встречи у штаба Короткова.

Кто из нас, фронтовых журналистов Севера, не знал генерала Короткова, командира героической, полуполченческой вначале дивизии, первой на нашем фронте заслужившей звание гвардейской. Приняв на себя удар отборных горноегерских дивизий генерала Дитла — «героев Крита», «победителей Нарвика», — остановила их, прикрыла Мурманск и три года на сопках голой скалистой тундры держала оборону. Однако во внешности Короткова не было ничего геройского. Роста он был невысокого, сухонький, и не в пример другим, даже для пушей важности, не отпустил гвардейских усов... Вдохновение наступательных боев настолько владело им, что он, казалось, даже не чувствовал утомления после нескольких последних бессонных суток.

— Откуда? Как? Устал? — Ну выпей и ложись спать! — сказал он, протягивая мне полный до краев стакан водки.

— Я не пью!

— Ты что, больной? — удивился он и потом без перехода добавил: — Понимаешь, я потерял Покрамовича! Не знаю, где он сейчас. Черт бы его побрал!

Десятки заметок посвятила наша фронтовая газета невероятной отваге и еще более невероятной удаче разведчиков Покрамовича. Имя командира дивизионной разведроты стало у нас почти легендарным. И вот на тебе!

...Пользуясь широким гостеприимством Короткова, я занулся у него в комнате, на столе, положив под голову полевую сумку, среди зуммерящих телефонных аппаратов и выкриков связистов, в ярком свете ослепляющей лампочки, под мерное журчание работающего внизу у дверей дома походного движка. Другого свободного места во всем доме не было.

...Проснулся я в полутемной комнате. Шторы затемнения сорваны, в окно брезжит поздний осенний рассвет. Телефонов рядом со мной на столе нет. Санитары устанавливают на полу носилки с ранеными. Штаб три часа назад как снялся. Бои идут уже западнее Киркенеса. Ну, а как Покрамович?

...Через день на дороге я встретил Лешу Кондратовича, сотрудника фронтовой газеты, в его полевой сумке был самый

свежий материал о разведчиках старшего лейтенанта Покрамовича.

— А ну-ка, молодой Хельвольд, поверни машину на запад, за Киркенес, может быть, мы успеем сегодня разыскать и ту бухту Варангер-фьорда, где шестнадцать лет назад, в последний раз на нашем фронте, прославили себя разведчики из дивизии Короткова.

ПОДВИГ В БУХТЕ ВАРАНГЕР-ФЬОРДА

Сейчас, когда легкий ветерок раскачивает среди скал высокие стрельчатые цветы иван-чая, когда и в полночь светит яркое, незаходящее солнце, трудно представить себе тот густой, промозглый туман, в который ушли разведчики Покрамовича. Слово кто-то нарочно разбавленным снятым молоком налил до краев чашу фьорда, окаймленную высокими каменными берегами.

Скала, на которую взобрались два разведчика, возвышалась над этой налитой молоком береговой чашей, туман клочьями таял у них под ногами. Было так тихо, что они слышали стук сердца. И вдруг снизу из тумана донесся лязг, словно по металлической палубе ползла железная цепь. Кондратьев и Баландин — я сейчас не помню, как они выглядели, не помню их имен, в записной книжке остались лишь их фамилии — подползли к самому краю отвесной скалы и стали вглядываться в туман. И вскоре им удалось разглядеть расплывчатые очертания корабля, бросившего якорь прямо под отвесной скалой. Так в фьордах, словно стараясь раствориться среди серых скал, прятались тогда от авиации немецкие корабли.

Уже больше суток разведчики Покрамовича, миновав разорванную линию фронта, шли по каменистому берегу фьорда, горящий Киркенес для них стал глубоким тылом. По берегу шли четырнадцать человек, шестеро плыли вдоль берега на рыбачьих лодках. Кругом царило безмолвие — ни на открытых вершинах, ни внизу, в тумане, им не встретилось ни души.

— Привал! — решил Покрамович. — Следующего не будет до тех пор, пока не возьмем языка.

Вытащили на берег три лодки. Вскрыли банки с тушенкой, запивая ее зуболомной водой ручья, скатывающегося со скалы. И тут появились разведчики Баландин и Кондратьев, шедшие дозором впереди.

— Немецкий пароход! — обрадовался Покрамович, — тоже красиво! Придется брать языка на море, коли на суше не нашли! Спасибо товарищу туману!

Спустили лодки на воду. В каждой по пяти бойцов. Весла обмотали запасными портянками. Оставшиеся на берегу про-

водили взглядом десант, быстро растаявший в тумане, и пошли к скале, у громады которой скрывался немецкий корабль.

Лодки медленно резали воду. Прозрачные капли с обмотанных портянками весел тяжело падали в бутылочно-зеленую воду фьорда. И вот в тумане возникли расплывчатые очертания судна. Лодки разошлись. Они должны были начать стрельбу, а затем идти на abordаж с разных сторон, чтобы немцы вообразили, что в тумане скрывается много-много лодок.

Покрамович взглянул на руку. Циферблат трофейных часов светился. Время! Автоматные очереди загремели неожиданно и так полнозвучно, что если бы Покрамович не знал, сколько у него бойцов, он сам бы подумал, что их раз в десять больше. Били с трех лодок и с берега.

На пароходе раздались голоса, немецкая ругань... Матросы выскочили из кают и залегли у бортов... Немецкой команде, если бы она только знала, как обстоит дело, ничего не стоило бы потопить три углые лодчонки. Но туман. Туман! И к тому же это был танкер, наполненный нефтью, горючим,— этого не знали разведчики, но знала команда. Если горючее воспламенится, корабль взорвется, и ни от кого из них и следов не останется...

Вот почему, когда на палубу полетели и стали рваться ручные гранаты, разведчики услышали с корабля крик, сначала по-немецки, а затем на ломаном русском:

— Не стреляйт! Сдаемся! Не стреляйт!

Медленно пополз по мачте белый флаг и растаял наверху в тумане. По спущенному трапу бойцы быстро взобрались на палубу, и, прежде чем команда разобралась, что и как, разоружили ее. И тут немецкие моряки увидели, как их перехитрили. На палубе было всего пятнадцать человек. Небритые, шинели второго срока службы, с ожогами от лесных ночевок у костров, с рваными ранами от ползания по-пластунски на каменистых сопках. Грубые кирзовые сапоги, одолевшие сотни верст болотного бездорожья, звонко топали по надраенной палубе. Серые ушанки нахлобучены на лоб, поди, разыскивай потом, если в схватке свалится. И всего-то их было здесь полтора десятка.

— Это все? — растерянно спросил капитан.

— Там еще сто пятьдесят миллионов! — показал на берег Покрамович.

Он отрядил половину бойцов конвоировать пленных в Киркенес, остальных оставил при себе на танкере.

Медленно в ожидании текли часы. Молоко тумана превращалось в чернила. Над фьордом опустилась густая, непроглядная, хоть выколи глаза, ночь. А когда в полночь туман, словно театральный занавес, стал подыматься, вдали послышалось

фырчание, тархтение мотора. В бухту входил катер. Огни его были погашены. Чтобы показать, что на танкере идет обычная жизнь, один из разведчиков потянул загремевшую на палубе цепь.

Катер подошел к танкеру борт о борт. Капитан его что-то* крикнул по-немецки.

— Это была не ругань,— рассказывал мне потом Покрамович,— немецкие ругательства я хорошо изучил.

В ответ на выкрик немца на катер полетели ручные гранаты. Разведчики перепрыгивали через борт танкера на катер. В темноте завязалась короткая рукопашная. У разведчиков — преимущество внезапности. К тому же людей на катере было не больше, чем у Покрамовича.

Радист был убит у своего аппарата. Но, видимо, он успел передать последнее донесение.

Разведчики открыли кингстоны на катере. Хлынула холодная, темная, клокочущая вода. Катер, накренясь, пошел ко дну, и с палубы танкера видно было, как еще некоторое время на поверхности показывалась пена.

Прошло еще несколько часов... На открывшемся до конца черном небе разыгрывалось северное сияние. Многоцветные языки его вспыхивали, перебегали, трепетали высоко в небе, которое, казалось, становилось все шире и шире, все больше и больше, а горы делались меньше, и танкер с его малочисленной командой казался совсем крохотной каплей, затерянной в Мировом океане. И вот тут-то у входа в бухту показался военный корабль.

— Похоже на канонерскую лодку,— решил Покрамович.— Теперь немцы сами сделают все, что нужно.

Разведчики на шлюпке, принадлежащей танкеру, отплыли на берег, залегли среди скал и стали ждать, что будет дальше.

Канонерка застопорила ход метрах в четырехстах от танкера и открыла огонь. Немцы начали войну со своим обезлюдевшим танкером. Их не озаботило даже то, что никто не отвечал на пальбу. Несколько снарядов попало в трюмы, в танки с горючим. Танкер вспыхнул.

А разведчики далеко ушли по берегу от горящего судна. Шли на восток. Скалы уже заслонили от глаз фьорд, а они все еще видели зарево над фьордом, оно как будто подымалось и хотело соединиться с недосыгаемым, играющим языками северным сиянием.

...Нет, обо всем этом норвежцы не знали. Некоторым из них было известно, что здесь после морского боя затонул гитлеровский корабль, но как это произошло, никто не ведал, и рассказ о разведчиках-пехотинцах, взявших на abordаж с моря современный корабль, казался похожим на старинную сагу.

Остановив машину на берегу той самой бухты, где не тысячу лет назад, не сто, а всего лишь шестнадцать разыгрался этот боевой эпизод, молодой Хельвольд вытащил записную книжку:

— Повтори, как фамилия командира разведчиков! — попросил он.

Через месяц после этого боя в одной из бухт Варангер-фьорда, — когда по Мурманской железной дороге, заносимой снегами, шли на юг, на Прибалтийский фронт, дымя трубами теплушек, эшелоны с дивизией Короткова, олене-лыжной и танковой бригадами и батальонами амфибий, — был опубликован указ о присвоении старшему лейтенанту Покрамовичу Дмитрию звания Героя Советского Союза.

Нет, ни тогда, когда я засыпал среди телефонных аппаратов в доме в Тернете, ни тогда, когда был уже занят Киркенес, я даже предположить не мог, что через какие-нибудь полгода после освобождения Северной Норвегии дивизии Короткова историей будет предначертано освобождать Данию, датский остров Борнхольм. Еще меньше думал я о том, что не пройдет и года, как на экранах Скандинавии будет демонстрироваться датский документальный фильм «Генерал Короткое».

Перед моей теперешней поездкой в Норвегию, в мае, я снова повстречался с генералом Коротковым. Он недавно демобилизовался и, приняв приглашение островитян прибыть на празднование пятнадцатилетнего юбилея освобождения от гитлеровской оккупации, готовился к поездке на Борнхольм.

— Федор Федорович, а что случилось с Покрамовичем, где он? — спросил я.

Коротков помрачнел.

— Покрамович не дошел до Борнхольма. Убит под Ростокм. Могила его в Калининградской области.

И об этом я рассказал киркенесским друзьям. Путь к освобождению Норвегии шел через Берлин. Сколько чудесных советских людей сложили головы, прокладывая этот путь в огне и буре. И думалось мне, что память о подвиге, совершенном в одной из бухт Варангер-фьорда, еще больше должна скрепить нашу дружбу с норвежцами. Пусть сквозь каменные черты памятника советскому воину на площади Киркенеца проступает живая улыбка веселого, отважного разведчика в серой, засалившейся ушанке, на которой светлеет место, где раньше была красная звездочка.

Звездочку эту попросила на память первая норвежская девушка, встреченная разведчиками в Тернете.

ЦЕЙЛОНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

В 1948 году Цейлон сбросил колониальное иго, и с этого времени дружеские связи советского и цейлонского народов стали быстро крепнуть. В Москве было организовано Общество советско-цейлонской дружбы, которое своей деятельностью максимально способствует развитию дружественных отношений и культурных связей между народами Советского Союза и Цейлона. Общество укрепляет связи с Лигой цейлоно-советской дружбы и другими цейлонскими общественными организациями, с научными и культурными центрами, учреждениями и отдельными лицами, выступающими за мир, дружбу и взаимопонимание с Советским Союзом.

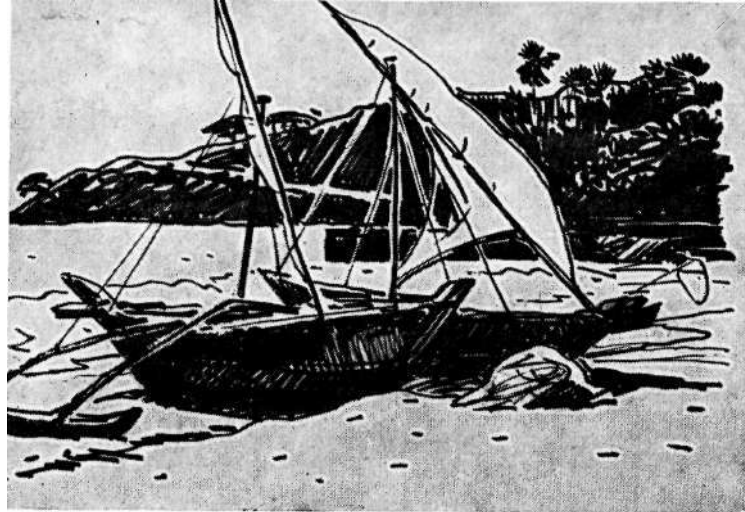
С 1957 года много наших специалистов — ученых, географов, ботаников, чаеводов, учителей и художников — побывало на Цейлоне, одни как туристы, другие по приглашению цейлонского правительства в ответ на пребывание цейлонских специалистов у нас в Советском Союзе.

В январе 1961 года в составе одной из таких туристических групп довелось и мне побывать на острове вечного лета. Я не буду описывать наш путь до Цейлона, хотя и сам он при скоростях современной авиации кажется сказочным. За несколько часов добраться из Москвы до Ташкента, затем, перелетев Гималаи, пересечь Индию с севера на юг и очутиться в 4 градусах от экватора, и все это за 12—14 летних часов! Мы вылетели в шесть часов утра 31 декабря 1960 года, оставив предновогоднюю Москву с гололедицей и пронизывающим ветром; через восемь часов, прибыв в Дели, мы уже сняли пальто, новогоднюю ночь в Бомбее провели в летних рубашках, а 1 января, купались в Индийском океане, температура воды которого почти не отличалась от температуры воздуха. Жаркий влажный воздух как плотная масса прижимался к телу и как бы подталкивал скорее погрузиться в светло-зеленую и удивительно прозрачную воду океана. И едва успеваешь вынырнуть на поверхность, как сразу же глаза начинает жечь от непривычной пересоленности океанской воды.

На удобных автомашинах наша группа посетила важнейшие города и интереснейшие места Цейлона. Столицу Коломбо, где мы ознакомились с университетом, музеями и чудесным зоопарком, возможным, пожалуй, только в условиях тропиков; крупный научно-культурный центр Цейлона город Канди (столица острова в средние века); расположенный вблизи Канди всемирно-известный Пераденийский ботанический сад; самую южную оконечность Цейлона — город Галле; замечательный заповедник — национальный парк Рухуну, где на свободе можно видеть необыкновенных, уже ставших редкостью диких животных.

Мы побывали в древних столицах Цейлона — Амурадхапуре и Паланаруве. Видели полуразрушенные памятники удивительной каменной архитектуры, сохранившиеся храмы и дагобы, водохранилища и крепости — свидетелей древней высокой культуры, процветавшей на острове еще полторы тысячи лет назад.

Всюду мы встречали теплый радушный прием, нас окружали гостеприимным вниманием. В нашей группе, состоявшей из 15 человек, были работники Московского ботанического сада, их интересовал зеленый мир тропиков; наших чаеводов — чайные фабрики и плантации (цейлонский чай!), а нас, художников, — все вокруг: улицы и леса, базары и города, цвет цейлонского неба и воды Индийского океана.

На очень белом, хорошо промытом океанским прибоем песке стоят вернувшиеся с ночного промысла необычные рыбацкие суденышки — катамараны, с килем, выдолбленным из ствола дерева и надстроенными бортами высотой в человеческий рост, о цельным бревном, прикрепленным на кривых палках на некотором расстоянии от борта

В полуденный зной можно видеть группы купающихся рабочих слонов. Ложась на дно реки, они целиком скрываются в мутной воде, выставив на поверхность кончики хоботов

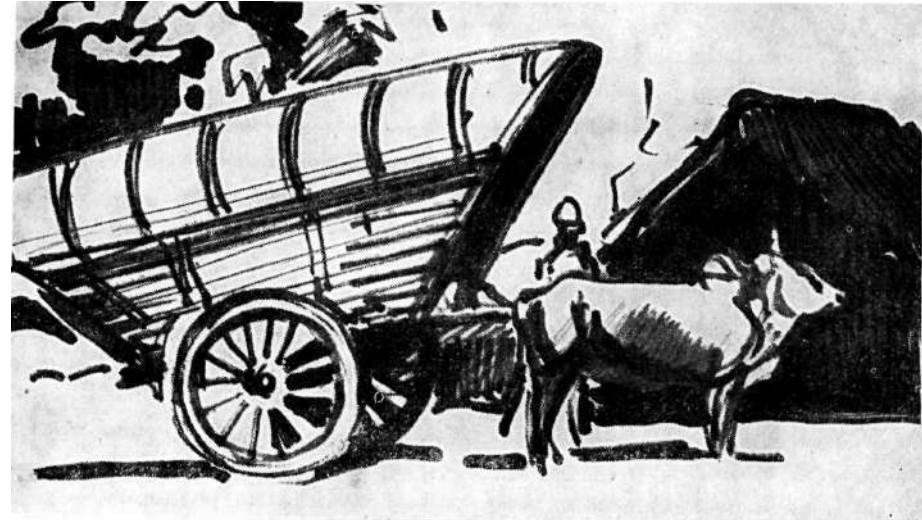

Сингалы, составляющие большую часть населения Цейлона, очень пропорционально сложенный и красивый народ, но в массе своей некрупный.

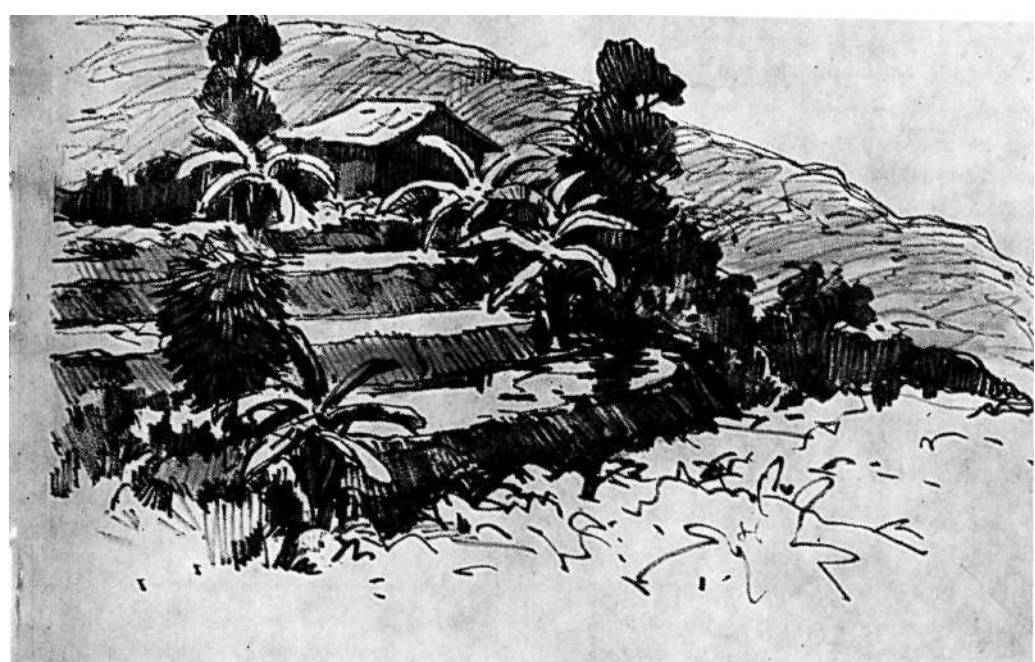
Дружелюбные улыбки окружали нас всюду. Люди охотно позировали перед фотолюбителями и художниками. На моем рисунке изображен молодой сингал-рыбак в типичном национальном костюме — комбое, куске белой ткани, как юбка прикрывающем бедра.

Рощи кокосовых пальм часто выходят на самый берег океана, и их змеевидные стволы, прижимаемые к земле муссонами, создают особый островной пейзаж

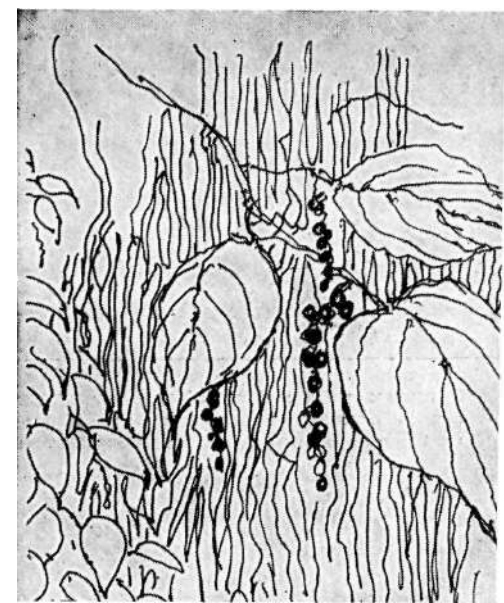

На оживленных, очень хороших асфальтированных дорогах Цейлона наравне с самыми современными автомашинами, автобусами и велосипедами можно встретить особые, только на Цейлоне существующие плетеные из камыша ярко раскрашенные фургоны, запряженные маленькими бычками зебу, а также слонов с объемистым грузом на хоботе

Отвоеывая у джунглей каждый кусочек плодородной земли, изобретательный цейлонский хозяин окружил свое бунгало террасами рисовых полей. Вплотную к ним подступает непроходимая чаща колючих кустарников, завитых, как плющом, дикорастущим перцем — неотъемлемой приправой к рису, национальному цейлонскому блюду — кари

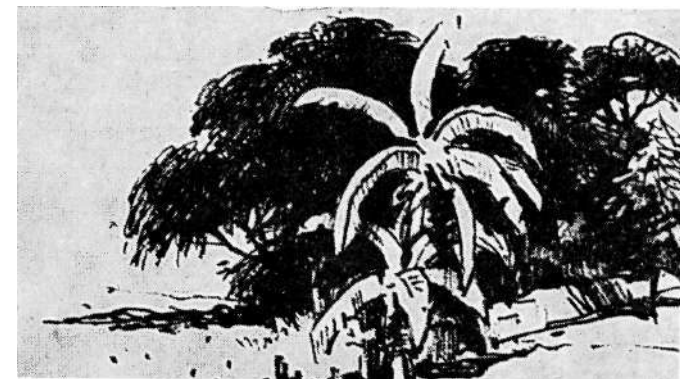

В горном районе Нувара-Элия сохранились массивы лесов, сведенные в других районах колонизаторами под чайные и каучуковые плантации. В гущу гигантов с мягкой южной хвоей вплелись перекрученные стволы с зонтичными кронами

По берегу мутной горной реки, омывающей берег замечательного Пераденииского ботанического сада в городе Канди, раскинулась роща древовидного бамбука. Это привычные нашему глазу удочки, какие мы видим за прилавками магазинов для рыболовов-любителей, только высотой в хорошую северную сосну, да и у основания не всякий ствол обхватишь руками

Ганс Оттен

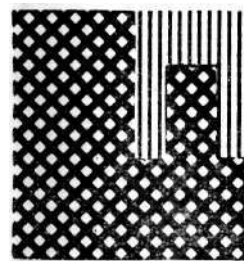
Я ВИДЕЛ

АЛЖИР

Очерк

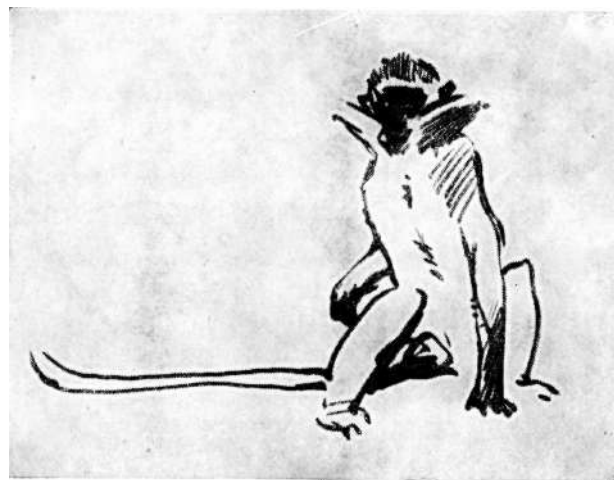
ОТ АВТОРА*

РЕЖДЕ ЧЕМ попасть в Алжир, мне пришлось покрыть расстояние в несколько тысяч километров. Тысячи километров на автомобиле, верхом и пешком проделал я по Марокко и Алжиру. Я считаю своим долгом описать все, что я видел и слышал, рассказать читателю о горе алжирского народа, о героизме его Национально-освободительной армии, в подразделениях которой я провел не один день... Свой первый очерк я посвящаю сиротам, нашедшим приют в марокканском оазисе Хемиссет**, чьи отцы и матери погибли в борьбе за свободу Алжирской республики.

* Очерки напечатаны в еженедельном журнале ГДР «Вохенпост» за 1960 год.

** Хемиссет — местечко на севере Марокко к востоку от столицы страны города Рабата.—
Прим. пер ев.

Во время этой поездки из Рабата, столицы Марокко, в Хемиссет меня сопровождал секретарь одного из алжирских профсоюзов Хрун, ответственный за размещение и воспитание детей, бежавших из Алжира.

ХЕМИССЕТСКИЙ ОАЗИС

Последние сто метров мы шли пешком. Дорога вела на вершину холма к дому каида * — теперь жилищу и школе алжирских сирот. Теплый ветер вздымал тучи песка и гнал их по склону. У женщины, которая шла нам навстречу, лицо по самые глаза было закутано белым покрывалом. Следом за ней бежали двое мальчиков. При каждом порыве ветра они отворачивались, так что песок, струясь с плеч, сыпался им прямо в карманы. Заметив нас, они остановились, пошучукались и запели песню. Они вновь и вновь упрямо затягивали ее, хотя вихрь заглушал их голоса и разъедал глаза. Вытирая слезы, они вызывающе поглядывали на меня.

* Каид — наместник (арабск.), нечто вроде уездного начальника.— *Прим. перев.*

ОБ ОЧЕРКЕ «Я ВИДЕЛ АЛЖИР»

НАШИ дни так бывает часто: книга, написанная кап оперативный репортаж о текущих событиях, выходит из печати, превратившись в историческое свидетельство. И дело не в особенностях типографской техники, не во времени, понадобившемся для перевода.

Марко Поло немного бы исправил в своих дневниках, если бы через сто лет вернулся на места своих путешествий. А теперь течение жизни приобрело иные скорости. «Я видел Алжир» — называются очерки Ганса Оттена, немецкого публициста, главного редактора журнала «Вохенност». Сегодня уже нет того Алжира, который видел Ганс Оттен, хотя он побывал там сравнительно недавно. Над его городами и рощами, над горными ущельями и песками пустыни воцарился долгожданный мир. В небольшом городке Эвиане на франко-швейцарской границе было подписано соглашение о прекращении огня. 1 июля 1962 года в Алжире состоялся референдум, закрепивший право алжирского народа на самоопределение.

Огромная, шестисоттысячная французская армия, вооруженная самой современной техникой, бомбардировочная авиация и отряды вертолетов не смогли справиться с подразделениями Нацио-

Я вопросительно посмотрел на своего спутника. Он рассмеялся и поздоровался с детьми: «Салем алейкум».

— Ребята думали, что вы француз,— сказал он.

— Ну, и...?

— Вот они и запели марш Алжирской Национально-освободительной армии.

Позднее, в приюте, мне рассказали о судьбе этой женщины и двух ее сыновей.

Это случилось три года назад. Они жили в Сиди Иллахе *. Однажды в деревню ворвались французские солдаты. Капитан согнал всех мужчин на медицинский осмотр. А вечером на них уже напялили ненавистную форму. Офицер был уверен, что теперь они от него не уйдут. Но той же ночью мужчины бежали в горы, прихватив с собой оружие. То, что за этим последовало, испытали на себе тысячи алжирских деревень. Рано утром стариков выстроили на улице. Их расстреляли на глазах у женщин и детей, а дома взорвали.

Все, кто мог ходить, бежали из Сиди Иллаха. Двум братьям удалось пробраться в Марокко... Их матери тоже удалось спастись. Трое, что попались нам навстречу, были единственными оставшимися в живых из семьи в семнадцать человек.

* Сиди Иллах — селение в северо-западном Алжире.— *Прим. перев.*

нально-освободительной армии Алжира, с храбрыми муджахидами, у которых гостил Ганс Оттен. То, что колонизаторы не смогли добиться победы, в данном случае равносильно их сокрушительному поражению.

Военное поражение было одновременно и морально-политическим. Свыше семи лет «грязная война» в Алжире была основой основ французской внешней и внутренней политики. Свыше семи лет подлинны патриоты Франции боролись против этого, пагубно отражающегося на национальных интересах политического курса и предвещали его неминуемое банкротство. А де Голль? Он еще в марте 1960 года говорил об Алжире: «Независимость невозможна. Это было бы глупо, чудовищно».

В действительности чудовищной была колониальная аеапjtюра Франции в Алжире, как и все другие попытки, направленные на то, чтобы сдержать необратимый исторический процесс — всепобеждающее национально-освободительное движение народов.

Сто тридцать лет назад пришли в Алжир французские завоеватели. Сто тридцать лет продолжалось сопротивление захватчикам, в нем принимали участие прадеды и деды героев очерков Ганса Оттена. Но только алжирцам — нашим современникам — удалось увидеть варю свободы и независимости на своей земле. Пока еще только зарю: борьба не окончена. Сразу же

Об этом мне рассказал директор школы.

Тем временем с холма послышались голоса. Уроки кончились. Когда я хотел подойти к окну, директор удержал меня.

— Вот еще, что я вам скажу,— промолвил он.— В одном только Марокко насчитывается много тысяч детей беженцев* а таких приютов, как наш, всего два. И лишь ничтожная часть ребят может посещать школу. А вы, вероятно, знаете, сколько молодых, образованных людей потребуется нашей стране, когда кончится эта война...

В сарае и двух бараках разместилось четыре класса. В них шли уроки французского и арабского языков. В сарае было душно и темно, а в бараках — светло, но зато через все шели дул пронизывающий ветер. И хотя зима в Марокко вовсе не так сурова, как у нас, и температура редко падает ниже пяти-восьми градусов тепла, однако для детей, вся одежда которых состоит из рубашки, штанов и сандалий, она весьма ощутительна, особенно если учесть, что они вынуждены часами сидеть за партой в нетопленном помещении. Писать приходится окоченевшими пальцами, но никто не жалуется. Штаны, рубашка и сандалии после всех невзгод прошлого — уже драгоценность. Дети этого не говорят, но они это чувствуют.

после заключения перемирия усилилась подрывная работа черных сотен колонизаторов — отрядов ОАС. Продолжали греметь выстрелы и рваться бомбы: владельцам плантаций, рудников и банков хочется любой ценой удержать награбленное и захваченное в Алжире.

Эвианские соглашения явились важным шагом на пути к достижению Алжирской республикой независимости, суверенитета, но они были лишь первым шагом. И не надо обладать особым даром ясновидения, чтобы предсказать уже в близком будущем полное и окончательное торжество идей национально-освободительного движения в этой многострадальной арабской стране.

Залог тому — несгибаемое мужество народа, устоявшего в неравных боях с регулярной французской армией, удивительное свободолюбие алжирцев, с которым мы знакомы по газетным страницам и по репортажам писателей и журналистов, посетивших Алжир в трудные дни борьбы.

Очерки Ганса Оттена знакомят нас с победителями — с солдатами и офицерами Национально-освободительной армии. Массовый героизм., самопожертвование, неразрывная связь с народом — вот черты, присущие муджахидам. И как не пожелать им скорее вернуться к мирному труду, к строительству нового, свободного и счастливого Алжира!

В. Ардаговский

Алжирские ребята любят те же игры, что и немецкие, и самая любимая из них — футбол. Летом они играют босиком. Зимой же им приходится вместо бута пользоваться сандалиями, и они так ловко чинят их обрезками кожи, что мог бы позавидовать любой сапожник. Так же как и у нас, простуда здесь — самое распространенное заболевание, и, так же как у нас, лучшее средство против нее — теплая обувь и одежда. Но увы! Порог дома, где прежде его обитатели и посетители оставляли свою обувь, теперь обычно пустует.

Когда-то здесь стояли богато расшитые туфли каида, для которого колониальные власти построили этот дом, назначив каида своим чиновником. Он вел себя как средневековый барон, делал все, что вздумается: выколачивал непомерно высокие налоги и расправлялся со всяким, кто не подчинялся его предписаниям. Каидов, уцелевших после провозглашения независимости, можно пересчитать по пальцам. Большинство из них были продажны, и местное население их ненавидело. Опустел дом и в Хемиссете. Как и все усадьбы в арабских странах, он окружен высокой стеной, к которой примыкают жилые постройки с плоскими крышами и окнами, выходящими во внутренний двор.

Войдя туда, я был поражен. Благоухали розы и эвкалипты; густая темно-зеленая листва апельсиновых деревьев, увешанных яркими плодами, затеняла солнце, и от этого в саду ца-

рил приятный полумрак. Дорожки и терраса с колоннадой в мавританском стиле были выложены цветным кафелем. И в этом оазисе на суровом, выжженном солнцем холме под Хемисетом сидели мальчики и ели фасолевый суп. В углу террасы расположились учителя.

Один из воспитанников, одиннадцатилетний мальчик Абид, непременно хотел показать мне свою койку и повел нас в спальню, где во всю длину зала выстроилось сорок походных коек. Каждая из них покрыта одеялом, а второе аккуратно сложено в ногах. Абид жестом, преисполненным достоинства, указал мне на свою постель. Было заметно, что эту манеру он перенял у отца, когда тот приглашал своих гостей. Мы уселись на его койку, и он начал большую историю своей маленькой жизни.

— Расскажи-ка нам сначала, откуда ты взялся и как все это началось, — сказал директор.

— Я родом из Манира*, — заговорил Абид, который, выпрямившись, сидел перед нами и теперь казался больше и взрослее. — Это было в пятницу, летом. Я помню точно, так как отец с дядей в тот день молились. И тут я услышал громкий-громкий грохот. Мой отец сказал: «Это дорога». Я ничего не понял... Потом я услышал выстрелы. Много выстрелов. Все разбежались по домам.

А потом снова кто-то выстрелил. Потом пришли французы. Они сказали, что дорога взорвана и будто мы спрятали у себя бойцов, так как они нигде не могут их найти. Но у нас не было ни одного. Отца и дядю избили и...

Абид умолк, и директор спросил его:

— Они забрали только твоего отца и твоего дядю?

Абид покачал головой.

— Нет, еще много мужчин, и всем связали руки и накинули веревку на шею...

— А потом? — спросил директор.

Мальчик пожал плечами.

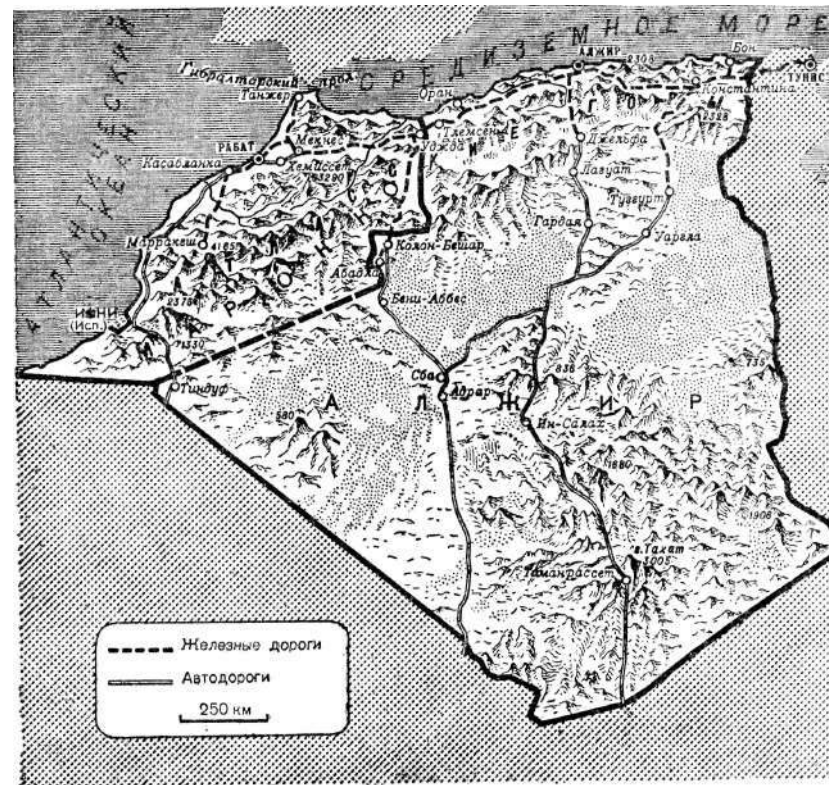
— Я не знаю. Позднее старший брат сказал нам, что отец и дядя в Тлемсене**. Потом он оседлал коня и ускакал туда. Когда он вернулся, то привез с собой отца... Отец был мертв..., А на спине у него были две большие раны... Все мы плакали...

Последние слова он произнес едва слышно. Но еще прежде, чем директор успел сказать что-либо, Абид заговорил снова.

— А нотом все пошло по-другому. Мать молчала. А мой старший брат все время куда-то уезжал. И его отлучки стано-

* Манир — селение в северо-западном Алжире. — Прим. перев.

** Тлемсен — город и железнодорожный узел на северо-запада Алжира, близ границы с Марокко. — Ярил, *перев.*

Карта Алжира и Марокко

вились все дольше и дольше. А йотом он и вовсе перестал возвращаться. Мать сказала, что он в Париже. Однажды ночью я проснулся от громкого стука в ворота. Когда мой второй брат это услышал, он забрался на крышу. Мать молчала. Она зажгла свечу. Потом они взломали ворота. Я громко-громко закричал. Это были опять французы. Они избили меня и заперли в кухне. Тогда я притих и стал прислушиваться. Они ругались все громче и громче. Мать молчала. Потом стало совсем тихо. Я заплакал. Позже пришел дядя и отвел меня к бабушке.

Абид снова замолчал.

— А что с матерью? — спросил я.

Абид проглотил слезы и удивленно — так, словно мне это следовало знать, — взглянул на меня:

— Она была мертва.

Теперь замолчали мы.

— Рассказывать дальше? — спросил Абид.

Директор кивнул, а я едва отважился поднять глаза: ведь из-за меня он пережил все это сызнова.

— А потом пришли бойцы и сказали, чтобы мы уходили в Марокко. Они говорили, что французы собираются уничтожить всю деревню. Многие ушли. Бабушка не хотела. Вскоре недалеко от нашей деревни взорвали мост. Я был на пастбище с пастухами, когда прилетели самолеты и сбросили бомбы. А потом появились танки. Пастухи сказали, чтобы я лег в траву. Поэтому я больше ничего не видел, но все слышал. Меня нашли наши и забрали с собой. И я уже не мог вернуться в деревню. Один из них обнял меня и сказал: «Там больше ничего нет». Вот и все, а потом... потом я пришел в Уджду*, а затем и сюда.

— А твои братья? — поинтересовался директор.

— Не знаю, — сказал Абид.

Я перестал делать заметки и записал слова мальчика только тогда, когда он вышел.

Сто десять детей нашли в Хемиссете временное пристанище. Но, как и предсказывал мне директор, во время моего путешествия я встретился с детьми, у которых не было ни штанов, ни сандалий, не говоря уже о том, что они и в глаза не видели школы и рады, если им раз в день удастся поесть

* Уджда — город и железнодорожный узел на северо-востоке Марокко, близ границы с Алжиром.— *Прим. перев.*

горячего супа. Им нет числа, этим бездомным, ибо ежедневно через границу бегут дети, спасая свою жизнь.

И они испытывают те же чувства, что и мальчик, которого мы встретили в Уджде. Горе заставило его разговориться:

— Когда я прошу у матери хлеба, она отворачивается. Моим друзьям живется не лучше. Мы почти не играем. Взрослые рассказывали мне, что есть дети, которые всегда едят хлеб. И они говорили, что, если каждый из вас хоть раз вспомнит обо мне, все будет по-другому.

ГОРОД СТРАХА

В Уджде зима. Утром, как всегда, холодно, днем тепло, а вечером временами тепло, временами холодно. Ягоды черного перца на авеню Мохаммеда V уже покраснели. Их спелые гроздья, выделяясь на фоне темно-зеленых листьев, свешиваются до самых окон кафе «Коломбо».

Рю Бернардэн-де-Сен-Пьер относится уже к современной части города и тянется вплоть до садов и крестьянских полей. Перед последним домом растет фиговое дерево. Голое и гладкое, оно, словно руки, раскинуло свои узловатые, скрюченные сучья. Тот, кто прислонился к его стволу и читает, мог бы быть студентом из Сорбонны. Но вместо конспекта в его руках записная книжка, и он прислушивается к разговору трех раненых, которые в нескольких шагах от него устало опустились на траву. У каждого из них только одна нога. Их шинели оливкового цвета — цвета формы алжирской армии.

— Распишитесь здесь, — водитель притормозил джип и подает мне тетрадь для регистрации пассажиров. Должно

быть, я выгляжу слишком странным, когда изумленно смотрю на него, так как он повторяет:—Вы должны расписаться, что я благополучно доставил вас в Уджду.

Я ставлю подпись, и Си Мустафа, высокий алжирский офицер, говорящий по-немецки, ведет меня в отель. Скромный коридор, скучные комнаты, шкаф, две койки, окно во двор — такова наша квартира. Контора отеля расположена в другом конце коридора, выходящего на улицу, а привратники — солдаты, вооруженные автоматами. И только когда мы ложимся спать, в отеле гаснет свет.

Си Мустафа знаком с городом еще со времен французского господства. Однако с провозглашением независимости Марокко улицам и даже кафе и ресторанам присвоили новые названия. Когда мы уславливаемся о встрече с лейтенантом Буаза, Си Мустафе приходится переспрашивать для верности: «Кафе, где бросили бомбу?»

Молодому алжирскому офицеру было пять лет, когда он вздумал пересчитать все звезды в небе над Удждой. Он хороший рассказчик и знакомит нас с Мединой*. В конце этого столетия ей исполнится тысячу лет. По преданию, городу суждено пережить семь разрушений. Но авторы легенды, полагает Буаза, не слишком-то ломали голову над предсказаниями. Разве могла быть уготована другая судьба пограничному городу, объекту давних споров между султанами восточной и западной династий? И именно потому, что для Уджды мир всегда оставался лишь заветной мечтой, ее прозвали «мединет эль хайра» — «город страха».

Люди, в одиночку или группами проходящие мимо нас, останавливаются, делятся новостями, покупают детям воздушные шары и пряники и, кажется, стараются скрыть СВОЁ страх. Чалмы мужчин сегодня повязаны гораздо аккуратнее, чем в иные дни, а белизна широких покрывал и паранджей женщин режет глаз в ярких лучах зимнего солнца. Они празднуют День независимости.

Двери украшены пальмовыми ветвями, из окон свисают флаги, мечети и дома иллюминированы электрическими лампочками. Недалеко от Баб Сиди Аисса, одних из трех ворот Медины, толпятся люди. Они стоят перед дворцом и наблюдают на подъезжающие и отъезжающие автомобили. Губернатор устраивает прием.

— А вы знаете историю этого дворца? — спрашивает меня лейтенант Буаза и, не дожидаясь ответа, начинает:—До провозглашения независимости он принадлежал одному паше. Внешне этот господин казался не хуже и не лучше других. У него была семья, к которой он был привязан,—похвальное,

но далеко не выдающееся качество. Вероятно, он и сегодня сидел бы во дворце, если бы... да, если бы командир партизанского отряда не открыл, что паша оказывал колониальным властям больше услуг, чем требовалось даже от французов,— лейтенант качает головой, словно и теперь еще не может понять, как могло произойти что-либо подобное.— Ему написали дружеское письмо,— рассказывает он дальше.— Я не помню его слово в слово. В нем содержались три мысли: «Мы не возражаем, чтобы он оставался на посту паши... Никто не требует, чтобы он вступил в организацию... Призываем покончить с этим свинством...»

— Свинством? — перебиваю я его.

«Ну да, свинством! — неожиданно взрывается Буаза, так что окружающие пристально смотрят в нашу сторону.— Вы можете назвать это коллаборационизмом,— добавляет он затем снова спокойным тоном.— Во всяком случае, кое-кто из нас по его доносам был арестован французами. Письмо он также передал французам. Попробовали еще раз заставить его образумиться. Но и со вторым письмом он тоже побегал к французам. Нам ничего не оставалось, кроме как перейти от слов к делу, но прежде следовало выработать план. Часами длились дебаты. Но это было попусту потраченное время. Как

* Медина — арабское название старого города.—Прим, перев.

выяснилось, он сам вынес себе приговор. Он принимал участие в пытках. Его присудили к смерти и сообщили ему об этом тоже письмом. «Через три дня, в двенадцать часов пополудни, приговор будет приведен в исполнение»,— говорилось в нем. Этот срок все еще давал ему какой-то шанс на спасение.

— Он вызвал к себе целую роту французских солдат,—говорит лейтенант,—которым вменялось в обязанность день и ночь охранять каждую дверь, каждое окно, каждый уголок дворца. Он издевался над организацией и насмехался над «бумажонкой», как он называл приговор.

— И все-таки его привели в исполнение? — спросил я.

— Ровно через три дня, в двенадцать часов пополудни,—ответил мне Буаза.— В это время дня от глаз солдат и соломинка не могла укрыться. Во дворец не входил никто, а из дворца вскоре после двенадцати вышли оба его сына, которых страже было приказано пропускать беспрепятственно. Старший сын был командиром партизанского отряда.

До границы двенадцать километров. Вскоре после выезда из Уджды дорожный знак указывает нам путь к марокканской заставе — маленькому крестьянскому домику на вершине холма. Перед нами простирается зона смерти — алжирская земля. Всякий, кто туда вступит, объявляется вне закона. За этой зоной проходит стратегическая граница французской армии — тройное проволочное ограждение. Оно начинается в Порт-Сае, на берегу Средиземного моря, и тянется через горы, долины и реки, минуя Уджду, к Сиди-Джил а ли у подножия тлемсенских гор *. Каждое из проволочных ограждений достигает двух метров высоты и трех метров ширины и отделено от следующего заминированной полосой земли, поросшей травой и кустами.

Прямо напротив марокканской сторожки за колючей проволокой стоит дот, через два-три километра — второй, на таком же расстоянии от него — третий и так далее, на всем протяжении этого участка границы.

Ночью доты поддерживают между собой связь по радио. Проволочные ограждения оборудованы сигнальными установками и находятся под напряжением. На этой границе из колючей проволоки действует целая система сигнализации. В ответ на каждый сигнал, поступающий по проволоке, открывается ураганный артиллерийский огонь по отрезку запретной зоны. Собака, забредшая в проволочные ограждения, может стать виновником часовой канонады.

Лейтенант обращает мое внимание на французский танк, который, вздымая облако пыли, грохочет в направлении Бу-

Бекера*. Его сопровождают джип и грузовик с солдатами. Танки патрулируют вдоль границы днем и ночью.

Здесь, наверху, с марокканской заставы, видно, что алжирские горы охватывают Уджду полукругом. Некоторые из них безотрадно чернеют на фоне зеленых предгорий. В течение трех дней они стояли обьятые пламенем.

— Их подожгли напалмом, чтобы сделать невозможной всякую маскировку,— объясняют мне.

— Как идет дежурство? — спрашиваю я пограничника.

— Угрожающе спокойно,— говорит он.

Мы смеемся над его ответом, но в нем есть доля правды: и в самой Уджде, и вокруг нее все застыло в жутком безмолвии. Лишь изредка оно прерывается ветром, доносящим раскаты орудий или жаркое дыхание пустыни. Тут уж ничего не поделает сам святой покровитель Уджды, который покоится где-то невдалеке от города,—Сиди Яхья Бен Юнее. Говорят, что это Иоанн, прозванный Крестителем.

Мы уже давно лежим в нашей комнате. Караульные тоже потушили свет. Но на улицах все еще празднуют День независимости.

До нас доносятся песни, музыка, пальба.

— Праздничный салют,— говорю я Мустафе.

— Тревога на границе,— отвечает он.

САЛЮТ В ЧЕСТЬ САЛИХИ

Дом, где родилась Салиха, стоит на краю деревни, у подножия тлемсенских гор. Салихе дальше всех ходить за водой к источнику. Чтобы дойти до него, надо миновать все дуары, раскиданные по обеим сторонам дороги, переходящей в улицу. Они похожи на разрезанные пополам и склеенные между собой спичечные коробки. Несмотря на крайнюю бедность, глинобитные дома свежесвежены и ласкают глаза своим опрятным и мирным видом. Каждый из них окружен каменной оградой. Достаточно встать на стул, чтобы дотянуться до ее верха.

Салиха — молоденькая девушка. У нее тонкая стройная шея и узкие плечи.

— Я пойду к источнику,— сказала она и в нескольких шагах от двери украдкой кивнула большому простоволосому человеку.

Ее мать и дядя сидят во внутреннем дворике, который так мал, что ни один из уголков не может укрыться от тени, отбрасываемой апельсиновым деревом.

* Населенный пункт на алжирско-марокканской границе к юго-востоку от Уджды.— *Прим. пер ев.*

* Северные отроги Атласского хребта возле города Тлемсена в северо-западном Алжире, близ границы с Марокко.— *Прим. пер ее.*

Своим появлением этот человек прерывает серьезный в вместе с тем шекотливый разговор. Салихе пора замуж. Дядя торопит. Он слишком часто видит, как девушка ходит к женщинам и засиживается у них дольше обычного. Кто может поручиться, что она не встречается и не разговаривает там с молодыми людьми. При одной мысли об этом дядя сжимает в кулак свою бороду.

Большого в деревне знают. Все с уважением отвечают на его приветствие. Он начальник укрепрайона, и если французские войска неожиданно появляются в деревне, скрывается в дуарах.

У дяди Салихи трясутся руки, когда большой говорит:

— Муджахиды хотят, чтобы Салиха стала их сестрой.

Салиха, обутая в сапоги, ночующая в одном шатре с мужчинами,— всем своим существом семидесятилетний старик восстает против этой мысли.

— Она и сейчас уже заглядывается на парней,— говорит он,— перечит, когда с ней разговариваешь, вместо того чтобы молчать, как того требуют приличия.

— Но ведь вы же знаете, что она несколько месяцев возглавляет женскую ячейку в деревне? — спрашивает большой,— и, выполняя наши задания, разговаривает с мужчинами.

Водворяется долгое молчание. Старик хмурит брови и комкает свою бороду. Тогда вмешивается мать:

— Если это ее и ваша воля... Но я хочу знать, куда она пойдет, мы сами отвеем ее в горы.

* * *

Позиция расположена на склоне столовой горы. Словно крышка гигантского гроба, торчит она из густого кустарника. Веками сползавшая почва образовала на склонах горы круговую насыпь, вал,— идеальное укрытие для дозорных.

Отсюда сверху на большом расстоянии просматривается вся окружающая местность.

Вдали отчетливо видны три точки,двигающиеся по направлению к холму. Достигнув подножия горы, они обретают размер карандашных отрывков. Часовой только и ждет этого момента. Он поднимает руку и кричит: «Они идут!»

Быстро, насколько позволяет каменистая почва и колючий кустарник, муджахиды сбегаются к месту сбора. Даже теперь, когда весь взвод собран на узком клочке земли, его можно обнаружить только с воздуха — настолько высок вал, опоясывающий столовую гору.

Пока солдаты прихорашиваются, франтовато повязывая шейные платки и до блеска начищая оружие, проходит еще добрых полчаса. Потом мужчина и обе женщины спускаются в траншею.

Одна из них молодая, с тонкой стройной шеей и узкими плечами. В ее честь построен взвод.

— Салиха, муджахиды приветствуют тебя,— обращается к ней один из солдат взвода.— Твое решение стать бойцом вселяет в нас силы и мужество. Мы никогда не забудем, что ты сестра, а мы твои братья и все мы одна семья.

Дядя подводит девушку к командиру взвода. Люди замерли в торжественном молчании, только ветер, срывая мелкие камешки, с шуршанием гонит их по загрубелым, изборожденным трещинами скалам. Лейтенант вручает Салихе пистолет.

— Помни о том,—говорит он,— что оружие, которое ты носишь,— символ завтрашней независимости алжирской женщины.

Тридцать солдат салютуют залпом из своих карабинов. Эхо с грохотом прокатывается над горой и, с громыханием повернув обратно, разбивается о вал.

— Это было не всегда так просто,— говорит Ясеф *, когда мы садимся под одним из кустов, достигающих человеческого роста.

Самолет застает нас врасплох и кружит над расположением нашей части. Машину не видно, но отчетливо слышно гудение мотора. Капитан Ларби и Си Мустафа остались в долине со взводом, чтобы дожидаться, когда нам приведут коней.

— Тогда в армии тоже были голоса и «за», и «против» приема женщин в бойцы. Я еще хорошо помню, как говорили: «Часть, в которой есть женщина, уже не будет такой подвижной: каждый будет требовать, чтобы его оставили для охраны девушки, и никого нельзя будет послать с донесением или в разведку».

После каждой фразы Ясеф вытягивает голову, стараясь через листву разглядеть самолет.

— Вы же знаете,— говорит он,— что для многих женщина была женой, сестрой или дочерью, которую прячут от всего мира и кутают в паранджу.

— Неужели не было никого, кто бы выступил за прием? — спрашиваю я.

— Конечно были,— отвечает Ясеф,— самые отчаянные говорили: пусть они тогда все делают наравне с мужчинами. Если женщина погибнет, то пусть она погибнет как солдат. ^ Он раздвигает ветви, чтобы лучше видеть.

— Эй! — окликает он командира взвода, который сидит на коротких расстояниях от нас. Это — самолет-разведчик, и он кружит очень низко.— При этом он поднимает ладонь на уровне глаз, наглядно показывая, как низко летит машина.— Его легко можно сбить.

— Только не сейчас! Таков приказ! На этой неделе через наш район проследуют подкрепления.

Ясеф качает головой, и снова усевшись на землю, толкает меня и говорит:

— Теперь это уже старая история и никому до нее нет дела. Но и тогда не все так рассуждали,— рассказывает он дальше.— Нашлись и умные головы, считавшие, что девушки могут и ухаживать за ранеными, и заботиться о женах бойцов в деревне.

— Ну и все-таки, какой же аргумент убедил основную массу? — спрашиваю я.

— Погодите, я вам еще не все сказал,— отвечает Ясеф.— По мусульманскому праву солдат и девушка, которых застанут в объятиях, подлежат смертной казни.

* Ясеф — проводник-связной, сопровождавший Ганса Оттава во время его поездки по частям Алжирской Национально-освободительной армии.— *Прим. перев.*

—А разве были такие случаи?

— Ничего подобного, — энергично отмахивается Ясеф. — Я говорю это вам только для того, чтобы вы хорошенько поняли все отговорки и возражения. Вы спрашиваете, какой аргумент их убедил?.. Этого в двух словах не объяснишь. Еще задолго до облачения в мундир девушка выполняет задания армии: проносит оружие через линию фронта или достает в городах медикаменты для наших раненых. Вручение пистолета — всего лишь признание ее заслуг. Я думаю, что это соображение сыграло решающую роль в тех спорах.

— А отговорки...

— ...это, как говорят у вас, пережиток прошлого, не правда ли? — заканчивает Ясеф мою фразу.— Ведь вы уже бывали а гостях в алжирских семьях? И вас принимали только мужчины, не так ли?

— Да.

— Ну вот, а женщина тем временем стояла в кухне и ждала, останется ли ей что-нибудь поесть. Теперь вы видите, какой шаг вперед сделали наши женщины?

Между тем шум мотора стихает. Машина ложится набок, чтобы описать петлю, и последний раз с воем пронесется над нами.

— Еще один вопрос, Ясеф: солдатам нельзя влюбляться в девушек-бойцов?

Ясеф, который уже собирался встать, снова садится и с удивлением смотрит на меня.

— Слушайте-ка, а вы когда-нибудь видели, чтобы влюбленным можно было что-то запретить? То-то же. А у нас в таких случаях просто женятся.

— Прямо на фронте?

— Прямо на фронте! — говорит Ясеф, подчеркивая каждое слово.— А теперь нам пора идти. Нас ждут, так как все приготовления должны быть закончены сегодня вечером.

Ночью взвод должен занять исходные позиции, гласит приказ. Неподалеку от лагеря солдаты уже сгоняют вьючных животных, нагружая их продовольствием и боеприпасами. При появлении самолета ослы тоже забились в кустарник.

— Солдаты боятся, будто у ослов есть шестое чувство, — говорит Ясеф,— и скотина за несколько часов вперед чует появление французов.— Он смеется.— Но, сказать по правде, я не встречал ни одного муджахиды, который бы полагался в этом на своих животных.

Но ослы и в самом деле не так глупы, как о них любят говорить. Во время моего путешествия я не раз видел, как они настораживали уши, лишь только начинали раздавать боеприпасы или готовить оружие и позиции к бою, и разбежались по кустам, чтобы залечь там, не шевелясь.

В лагере стоят два сивых жеребца и пегая кобыла. Капитан Ларби хвалит их выносливость и быстроту.

— Мы будем испытывать истинное удовольствие,— кричит он мне.

При мысли, что на них придется проделать все путешествие, мне становится не по себе. Я не помню, ездил ли я вообще когда-нибудь верхом.

Солдаты, которые выступают первыми, наполняют свои фляжки водой из деревянных бочек.

Здесь не осталось и следа от свойственной арабам суетливой деловитости, наполняющей шумом и гамом базары и кафе Уджды и отнимающей покой у постояльцев гостиниц.

Каждый муджахид двигается проворно и ловко, избегая малейшего шума, даже в том случае, если на целые мили в округности нет ничего живого, кроме колючего кустарника да зарослей альфы*. Стоит заговорить несколько громче, как немедленно подходит унтер-офицер и тихо делает замечание; беседа продолжается, но уже вполголоса.

В палатке царит глубокая тишина. По звукам, проникающим наружу, невозможно определить число ее обитателей.

Я делюсь с Ясефом своими наблюдениями. Он распускает чалму, чтобы повязать ее заново.

— Неспokoйный вы человек,— говорит он.— Всюду ходите и высматриваете, а потом вам объясняй, что и почему.

— По-моему, война каждого приучает к дисциплине. И, наверное, на это обращается особое внимание при обучении военному делу,— оправдываю я свое любопытство.

— Правильно,— говорит Ясеф,— но тут надо иметь в виду еще кое-какие соображения. Погодите, я расскажу вам два случая.

Один произошел недалеко от Тлемсена. Уполномоченный ФИО** созвал всех мужчин деревни, чтобы установить сумму налога с каждого двора в пользу революционного правительства.

От одной из семей на собрании присутствовал старший сын, высказавшийся за предложенный размер обложения.

Узнав об этом, его отец рассвирепел: «Почему ты не попытался поторговаться и сбить сумму налога?»

И тогда случилось то, что было бы немислимо год-два назад. Сын забыл всякое уважение и накинулся на отца: «Ты эгоист и болтун!» И в тот же день ушел в армию.

Ясеф молчит и выжидательно смотрит на меня.

— Ну, и? — спрашиваю я.

* Разрывавшего ковыля, покрывающего обширные пространства засушливых степей Северной Африки.— *Прим. перев.*

** Фронт национального освобождения Алжира.

— Ну и? — с упреком повторяет он.— Неужели вы не понимаете, почему этот случай имеет такое значение? В алжирской семье отец всегда считался непогрешимым. Его возраст говорил каждому: он знает и может больше тебя, потому что он старше тебя. Дети не осмеливались взглянуть на него и избегали громко говорить в его присутствии. Он не скупился на проклятья в адрес французов. Но когда ему предложили вступить в армию, он сказался слабым и больным. «Не лезьте на рожон: этот орешек нам не по зубам»,— брюзжал он. Вот тогда-то сыну впервые пришлось усомниться в своем отце.

— Изменения, происшедшие в семье, мне понятны,— говорю я Ясефу,— но какое отношение имеет все это к дисциплине?

— Сейчас узнаете, вначале послушайте вторую историю.

Одному подразделению было поручено собрать важную информацию в деревне, через которую часто проходили французские войска. Командир взвода послал туда муджахида, который там родился и знал каждое дерево, каждый куст.

Сведения были уже у него в кармане, когда его остановил патруль. Одним прыжком вскочив на бочку, он перемахнул через стену и побежал по крышам к дому своего отца. Французы врывались в каждый двор. Когда они приблизились к убежищу муджахида, он ринулся через улицу, перепрыгнул ров и залез в дупло, знакомое еще по детским играм.

Французы нашли его отца. Пять парашютистов поволокли старика к ближайшему дереву, привязали к стволу и начали

пытать. Это было дуплистое дерево, в котором прятался сын. Можете себе представить, что творилось у него в душе, когда он с пистолетом в руках слушал крики своего отца?

— Он выстрелил?

Ясеф сердито смотрит на меня.

— Я ведь именно потому и рассказываю вам эту историю, что он не стрелял. Возможно, ему бы и удалось спасти отца. Но, вероятнее всего, схватили бы обоих, а вместе с ними и сведения, которые были необходимы его части. Разве это не пример дисциплины?

— А теперь разберем оба случая,— говорит Ясеф.— В старой семье каждый знал свое место. Но для сына этот порядок утратил свое значение... Сын ищет новую точку опоры и находит ее в армии, поставившей национальные традиции на службу освободительной борьбе. Здесь все братья...

Пока мы беседовали, взвод выступил из лагеря. Остаемся только мы да раненый, которого Ясеф должен доставить в безопасное место. Пуля пробила ему плечо при переходе границы. Щеки солдата пылают жаром и покрыты лихорадочными пятнами.

— А теперь мы должны расстаться,— говорит мне Ясеф.— А жаль: я бы мог еще кое-что рассказать вам.

Он приводит своего осла, и мы помогаем усадить раненого. Ясеф садится сзади, чтобы его поддерживать.

— Дайте мне его фляжку с водой,— говорит Ясеф, затем хлещет осла по заду.

— Ну, а теперь салем алейкум,— прощается он.— И смотрите, не падайте с лошади, Си Яхья,— напутствует он меня.

Для капитана Ларби и Си Мустафы это шутка. Я же не нахожу в ней ничего смешного.

АЛЬФА ПОЕТ

Сегодня третий день, как мы на плоскогорье. Холодно. Порывистый ветер гонит свинцовые тучи и все плотнее закрывает ими небо. Куда ни глянь — всюду, насколько хватает глаз, простирается необъятная степь, поросшая альфой; миллионы гектаров. Трава растет густыми, не выше колен пучками, между которыми виднеется желтая потрескавшаяся почва. Теперь, зимой, она снова начинает зеленеть.

С незапамятных времен эта цепкая трава служила жителям равнины материалом для изготовления предметов домашнего обихода и строительства крыш. И еще сегодня альфу сушат и, натянув на грубо сколоченные деревянные рамы, плетут из нее рогожи, циновки и маты. Их сшивают друг с другом, подпирают толстым шестом, протягивают к вбитым в землю колышкам «» и шатер готов.

В каждом жилище можно встретить корзины и другую тару, сплетенную из альфы. Бумажные фабрики тоже по достоинству оценили эту траву. Они платят восемнадцать тысяч франков за тонну французскому королю альфы Жоржу Блаше. Рабочие же по установленным им расценкам получают сто франков за двести килограммов травы. За жалкие восемьдесят пфеннигов сборщику альфы приходится гнуть спину от зари до зари.

Плоскогорье вдается клином между Тель-Атласом на севере и Сахарским Атласом * на юге. Своей вершиной оно упирается в Батну**, где сходятся обе горные цепи. Его основание совпадает с границей между Алжиром и Марокко, протянувшейся на двести километров между двумя хребтами.

В этой замкнутой области живет двенадцать племен союза амианов. Они никогда не придерживались невидимой линии границы, а просто со сменой времен года перегоняли свои верблюжьи и овечьи стада с одной стороны на другую. И только два года назад на одном участке границы бульдозеры провели уродливый шрам, объявленный французским верховным командованием запретной зоной, где будут стрелять в каждого, кто там появится.

Нам преграждают путь несколько семейств бедуинов, перегоняющих скот в поисках новых пастбищ. Мы останавливаемся.

Во главе каравана, покачиваясь, бредут верблюды, груженные шатрами и домашним скарбом. За ними следуют дети. Они погоняют навьюченных припасами ослов. Шествие замыкают мужчины верхом на конях, конвоирующие стада баранов. Рядом, собирая траву, бегут женщины.

Я рад непредвиденной остановке. Верховая езда дается мне нелегко. Правда, я ни разу не упал с лошади, но это надо отнести не столько за счет моего искусства верховой езды, сколько за счет арабского седла, спинка которого препятствует падению.

Мой сивый жеребец больше всего на свете боится, как бы его не обогнали. Первый день я ехал бок о бок с Си Ларби, когда нас рысью нагнал Мустафа, чтобы поговорить с капитаном. Жеребец наострил уши, покосился назад и пустился резвой рысью. Капитан Ларби пытался не отставать, и Си Мустафе пришлось перейти на галоп, чтобы догнать нас.

Но жеребец уже никого к себе не подпускал. Обеспокоенный, как бы тот не унес меня слишком далеко вперед, капи-

* Почти параллельная Тель-Атласу горная цепь в Южном Алжире на границе с пустыней Сахара.— *Прим. перев.*

** Город в Восточном Алжире, на стыке отрогов Тель-Атласа и Сахарского Атласа.— *Прим. перев.*

тан тоже скакал вслед за мной. Однако жеребец, чуя погоню, напрягся, и даже Си Ларби не удалось его догнать. В этом повинно было не столько тщеславие моего «Россинанта», сколько стремна, которыми я беспомощно пришпоривал лошадей, судорожно цепляясь за луку седла.

Когда жеребец наконец останавливается, капитан Ларби произносит:

— Ваш галоп слишком резв; а когда он действительно понадобится, лошади уже выдохнутся.

Я утвердительно киваю головой, а сам думаю: «Дорогой, капитан, вам-то хорошо говорить!»

Бедуины приветливо машут нам руками. Один из них скачет в нашу сторону. Он испытующе оглядывает нас хитрыми глазами. На нем низко повязанная чалма и бурнус с подоткнутыми спереди полами. Этот бербер* — предводитель дуара. Наряду с родовой знатью кочевниками управляет администрация, созданная ФНО на началах самоуправления. Ее низшим звеном считается касма — ячейка, объединяющая около десятка семейств.

Следующие ступени самоуправления — дуар, фараа и арх. Все должностные лица избираются. В архе их пять. Они регистрируют новорожденных и умерших, назначают полицию, ведают судебными и хозяйственными вопросами.

Пастух сообщает, что взвод уже оповещен о нашем прибытии.

— Должны были выступить сегодня утром, — говорит он, — но ждут вас.

Я с облегчением слышу, что взвод отделяет от нас всего лишь два километра.

— Французам известно о существовании самоуправления? — спрашиваю я капитана, когда мы отъезжаем.

— Они уже не раз арестовывали доверенных лиц, — отвечает он, — но всякий раз их выбирали заново.

— А французская администрация?

— Каиды! — говорит капитан. — Если они не сотрудничают с нами, то перебрались в город и наезжают в свои племена только под конвоем французской пехоты.

В его голосе звучит насмешка. Я украдкой бросаю на него быстрый взгляд. Как часто я пытался прочесть на его лице то, что звучало в его голосе: насмешку, радость, раздражение или ненависть. Но, как и сейчас, выражение его не менялось, всегда оставаясь хладнокровным и дружелюбным.

Я вздрагиваю, когда он хлопает ладонью по крупу своей кобылы, так как мой жеребец тотчас же косится и настораживает уши. И, хотя конь идет шагом, мне кажется, будто из

* Кочевые племена в Северной Африке. — *Прим. пере в.*

деревянного седла в меня вонзается тысяча иголок. Однако солдат все еще не видно.

Единственным утешением для меня остается то, что, как я знаю по опыту последних дней, они могут вдруг вырасти словно из-под земли. Плоскогорье изрезано бесчисленными длинными, но узкими долинами и балками, о существовании которых догадываешься, лишь начиная в них спускаться или очутившись на отвесном краю обрыва.

Очевидно, засевшие в альфе сторожевые посты давно следят за нами, так как, подъезжая к лагерю, мы видим взвод, построенный в долине. Капитан Ларби обходит шеренги, здороваясь за руку с каждым бойцом. Взвод сформирован всего четыре месяца назад и движется в глубь страны. Долина является пунктом снабжения, через который скрыто следуют все свежие части. Здесь они пополняют свои припасы, здесь же проходят военную подготовку.

Сейчас взвод упражняется в ружейных приемах и поворотах марширующей колонны.

— Они прodelывают это специально для вас, — говорит мне капитан. — Сегодня утром у них уже была строевая подготовка. Она входит в общую программу военного обучения.

Чтобы лучше было видно, он и Си Мустафа уселись на выступ скалы. Я предпочитаю оставаться на ногах. После верховой езды всякое сидение причиняет мне боль. На бугристой местности муджахидам нелегко шагать в ногу и выдерживать интервал между шеренгами.

Как раз в тот момент, когда взвод, взяв на караул, заканчивает строевые учения, сверху падает камень. Полуметровая змея корчится и издыхает. Си Мустафа метко угодил в гадину, раздавив ей спинной хребет.

— Вы знаете, что это за змея? — спрашиваю я его.

— Тут их вокруг много ползает, но никто не знает, как они называются.

— Змеи не беспокоят вас? — обращаюсь я к капитану.

— Лишь изредка, но тогда это довольно неприятная штука, — говорит он. — Совсем недавно со мной произошел такой случай. Мой командный пункт разместился в усадьбе одного алжирского крестьянина. С хозяином мы договорились, что он переедет в город под тем предлогом, что оставаться в сельской местности стало опасно.

Управляющим фермой был назначен один из наших людей. Мы рассчитывали, что сосед нашего хозяина, крестьянин французского происхождения, тоже покинет свою усадьбу. Так оно и вышло. Конечно, он не знал, что управляющий связан с партизанами. В бараке для батраков соседского хутора мы разместили несколько отделений наших бойцов. Все шло как по маслу.

Недели через две являются оба хозяина, чтобы проверить работу управляющего. Наш крестьянин воспользовался этим случаем, чтобы доставить взводу продовольствие.

Но потом соседу вздумалось побывать в жилищах своих батраков, чего раньше за ним никогда не водилось.

В первой же двери он наткнулся на группу наших бойцов. Те задержали его, а когда он оказал сопротивление, пустили в ход оружие. Француз был убит наповал. Сколько я ни проклинал виновников случившегося, сделанного не воротить.

Было ясно как дважды два, что, если крестьянин не вернется в город, скоро к нам пожалует рота парашютистов.

Взводу пришлось срочно очистить усадьбу, чтобы не подвергать опасности жизнь батраков. Труп мы бросили в ручей так, словно человека подстрелили по дороге.

По лестнице-стремянке через люк в потолке я забрался на чердак и, не разгибая спины, притаился там. В течение трех часов свирепствовали парашютисты в усадьбе. Все было перевернуто вверх дном, слышались вопли и стоны избиваемых. Когда каратели ушли, наш крестьянин крикнул мне: «Эти твари убрались!» Но я продолжал сидеть, словно аршин проглотив. Крестьянин заглянул в люк, недоумевая, в чем дело. «Эти твари убрались», — снова повторил он.

— Вот уже несколько часов, как я сижу с одной из них, пробормотал я сквозь зубы. — Дай мне дубинку.

Потом я ударил и убил гадину длиной в руку. Когда я дотронулся до лба, он был весь в поту.

— Но не требуйте от Ларби, чтобы он вам сказал, что это была за тварь, — говорит мне Си Мустафа по-немецки.

— А почему бы и нет?

— Змей либо убивают, либо бегут от них, но никогда не разглядывают. Таков обычай, — отвечает он.

Капитан уже прощается с командиром взвода.

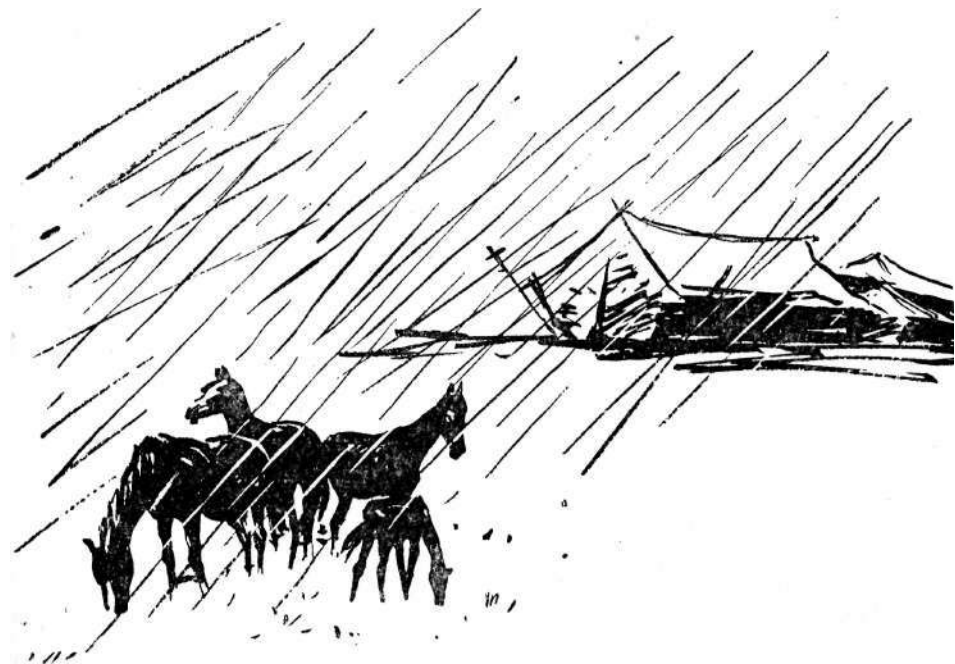
— *Vonne chance!* *, — говорит он приветствие, которым здесь принято напутствовать каждого бойца.

Когда мы снова садимся на коней и выезжаем на плоскогорье, из зарослей альфы вышархивают целые стаи куропаток и, словно темно-серые облака, стелются над степью. Ветер равномерными порывами колышет пучки жесткой упрямой травы — альфа поет.

ЖАЖДА

Мне отчетливо послышался какой-то всплеск. Но кругом тишина. Над мокрыми палатками ползет серая мгла. На спящих вповалку людях тяжелые от сырости одеяла.

* В добрый час! (франц.) — Прим. перев.

Ветер все еще не утих и гнет к земле густые пучки альфы, растущие по краям брезента между колышками. Надувая полотнище, ветер образует щели шириной в палец, а то и в целую руку и через них свободно гуляет по палатке.

Одеяла, шинели, оружие, каждый клочок земли — все покрыто красновато-коричневой пудрой, словно их за ночь кто-то присыпал молотой корицей.

Теперь я снова слышу всплеск, на этот раз прямо за собой. Сквозь щели виднеются спутанные передние копыта осла. Они с хлопанием бьют о мокрую землю, словно требуют, чтобы та укрыла их от дождя. Пара патаугас*, покрытая засохшей грязью, с чавканьем утопает в жирной глине. Копыта семят, делают пируэт и исчезают. Из отпечатков копыт образуются маленькие уродливые лужицы.

* * *

Вода!..

Лишь только прошедшей ночью первые капли забарабанили по сухой земле, разговор завертелся вокруг этого слова. Как всегда по вечерам, в палатке командира взвода собрались

* Солдатская обувь, нечто вроде шнурованных сапог. — Прим. перев.

свободные от караула муджахиды, чтобы погреться у костра за чашкой чая. Я подозрительно заглядываю в свою, где, словно тысяча водяных блох, танцуют и кружатся мельчайшие красноватые песчинки. Капитан Ларби уже выпил. Тогда и я отхлебнул чай, полагаясь на его пятилетний партизанский стаж.

Песок с вечера кружился над плоскогорьем, шуршал по альфовым циновкам, хрустел на зубах. На дюнах он завихрялся в небольшие смерчи и красноватой завесой стлался по равнине.

— Буря,— слышался чей-то голос.

Он имел в виду песчаное облако, которое бойцы сделали своим союзником, используя его для прикрытия транспортных колонн и перегруппировки войск, пока французы сидят в заперти в своих опорных пунктах.

Ураган нагрел с сумерками; к счастью, он задел нас только краем. Дождь лил как из ведра. В несколько минут твердая как камень почва превратилась в трясину. Муджахиды были довольны.

Усатый боец прихватил с собой к огню даже флейту. Другой принес кастрюлю и перевернул ее. Теперь все слушали ветер, ливень, флейту и ритмичную дробь импровизированного тамтама.

— Лучше слишком много воды, чем слишком мало,— сказал капитан, пока усатый переводил дух.— Это поймет только тот, кто познал жажду. Однажды мы оказались втроем в Сахаре. У нас был небольшой бочонок с водой, который мы, чередуясь, несли на перекладине. Мы уже шли три дня, когда один из носильщиков — это был семнадцатилетний паренек — споткнулся. Бочка ударилась о камни и раскололась надвое. Нам не удалось спасти ни глотка.

Вы видели, как рыба, выброшенная на сушу, ловит воздух? Эта картина неотступно стояла в моем воображении. И с каждым днем рыба все росла, и я все отчетливее видел ее залитые слезами глаза и широко раскрытый рот. Мы спешили добраться до цепи холмов. Старший из нас уверял, что там мы найдем кочевников и колодцы.

На второй день — жара стала невыносимой — мы решили передохнуть и выступить рано утром, чтобы за один переход, маршем-броском, достичь холмов.

В то время как мы торопились из последних сил, паренек вдруг остановился и крикнул: «Слышите, как собаки лают?»

Мы прислушались, но кругом стояла такая давящая тишина, что нам казалось, будто мы оглохли. Парень бредил целый день. Если ему не чудился лай собак, то мерещились струйки дыма.

Вначале мы не обращали на это внимания, но потом наши нервы сдали, и мы с бранью накинулись на него. Он успокоился только тогда, когда мы достигли холмов.

Полные надежд, мы дотащились до вершины и... не увидели ничего: ни шатра, ни воды.

— Сейчас уже слишком темно,— сказал старший.

Ночь мы провели у костра. Никому не хотелось спать.

Парень сводил нас с ума. Он едва не умирал от жажды после проделанного нами марша и теперь расписывал, какие муки нас ожидают: как вздуются и полопаются губы, как растрескается кожа на лице, как нас начнет мучить страх перед удушьем, потому что распухшие язык и нос будут затруднять дыхание.

На рассвете юноша вскочил, пустился в пляс и закричал: «Дым, дым, я вижу дым!» Мы решили, что он окончательно свихнулся, и бросились на него.

«Это правда, это правда! Дым, дым!» — хрипел он не переставая.

Мы крепко держали его и смотрели друг на друга. Ни у старшего, ни у меня не хватало мужества обернуться из страха перед разочарованием. Когда я все же рискнул это сделать, то словно замороженный не мог оторвать глаз от долины. Там раскинулся табор кочевников, и из каждого шатра тонкой нитью вился дымок.

Мы расцеловались, словно впервые встретились после долгих лет разлуки.

Все в палатке внимательно слушали рассказ капитана. Усатый помешивал огонь и подкладывал новые сучья.

— Я вполне понимаю ужас юноши,— сказал он.— Мне самому пришлось испытать нечто подобное.

Всему виной была проклятая мина; эта штука взорвалась, когда мы переходили границу. Никого не ранило, но в то время как я был уже на той стороне, другим пришлось повернуть обратно.

И как на зло, по проходящей вблизи трассе на грузовиках приближалась французская рота. Ясно, что они сразу же оказались на месте происшествия. Мне едва удалось скрыться. Но я остался без воды.

Как вам вое время виделась издыхающая на берегу рыба, так мне мерещилась жена, набирающая воду из источника. Вначале я тешил себя картиной полного до краев кувшина, но потом меня стало раздражать, что такая прекрасная вода разбрызгивается зря, а на третий день я уже мысленно лавил губами ее капли, падающие на землю.

Всякий раз при этом я валился с ног, они уже настолько ослабли, что были как у новорожденного ягненка. А сколько раз я попадал впросак, обманутый видением озера, и, ша-

таясь, брел к нему. Мне всегда казалось, что подобные вещи со мной не могут случиться.

Шел к концу четвертый день. В последние часы я уже ни о чем не мог думать. И я не помню, что со мной было. И вот тогда-то вдруг я увидел озерцо. Я бросился на землю и на четвереньках пополз к нему.

Зачем я это сделал, я тоже не знаю. Я подкрадывался к озерцу, как к парашютисту, которого надо захватить живьем. Когда я очутился перед ним, я издал радостный крик. Вернее, мне показалось, что я его издал, так как, должно быть, в сравнении с ним шипение хриплого верблюда звучало как сладкая музыка. Я гладил воду руками и все время молот один и тот же вздор: «Неужели это ты? Если бы ты знала, как я тебя искал, пока нашел! И вот ты здесь».

Потом все куда-то отодвинулось. Я хотел крикнуть: «Стой! Останься! Куда же ты?!» Потом все поплыло у меня перед глазами.

— Это была не вода? — спросил кто-то.

— Она, — возразил усатый, —

но радость была слишком велика, и я потерял сознание. Быть может, я бы так и умер от жажды у самой воды, если бы утром меня не нашли скотоводы, пригнавшие своих верблюдов на водопой.

Муджахиды в мокрых шинелях, набившиеся в палатку, жались к огню. Стоило выйти одному, как его место занимал другой, только что сменившийся с дежурства. Несмотря на бурю и промозглую сырость, это был вечер, как все прочие, когда офицеры и солдаты по-братски сидят у костра, следя за пламенем, с треском пожирающим сучья.

В эти часы здесь можно услышать веселые и печальные истории, и офицер, как и всякий другой в шатре, бережно принимает из рук солдата чашку заботливо приготовленного чая. А если рассказывают о тех, кого слушатели лично знают, среди них воцаряется мертвая тишина. Так случилось и в этот вечер.

Усатый заступил на пост. Его место занял муджахид, не выпускавший из рук винтовку с первых дней освободительной борьбы. У него широкая, почти дородная фигура. Он садится по-турецки и подставляет ладони огню.

— А вы еще не забыли, — напоминает он о боях в дни рамадана*.

— А вы еще не забыли? — повторяет он. — Весь наш взвод ехал на грузовике. До грота с продовольствием оставалось каких-то жалких сто километров, когда наш драндулет забарахлил и ни с места. Мы привели его в порядок только на следующее утро. Мы простояли двенадцать часов, и каждый знал, что братья, к которым мы спешили на помощь, ждут нас как манну небесную. А, кроме того, мы не ели и не пили целый день и целую ночь.

Мы сократили путь и поехали напрямик к району военных действий. К чему нам сдался днем этот грот? Ни к чему: ведь был рамадан. Но мы не подумали о неисправном автомобиле. Как упрямый осел, поздно вечером он снова остановился посреди дороги. И опять мы засели на целую ночь, в течение которой у нас во рту и маковой росинки не было. Единственно, что скрашивало эти часы, были шутки унтер-офицера Таджикиба, но и они были вымученными, так же как и наш смех... Таджикиб пал одним из первых...

Нам пришлось идти пешим строем. Солнце жгло немилосердно. Так мы двигались до самой ночи. А потом попали в засаду, устроенную парашютистами. Мы ослабели настолько, что не могли принять бой, и, разделившись на группы, стали пробиваться из окружения.

* Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого верующим запрещено принимать пищу и пить воду от восхода до заката солнца. — Прим. перев.

Братья Мансур оказались вместе со мной. Когда стрельба улеглась, я щелкнул пальцами. Это был сигнал к перебежке. Но Мансуры не шевелились. Взбешенный их трусостью, я подполз к ним. Оба были мертвы... так же как и Таджиб, Мэдэни, Нурдин, Отмэн... Вы ведь помните...

Наверно, все надолго застыли бы в скорбном молчании, если бы буря не сорвала вместе с колышками брезент с одной стороны палатки. Ветер ворвался внутрь, и нам пришлось поддерживать опорные шесты, пока вновь забивали колышки и, притащив камни, прижимали к земле веревки, крепящие шатер. Усталые и измученные, выпачканные в грязи, промокшие до нитки, мы потушили костер и забрались под одеяла. «А все-таки, сколько ущерба наносит армии рамадан», — успел я подумать, уже засыпая.

* * *

Си Мустафа напрасно пытается разжечь сырые дрова.

— А как относится к рамадану Национально-освободительная армия? — Здороваюсь с ним я.

— Вы имеете в виду вчерашнюю историю? — отвечает он. — Теперь такие случаи исключены. Вред великого поста со всей очевидностью сказался уже в первые годы войны. Верующим самим предоставлено право решать: соблюдать рамадан или нет.

— Но, судя по вчерашнему рассказу, они его соблюдали, — говорю я.

— Верно, — продолжает Мустафа. — Поэтому на третьем году войны офицеры получили указание, что есть днем следует также и в рамадан.

— Ну, теперь мы застряли, — прерывает капитан Ларби ход моих мыслей. — Два дня придется нам ждать после этой бури. Почва размокла и превратилась в болото. Зато жажда* утолена.

ПРОЩАНИЕ

Сразу с улицы попадаешь в большую жилую комнату. Изнутри дверь надежно запирается широкими железными засовами и прикрыта занавеской. Под самым потолком, почти на высоте четырех метров два подслеповатых оконца. Здесь разместилось около двадцати человек. Они пришли на скромный прощальный обед. Это последние часы моего пребывания в Алжирской освободительной армии.

Гости сидят на диванах, поставленных вдоль стен и покрытых темно-красными коврами. Параллельно им тянутся длинные низкие столы. Против меня сидят старейшины родов. Их продолговатые узкие лица обрамлены почтенными седыми бородами. На них белоснежные бурнусы и такого же цвета тща-

тельно намотанные тюрбаны. Возле старцев сидят, кто в форме, кто в штатском, офицеры, сержанты и солдаты. Капитан Ларби, Си Мустафа и я садимся в центре.

Моя борода за последние недели так отросла, что я почти не выделяюсь среди других гостей. Молодой муджахид, которому меня не представили, так как он пришел позже нас, осуждающе спрашивает своего соседа, почему я не говорю по-арабски.

Я уже освоился с нравами, царящими за столом, и даже нахожу их в известной мере приятными. А воспоминание об отвращении, какое я испытал, когда мне впервые пришлось есть руками, теперь вызывает у меня только улыбку. Я наивно представлял себе, будто здесь все запускают пальцы в один котел, а затем обсасывают их по очереди.

Сегодня тоже едят по-арабски. Таз уже обходит сидящих. Каждый намыливает руки, смывает их теплой водой, которую черпает из котла, и насухо вытирает полотенцем. Уже сознание того, что каждый из гостей сидит за столом с чисто вымытыми руками, наносит удар по предубеждению, которое совершенно исчезает с началом еды, когда видишь, что все избегают касаться пальцев губами.

Прямо на стол кладут барашка, зажаренного с головой и задними ногами. В придачу к этому поданы вода, хлеб, нарезанный ломтиками лук, маслины и лимонное варенье. Хозяин дома своими руками отрезает сочный кусок со спины барашка и подает его мне. Этим он оказывает мне большую честь. Во время трапезы хозяин дома не прикасается к еде. Он ждет, пока все не насытятся, и только тогда подсаживается к нам.

Наш хозяин — бербер двухметрового роста — младший лейтенант и начальник снабжения. При французском колониальном режиме он не имел возможности научиться читать и писать. Даже не знаешь, чему в нем больше удивляться: его природному уму, его хитрости или его медвежьей силе, о которой гости рассказывают анекдоты.

Однажды в командный пункт бербера явилось трое дезертиров из иностранного легиона — двое испанцев и один немец. Всем троим запретили целую неделю выходить из дому, так как стало известно, что 2-е бюро* легиона догадывается о месте их пребывания. Но нервы одного испанца не выдержали. Ему казалось что режим для дезертиров специально выдуман алжирцами, чтобы их уничтожить.

И вот однажды ночью он убежал из дома, совершив побег на свой страх и риск. Когда об этом узнал бербер, он тотчас ворвался в убежище бывших легионеров.

* Служба контрразведки во французской армии, особый отдел.—
Прим. пер ев.

— Где твой земляк? — свирепо накинулся он на оставшегося испанца, схватил его за шиворот, приподнял, дал побарахтаться в воздухе, а затем выпустил из рук так, что тот грохнулся оземь и вывихнул себе ногу.

Раздражение младшего лейтенанта было вполне понятно, так как легкомыслие дезертировавшего легионера могло привести к обнаружению опорного пункта. Несмотря на это, бербер получил выговор за грубое поведение.

Молчаливее всех во время обеда были старики. Тогда как молодежь хохотала до упаду над каждой шуткой, они лишь тихо улыбались в свои бороды. Все их движения дышали достоинством: разламывали ли они осторожно хлеб, или степенно подносили ко рту бокал с водой.

Почтение, которого они требовали от юношей, по их мнению, диктовалось мудростью и опытом, приобретенным за долгие годы жизни. Скоро они навеки сомкнут глаза, быть может, так и не осознав, что все последние годы являли собой живой анахронизм. Даже самый молодой из солдат, сидящих за столом, во сто крат опередил их в своем познании окружающего мира. Но он встречает стариков почтительным благоговением и терпеливо внимает уже не раз слышанным рассказам о событиях освободительной борьбы полувековой и тридцатилетней давности.

На столе нагромождаются обглоданные кости, хлебный мякиш и косточки от маслин. Пока остатки барашка выносят на кухню, появляется теплое сладкое кушанье: чернослив, сваренный с корицей и бараниной.

После чая мы распрощались с бербером. В ответ на мою благодарность за угощение он символически целует мне руку, поднося к губам свою, после того как мы обмениваемся рукопожатиями.

— Надеюсь, вы оцените это по достоинству,— говорит мне Си Мустафа на пути в склад обмундирования, куда отнесли мое гражданское платье.— Я знаю младшего лейтенанта вот уже три года, и, поверьте, он не привык бросаться такими поцелуями.

В складе обмундирования нас ожидает парикмахер. Я медленно снимаю с себя форму муджахиды. С каждой вещью, которую я откладываю, у меня связаны воспоминания о неделях, проведенных в Алжирской Национально-освободительной армии. Поколебавшись, я сворачиваю платок — этот шарф, тюрбан и саван вместе.

— Хотите оставить его себе на память? — спрашивает меня капитан.

Я благодарно киваю ему головой. Но прежде чем я успеваю сунуть его в карман, унтер-офицер склада отбирает его у меня и с сияющим видом вручает мне новый. Когда я снова хватаю

свой грязный платок, он с недоумением качает головой под смех окружающих.

Перед тем как сесть в машину, в которой Си Мустафа меня должен доставить снова в Рабат, я спрашиваю капитана Ларби:

— Увидимся ли мы еще?

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Мы будем встречаться всякий раз, когда вы будете вспоминать о днях, проведенных в Национально-освободительной армии,— отвечает он и обнимает меня, целуя в обе щеки.

Перевод с немецкого В. Мазохина

А. ТАРАДАНКИН

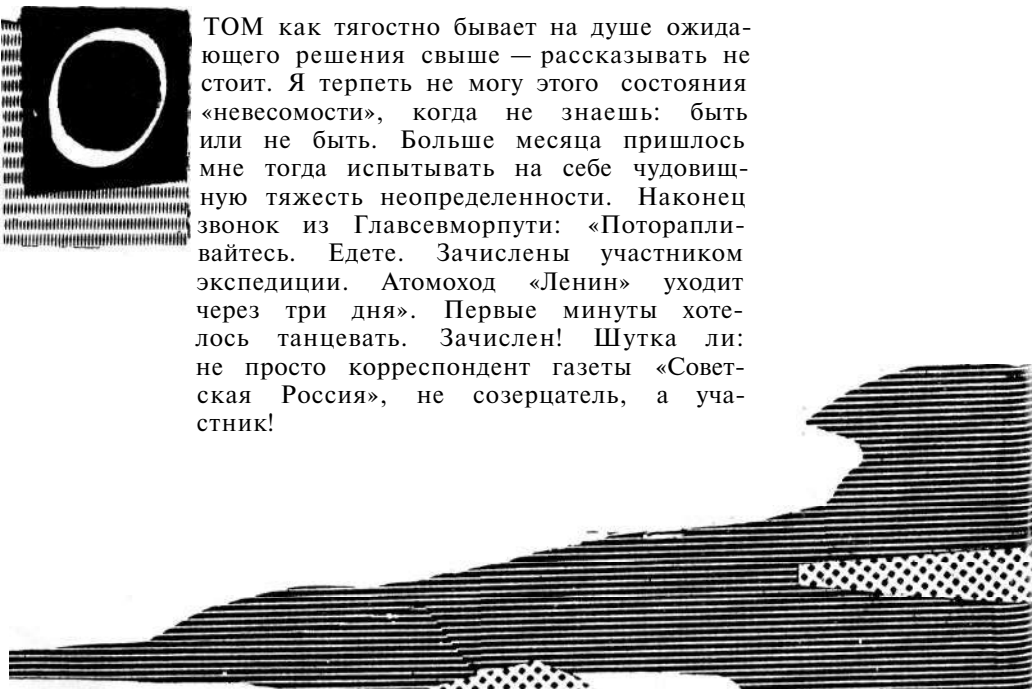
РЕЙС

В ПОЛЯРНУЮ НОЧЬ

В МЕСТО
ПРОЛОГА

Впервые в истории на льдах Центрального полярного бассейна с помощью ледокола создана новая научная дрейфующая станция «Северный полюс-10» (Из рапорта полярников СП-10 и моряков атомохода «Ленин» XXII съезду КПСС).

ОТОМ как тягостно бывает на душе ожидающего решения свыше — рассказывать не стоит. Я терпеть не могу этого состояния «невесомости», когда не знаешь: быть или не быть. Больше месяца пришлось мне тогда испытывать на себе чудовищную тяжесть неопределенности. Наконец звонок из Главсевморпути: «Поторапливайтесь. Едете. Зачислены участником экспедиции. Атомоход «Ленин» уходит через три дня». Первые минуты хотелось танцевать. Зачислен! Шутка ли: не просто корреспондент газеты «Советская Россия», не созерцатель, а участник!

Потом наступила растерянность. Я оказался жертвой словоохотливых консультантов. Когда собираешься в далекое путешествие, удивительно как много появляется вокруг советчиков. Одни, ссылаясь на свой опыт, поучают, как одеться в дорогу, другие — как себя вести. Но больше всего находится людей, которые заранее предсказывают, что случится в пути, причем мнения самые противоречивые. В конце концов убеждаешься в своей полной неосведомленности: все всё знают, а ты не знаешь ничего.

Чего только я не наслушался за неделю: «Бери побольше теплого белья!», «Запасись вазелином смазывать лицо, а лучше — гусиный жир», «Не забудь флягу под спирт», «Домино», и Пенициллин», «Справочную литературу». Увы, это все никак не могло влезть в один чемодан. И тут меня выручил известный полярный летчик Анатолий Барабанов. Увидев мою растерянность, он рассмеялся.

— Собирайся, едем ко мне домой. Придется помочь.

Сразу все стало просто и ясно. Пилот достал из шкафа кожаный реглан с поддевкой на гагачьем пуху, коричневую цигейковую ушанку, пару теплого белья.

— Эти доспехи проверены на двух полюсах, — сказал он. — А валенки или унты выдадут на корабле.

Барабанов недавно вернулся из Антарктики и собирался ехать отдыхать в Крым.

— Пока я буду купаться в солнце, успеешь сходить на Север, а потом поменяемся местами.

Досаждали мне теперь только шептуны. Слово «атомный» они произносили таинственно, со вздохами, советовали побережь здоровье и уже совсем тихо, на ухо: «Не забудь о радиации».

Но в одном была полная синхронность. Все предсказывали массу приключений, самых различных: затерты льдами, налегли на риф, схватка с белыми медведями. И уж, конечно, где-то, кто-то, кого-то должен был спасать.

— Завидую, счастливого пути. — Жал в Мурманске руку киноартист Борис Андреев. — Желая успехов и побольше романтики, приключений...

И вот по трапу поднимаюсь на борт атомного ледокола. Прочь все заботы, все позади, и так спокойно вдруг стало на душе, так светло и почему-то грустно. Когда расстаешься с берегом, всегда чувство грусти по-братски уживается с состоянием душевного подъема, восторга перед неизведанным.

Первое знакомство с кораблем заставило меня от души рассмеяться над недавними советчиками, над самим собой, над пустыми тревогами. Вместе с корреспондентом «Известий» Олегом Строгановым и фотокорреспондентом ТАСС Валентином Куновым я стал обладателем великолепной просторной

каюты с двумя иллюминаторами, из которых открывался вид на вертолетную площадку судна. В каюте были все удобства: пружинные койки, три шкафа, лампы дневного света, письменный стол, умывальник с горячей и холодной водой.

Наши кораблестроители сделали все, чтобы арктические моряки, даже в самых высоких широтах, чувствовали себя как дома. На ледоколе есть клуб, просторная, сверкающая чистотой столовая, кают-компания, музыкальный салон, комната для настольных игр, спортзал и прекрасная библиотека, в которой можно найти все, что пожелаешь. Представьте себе столичную гостиницу «Москва», только плавающую, сложите ее с хорошим Дворцом культуры и научно-исследовательским институтом, вставьте все это в стальную броню корпуса суперсовременного корабля — и вы получите атомный ледокол «Ленин». И вот в этой необыкновенной «гостинице» мне предстояло попасть в высокие широты ледовых морей.

Молод корабль — молод и экипаж. Люди на судне были тоже мало похожи на суровых полярных моряков, знакомых по иллюстрациям из многочисленных книг об Арктике. Ни усов, ни бород, ни морщин. Средний возраст экипажа «Ленина» — двадцать пять лет.

В Мурманске тепло, и все одеты по-летнему: тщательно отглажены костюмы, белоснежны сорочки, с завидным мастерством завязаны галстуки. По платью не скажешь, что идти морякам предстоит в холодные края. Только олени шкуры, разложенные между дверями при выходах на палубы напоминают о том, что будут еще впереди и морозы, и ветры и снежные бураны.

Капитану атомохода Борису Макаровичу Соколову — тридцать четыре года. Это высокий, плотный, широкоплечий человек с крупными чертами лица, открытой белозубой улыбкой и умными, внимательными глазами.

С первого дня похода я откровенно начал завидовать капитану. Какое наслаждение, казалось мне, командовать ледоколом, да еще таким, как «Ленин»: «Вот ведь повезло человеку». Забегая вперед, скажу: позднее, когда позади осталось немало трудных ледовых боев, я заменил несправедливое слово «повезло» словом «заслужил».

Да, в тридцать четыре года Соколов заслужил почетное право встать на мостик первого в мире атомного корабля.

Так уж случилось, что первый командир атомного ледокола, знаменитый полярный мореход Павел Акимович Пономарев, остался на берегу. Прихворнул, да и годы уже не те. Не смог он снова идти в Арктику. Однако имя его я слышал на корабле постоянно, чаще всего там, где он когда-то стоял, на верхнем мостике. Видно, сама судьба свела двух этих капитанов. И об этом я обязательно расскажу ниже.

Знакомство с Борисом Макаровичем состоялось в день моего прибытия на судно. В море мы с ним сдружились и провели много незабываемых часов в ходовой рубке, на мостике и в его капитанском салоне.

Но о первой встрече стоит вспомнить. Я спросил Соколова, какие приключения могут ожидать нас в пути.

— Типун вам на язык,— засмеялся он.— Я самый жестокий враг неожиданностям. Лучше все предвидеть заранее. Так что приключений не обещаю. Это будет самый обычный рейс в Арктику, и экипаж постарается лишить вас удовольствия писать о разного рода происшествиях. На таком корабле их не должно быть.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Впереди много дней, торопиться, казалось бы, некуда, а не сидится в каюте, столько интересного на корабле, хочется лазить по его бесчисленным трапам с этажа на этаж и смотреть, дивиться технике, знакомиться с людьми. Каждый человек по своему интересен — будь он член экипажа или участник экспедиции «Север-13»*.

Радиация! Это слово мне не раз приводилось слышать от друзей накануне отъезда. Одни произносили его с улыбкой, шуточно, другие — чего греха таить — заговорщически: не забывай, мол, корабль-то атомный. Альфа-бета-лучи.

Да, в груди корабля могучие сердца — три атомных реактора. Но спросите у кого-либо из экипажа «Ленина» об этой самой «радиации», и над вами от души посмеются. Советские ученые и конструкторы сумели создать такую защиту, что с момента рождения судна ни разу, нигде не загорелась красная лампочка сигнализации, предупреждающая об опасности. Опасности не существует.

Однажды я получил разрешение от главного инженера-механика Александра Калиновича Следзюка спуститься в так называемый центральный отсек. Это святая святых ледокола, где находятся реакторы. Заведующий лабораториями служб[†] радиационной безопасности Александр Соколов согласился со провождать меня. Это молодой, жизнерадостный ленинградец, которого в коллективе любят все. Общительность и природное остроумие сочетаются в нем со скромностью. Саша отлично знает свое дело, да и не только свое. Он с одинаковым увлечением играет в настольный теннис, шахматы и производит сложные радиационные анализы. И знаете, сколько анализов

* Экспедиция «Север-13» — комплексная арктическая экспедиция научно-исследовательского института Арктики и Антарктики, проводившаяся в течение 1961 года в высоких широтах. В ее задачи входили гидрографические, метеорологические, гляциологические и другие исследования.

делает он вместе с лаборантами? Свыше десяти тысяч в месяц! Зачем? Да чтобы экипаж мог спокойно работать, уверенный, что ему ничто не угрожает. И ему действительно ничто не угрожает, уж кто-кто, а Александр Соколов убедился в этом за два с лишним года.

— Итак, начнем посвящение вас в рыцари центрального отсека,— улыбнулся мой товарищ.— Получите «Кид».

Каждому из нас выдали предмет, очень похожий на автоматическую ручку, только без пера. Это и есть «Кид» — карандаш измерительный дозиметрический, его нужно брать с собой. Затем начался процесс облачения в «доспехи». Скажу откровенно, я представлял их иными, по меньшей мере похожими на водолазный костюм. Но это не так. Раздевшись донага, мы натянули на себя белоснежные из толстого полотна комбинезоны и такие же чулки. Еще нам выдали по кокетливому колпачку, напоминающему пилотку, марлевую маску на лицо, резиновые перчатки и кирзовые башмаки.

Мы полезли по узкому, похожему на трубу люку куда-то вверх и очутились в зале с высоким потолком. Над металлической палубой три круглых возвышения, похожие на торцы бочек, над ними в центре белые, в руку толщиной стволы стержней. На переборке горит желтая лампочка, такая же, как наверху,— значит, все в порядке, безопасно. Инженер водит меня по залу, объясняя назначение механизмов. Незаметно для себя ступаю на «бочку», и вдруг:

— Сейчас вы стоите на первом реакторе,— торжественно говорит Соколов. В его карих глазах, увеличенных стеклами очков, бегают веселые чертики.

Не скрою — сердце екнуло. Подумать только, в каком-то метре от моих ног, под толстым слоем защитной брони происходят таинственные и могучие процессы. Здесь зарождается энергия, дающая кораблю исполинскую силу.

Исколесив лабиринт помещений вокруг реакторов, насосов и пароперегревателей, обвитых километрами труб и трубочек, мы вернулись назад. У меня забрали «Кид» и заявили:

— Все в полном порядке.

— Как вы определили?

— Очень просто. Посмотрите в торец карандаша.

Направив один конец «Кида» на лампочку, я заглянул внутрь: круглый лимб, наверху написано — «миллирентгены» а ниже шкала и стрелка. За время путешествия она не сдвинулась с места. Меня даже досада взяла, что экскурсия в центральный отсек настолько безопасна, ну хоть бы немного двинулась вправо эта стрелка, ведь я стоял на атомном реакторе.

Мое доверие к устройству атомохода окончательно закрепило знакомство с «кочегаром» Александром Зюгановым и его работой.

«Кочегарами» шуточно называют в экипаже инженеров-операторов, которые следят за работой реакторов. Саше Зюганову двадцать четыре года. На вахту инженер отправляется в белоснежном костюме. Вместо жерла топки перед ним десятки сложнейших приборов. На «Ленин» Александра Зюганова назначили как одного из лучших выпускников Инженерного морского училища имени адмирала Макарова. Однако не сразу допустили его к ответственной работе. После почти годовой практики Зюганов сдавал специальные экзамены. Это было в первые дни рейса. Комиссия высоко оценила его знания. Большая радость для парня: допущен к самостоятельной работе в ПЭЖ — пост энергетики и живучести судна. Профессия ему нравится. «Кочегар» с атомохода. У него, как и у многих его коллег, морская биография только начинается: еще не плавал по свету, не видел жестоких штормов, лютых снежных бурь. Но это все придет.

СЕВЕРНЫЕ МОРЯ-ДОРОГА ТОРНАЯ

Памятны первые дни похода. Баренцево море, затем Карское. Бескрайние водные просторы — студёные, неприветливые; волны — то свинцовые, то голубовато-зеленые, цвета медного купороса, смешанного с малахитом. Суровые края — да обжитые. В течение суток встретишь не один корабль: если близко пройдут, обменяются приветствиями — споют песню гудки, а когда на горизонте дым — свяжутся по радио капитаны, поделаются новостями.

Проторили дороги в студёных морях отважные поморы, провели вдоль северных берегов России свои парусные боты и шлюпы лейтенанты Малыгин, Овцын, Прончищев, Харитон и Дмитрий Лаптевы, штурман Челюскин — и смелее стали ходить сюда корабли. А советские люди превратили Великий Северный морской путь в широкую дорогу, по которой ежегодно перевозятся миллионы тонн грузов. В период навигации тут много судов, самых различных — от широкогрудых ледоколов до деревянных малышей, на которых и поныне отправляются в смелые экспедиции наши ученые: географы и океанологи, метеорологи и биологи. Встречи в море — не редкость. И всегда в этих случаях с борта на борт передаются связки конвертов.

Люди высоких широт, как никто, пожалуй, знают цену письму. Весточка может быть очень короткой, но бесценно дорогой. Письмо здесь не может пропасть в пути, оно обязательно придет тому, кому предназначено.

Я хочу рассказать об одной из встреч, что произошла в восточной части Карского моря, на ничем не обозначенном перекрестке корабельных дорог.

...Утро было свежее. Погода менялась каждые пять минут: то светило солнце, то набегала крохотная тучка и метко выстреливала по атомоходу зарядом мокрого снега. Боцман Александр Иванович Мишин сердито сдвигал мохнатые брови и начинал ворчать. Снег никак не входил в его планы: корабль только принял туалет, на палубах не просохла краска.

В десять часов стало известно: навстречу идет судно. Люди высыпали из кают. Начали гадать, кто бы это мог быть. Ясность внес голос старпома Анатолия Матвеевича Кашицкого:

— «Вихрь» — гидрографическое судно, — громко сказал он. — Сейчас ляжем в дрейф, и оно ошвартуется к нам. Примем аппаратуру.

«Вихрь». Ну, конечно же, многие полярники узнали его. В июле он вышел из Архангельска и более двух с половиной месяцев путешествовал в северных морях, делал промеры шхер на северной оконечности Новой Земли, производил съемки. Свыше девяти тысяч миль прошло это крепко сшитое деревянное суденышко в нынешнюю навигацию. Теперь оно следовало домой.

Когда «Вихрь», кланяясь волнам, оказался рядом с «Лениным», на атомоходе засуетились: ведь можно успеть отправить восточку домой. Не сговариваясь, люди побежали в каюты, закричали перья. Скоро на правом борту, за которым спрятался малыш «Вихрь», все сгрудились снова. Увесистая стопка писем, завернутая в газету, была привязана к концу каната. Боцман ловко бросил ее в руки своего коллеги.

И тут случилось непредвиденное. На палубу выбежала с конвертом в руках Валентина Семеновна Задорина, инженер-конструктор из Ленинграда. Она опоздала.

— Кидайте, — неосмотрительно посоветовал кто-то.

И женщина бросила письмо на скачущую палубу «Вихря». Но коварный ветер подхватил легкий конверт, и он, словно подбитая птица, кувыркаясь, упал в воду между бортами судов. Это видели все, десятки голов разом наклонились вниз — как быть? Задорина была огорчена.

— Кому письмо-то, — хриповатым, простуженным голосом спросил матрос с «Вихря»?

— Дочке, Галочке! — ответила Валентина Семеновна.

— Неладно получилось, сестрица, — пробасил матрос, взял в руки швартовую, перегнулся через поручни, опустил конец каната до самой воды и стал раскачивать его из стороны в сторону, надеясь, что к нему прилипнет намокший конверт. Но волна отбросила письмо к борту атомохода. Тогда с него в воду опустилось несколько длинных веревок. Усилия десятков людей ни к чему не привели. И все вдруг загрустили: рядом в ледяной воде полярного моря коченел кусочек ласкового ма-

теринского сердца и его никак не удавалось спасти. Ветер гнал конверт к корме. А на обоих судах уже знали, что Галя живет на Васильевском острове, учится в десятом классе.

Тогда матрос с «Вихря» взял гарпун, которым еще недавно охотился на морского зверя. Это была последняя надежда. Привязанное к прочному шнуру копьё с острым наконечником несколько раз исчезало в море рядом с письмом, так и не задев его. Ветер отогнал конверт так далеко, что достать его было уже невозможно. Пришла минута расставания кораблей. А как же письмо?

И тут все, не сговариваясь, решили. Что стоят какие-то несколько минут. Подождем. Валентина Семеновна, пишите новое. Задорина побежала в каюту и буквально через пять минут, улыбающаяся, выбежала на палубу с новым конвертом. Боцман атомохода деловито обвязал его шкертом и подал на борт «Вихря». Все свободно вздохнули.

Все шире река меж бортов кораблей. Заработали винты атомохода. Он пошел на восток, а «Вихрь» домой, на запад. И среди других писем на нем было письмо, адресованное девочке на Васильевский остров. Оно было очень коротким, значительно короче того, которое унесло море. Но это письмо особое. Его согрело тепло сотен человеческих сердец, впервые узнавших, что есть на свете девочка Галя.

Люди высоких широт знают цену дружбе...

А ночью новая встреча — встреча с героической историей советского полярного флота. Ведь в северных морях вообще о каждом мысе, заливе или острове можно рассказать очень многое. Тысячи отважных пытливых русских людей — землепроходцев, капитанов, ученых — посвятили себя целиком покорению Арктики. Сколько подвигов они совершили!

Было примерно около двух часов ночи. Вместе с капитаном Соколовым я находился в ходовой рубке. До встречи со льдами оставалось два-три десятка миль. И обидно было бы проспать эту минуту.

Впереди, справа по борту появился зеленоватый мигающий огонек.

— Остров Белуха! — сказал Борис Макарович.

Белуха! Я давно знал этот скалистый клочок земли, много слышал о нем от моряков. Но видеть его самому ни разу не приходилось.

В августе 1942 года, в самый разгар Великой Отечественной войны, у Белухи произошло событие, о котором никогда не забудут полярники.

Сюда, в самое сердце нашей Арктики, тайно пробрался фашистский карманный линкор «Адмирал Шеер». По плану гитлеровского командования он должен был неожиданно появиться на дороге каравана советских транспортов из четырёх-

надцати судов под проводкой двух ледоколов. Эту операцию фашисты назвали «Вундерланд» — «Страна чудес».

Двадцать четвертого августа пират находился неподалеку от каравана, но не знал ледовой обстановки. В это время на север с экспедиционным грузом шел небольшой ледокольный пароход «Александр Сибиряков». У острова Белухи произошла встреча. Фашисты решили захватить советское судно и вывезти у него ледовую обстановку.

Однако маленький мирный советский корабль не спустил флаг, он сам ринулся в атаку на бронированное чудовище. Произошел неравный бой, во время которого сибиряковцы успели сообщить — «Всем! Всем! Всем!» — о появлении вражеского линкора. Караван успел войти во льды пролива Вилькицкого и стал недосыгаем для пирата. Операция «Вундерланд» потерпела крах.

Объятый пламенем, «Сибиряков» был потоплен самим экипажем. Девятнадцать моряков, в том числе тяжело раненый капитан А. А. Качарава, попали в плен. Друзья не выдали фашистам, что капитан с ними, и гитлеровцы не узнали обстановку в проливе. Много мук и лишений приняли моряки, пока вырвались из неволи. Несколько человек погибло.

Лишь одному сибиряковцу, кочегару Павлу Вавилову, удалось избежать плена. На полузатоленной лодке он добрался до Белухи и прожил на ней один, как Робинзон, 37 суток, пока его не обнаружили. Тогда за ним прилетел известный полярный летчик И. И. Черевичный*.

Несколько лет назад я познакомился с оставшимися в живых сибиряковцами, подружился с капитаном Анатолием Алексеевичем Качаравой, который не покинул Арктику. Сейчас он командует большим пароходом «Тбилиси»...

— Пойдемте на верхний мостик,— предложил Соколов.

Мы поднялись по трапу навстречу свежему ветру. Справа в миле от корабля ярко вспыхивал маяк Белухи. Капитан надавил рычажок, и над ночным морем прозвучали три протяжных гудка. Флагманский корабль арктического флота страны отдавал салют героическому «Сибирякову», отважным морякам, погибшим здесь.

ЧЕЛНОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Пролив Вилькицкого издавна пользуется у полярных моряков дурной славой. В Арктике его образно называют «мешком со льдами». И это действительно так. Подуют южные ветры-союзнники, потеснят льды — открываются разводья, дых-

* О подвиге экипажа парохода подробнее смотри документальную повесть «Сказание о «Сибирякове», написанную автором этого очерка совместно с журналистом Л. А. Новиковым.

нет полюс — и нет дороги. Центр Великого Северного морского пути в постоянной опасности: того и гляди захопнется ледовая ловушка. Вот и дежурят в проливе ледоколы, всегда готовые выручить из беды караваны судов. Однако им тоже не всегда удавалось справляться со стихией. Памятен полярникам 1937 год. Тогда несколько кораблей вместе с ледоколами так и не смогли пробиться к чистой воде, и пришлось им дрейфовать в белых полях до следующего лета. Только с появлением таких мощных кораблей, как ледоколы «Москва» и «Ленин», пролив Вилькицкого перестал быть вечной преградой. Эти богатыри могут пройти его в любое время года.

Челночная операция! Так называют моряки работу ледоколов в проливе Вилькицкого. Ходят они по нему взад и вперед, проводя корабли из Карского моря в море Лаптевых и обратно. Ледокол — ткацкий челнок, а караваны — нитки.

Особенно много дел в конце навигации, когда нужно быстро выводить транспортные суда из восточного сектора Арктики. Загоститься до октября опасно: льды окрепнут, и выбраться на чистую воду будет очень трудно. Не приспособлены корпусы обычных кораблей к большим льдам. Вот почему так торопились мы на помощь старым ледоколам. На запад нужно было вытащить пароходы «Тбилиси», «Псков», «Механик Бондик», дизель-электроходы «ЦимлянскГЭС», «АнгарГЭС», ледокольный пароход «Леваневский».

Атомоход стал главной ударной силой в челночной операции по проливу Вилькицкого.

В солнечный полдень над «Лениным» появился самолет ЛИ-2. Прилетел капитан-наставник ледокольной группы штаба проводки западного сектора Северного морского пути Герман Васильевич Драницын. Сделав несколько кругов, крылатый разведчик промчался низко над атомоходом и с точностью снайпера сбросил на капитанский мостик вымпел с картой ледовой обстановки в проливе и море Лаптевых.

— Корабли ждут вашей помощи,— громко прозвучал по радио голос Драницына.— Желаю удачи!

...Ледоколычики любят свое дело и гордятся им. Есть в нем что-то особенное, глубоко волнующее. Человек может часами глядеть на бело-голубую бесконечность и думать. О чем? О семье, о друзьях, о родной стране, что наделила его, моряка, таким удивительным могуществом.

Человек, слушающий скрежет льда под форштевнем, наблюдающий, как лопаются толстенные льды, чувствует себя необыкновенно сильным. Вот почему так приятно стоять у фальшборта и думать.

Третий день дуют северные ветры. Пролив Вилькицкого закупорился наглухо. Теперь для ледоколов самая работа — пробивать каналы судам в десятибалльном льду.

С «Красиным» атомоход повстречался ночью. Корабли гудками поприветствовали друг друга, капитаны кратко обменялись новостями. А потом:

— Богаты свежей капустой? Соскучились по борщу.

— Есть. Поделится,— ответили с «Ленина».

Корабли медленно сошлись бортами. Из рук в руки аккуратно переданы мешки с душистыми, пахнущими землей в золотой российской осенью овощами. У моряков «Красина» давно зима. Они вышли из порта в июне, а сейчас уже начало октября. Конец навигации. Овощи это не только борщ, это добрая весточка из дома, где еще не завершена уборка урожая. Вот почему из-за нескольких мешков капусты корабли застопоривают ход и швартуются в ледовом море. Так было и теперь. Под утро над белым горизонтом показался дым.

Это шел дедушка арктического ледокольного флота «Ермак». Корабль заслуженный, легендарный. Сейчас его легко узнают по темной чалме. Из всех ледоколов он один работает на угле и чадит. Сейчас «Ермак» пробивался на запад, ведя за кормой пароход «Механик Бондик».

Трогательна и символична эта встреча. «Ермак» — первый в мире арктический ледокол — радостно приветствовал гудком своего гиганта внука — первый в мире атомный ледокол. «Ленин» становится впереди пробивать канал.

Вспомнилась мечта замечательного русского флотоводца в ученого адмирала Степана Осиповича Макарова, по идее которого построен «Ермак». Он считал возможным пройти на специальном корабле к Северному полюсу напролом. Макаров верил, что так будет и что сделают это его соотечественники.

— К полюсу напролом! — Соколов улыбнулся, когда я напомнил ему о мечте русского адмирала.— Что ж, это сейчас вполне осуществимо. «Ленин» обладает достаточной мощью, чтобы пройти к полюсу.

— Так что же?

— И пройдем, в ближайшие годы. А пока это не входит в наши планы. Есть задачи поважней. Согласитесь, что ломиться к полюсу ради спортивного интереса не имеет смысла. Другое дело — выполнить такой рейс с научными целями.

Борис Макаров сменился с вахты и пригласил меня в свою каюту. В тот раз я долго беседовал с ним о Пономареве, слушал историю их дружбы...

— С Павлом Акимовичем мне посчастливилось нести первую в жизни вахту на верхнем мостике,— сказал Соколов.— Было это в сорок шестом.

Я попросил Бориса Макаровича рассказать подробнее об этой вахте. И вот что услышал:

— Я был курсантом Высшего арктического морского училища. Проходил учебное плавание на ледоколе «Адмирал Ма-

каров». Командовал им Пономарев. Назначили меня однажды впередсмотрящим. Волновался ужасно. Сами понимаете: безусому пареньку вдруг выпала честь стоять рядом с таким знаменитым ледовым капитаном. Старался я, что было сил, грамотно докладывал.

Сперва Павел Акимович приглядывался ко мне со стороны, потом подошел ближе, стал экзаменовывать.

— Какого типа идет корабль?

— Тральщик,— отвечаю.

— Его скорость?

— Десять узлов.

— Верно. А что это за буй справа по борту?

— Поворотный.

— А вон та вежа?

— Нордовая.

— Так. Родом-то вы откуда, молодой человек. Когда познакомились с морем?

Я рассказал. Перед концом вахты Пономарев снова подошел ко мне, потрепал по плечу:

— Ну-ну, старайся, капитан, учись! — Словно знал он, что придется нам встретиться снова...

И они действительно встретились.

В пятьдесят первом году Борис Макарович был уже вторым штурманом на ледоколе «Илья Муромец». Корабль тащил сигару леса в Хатангу. В Диксоне на борт подсел Пономарев, назначенный на корабль капитаном-наставником штаба морских операций. И снова привелось Соколову стоять на мостике вместе с Павлом Акимовичем. Но теперь они разговаривали друг с другом языком судоводителей, сообщая делала прокладку курса на картах, определяли свое местонахождение.

Всю дорогу Пономарев приглядывался, как штурман «ходит» во льдах, учил его распознавать по едва заметным признакам, где легче вести корабль сквозь белые просторы Арктики.

Поинтересовался тогда Соколов, помнит ли Павел Акимович их первую встречу. Капитан наморщил лоб, помолчал с минуту, а потом просто, с улыбкой ответил: «Убей бог, запомывал. Ведь сколько вас плавало со мной молоденьких курсантов. Теперь уж не забуду: хороших штурманов я всегда запоминаю. А вы старайтесь, у вас получится...»

После этой встречи Соколов повидал много морей, плавал на различных кораблях, ходил в Арктику на ледоколах «Сибиряков», «Белоусов», зимовал в море Лаптевых. Стал старшим штурманом. В портах нередко виделся с Пономаревым. Тот всегда с интересом расспрашивал о делах, а в конце разговора повторял когда-то сказанную фразу: «Старайтесь, у вас получится...»

В ноябре 1958 года Бориса Макаровича назначили старшим помощником капитана на «Обь», она отправлялась в Антарктику. Побывал Соколов в Мирном, на Земле Королевы Мод. Руководил высадкой научной станции Лазарев. Триста километров облетел на вертолете вдоль шельфового ледника с пилотом В. Афониним. Определил место станции и строил ее вместе со всеми. А вернулся домой, послали на «Оби», уже капитаном, к Земле Франца-Иосифа. Рейс этот оценили высоко, похвалили.

Вот тогда и встретились они опять. Не успел Борис Макарович вернуться из похода, пришла телеграмма. Приглашали в Ленинград.

— Пойдете дублером капитана на атомный корабль? — спросили его. — Павел Акимович очень был желал. Все время следил за вашей работой.

Кровь ударила в лицо от радости. Так, значит, не случайно проявлял к нему всегда такой интерес Пономарев.

Навигация 1960 года была для Соколова одной из самых знаменательных в жизни. Теперь он неотлучно стоял рядом с Павлом Акимовичем на мостике «Ленина». Пономарев уже не экзаменовал, а молча, с улыбкой наблюдал за тем, как работает молодой капитан. Иногда приходилось трудно, нужно было крепко биться со льдами. Если это случалось в вахту Павла Акимовича, за его спиной неизменно появлялся дублер.

— Что, не сидится в каюте? — спрашивал Пономарев. — Ну давай тогда. А я пойду согреюсь.

Капитан спускался вниз. Молча пил крепкий чай, поглядывая в иллюминатор. Он любовался тем, как его молодой друг умело читает ледовую книгу, как послушен ему корабль. Впрок пошла наука. Когда Павел Акимович собирался уходить с атомохода, его спросили, кого он хотел бы видеть своим преемником. И он порекомендовал назначить капитаном Соколова. Так и поступили.

...Под вечер остановка. Я вышел на палубу, разузнать в чем дело.

— Сейчас будем делать околку! — с видом знатока сказал Саша Зюганов. — Льды годовалые с вкраплением пака.

Минутой позже Саша признался, что сам еще никогда не видел, как делается околка — это его первый рейс в Арктику.

Что же произошло? Оказывается, канал, оставляемый «Лениным», быстро сужался, началось сжатие. Взломанные атомоходом льды сравнительно легко раздвигались «Ермаком», но для парохода «Механик Бондик» были опасны — борта у него тонкие, его затирало, он отставал.

Атомоход прошел немного вперед, потом развернулся и двинулся назад. С хрустом лопалось белое поле, во все стороны

поползли трещины. «Ленин» миновал караван, снова сделал поворот и направился обратно вдоль других бортов кораблей: он словно вспахивал ледяную броню вокруг судов. Чтобы идти быстрее, без задержки, «Ермак» взял «Бондика» на буксир, плотно притянув нос парохода в специальный вырез на своей корме. Караван тронулся дальше.

Боцман Мишин с улыбкой наблюдал за работой атомохода. Он-то, старый полярный моряк, знал толк в ледовых кораблях. Не выдержал, пробасил:

— Ну и силища, скажу я вам. Как по чистой воде ходит: расступись, Арктика!..

Челночная операция. День и ночь грохочет в борта ледяная стихия. Особенно тяжело было в районе между мысом Шмидта и западной частью моря Лаптевых, близ островов Комсомольской Правды. Тут и работал атомоход. Проведен «ЦимлянскГЭС», «Псков». Они идут в Мурманск, а наш «челнок» снова спешит на восток, сражаясь со льдом. Лдины разные — толстые и совсем тоненькие, хрупкие и плотные, крепкие и мягкие, как сыр.

Льды

Я новичок в арктических морях и, скажу честно, поначалу не очень-то интересовался, какие, бывают льды. К тому же атомоход так легко с ними расправлялся. Непонятным только было иной раз, почему это капитан или вахтенные штурманы меняют курс, останавливают ледокол, а порой даже отходят назад — шли бы себе прямо. Однако именно тут, в проливе Вилькицкого, привелось познакомиться мне с такими странными, на первый взгляд, терминами: «водяное небо», «ледовое небо».

Следует сделать небольшое отступление и поговорить вообще о том, что такое ледовое плавание и какие бывают льды. Поучительны беседы об этом с Георгием Осиповичем Кононовичем, большим знатоком северных морей. Более двадцати лет провел он в Арктике: летом плавал, зимой ездил на собаках и оленях. В этот рейс Кононович был назначен капитаном-наставником. Кстати, почему наставником, спросите вы. Разве нельзя доверять выполнение задачи одному капитану? Объясню. Наставник в данном случае не означает учитель или строгий инспектор. Это слово имеет у моряков другое понятие: добрый советчик, помощник, если хотите — друг. И кто бы ни командовал в этом походе атомным кораблем, на него обязательно назначают и наставника.

Дневную вахту на мостике Георгий Осипович нес обычно с 12.00 и до 18.00 (вахта на судах — четыре часа). В тот раз атомоход проводил караван сквозь восьми-девятибалльный

лед. Опять же следует объяснить: балльность определяется степенью покрытия льдом поверхности моря. Десять баллов — значит, все вокруг сплошь затянуто льдом (толщина его не берется во внимание).

Кобынович в бинокль внимательно оглядел горизонт и скомандовал матросу:

— Лево руля!

Корабль сделал плавный доворот в указанном направлении.

— Так держать!

— Есть так держать!

Теперь нос ледокола смотрел на темное туманное облако, смазывающее черту горизонта.

— Почему вы повернули атомоход именно в эту сторону? — любопытствовал я.

Кононович улыбнулся. Посопел потухшей трубкой и ответил, растягивая слова:

— Знамение северной природы! Смотрите: справа горизонт чист, светлое белесое небо — значит, там сплошные льды, а слева темно — это парят разводья, там вода. Отсюда и понятия «ледовое небо», «водяное небо». Сама природа помогает нам, капитанам.

— Но ведь если искать воду — значит, петлять, удлинять путь?

— На этот вопрос я отвечу вам старым академическим определением: «длинный путь по чистой воде всегда короче короткого пути во льдах». И любое судно, даже ледокол, даже такой мощный, как наш корабль, всегда будет избегать встречи с тяжелым льдом и искать разводья. Мастерство полярного капитана оценивается тем дороже, чем выше его умение определять структуру льда и находить среди полей чистую воду. Арктический судоводитель должен вы зубрить наизусть книгу ледовых законов, проникнуться уважением к каждому ее параграфу. Иначе ему нельзя доверять судно.

Уже поздней, на мостике, в рубке, библиотеке, в каюте капитана, у камина, который очень располагает к беседе, я пополнил свои познания в области льдов.

Коротко поделюсь.

Морская вода замерзает при температурах ниже нуля. Чем солоней вода, тем ниже температура ее замерзания. Лед начинает образовываться постепенно. Сперва появляются первичные кристаллы, имеющие форму очень тонких шестигранных призм, похожих на иголочки. Они пресные. Скопление таких кристаллов на поверхности воды очень напоминает пятна жира на остывшем супе, и моряки называют их салом.

При дальнейшем охлаждении сало начинает смерзаться, и, если море спокойно, появляется прозрачная, как стекло, ледя-

Пост энергетики и живучести судна (ПЭЖ).

Отсюда инженеры-операторы управляют атомными реакторами и всеми силовыми установками корабля

Айонский массив. Здесь атомному кораблю пришлось вести не один ледовый бой

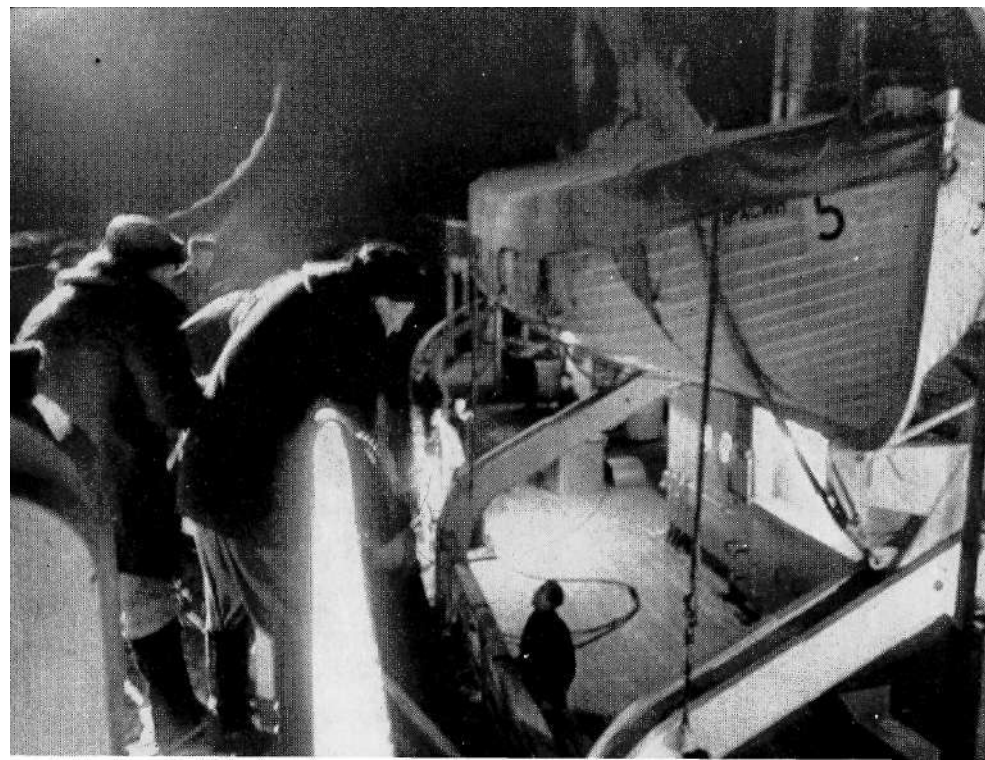

Началось строительство станции СП10. Санный поезд двинулся к центру ледяного острова

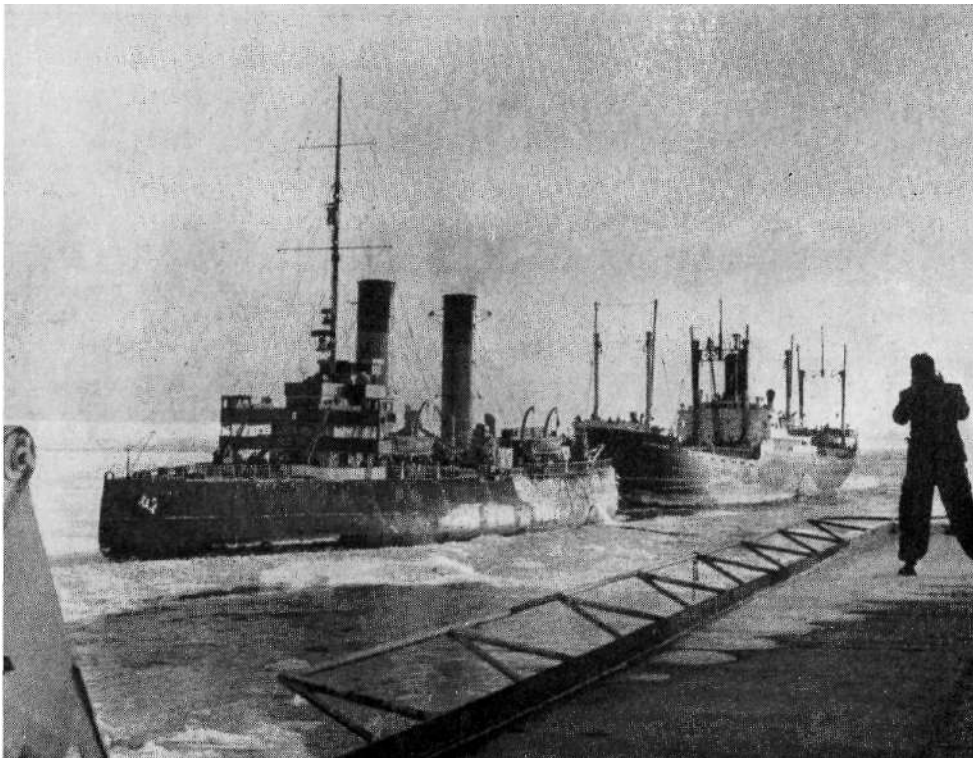

В ходовой рубке. Капитан атомохода Борис Макарович Соколов (слева)
и капитан-наставник Георгий Осипович Кононович

Встреча с ледоколом «Красин»

Атомоход делает околку льда вокруг каравана судов,
помогает своему дедушке «Ермаку»

Начальник радиостанции Владимир Петошин
исправляет антенну на грот-мачте

Лаборанты Валентин Верещагин и Леонид Лопатин производят очередной радиохимический анализ

ная корка — нилас. Этот лед уже соленый. Если в это время идет снег, образуется мутный, белесоватый, непрозрачный и неровный лед — молодняк. При ветре и волнении нилас и молодняк разламываются на куски, которые, сталкиваясь, обивают углы. Тогда появляются круглые льдины — блинки. А станет тихо, они смерзнутся и образуют сплошной блинчатый лед.

На отмелях и у берегов лед образуется быстрее. Примерзший к берегу лед называют припаем. В тихую и морозную погоду он растет очень быстро, а поднимется волнение — отрывается и уносится в открытое море. Так возникают плавучие льды. Если их площадь более одной морской мили — их называют ледяными полями. Между такими полями быстро образуется лед и в открытом море. Поля растут все больше и больше с усилением зимних холодов. Поля многолетние, многометровые ученые и моряки называют паком.

В рейсе атомоход захватил начало арктической зимы, и мне посчастливилось посмотреть самому всю эту метаморфозу. Лед растет очень быстро и в толщину. Помню результаты замеров. При морозе минус двадцать пять градусов за сутки лед прибавлял до трех сантиметров. С каждым днем ломать его было все труднее. Упомянем еще несколько ледовых терминов. Ропак — это одиночная толстая льдина, вставшая на дыбы и в таком положении вмерзшая в окружающее поле. Торосы — ледяные валы, образующиеся при сжатии ледяных полей. Иногда торосы достигают высоты в несколько десятков метров и представляют собой серьезное препятствие даже для самых мощных ледоколов. Обломок тороса, плавающий в море, называют нссяком, а севший на мель — стамухой.

Вот кратко, с чем может встретиться в пути корабль, попавший в Арктику. Короткое лето, еще более короткие весна и осень и длинная зима. Это и есть Арктика. К зиме, когда ледовая броня крепчает, все корабли должны своевременно покинуть моря, иначе затрет в белых полях, и тогда дрейфуй 'до весны. Никогда еще ни одно судно не отправлялось в высокие широты с началом зимы и не вырывалось из них зимой. Никогда, и вот...

На борт «Ленина» поступила телеграмма. В ней лаконично излагалось новое важное задание атомному кораблю. Предписывалось принять с идущего на запад ледокольного парохода «Леваневский» зимовщиков СП-10 с полным снаряжением будущей станции; затем взять курс на восток, пересечь море Лаптевых, Восточно-Сибирское море, вблизи острова Врангеля повернуть на север и войти в тяжелые льды Айонского массива. У семьдесят пятого градуса северной широты с борта корабля должна быть произведена высадка станции СП-10 на разведанную с воздуха льдину. В короткий срок с помощью

экипажа судна на льдине нужно построить взлетно-посадочную полосу, которая будет промежуточной базой авиасвязи со станцией СП-8*. Дрейфуя, она в ту пору оказалась относительно нас по ту сторону полюса. Такой была первая часть задачи.

Выполнив ее, атомоход с участниками экспедиции «Север-13» должен был отправиться в еще более высокие широты и, следуя на запад вдоль границы паков, установить на них пятнадцать дрейфующих радиометеостанций и радиовех. Эта работа очень сложна и необычна, ведь корабль должен производить ее в условиях полярной ночи. Еще никогда в истории в такую пору суда не ходили по Арктике.

Через час о предстоящем походе было объявлено всему экипажу. Состоялось общее собрание. Рейс единогласно решили посвятить XXII съезду Коммунистической партии.

ЭКСПЕДИЦИЯ НАЧАЛАСЬ

У мыса Челюскина атомоход встретился с «Красиным», который с трудом пробивался по проливу, ведя за собой «Леваневского». Наш исполин встал впереди каравана и вывел его на западную кромку льда. Началась перегрузка оборудования станции СП-10. На борт атомохода стрелами подавались сотни ящиков, бочек с горючим, тюков, строительные материалы, тракторы, ледорезная фрезерная машина. Работали все без исключения. За полтора суток в глубокие трюмы корабля и на палубы было размещено более четырехсот тонн груза. На площадку над кормой ровными штабелями сложили сборные домики, тут же опустился, перепорхнув с «Красина», камовский вертолет, пузатенький, ярко-красный, похожий на попугайчика. Из него вылез кожаный бородатый человек с добрыми, чуть удивленными глазами — Иван Иванович Гуринов.

Интересная биография у этого летчика. В Арктике он всего второй год. До этого жил в Крыму, и главным его делом было аэроопыление виноградников. Но слава о мастерстве Ивана Ивановича, о его виртуозном управлении винтокрылыми машинами разнеслась далеко. Полярная авиация пригласила Гуринова в 1960 году на одну навигацию. С делом справился отлично. Теперь его попросили принять участие в экспедиции. Он с радостью согласился — Арктика понравилась южанину.

Среди груза СП-10 оказались четыре небольших ящика. Они появились перед отправкой экспедиции неожиданно. На верхней крышке было написано: «Полярникам СП-10» и в скобках: «Осторожно, яйца». Обратный адрес: «Омск, Сибниисхоз, лаборатория птицеводства». И посылка дошла.

* Дрейфующая станция СП-8 просуществовала до начала марта 1962 года. Ее сняли самолетами, так как льдина разрушилась.

Яйца! Многие отнеслись с подозрением к содержимому ящиков. «С момента их отправки прошло уже много времени, не иначе, испортились», — рассуждали полярники, не решаясь распаковывать посылку. Все выяснилось, когда об этом доложили начальнику экспедиции «Север-13» Дмитрию Дмитриевичу Максутову.

— Грузите, останетесь довольны, — сказал он и улыбнулся в мою сторону. — Помните?

Ну, конечно, я хорошо помню разговор с Львом Натановичем Вейцманом — руководителем лаборатории птицеводства Сибниисхоза. Он заходил ко мне незадолго до отъезда. В эти же дни в Москве был и Максутов. Узнав, что готовится высадка СП-10 (тогда еще предполагалось транспортировать СП-Ю на самолетах), птицевод предложил прислать полярникам тысячу цесарских яиц — ведь они не портятся. Я рассказал об этом Дмитрию Дмитриевичу Максутову. Он ответил, что это было бы очень кстати, так как в рационе СП-10 есть только яичный порошок — куриные яйца не поддаются длительному хранению.

Такова история четырех ящиков из Омска. В них оказалось около тысячи яиц. Подарок сибирских птицеводов пришелся по вкусу полярникам. После первой же дегустации они отправили благодарственную телеграмму в Сибниисхоз.

Рано утром девятого октября атомоход двинулся на восток в свой необыкновенный рейс. Набирая скорость, «Ленин» дал прощальный гудок, ему ответили «Красин» и «Леваневский» — последние корабли на дальней дороге. Теперь уже никто не мог встретиться. Навигация кончилась.

Как изменился вид ледокола с прибытием экспедиции! Впереди, на баке, сплошь бочки с горючим. На палубах ящики с мудреными надписями, тракторы, дюралевые каркасы для палаток. Изменилась и жизнь на корабле. Теперь в центре внимания оказались четырнадцать полярников СП-10. Это в основном молодой, но выдавший виды народ, уже позимовавший в Антарктиде либо в Арктике. Начальнику станции Николаю Александровичу Корнилову тридцать один год. Самому старшему в группе инженеру-метеорологу Георгию Андреевичу Хлопушину — сорок четыре, а младшим (их двое), актинометристу Николаю Макарову и аэрологу Василию Митрофанову, — по двадцати пяти.

Не сидится полярникам на месте. На следующий же день они начали хлопотать на вертолетной палубе. Нечего ждать — ведь домики можно собрать тут же на корабле, а на льдину опустить готовыми. Все стали предлагать свои услуги. К «охотникам» сначала отнеслись благосклонно, но вскоре начали гнать — проку мало. Правильно собрать домик — большое искусство, и оно дается далеко не каждому.

Вскоре рядом с зачехленным вертолетом появился игрушечный хуторок; сделали электропроводку, и ночью пять готовых «хаток» весело смотрели на море огнями круглых глаз-иллюминаторов. Полярники были так довольны, что, несмотря на морозный ветер, большую часть времени проводили в домиках — примерялись, обживали, судачили о предстоящей зимовке.

А «Ленин» шел дальше. Позади осталось море Лаптевых. Впереди — пролив Санникова. Все участники похода надолго запомнят его.

Найдите этот пролив в группе Новосибирских островов, между Малым Ляховским и Котельным. Несмотря на свою ширину, пролив Санникова пользуется у полярных моряков дурной славой — уж больно он мелководен. На каждом шагу можно встретить лютого врага кораблей — стамуху. Порой прижатые полями эти толстенные льдины уходят под воду и, притиснутые ко дну, там остаются. Встреча с ними равносильна столкновению со скалой.

И все же капитан «Ленина» решил провести корабль проливом Санникова. Значительно сокращался путь к месту высадки СП-10, экономилось драгоценное светлое время. В середине октября каждый день убывает на тридцать минут.

В пролив вошли поздно вечером. И сразу все впереди заволкло туманом. словно злой волшебник воздвигал на нашем пути преграды, закрывая путь в свое царство. Два прожектора с мачт ледокола, сведя лучи, едва пробивали белесую кисею. Где-то рядом, у берегов острова Котельный, были разводья. Они и дышали холодным паром. А идти приходилось сквозь льды, узким фарватером, где глубины были побольше.

На мостик и в ходовую рубку собрались все, от кого зависела сейчас точность движения судна. Капитан Соколов, капитан-наставник Кононович, старший помощник Кашицкий каждые двадцать минут держали совет. Штурманы, не переставая, орудовали циркулем и транспортером над картой. В сторону — ни-ни! Полсотни метров от курса — и может случиться беда! Мелко! Осадка у атомхода большая. Киль идет чуть ли не над самым дном. За кормой рыжий след ила.

Судоводители, чередуясь, дежурили у локатора.

Яркий лучик быстро бежит по кругу, высветляя белые точки — это стамухи.

— Под килем три метра,— докладывает электронavigator Александр Гамбургер, не отрывая взгляда от показаний эхолота.— Два... полтора...

Капитан снижает ход корабля до минимума. Он движется теперь не быстрее пешехода. И так около получаса.

— Три... — снова докладывает электронavigator.

Ледокол пошел скорее, но недолго.

— Два, полтора...

И так десять с лишним часов, пока в судовом журнале не появилась лаконичная запись: «Вышли из пролива Санникова».

Утром в кают-компании капитаны и штурманы завтракали вместе с нами, смеялись шуткам, сами шутили. Тревоги кончились. Только потяжелевшие веки выдавали усталость. Это была бессонная, чертовски трудная ночь. Впервые в истории Арктики такое большое судно прошло проливом Санникова, да еще в такую позднюю пору.

Восточно-Сибирское море встретило нас довольно радушно, оно было чистым. Хруст льда сменился шипением воды. Ледокол мчался со скоростью восемнадцати узлов. Но это было только первое знакомство с четвертым на нашем пути морем. Через несколько часов небо нахмурилось, на вершинах волн появились белые дымки срывааемых ветром брызг, повалил густой снег. Палубы покрылись сугробами, домики СП-10 одели мохнатые шапки, а между ними обозначились тропинки — точь-в-точь как в зимней деревеньке. Только бушевавшая внизу водная стихия нарушала эту мирную картину

— Ответственные по каютам, проверить крепление предметов,— объявил по радио вахтенный штурман.

Двенадцатого октября «Ленин» резко изменил курс и пошел прямо на север. К вечеру навстречу стали попадаться большие льдины — первые вестники Айонского массива, в глубь которого нужно было врубаться ледоколу. Ряды их становились тесней и тесней, пока не сомкнулись в сплошное поле. Над ним вздымались ропаки и торосы. Вокруг ни разводий, ни трещин, кажется, что корабль идет по суше. Только гулкие удары в борта и всплески за кормой дают понять, что это не суша, а многометровая холодная, изрубцованная кожа полярного моря. Иногда льды настолько крепки, что корабль не в силах сразу подмять их под себя и сокрушить. Тогда короткая остановка, отход назад и стремительная атака. И снова все трещит вокруг.

На следующее утро над «Лениным» появился самолет ИЛ-14. Он сбросил карту ледовой обстановки. Уже близко. Летчики сообщили новость: на выбранной для станции льдине живут медведи. При виде крылатой машины они начинают беспокойно бегать по своим владениям.

— Ничего, потеснятся,— услышав эту весть, рассмеялся Николай Александрович Корнилов,— объясним косолапым, что для науки стараемся.

Шутки шутками, а в экспедиции разработан специальный план борьбы с медвежьей опасностью. Их в этом районе очень много. Десятка два мы уже встретили на своем пути. И странно. Эти громадные желто-белые хищники вовсе не были похожи на мишек, которых я видел раньше. Те, что в московском

зоопарке, просто маломерки по сравнению с этими могучими зверями.

При встречах с ледоколом медведи вели себя до глупости одинаково. Если они оказывались перед носом корабля, то не сворачивали, а начинали улепетывать вперед. Бежали боком, повернув голову назад, забавно переваливая зад из стороны в сторону. Так продолжалось порой пятнадцать-двадцать минут. Помню, один медведь соревновался с нами в скорости добрых полчаса, изнемог от быстрого бега, но никак не мог «догадаться», что следует уступить дорогу.

— Глупый, пропусти нас,— кричали с борта моряки.— Тебя же хватит инфаркт!

Люди свистели, улюлюкали, корабль давал гудки, но упрямец был глух к добрым советам.

И тогда не выдержал капитан. Он приказал рулевому обойти медведя стороной.

Так пугливо и забавно ведет себя косолапый перед ледоколом, но от человека он не побежит, встреча может кончиться трагично...

НА ЛЬДИНЕ

— Вот она, взгляните! — Протянул мне бинокль Анатолий Матвеевич Кашицкий.

Я увидел... то же, что и везде,— сплошное белое поле, только на нем чуть больше снежных холмов и причудливых ропаков. Так, значит, это и есть «наша» льдина.

Все, кто не был занят на вахте, в эту минуту стояли у борта атомохода, с любопытством разглядывая бродячий ледяной остров, который должен был на год приютить четырнадцать наших товарищей.

— На льдине самолет? — удивленно крикнул кто-то.

— Это дед Мазай,— улыбнулся Кашицкий.

Так на Севере в шутку величают старейшего полярного летчика Героя Советского Союза Виталия Ивановича Масленникова. С рассвета он барражировал над кораблем, а потом куда-то исчез. Оказывается, пилот уже посадил свой ЛИ-2 на приглянувшийся ему «аэродром» и ждет нас.

«Ленин» медленно движется по узкому разводью. И вот остановка.

— Приехали, братцы, «домой»! — кричит товарищам инженер-гидролог Михаил Извеков. Он будет зимовать этак пятый раз, поселки на льдах давно для него стали вторым домом. По штормтрапу полярники первыми — это их право — спускаются вниз. Потом несколько матросов.

— Отдать ледовые якоря! — звучит с мостика команда.

В шестнадцать часов пятнадцатого октября корабль ошвартовался. Гидрологи обследовали льдину. Она оказалась много-

летним полем, достигающим в некоторых местах толщины десяти метров. Все отлично. Только одна беда: строить взлетно-посадочную полосу будет трудно — нет ровных площадок. Придется расчищать наиболее подходящее место от торосов и ропаков. А как же сел Масленников? Я, помню, глянул в сторону, где еще недавно был самолет, и не нашел его сразу — он переместился метров на четыреста.

Уже поздней от штурмана Владимира Гришелева, давнего моего друга еще по Москве, я узнал подробности.

— Мы сели на очень тонкий лед, образовавшийся у пака,— рассказал он.— Другой площадки не было. Постояли немного, «аэродром» наш начал пищать, потрескивать, под лыжами проступила вода. Завели моторы, поехали на новое место. Через час та же картина.

— Так это же опасно!

Володя рассмеялся:

— Леду опасно. Вот мы и крутились, чтобы не попортить его, не проломить. Дело привычное.

Шутка сказать — «привычное». Летчики почти сутки переезжали с места на место, чтобы самолет не провалился под лед.

Когда объявляют аврал, работают все. Вечером при свете прожекторов мы катали бочки с горючим на левый борт атомохода. Там их затягивали стропой и канатом опускали на льдину. Бочки железные, тяжелые, их трудно толкать по заснеженной палубе, а у борта, где снег сдуло, они стремительно катятся под горку — только держи.

На морозном ветру лица у одних темнеют, и тогда ярче проступают морщины, у других, кто помоложе, цветут загорелым здоровым румянцем. Капитан здоров и молод, щеки иное покраснелись, глаза и рот смеются. Ему весело работать вот так на морозе, где от людей валит пар. Команда, глядя на капитана, работает с огоньком.

— Майнай!.. Вирай!.. — то и дело слышатся команды. Эти неперенные при разгрузке слова уже хорошо усвоены всеми, и кричит их не один бригадир, ему помогает нестройный хор работающих на борту, хоть это им и не положено.

Почему-то человек, впервые попавший на такие работы, уже через час начинает считать себя великим знатоком корабельной разгрузки. Так и подмывает первым крикнуть «вирай!», когда груз закреплен и посажен на гак, или ругнуться на зазевавшегося соседа, ругнуться не по злобе, а так, от избытка чувств, переполнивших душу.

А как лихо спится после четырехчасовой работы на ветру и морозе. Отдохнешь, плотно подзаправившись в кают-компании и снова на палубу или лед, где трудится твоя бригада.

Первым делом решено было построить станцию. Но как мало светлого времени — каких-то два-три часа. Поэтому почти не гаснут прожекторы. Но ими не осветить всю льдину. С корабля протянули провода, на вехах, воткнутых в снег, повесили фонари. Свет нужен и для безопасности — могут пожаловать медведи.

Они, кстати, не заставили себя ждать. Выгрузили продукты — и ночью косолапые тут как тут. Заметил их первым матрос, работавший на тракторе. Подъехал ближе — три медведя. И что бы вы думали, их прельстили в первую очередь... сосиски. Никогда раньше не приходилось им в Арктике пробовать столь отменные лакомства. Разбили ящик и пируют. Матрос решил припугнуть обжор: пустил на них машину. Но не тут-то было. Один из медведей смело пошел навстречу «знакомиться». Трактористу это очень не понравилось, и он поспешно ретировался.

Тогда направили прожекторы с ледокола. Тоже не помогло: закрылись от света лапами и принялись за говяжью тушу. Как ни жалко было, но пришлось применить оружие. Соседство этой милой семейки не сулило добра.

Быстро строился лагерь. В центре льдины появились семь домиков, кают-компания, склады, электростанция. Из камбуза неслись аппетитные запахи. Там хозяйничал повар ленинградского ресторана «Метрополь» Степан Пестов, пожелавший работать на СП-10.

Строили и полосу. Наш отряд в семьдесят пять человек возглавлял первый помощник капитана Юрий Владимирович Савин. Журналисты между собой называли его комиссаром. И не случайно. Есть в этом человеке такое, что очень роднит его с нашим представлением о комиссарах времен гражданской войны. Он хорошо, складно, с огоньком говорит и всегда к месту, и всегда дело. Глаза внимательные, понимающие — будто в душу твою заглянул.

Легко и просто как-то все у него получается, без нажима. Скажет спокойно, посуетует и чувствуешь — иначе поступить нельзя. Характер у Юрия Владимировича крепкий и сердце большое — на всех хватает. Удивительно, пришел на корабль за день до рейса, а всех уже знает по имени и отчеству. Большой опыт у Савина. Воевал, был политраблотником в Военно-морском флоте, потом в торговом. Плавал первым помощником на «Оби» в Арктику и Антарктику. А теперь перевели сюда, на «Ленин».

В нашем отряде три бригады. Одной, самой молодой, руководит Александр Зюганов, другой — штурман Александр Чупыра, третьей — океанолог Юрий Константинов. Медленно бредем по сыпучему глубокому снегу, на плечах лопаты, мотыги, пшени. Прошли всего два километра, а ноги отказыва-

ются слушаться, дышишь часто, тяжело. Очень трудно ходить по такому снегу: он не утаптывается, а, как сухой песок, уплывает из-под ступни. Пока достигли места работы, устали до изнеможения.

Юрий Владимирович вместе с гидрологом Михаилом Извековым распределили кому что делать. Основная задача — выравнять торосы и ропаки. На каждую бригаду по торосу. Освободили от снега вмерзшие в поле льдины, в поперечнике каждая добрых десять метров. Начали. Кирки и пшени разом застучали по звонкому телу тороса. Именно застучали: лед, как камень, не хочет колотиться. Размахнешься вроде изо всей силы, ударишь — отскакивает хрустальный кусочек величиной со спичечный коробок. Вот те на, сколько же придется потратить времени, чтобы расчистить километровую полосу?

— Не горюйте, хлопцы! — кричит Извеков.— Сейчас мы его не так, так эдак.

В руках у гидролога длинный бурав. Он залезает на торос, сверлит дырку. Минут через двадцать все отходят в сторону. В морозном воздухе гулко разносится хлопок взрыва.

— Навались!

Теперь торос стал податливой, монолитность его сокрушена, дело пошло быстрее.

Светло стало только к двенадцати часам. С корабля прилетел вертолет, привез бутерброды и горячее какао в термосе. Выпьешь кружку, погреешь об нее руки — разморит, спать хочется, да некогда. Снова в руках кирка. Так работать еще ладно, но подумаешь, что нужно будет идти назад к ледоколу по колено в снегу, и становится грустно...

И вот — знаменательный день. Помню морозные ветреные сумерки. У нас было семнадцать часов, а в Москве — восемь утра. Все, кто мог, прошли с ледокола к домикам станции. На мачте взвилось алое полотнище. За два километра сквозь колючие облака поземки с корабля пробился луч прожектора, и трепещущее на ветру знамя кажется языком пламени. К небу взметнулись ракеты, резко щелкнули выстрелы карабинов.

Через два часа в Москве начнется съезд.

В эфир из глубины Арктики полетели слова: «Москва, Кремль, Дворец съездов... Впервые в истории на льдах Центрального полярного бассейна с помощью ледокола создана новая научная дрейфующая станция «Северный полюс-10»...»

Люди обнимают друг друга. Начальник станции Николай Александрович Корнилов крепко жмет руку капитану «Ленина».

— Спасибо, Борис, за все!

На другой день в адрес ледокола и станции прибыли тысячи телеграмм и среди них сердечное поздравление первого

командира атомного корабля Пономарева. Он искренне радовался успеху экипажа и своего молодого друга, которого ценил, в которого верил.

СТАВИМ ДАРМСЫ

Распрощавшись с четырнадцатью полярниками, атомоход снова тронулся в путь. Хрустко стучит в борта поверженный лед. Жизнь на «Ленине» обрела строгий регламент. Сменяются вахты, идет учеба: техническая, общеобразовательная, политическая; самодеятельные артисты готовят концерт.

Наш конечный пункт — Мурманск. Он находится на западе, а мы почему-то двинулись на восток. В чем дело? Оказывается, так нужно молодому сероглазому человеку с полярной фамилией — Мороз. Заместителю начальника экспедиции «Север-13» по научной части Владимиру Георгиевичу Морозу тридцать шесть лет, однако его опыту могут позавидовать многие старые полярники. Участник двенадцати экспедиций по установке дрейфующих автоматических радиометеостанций (ДАРМС) и радиовех, Мороз в одиннадцати случаях назначался руководителем. Заставить льды говорить — вот задача, которую он должен решить.

— Поход «Ленина» в такие высокие широты, да еще зимой — случай исключительный, грешно его не использовать, — объясняет Владимир Георгиевич. — И что стоит такому кораблю сделать небольшой крюк по пути к дому.

Так мы и попали еще в одно море — Чукотское, пятое на нашем пути; ледокол пересек 180-й меридиан — условную границу, которая вместе с Гринвичским меридианом делит планету на два полушария. Здесь проходит незримая черта, на которой рождаются новые сутки. Разница с Москвой десять часов.

Беззаветно влюблен в свое дело Мороз. В этом я убедился еще на СП-10, где ставился первый ДАРМС. С какой нежностью океанолог распаковывал ящик, обильно снабженный предупреждениями: «не кантовать», «осторожно», «верх», «не бросать».

— Этот автомат — замечательный прибор, — сказал Владимир Георгиевич, освобождая из упаковки круглый серебристый предмет, похожий на кастрюлю «чудо», в которой домашние хозяйки пекут пироги. — Красавец, правда? Сейчас его проверим...

В домике метеоролога СП-10 Георгия Андреевича Хлопушина мы вместе поили ДАРМС незамерзающим рубинового цвета маслом. Потом Владимир Георгиевич доверил мне держать прибор и подключил электропитание. В наушнике зазвучала морзянка — голос ДАРМСа.

— Поет, — шепотом сказал Мороз, словно боясь перебить.

В тот день океанолог посвятил меня в тайны своей суровой и романтической профессии. Сколько противоречий. Мороз-человек восхищался красотой льдов. Мороз-океанолог ненавидел льды — их коварство, строптивость, изменчивость. Это так мешает кораблям ходить северными морями. Радиовехи и ДАРМСы — это верные лазутчики в тылу злого врага. Они дают возможность определить его силы, узнать, куда он собирается нанести удар. По сигналам ДАРМСов определяются температура воздуха, направление и сила ветра. Пеленгуя сигналы радиодатчиков береговыми станциями, полярники определяют, куда и как двинутся массивы льдов.

И летает неугомонный Мороз над советским Севером, плавает ледовыми морями, а с ним неразлучные и верные помощники: Евгений Юрьев, механик Семен Кабанов, ледоиспытатель Александр Листов. Их знают все арктические пилоты. Ведь самые сложные посадки на льду делаются именно из-за этих морозовских ребят. Называются эти операции «прыгающими». Знают Мороза и радисты всех полярных станций. Как же иначе! Они первыми слышат, когда языком радиотелеграфа начинают говорить льды. А в ту пору, когда Мороз покидает Арктику, его постоянно видят на заводе, где производятся автоматы. Замечания океанолога всегда представляют большую ценность.

День и ночь трудится группа Мороза. В вертолетном ангаре собирается очередной ДАРМС. В нужном месте ледокол останавливался, аппаратуру спускали на лед. В нем бурилось отверстие на всю толщину поля и затем ставилась двенадцатиметровая радиомачта и сам автомат. В собранном виде он уже не напоминает кастрюлю «чудо», а скорей похож на жарптицу. По бокам ей прицепляют дюралевые крылышки, а сзади хвост.

Пробыв три-пять часов на морозе и ветру, группа по штормтрапу поднимается на борт атомохода. Брови и ресницы заиндевели, руки непослушные, пальцы не разожмешь. Большую часть работы приходится делать, скинув варежки.

— Ничего, в каюте оттаем, — шутил в этих случаях Семен Кабанов.

После стужи хорошо проглотить горяченького и поспать. А вечером посидеть, побеседовать, почитать стихи, спеть под гитару. И редко звучали тогда песни о северной стуже. Хотелось петь о ярком солнце, о садах в цвету, о колосащемся золоте пшеницы.

— Между прочим, показания ДАРМСов помогают определять погоду и там, на Большой Земле, — сказал мне как-то Владимир Георгиевич и с аппетитным хрустом надкусил розовощекое яблоко...

В период расстановки ДАРМСов атомоходу пришлось пройти немало сложных испытаний.

Мы уже знаем, что главное искусство полярных капитанов — умение уходить от многолетних льдов. Но не всегда их избежишь. Порой встанет на пути массив, который не обойдешь, так он велик. И приходится «драться».

Для того чтобы ломать толстые льды, кораблю нужна инерция. Пробьет метров тридцать-пятьдесят — остановка. Руль прямо, и назад по каналу. Потом разбежится, вползет на поле, продавит его корпусом — еще метров пятьдесят. Утомительная и однообразная работа.

Однажды попался атомоходу такой «орешек», что грызть его пришлось долго. Стремительная атака закончилась неудачей. Лед попался настолько крепкий и толстый, что влез на него корабль форштевнем, да так и замер. Не поддалось, не раскололось белое поле. Тогда впервые познакомились мы с еще одной замечательной особенностью судна. Оно начало качаться из стороны в сторону — капитан включил креновое устройство. Минут через пятнадцать раздался треск, льдина лопнула. Двинулись дальше. За вахту атомоход ходил в атаку около тридцати раз и победил, вырвался на годовалый лед.

Чем дальше, тем труднее становилось кораблю. Бассейн Ледовитого океана покрывался сплошным панцирем, который крепчал с каждым днем. Правда, слово «день» почти вышло из употребления на судне. Полярная ночь надолго упрятала солнце за горизонт.

К юго-востоку от острова Новая Сибирь атомоход снова уперся в язык многолетнего пакового льда. Перед капитаном встал сложный вопрос: поворачивать ли снова к проливу Санникова или прорываться севернее островов Анжу. В эту пору самолеты ледовой разведки уже не летали — темно. Единственным помощником оставался малыш вертолет, который был на борту. Много раз выучал он экспедицию в походе. И сейчас о нем вспомнили снова.

Оделся в свои кожаные доспехи бородач Иван Иванович Гуринов, спокойный, рассудительный человек, в которого все на ледоколе были немножко влюблены.

Когда машина была готова к вылету, с неразлучной трубкой во рту и карабином за спиной вышел на вертолетную площадку Георгий Осипович Кононович. В кабину загрузили аварийный запас продуктов.

— Ну, счастливо! — пожал разведчикам руку капитан Соколов. — Не отклоняйтесь от маршрута, будем следить.

Томительное ожидание. Сотни глаз, напряженно устремленных туда, где скрылся огонек винтокрылой машины. В штур-

манской рубке, поминутно поглядывая на часы, капитан следил по карте, рассчитывая, где вертолет.

— Этот маршрут мы составили заранее, — объяснил он, — чтобы по времени знать местонахождение разведчиков. Полет очень сложный. Видят они лишь под собой, в кружке от проектора.

— А зачем Георгий Осипович взял с собой карабин?

Соколов улыбнулся.

— Арктика. Случись вынужденная посадка, придется им идти пешком к острову Новая Сибирь. Возможна тогда встреча с медведями.

Опять медведи...

— Впереди видим чистую воду, — прозвучал по радио спокойный бас Кононовича. — Попробуем пойти вдоль кромки льда.

— Хорошо, спасибо, товарищи, — ответил Соколов.

Я любопытствовал, почему капитан-наставник решил лететь вдоль кромки, ведь этак путь дольше.

— Над водой нельзя, машина сразу обледенеет, — объяснил капитан.

Через десять минут Георгий Осипович доложил:

— Все в порядке, Борис Макарович, это отличные разведчики, идут далеко. Возвращаемся.

— Ждем!

Вскоре на небе рядом с повисшей над горизонтом луной появилась яркая, движущаяся звездочка. На миг вертолет закрыл светлые рожки.

— словно рождественский черт из гоголевского рассказа, — заметил кто-то.

Только когда машина опустилась на палубу, все свободно вздохнули. Поднявшись в штурманскую рубку, Кононович взял карандаш и провел на карте черту.

— Здесь до чистой воды двадцать миль можно идти.

Через сутки атомоход, отклонившись к еще более высоким широтам, мчался со скоростью четырнадцати узлов морем Лаптевых.

Все дальше и дальше на север поднимался корабль, шел местами, где даже летом не бывали корабли в свободном плавании. Веха за вехой оставались на паках.

— Уже скоро, — успокаивает нас похудевший от бессонных ночей Володя Мороз. — Вот поднимемся еще на два градуса. Всего три ДАРМСа осталось.

И наконец — последний, пятнадцатый...

Никогда еще Арктика не знала такого. В кромешной тьме полярной ночи горели сотни ярких электрических огней. Над белыми просторами Ледовитого океана разносились звуки оркестра. словно кто-то взял и перенес сюда кусочек праздничной московской улицы.

Экипаж атомохода «Ленин» отмечал годовщину Великого Октября в сердце арктического бассейна. Давным-давно закончилась навигация в северных морях, а он все еще был тут. Один-единственный корабль на тысячи миль вокруг. И как символичны сигналы радиостанций Большой Земли, которые мы слышим: «Ленин!» — «Ленин!» — «Ленин!»

*Борт атомного ледокола «Ленин» —
Москва. Октябрь — декабрь 1961 года*

ЕОНИД медленно поднялся на плоский прибрежный холм, раздвигая рукой высокую душистую траву, доходившую ему до плеч, и остановился у подножия памятника. На вершине мраморного тороса был изваян человек в полярной меховой одежде. В одной руке он держал планшет, а другую козырьком приложил к глазам, словно защищал их от блеска льдов. Леонид скользнул взглядом по надписи: «Исследователям Северной Земли» — и, взобравшись на уступ обелиска, сел, обхватив руками колено.

Это был худощавый, гибкий молодой человек лет тридцати, с мечтательными, немного грустными глазами и мягкими движениями. Он сидел неподвижно, слушая, как внизу шумит море, и думал о том, что преобразование биогеносферы* Земли — дело целой исторической эпохи. Пожалуй, ему не увидеть конечного результата. Правда, кольцо Черепкова создается довольно быстро, но пока готова лишь его полярная секция...

Все вокруг было залито каким-то призрачным, но вместе с тем сильным светом. Бесчисленные звезды на небе почти топили в нем. Высоко-высоко, простираясь как гигантское крыло, с севера на юг перекинулась по небосводу светящаяся дуга, подобная кольцам Сатурна, видимым с экватора планеты. То было кольцо Черенкова — вытянутое облако мельчайших частиц алюминия, вращавшееся по орбите на удалении полутора тысяч километров от Земли. Оно бросало на полярные области поток рассеянного солнечного излучения, навсегда изгнав ночь из бывшего Арктического бассейна. Было так светло, что Леонид различал секундные деления на циферблате своих наручных радиочасов.

Густой молочный туман лежал в низинах. Но мысль Леонида проникала сквозь него и улавливала процессы, понятные лишь биогенологу**. Северная Земля, веками закованная в ледяную броню, ожила, чтобы через несколько лет превратиться в Арктическую Ривьеру, — таков был план Совета Знания, над осуществлением которого Леонид работал здесь последние годы. Вскоре туманы рассеются, уйдут, и глазам предстанет дышащая теплом земля. Обнажатся готовые к цветению ростки субтропических растений, высаженные сотрудниками Климатической Службы. Острова покроются разноцветным ковром цветов и трав, как это произошло на холме, где сидел Леонид.

На севере, по ту сторону широкого плато, поднимались горы, вершины которых серебрила только что взошедшая луна. Стояла торжественная тишина, лишь временами ее нарушал отдаленный гул работавших у подножия хребта киберомашин. Леонид прислушивался к голосам природы, к журчанию воды в горах от тающих ледников и вечных снегов, к немолчному рокоту прибоя и шелесту травы у своих ног, и его мысли незаметно приняли другое направление. Да, ему не повезло... Он всегда жаждал необычного, героического, а незаметная работа биогенолога не давала пищи для этого. Все будни, будни... Прикрыв веки, он грезил о путешествиях к планетам иных солнц, о подвигах, о биосферах других миров, ждущих своих

* Биогеносфера («Сфера возникновения жизни») — часть планеты, образованная литосферой, атмосферой и гидросферой, в пределах которой возникает и развивается жизнь. — *Ур им. ред.*

** Биогенолог — ученый, занимающийся изучением биогеносферы планеты. — *Прим. ред.*

исследователей. Только там достойное поле приложения сил, скрытых в человеке. Но он навсегда прикован к Земле. Беспощадная космомедицина вынесла ему свой приговор еще в те годы, когда он мечтал о космосе и пытался поступить в Академию Звездоплавания. Его организм плохо переносил ускорения, а этого было достаточно... Леонид был лишен возможности посещать даже эфирные поселения, опоясавшие Землю по круговой стационарной орбите. С грустью следил он, как его товарищи, космобиологи и космогеографы, устремлялись в заатмосферные выси, в царство невесомости и света, чтобы познавать и изменять другие планеты. Они возвращались оттуда переполненные впечатлениями, духовно преображенные.

И Леонид, ощущавший в себе непрерывный порыв к действию, метался по всей Земле, сжигаемый неудовлетворенностью. За последние несколько лет он успел побывать и в Антарктике, и в Полинезии; на какое-то время его увлекли работы по отоплению Арктического бассейна. Но теперь и здесь основные трудности позади...

Спускаясь с холма, Леонид мысленно повторял слова Еврипида:

Нам оттого земная жизнь любезна,
Что жизни мы не ведаем иной...

Он пересек еще одну холмистую грядку и оказался на прибрежной равнине. Вдали раскинулся Североград; россыпь его огней, казалось, тихо плыла в пространстве. Справа виднелись серые массы киберомеханизмов, оттуда доносился неясный гул, вспыхивали сиреневые искры ядерной сварки. Два ряда тонких, как карандаш, опорных колонн из бездислокационного металла уходили от Северной Земли через пролив на материк. Они шагали прямо по океану, неся на себе легкие конструкции будущего моста. Леонид знал, что скоро по этому мосту, на километровой высоте от поверхности океана, помчатся атомовозы и ВЧ-мобили. Стройка была в полном разгаре, несмотря на то, что операторы давно уже спали: киберомеханизмы работали самостоятельно по заданной программе.

Впереди себя Леонид услышал какой-то странный шорох и остановился. В белесом свете, льющемся от кольца Черенкова, он увидел прозрачную грибовидную массу, медленно ползущую в траве. Величиной она превосходила гигантскую морскую черепаху. Сначала он решил, что это заблудившийся киберомеханизм из мостостроительной группы. «Вероятно, у него отказала программная катушка, — подумал Леонид. — Надо проверить». Он шагнул вперед. Масса издала нежный звон, который неуловимо растаял в воздухе, и отпрыгнула в сторону. Заинтересованный, Леонид остановился. Предмет изменил свои очертания: вытянулся в длину, стал выше. На его «спине» об-

разовался большой нарост и с легким треском лопнул, точно набухшая почка. Леонид тихо вскрикнул от изумления, потому что в следующий миг «почка» выросла до размеров огромной, совершенно прозрачной чаши, усеянной по внутренней поверхности множеством красных овалов, тоже прозрачных. Сквозь чашу, висевшую теперь над головой Леонида, просвечивали звезды. Постепенно в его сознание проникла мысль, что это не строительный киберомеханизм. Но тогда что?..

Он снова приблизился к предмету и вдруг упал, защищая глаза от розового света, хлынувшего из глубины чаши. Леонид не успел

еще опомниться, как предмет, глухо звеня, двинулся на него. Пальцы Леонида встретили что-то упругое и увязли в губчатой, покалывающей острыми иголочками массе. Он инстинктивно отдернул руки. Свечение погасло, а «гриб», ставший почти невидимым, стремительно поднялся в воздух, направляясь к югу, в сторону Большой Земли.

Некоторое время Леонид сидел не шевелясь. Постепенно он осознал, что столкнулся с необыкновенным открытием. Не менее важным, может быть, чем открытия космонавтов на других мирах.

— А я ведь его упустил,— сказал он вслух. И, усмехнувшись, покачал головой,— Вот незадача, черт возьми...

Спустя несколько минут он уже был далеко. Задыхаясь, большими прыжками Леонид бежал по равнине к городу. Упругие ветви вечнозеленых насаждений, окружавших Североград, больно хлестали его по лицу. Потом он мчался мимо струившихся лунным светом зданий, где спали его товарищи — климатологи и почвоведы, киберооператоры и метеорологи, агрономы и океанографы, все те, кто создавал Арктическую Ривьеру, и все время в его голове билась одна мысль: «Я его упустил...» Догнать, узнать, что за странная машина — это желание вытеснило все остальные. Наконец он достиг стоянки гравипланов и прыгнул в первый попавшийся аппарат. Через несколько минут Леонид уже кружил над равниной, где ему

встретился прозрачный «гриб». Но тот словно в воду канул. Потом Леонид увидел его в виде серо-розового пятна далеко на юге. С огромной скоростью пятно перемещалось у самой земли. Леонид устремился в погоню. Перелетел через пролив и долго гнался за все уменьшавшимся пятном. Вскоре оно превратилось в точку и исчезло. Леонид понял, что его затея безуспешна — слишком велика была скорость «гриба». И повернул назад.

Уже достигнув окраины Северограда, Леонид вдруг подумал: «А чего я, собственно говоря, мечусь?.. Этот гриб и вправду необычен. Ну и что из этого?.. Скорее всего, новая конструкция — вероятно, радиоуправляемая,— запущенная из Северного Научного Центра».

Несколько времени спустя он лежал в гамаке, под сенью тамариндов, росших на крыше здания, где он жил. Рядом на столике светились радиочасы. На узорчатой панели Аппарата Всеобщей связи дрожали блики лунного света. Леонид не мог уснуть: его не покидала мысль об этом предмете. Не выдержав, он встал, вызвал по Аппарату связи Северный Научный Центр и рассказал о встрече с «грибом».

— Нет, мы не запускали такой конструкции,— ответил ему дежурный, — может быть, она из Города Знания?..

Он радировал в Кибернетический Центр Города Знания: там тоже ничего не знали, но заинтересовались сообщением. Поскольку Леонид не мог ясно описать аппарат, ему предложили собрать более точные данные. Насмешливый женский голос даже выразил сомнение в реальности «гриба». Леонид рассердился, выключил планетофон и снова лег в гамак. Наступило утро, а он все думал о проклятом «грибе», слушая, как пробуждается город, сразу наполнившийся мелодичным жужжанием аэротакси, говором тысяч людей, чистыми гудками атомоходов, швартовавшихся в порту. Его злило вынужденное бездействие, но он не знал, что предпринять.

Прерывистый сигнал Аппарата Всеобщей связи нарушил тишину. «Кто бы это мог быть?» — подумал Леонид. На зеленоватом экране долго трепетали полосы ряби. Потом экран повтелел, появилась курчава голова и бронзовое лицо молодого человека, обнаженного до пояса, мускулистого, словно римский гладиатор.

Глаза Леонида расширились от радости.

— Теранги?!

— Это я,— просто ответил тот, показывая в улыбке белые зубы. Они смотрели друг на друга и молчали от избытка переполнявших их чувств. Им было, что вспомнить. Их дружба началась три года назад, когда Леонид изучал океанские глубины к востоку от Маркизских островов. Теранги руководил на Нукухиве базой исследовательских роботов-океанологов, помогав-

ших экспедиции. Тогда они и встретились. Леонид искренне полюбил веселого островитянина, причудливо сочетавшего в себе непосредственную натуру сына южных морей и высокую культуру людей эпохи Всемирного Братства. В противоположность Леониду глубоко земное, конкретное мышление Теранги вполне удовлетворялось миром прикладной кибернетики, которая давала пытливому уму безграничные возможности для творчества.

Леонид смотрел на друга и как будто вновь дышал целебным воздухом Нукухивы... С чистого лазурного неба струился благодатный солнечный свет, волны с шипением набегали на берег. В солнечных бликах, далеко в море, мелькали черные «головы» роботов-исследователей, а над ними, словно заботливые няньки, парили вертолеты радиотелеуправления... Потом всплыло самое дорогое: он видел грациозную головку Уны, сестры Теранги, ее глаза, в глубине которых мерцал ночной океан...

— Теранги... Как я рад... как рад,— повторял Леонид.

— Ты совсем забыл меня,— будто извиняясь, сказал Теранги,— Я с трудом отыскал тебя.— Он помолчал и добавил: — Мы должны встретиться и как можно скорей.

— Что-нибудь случилось?! — забеспокоился Леонид.

— Трудно объяснить словами. Это надо видеть... Где ожидать тебя?

Теранги был явно взволнован, и его рассказ был сбивчив. Леонид понял только, что Теранги наблюдал какое-то поразительное, необъяснимое явление, что-то вроде миража. Он сообщил, что радировал об этом в Город Знания.

— Мне предложили связаться с тобой,— закончил Теранги с удивленным видом.— Но при чем здесь ты?!

— Ага...— протянул Леонид задумчиво.— Кажется, догадываюсь. Срочно вылетай в Чукотск! Жди меня через несколько часов на эспланаде, против радиомаяка. Обо всем поговорим на месте.

Экран погас. Леонид быстро оделся, спустился в свою комнату и собрал необходимые вещи.

Вскоре он перелетел на вертолете Климатической Службы через пролив, отделяющий Северную Землю от Таймыра, приземлился у станции Северной электромагнитной автострады и пересел в один из ВЧ-мобилей, косяками стоявших меж поясов вечнозеленых насаждений.

— Берингов пролив! Эспланада! — бросил он в небольшую мембрану — приемное устройство автомата, управляющего машиной. ВЧ-мобиль бесшумно тронулся с места и, набирая скорость, понесся на восток.

Спустя несколько часов Леонид катил по широкой тенистой аллее, образованной стволами и кронами тянь-шаньских елей.

Был поздний вечер. Нежный туман стлался в кустах роз, всюду сверкали капли росы. Аллея кончилась, и ВЧ-мобиль оказался на необъятной эспланаде Дежнева, огражденной со стороны пролива гранитным парапетом, вдоль которого тянулись мраморные скамьи, беседки, павильоны. Еще издали Леонид увидел Теранги, приветливо машущего ему рукой из беседки, увитой плющом.

Они обнялись.

— Рассказывай,— попросил Леонид.

Вместо ответа Теранги постучал согнутым пальцем по крышке телеаппарата, висевшего у него на боку:

— Рассказывать будет он. Пойдем на станцию Всемирной Телесвязи.

В одном из залов станции он разыскал свободный проектор и вложил в аппарат ленту, привезенную с Нукухивы. Погасив свет, сказал:

— Мой телеаппарат, к счастью, был включен. Вот что произошло...

На экране проектора возникло цветное объемное изображение участка побережья Нукухивы, сопровождаемое звукозаписью. Гремела песнь ночного прибоя, слабо фосфоресцировал океан; на краю неба, усыпанного яркими звездами, темнела гряда лесистых гор. Слева, на мысу, горели огни базы, где работал Теранги. Внезапно окрестность залил ослепительный розоватый свет. Померкли звезды, свечение океана, огни базы. Вслед за тем откуда-то пришла мелодия, подобная звездной музыке. В небосклон вонзился прямой, как луч света, розовый столб.

— Он вырос как будто • из-под земли, в сотне метров от меня,— прошептал Теранги.

...Столб увеличился,

внутри него, начиная от основания, побежали вверх яркие спирали. Незнакомая музыка усилилась, спирали побледнели, и неожиданно Леонид увидел бегущие в колонне этого странного света как бы кадры замедленной киносъемки. Промелькнула перевернутая панорама города Таиохаэ — крупнейшего научного центра Маркизских островов. Потом опера-

торская базы — огромный зал, уставленный большими и маленькими телеэкранами, электронными машинами, инфразвуковыми приемниками.

Плыли бесконечные пляжи Всемирного Курортно-Санаторного Центра, разбросанные по всем архипелагам, островам и атоллам Полинезии... Наконец крупным планом обрисовался один из океанологических танков.

— Он находился в это время на дне океана, в ста милях от берега,— пояснил Теранги. В его глазах вспыхнуло волнение, как будто он заново переживал события.— Но как попал гидротанк в этот столб света?!

Но вот столб из розового стал бледно-желтым, мелодия превратилась в еле уловимое дуновение звуков. Где-то в бесконечности, куда, казалось, уходила вершина миража, с немыслимой, непонятной четкостью возникли белые, как жасмин, колонны, здания, легкие облаков, кристально прозрачное зеленоватое небо..

Столб угас, мелодия умерла. Снова рокотал ночной океан, темнели вдали горы.

Щелкнул выключатель.

— Что скажешь, брат?..

Леонид молчал. Он понял, что этот мираж создается тем самым аппаратом, который он спугнул на Северной Земле. Только сейчас он убедился в величии явления. И с еще большей силой охватило его желание узнать, что это такое. Видение это было как отзвук его собственной мысли, ответ его памяти, вспышка мечты, эскиз Неведомого, точно молния, внезапно осветившая мрак ущелья.

— Но это не все...— опять заговорил Теранги, так и не дождавшись ответа.— Я бросился к тому месту, откуда только что исходил свет. Там было пусто!.. Вдруг какой-то прозрачный, словно невесомый шар, или сфероид, взметнулся вверх. Меня обдало жарким ветром. Я задел рукой что-то осязаемое, упругое... Раздался звон, тьму прочертила слабосветящаяся полоса и упала к моим ногам.

Теранги извлек из кармана предмет, напоминающий плоскую чашу, зеленую изнутри. Она тускло блеснула своими розовато-серыми гранями. Леонид почти вырвал ее из рук полинезийца и стал рассматривать с таким видом, словно в чаше скрывалась загадка бытия.

— Деталь совершенно неизвестного назначения,— разочарованно произнес он наконец, вертя чашу в руках.— Но я ее уже видел раньше.

— Где?! Когда?!

Леонид коротко рассказал о событии прошедшей ночи, о параболоиде, усеянном красными овалами, вероятно этими чашами.

— Мне тоже удалось дотронуться до аппарата,— сказал Леонид.— Но он мгновенно взлетел вверх, как бесшумная птица...

— Но что это?! Что?! — взволнованно спрашивал Теранги. Леонид пожал плечами.

— Пока не знаю... Уверен, чувствую... Ты был у порога необычайного открытия. Теперь скорее в Город Знания! У нас есть факты!

Камилл подошел к раскрытому окну и некоторое время молчал, словно созерцая ажурные громады Города Знания, раскинувшегося на берегах Енисея. Леонид и Теранги сидели в глубине комнаты в пластмассовых шезлонгах и ждали, когда ученый заговорит снова. Их беседа началась несколько минут назад.

Камилл, один из новых членов Совета Знания, был строен, белокур и плечист. У него было тонкое длинное лицо и взгляд, неподвижно устремленный в одну точку, словно ученый навсегда застыл над решением некоей мучительной задачи, однажды пришедшей ему в голову. Леонид и Теранги знали, что Камилл один из крупнейших теоретиков в области тяготения и света и долгие годы работает над новой проблемой, лежащей где-то у последних пределов современного знания.

— Мы запросили все научные центры планеты,— повернувшись к друзьям, сказал Камилл.— Они непричастны к явлению, которое вы условно называете миражем... Деталь, равно как и изображения, представленные Теранги, тщательно изучены...

— И что же?! — весь подавшись вперед, спросил Леонид.

Камилл медленно подошел к столу, взял в руки серо-розовую чашу и задумчиво продолжал:

— Все это не более понятно, чем пуническая грамота... Назначение чаши не установлено. По одним изображениям нельзя сделать каких-либо выводов о сущности открытого вами явления.

— Неужели оно так и останется игнорабимус *?!— возмутился Леонид.— Примириться с этим?! Никогда!

— Подожди,— с улыбкой возразил Камилл.— Разве я примирился?.. Факты — вот что мы должны накопить. Факты — воздух ученого... Я ощущаю ритм неведомой песни, но еще не знаю ее слов.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Искать!— ответил Камилл.— Искать этот мираж! Даже если придется исколесить всю Землю... Совет Знания предо-

* Ignorabimus (лат.) — абсолютно непознаваемое.

ставляет нам чрезвычайные полномочия. Мы должны выяснить природу явления! Повсюду предупреждены о нем. Станции Всемирной Телесвязи уже ведут непрерывное наблюдение. Час назад я получил сообщение из Чукотска. Мираж появился там! Я должен видеть его собственными глазами. Вылетаем немедленно!

...У восточной окраины Города Знания на фоне вечеряющего неба рисовались секции электромагнитной катапульты, с которой выбрасывались стратопланы. Теранги, Камилл и Леонид едва успели занять места в пассажирском салоне, как на легкой стенке, отделяющей салон от кабины пилота, вспыхнула неоновая надпись: «Старт!». Низко загудели включенные соленоиды катапульты. В мерцании голубых искр стратоплан начал разгон. Со скоростью, вдвое превышающей звуковую, он вырвался из выходной арки катапульты. По тайге прокатился пушечный гром. Наземные генераторы послали вдогонку стратоплану высокочастотный энерголуч, чтобы тот мог продолжать полет.

Словно в калейдоскопе, внизу пронеслись сооружения энергетической централи, леса, горы, долины, потом все заволочло облачным покрывалом. И вот уже открылась феерическая картина заатмосферного неба. Солнце, полыхавшее в черно-фиолетовой дали, с огромной скоростью покатилося на запад и скрылось за выпуклостью земного шара. Стратоплан летел теперь по инерции, описывая в пространстве параболу, упирающуюся в Берингов пролив. Камилл и Теранги спали, убаюканные мерным гулом двигателя. Но Леонид упорно думал. Он в сотый раз возвращался к видению, так поразившему его воображение. Что это было?.. Особенно пейзаж, который на мгновение возник в вершине столба света?.. Его нельзя было отождествить с каким-нибудь уголком земного. Но может быть, это просто игра световых лучей в атмосфере? Или флюктуации* частот? Потом его охватило огромное нетерпение. Он хотел бы сейчас, сию минуту быть в проливе.

Его размышления прервал рев тормозного двигателя. Перегрузка вдавила Леонида в кресло, он страдальчески морщился. Послышался характерный звук рассекаемого воздуха: выпустив крылья планера, стратоплан вошел в плотные слои атмосферы. В глубочайшей пропасти разлилось зарево огней Чукотска, города с двухмиллионным населением. Робот-пилот безукоризненно посадил стратоплан на рельсовую тележку, которая окончательно и затормозила его. Шесть тысяч километров аппарат покрыл за двадцать пять минут, молнией промчавшись над большей частью Азии.

* Флюктуация (от лат. *fluctuatio* — колебание, волнообразное движение) — в широком смысле беспорядочные отклонения случайных величин в обе стороны от их средних значений.— *Прим. ред.*

...У входа в аэровокзал Чукотска ученых нетерпеливо поджидал общественный Инспектор.

— Наконец-то!.. У нас тут настоящее столпотворение,— возбужденно говорил он, пожимая Камиллу руку.— Да сейчас сами убедитесь... Вот мой гравиплан. Прошу.

Но в машине Инспектора смогли поместиться еще только двое. Поэтому Леониду предоставили одноместный гравиплан общего пользования.

— Смотрите! — воскликнул Инспектор, когда гравипланы повисли над проливом, недалеко от эспланады Дежнева.

Соленый океанский ветер, насыщенный благоуханными ароматами южных морей, ударил Леониду в лицо. Исполинский световой столб, гораздо более мощный, чем тот, который был на побережье Нукухивы, озарял громадное пространство. Тысячи людей, привлеченных диковинным зрелищем, усеяли эспланаду, трапецидальное тело плотины Шумилина, перегородившей Берингов пролив, облепили циклопические дуги молотов в гавани Чукотска. Повсюду замер пульс кипучей жизни: на плотине остановились тяжелые составы грузовых атомных поездов и даже экспресс Москва — Нью-Йорк, пробегающий за сутки семь тысяч километров. Нескончаемый поток легковых и транспортных ВЧ-мобилей прервал свой бег, выплеснувшись по обе стороны автомагистрали, проложенной рядом с ширококолейной железной дорогой. Лишь с аэродрома на американском конце плотины то и дело взлетали аэротакси и вертолеты, набитые зрителями, жаждавшими поближе рассмотреть чудо.

Леонид снова впитывал волнующую неземную мелодию, которая звучала внутри колонны света. Музыка была как будто негромкой и в то же время перекрывала гул центробежных насосов, смонтированных в основании плотины. Она мощно звала его куда-то, волнуя кровь, требуя порыва, действия.

Камилл и Теранги, перебрасываясь отрывистыми фразами, устанавливали анализатор излучений, напомилавший тор с вписанной в него полусферой.

— Смотри! Изображения! — оторвавшись от прибора, сказал Камиллу Теранги.— Тогда воспроизводились окрестности Нукухивы, а здесь... — он умолк, предоставляя Камиллу убедиться самому.

По внутренней поверхности миража в замедленном темпе плыли сооружения плотины Берингова пролива вперемежку с панорамой Чукотска: похожие на мавзолей корпуса термоядерных электростанций, питающих энергией насосы плотины; прозрачные крыши парков и садов, здания из алюминия и пластмасс, проспекты и площади; шпили энергоприемников и мачты радиотелеуправления; океанский лайнер, готовящийся пройти шлюз, чтобы попасть из Ледовитого в Тихий океан; памятник Строителю Коммунистического Братства; бешеные водовороты

воды, прогоняемой насосами на северную сторону плотины; километровые решетчатые башни маяков, дворцы отдыха и санатории, утопающие в зелени, — большое и малое, массивное и воздушное, все было отмечено красотой, дерзновенным размахом, монументальностью и целесообразностью.

— Почему мы бездействуем?! — воскликнул Леонид. — Он же опять уйдет!..

— Разве не видишь? — отозвался Камилл спокойно. — Прибор анализирует спектр этого излучения. Слова песни...

— Это полумеры! — перебил его Леонид. — Так мы ничего не узнаем.

Неожиданно он включил горизонтальную, скорость. Его гравиплан, паривший рядом с машиной Инспектора, ринулся к столбу света. Никто не успел еще опомниться, как Леонид уже вплотную приблизился и коснулся розовой субстанции. Раздался общий крик тысяч людей, стоявших на плотине и эспланаде, ибо гравиплан Леонида, точно щепка, попавшая в водоворот, завертелся, опрокинулся и, спирально навиваясь на внешнюю поверхность миража, устремился вниз. У самой воды его отбросило в сторону, он упал в океан. И тотчас столб света растаял, словно его и не было вовсе.

— Зачем он это сделал?! — возмутился Камилл. — Что за порыв?!

— Не понимаю, — пожал плечами Теранги. — Впрочем... Он всегда такой. — Свесившись за борт гравиплана, полинезиец с тревогой следил, как аппарат Леонида захлестывают волны. К месту его падения спешили спасательные катера.

— Неужели он убит?! — схватился за голову Инспектор. — Невероятное несчастье в моей зоне за последние шестнадцать лет! Даю сигнал Всепланетной Тревоги!.. — Он рывком включил мощный радиопередатчик служебного гравиплана.

— Не горячись, — удержал его Камилл. — Леонид, по-моему, жив.

Гравиплан Инспектора медленно приближался к месту аварии, где в скрещении прожекторных лучей качался на волнах злополучный аппарат. Наполовину высунувшись из него, Леонид мрачно следил за тем, как манипуляторы одного из катеров ловко вытаскивали гравиплан на палубу.

Перейдя на катер, Теранги помог Леониду снять мокрую одежду. Моряки дали ему костюм из своего гардероба. Камилл, стоявший поодаль, наконец подошел к Леониду.

— Объясни свой поступок... Сорвана программа наших измерений.

Леонид медленно поднял голову.

— Возможно... Но у вас еще будет случай провести такие измерения много раз.

Камилл удивленно вскинул брови:

— Ты уверен?

— Как в том, что завтра взойдет солнце! Что касается моего поступка... Мне удалось зафиксировать вокруг миража защитное поле. — Леонид показал шкалу своего энергомера.

— Ах, вот что! — сразу оживился Камилл, наклоняясь к прибору. — Да, да... Это очень важные данные.

А теперь скорей на станцию Всемирной Телевязи! — сказал он, обращаясь к Инспектору.

— Зачем?! — удивился в свою очередь Теранги.

Леонид, словно понимая замысел Камилла, молча поднялся в гравиплан.

— Ты хорошо знаешь размещение технических сооружений Эпохи Братства? — не отвечая на вопрос Теранги, спросил Камилл.

— Кажется, да, — сказал Теранги. — А что?

— Мираж посетит их, если не все, то наиболее крупные. Вот об этом мы и должны предупредить.

— Понятно, — сказал Теранги. — Но почему ты уверен в этом?

Камилл ответил иносказанием:

— Письмо зашифровано очень сложно. Но один иероглиф мы уже знаем.

...Пока они летели над взбудораженным событиями Чукотском, Леонид рассказал, что снова видел внутри миража, в его основании, прозрачный «гриб» с параболоидом.

— Убежден, что это кибернетический аппарат! — сказал Теранги. — Но чей он?.. Откуда?.. — Внезапно он замер, широко раскрытыми глазами глядя на Леонида: — Неужели из Вселенной?..

Леонид молча наклонил голову. Он сидел, полуобернувшись назад, к проливу, словно все еще наблюдал давно исчезнувшее видение.

Инспектор круто посадил гравиплан на площадку Радиотелецентра. Они поспешили в операторский зал. Камилл, не отвечая на приветствия операторов, разыскивал глазами свободный планетофон. Кто-то торопливо уступил ему свой канал связи.

— Внимание! Всем труженикам планеты! Говорит член Совета Знания Камилл! В различных точках Земли, особенно возле крупных технических объектов, периодически возникают столбы розового света. Наша группа ведет их исследование. Прошу сохранять полное спокойствие. Долг каждого, кто заметит этот мираж, немедленно радировать мне на волне 124 мегагерца. Позывной — ГРАВИТОН-СЕМЬ! — Камилл возвратил оператору планетофон и вопросительно посмотрел на Леонида.

— Как ты думаешь, можно его поймать?

— Если бы не защитное поле, — подумав, ответил Леонид, — это было бы возможно.

— Защитное поле мы нейтрализуем... Ф-излучателями.

На груди Камилла замерцал вогнутый экран Аппарата Всеобщей связи, почти тотчас прозвучал позывной ГРАВИТОН-СЕМЬ. Все насторожились. С экрана смотрел незнакомый человек.

— Клянусь атоллами, мираж! — предваряя сообщение незнакомца, сказал Теранги. Он не ошибся. Человек рассказал, что световой столб, описанный Камиллом, появился у них, в Фотограде, в районе Каракумского фотоэнергетического комплекса.

— Когда? — быстро спросил Камилл.

— Только что. — Экран угас.

— Вот это скорость... — Теранги от изумления даже пощелкал языком. — Попробуй поймай... Главное, никакой закономерности: Североград... Нукухива... Чукотск... Теперь Каракумы.

Камилл задумчиво посмотрел на огромную карту Земли, занимавшую всю стену зала.

— Теранги прав... Бессмысленно гнаться за миражем, если ее знаешь, где он будет в следующую минуту. Самое разумное — следить за его перемещением по земной поверхности через Всепланетное Зеркало... Нанести путь на карту, выявить закон движения.

— Длинная песня! — воскликнул Леонид.

— Зато правильная, — возразил Камилл. — А что предлагаешь ты?

— Захватить генератор миража при непосредственном преследовании! Что из того, что у него огромная скорость? И у нас есть скоростной транспорт.

— Каким образом ты думаешь захватить? — спросил Камилл с недоверием.

— Ф-излучением нейтрализовать его защиту, а затем... затем набросить какое-нибудь ограждение. Нейтральную сеть, например.

— Мне кажется, это рискованно, — заметил Камилл.

— Для теоретиков может быть, — сказал Леонид насмешливо.

Камилл строго посмотрел на него.

— Хорошо... Попробайся. Я вызову в район Фотограда группу операторов с Ф-излучателями. Они в твоём распоряжении. Но я буду действовать по своему плану... Решил обосноваться с помощниками из Города Знания на Маркизах. Острова расположены в центре огромного водного бассейна, окруженного материками. Это удобно для наблюдения через Всепланетное Зеркало Нукухивы... Ты, вероятно, останешься с Леонидом? — спросил он Теранги.

— Да, — без колебаний сказал Теранги, хотя ему и не совсем нравился замысел Леонида. Но долг дружбы он ставил выше всего.

— Тогда держайте! — Камилл с улыбкой взглянул на Леонида. — Едем в аэропорт.

Попросив друзей все время держать включенным Аппарат Всеобщей связи и информировать о ходе преследования, Камилл вылетел на Маркизы. Но для Леонида и Теранги не оказалось свободного ионолета на Фотоград. Им предложили подождать несколько часов.

— Мы не можем ждать! — решительно запротестовал Леонид. — Мираж тоже.

Леонида все сильнее разжигала исследовательская лихорадка. Как можно скорее хотелось быть на месте действия. Он боялся, что больше никогда не увидит этот дрожащий, как бы истекающий кровью свет, не услышит мелодий, глубоко проникших в его сердце.

От имени Совета Знания Леонид отменил рейс реактивного кругосветного лайнера, готовившегося принять на борт

пассажиров, и через три часа гиперзвукового полета Леонид и Теранги стояли на окраине Фотограда, прикрывая головы от палящих лучей среднеазиатского солнца. Лайнер немедленно стартовал обратно в Чукотск.

Перед ними расстилалась обширная равнина, сплошь покрытая фотоэлементными пластинами. Яростное южное солнце почти круглый год изливало на них свою лучистую энергию, а пластины преобразовывали ее в электричество.

— Где же этот мираж?.. — сказал Леонид, обводя взглядом горизонт, по которому громоздились конусовидные башни с раструбами. В них скоплялась уловленная энергия всего Каракумского фотоэнергетического комплекса. Время от времени башни выстреливали ее в виде сгустков электромагнитных волн. По ионным дорожкам — узким коридорам, состоящим из ионов воздуха, — энергия распределялась по всей Восточной Евразии.

— Может быть, он не заметен в лучах солнца? — предположил Теранги.

— Кто-то спешит к нам, — встрепенулся Леонид, указывая на зеленую каплю, мчавшуюся от Фотограда, что виднелся в трех километрах справа. Капля превратилась в ВЧ-мобиль. Резко затормозив, он остановился, из него выскочил человек в белом комбинезоне фотоэнергетика. Леонид и Теранги сразу узнали незнакомца, который сообщил в Чукотск о появлении здесь светового столба.

— Опоздали, друзья! — на бегу восклицал фотоэнергетик. — Все окончилось минут тридцать назад!.. — На его лице было написано огорчение. — Вот там, — инженер указал на северо-запад, — еще можно рассмотреть конечную фазу явления. Оно переместилось...

— К Великой автостраде? — прервал его Леонид.

— Да-а... — удивленно ответил инженер.

Леонид приложил руку к глазам, всматриваясь в еле заметный серо-розовый конус, почти ушедший под горизонт.

— О!.. Вы бы посмотрели, как это грандиозно! — рассказывал фотоэнергетик. — Я проверял волноводы двенадцатой энергопушки. И вдруг померк яркий день... Наступили розовые сумерки. Гляжу — в километре от меня этот столб! Он затмил солнце, оно выглядело просто серым пятном!..

— И в столбе света отражались окрестности Фотограда?

Фотоэнергетик запнулся и внимательно посмотрел на Леонида.

— Шутите что ли вы, не пойму, — сказал он. — Сами все знаете, а делаете вид...

— Нет, нет! — удовлетворенно рассмеялся Леонид. — Мы просто нашли первые слова этой световой поэмы, как сказал бы наш друг Камилл.

Теранги как будто понимал скрытый смысл иносказания, но это было как неясные силуэты, видимые сквозь толстый слой полупрозрачного кристалла. Во всяком случае, он понял, что явление миража — неземного происхождения и что кто-то исследует Землю, передавая информацию о ней в виде живых объемных изображений.

— Не будем терять времени, — сказал Леонид инженеру. — Довези нас теперь до автострады.

...Вдали показалась высокая стена пирамидальных тополей. Леонид молчал, всматриваясь в знойное марево, плывущее над тополями, словно надеялся увидеть там знакомое сияние.

— Уна что-нибудь передавала для меня? — внезапно спросил он Теранги. Этот вопрос обрадовал полинезийца. Он давно ожидал его.

— Я так спешно вылетел в Чукотск... Даже не предупредил ее. Но она ждет тебя. Это я знаю твердо.

— Я не видел Уну, должно быть, тысячу лет... — тихо продолжал Леонид, — но она всегда живет здесь, — он приложил руку к сердцу и умолк, весь отдавшись воспоминаниям... Они нахлынули неожиданно сильно, властно проникли в сердце. Это было три года назад и как будто никогда не прерывалось, а лишь до поры до времени таилось в глубине его сознания... Еле слышно роптал ночной океан, и его блики дрожали в глазах Уны. Стояла тишина, легкая, как мысль; в сумраке тропической ночи маленькая рука девушки чертила в воздухе зыбкие силуэты слов: «Я люблю тебя нуи, нуи, нуи *...» Их руки, лица, губы слились в высоком порыве всеобъемлющего чувства... Потом Леонид, по зову Совета Преобразования Биогеносферы, отплыл в Арктику. Уна, не скрывая печали, пела ему вслед старинную песнь своего народа, мешая родную речь с выученными русскими словами:

А харри та фоу,
А торо та фарраро **,
Но тебя больше не будет.

Эта бесхитростная песенка еще долго-долго звучала в его ушах. Гордый любовью прекрасной островитянки, он поклялся себе совершить во имя нее подвиг. Но время шло, а Леонид, упорно работая над преобразованием Северной Земли, все еще не считал возможным вернуться на Нукухиву: героический подвиг, как он его себе мыслил, оставался мечтой...

В ста метрах от зеленого барьера растительности дорогу ВЧ-мобиле преградил фотоэлементный шлагбаум. Голос не-

* Нуи — очень сильно, безгранично.

** Пальма будет расти,
Коралл будет ветвиться.

видимого автомата, скрытого в корпусе шлагбаума, громко предупредил:

— Въезд на автостраду категорически воспрещен! Прошу налево, в подземный туннель.

— О, дьявол... — сказал очнувшийся от грез Леонид. — Нам на автостраду как раз и нужно.

— Придется идти к диспетчеру, — промолвил фотоэнергетик, кивнув на высокую башню из поляроида, поднимавшуюся из-за тополей.

Они распрошались с инженером и направились к башне.

Бесшумный лифт доставил их в обзорный зал с прозрачными стенами. В центре зала стояла большая электронная машина, за пультом сидел диспетчер. Щелчок остановившегося лифта заставил его обернуться. Увидев незнакомых людей, он встал и пошел им навстречу.

— В чем дело, друзья? — спросил диспетчер с легким недовольством: его оторвали от работы.

Леонид ответил и попросил срочно выделить ему транспортный аппарат.

— Это не так просто, — покачал головой диспетчер. — Посмотрите, что делается! Ни одной свободной машины.

С пятидесятиметровой высоты башни открывался вид на обширный участок Великой Евразийской автострады. Ее голубоватое полотно шириной в двести метров, окаймленное стенами тополей, расцвеченное по осевой линии тумбами роботов-регулирующих, насколько хватал глаз, в обе стороны было забито движущимся транспортом. По автостраде неслись Парящие — особые электромагнитные аппараты, подобные вытянутым каплям всевозможных размеров. Генераторы, смонтированные у них под корпусом, наводили в полотне дороги токи Фуко, порождающие мощное электромагнитное поле. Возникла своеобразная сила антитяготения, которая приподнимала Парящий на метр от земли, одновременно увлекающая вперед. Скорость машин была так велика, что Леонид и Теранги не могли различить сквозь прозрачные стены «капель» ни одной фигуры, ни одного лица. Пятьсот километров в час развивали Парящие на Великой автостраде, и пассажиру требовалось менее суток, чтобы, начав движение в Гавре, достичь конечного пункта дороги — Сингапура.

Автострада была явно перегружена. И они вспомнили, почему. Наступила пора летних трехмесячных отпусков, и миллионы тружеников северных областей Евразии устремились

на юг, в солнечную Полинезию, на пляжи Всемирного Курортно-Санаторного Центра.

Парящие летели сплошным потоком, — все на юг, только на юг!

— И все же нам крайне необходим аппарат, — прервал Леонид созерцательное молчание. — Мираж будет обязательно двигаться вдоль автострады. Добудьте машину именем Совета Знания!

Диспетчер задумался.

— На участке от Волгограда до Памира нет ни одного, — сказал он. — Это я знаю наверняка... Даже служебные включились в движение... Впрочем, попробую связаться с Лахором. — Он тут же вызвал по телевизиофону депо Лахора. После настойчивых требований ему удалось добиться обещания прислать на его участок единственный свободный Парящий Управления дороги.

Но прибыть он должен был только через час. Поэтому Леонид и Теранги направились в ближайший Дворец Ожидания., Едва они успели поесть, как их Аппарат связи принял позывные ионолета, на котором летели из Города Знания операторы, обещанные Камиллом. Вскоре операторы приземлились прямо на площади перед Дворцом — шесть молодых, деловитых физиков с Ф-излучателями, похожими на кислородные ранцы. Операторы коротко поздоровались и сразу приступили к делу: расположившись в тени, они стали монтировать и настраивать свои приборы.

Леонид, не обращая внимания на жару, крупными шагами ходил по площади, то и дело прислушиваясь к тонкому гудению Аппарата связи. Его сжигало нетерпение.

— Что ты мечешься?! — не выдержал Теранги, с беспокойством наблюдавший за ним. — Все равно этим не поможешь.

— Он может исчезнуть! — отвечал Леонид. — Уйдет в космос.

— Почему ты так думаешь?

Леонид промолчал и стал вызывать Камилла, но безуспешно: очевидно, тот еще не прибыл на Нукухиву.

Наконец с юга пришло сообщение: мираж возник в районе Хорога и медленно перемещается по ответвлению автострады в сторону Гоби.

— Все ясно! — воскликнул Леонид. — Там Электрическое море. Вперед!..

Леонид, а за ним остальные направились к диспетчеру.

— Постой! — остановился Теранги. — У нас же есть ионолет. Он еще здесь.

— Не годится! — сказал Леонид. — Гриб ведь плывет над

322 ой землей... Только с земли его и можно нейтрализовать.

...Волнуясь, Леонид подступил к диспетчеру:

— Дайте Парящий!.. Где же он?!

Тот не отвечал, прислушиваясь к тихому жужжанию, нараставшему из-за горизонта. Почти тотчас оно перешло в низкий рев. Леонид обернулся и увидел лахорский Парящий, на предельной скорости приближавшийся к башне.

...Вихрем мелькали пейзажи Средней Азии. Потом началось утомительное чередование искусственного и естественного освещения. Парящий то мчался подземными туннелями, пробитыми в недрах гор, то выскакивал в долины и на плоскогорья, залитые солнечным светом. Леонид и Теранги непрерывно переговаривались с пунктами, лежащими по обе стороны дороги, и выспрашивали о световом столбе. Мираж действительно направлялся к Электрическому морю. Наконец они увидели его.

— Вот он! Вот!.. — воскликнул Леонид, указывая на цепь холмов, за которой медленно покачивался розовый конус.

Они перевалили через холмы и оказались на берегу Электрического моря. До самого горизонта колыхалась синеватая, подернутая искрами масса электрической плазмы, вечно рождающая ток за счет энергии, которая падает на Землю из Мирового пространства, — солнечной, космических лучей, радиоизлучения Галактики, а также теплового излучения самой планеты. Плазма заполняла огромную искусственную впадину, облицованную изнутри изолирующим пластиком. Подобно вышкам маяков, по берегам ее стояли монументальные энергоприемники и башни управления.

Мираж наполовину как бы погрузился в Море. С глухим, зловещим треском о его «подножие» разбивались волны плазмы. Они лезли вверх и, достигнув высоты в сотни метров, медленно опадали, свиваясь в исполинские кольца, пронизанные толстыми спящими шнурами. В воздухе, над головами исследователей, закружились стаи голубых и белых шаровых молний. В этот момент включился Камилл: вероятно, он уже наблюдал за их действиями по Всепланетному Зеркалу.

— Укройте в башне!.. — закричал Камилл без всяких предисловий. — Разве не видите?! Происходит борьба между плазмой и защитным полем миража. Производите измерения! Производите измерения!.. Главное — мощность защиты. — Сильнейшие помехи заглушили его голос, и Камилл вынужден был прервать передачу.

Они вошли в диспетчерскую башню. Бледный диспетчер указал им обзорный сектор и автоматические приборы для производства электромагнитных измерений.

А на Море бушевал настоящий «ураган», причем плазма на глазах меняла свой цвет: из синей она превратилась в серую и все больше и больше бледнела. Операторы сосредото-

точно работали с приборами, едва успевая регистрировать изменения, происходящие в плазме. Внезапно диспетчер издал неясное восклицание и бросился к пульту управления.

— Катастрофа!.. Авария!.. — восклицал диспетчер паническим голосом. — Он забирает у нас энергию! Придется выключать заводы и транспорт! Что же вы бездействуете?! — обратился он к Леониду.

— А что тут можно сделать? — сказал Леонид мрачно. — Это явление превосходит наши силы и наше понимание.

Диспетчер принялся лихорадочно переключать десятки клавиш, пытаясь сохранить электрический потенциал Моря. Но вот мираж окрасился в бело-розовый цвет, словно насытившись энергией, дрогнул, стронулся с места и вскоре пропал где-то за восточным горизонтом.

— Клянусь родными атоллами! Нам не настичь его, — сказал Теранги. Леонид взглянул на друга и, приказав операторам следовать за ним, направился к Парящему.

И снова они глотали сотни миль пространства. Операторы на ходу передавали Камиллу результаты измерений на Море. По удовлетворенному лицу Камилла, видимому на экране Аппарата Всеобщей связи, можно было заключить, что получены важные данные.

• — Сейчас моя группа быстро проанализирует их, — сказал он на прощание. — Мираж идет впереди вас в сотне километров. Вероятно, опять двинется вдоль автострады... Разрешаю еще одну попытку захвата. В случае неудачи немедленно вылетайте на Маркизы! — закончил Камилл, обращаясь к Леониду.

...Мираж все время уходил от них дальше. Местные станции наблюдения сообщили, что столб света был восемнадцать... десять... пять минут назад. Как и предполагал Камилл, мираж двигался вдоль автострады, ненадолго задерживаясь лишь у наиболее крупных технических сооружений и сея всюду изумление, тревогу, беспокойство. Леонид манипулировал у приборной доски, выжимая из Парящего все, что тот мог дать.

В четыре часа пополудни, когда Парящий вырвался из горных теснин на просторы Северной Индии, они почти нагнали мираж. Серо-розовый столб, затмевая солнце, красовался в центре долины, застроенной гигантскими белыми корпусами.

— Да, да... — пробормотал Теранги, переглянувшись с Леонидом. — Здесь ведь Универсальный Комбинат. — Он кивнул на плывущие в зенит изображения. Световой столб бесстрастно воспроизводил и передавал куда-то отдельные циклы самоорганизующегося производственного процесса на Комбинате, где из протонов, электронов, нейтронов и других «кир-

пичиков» мироздания получали любые вещества и предметы: разнообразные машины, приборы, станки, бытовые аппараты, одежду, обувь и даже пищевые продукты.

...Наконец им удалось вплотную приблизиться к световому столбу, и он не исчез. Запрокинув головы, исследователи несколько секунд созерцали удивительные пространственные телеизображения. И странное дело, хотя они стояли в тридцати шагах от миража, свет не ослеплял их! В то же время яркий солнечный день заметно потускнел, а горизонт заслонила розовая дымка. На какое-то мгновение Леонид забыл обо всем, завороженный чистой музыкой, исходившей от невидимого за розовой стеной света «гриба». Потом он медленно поднял руку и дал знак операторам установить Ф-излучатели.

— Внимание! Внимание! — услышал он голос включившегося Камилла. — Не предпринимай никаких действий! Мощность защитного поля миража превосходит силу ваших аппаратов.

— Так убедимся на практике, — хладнокровно отвечал Леонид. — Нам нужны факты. Факты, говорил ты!..

Камилл хотел что-то возразить, но Леонид уже подал команду, и операторы включили излучение. Синеватое пульсирующее облако закрыло основание миража. Бесшумно вращавшийся столб переменял свой цвет на серый и стал почти невидим. Потом раздался мощный аккорд, столб расплылся в неправильный шар. Ослепительные молнии рассклели облако, и оно, свертываясь в хлопья, стремительно унеслось в зенит. Растаял и сфероид.

На миг Леонид увидел в кустарнике грибовидную массу. Ее тотчас закрыли клубы пыли, взметнувшиеся вокруг. В пространстве образовалось как бы разрежение, в которое с большой силой втягивало операторов вместе с излучателями. Люди отчаянно цеплялись за кусты, за неровности почвы, едва удерживаясь на месте.

Тут Леонид сдавленно вскрикнул и бросился к Теранги: тот находился ближе всех к миражу, и, несмотря на то что крепко держался за кусты, какая-то сила неотвратимо тащила его к грибовидной массе. Напор был так силен, что корни не выдержали, и Теранги с зажатыми в руках кустами скрылся внутри массы. Леонида швырнуло вперед, ослепительный свет, испущенный «грибом», ударил ему в глаза. Леонид отшатнулся, закрыл глаза. А когда открыл их — увидел, как грибовидный аппарат, бесследно поглотивший Теранги, вспорхнул из кустарника и с огромной скоростью исчез на юго-востоке.

Полуоглушенный неведомым разрядом, Леонид медленно поднялся на ноги. Вся его фигура выражала отчаяние. Он был раздавлен несчастьем. Теранги, наверное, погиб, осуществляя его, Леонида, замысел. Нет, нет ему оправдания!..

Собрав свои излучатели, операторы молча ожидали Леонида. Но тот, казалось, был невменяем, вперив взгляд в пространство. Напрасно его окликал Камилл, видевший все.

— Вылетай на Маркизы, — несколько раз повторил Камилл и поспешил выключиться: он знал, что человека в таком состоянии лучше оставить наедине со своими мыслями.

Внезапно Аппарат связи заработал снова, и чей-то бесстрастный голос сообщил Леониду о появлении миража в районе Дели. Леонид устремился к Парящему, который стоял на резервной линии Великой автострады. Уже открыв дверцу машины, он обернулся и крикнул одному из операторов:

— Дай мне излучатель! Я должен найти Теранги...

— Теранги ничто теперь не спасет... — начал было юноша, подавая излучатель, но Леонид перебил его:

— Вызывайте ионолет — и на Маркизы! Берегите фотоснимки и магнитограммы. Они очень нужны Камиллу.

Через минуту Парящий уже скрылся за изгибом автострады...

Всю ночь продолжалась гонка за розовой колонной. Слово издаваясь над Леонидом, она уходила все дальше по автостраде — в Бенгалию, Бирму, Малакку. Он гнался за ней, словно одержимый, выключив Аппарат Всеобщей связи, чтобы не слышать голоса Камилла. Леонида поддерживала надежда еще раз настичь мираж, проникнуть в этот «гриб». Воображению рисовался Теранги, изнемогающий внутри аппарата в борьбе с непонятными силами, зовущий на помощь... «Он не мог погибнуть!.. Он жив!» — вслух восклицал Леонид. Временами его ужасала мысль об Уне. Знает ли она?.. Как живая стояла девушка перед его глазами, и он не мог вынести ее укоряющего взгляда...

В Сингапур, конечную станцию Великой автострады, Леонид прибыл ранним утром — почти одновременно с миражем, который, наконец, прекратил свой сумасшедший бег и неподвижно замер в центре гавани.

Подводный атомный экспресс «Посейдон» только что отплыл из Сингапура в Полинезию. Обширный салон, в котором сидел Леонид, был погружен в темноту. В океане, по ту сторону прозрачной стены, кипела жизнь. В ярком свете прожекторов мелькали какие-то хищные пасти, умопомрачительные челюсти, стебельчатые глаза... Леонид, казалось, любовался феерическим зрелищем самосвечения рыб. На самом деле он был в глубоком отчаянии. Судьба Теранги оставалась неизвестной. Положив подбородок на скрещенные руки, опиравшиеся на выступ иллюминатора, Леонид вновь и вновь возвращался к событиям в Сингапурском порту.

...Выросший как будто из воды в центре гавани, мираж едва не вызвал настоящее бедствие. В Сингапур ежедневно прибывали десятки тысяч тружеников, и всех надо было отправить в Полинезию. Подводные экспрессы, многоместные воздушные гиганты, двухпорные океанские суда, громадные лайнеры на подводных крыльях покидали город с интервалом в две-три минуты. И вдруг четко налаженная транспортная система расстроилась. Огромные пенные волны, кругами расходившиеся от основания миража, — вероятно, результат взаимодействия защитного поля с водой — с ревом обрушились на причалы, перехлестывали палубы океан-

ских Левиафанов, ломали легкие конструкции, увлекали в воду растерявшихся пассажиров. Сквозь грохот волн и надрывный вой сирен кораблей прорывались крики тонущих... А над всем этим господствовала невыразимо ясная мелодия — точно колонна розового свечения была какой-то исполинской золотой арфой.

...Универсальный спасательный катер аквалот боролся с волнами, пробиваясь к миражу. Скорчившись в тесной рубке на носу судна, Леонид торопливо настраивал Ф-излучатель. Рядом стоял капитан и, ничего не понимая, с испугом спрашивал:

— Что ты хочешь делать?.. Что? Объясни!..

— Молчи,— прервал его Леонид.— Увидишь.

Аквалот никак не мог преодолеть бешеные водовороты, окружавшие основание светового столба. Леонид скрипел зубами от досады. Потом ему пришла в голову спасительная мысль.

— Под воду!.. — крикнул он капитану. — Под воду! Мы подойдем к нему из глубины!

Капитан отдал по радиофону команду. Судно, автоматически задраив все люки, пошло на погружение. Сразу стих рев волн. Лишь сильное движение воды слегка колебало аквалот. Держа Ф-излучатель наготове, Леонид не спускал глаз с экрана ультразвукового локатора.

— Я вижу его! — воскликнул он хрипло.

Сквозь зеленоватую муть вдруг ясно проступил знакомый силуэт «гриба», окруженный ярким ореолом. Звуки мелодии, которые он испускал, находясь в нескольких метрах под поверхностью океана, гремели здесь оглушающе — вследствие хорошей звукопроводности среды.

— Делай крутой поворот! — приказал капитану Леонид и спустя минуту включил излучатель. Аквалот ринулся вправо — как раз вовремя, чтобы избежать ответной реакции «гриба». Молниеподобные разряды пронзили толщу воды слева от судна. Ореол вокруг «гриба» — как и столб света на поверхности — угасли. Несколько секунд Леонид отчетливо видел внутренность аппарата, где возникали и пропадали сложные переплетения каких-то структур. Потом «гриб» взбурлил воду и стал всплывать. И в этот момент Леонид рассмотрел сквозь вещество его днища контуры человеческой фигуры. Ему показалось даже, что она шевелится.

— Жив! — взволнованно вскричал Леонид, повергнув капитана в еще больший страх. — Я говорил! Он жив!

— Кто он?! Что?!—восклидал капитан.

— На поверхность! — скомандовал Леонид. — Скорей! Скорей!

Аквалот всплыл одновременно с аппаратом. Леонид открыл иллюминатор и выбросился в море, надеясь, что разре-

жение втянет его внутрь «гриба», как это было с Теранги. Но на этот раз разрежение не возникло. «Гриб» поднялся из водоворотов, в которых захлебывался Леонид, и пропал, растворившись в синей безбрежности. Обессилев, Леонид потерял сознание. Очнулся он на причале. Вокруг стояли спасшие его моряки и потрясенный событиями капитан. Волнение в порту уже улеглось, пострадавшим оказана помощь, и транспортная карусель Сингапура снова начала свою работу. Леонид сел, весь мокрый и еще не вполне пришедший в себя, медленно поднял голову.

— Где он?! Где? — Леонид озираясь, разыскивая в небе аппарат. Но сколько он ни напрягал зрение, разглядывая горизонт, море, небо, — ничего не нашел.

Его окликнул прибежавший дежурный по порту:

— Ты Леонид?..

— Да, — безучастно сказал он.

— Тебя вызывает к экрану Всемирной связи Камилл.

...Камилл ни словом не обмолвился по поводу несчастья, но был мрачен. Леониду было бы легче, если бы он заговорил об этом. Камилл лишь сказал:

— Выезжай на Маркизы. Я развернул здесь целый научный центр. Удалось расшифровать еще несколько иероглифов светового феномена. — Он помолчал, потом добавил: — Твое присутствие очень важно... не только для нас.

— Хорошо, — сказал Леонид. Его внезапно охватила огромная усталость, он как-то сразу обмяк, возбуждение, не покидавшее его последние сутки, ушло. Он едва доплелся до Павильона Отдыха и уснул мертвым сном...

На потолке салона зажглись люстры, и голос вахтенного, усиленный динамиками, провозгласил:

— Всплываем на поверхность океана! Время обеда.

...Высокими валами раздалась пучина вод, из нее вынырнуло громадное рыбообразное тело «Посейдона». Будто створки раковины, раскрылись верхние части его корпуса, плавно перемещаясь относительно друг друга и образуя необъятную палубу-сад. Между пальмами и цветущими кустами протянулись легкие тенты, из недр корабля появились столы, кресла, шезлонги, раздаточные стойки, киберофицианты. Шумная толпа людей растекалась по палубе. Леонид сидел под зонтичной пальмой, у самого фальшборта, и неохотно ел. Безучастно смотрел он на уснувший под лучами солнца Великий океан, в котором отражалось чудесное лазурное небо, слушал шелест листьев над головой, ловил тихий говор людей и обрывки музыки, — и ему хотелось умереть, раствориться в безбрежной водной пустыне, потому что он считал себя недостойным Светлого Мира, в котором жил. Из просторов мироздания в этот мир вторглось явление, не поддаю-

щееся контролю разума. Он самонадеянно сразился с ним — и нанес людям вред. По его вине погиб Теранги, один из самых дорогих ему людей, друг, товарищ и брат. Теранги, который любил его искренне, беззаветно, глубоко... Потом он начинал мучительно думать о той, к которой мечтал вернуться, овеянный славой. Что он скажет ей теперь?..

Глубокая складка прорезала чистый лоб Леонида.

На морском вокзале Таихоэ его встретил Камилл. Ученый опять ничего не сказал о случае под Лахором, и Леонид был ему благодарен за это. Пока они ехали к зданию Всепланетного Зеркала, Камилл рассказал, что наблюдения и исследования идут полным ходом, а нанесенный на карту маршрут движения миража позволяет уже сейчас в какой-то мере предугадывать пункты, где его можно ожидать.

— Мне казалось, что аппарат придет сюда за потерянной чашей, — сказал Камилл. — Но теперь я в этом не уверен... После Сингапура он не появляется второй день, — добавил Камилл с беспокойством.

...Леонид и Камилл не отходили от Всепланетного Зеркала, как назывался громадный телеаппарат, соединенный с электронным мозгом. Прошел день, другой, третий... Мираж словно в воду канул. Леонид потерял всякую надежду.

— Ушел в космос!.. Не вернется... — повторял он, не находя себе места. — Что же делать?..

Камилл оставался непроницаемо спокойным. Целыми днями он переговаривался с сотнями людей, скрупулезно анализировал добытые факты и показания приборов, колдовал над многоэтажными формулами, намечая план захвата миража.

Наконец световой столб появился в Австралии, на территории Базальтового Комбината, потом перебросился в Южную Атлантику, где были сосредоточены подводные предприятия землян. Путь миража по земной поверхности был хотя и причудлив, но отражал неизменный интерес его создателей к техническим объектам человеческой цивилизации. Больше часа мираж передавал в космос информацию об освоении Антарктиды, долго колесил по Евразии и Северной Америке. Камилл непрерывно руководил по радио действиями многочисленных отрядов, стороживших на всех материках появление светового феномена, и в короткий срок собрал массу ценной научной информации. Он уже почти наверняка знал, как действовать. Однажды Камилл созвал у Всепланетного Зеркала всю группу исследователей, с которыми работал, и сообщил:

— Теперь начинаем подготовку к захвату аппарата... Если я что-нибудь понимаю в его назначении, он обязательно придет сюда! — Острие карандаша начертило овал, закрывающий большую часть амазонских джунглей. — Это ли не приманка?.. Громадное скопление роботов, землеройных механизмов... Гидротехнические колоссы...

В Амазонии второе десятилетие проводились работы по осушению и расчистке девственного тропического леса. Сотни тысяч роботов и лесных танков неустанно прорубали просеки, выкорчевывали подлесок; другие машины осушали болота, прокладывали шоссе и электромагнитные автострады, создавали плантации ценных тропических культур, строили города и промышленные центры; возводили грандиозную электростанцию на водопадах Энджел-Фолс, соединяли каналами притоки Амазонки в единую водную магистраль. Веками

дремавший первобытный лес пробуждался к деятельной жизни...

Камилл передал за океан распоряжение организовать вокруг сооружений Амазонии бессменное дежурство гравипланов и вертолетов, стянул туда сотни мощных генераторов Ф-лучей. В основу его плана захвата был положен замысел Леонида: как только появится мираж, гравипланы окружают его и набросят на большой район сверхпрочную сеть из нейтрида. Потом, стягивая ее к одной точке, поймают «гриб».

— Близок конец, — сообщил на другой день Камилл, встретив Леонида. — Из Амазонии радируют, что для поимки все готово.

— Теперь или никогда, — обронил Леонид, и в его словах Камиллу почудилась недоговоренность. Тень напряженного ожидания лежала на лице Леонида, словно он принял, наконец давно обдуманное решение.

И только сейчас Леонид решился навестить Уну: прошла неделя с тех пор, как он прибыл на Нукухиву.

...Леонид медленно брел вдоль берега океана, по аллее, ведущей к Океанологической Базе, где работала Уна. Наступил вечер, и первые звезды зажглись на темно-синем небосклоне. Неожиданно из-за ближайшего хлебного дерева вышла Уна. Леонид не заметил ее, погруженный в свои мысли.

— Леонид!..

Он вздрогнул и остановился, почти с испугом глядя на приближавшуюся девушку.

Уна была так же прекрасна, как в те дни, когда они познали счастье любви. Годы прибавили ей лишь больше женственности, мягкого обаяния. Чуть строже стало лицо, глубже и пронизательнее взгляд. В ее пышных волосах белела гирлянда цветов, от которых исходил легкий, дурманящий аромат. На сгибе локтя висела изящная корзинка, сплетенная из пальмовых ветвей. Корзинка была наполнена отборными бананами в глянцевиной кожуре, спелыми красными гуавами с бордовой мякотью, просвечивающей сквозь прозрачную кожуру, румяными круглыми апельсинами. Сверху красовалась дыня.

— Это тебе. — Она протянула ему корзинку.

Леонид машинально принял фрукты. Потом рассеянно поставил корзинку на землю.

— Здравствуй... Уна.

— Я знала о твоём приезде, — сказала она.

Приветливость и гордость, нежность и упрек причудливо боролись в ее голосе, в чертах лица, в мерцающих глазах, освещающая девушку теплым, как этот вечер, светом.

— Все эти годы я ждала, — продолжала Уна. — И ты пришел. — Она попыталась улыбнуться. — Теперь океан и горы не отпустят тебя на север.

Леонид понурил голову.

— Я недостоин... На мне вина... Сделано много ошибок.

Уна мягко, но сильно сжала его пальцы, твердо посмотрела в глаза.

— Дорогой... Не терзай себя. Да, Теранги нет с нами. — Ее голос на мгновение дрогнул. — Но я знаю, верю, что ты не мог поступить иначе. В твоих глазах это имело свое значение. Ты всегда был самим собой. Камилл говорил мне, что факты, добытые тобой и Теранги... Без них он ничего бы не понял в природе этого... миража.

Леонид долго молчал.

— Прости... — сказал он с усилием. — Но мне лучше забыть тебя.

— Почему?! Этого я не могу понять. Никогда!..

— Я должен найти Теранги... Вернусь только вместе с ним... или не вернусь совсем.

Уна растерянно смотрела на него.

— Может быть, ты любишь другую? — спросила она.

Леонид покачал головой.

— О, вовсе не это... Я люблю только тебя. Но должен быть один... Прости... Оставь меня.

Уна привлекла его к себе, поцеловала.

— Я понимаю тебя. Мужайся. Я верю в тебя и поэтому ухожу. Но что бы ни было, — сказала она горячо, — Уна всегда с тобой!

Леонид долго следил, как растворяется во мраке ее высокая, стройная фигура, и сознавал, что говорил не те слова. На душе у него было тяжело, но он ничего не мог поделать с собой. Он должен найти друга... У самого коттеджа Леонид вдруг остановился возле пальмы: она напомнила ему о прошлом. Три года назад Теранги стоял вот так же, прислонившись к ее стволу, и тихо наигрывал очень нежную мелодию, искусно извлекая ее из красивой раковины, внутри которой был смонтирован крохотный музыкально-кибернетический блок. Теранги играл с неподражаемым искусством, его лицо светилось вдохновением. Мелодия безотчетно трогала душу, волновала кровь. Она была созвучна голосу прибоя, шуму водопадов в горах, темной лазури неба, покою, разлитому вокруг, грудному смеху девушек, доносившемуся из пальмовых рощ... Потом Теранги убрал раковину в карман, обнял его за плечи, и они долго стояли, тихо беседуя о делах прошедшего дня.

* * *

...Развязка наступила через несколько дней. Внезапно пришел вызов станции Всемирной Телесвязи: мираж движется к Амазонке с юга. Группа Камилла срочно вылетела туда

же на ионолете. Камилл несколько ошибся: световой столб начал передачу изображений не из Венесуэлы, от Энджел-Фолс, и не из джунглей Амазонии, а с восточных склонов Анд, где создавалась Трансамазонка — сквозной водный путь от Тихого к Атлантическому океану.

Все предвещало близость рассвета... Вершины гор уже сверкали в лучах невидимого солнца, но в глубокой долине, где находились Камилл и Леонид, было еще темно. Резко очерченные контуры горных цепей переливались всеми цветами радуги. Ледяные вершины, неподвижные и величественные, застыли на такой высоте, на какой глаз привык видеть бегущие облака. Но еще выше возносилась розовая колонна миража, освещающая красно-фиолетовым светом панораму строительства. Землеройные механизмы и циклопические башни ВЧ-мониторов, пробивавших стену Анд, в этом свете напоминали сооружения из какого-то иного мира; вода, струившаяся по широкому руслу Трансамазонки, казалась темной кровью; горел багрянцем пятикилометровый шпиль, что принимал миллиарды киловатт энергии от заатмосферной термоядерной электростанции; большими красными каплями плавали в воздухе гравипланы и вертолеты, окружавшие световой столб; молчаливые толпы строителей, прекративших работы, казались скульптурными группами, выкрашенными киноварью.

Камилл оторвался от шкал многочисленных приборов, установленных вокруг, и подал знак оператору. Тот включил сигнальное устройство. Стремительно взвилась в небо ослепительно яркая ракета. И тотчас стаи гравипланов пришли в движение, быстро снижаясь к основанию столба света. Заработали сотни Ф-излучателей. Непроницаемое сиреневое облако окутало мираж. Некоторое время внутри облака трепетали знакомые молнии ответной реакции аппарата, но вскоре соединенная мощь излучателей подавила защитное поле. Мираж угас. Круг вертолетов и гравипланов, обозначавших границу ловушки, сматывал на гигантский кольцевой вал нейтронную сеть и медленно приземлялся. Наконец манипуляторы, выдвинутые гравипланами, крепко прижали кольцевой вал к почве.

Когда же рассеялось Ф-облако, Леонид схватил Камилла за руку:

— Видишь?.. — Очень бледный, с пристально устремленным взглядом, он шагнул вперед. Под сетью, словно рыба в неводе, бился громадный полупрозрачный предмет. Его синеватые контуры выступали все отчетливее. Оказалось, что он напоминал не гриб, а какую-то черепаху без лап, но с бесчисленными отростками антенн. На спине «черепахи», в такт ее движениям, качалась параболическая конструкция — из-

лучатель, виденный Леонидом еще на Северной Земле. Вогнутую поверхность излучателя усеивали те самые серо-розовые граненые чаши, одна из которых была найдена Теранги.

— Это автомат... Кибер! — воскликнул Камилл. — Наконец-то и я увидел его.

«Черепеха» несколько раз обежала по кругу свою невидимую тюрьму, потом остановилась, словно растерявшийся человек. Вероятно, ее «мозг» искал в своих памятных ячейках выход из положения, не предусмотренного программой. Вдруг она раз за разом взвилась вверх, пытаясь преодолеть препятствие. Изнутри «черепеха» нарастала тревожная мелодия. По мере того как усиливался напор на сеть, мелодия становилась глуше, но мощнее. Раздался пронзительный треск: лопнул один из манипуляторов. А может быть, даже прорвалась ячейка сети. Как будто поняв это, «черепеха» упала на землю и медленно поползла к месту разрыва. Взволнованный рокот голосов прокатился по толпе.

— Он уйдет!.. Держите! — закричал кто-то испуганно.

Этот возглас словно толкнул Леонида в спину. С взглядом, прикованным к «черепехе», почти не сознавая своих действий, он метнулся к сломанному манипулятору.

— Остановись!.. Леонид! Это безумие! — кричал ему вслед Камилл. Но Леонид уже проник под сеть и, стоя на четвереньках, широко раскрытыми глазами следил за «черепехой». Побледневший Камилл отрывисто сказал что-то старшему оператору и бросился к Леониду, намереваясь предотвратить бессмысленный, по его мнению, поступок.

«Теперь или никогда!.. Иначе уйдет совсем», — стучало в мозг Леонида. Он протянул вперед руки и уцепился за что-то гибкое, но твердое. Могучий рывок киберы потряс сеть и едва не заставил Леонида разжать пальцы. Он слышал, как лопнуло еще несколько звеньев. Кибер снова упал на землю, готовясь к очередному удару. В это время подоспел Камилл. С перекошенным от возбуждения лицом он шарил руками в воздухе, пытаясь ухватиться за Леонида, чтобы извлечь его из-под сети. Неожиданно «черепеха» метнулась в его сторону, волоча за собой Леонида, и вдруг Камилл с изумлением почувствовал, что влетел головой в... пустоту. Вернее, он оказался внутри киберы! Тысячи щекочущих уколов пронзили его тело. Но боли не было. Не раздумывая, Камилл нащупал плечи изнемогающего Леонида и подтянул его к своим ногам. В следующее мгновение «черепеха» прорвала сеть и взвилась в воздух. Тысячеголосый крик испуганных людей наполнил долину, ударился в склоны гор, дробясь и множась в ущельях и теснинах.

Далеко внизу Камилл увидел своих операторов, растерянно бегавших среди приборов. Потом его ослепила вспышка розового света. Точно вопль о помощи, в зенит опять вонзился столб излучения. Они с Леонидом были внутри него. Камилл чувствовал, что находится в какой-то странной среде — без тяжести, но и без парения. «Силовое поле этого автомата», — подумал ученый. Под ногами он ощущал что-то упру-

гое, но неподатливое. Вокруг смутно мельтешили неясные контуры: сложные переплетения гибких проводников, внутри которых розовели мириады шариков и бусинок, вроде зерен хлорофилла; узорчатые схемы, пронизываемые искрами беззвучных разрядов; закрученные в спирали и клубки непонятные детали, непрестанно менявшие свой цвет и форму. Все, вместе взятое, производило впечатление живого организма. Справа, на уровне плеч Камилла, пульсировал ребристый фиолетовый шар.

— Биокрибернетическая схема, — прошептал Камилл, удивляясь, что безнаказанно стоит на этих жизнеподобных конструкциях и никуда не падает. — Какая странная и совершенная... — Его голос потонул в мощной мелодии, испускаемой биомеханизмами.

«Черепеха» уже поднялась на высоту ближайших гор, преследуемая несколькими гравипланами. Но они вскоре отстали, исчерпав свой потолок.

А Леонид быстро ползал среди странных конструкций, разыскивая погибшего Теранги: «Где он?.. Или ничего не осталось, кроме горстки пепла?..» Вдруг на фоне то возникающих, то исчезающих схем он увидел внизу, у себя под ногами, смутную фигуру. Он прыгнул в просвет между двумя невидимыми, но осязаемыми волноводами и медленно упал метра на два вниз, на «дно» аппарата. Теранги, исхудавший до неузнаваемости, лежал ничком, подвернув голову. Губы у него почернели и растрескались. Он был жив, но без сознания и тихо бредил. Рядом валялся портативный баллончик с тонизирующим напитком «Нектар». Леонид схватил его, открыл — баллон был пуст. Леонид понял, что Теранги смог прожить без пищи двенадцать дней лишь благодаря «Нектару». Видимо, Теранги расходовал его очень бережно — буквально по каплям. Леонид осторожно перевернул друга на спину, достал свой баллон с «Нектаром», разжал зубы Теранги и влил ему в рот несколько капель. Тот судорожно глотнул, открыл глаза, прошептал:

— Пить... Воды.

Он дал ему выпить несколько глотков. Теранги пришел в себя и стал что-то говорить шепотом, выразительно глядя на Леонида. Приблизив ухо к его губам, Леонид едва расслышал прерывистые фразы:

— Держался восемь дней... кармане блокнот... Там схемы... Возьми...

Леонид разыскал блокнот и долго карабкался вверх, к Камиллу, преодолевая какое-то непонятное сопротивление конструкций: они словно тянули его вниз.

Камилл метался среди зыбких линий, угадывая в них электронные схемы, но не мог до конца понять, что это такое.

Облитый кровавым светом излучения, он показался Леониду мифическим марсианином, управляющим подвластными ему механизмами.

— Вот... — Задыхаясь от напряжения, Леонид упал у его ног. — Это записи Теранги... Схема. Они помогут тебе.

Камилл обернулся, выхватил у него из рук блокнот. Ученый не удивился, не стал ни о чем расспрашивать: не до этого было. Камилл быстро листал блокнот, и его мощный ум мгновенно постигал схемы и записи Теранги. Для Камилла они были лучом маяка, блеснувшим в океане кибернетических гипотез.

Мелодия, издаваемая «черепашкой», усилилась: аппарат явно набирал скорость. Леонид, так и оставшись лежать на «полу», случайно взглянул вверх, вдоль розового столба. И снова его глаза увидели в неизмеримой дали, куда уходил луч света, кусочек иного, прекрасного мира. Неземная мелодия захватила его с новой силой. Он растворился в ней, подобно лепестку цветка в ночном мраке, ощутил себя легким дуновением ветерка, плывущего в бесконечность...

— Камилл... Камилл... Смотри.

Рука Леонида поднялась и бессильно опустилась.

...Белые, как жасмин, прозрачные колонны сгустились, приблизились; возник обширный зал, причудливые аппараты, и в ореоле полудужий из розоватого металла — крупная голова.. лицо, которое Леонид не смог бы описать. Чьи-то глаза, бесконечно внимательные, недоумевающие, тревожные, встретились с его глазами. На мгновение у Леонида остановилось сердце... Сжались бездны пространства, исчезло время... Он слился, воссоединился с далеким собратом по разуму и стоял теперь на Nunc Stans, на неподвижной точке настоящего, не озираясь на прошлое, не ожидая будущего. Не разорванное на ДО и ПОСЛЕ содержание бытия приобрело для него ясный и неожиданный простой смысл, как тождественное уравнение, как одна логическая самоочевидная истина...

А мозг Камилла напряженно работал, сравнивая схемы Теранги с бесчисленным множеством земных кибернетических цепей, отложившихся в его необъятной памяти за годы научных исканий. Почти интуитивно Камилл заключил, что пульсирующая ребристая сфера и есть тот самый узел, остановка которого может парализовать «черепашку». Некоторое время он колебался, вглядываясь в полупрозрачное облако пульсаций, и вдруг быстрым движением погрузил в него руку, вооруженную кибернетической иглой, которую захватил еще с Нукухивы, — словно чувствовал, что она может понадобиться. Разомкнулись сердцеобразные фиолетовые плоскости. Ребристая сфера тотчас опала, медленно трепеща, словно умирающая рыба...

Мелодия резко пошла на убыль. Глаза, к беспредельной мудрости которых припал Леонид, потускнели, задрожали, расплылись. Он пришел в себя и увидел Камилла, его пальцы, погруженные в сферу. Еще какой-то миг в душе Леонида жила бесконечная тоска, сожаление по утраченному видению — он готов был созерцать эти глаза вечно. Но он видел, что Камилл конвульсивно содрогается, пронзаемый разрядами. Над головой ученого билось синее пламя.

— Что ты делаешь?! Не надо!.. Подожди! — вскрикнул Леонид и, вскочив на ноги, бросился к сфере. С трудом оторвал от нее Камилла, потом мощным усилием разорвал податливое вещество сферы. И тут голубовато-белое покрывало окутало руки Леонида, перебросилось на туловище, ноги... С глухим стоном он упал навзничь.

С земли увидели, как розовый столб, нижний край которого уже поднялся до уровня самых высоких вершин, вдруг побледнел, угас, хотя кристально чистая мелодия еще звонко отдавалась в теснинах скал. Потом в вышине загорелась ослепительная звездочка, тотчас потухла, и что-то большое, темное начало стремительно падать вниз.

— Скорей!.. — раздалось несколько голосов. — Спасайте их!..

Гравипланы быстро взмыли ввысь...

«Черепашку» удалось подхватить сетью буквально в последнюю минуту. Когда подбежали операторы, Камилл с искаженным от боли лицом — у него были сожжены волосы — шагнул навстречу, держа на руках Леонида.

* * *

...Колеблемые легким ветерком, шелестели листья кокосовых пальм. Где-то рядом раздавалась пушечная пальба океанского прибоя. Леонид открыл глаза и увидел прекрасное лицо Уны, склонившейся над ним. Потом он заметил поодаль, в шезлонге, Теранги, сосредоточенно изучавшего показания кибердиагноста, от которого к Леониду тянулись густые пучки проводников.

В глазах Уны плеснулась огромная радость.

— Теранги... — словно боясь спугнуть видение, прошептала Уна. — Леонид пришел в себя.

Теранги вскочил на ноги, уронил анализатор. Его теплые ладони коснулись лица друга.

— Жив!.. Жив... брат... — Теранги чуть не плакал от счастья.

— Где я? — еле слышно, одними губами, спросил Леонид.

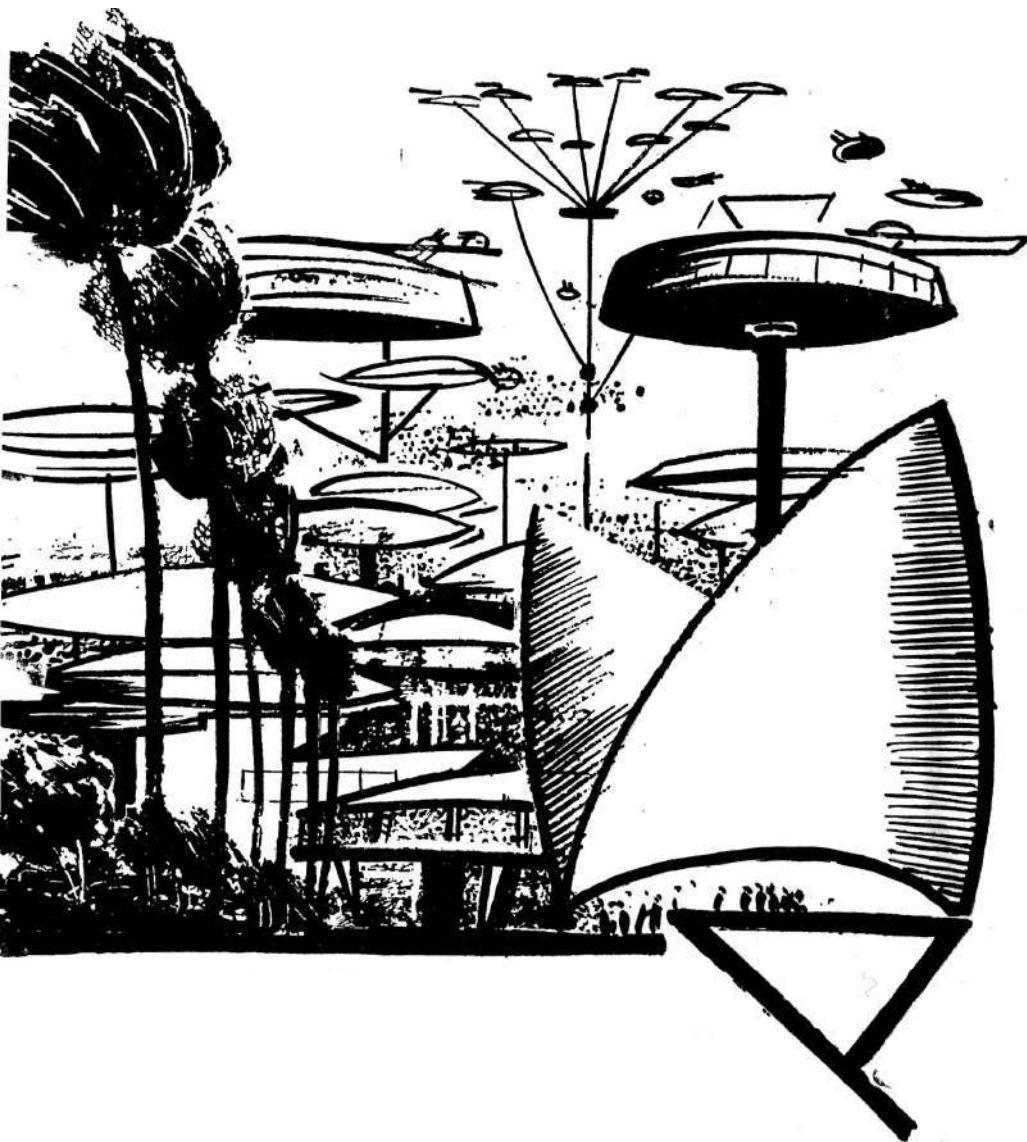
— Конечно у нас, на Маркизах, — ответила Уна. — Ты был без сознания больше недели. Мы так боялись...

Он благодарно улыбнулся ей и опять вопросительно посмотрел на Теранги:

— А что... с Камиллом?

— Он не отходил от тебя все это время. Уехал только позавчера — его срочно вызвал Совет Знания.

— Цела ли «черепеха»?

Вместо ответа Теранги вернулся к столу, включил настенный экран телестереовизора. Леонид увидел часть зала Совета, внимательные лица ученых и вдали знакомую панораму Города Знания. Затем он узнал глуховатый, необычайно отчетливый голос Камилла, скрытого за рамкой экрана. Очевидно, тот делал сообщение для всей Земли.

— Аппарат, с таким трудом нейтрализованный нами в предгорьях Анд, — говорил Камилл, — пролил свет на одну из самых сложных проблем естествознания — проблему извлечения рассеянной энергии из окружающего пространства. Еще Циолковский мечтал об использовании той ветви великого круговорота энергии в мироздании, в которой энергия концентрируется. Путь к этому он видел в создании управляемого взаимодействия поля и вещества, в искусственном создании асимметрии между веществом и гравитационным полем. Гениальный мыслитель исходил из того, что при надлежащей локализации процессов в пространстве-времени можно добиться направленного хода энергетических процессов, когда электроны — эти носители жизни и вечной юности материи — потекут из областей с меньшей собственной энергией в области с большей энергией, как бы от холодных тел к нагретым, вопреки энтропии *.

...Как удалось установить, «черепеха» и есть сочетание биокрибернетического механизма, аккумулятора рассеянной энергии и передатчика волн тяготения. Главная часть ее оболочки — электродинамический асимметричный микробарьер, то есть мощные слои частиц, в тысячи раз меньших, чем протоны и электроны, и обладающих диковинными свойствами. Об этом говорит хотя бы тот факт, что мы прошли через оболочку аппарата, как через пустоту. Оболочка словно по желанию пропускает макротела, но абсолютно непроницаема для любых излучений. Вот почему Теранги, плененный аппаратом, не погиб даже при нашей Ф-атаке в Андах. Частицы барьера — это еще более глубокий «этаж» строения материи, нежели известный нам микромир. Пространство там асимметрично, в нем нет «правого» или «левого», а циклические обратимые процессы идут с громадной скоростью.

...Это техническое чудо послано к нам из планетной системы альфы Девы: на излучателе обнаружена карта звездного неба. Аппарат не нуждается в каких-либо искусственных источниках энергии, а концентрирует ее без всякой видимой затраты за счет рассеянной энергии электромагнитных и гра-

* Энтропия (греч. *entropē* — превращение) — особая физическая величина, характеризующая в обычно наблюдаемых явлениях и процессах рассеяние, обесценение энергии, заключающиеся в переходе всех видов энергии в тепловую и равномерном распределении ее между всеми телами природы.— *Прим. ред.*

витационных полей, холодных масс газо-пылевых облаков. Он непрерывно поглощает неисчерпаемую энергию, разлитую в пространстве, понижая его температуру.

...Передача живых картин нашей цивилизации происходила по остронаправленному лучу гравитонных волн мощностью в миллиарды киловатт. Асимметричный микробарьер препятствовал какой-либо потере энергии на бесконечно длинном пути передачи. Поэтому телеизображения доходили до альфы Девы без искажений и ослабления. Для них как бы не существовало расстояний. Это и есть та самая грависвязь, о возможности которой много спорили еще до Эпохи Всемирного Братства Мы близко подошли к решению ее проблем, не хватало лишь нескольких важных звеньев. Теперь они нам известны!... Однажды сообщенное знание не может быть взято обратно. Человек получит новый могучий инструмент господства над природой — электронную энергетику и грависвязь. В отличие от атомной и термоядерной эта новая энергетика безвредна для человека, биологически привычна ему, так как сродни фотосинтезу и процессам в живой клетке.

...Почему аппарат как бы не замечал людей, интересуясь лишь крупными техническими сооружениями? Оказалось, что в этом повинны мы сами: при столкновении с «черепашкой» на побережье Нукухивы Теранги случайно выбил из гнезда одну из чаш-приемников, настроенную как раз на фиксацию и передачу изображений людей, животных и более мелких существ.

— Сейчас мы пытаемся встроить выпавшую деталь на свое место, восстанавливаем управляющий блок — ребристый шар, поврежденный мною и Леонидом, — закончил Камилл. — Пройдет несколько лет — и мы увидим создателей чудесного аппарата, чей ум намного опередил человеческий.

Запись прервалась, голос Камилла смолк. Леонид долго молчал задумавшись. Потом слабая улыбка осветила его лицо.

— Скоро я встану? — спросил он Теранги.

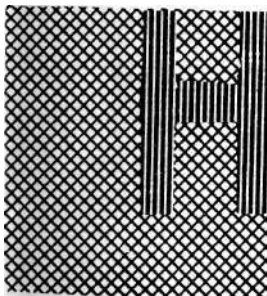
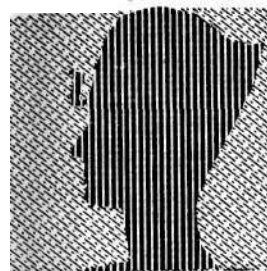
— Через несколько дней.

Леонид нашел руку Уны, сказал:

— Я говорил тогда...

— Не надо, — Уна приложила к его губам пальцы.

Он привлек ее к себе, и счастливая девушка, тихо смеясь, поцеловала его.

Булат
Забиров

ЛУКСОР

Очерк

АША геофизическая экспедиция спешила в Аравийскую пустыню*. Путь пролегал через Луксор, и мы были, как говорят, на седьмом небе. Еще бы, кто не мечтает попасть в этот сказочный город, в этот величайший на земле музей, где молодеют ученые и рождаются легенды.

Вся экспедиция умещалась в одном легковом газике. Он бежал по хорошей дороге быстро и весело. Нильская долина становилась все уже. Буйную сочную зелень начали теснить красноватые, подернутые утренней дымкой горы. Совсем

* Автор очерка Б. Ш. Забиров работал в совместной советско-арабской экспедиции, которая проводила геофизические исследования в ОАР в 1959—1960 годах.

Воля, о котором неоднократно упоминается в очерке, — товарищ автора по экспедиции, молодой советский инженер-геофизик. — Прим. ред.

близко угадывалась река: между стволами финиковых пальм проглядывали острые клинья парусов — где-то внизу медленно плыли фелюги.

Над горами и пальмами поднимался багровый круг утреннего солнца. Навстречу машине бежали приземистые глинобитные дома, голубятни, похожие на гигантские палицы, желтеющие поля сорго. Трусили рысцей тяжелые буйволы. Мальчишки колотили их по бокам грязными пятками и пускали наперегонки.

Недалеко от Луксора в нашей машине произошла поломка, и мы совершенно неожиданно попали в гости к феллаху Мохаммеду Амину. Мохаммед полил нам на руки воду из кувшина, мы умылись и вскоре сидели под развесистым платаном. Трое старших детей Мохаммеда ушли в дом, чтобы не мешать разговору взрослых. Четверо младших спрятались в углу двора за связками просяной соломы и постреливали оттуда блестящими черными глазами. И только самая маленькая девочка никуда не пряталась. Она сидела у крыльца и играла с буйволицей. Буйволица все время норовила лизнуть ее в лицо мокрым красным языком, а девочка увертывалась и смеялась звонким счастливым смехом.

Откуда-то вдруг появилась жена Мохаммеда. Подбежала к девочке, схватила ее на руки и быстро скрылась, так же быстро, как и пришла. И все-таки успела украдкой взглянуть на «хавагат»*, чуть приподняв черное покрывало, закрывавшее ее лицо.

Минут через десять, которые понадобились хозяину, чтобы сбежать к соседу побогаче за сахаром и заваркой, мы пили горячий черный чай. Мохаммед сидел прямо, степенный и суровый. А я смотрел на его руки, большие красивые руки крестьянина, обветренные, с тяжелыми набухшими венами, с потрескавшейся кожей. Это они кормят Египет. Это они славят страну знаменитым белоснежным хлопком.

Через полчаса мы оказались в Луксоре. Неприметный городок жметя к Нилу. Пыльные улицы, знойное солнце, и туристы, туристы. Они послушно бредут за проводниками, плывут на лодках по реке, трясутся в скрипучих извозничьих экипажах. Американцы, шведы, немцы, итальянцы... Взмокшие от жары, увешанные фото-и киноаппаратами, они спешат все увидеть, всюду побывать за те короткие два-три дня, что отведены им строгим туристским расписанием.

Древнеегипетский Весет, стовратые Фивы — самые грандиозные и величественные памятники ушедших тысячелетий. На громадной площади по обоим берегам Нила раскинулись дворцы и храмы, гробницы и обелиски. В трепетном безмол-

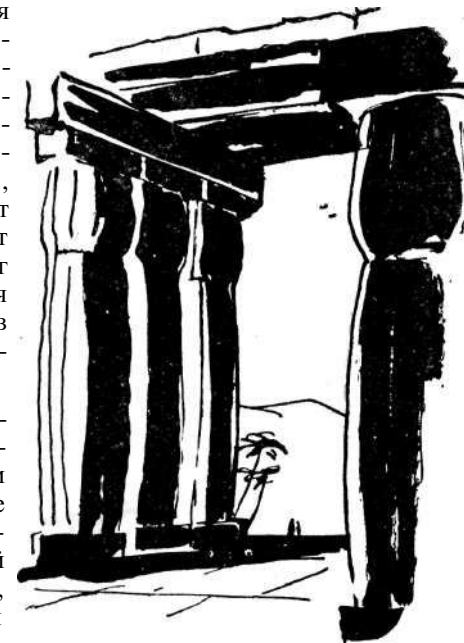
вии смотрят люди на колоссальные творения четырехтысячелетней давности, как смотрели на них еще древние греки и римляне.

* * *

Мы в Долине царей на западном берегу Нила. С трудом избавившись от вездесущих гидов, торопливо идем по усыпанной щебнем дороге. Все выше поднимаются с обеих сторон серые и желтые скалы. Открытых для обозрения подземных гробниц около сорока. Какую осмотреть первой? Выбираем знаменитую гробницу Тутанхамона.

Из сумрака подземелья веет затхлостью. Двадцать, тридцать, сорок ступенек. С каждым шагом глубже, тише, темнее. Далеко наверху остались спящее солнце и прозрачная голубизна неба. Под ногами зияющая пропасть. С легкого перекидного мостика всматриваемся в темноту. Ничего не видно, хоть глаз выколи. Бросаем вниз камушек, он падает долго — секунд пять-шесть. Спускаемся еще ниже. Тусклый электрический свет робко льется по узкому коридору. Шаги глухо отдаются под каменным сводом. Камень нависает над головой, давит со всех сторон. Мы глубоко под скалой — в склепе легендарного Тутанхамона. Вот он лежит в неярком свете маленьких прожекторов. Восемнадцатилетний фараон, умерший три с половиной тысячи лет назад. Обострившиеся черты серого пергаментного лица, глубоко запавшие глаза. Цепенящая тишина. Только чуть поскрипывает песок под ногами. Чаше бьется сердце, и острый холодок бежит по спине. В голову лезут глупые мысли. А вдруг рухнет у входа огромная скала, и мы останемся в кромешной темноте затхлого подземелья...

Вспомнилась зима сорок второго года. Холодный ветер заметал снегом уральское село. В школе на уроках истории я тесно прижимался к теплой печке, слушал про Изиду, Осириса и Ра и на время забывал даже о голоде.

* Хавагат — иностранцы (араб.).

Со страниц затрепанных учебников выпуклыми глазами смотрели на нас древнеегипетские писцы. Они сидели, скрестив ноги, важные и строгие. А рядом великаны-фараоны в колесницах топтали врагов. Вереницей брели связанные пленники...

История гробницы Тутанхамона несколько лет волновала людей во всех странах мира. Началось все с увлечения богатого английского лорда Карнарвона археологией.

Молодой лорд, окончив Кембриджский университет, не очень утруждал себя скучной государственной службой. Его поглощали две страсти — спорт и коллекционирование. Он объехал вокруг света на парусном судне, был участником многих автомобильных гонок. Спорт закалил тело, а коллекционирование завладело душой. Карнарвон собирал почтовые марки, рисунки и гравюры французских художников.

Египтологом Карнарвон стал благодаря... несчастному случаю. Путешествуя в автомобиле по Германии, он попал в тяжелую катастрофу. Сотрясение мозга, ожог обеих ног, перелом руки и слепота... Со временем зрение вернулось, но к постелу Карнарвон был прикован надолго.

Врачи дали совет ехать в Египет, где яркое теплое солнце, чистый и сухой воздух пустыни могут сделать больше, чем все знаменитые медики Европы. И действительно, в Египте Карнарвон поправился, но скоро заболел новой «болезнью» — археологией.

У Карнарвона был пылкий ум, деньги, время. Он получил концессию на раскопки в Долине царей. Но этого оказалось еще недостаточно. Не хватало знаний и опыта. Сама судьба, казалось, свела лорда Карнарвона с американцем Говардом Картером, опытным археологом и художником. Их первая встреча выросла в долгую дружбу. Шестнадцать лет работали вместе Картер и Карнарвон. Их труд увенчало величайшее событие в истории египтологии — открытие гробницы Тутанхамона*.

* * *

...Под грудой щебня показалась ступенька. За ней вторая, третья. Говарда Картера бьет нервная дрожь. Теперь нет сомнения — он на пороге гробницы. Остались позади многие годы тяжелого труда, лучшие годы жизни. Теперь ясно, что они не пропали даром. Нестерпимо хочется самому взяться за лопату и работать, работать, работать. Яростно разгребать щебень и пробиваться к заветной двери гробницы. Но усилием воли Картер сдерживает себя. Ученому нужно терпение и еще раз терпение. День за днем осторожно откапывают рабочие лестницу.

* Гробница Тутанхамона была открыта в 1922 году,— Прим. ред

Коридор за дверью был засыпан песком. Песок вынули. За ним показалась вторая дверь. В двери прорезали небольшое отверстие. Картер просунул туда свечу и долго всматривался в затхлую полутьму. За его спиной тяжело дышали друзья по экспедиции.

Лучше всех описал эти торжественные минуты сам Картер. «Вначале я не видел ничего, так как вырвавшийся из комнаты горячий воздух колебал пламя свечи. Но когда мои глаза привыкли к свету, из тумана в глубине комнаты не замедлили выплыть подробности: странные звери, статуи и золото — повсюду блестящее, сверкающее золото! На мгновение — тем, кто стоял подле меня, оно могло показаться вечностью — я онемел от изумления. Когда лорд Карнарвон, не выдерживая дольше неизвестности, робко спросил меня: «Видите вы там что-нибудь?» — все, что я мог произнести, было: «Да, необыкновенные вещи»...

Чего только тут не было. Драгоценнейшие шкатулки и ларцы, статуи и статуэтки, кресла и ложа. Изящные сосуды из белого алебастра, ящики с одеждой, украшениями, дорожными посохами, четыре позолоченные колесницы. Загустевшие за три тысячи лет благовонные мази. Они и теперь еще источают крепкий аромат. В овальных деревянных сосудах засмоленные жареные гуси, окорока...

Во второй комнате склепа покоилась мумия фараона. Три деревянных, окованных листовым золотом саркофага. Потом гроб из розового гранита. И, наконец, золотой гроб.

Золото, золото, золото. Один золотой саркофаг весил больше ста килограммов. Золотое массивное кресло, окованные золотом колесницы, золотые сандалии на ногах мумий, великое множество золотых украшений и безделушек.

«Брат мой, золота в твоей стране столько же, сколько песка», — писал одному из фараонов древнего Египта вавилонский царь.

Было в гробнице и немного железа. Под головой мумии лежала железная подставка. Руку охватывал железный браслет. Железо в те времена ценилось куда дороже золота.

* * *

В неярком матовом свете маленьких прожекторов от мертвого серого лица под стеклянным колпаком веет холодом. Кажется, дотронься до него, и сразу отдернешь руку, как от ледяной глыбы.

Между нами и Тутанхамоном три с половиной тысячи лет. Тонкая серая пыль, потревоженная нашими ногами, густо висит в спертom воздухе подземелья. От нее першит в горле и хочется чихать. Но из какого-то непонятного почтения мы

сдерживаемся... Ступаем осторожно, на цыпочках, и все-таки спотыкаемся на неровном каменном полу.

Мертвое всегда рождает беспокойное тоскливое чувство. Человек невольно задумывается над жизнью. Об этом думали все те многие тысячи людей, которые лезли в склеп Тутанхамона. Тридцать пять веков лежал фараон во тьме подземелья, одетый в камень и золото. И только тридцать пять лет назад впервые осветил его зажженный человеком электрический свет. Тридцать пять веков и тридцать пять лет...

Здесь, глубоко под землей, прохладно, но веет пылью и захлабленностью. Горимся скорее выбраться наверх, где яркое веселое солнце, высокое голубое небо и прозрачный воздух пустыни, которым можно дышать полной грудью.

Мы выходим из подземелья и шуримся от солнца. Оно висит огромным золотым блюдом над желтыми горами Дейр-эль-Бахри и палит немилосердно. Мгновенно становится мокрой рубашка. Она неприятно липнет к телу. Щекочущие струйки бегут по спине. Очень хочется пить.

Пожалуйста! Белозубый продавец кока-колы протягивает нам запотевшие бутылки со льда. Мы пьем медленно, маленькими глотками, стараясь возможно дольше продлить удовольствие. Шипучий ледяной напиток пузырится во рту и бьет в нос, как крепкая газированная вода. Хорошо! Один только существенный недостаток у прославленной кока-колы: она не утоляет жажды — чем больше пьешь, тем больше пить хочется.

Высоко в небе парят коршуны. Чуть приметные точки в фиолетовом отсвете знойного солнца. Пышут жаром раскаленные скалы. У входа в один из склепов мы разыскали кусочек тени и присели отдохнуть. Рядом расположилась группа американских туристов. Высокая девушка с прической «конский хвост» внимательно посмотрела на нас, поправила на носу громадные очки. За очками лицо ее казалось до смешного маленьким, с детский кулачок. Девушку привлекли наши маленькие значки с изображением спутника.

- Рашенс?
- Рашенс.
- Москоу?
- Москоу.

Через минуту Володин значок лежал у нее на ладони. Усталость с американцев как рукой сняло. Они заговорили все разом, быстро и возбужденно. Значок переходил из рук в руки.

— Эмейджин, рашенс! Лук хиа, лук — спутник, Лайка Энд вот из зет? Кремлин? О-о! *

Пожилый американец долго хлопал нас по плечам и приговаривал:

* Представь, русские! Смотри, смотри — спутник, Лайка. А это что? Кремль? (англ.).

— Гуд бойз, гуд бойз *.

Был он удивительно похож на моего дядю, у которого были добрые карие глаза и рыжеватая бородка. Дядя погиб в сорок первом году под Вязьмой.

Застенчивый Володя совсем смутился. Он не знал, куда деть руки, и зачем-то все время снимал и опять надевал на голову соломенную шляпу.

Американцы унесли с собой наши значки, а на прощание записали нам в блокноты свои адреса. Кто знает, может быть, и увидимся еще когда-нибудь.

Мы ходим из склепа в склеп до самого вечера. Устали только ноги. В Луксоре страшно потерять даже минуты. А вдруг это последний день и никогда больше судьба не приведет тебя в это царство окаменевшего времени? Скорее, скорее! Вот где каждый вспоминает знаменитое гётевское: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно!»

Какие современные синтетические красители могут сравниться с невероятными красками древних египтян! Они ничуть не выцвели за тысячелетия. Зеленые, красные, черные краски настолько сочны и ярки, что кажется, кисть художника нанесла их не тридцать пять веков, а тридцать пять дней назад. Коридоры и комнаты всех склепов буквально испещрены рисунками. Им нет числа в этой древнейшей картинной галерее мира.

Сорок сороков обнаженных рабов несут бесконечно длинную священную змею. Изображение ее начинается где-то около входа в склеп Тутмоса IV, а кончается в комнате, где стоял гроб фараона. Змея должна была охранять покой усопшего властителя Египта. Да не охранила — эту гробницу, как и все другие в Долине царей, если не считать гробницы Тутанхамона, опустошили еще в глубокой древности.

Остались одни рисунки: ведут связанных пленных; строят лодку на берегу Нила; засевают вспаханное поле, широко разбрасывая зерно; бьют палками феллахов — несчастные, они не смогли уплатить к сроку подать деревенскому старосте. И всюду боги, грозные, неумолимые, с головами льва, собаки, сокола... Они требуют преклонения, жертв, золота.

В горах вокруг Долины царей веками хоронили мумии фиванцев. Миллионы мумий были упрятаны в расщелинах и пещерах, в глубоких склепах, высеченных в плотных известняках и песчаниках. Во многие из них еще не ступала нога ученого: они засыпаны щебнем, завалены каменными глыбами. Другие исследованы и описаны, а наиболее сохранившиеся мумии перевезены в музей Каира и Александрии, Лондона и Нью-Йорка, Парижа и Берлина, Рима и Стокгольма.

* Хорошие ребята (англ.).

Огромный город мертвых. Его красочно описал знаменитый Бельцони, авантюрист и ученый, который вел здесь раскопки больше ста лет назад.

В длинных подземных коридорах Бельцони местами приходилось пробираться ползком на животе. Острые осколки каменной резали как стекло. Сотнями, тысячами лежали в склепах мумии. От малейшего прикосновения они рассыпались в прах. Удушливая едкая пыль набивалась в горло и нос. Бледный Желтоватый свет факела освещал только маленький кусочек пола под ногами, и «лицо ежеминутно соприкасалось с лицом то одного, то другого древнего египтянина».

Много тайн скрыто еще в этих горах. Здесь будут работать десятки и сотни экспедиций, воссоздавая шаг за шагом картину жизни в древних Фивах, осторожно переворачивая одну за другой страницы истории.

Но связаны с этими местами и другие тайны. Одна из них раскрыта совсем недавно. Пришел конец еще одному темному верованию, и еще одну победу вырвала наука у цепкой природы.

С глубокой древности существовали среди египтян легенды, что мучительная смерть ждет тех, кто осмелится потревожить в гробницах покой усопших фараонов. Правда, эти легенды не уберегли сказочных сокровищ, похороненных вместе с фараонами. Видимо, древнеегипетские грабители были не очень суеверными людьми. Но легенды продолжали существовать. В них глубоко верили и феллахи двадцатого века.

Нет в мире народа, который был бы безразличен к истории своей страны. Нет ничего странного в том, что египетские крестьяне, бедные, забытые и неграмотные, столь близко к сердцу воспринимают известия о работах археологических экспедиций. Ведь они потомки древних египтян. Они совсем не говорят об этом, не утруждают себя праздными мыслями. Тяжелый крестьянский труд и повседневные заботы отнимают все время. Но вот происходит какое-то событие, и разом обнаруживаются те многие невидимые нити, которые связывают из с далеким прошлым.

В 1881 году в одной из бесчисленных гробниц на западном берегу было случайно найдено более сорока мумий фараонов. В какое-то особенно смутное время, почти три тысячи лет назад, чтобы спасти от грабителей, их в строгой тайне перенесли из Долины царей.

Мумии с величайшей осторожностью вынесли из гробницы, уложили на барку и повезли в Каир. Когда барка отчалила, оба берега Нила усеяли жители окрестных деревень. Мужчины стреляли в воздух из ружей, как при погребении, а женщины рвали на себе волосы, плакали и громко причитали. Тысячи людей долго бежали по берегам вслед барке, воздевая и

небу руки и призывая кары на головы тех, кто осквернил могилы их великих предков.

Проклятия и смерть ждут нарушителей покоя фараонов. В это верят даже почтенные служители Каирского музея, люди, близкие к науке. Однажды в витрину музея укладывали мумию. Изменившиеся температура и влажность воздуха воздействовали на ссохшиеся сухожилия мумии, рука ее резко выпрямилась и ударила по стеклянной крышке. Служителей музея объял ужас. В панике они бросились бежать от «ожившего» фараона. Долго еще после этого случая будоражили народ фантастические слухи, один невероятнее другого.

Казалось, злой рок тяготеет и над участниками экспедиций Картера. Суеверный Египет приписывал все страшной мести фараона Тутанхамона. И тридцать три года вынуждена была молчать наука, бессильная разоблачить суеверные легенды.

Еще одна тайна гробницы Тутанхамона связана с болезнью Карнарвона. Она началась вскоре после вскрытия гробницы.

Болели мышцы, был сильный жар. Врачи не смогли поставить диагноз. Карнарвону становилось все хуже и хуже. Прошли какие то месяцы, и Карнарвон умер мучительной смертью.

Вскоре от той же таинственной болезни умерли брат Карнарвона и сиделка, которые ухаживали за больным. Затем наступила очередь его секретаря. Еще через несколько лет из участников экспедиции не стало двадцати трех человек. И ни разу не смогли врачи установить, что же это была за болезнь...

Пищи для слухов больше чем достаточно: все двадцать три человека были из тех, кто первыми проникли в гробницу. Суверная версия о «мести фараона» быстро, как снежный ком, ширилась и обрастала все новыми подробностями. Всячески превозносили предусмотрительность тех феллахов из нанятых в свое время для раскопки, которые будто бы наотрез отказались войти в гробницу, увидев на ее двери страшную печать — изображение девяти связанных пленников и шакала. Этих дальновидных феллахов благословило небо, а тех, кто вошел в гробницу, настигла карающая рука фараона.

Как и следовало ожидать, особенно была довольна церковь. Подумать только, этот Картер отважился на анатомическое вскрытие фараоновой мумии! Картер, который умер только в 1939 году, до конца своих дней боролся с нелепыми слухами, самой своей жизнью опровергая легенду. Куда там! Ему не верили. Люди считали, что ему «просто повезло».

Но надо же было искать причину таинственной болезни. В 1955 году гробницу Тутанхамона даже исследовали на радиоактивность. Существовали предположения, что древние египтяне знали о губительных радиоактивных лучах и воспользовались ими, чтобы оградить фараона от корыстного любопытства будущих поколений. Но нет, гробница не источала радиоактивные излучения.

Прошел еще год, и тайна перестала существовать. Разгадка пришла неожиданно.

Некоторые исследователи пещер инков в Южной Америке погибали от болезни, все симптомы которой разительно напоминали болезнь участников экспедиции Картера. Врачам удалось найти возбудителя этой болезни. Это был вирус гистоплазмозис, развивающийся в помете летучих мышей. Южноафриканский доктор Дин предложил поискать гистоплазмозис в гробнице Тутанхамона. Предложением воспользовались. Провели бактериологический анализ. Дин оказался прав. В помете летучих мышей в гробнице нашли гистоплазмозис.

Не знаю как мои товарищи, Володя, Фуат и Рафик, а я в тот день никак не мог забыть о проклятом гистоплазмозисе. А вдруг страшный вирус избрал нас своими очередными жертвами. Мы ходим, смотрим, пьем кока-колу, наслаждаемся минутным отдыхом, найдя кусочек благодатной тени, а вирус,

быть может, уже начал свою подрывную деятельность. Может, мы уже обречены?

Я знал, что это глупости. Если бы была опасность заражения, гробницу Тутанхамона закрыли бы для туристов. Я понимал все это разумом, но не мог отогнать порожденных воображением мыслей.

К переправе через Нил мы добрались уже в сумерках. С паромом что-то случилось. Он долго не приходил. У переправы собралось множество народа. Одни сидят на берегу и смотрят на коричневую воду реки, другие степенно пьют чай под тростниковым навесом. Грузчики разгружают причалившую баржу. Вереницей сходят они по трапу, согнувшись под тяжестью мешков. По голым спинам струйками стекает пот.

Через Нил переправляемся долго, минут двадцать. По течению быстро плывут громадные коряги, зеленые островки дерна, развалившийся плетень. Река разлилась широко, и все же очень хорошо видно, как у берега в невысокой траве вышагивают молочно-белые ибисы, священные птицы феллахов. Тянутся чередой рощицы финиковых пальм. Круг солнца из желтого стал пурпурно-красным и покатился, покатился к горизонту, за серые холмы. Приятно ощущать на лице прохладный влажный ветерок.

На следующий день мы на ногах уже с пяти часов утра. Раннее утро — лучшее время для луксорских экскурсий. Спешим в Карнак. Едем в древнем извозчиьем шарабане, который даже на ровной асфальтовой дороге кряхтит и стонет, словно больной старик. Навстречу трусят крепкие маленькие ослики. На них восседают то пожилые феллахи с такими сморщенными лицами, что они похожи на скорлупу грецкого ореха, то озорные большеглазые мальчишки, которые кричат вслед нашему вознице что-то обидное, тот зло ругается сквозь зубы и в отместку больно хлещет лошадей по облезлым спинам.

К входу в Карнакский дворец ведет широкая аллея сфинксов. Мы уже видели ее на десятках открыток и фотографий. Когда-то все фиванские дворцы и храмы соединялись с Нилом такими аллеями. Это был единый стройный архитектурный ансамбль... По аллеям брели к храмам толпы паломников. Курились благовония, пели жрецы, рабы вели на поводу белых жертвенных антилоп.

Скрипит под ногами песок. В бурьяне между каменными глыбами шныряют юркие ящерицы. Испуганные звуком наших шагов, они взбираются вверх по серому камню и замирают. В воздухе глубокая тишина.

Сорок веков назад началось сооружение Карнака. Плиты дворца стерты ногами бесчисленных его посетителей. Сотни книг написаны о Карнаке, и тем не менее о нем почему-то знают немногие.

Карнакский дворец — это целый каменный город с улицами, переулками и площадями. В город ведут циклопические ворота храма Амона. Их ширина сто тринадцать, а высота сорок три метра. Громадные изваяния фараонов, залитые ярким солнечным светом, равнодушно взирают на нас.

Сразу за воротами встает каменный лес колоннад. Сто тридцать четыре колонны уходят в синеву безоблачного неба па высоту семиэтажного дома. Колонны составлены из каменных блоков, которые уложены друг на друга без скрепляющего раствора. Но проходят тысячелетия, а они стоят нерушимо, являя собой памятник золотым рукам безвестных мастеров древности.

Высоко над стенами Карнака вздымаются гигантские обелиски, воздвигнутые в честь женщины-фараона Хатшепсут и Тутмоса I. Это уже грань человеческого воображения. Обелиски высечены из цельных скал. У всех, кто видел Карнак, они рождают одну и ту же мысль: «Какой титанический труд!».

Знаменитый Шампольон преклонил перед Карнаком колени. «Я не буду ничего описывать ...мои выражения не стоили бы и тысячной доли того, что следует сказать, или ... меня приняли бы за энтузиаста, быть может, даже за безумца». Русский египтолог Норов назвал Карнак невиданным в мире столпотворением. В одном главном зале Карнака свободно уместился бы собор Парижской богоматери.

Карнак — величайшая сокровищница произведений искусства. находки из Карнакского дворца украшают все известные музеи мира. В глубоких нишах под каменными плитами, в нагромождениях каменных обломков и в наносах песка находили археологи все новые клады. Их находят и теперь, будут находить и еще многие годы. В начале нашего века французский ученый Легрен обнаружил здесь... во семьсот каменных статуй и семнадцать тысяч бронзовых статуэток!

Солнце поднялось высоко. В знойном воздухе ни малейшего ветерка, и тишина какая то особенная, торжественная. Мы стоим в глубокой задумчивости и вспоминаем разное из книг и из жизни. А над Карнаком и над нами в небесной лазури парят орлы.

— Ну, пойдем, хватит на сегодня, — говорит мне Володя.

— Пойдем, — нехотя соглашаюсь я.

Из-за колонны выходит пожилой человек в широкополой соломенной шляпе. Я вздрагиваю от неожиданности. А человек улыбается и протягивает нам руку.

— Фройдeman, — представляется он нам. — Я, простите, случайно слышал ваш разговор. Русских встречаешь так редко!

Фройдeman говорит по-русски очень правильно, свободно подбирая слова. Но легкий акцент и эта особая правильность выдают в нем иностранца.

Фройдeman словно угадал наши мысли.

— Я немец, но, как видите, неплохо знаю русский. Учился ему у вас в России. Да, я был у вас в плену и все это время учил русский язык. С 1943 года. О, это было очень тяжело. Я глубоко уверен, что русский — самый трудный язык в мире. Но у него — великое будущее! О, у вас обязательно будет еще Толстой...

Фройдeman смотрит на нас, наморщив лоб, как будто силится вспомнить что-то очень важное.

— Да, это была ужасная война, ужасная война. О, мы, немцы, хорошо знаем, что это такое. И немцы не будут больше воевать, поверьте мне. Они сыты... позвольте, как это сказать, по-русски? Да, да, вспомнил — сыты по горло. Я, знаете, глубоко ненавижу теперь всякую политику. Политика — страшная вещь. Она всегда порождает войну.

Фройдeman улыбнулся и посмотрел нам в глаза.

— Зачем политика? — спросил он сам себя и широким жестом показал на обступившие нас развалины Карнака.

— Лучше вот ездить, смотреть на такие чудеса и пить холодное пиво. — Он потряс висевший у него через плечо большой термос в кожаном футляре.

— Выпьем за знакомство — как говорите вы, русские!

Как ни отговаривались, выпить пришлось...

Потом мы еще долго сидели на повергнутом в пыль изваянии какого-то фараона и угощали друг друга египетскими сигаретами. Бывают же встречи! Немец из Западной Германии встретился с нами на развалинах Карнакского дворца!

У Фройдемана открытый взгляд. Чувствуется, что говорит он искренне и не таит к нам неприязни или злобы.

«Интересно, — подумалось мне, — не потому ли это, что он хорошо помнит, как получал по восемьсот граммов хлеба тогда, когда дети тех, кого он убивал, получали по четыреста. Понял, может быть, оценил великую душу нашего народа?»

Давно закончилась война. Осыпались и заросли травой окопы. Отстроились города. Но как свежа память о ней. Ведь нет у нас семьи, где бы не погиб отец или сын, муж или брат» В каждой квартире смотрят со стен их портреты...

* * *

Идем к Карнакскому дворцу ночью. Тонкий ущербный месяц скользит над нами. Темнота все гуще и плотнее. Включили ручной фонарик. Он выхватил из темноты только крошечный кусочек земли. Огромный Карнак все рельефнее выступал из ночи.

Я вздрогнул — над нашими головами пронеслись вспугнутые светом летучие мыши. С каждым шагом их становилось все больше, они вились вокруг, задевая нас крыльями. Фонарь пришлось потушить. Летучие мыши угомонились. Темнота вновь ослепила нас. В тишине висел пронзительный звон цикад, иногда чуть доносились далекие паровозные гудки.

Мельхиоровый лунный свет бледно очерчивает каменный дес колонн. Где-то в его глубине истошно завыл шакал. В ответ зло, захлеб залаяли собаки.

Ночь рождала лихорадочные мысли. Сюда приносили жертвы вечно жаждавшим крови богам. В такую вот ночь плели здесь коварные заговоры и придворные интриги, убивали из-за угла ударом кинжала. Жирные гиены раздирали тела умерщвленных узников и долго хохотали в темноте над делами людей... А люди любили, ненавидели, мучились ревностью. Если бы камни могли говорить! Сколько видели они за сорок веков! Но камни молчат, они умеют хранить тайны...

Мир знает немало примеров сказочной роскоши. Вошли в поговорку Лукулловские пиры, оргии Нерона, великолепие двора Людовика XIV. Испанские конкистадоры отправляли из Америки целые флотилии, груженные драгоценностями инков. Из глубины веков сияют алмазы индийских раджей. И все это блекнет в сравнении с древним Карнаком.

Титанические колонны его главного зала, на капителях которых умещается несколько десятков людей, были сплошь окованы толстым листовым золотом и инкрустированы бесчисленным множеством драгоценных камней. Золотом были одеты ворота и стены, обелиски и статуи всего этого каменного города. Полы выстланы серебряными плитами.

«Брат мой, золота в твоей стране столько же, сколько песка...» И это золото стекалось в священные храмы Карнака многие сотни лет. Тысячи и тысячи рабов умирали от зноя и жажды в рудниках Аравийской пустыни, серой лепешкой и просяной кашей довольствовался трудовой люд, и везли, везли золото карнакским жрецам бога Амона.

Но что золото. Разве можно измерить золотом тысячелетний каждодневный труд целой армии народных мастеров, оружавших и украшавших Карнак. Их творческий гений и вдохновение воплотил в себя великий и неповторенный дворец.

Сколько сложнейших расчетов и изобретательности потребовалось древним египетским архитекторам и строителям! До сих пор остаются загадкой некоторые их творения в Карнаке.

Священный пруд. Огромное сооружение, выложенное массивными каменными плитами. Дно его расположено выше уровня воды в Ниле. Во время половодья на реке пруд высыхает, проходит разлив — пруд вновь наполняется водой. Кавалось, должно быть наоборот... Раскопки вокруг пруда не обнаружили каких-либо подземных тоннелей.

* * *

Такси везет нас к храму Хатшепсут. Автомобиль несется с предельной скоростью. Узкая дорога петляет в ущелье, но шофер не сбавляет хода даже на самых крутых поворотах. Мы закрываем глаза, каждую минуту ожидая столкновения. Но опасения напрасны. Вот уже и последний поворот. Горы расступаются. Слева видны зеленеющие поля, редкие пальмы и широкая река, справа каменистая, выжженная солнцем пустыня и подернутые призрачным маревом горы.

Храм легендарной женщины-фараона Хатшепсут высечен в обрывистых коричневатых скалах Дейр-эль-Бахри. Три горизонтальные террасы, просторные и ровные, уступами поднимаются одна над другой. Белые колоннады. Некогда это был один из самых богатых храмов Египта. Даже полы в нем, так же как и в Карнакском дворце, украшали золотые и серебряные плиты.

Дворец строил Сенмут, возлюбленный Хатшепсут, талантливейший архитектор Древнего Египта. Талант и любовь сотворили чудо. Говорят, красиво то, что просто. Как ае согласиться с этим, глядя на произведение Сенмута. Оно прекрасно своей простотой.

Люди долго любят в музеях на статуи Хатшепсут. Мягкий овал лица, нежный округлый подбородок, миндалины глаз, маленький рот, в уголках которого замерла чуть заметная улыбка... Как одухотворенно и красиво это лицо, сколько в нем женского обаяния! Кажется, вот-вот приоткроются эти губы и молвят какие-то неизвестные мелодичные слова... Но они молчат, подернутые манящей улыбкой.

Изумительные рисунки покрывают стены в храме Хатшепсут. Вот снаряжается экспедиция в далекую страну Пунт, собираются воины, садятся на длинные гребные суда. По знаку кормчего в такт поднимаются и опускаются весла, вокруг плавают рыбы, кружатся птицы. Поход окончен: несут слоновьи бивни, ростки драгоценных деревьев в кадках.

Египетское изобразительное искусство необычайно жизненно. Здесь все: сбор податей, заседание суда, измерение поля, пахота, сев, сбор урожая, охота, врач у постели больного. Сценка в погребке: веселые гуляки приводят в чувство захмелевшего товарища. А вот цирюльник бреет рекрутов. Двое из них, устав ждать своей очереди, сладко уснули в тени развесистой сикоморы...

В рисунках древних египтян нашлось место всему человеческому. Тут и радость, и печаль, и юмор.

На знаменитом Туринском папирусе изображено несколько интереснейших картинок. Осел, наряженный знатным вельможей, замахнулся жезлом на кошку, а та, стоя на задних лапах, подобострастно склонилась перед разгневанным повелителем. Мыши штурмуют кошачью крепость. На колеснице повергая в прах врагов, мчится мышиный царь. Как не узнать в мышином царе «победоносных» фараонов, изображениями подвигов которых испещрены все древние храмы Египта!

Кошки пасут уток. Шакал играет на флейте и гонит в поле коз с козлятами. Да это же деревенский староста «оберегает» своих подопечных феллахов. Доверили козлу капусту...

При раскопках в Эль-Амарне нашли изображение, при взгляде на которое не может не дрогнуть человеческое сердце

Фараон Эхнатон и его жена красавица Нефертити горько рыдают у смертного ложа дочери. Утешая жену, Эхнатон осторожно поддерживает ее за руку. Сколько потрясающей силы в нескольких скупых линиях, сколько чувства вложил в них безвестный художник.

В гробнице Кенамона есть рисунок, на котором изображена женщина, играющая на лютне. Сквозь тончайшую прозрачную ткань просвечивают легкие очертания стройного тела. Маленькие округлые груди, тонкая талия, высокие покатые бедра.

Долго смотрел на этот рисунок наш знакомый венгерский журналист, человек немолодой, много видевший и испытывавший за свою жизнь. Не выдержал, обернулся к нам.

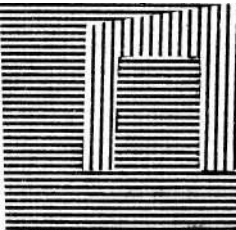

— Подумать только, этой картине почти четыре тысячи лет! Нет, это уже не мастерство. Это волшебство! Теперь рисуют хорошо, иногда очень хорошо, но так не умеют, не умеют...

Мы все в знак согласия молча кивнули головой.

В. Растворгуев

С АМЕРИКАНЦАМИ В АНТАРКТИДЕ

Очерк

УТЬ ОТ МОСКВЫ до Новой Зеландии занял шесть дней. С калейдоскопическое быстротой проносились под крылом самолета города и страны, моря и острова. И вот я в маленьком новозеландском порту Литтелтон, куда 12 января 1957 года должен прийти американский корабль «Куртисс», на котором мне предстояло плыть к берегам Антарктиды. В день прибытия корабля меня разыскал доктор Векслер — один из руководителей американских исследований в Антарктике по программе Международного геофизического года. С ним мы и направились на корабль, где находился основной состав зимовщиков для нескольких американских антарктических станций. Доктор Векслер представил меня доктору Лоуренсу Гулду, председателю Американского антарктического комитета, и моим будущим коллегам по работе.

В каюте доктора Гулда была устроена пресс-конференция для новозеландских и американских корреспондентов. Меня пригласили принять в ней участие. Доктор Векслер в кратком выступлении доложил о планах Американской антарктической экспедиции. Затем корреспонденты забросали меня градом вопросов. Я рассказал о создании советских антарктических станций, о санно-тракторных поездах, о программе наших научных исследований.

Доктор Векслер, хорошо осведомленный о Советской антарктической экспедиции, любезно приходил мне на помощь, когда я не мог найти достаточно точных английских терминов. Комментируя мой рассказ о предполагающемся создании станций «Восток» и «Советская», доктор Векслер заявил корреспондентам, что это дело чрезвычайно трудное. Задают и вопрос, на который мне впоследствии приходилось отвечать много раз: «Есть ли у вас на антарктических станциях женщины?»

Весть о том, что на корабле находится русский, который как представитель Советского Союза будет целый год работать и жить с американцами в Антарктиде, быстро облетела всех. Желających познакомиться масса. Каждый старается хоть чем-нибудь проявить свою доброжелательность. Один рассказывает о порядках в кают-компании, другой показывает, как обращаться с регулятором отопления в каюте, третий угощает яблоками.

Шахматисты осаждают просьбами сыграть партию, так как многие наслышаны, что русские играют мастерски. В первый же вечер на пороге моей каюты появился человек в полувоенной форме с широкой открытой улыбкой и стремительно протянул мне руку. Это Хозе Альварес — представитель Аргентины в Антарктическом Центре погоды. Хозе рассказывает об остальных членах Центра погоды, расспрашивает о Москве, о московских театрах, рассказывает о своей родине. Впоследствии у нас с ним, в течение долгой антарктической ночи, было много душевных бесед.

«Куртисс» быстро продвигался на юг, к морю Росса. Ледовая обстановка оказалась настолько благоприятной, что не потребовалась помощь американского ледокола «Северный ветер», который поджидал наш корабль у крошки плавучих льдов. К антарктическому берегу мы подошли почти по чистой воде, если не считать немногих огромных айсбергов.

Когда подошли к проливу Мак-Мёрдо, стало ощущаться дыхание ледяного континента. Пришлось облачиться в кожаный костюм, надеть сапоги и зимнюю шапку. Костюм мой вызвал общее восхищение. И как только я появился на мостике, на меня направили объективы фотоаппаратов и кинокамер.

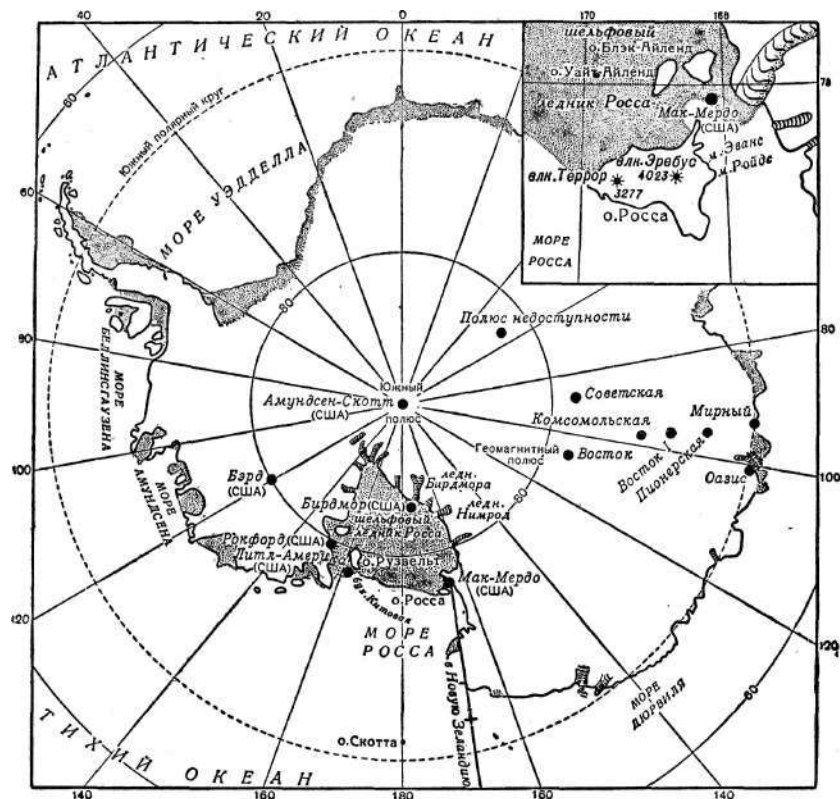
Показался остров Росса. С этим островом связано немало волнующих и трагических событий. Мужественный англий-

ский полярный исследователь Джеймс Кларк Росс 116 лет назад подходил к этим берегам. Именами своих кораблей Росс назвал вулканы Эребус и Террор. Над Эребусом и сейчас курится дымок. А вот и мыс Ройдс, где в 1908 году обосновалась экспедиция Шеклтона, и мыс Эванс, откуда в 1911 году Роберт Скотт отправился к Южному полюсу. У припая уже стояли под разгрузкой несколько американских кораблей. По льду ползали тракторы с двумя-тремя санями на прицепе, перевозящие грузы от кораблей на берег.

На острове, на берегу залива Дискавери, выстроена главная американская антарктическая воздушная база Мак-Мёрдо. С большой группой американцев я сошел на лед. Подъехал небольшой вездеход с двумя санями. Мы устроились на них поудобнее и медленно поползли к видневшимся вдалеке холмам. Лед пролива был рыхлым, с большими промоинами. Видно, уже не раз направление санного пути менялось. В некоторых местах красные флажки предупреждали о небезопасных участках пути. Часа через полтора мы оказались в поселке, удобно расположенном в ложине, закрытой с трех сторон заснеженными холмами. Почва здесь явно вулканического происхождения. В поселке много построек различных типов и размеров. Протянувшись рядами, они образуют два проспекта. На некоторых домах большие щиты с шутовскими надписями: «Комната отдыха для проигравших», «Отель временный». Рядом укреплен щит с правилами для проживающих, также написанными в шутовском тоне. Возле одного строения, напомилавшего небольшой ангар, на столбе доска с надписью: «Ресторан «Святая Анна», хорошая пища, только за 40 861 милю отсюда» и ниже: «Южный полюс — 741 миля» и стрелка, указывающая в обратном направлении

Я вместе со своими спутниками — аргентинцем Хозе Альваресом и бойскаутом Диком Чаппелем — направился на окраину поселка. Здесь у трех мачт выстроились американские военные моряки в антарктическом обмундировании. На них зеленые брюки, куртки с воротником, напоминающие непростеганный ватник, и кепи с широким, длинным козырьком. На ногах огромные резиновые белые и черные бутсы. Моряки аочетного караула были в парадных мундирах. У небольшой кафедры стояли научные и военные руководители Американской антарктической экспедиции. Раздалась команда. Моряки взяли «на караул», офицеры обнажили палаши. На мачтах поднялись норвежский, английский, американский флаги. Жужжат кинокамеры, щелкают затворы фотоаппаратов. Началась торжественная церемония в честь открытия американской научной станции на Южном полюсе. Норвежский и английский флаги подняты в честь первооткрывателей Южного полюса — Руала Амундсена и Роберта Скотта.

362

Антарктида

На карте обозначены советские и американские станции 1956—1957 годов

После церемонии я узнал, что «Куртисс» в Литл Америку отправится на другой день. Значит, можно осмотреть станцию, ее окрестности. Осмотр начинаем с жилых домов. Сразу же бросилась в глаза их перенаселенность. Двухъярусные койки стоят вплотную друг к другу, внутри нет никаких перегородок. Обогревают помещения печи, работающие на дизельном топливе. Над ними вентиляторы, разгоняющие* теплый воздух. Окон нет. Нам объяснили, что подобные дома ангарного типа используют в летний период под жилье для строительных партий и сменного персонала. Зимой в них складские помещения. В одном из домов уже комнатная система. Стоят металлические шкафы, тумбочки, стулья.

По дороге к заливу Дискавери мы заметили дом-ангар. К нему пристроен тамбур с небольшой колокольней с колоколом и крестом. Не трудно догадаться, что это церковь.

К нам присоединился один из научных работников, уже зимовавший в Мак-Мёрдо. Он оказался хорошим гидом. Проходим мимо остатков громадного самолета, на борту которого еще сохранилась надпись о его принадлежности к десантной авиации американских военно-воздушных сил. Наш гид объяснил, что самолет этот С-124 («Глобмастер») разбился при посадке год назад. Несколько человек из его экипажа погибли. На одном из домиков с куполообразной башней укреплен табличка: «Воздушные операции. Военно-морская служба погоды». Здесь размещается штаб и пункт связи авиации американской экспедиции.

По берегу залива идем к мысу Хижины по дороге, вдоль которой высятся громадные штабеля бочек из-под горючего. Наконец добрались до небольшого деревянного строения. Это домик капитана Роберта Скотта, выстроенный в 1902 году во время первой экспедиции в Антарктиду. Домик хорошо сохранился, если не считать сорванных штормовыми ветрами щитов галереи, сооруженной вокруг внешних стен. Внутри домика попасть нельзя. Соотечественник Скотта и участник его первой экспедиции Шеклтон, посетивший домик семь лет спустя, не заделал как следует окна, и в дом набился снег. За многие годы он так спрессовался и смерзся, что не поддается даже кирке. Но все же «раскопки» ведутся. В галерее видны мешки с овсом, ящики с галетами. У южной стены дома валялись скелеты и шкуры тюленей, сломанные сани, совковая лопата, мясорубка, почерневший стул, кипа смерзшихся газет и журналов, обломки камина, пустые ржавые консервные банки, рваный брезент. Все это следы двухлетнего пребывания здесь смелых исследователей Антарктиды.

Напротив домика, на том месте, где стояло вмержшее в лед судно экспедиции Скотта «Дискавери», сейчас виднелись также вмержшие в лед два небольших американских танкера. Летом 1956 года они не успели выйти и, скованные льдом, были оставлены здесь. Невдалеке от домика Скотта американцы выстроили два больших бензохранилища. Возвращаясь обратно, мы увидели деревянный крест, поставленный в память матроса с «Дискавери», провалившегося под лед в иарте 1902 года. Чуть подалее на пьедестале из камней виднелась белая статуя святой. Над ней арка из металлических труб, увенчанная крестом. У подножия доска с надписью: «Воздвигнут в память Ричарда Уилльямса, утонувшего 6 января 1956 года. Почий в мире».

Поселок нас встретил лаем множества собак, иногда переходящим в протяжный вой. Оказывается, что это час кормления ездовых собак. Мы вспомнили, что и нам не мешает перекусить. В большой столовой у раздаточного прилавка очередь с подносами. Тут система самообслуживания. ПОСЛЕ

ужина столы убирают, и столовая превращается в кинозал. Идет кинофильм «Стрела войны». С первого до последнего кадра гремят выстрелы, свистят стрелы, бешено скачут индейцы. Зал переполнен, но картина не вызывает особого восторга. Это одна из тех картин, которые американцы зовут «вестерн мувис» («западный фильм»). Впоследствии я просмотрел несколько таких фильмов, сюжеты их немногим отличаются один от другого. Уже с первых кадров почти безошибочно можно определить, чем окончится фильм.

На другой день мы перебрались на борт «Куртисса» и простояли на якоре еще четыре дня. Переход до Литл Америки занял двое суток. Ночью 30 января подошли к барьеру

шельфового ледника Росса у бухты Кайнан. Высота барьера около 15–20 метров, и «Куртисс» встал на якорь в миле от кромки барьера. В лагерь Литл Америка замовщиков перебрасывали двумя вертолетами, которые садились на специальную площадку в носовой части корабля.

Вот и наша очередь с Хозе. Приземлившийся, или, вернее, «приледнившийся», вертолет обступили зимовщики, помогая разгружать кабину. Осматриваюсь. Да, здесь пейзаж совсем другой, чем на острове Росса. Насколько хватает глаз, раскинулась ледяная пустыня. Ярко светит солнце, и приходится надевать темные очки.

Прилетевших со мной американцев радостно встречают зимовщики; все увесисто похлопывают друг друга по плечам и шумно разговаривают. Дик Чаппель привел меня в дом. Здесь уже много народу, одни оживленно беседуют, другие заняты размещением каких-то ящиков и приборов. Здесь же регистрируют вновь прибывших и распределяют на временное жилье. Мне представляться не пришлось. Меня узнают по моему кожаному костюму. За столом, развалившись на стуле, сидит американец в очках. Дик подводит меня к нему, и тот, вста-

вая, называется Мортон Рубин. Это представитель Американского антарктического комитета, отвечающий за работу Международного Антарктического Центра погоды. Он прибыл в Литл Америку только на летний период и должен с последним вертолетом лететь на корабль для возвращения в Вашингтон. Ни я, ни он тогда не предполагали, что ровно через год Американский антарктический комитет направит его как своего представителя для работы в Третьей советской континентальной антарктической экспедиции в Мирном. Мортон Рубин рассказал мне о планах работы Антарктического Центра погоды и познакомил с его членами. Руководит Центром Вильям Морланд. В состав его, кроме Морланда, входят еще три американских метеоролога: Джозеф Кранк, Брус Лиски в Рональд Тейлор. Таким образом, нас шесть человек, включая Хозе Альвареса и меня.

Устраиваемся на временное жилье вчетвером — вместе с Диком Чаппелем, магнитологом Рональдом Виетсом и старшим метеорологом-наблюдателем Беном Харлином. В комнате две двухъярусные койки, четыре металлических шкафа, две тумбочки. Повернуться негде. Обещали через неделю расселить поудобнее, поэтому мы и не пытаемся распаковывать багаж — достали только самое необходимое. Теперь можно осмотреться. Около двадцати домов выстроены в два ряда в образуют широкий проход. Этот проход превращен в туннель, основу которого составляет деревянный каркас. На него натянута металлическая мелкоячеистая сетка, а поверх нее

парусина. Пол туннеля сделан из деревянных щитов. Сейчас летом на крыше туннеля почти нет снега. Зато там, где снег еще не очистили, попадаешь под настоящую капель. На полу туннеля образуется наледь, и ходить трудно.

В подснежном городке сосредоточены все научные, жилые и подсобные помещения. Тут ионосферная, океанографическая, аэрометеорологическая, гляциологическая лаборатории, электро- и радиостанции, столовая, небольшой госпиталь, административные помещения, зал отдыха, два туалетно-душевых павильона, лавка и, наконец, церковь с библиотекой. Специальный туннель ведет к магнитному павильону. Над поселком в разных его концах воз-

Дикки

вышаются две башни. В одной установлен радиотеодолит для аэрологических исследований, другая служит для наблюдений за полярными сияниями. Когда на станции остаются только зимовщики, жизнь приобретает четкий, размеренный характер. Зимовать остается 109 человек, из которых 24 научных работника, остальные — матросы и офицеры американского военно-морского флота. Литл Америка не только главная научная станция американцев, но и их главная антарктическая штаб-квартира. Руководитель научной группы станции Литл Америка Альберт Крэри одновременно и ответственный руководитель научной работы остальных американских антарктических станций. Командиру военных моряков Литл Америки ээптене Дикки подчинен весь американский военный персонал, зимующий в Антарктиде.

Между членами научной группы и моряками устанавливаются своеобразные отношения. Они с безобидной иронией подшучивают друг над другом. Штатские окрещены «песчаными крабами», а моряки — «швабрами».

Антарктическое лето подходило к концу, а дел у зимовщиков уйма. Надо было перевезти с Барьера и разместить запасы продовольствия, топливо, снаряжение и оборудование, закончить строительство складских помещений. Научной группе нужно было смонтировать и опробовать научные приборы и установки и начать регулярные наблюдения по программе Международного геофизического года. Работа шла дружно.

В худшем положении оказался Центр погоды. Наша деятельность зависела от хорошо налаженной радиосвязи с антарктическими станциями других экспедиций, а также с Южной Африкой, Южной Америкой, Австралией и Новой Зеландией. Согласно разработанной американцами схеме связи, большинство метеорологических сведений должно было поступать в радиоцентр станции Мак-Мёрдо, а оттуда в Литл Америку. И в Мак-Мёрдо, и в Литл Америке устанавливают дополнительное радиооборудование, чтобы обеспечить беспере-

А. Крэри

бойное поступление метеосводок. Для монтажа оборудования требовалось месяца полтора-два. Было решено не теряя времени приступить к составлению и анализу карт погоды по тем данным, которые давали имеющиеся средства связи. Попутно начали обработку метеорологических и аэрологических наблюдений, проведенных американскими станциями в зимовку 1956 года. Работали в две смены.

Мне вместе с Джозефом Крайком и Рональдом Тэйлором предстояло работать два месяца в ночной смене — с восьми вечера до восьми утра. Нам отвели новые комнаты, и мы занялись их благоустройством: застелили пол линолеумом, расставили мебель, покрасили фанерные перегородки. Мы с Джозефом Крайком поселились в комнатке площадью около восьми квадратных метров. В доме еще четыре такие же комнаты. Есть и общая комната отдыха. В ней два стола, кресла и диван. Тут же стоит термостат, от которого по шлангам идет горячий воздух к грелкам, установленным в каждом жилом помещении. Специальные устройства автоматически сигнализируют о появлении угарного газа в опасном количестве. Подача свежего воздуха регулируется втяжным и вытяжным вентиляторами, установленными над двумя противоположными входами. Внутри стены дома покрыты алюминиевыми листами для предохранения от сырости. Поэтому он напоминает большую консервную коробку. На стенах комнаты отдыха вскоре появились «пинапс» — цветные фотографии женщин в легкомысленных нарядах. На полочках — модели кораблей, самолетов, фургонов, склеенные зимовщиками в часы досуга из готовых пластмассовых деталей.

Американцы с трудом произносили мою фамилию, и я часто даже не мог понять, что обращаются ко мне. Пришлось просить называть меня просто по имени. Это быстро привилось и больше импонировало американцам, предпочитающим простое обращение официальному. В коллективе Центра погоды быстро установились дружески деловые отношения. Особенно я сблизился с темпераментным аргентинцем Хозе и расторопным остроумным американцем Брусом Лиски. Мой сосед по комнате Джо Кранк оказался старым полярником. Он около семнадцати лет проработал метеорологом на Аляске; последние же два года работал в аэропорте Вашингтона.

Джо не любил ни минуты сидеть без дела и вечно что-то придумывал для благоустройства нашего служебного помещения. Мы всячески помогали ему. Оборудовали небольшую комнатку под библиотечку и читальню, которая впоследствии служила нам кабинетом, где можно было уединиться для работы. Я часто беседовал со своими коллегами. Их интересовало абсолютно все о Советском Союзе: как организована рабо-

та на предприятиях и в научных учреждениях, как обучаются студенты, как проходят выборы в Верховный Совет, сколько стоят радиоприемники, телевизоры, охотничьи ружья, фотоаппараты, мясо, масло, картошка и т. п. Американцы сразу же переводили рубли в доллары, сравнивали. Во многих случаях разница оказывалась незначительной, и это вызывало у американцев удивление. Обсуждались вопросы развития литературы, музыки, кино. Американцы единодушно признавали большие успехи советского искусства.

По заведенному порядку через каждые полтора часа работы устраивался 10—15-минутный перерыв. Все устремлялись в столовую выпить чашку кофе и выкурить сигарету. Кофе — очень популярный напиток у американцев; титанкофейник кипит круглые сутки.

Вся жизнь зимовщиков строго регламентирована. День начинался побудкой в шесть часов утра. Раздавалась команда дежурного — «чифа», или старшины, передаваемая по внутренней трансляции, «подъем, всем вставать», затем объявлялось состояние погоды. Когда дежурным был Гудмунсон, он обязательно сообщал, что приготовлено на завтрак, при этом для всех блюд в шутку придумывались особо затейливые названия. Иногда он сообщал, например, что до возвращения домой осталось всего-навсего 300 дней. По радио же объявлялось о киносеансах, времени отхода рейсового вездехода, или, как его называют, суперэкспресса, который перевозил зимовщиков, обслуживающих аэродром Литл Америки. Аэродром этот назван «Кил филд» в память погибшего в Антарктиде тракториста Макса Кила. По воскресеньям сообщалось также о начале католического и протестантского богослужения.

Мы установили радиосвязь с Мирным. Я получил возможность посылать домой телеграммы. Русский текст приходилось писать буквами английского алфавита. В таком же виде я получал телеграммы из Мирного. Так как при такого рода передачах искажения неизбежны, то иногда приходилось расшифровывать телеграммы, как загадочный ребус.

В одной из первых телеграмм, полученной с нашей станции, начальник аэрометеорологического отряда Оскар Григорьевич Кричак сообщил, что тракторный поезд, вышедший для сооружения станции Комсомольская, уже достиг станции Пионерская. Это известие мои коллеги встретили с большим интересом. Около карты Антарктиды обсуждались трудности пути, наносились координаты станции Пионерская.

Зима начинала вступать в свои права. Море Росса замерзло. В один из ясных морозных дней мы отправились к Барьеру. Температура — минус 30 градусов, но лицо нестерпимо обжигает ветром, и приходится надеть капюшон и закрыть

лицо шарфом, оставив лишь глаза, защищенные очками. Солнце еще светило ярко, хотя и невысоко поднималось над горизонтом. Мы спустились на морской лед, перебрались через две узкие длинные трещины. В одном месте заметили желтое пятно и капли крови — следы лежки тюленя.

В Барьере летом под действием волн образуются пещеры-гроты. Мы забрались в одну из них. Кажется, что это какой-то сказочный ледяной дворец. Стены пещеры сверкают ледяными кристаллами, с потолка свисают сосульки самых причудливых форм. В глубине пещеры темно, и только изумительной красоты голубой, зеленый и фиолетовый свет проникает через толщу льда.

На обратном пути мы подошли к палатке на льду, где океанографы проводили гидрологические наблюдения. Здесь же установлен океанографический якорь, с помощью которого определяется ежесуточная скорость смещения ледника. Ледник, а вместе с ним и поселок Литл Америка движется со скоростью 1—1,5 метра в сутки в сторону моря. Пройдут года, и Литл Америка V, как и ее предшественница Литл Америка IV, сползет в море огромным айсбергом.

11 марта ушел последний корабль-ледокол «Северный ветер», и связь с внешним миром прервалась на 7—8 месяцев.

На другой день мы получили печальное известие о смерти шестидесятивосьмилетнего адмирала Ричарда Бёрда, выдающегося американского полярного исследователя, руководителя американских антарктических экспедиций 1929—1930, 1933—1935, 1939—1941 и 1946—1947 годов и основателя Литл Америки. Получены телеграммы с соболезнованием от руководителей советской, французской, английской, новозеландской и других антарктических экспедиций.

Жизнь на станции шла своим чередом. Были организованы кружки математический, испанского языка, радиодела и даже класс изучения Библии. Члены научной группы регулярно читали своим коллегам популярные лекции по своей специальности. Издавалась еженедельная печатная газета «Пингвин-пост».

На станции была широко развита радиолобительская связь. Благодаря ей многие зимовщики имели возможность в течение всего года неоднократно разговаривать по радиотелефону со своими родными, друзьями и знакомыми на родине.

Комната, в которой находилась любительская радиостанция, не пустовала ни днем, ни ночью. Желаящих поговорить с родными всегда было много; молчаливым напоминанием о том, что надо знать меру и надолго не захватывать радиотелефон, служила свешивающаяся с потолка веревочная петля.

24 апреля в последний раз над Литл.Америкой показался краешек солнца. Наступила полярная ночь. После захода солнца состоялась торжественная церемония спуска флага.

До 1 июля — дня начала Международного геофизического года — осталось чуть больше двух месяцев. Научные наблюдения шли полным ходом. Оборудование, приборы и аппаратура действовали хорошо. Центр погоды приступил к составлению и анализу полного комплекса приземных и высотных карт погоды. Регулярно передавались в эфир результаты анализа и обобщенная сводка метеорологических данных всех антарктических станций.

Сейсмологи замерили толщину льда шельфового ледника Росса в районе Литл Америки. Оказалось, что под нами 250-метровая толща льда, а станция расположена на высоте 43 метров над уровнем моря.

Ежедневно слушаю последние известия из Москвы. Из Мирного я получил радиограмму, что в передаче для советских полярников примет участие и моя семья. Волнение, охватившее меня, передалось и моим коллегам. К назначенному часу на радиостанции собралась почти вся дежурная смена. Но — напрасно. Передачи слышно не было. На другой день от Алексея Федоровича Трешникова на имя Альберта Крэри пришла радиограмма, в которой запрашивалось согласие связаться с Мирным по радиотелефону, чтобы передать для меня запись на пленке.

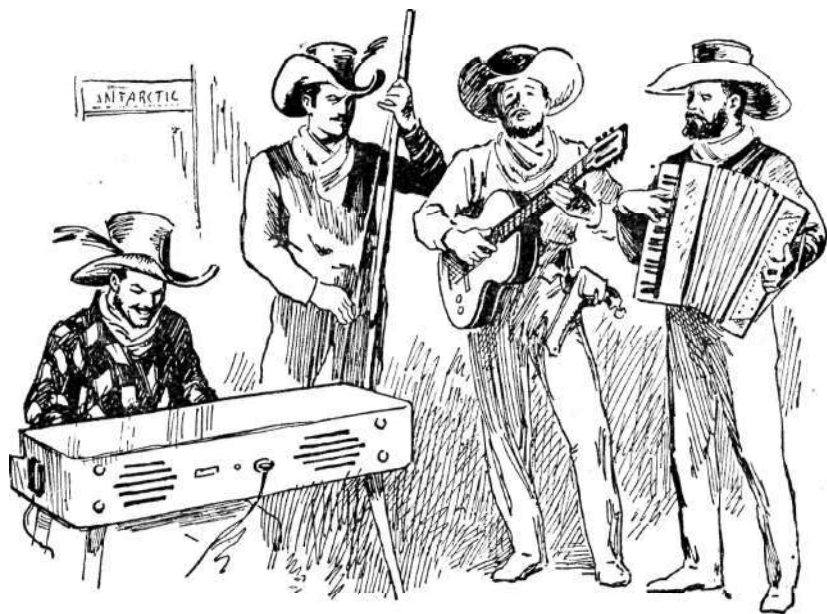
И вот наконец-то Литл Америка слышит голос советской южнополярной обсерватории Мирный! На лицах присутствующих довольные улыбки. Брус Лиски тащит магнитофон, радисты его подключают. Я слышу теплые слова приветия советских полярников, от которых меня отделяют почти три тысячи километров. Затем доносятся голоса родных. И хотя слышимость не особенно хорошая, радости нет конца. По окончании передачи со всех сторон посыпались вопросы. Я рассказал, что такие передачи для полярников Арктики и Антарктиды Московское радио устраивает регулярно. Кто-то воскликнул: «Ну, от нашего радио такого не дождешься!»

Зимние штормы уже сделали свое дело. Весь поселок погребен под метровым слоем снега. На поверхности торчат только трубы, мачты антенн и две башни. Температура упала до минус 35—40 градусов. В туннеле образуется легкий туман. Выходы из туннеля расчищаются бульдозерами. Были приняты меры противопожарной безопасности, повешены дополнительные огнетушители, установлены противопожарные посты. Пожар в Антарктиде — одно из самых тяжелых бедствий и может привести к катастрофическим последствиям.

Наши ежедневные прогулки в районе станции пришлось ограничить. Уходить далеко в такую темень небезопасно —

попадают трещины. В клубе поселка установили проигрыватель. Подобралось несколько человек любителей оперной музыки. Хозе Альварес, врач-стоматолог Адаме, начальник связи Питер Рейнольд, Рональд Тэйлор и я с большим удовольствием слушали «Тоску», «Чио-Чио-Сан», «Риголетто», «Травиату», «Севильского цирюльника». Хотя пластинок с записями русских и советских композиторов не оказалось, однако я узнал, что мои коллеги хорошо знают и любят Чайковского, Бородина, Глинку, Шостаковича, Прокофьева.

Бойко торговала поселковая лавка. На каждого зимовщика завели кредитный листок, куда вписывались стоимость

всех закупленных товаров. Лавка имела вполне «цивилизованный» вид. На полках были аккуратно разложены сигареты и табак различных сортов, кремы для бритья и бритвенные принадлежности, хотя больше половины всех зимовщиков усиленно отращивали бороду и усы. Жареный земляной орех в консервных банках, шоколад, конфеты, мыло, стиральный порошок, носки, носовые платки, фото- и киноплёнки, лампы-вспышки, конверты, бумага, марки, минеральное и обычное пиво — все это находило большой спрос. Во избежание чрезмерного употребления пива, на него установили лимит: не более сорока банок в месяц.

Раз в месяц устраивался официальный вечер отдыха для военных моряков, на который приглашались и научные работ-

ники. В таких случаях ужин отменялся. В зале отдыха устанавливали буфетную стойку, на которой расставляли бутылки с виски, соки. Доктор Адаме был главным виночерпием. Около буфетной стойки появлялись столы с холодной закуской и пирогами. Тут же в зале отгораживали эстраду, которую занимал самодеятельный джаз. Капеллан Золлер с аккордеоном, радиотехник Боб Грейс с губной гармошкой, фельдшер Батлер с гитарой, Дик Чаппель, аккомпанирующий на маленьком электропианино, — вот обычный состав джаза. Самым примечательным инструментом был большой оцинкованный таз. Из дырки, проделанной в центре таза, протягивали тросик к верхнему концу полутораметровой рейки. Нижний конец рейки упирался в дно таза. При пощипывании тросика слышались звуки, напоминающие контрабас. Ударяя ногой в крышку таза, можно было превратить его в ударный инструмент. На нем иногда играл кэптен Дикки. Как правило, джаз выступал в «форме» — широкополых самодельных войлочных шляпах и с цветными платками на шее.

Фельдшер Батлер украшал себя еще и ковбойским расписным поясом с кабурой, из которой торчала рукоятка револьвера. Выступала и «ледяная труппа», ставившая веселые скетчи на лобу дня. Душой театра и любимцем всех зимовщиков был никогда не унывающий, остроумный, мастер на все руки океанограф Билл Кроми.

В Литл Америке были и поклонники рок-н-ролла. Молодой радист Бойд Рассел до изнеможения копировал «короля» рок-н-ролла Элвиса Пресли. Я как-то спросил радиста, обладавшего приятным голосом, что он находит хорошего в подражании Пресли. Рассел удивился моей отсталости. Я невольно рассмеялся, а он, смутившись, заметил: «Но ведь это модно у нас».

В заключение вечера демонстрировался фильм вне расписания. Его выбирали по большинству голосов. Иногда программа вечеров несколько изменялась, и выступления самодеятельности заменяла игра «бинго», похожая на наше лото. Выигравшие получали чеки на два-пять долларов, которые могли реализовать в лавке.

18 июня удалось установить двустороннюю радиотелефонную связь с Мирным. Я разговаривал с Оскаром Григорьевичем Кричаком, а Гордон Картрайт, американский метеоролог в Мирном, со своими соотечественниками в Литл Америке.

Взаимный интерес советских и американских полярников к жизни и работе друг друга был очень велик. Решили еженедельно устанавливать радиотелефонную связь между Мирным и Литл Америкой.

Эти переговоры стали очень популярны, и зимовщики обеих станций ждали их с большим нетерпением. Начальник свя-

зи Питер Рейнольдс внимательно следил за тем, чтобы эти переговоры проходили наилучшим образом, и всегда интересовался, довольны ли русские радисты работой своих американских коллег.

Отчеты о всех переговорах печатались в газете «Пингвин-пост».

В середине зимы многие зимовщики стали страдать бессонницей. Все, кому не спалось, приходили в столовую закутить и попить кофейку. Поскольку кухня ночью не работала, желающие перекусить и ночные дежурные сами готовили свои любимые блюда. Однако такая «самодеятельность» вскоре была запрещена, и для ночной смены стали выделять дежурного повара.

Совместно с Хозе Альваресом я проводил исследования атмосферной циркуляции над внутренними районами Антарктиды. Эта работа успешно продвигалась вперед, хотя и отнимала много времени, помимо 12 часов планового дежурства.

В июле разразилась сильная магнитная буря. Радиосвязь прервалась на три дня. Эти дни посвятили отдыху и хозяйственным работам. Перестирали белье, проявили заснятые пленки. «Парикмахер» Центра погоды Хозе Альварес привел в божеский вид наши шевелюры. Все помылись и как следует отоспались. Зато впоследствии пришлось работать вдвойне, чтобы восполнить пробел, образовавшийся в синоптических материалах за дни радиоблокады.

У научной группы имелась своя библиотека, где наряду со специальной литературой была и беллетристика. Долгов время я не подозревал о ее существовании и совершенно случайно обнаружил несколько полков, заставленных боевиками в пестрых обложках. Тут же стояли и книги Марка Твена, Диккенса, Жюль Верна, Достоевского. Библиотека не пользовалась особой популярностью, и сюда приходили чаще всего для того, чтобы в тишине написать письмо или перелистать журналы.

Из Мак-Мёрдо сообщили, что на станции разбился вертолет. Один человек погиб, а трое получили тяжелые ушибы и ожоги. Это был уже четвертый вертолет, разбившийся в американской экспедиции за два года.

В конце августа над шельфовым ледником Росса бушевал ураган. Три дня никому не разрешалось выходить наружу. Впрочем, это и невозможно было сделать. Все входы и выходы в наше подземное царство были занесены снегом. После того как стих ураган, два дня снег расчищали пять мощных бульдозеров. А чтобы выбраться наружу и открыть ворота гаража, пришлось использовать потолочные люки туалетно-душевого павильона, где снега оказалось не так много. С аэродрома «Кил филд» сообщили, что ураган сорвал с креплений

и разбил самолет. Поехали осматривать место происшествия на автомобиле «Снежный кот», который шел вслед за бульдозером, расчищавшим дорогу. На аэродроме стояли занесенные снегом четыре двухмоторных и два одномоторных самолета «Оттер». Третий такой же самолет сорвало и отбросило метров на 600 в сторону.

Аэродромные постройки, так же как и поселок Литл Америка, погребло под толстым снежным покрывалом. Видны были только радиолокационная станция и командная башня. Обслуживающий персонал расчищал входы в помещения и откапывал самолеты. Тут же бегал единственный в Литл Америке пес Клем. Он прославился тем, что очень любил мороженые сосиски и всегда разыскивал их, где бы они ни были спрятаны. Летчики любили и баловали пса. Пожалуй, в истории Антарктиды ни одна ездовая собака не находилась в таком привилегированном положении. Клему очень понравились мои унты из собачьего меха, и он не отходил от меня ни на шаг, пока я был на аэродроме. Авиаторы шутили, что мне придется подарить унты Клему.

Вскоре состоялся радиотелефонный разговор между руководителем советской континентальной экспедиции Алексеем Федоровичем Трешниковым и руководителем научных работ на американских антарктических станциях Альбертом Крэри. За плечами у обоих ученых большой опыт полярных исследований. Трешников работал на дрейфующей станции «Северный полюс-3», а Крэри дрейфовал на ледяном острове Т-3 в Арктике в 1952—1953 и 1955 годах. Он провел там в общей слож-

ности 500 дней. Оба руководителя обменялись приветствиями и приглашениями посетить свои станции.

Астрономически восход солнца над Литл Америкой должен был быть 21 августа, но сплошная облачность надолго задержала появление светила. Восход солнца отметили церемонией подъема флага и веселым праздничным вечером в клубе.

Жизнь пошла веселей. Стали поступать телеграммы с планами замены зимовщиков, сроками первых перелетов самолетов, прихода кораблей.

Альберт Крэри и его помощники начали готовиться к большому четырехмесячному летнему походу по окраинам шельфового ледника Росса. Санно-тракторный поезд должен был отправиться на внутриконтинентальную станцию Берд, расположенную в 1200 километрах от Литл Америки. С нетерпением все ждали самолетов с почтой, свежими фруктами и овощами, яйцами и молоком.

За день до выхода санно-тракторного поезда устроили торжественные проводы участникам похода. Наша смена дежурила, и мы не могли присутствовать на вечере. В служебное помещение Центра погоды один за другим приходили отъезжавшие. Мы жали им руки, желали удач. Ко мне подошел тракторист Вильям Брэдли и, протягивая изящно сделанный им из кожи бумажник с изображением пингвина на одной стороне и надписью «Литл Америка» на другой, сказал: «Может быть, мы никогда больше не встретимся, и я хочу, чтобы этот подарок всегда напоминал вам, что американцы и русские могут дружить». Я сердечно поблагодарил Вильяма и пожелал ему счастья и успехов.

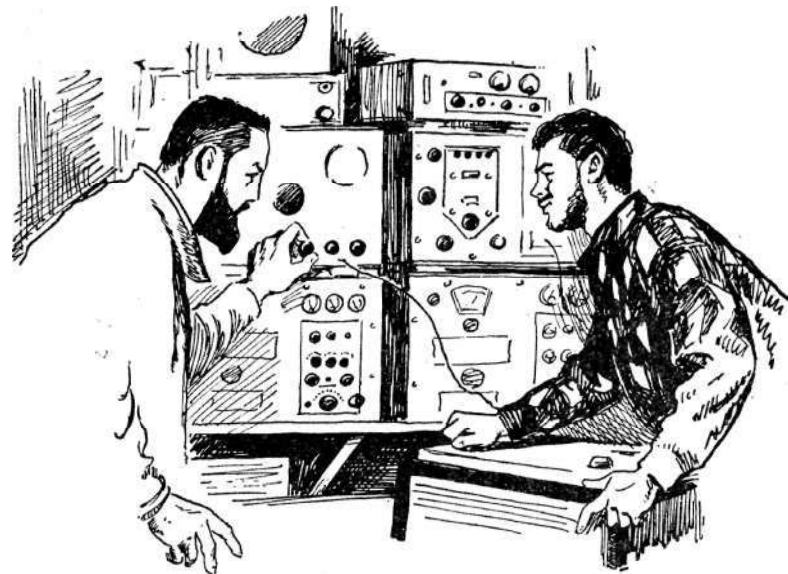
Наутро 1 октября гул семи мощных тракторов возвестил о том, что поезд готов к отправке. На всех тракторах развевались различные флаги: тут и государственные флаги разных стран, и флаги штатов, и самодельные вымпелы, и даже черный флаг с пиратской эмблемой — черепом со скрещенными костями.

К каждому трактору прицепили по двое 20-тонных нагруженных с верхом саней. Колонну возглавлял вездеход командира и вездеход с, трещинным детектором — установкой для определения трещин по пути следования. Я подошел к санному поезду, когда он уже тронулся. Догнав трактор Брэдли и взобравшись на мостик, я протянул Вильяму шарф из верблюжьей шерсти и шерстяные перчатки. Он благодарно улыбнулся и что-то сказал, но из-за адского шума моторов я ничего не расслышал. Тракторы медленно удалились.

Через три дня из Новой Зеландии в Мэк-Мёрдо прилетел первый самолет «Глобмастер». Сообщение это встретили с энтузиазмом. Пришла первая почта! А 4 октября произошло

событие, взбудоражившее не только обитателей Литл Америки, но и весь мир.

Сменившись с ночного дежурства, я ушел спать. Зайдя после отдыха в столовую, я с недоумением заметил, что на меня устремлены взоры всех присутствующих. Со всех сторон ко мне тянулись руки, меня поздравляли. Ничего не понимая, я спросил, в чем дело. Мне наперебой стали рассказывать, что радио только что сообщило о запуске в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли.

— А как по-русски будет спутник?

— Спутник, — ответил я.

Это событие долго обсуждалось в Литл Америке. Дик Чапель и Питер Рейнольде записали сигналы спутника на магнитофон. В беседе за чашкой кофе Брус Лиски как-то мне сказал:

— Знаешь, Владимир, мы, американцы, все на свете проспали. Мы ведь считали, что вы слабы и далеки от нас. Спутник — это хороший урок

Позднее, когда стало известно, что и американский спутник вышел на орбиту, на стене в столовой появился рисунок, изображающий большой советский межпланетный пассажирский корабль, навстречу которому летит маленький американский спутник. Один из пассажиров корабля говорит: «О, я вижу США наконец-то запустили своего спутника».

Наконец приземлился на станции самолет, который задержался из-за плохой погоды. Недостатка в помощниках перенести мешки с почтой и рассортировать ее не было. У окна почтовой конторы образовалась длинная очередь. Ожидавшие нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Кроме писем от родных и друзей мне вручили огромную кипу советских газет и журналов, присланных заботливыми товарищами из советской миссии в Новой Зеландии.

На полученные мною конверты и марки был такой спрос, что мне с трудом удалось распределить их между коллекционерами. С большим интересом зимовщики рассматривали журналы «Огонек» и «Крокодил». Требовали подробных объяснений и в конце концов все журналы забрали у меня на память.

В октябре в Литл Америку прилетел один из пионеров воздушных исследований Антарктиды — известный американский полярный летчик сэр Губерт Уилкинс. Ему* 69 лет, но он бодр и жизнерадостен. Уилкинс рассказал о том, как принимал участие в розысках самолета советского летчика Леваневского. Он сказал, что у него остались приятные впечатления от прежних встреч с советскими полярниками и что, если ему позволит время, он хотел бы побывать в Мирном. Губерт Уилкинс подарил мне на память свою фотографию с надписью.

Установилось регулярное воздушное сообщение между Новой Зеландией и станцией Мак-Мёрдо. В Литл Америке стали появляться новые лица: представители научных учреждений, корреспонденты, кинооператоры, научный состав летних полевых партий и, наконец, группа конгрессменов. За всеми ими прочно укрепился титул—«летние туристы».

В конце октября в партии Альберта Крэри, отправившейся в поход для гляциологических исследований, произошел несчастный случай. Гляциолог Питер Шоек, обследуя на лыжах террасу, провалился в глубокую трещину. По счастливой случайности, ему удалось задержаться на ледяном выступе на глубине 20 метров. В партию Крэри немедленно вылетел одномоторный самолет. А тем временем молодой ученый Беннетт, обвязавшись веревкой, спустился в трещину и помог выбраться пострадавшему на поверхность. Оказалось, что у Шоека сломаны три ребра и проколото легкое. Его быстро доставили в Мак-Мёрдо, а оттуда в госпиталь на Новую Зеландию.

Прилетевший из Мак-Мёрдо корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Бил Беккер рассказал, что туда прибыл первый американский пассажирский самолет и на его борту были две стюардессы. Это вызвало настоящую сенсацию. Адмирал Джордж Дюфек, командующий «Операцией сильных моро-

зов», как называли американцы свою антарктическую экспедицию, заявил: «Это исторический случай. Они почти на 500 миль ближе к Южному полюсу, чем была какая-либо американская женщина». Стюардессы участвовали в гонках американских и новозеландских собачьих упряжек, а затем определяли победителей в соревновании по отращиванию бород среди зимовщиков Мак-Мёрдо.

Сообщение о запуске второго советского искусственного спутника надолго стало основной темой разговоров в Литл Америке. Его вес изумил американцев. Джо Кранк высказал в шутку предположение, что я вернусь домой на пассажирском спутнике.

В Литл Америку прилетели доктор Векслер и гляциолог профессор Мичиганского университета Джеймс Замберг. Доктор Векслер руководит выполнением программы летних работ на всех американских антарктических станциях. Он очень деятелен, его громкий голос часто слышен то в служебных помещениях и лабораториях, то на узле связи.

Когда мы с Хозе познакомили доктора Векслера с нашими исследованиями, он удивился, что мы смогли сделать так много, помимо выполнения нашей основной повседневной работы.

Джеймс Замберг занимался изучением деформации шельфового ледника Росса. В рекогносцировочный полет на одномоторном «Оттере» он пригласил Хозе и меня. Когда мы пролетали над островом Рузвельта, меня поразило обилие трещин — больших и малых, узких и широких, открытых и с перекинутыми кое-где снежными мостами. Когда смотришь на эти трещины с воздуха, возникает даже какое-то неприятное ощущение.

У окраины ледяного барьера мы заметили множество черных точек. Самолет снизился, и мы пронеслись над лежбищем тюленей. Некоторые из них, напуганные шумом, задвигались. Большинство же лишь приподняли голову. В этом районе профессор Замберг и выбрал место для своего полевого лагеря.

В ноябре в Литл Америку прибыл адмирал Дюфек. На подходе к станции у самолета, на котором он летел, отказал один мотор, а при посадке загорелся второй и сломалась лыжа. Однако опытному летчику Кули удалось все же благополучно посадить машину, и пассажиры отделались лишь легкими ушибами.

Адмирал Дюфек подробно расспросил меня о том, как я провел зиму, нет ли каких-нибудь пожеланий. Он сказал, что американские моряки будут рады приветствовать дизель-электроход «Обь» в Литл Америке, и пригласил меня посетить станции Берд, Южный полюс и Мак-Мёрдо.

Наконец 30 ноября прибыла наша смена. Новый руководитель Центра погоды Томас Грей работал в Бюро погоды Вашингтона. Еще два американца — метеорологи Генри Кочран и Николас Ропар — сразу же стали интересоваться своей предстоящей работой. Остальные три метеоролога — представители других стран. Гарри Ван Луи из Южноафриканского бюро погоды. Он давно уже занимается вопросами антарктической метеорологии, но работать в Центре погоды будет только в летний период. Француз Джон Альт и австралиец Морлей останутся зимовать. Хозе сменил его соотечественник Альберто Арруис. Я получил радиограмму от Трешникова, что мне на смену должен прибыть ленинградский метеоролог Павел Дмитриевич Астапенко.

После того как новый состав Центра погоды приступил к работе, на нашу долю осталась лишь роль консультантов.

Первым из нас покинул Антарктиду Хозе. Мы с Брусом проводили его на аэродром. Расстались с чувством большого сожаления, договорились писать друг другу, информировать о ходе своих научных работ и обмениваться планами.

Командир авиационного отряда Литл Америки Валдрон пригласил меня осмотреть лагерь экспедиции Ричарда Берда 1939—1941 годов станцию Литл Америка III. Выдался чудесный солнечный день. Через полчаса мы уже прилетели на место, но увидели только несколько столбов и мачт. Слой снега над лагерем достигал 6—7 метров.

Через вырытый в снегу шурф мы спустились к люку, ведущему в колодец, который служит теперь единственным путем в подснежный лагерь. Большой дом с ангарообразной крышей, куда мы попали, оказался помещением штаба американской воздушной антарктической экспедиции 1946—1947 годов, которая называлась «Высокий прыжок».

Просторный ход ведет из этого помещения в дом экспедиции Берда. Здесь все хранит следы давно оставленного жилья. В госпитальном отсеке в шкафу сохранились пузырьки с лекарствами, на полках коробки из-под сигар, на двухъярусных койках, установленных вдоль стен, брошена одежда. В центре дома две чугунные печки—станция Литл Америка III отапливалась углем. На полу обрывки кабеля и поломанная дистанционная метеорологическая станция. В туннеле, примыкающем к дому, остались большие запасы продовольствия. Тут и мед, и мука, и ящики с различными консервами, и сыр в бочонках. Этим запасам хватило бы, пожалуй, еще на год. Оказывается, перед нами сюда приходил трактор с санями из Литл Америки V и вывез такие деликатесы, как мед, варенье и консервы из крабов и сардин. Мы осмотрели глубокий гляциологический шурф — колодец. Вырыт он был 18 лет назад для изучения деформации ледника. Сейчас особен-

но хорошо видно, какой неправильной формы стали стенки колодца.

Осталась на станции и одна «историческая» реликвия — гигантский снегоход «Снежный крейсер». Полностью его осмотреть нам не удалось, от снега была освобождена только верхняя часть кабины с выходным люком. Это настоящий корабль на колесах; весит он 33 тонны. Диаметр колес с резиновыми шинами 3 метра. Длина крейсера 18 метров, ширина 6,5 и высота 5 метров. В нем размещалась команда из четырех человек. Впереди расположена кабина водителя, затем небольшая столовая, спальная кабина, кают-компания, кладовая и машинное отделение с дизель-электрической установкой. Запаса топлива крейсеру должно было хватать на 500 миль. Крейсер строился в железнодорожных мастерских Пульмана по проекту доктора Томаса Пуултера и обошелся в 150 тысяч долларов. Предполагалось использовать его для похода к Южному полюсу. На крыше крейсера должен был быть установлен легкий самолет для воздушной разведки маршрута.

Однако вся эта затея закончилась бесславно. Струженный с борта экспедиционного судна, «Снежный крейсер» с великим трудом преодолел несколько миль, отделявших лагерь от корабля. Колеса буксовали в мягком снегу, а мощность двигателей оказалась явно недостаточной. Крейсер был оставлен в лагере с надеждой использовать его в следующее лето. Но и тогда попытка не увенчалась успехом, и машина была обречена на вечное погребение под снегом. В кабине водителя сохранились памятные конверты с изображением крейсера и надписью: «Снежный крейсер» достигает Южного полюса». На стене машинного отделения мы прочитали: «Надеюсь, Вы будете более удачливы, чем я, — надо быть магом, чтобы сделать эту работу».

Через несколько дней, просматривая доставленные нам новозеландские газеты, я прочитал статью о том, что американская журналистка Элен Хартман, она же актриса, «прекрасная молодая женщина с лицом и фигурой кинозвезды», хочет побывать на Южном полюсе. Она заявила корреспондентам: «Когда-нибудь какая-нибудь женщина должна же быть первой на Южном полюсе. Я чувствую, что адмирал Дюфек предоставит мне эту привилегию».

Напрасно пролетела Элен Хартман 10 тысяч миль из США в Новую Зеландию. Адмирал Дюфек был непреклонен и не разрешил ей не только побывать на Южном полюсе, но и даже пролететь над ним. Впоследствии я спросил адмирала, почему он не внял мольбам журналистки. Тот шутливо ответил: «Пусть Антарктида остается «мужским» континентом».

Использую свободное время и на попутном вертолете лечу в гляциологический лагерь профессора Замберга. Среди

трещин, обозначенных флажками на бамбуковых палках» фургончик на санях — кухня и радиостанция, в палатках — жилье и электродвижок. Лыжи, воткнутые в снег. Меня радостно встречает Дик Чаппель, уже неделю помогающий гляциологам в наблюдениях. Вместе с Диком и еще одним гляциологом спускаемся на канате в трещину глубиной 30 метров. На всю глубину трещины в ледяной стене установлены термометры, видны отверстия, оставшиеся от взятых проб снега и льда. Над головой, вызывая неприятное ощущение, навис снежный мост. Дик и гляциолог спокойно рассказывают о наблюдениях, проведенных здесь. Как только мы выбрались на поверхность, часть снежного моста обрушилась за нашими спинами. Как будто мост только и ждал этого момента. К счастью, засыпало только часть трещины в гляциологам не придется подыскивать новый объект.

По возвращении в Литл Америку застаю в нашей комнате «разгром». Джо сообщает, что через несколько часов почти вся научная группа улетает в Мак-Мёрдо, а оттуда в Новую Зеландию и дальше домой.

Помогаю ему собраться. Отъезжающих оказывается слишком много, и к парадному подъезду подается трактор с большими санями. Провожая коллег на аэродром. Там напоследок фотографируемся. Самолет вырывает на старт. В иллюминаторы видны лица, мне прощально машут руками, сжимают их в рукопожатии.

Во время очередного радиотелефонного разговора Оскар Григорьевич Кричак сообщил мне, что предполагавшийся визит в Литл Америку дизель-электрохода «Обь» не состоится. Из Мирного «Обь» направится на Новую Зеландию, чтобы доставить советских ученых для участия в антарктическом симпозиуме в Веллингтоне. Поскольку программа океанографических работ «Оби» очень обширна, времени для визита уже не остается. В Мирный с визитом должен отправиться американский ледокол «Бертнайлэнд».

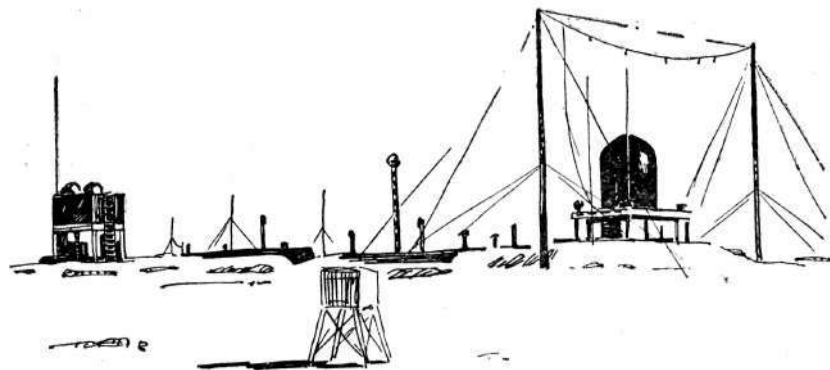
Попадаю в довольно затруднительное положение. Полеты из Новой Зеландии в Мак-Мёрдо прекратились: лед на аэродроме подтаял, посадка опасна. Самолеты должны были начать рейсы лишь в конце марта. Кэптен Майер* предложил мне вылететь в Мак-Мёрдо и там ждать прихода военного транспорта «Гринвилл Виктори», который затем должен был направиться в Новую Зеландию. Оттуда я вылечу самолетом на родину.

И вот снова Мак-Мёрдо. Адмирал Дюфек любезно разрешил мне слетать на Южный полюс. 5 января два патрульных бомбардировщика «Нептун» поднялись со снежного аэродрома Мак-Мёрдо. Самолеты летят по тому маршруту, которым 45 лет назад продвигался к полюсу Роберт Скотт. Под нами проплывают величественные ледники Нимрод, Бирдмор. Выступающие из-под снега склоны гор бурого, местами красновато-бурого цвета. Но вот горная цепь кончилась, и самолет идет над Полярным плато.

Картина бескрайней снежной пустыни, покрытой застругами, настолько монотонна, однообразна, что устаешь смотреть и невольно клонит ко сну.

Через пять часов двадцать минут полета кэптен Майер, который тоже отправился на Южный полюс, похлопал меня по плечу и показал вниз. Вот и постройки станции Амундсена — Скотта, расположенной на Южном географическом полюсе. Самолет делает круг и заходит на посадку.

Следом за нами садится и второй самолет. К нам бегут зимовщики. Среди них у меня были старые знакомые — микрометеоролог Пауль Дарлумпл, австрийский ученый доктор Хойнкинс и магнитолог Рональд Виетс. В Литл Америке

* Кэптен Майер, сменивший кэптана Дикки.

Хиллари

в Литл Америке. На крыше главного здания укреплен полосатый шест с зеркальным шаром, символизирующим «дно» земного шара.

У входа в помещение стоит группа людей в оранжевых куртках и брюках, на голове у них вязаные шерстяные шапочки, на многих мягкая обувь, похожая на бахилы.

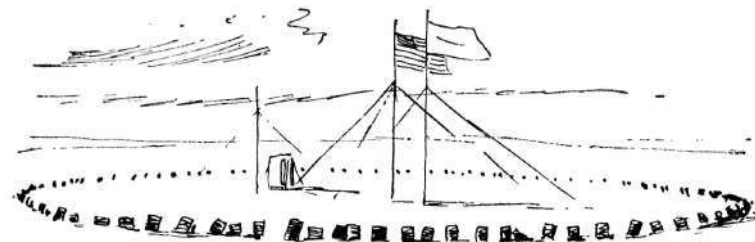
Костюмы почернели от копоти и покрыты масляными пятнами. Пауль знакомит меня с этими людьми. Я пожимаю руку высокому худощавому человеку с небольшой бородой. Это сэр Эдмунд Хиллари, первый в мире достигший вершины Джомолунгмы А сейчас он третьим в истории Антарктиды, после Амундсена и Скотта, дошел до Южного полюса по снегу. Его переход был частью большой трансантарктической экспедиции англичан под руководством доктора Фукса.

Англичане должны были пересечь Антарктиду, двигаясь от моря Уэдделла через Южный полюс к острову Росса. На партию новозеландцев во главе с Эдмундом Хиллари была возложена задача создать на этом пути вспомогательные базы горючего и продовольствия для партии доктора Фукса и встретить ее на Южном полюсе. Когда Хиллари достиг полюса, Фукс все еще продвигался к нему. Встречались очень высокие заструги, выходили из строя снежные автомобили. Все это нарушало намеченный график движения.

Эдмунд Хиллари показал мне машины, на которых его партия совершила переход. Это простые колесные тракторы, годные, пожалуй, только для работы в саду. На колеса надеты резиновые шкивы с металлическими ребрами. Сиденье

Пауль Дарлумпл провел серию уникальных метеорологических наблюдений в приземном слое над снежной поверхностью, а теперь собирается на Южном полюсе прозимовать второй год, чтобы дополнить свои исследования. Он исключительно добросовестный работник, страстный болельщик бейсбола и очень остроумный человек.

Виетс и доктор Хойнкинс прилетели на Южный полюс, чтобы провести здесь серию месячных наблюдений. После взаимных приветствий, обмениваясь на ходу новостями, мы двинулись к станции. Она также занесена снегом, хотя и не таким толстым слоем, как

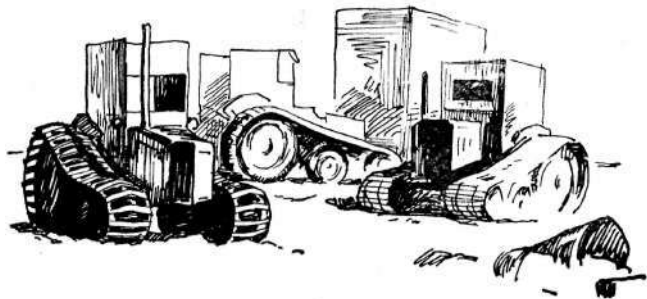
водителя огорожено сзади и с боков фанерными щитами и совершенно открыто сверху. К одному трактору прицеплены крытые сани. Заглянув внутрь, я увидел четыре койки со спальными мешками, портативную кухонную плиту и радиостанцию. Я поинтересовался, как будет возвращаться отсюда Хиллари. Он сказал, что решил оставить тракторы здесь навсегда и вылететь со своей партией самолетом на станцию Мак-Мёрдо.

Пауль показал мне самое достопримечательное — точку Южного географического полюса. От станции до нее метров 500. Это круг радиусом сто метров, обозначенный бочками из-под горючего. В центре круга на расстоянии 10 метров друг от друга установлены две мачты. На них развеваются американский флаг и флаг Организации Объединенных Наций. Между этими двумя мачтами и находится точка Южного географического полюса. На стенках фанерной будки, построенной внутри круга, оставляют свои автографы все посетившие полюс. Станция Амундсена — Скотта сооружена из материалов, доставленных туда самолетами. Все необходимое для зимовщиков сбрасывают на парашютах с самолетов «Глобмастер».

Американский сейсмолог Даниэль Линенхем сейсмическим зондированием определил, что толщина льда и снега у Южного полюса составляет 8297 футов*. Подстилающая поверхность — твердый грунт, возвышающийся над уровнем моря на 903 фута. Зимовщики на станции вырыли гляциологический туннель. Длина его 95 метров, он опускается под углом на глубину до 30 метров. Мы с Паулем спустились в туннель. Сюда проведена электропроводка, и лампочки горят через каждые 10 метров. От нашего дыхания в туннеле образуется туман.

Термометры на дне туннеля показывали минус 62° С, в то время как на поверхности температура минус 20° С. С большим трудом поднялись наверх. Сердце билось так уча-

* Фут — 0,32 метра.— Прим. ред.

шенно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Не хватало воздуха. Останавливались передохнуть через каждые пять-шесть шагов. Такую низкую температуру на высоте 3000 метров над уровнем моря перенести без тренировки очень трудно. У входа в туннель сооружена ниша, в которой установлен манекен женщины. Указав на него, я сказал Паулю, что напрасно Элен Хартман так торопилась первой посетить полюс — ее уже опередили. Мы осмотрели также служебные и жилые помещения станции. Все устроено аккуратно, компактно, удобно для работы и отдыха. Здесь, пожалуй, уютнее, чем в Литл Америке, и тем более лучше, чем в Мак-Мёрдо.

Нам пора лететь обратно в Мак-Мёрдо. Ревут моторы, взрываются ракетные ускорители, и самолеты с трудом отрываются от снежной поверхности. С нами летят Эдмунд Хиллари и четыре его спутника-новозеландца. Доктор Хойкинс и Рональд Виетс — на втором самолете.

Когда мы были уже у острова Росса, на посадочную полосу опустился туман. Но все же наш самолет, сделав два круга, пошел на посадку. Раздался сильный треск, толчок — и нас раскидало по кабине. Взревели моторы. Машину встряхнуло еще раз, и из правого мотора показалось на мгновение пламя. Пробежав сотню-другую метров, машина остановилась. Все облегченно вздохнули. Второй самолет не рискнул идти на посадку и еще минут сорок кружил в воздухе, пока не приняли все возможные меры предосторожности. И вскоре он сел благополучно.

Эдмунд Хиллари пригласил меня осмотреть новозеландскую станцию «База Скотта», расположенную в двух километрах от Мак-Мёрдо. Дорога на станцию проходит мимо холма, на вершине которого сооружен трехметровый деревянный крест, обложенный крупными камнями. На нем вырезано:

В память
капитана *Р. Ф. Скотта*, офицера флота,
доктора *Э. А. Уилсона*, капитана *Л. Э. Дж. Отса*,
лейтенанта *Г. Р. Боуэrsa*, квартирмейстера *Э. Эванса*,
умерших на своем обратном пути с полюса в марте 1912 года.
*«Бороться и искать,
найти и не сдаваться»*

Новозеландская станция невелика. Здесь всего пять домов,, соединенных туннелем из листов ребристого железа. В жилых домах маленькие уютные комнатки на одного человека. В небольшой кают-компани портреты английской королевы и Роберта Скотта. Лаборатории просторны и светлы. Несколько вездеходов, собачьих упряжек и самолет-малютка, поднимающий пять пассажиров или 500 килограммов груза, — вот все транспортные средства новозеландцев.

Но они широко используют авиацию и корабли американцев для доставки грузов и людей из Новой Зеландии в Антарктиду. И те, и другие зимовщики ходят друг к другу в гости. Правда, чтобы избежать лишние, мешающие работе хождения, перед посещением зимовщик должен позвонить по прямому телефону на станцию и попросить разрешения навестить ее.

Новозеландцы проводят геомагнитные, метеорологические, океанографические, ионосферные, гляциологические и сейсмологические наблюдения. Приняли меня на станции очень тепло, и я провел там больше половины дня.

Ждать прибытия транспорта «Гринвилл Виктори», который должен был доставить меня в Новую Зеландию, пришлось довольно долго, так как ветер с моря прижал к кромке припая дрейфующий лед, и судно не могло подойти для выгрузки и погрузки. Ежедневно мы ходили на берег смотреть, не улучшилась ли обстановка. Дни начали казаться месяцами.

На одномоторном «Оттере» поднялись над кратером единственного действующего в Антарктиде вулкана Эребус высотой 4400 метров. Из кратера поднимались клубы белого дыма. Несколько раз пролетели над мысами Эванс и Ройдс на высоте 100 метров. Насколько возможно было, рассмотрели хорошо сохранившиеся дома экспедиции Шеклтона и второй экспедиции Скотта. Вокруг них бродили полчища пингвинов, а на льдинах у берега грелись на солнце тюлени.

Наконец «Гринвилл Виктори» подошел к кромке льда — и я на борту транспорта. На корабле зимовщики привели себя в цивилизованный вид, приняли горячий душ. Профессор Замберг стриг всех желающих. На палубе слышались музыка, песни. Кругом веселое оживление. Заработали машины, вспенилась вода за кормой, и корабль, набирая скорость, лег курсом на север. Прощай, Антарктида!

Жан
Мерриен

ФАНАТИКИ
МОРЯ

Рассказ Джонсона

1876 ГОДУ вся Америка праздновала столетие провозглашения независимости. Везде в честь юбилея старались сделать что-нибудь сенсационное. Наш брат, рыбаки, сначала тоже ломали голову, но потом бросили: не показывать же пойманную треску! Этим никого не удивишь, какой бы огромной она ни была. Хозяйки каждый день видят на рынке всякую рыбу, хотя и не понимают, каким трудом она достается. Они даже не подозревают, что в любую погоду, зимой и летом, в туман, дождь и снег, когда ветер дует как из рогов дьявола и поднимает колоссальные волны, мы тянем бесконечную сеть и вытаскиваем свою добычу, которая не

очень-то охотно соглашается вылезать из воды. Еще хорошо, если к концу дня удастся вернуться на шхуну, — иногда приходится по нескольку дней дрейфовать в лодке. Ничего не поделаешь, такое уж наше дело.

Однажды после удачного улова я шатался с приятелями по Филадельфии. Мы прилично выпили, и один вдруг громко заорал:

— Нашел! Нужно переплыть Большую Лужу* на плоскодонке.

— На плоскодонке? А куда ты положишь еду для двух парней? Да и Лужа не маленькая.

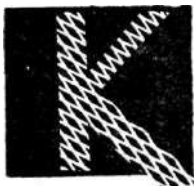
— С двумя парнями ничего не выйдет, нужен только один. Мне самому пришлось как-то раз шесть дней добираться до Ньюфаундленда совсем одному — мой матрос упал за борт и утонул. Дуло дьявольски, но лодка выдержала, и я тоже. Понятно?

— А что, было бы шикарно послать на выставку лодку, которая пересекла Атлантику с экипажем из одного-единственного янки. До этого еще никто не додумался...

Потом мы начали рассуждать о чем-то другом, и разговор забылся.

Большая Лужа, Сельдяная Лужа — так иронически называют Атлантический океан американские и западноевропейские моряки и рыбаки. — *Прим. ред.*

ОТ РЕДАКЦИИ

НИГА Жана Мерриена «Фанатики моря», вышедшая в Париже в 1956 году, повествует о первых плаваниях в одиночку через океан.

«Под парусами вокруг света» Джошуа Слокама, «Отчаянное путешествие» Джона Колдуэлла, «За бортом по своей воле» Алена Бомбара... — вот взволнованные рассказы о беспредельном человеческом мужестве, о победе человека над слепыми и могучими силами природы, о человеке, дерзнувшем один на один сразиться со стихией.

Разные причины толкали этих людей на подвиг, но всех их объединяет одно: любовь к морю, уверенность в том, что и один человек может победить в трудной борьбе с океаном, стремление разрушить слепой страх одинокого человека перед грозной стихией, страх человека, спасшегося во время кораблекрушения и почти неизбежно погибавшего потом.

В помещаемом здесь отрывке «Рассказ Джонсона» из книги Жана Мерриена рассказывается об одном из самых первых плаваний в одиночку через Атлантический океан. Простой американский рыбак Джонсон за 46 дней переплыл «Сельдяную

Но все-таки эта мысль крепко засела в моей голове.

Я поговорил со своим матросом, неким Джонни. Он решил, что я сошел с ума или хочу покончить с собой.

В те времена немногие маленькие суда переплывали океан. Да они и были значительно больше плоскодонок.

В 1856 году «Чартер Оук», которая была обычной яхтой, совершила первый трансатлантический переход. Ее экипаж состоял только из двух человек — американского капитана Уэбба и одного матроса. Яхта была длиной 13,1 и в ширину 4,05 метра. Переход из Нью-Йорка в Ливерпуль оказался нетрудным — все время дули попутные ветры.

Тут Джонсона прервал Жобиг:

— А через десять лет, в 1866 году, появились «Элис» (правда, на ней было шесть человек команды) и первое действительно маленькое судно — «Рэд, Уайт энд Блю».

— Ого! А ты уверен в этом, парень? Сколько тебе было в 1866 году?

— Восемь лет. Но в те времена, да и много лет спустя, когда я вырос и уже все понимал, об этом везде только и говорили.

— Отлично. Значит, ты должен помнить все. Именно все. Понимаешь?

Жобиг засмеялся.

— Да, понимаю. Были люди, которые не верили в это.

Лужу» на плоскодонной лодке «Сентенниэл» — от Бостона до одного из маленьких портовых городков Англии Эберкэстла. Свое смелое плавание он посвятил столетнему юбилею независимости Соединенных Штатов Америки.

Во время плавания Джонсон испытал много приключений и не раз смотрел в глаза смерти. Плавание было исключительно опасным, так как рыбак был по-настоящему один, с очень небольшим запасом пищи и воды. Единственными навигационными инструментами ему служили простой компас и старинные золотые часы.

Встретив на своем долгом морском пути несколько судов, Джонсон отказался от их помощи и сам добрался до берегов Англии. Надо добавить, что Джонсон не извлек из своего плаванья никакой материальной выгоды.

В дальнейшем некоторые американские газеты, спекулируя на подвиге Джонсона, организовали «Первую трансатлантическую гонку одиночников», учредили крупные денежные призы, а самого Джонсона пытались привлечь к организации этой опасной и нечистой игры. Однако он, простой рыбак, отказавшись от такого предложения, обратился через газеты к участникам гонки со следующим письмом:

— Я тоже. Подумай только, двое парней из Нью-Йорка — Хадзон и Фитч — берут старый железный вельбот (конечно, с воздушными ящиками) и переделывают его в трехмачтовое судно... Представляешь, вельбот длиной 8,4 метра в трехмачтовое судно с прямыми парусами! Как ты будешь управлять такой посудинкой? Ведь не полезешь же на мачты вельбота? При малейшем порыве ветра такой «корабль» перевернется или потеряет все верхние паруса. Правда, года два до них было еще одно такое дело: другой нью-йоркский циркач, Доновен, собрался пересечь океан на четырехметровой шлюпке, вооруженной как шхуна-бриг. Называлась она «Вижен».

Он взял с собой одного матроса, некоего Спенсера, и собачонку Тоби. Этим предприятием заинтересовалась «Нью-Йорк геральд»; она оплатила их расходы и, конечно, подняла страшный шум. Ах, уж эти мерзавцы журналисты! Простите, мистер Коум, не все, конечно. Но многие из них интересуются только сенсациями, если даже люди идут на верную смерть. Так оно и оказалось на самом деле: спущенное на воду 17 июня 1864 года в Ист-Ривер, судно снялось с якоря 26-го и в лавировку вышло из порта. Ты понимаешь, четырехметровый парусник и лавировка! Эти чудачки были больше парусов, настоящая детская игрушка.

Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, и я был вне себя от восторга. Впрочем, эта спичечная коробочка делала очень

«Для того чтобы переплыть Атлантику в одиночку, нужно правильно выбрать и хорошо подготовить судно и самого себя, нужно иметь крепкий организм, быть неприхотливым, выносливым, отважным и настойчивым; кроме того, необходима многолетняя привычка к морю, постоянная, ни на минуту не ослабевающая осторожность. Отправиться в море, не обладая всеми этими качествами,— значит, подвергать себя смертельной опасности. И жизнь тех, кто решится испытать судьбу, будет зависеть от их мужества, опытности и от воли бога.»

Бостон, 15 апреля 1891 г., Эл. Джонсон».

Советским людям, совершившим немало бессмертных подвигов на море, будут близки и понятны простые и скромные, мужественные и смелые герои рассказа Жана Мерриена.

В публикуемом здесь отрывке из книги «Фанатики моря» Джонсон рассказывает историю своего плавания через Атлантику обедающим вместе с ним в трактире Эрве Мерриену, отцу автора книги, капитану дальнего плавания, старейшему лоцману Бостонского порта Жобигу и его приятелю журналисту Тому Коуму.

короткие галсы и едва двигалась, но все же ей удалось выйти в море.

Через несколько дней все газеты сообщили, что капитан Блит (это истинная правда, он мне сам рассказывал) встретил «Вижен» в 45 милях к востоку от острова Файр; совсем неплохо — 90 миль за два дня. Но потом... потом они исчезли. Не было найдено никаких следов Доновена, Спенсера и Тоби.

Однако это не помешало Хадзону и Фитчу через два года выступить со своей «Рэд, Уайт энд Блю». Но у них... у них все было основано на словах.

— Почему? Ведь видели их отплытие и то, как они прибыли в Маргейт, около Лондона?

— Да, видели. Видели, как они прибыли через 38 дней. 38 дней... Для перехода, который был на добрую треть короче, мне понадобилось 46, и нельзя сказать, что я тащился как старая телега. Из Нью-Йорка в Лондон за 38 дней. Скорость почти клиперская! Теперь тебе понятно?

Трое слушавших молчали.

— Ты никогда не видел, и вы, французский капитан, никогда не видели, как на борт судна поднимают вельбот? В открытом море?

— Видел, конечно, раз сто, а то и больше.

— Ну вот. Многие считают, что это именно они и сделали. Мне, конечно, неудобно высказывать свое мнение, могут подумать, будто я боюсь за свою славу. А чего бояться? Все равно их было двое, а я совсем один.

Джонсон замолчал на мгновение, потом продолжал, немного понизив голос:

— Я это хорошо знаю, мне самому предлагали прокатиться вместе с лодкой на одном корабле.

— Правда?

— Да. Об этом я расскажу в свое время. Турецкое судно. Никто ничего не узнал бы...

И если бы я не встречал корабли, которые могут подтвердить, день за днем, что видели меня в море, мне не поверили бы. Но они... следуя по обычному судоходному пути, ни разу никого не встретили... Я могу только сказать, что это по меньшей мере сомнительно.

— Гм. Но все-таки (говорил Жобиг, Том уткнулся в свои блокнот, отец внимательно слушал, потягивая пиво)... все-таки до твоего плавания был «Нонпарейль».

— Да, в 68-м. Презабавная машина!

— Я видел его! — воскликнул Жобиг. — Мне было десять лет, но я все отлично помню. Мне едва удалось убежать от одного рыжего, еще рыжее тебя, Том. Мы с приятелями забрались внутрь, и он долго гнался за нами. Это была настоя-

щая гонка по нью-йоркским докам! Я прекрасно помню «Нон-парейль» — огромный плот...

— Совсем не огромный, просто ты был слишком мал. Он состоял из трех резиновых сигар длиной по семь с половиной метров, привязанных веревками к настилу из досок. На палубе была поставлена палатка для команды.

О, когда Майке, Миллер и Мэллен объявили, что отправляются на этом сооружении в Европу, со всех сторон посыпались мрачные предсказания.

Должен признаться, я тоже считал их обреченными: что станет с резиной после длительного пребывания в морской воде? Никто не испытывал ее. Вдруг порвутся сигары? Будет ли плавать деревянная палуба? А если и будет, то наверняка плохо и не сможет выдержать веса парусов. И, наконец, дрейф. Плот мог двигаться только с попутным ветром.

— Но ведь твоя плоскодонка тоже не могла идти круто к ветру.

— В бейдевинд нет, конечно, но зато она шла в бакштаг. Они же двигались только на фордевинд. Вы все знаете, что в Северной Атлантике преобладают западные ветры. Это их устраивало. Но ветер мог отойти к юго-западу или даже к норд-весту, а то и к зюйду. Для обычного парусника, направляющегося в Европу, такой ветер все равно будет попутным, но их он мог отнести во льды между Гренландией и Исландией или в Саргассы, к южным штилям.

— Это верно, ветер не всегда дует чисто с запада, — заметил Жобиг. — В 1870 году капитаны Бакли и Примораз совершили переход из Ирландии к нам в Бостон на запалубленном шестиметровом вельботе «Сити оф Рагуза». Они плыли против преобладающих ветров, хотя их судно тоже не очень хорошо ходило в бейдевинд. Это было первое настоящее плавание вдвоем. И у них хватило смелости плыть на запад. Я видел их прибытие; они провели в море 84 дня, продукты почти кончились. Посудина начала течь, но им привалило дикое счастье — они нашли в море бочонок смолы и смогли починить свою лодку и варить пищу.

— Я тоже видел их. Успех «Сити оф Рагуза» и «Нонпарейля», прибывшего в Саутгемптон за 43 дня, заставил меня задуматься. Если «Нонпарейль», который ходил только на фордевинд, сумел добраться до Европы, почему бы моей плоскодонке под парусом не сделать то же самое? А раз два капитана прошли в обратном направлении, что значительно труднее, я и подавно пройду с запада на восток в одиночку.

— И вам никто не пытался помешать?

— О, неоднократно! Но ведь в Америке все можно, верно? Я ни у кого не просил помощи, и никто не обращал на меня особого внимания.

Я долго обсасывал эту идею и, наконец, когда столетний юбилей был совсем близко, решил.

Сначала устроил в лодке нечто вроде двойного дна, чтобы предохранить свое имущество и провизию от воды. Я решил взять запасной трос и немного парусины, чтобы в случае надобности произвести ремонт. Потом установил мачту, которую можно было поднимать и опускать вручную. На ней я поднимал грот и два фока, а иногда и прямой парус, позволявший мне при фордевинде не сидеть у руля. Но для того чтобы моя плоскодонка могла плавать под парусом, требовался балласт. Чугунные балластины занимали страшно много места, кроме того, их надо было как следует принаитовить, иначе... вы увидите, что могло бы получиться тогда.

Конечно, я не мог взять с собой столько провизии, чтобы каждый день устраивать пиршества, вроде сегодняшнего, или пить как бочка. Но мы, ньюфаундлендские рыбаки, привыкли жить без излишеств.

— Вы рассчитывали на рыбную ловлю?

— Ловить рыбу? Нет, черт возьми, у меня не было времени для остановок.

— Но рыба у поверхности?

— Ее нет в холодных водах. Кроме того, я знал, что у меня хватит работы: держать курс, делать повороты и спать.

— Как вы спали?

— Каждый вечер я опускал мачту, бросал плавучий якорь и спал — не очень удобно, правда, в клеенчатом плаще, который плохо защищал меня от брызг и дождя. Спал я пять-шесть часов — летом ночи там короткие. Вначале я вообще не мог спать, потому что проходил по судоходному пути и надо было смотреть в оба.

— А как вы держались на курсе?

— У меня был компас. Но не такой, как теперь; в нем не было жидкости, и стрелка непрерывно вытанцовывала на своей оси. Впрочем, я привык к этому, а как только вышел в открытое море, оставалось положиться на западный ветер...

— Разве? — вмешался отец. — Чистый вест привел бы вас во Францию, а не в Уэльс.

Джонсон рассмеялся.

— Вы правы, следовало взять немного к норду. Но, по правде говоря...

Он слегка покраснел и замолчал, улыбаясь.

— По правде говоря?

— Видите ли, в те времена я был всего лишь простым матросом и мало смыслил в цифрах. Я взял только большую путевую карту Северной Атлантики, на которой склонение вообще не обозначено. И если на своих мелях я знаю его на память, то в океане...

Он говорил с застенчивой улыбкой, как школьник, который хотя и не знал вопроса, но все-таки не провалился.

Жобиг тоже улыбался...

Отец спросил:

— Если вы не знали склонения, значит, ваш компас показывал с точностью около 30 градусов?

— Не совсем так. Я знал, что от Ньюфаундленда к Европе склонение уменьшается с 30 до 15 градусов.

— И все же остается ошибка в добрый десяток градусов. В этом случае, отплыв от Ньюфаундленда, можно попасть в любое место между Бордо и Ирландией!

Джонсон опять покраснел и засмеялся.

— Конечно! Конечно! Теперь это мне хорошо известно. Но тогда... тогда я редко смотрел на компас, разве что в тумане, которого всегда очень боялся. Обычно я плыл по памяти, как птица. Ведь у птиц нет навигационных инструментов! Я просто чувствовал направление...

Мой отец уже слышал такие разговоры от бретонских рыбаков. До сих пор на атлантическом побережье Марокко парусники плавают, «как бог на душу положит». Но мы, капитаны дальнего плавания, не очень любим подобные методы, которые десять раз приводят к успеху, а на одиннадцатый дают осечку.

Джонсон продолжал:

— Все дело в привычке. Каждый год в одно и то же время я бывал на отмелях и точно знал, в каком месте восходит и заходит солнце на Данной широте. Поэтому мне надо было только придерживаться этой широты; я сразу же замечал, если спускался слишком к югу или поднимался к северу. Я был уверен, что пока дни не станут значительно длиннее, все будет идти хорошо. Хронометра у меня не было, только отцовские часы. Вот они.

Он положил на стол старинную золотую луковичу, которая заводилась ключом и наверняка была сделана еще до войны за независимость*. Мой отец задумчиво взвесил часы на руке. С этой штукой...

— С этой штукой, — произнес он, — совершенно невозможно вычислить долготу...

— О, у меня не было ни секстанта, ни таблиц.

— Да... в таком случае вы могли только очень приблизительно знать, на каком расстоянии от полюса и экватора находится ваше судно. Очень приблизительно... Но вы никак не могли определить расстояние до Америки и Европы. Ваша оценка... у вас был лаг?

* Освободительная война английских колоний в Северной Америке за свою независимость против Англии в 1775—1783 годах, приведшая к образованию США.— *Прим. ред.*

— Да. Но я пользовался им раз десять, не больше. Скорость плоскодонки я определял по движению воды.

Жобиг с отцом одобрительно закивали: всякий опытный моряк может на глаз узнать скорость своего парусника, особенно если он маленький.

— Ваша оценка пройденного расстояния была все-таки очень приблизительной!

— Конечно! Тем более, что ночью я убирал парус, опускал мачту и ложился в дрейф. Впрочем, я не подвергался никакому риску. На востоке была Европа, о ее близости меня предупредило бы обилие птиц; кроме того, около берега всегда ходит множество судов, между Англией и Гибралтаром. Но корабли я встречал и вдали от берегов.

Среди них и был этот турок.

Тринадцать дней стояла хорошая погода, на четырнадцатый задуло сильнее, я привел к ветру, опустил мачту и выбросил плавучий якорь. Все шло хорошо, как вдруг набежала волна, которая испортила остатки моего хлеба, намочила уголь и даже часть смывла за борт.

— Уголь?

— Конечно! Должен же я был готовить себе пищу. Об этих керосиновых штуках мы даже не слышали, и все равно они слишком дороги. Да к тому же я боялся пожара в-море; я часто слышал о сгоревших кораблях, и гореть в одиночку мне совсем не хотелось.

Еда у меня была простая: яичница на свином сале и вареное мясо. Когда кончилось топливо, я ел яйца и сало сырыми. Сухари размачивал прямо в море. К тому же у меня были фрукты и пресная вода, которую я разбавлял ромом.

Так вот о турке.

Опять наступила хорошая погода, и я продолжал свой путь, пользуясь превосходным западным ветром. Внезапно с наветренной стороны на горизонте появились паруса трехмачтового корабля, который стал быстро приближаться ко мне.

Я был доволен возможности узнать свое положение и стал подавать сигналы. Сначала мне показалось, что меня не видят, но корабль был приведен к ветру, лег в дрейф и остановился. Это был очень трудный маневр, и команде пришлось поработать. Я сразу же сделал поворот и начал приближаться к ним, подумав, что капитан молодец. Он, наверно, принял меня за потерпевшего кораблекрушение. К сожалению, как вы знаете, парусники с прямым вооружением при попутном ветре весьма неохотно останавливаются в таких случаях. Очень часто капитан делает вид, что ничего не видит. А это, наверно, какой-нибудь янки...

Черт возьми! Приблизившись, я рассмотрел матросов и капитана и так испугался, что хотел только одного — как

можно быстрее скрыться. Вид у них был ужасный: одежда матросов состояла из какой-то рвани, головы у всех, в том числе и у капитана, были обмотаны отвратительными тряпками. Вдруг меня осенило — ведь это же тюрбаны. Значит, они мусульмане. В страхе я вспомнил рассказы о мавританских пиратах. Они догонят и схватят меня. Конечно, это было глупо, в наше время никто не занимается морским разбоем на трехмачтовом барке посреди Атлантики. К тому же я представлял собой довольно жалкую добычу. И все-таки я туже выбирал шкот, моля бога, чтобы он помог мне уйти. От них.

Неожиданно капитан окликнул меня на ужасном английском языке, но довольно ясно:

— Хо! Не бойтесь! Мы спасем вас!

— Спасете? Но я ведь не потерпевший кораблекрушение. Я совершаю переход через Атлантический океан. Вы можете сказать, где я?

Капитан в тюрбане был поражен. Матросы, собравшиеся у поручней, смотрели то на меня, то на своего начальника. Очевидно, они не понимали по-английски.

По знаку капитана один из них пошел на ют и поднял на гафеле бригантины красный флаг со звездой и полумесяцем. Турки! Мне хотелось смеяться: встретить здесь турок!

Палуба была загромождена бочками, груз довольно мирный. Я изменил курс и вышел к бригантине под ветер, почти к самому ее борту, где море было спокойнее.

Этот турецкий капитан казался добрым малым, лицо у него было веселое, хоть и черное, как бочонок из-под рома, на нем выделялись огромные седые усы.

Я с большим трудом объяснил турку, что впервые в истории совершаю одиночное плавание через Лужу.

Наконец, он ответил мне, употребляя слова, по которым можно было понять, что ему не раз приходилось бывать в американских портах:

— Все янки чудаки, а ты больше всех. Я думаю, тебе не очень удобно. А впереди по меньшей мере еще месяц, если море не проглотит твою игрушку. Но она плывет; ты показал, на что способен. Я помогу тебе. Мой корабль идет быстрее, и он удобнее. Мы возьмем тебя вместе с лодкой. Подходи к борту.

Ничего не понимая, я молча смотрел на него.

— Поторапливайся, парень, — продолжал он, — я не могу

ждать часами. Не бойся, никто ничего не узнает. Мои мусульмане не понимают ни слова по-английски, они думают, что ты с погибшего корабля. Мы возьмем тебя. Ты сможешь работать с парусами. Недалеко от европейских берегов мы высадим тебя в море, отдохнувшего, с продуктами и водой. Ты поплывешь во Францию или Англию, мы — прямо в Турцию; никто из нас даже не вспомнит о тебе. Ну а румы * не читают турецких газет, если когда-нибудь в них и напишут о «потерпевшем». Давай, поторапливайся...

Вот так штука!

Я развеселился и ответил ему:

— Как ты думаешь, почему я переплываю совсем один Лужу? Чтобы доказать, что мы, янки, способны на все. Сделав как вы говорите, я ничего не докажу. Спасибо, но я иду дальше. Скажите только мое положение.

Турок смотрел на меня с какой-то странной улыбкой. Немного приподняв тюрбан, он почесал голову, и тут мне показалось, что я вижу два маленьких рога. В то же самое время я почувствовал неприятный запах. Дьявол! Меня хочет соблазнить дьявол!

Я сказал себе: «Сейчас он рассыплется».

Нет. Хриплым голосом он отдал команду, смуглые матросы бросились исполнять, и, чуть не задев меня, трехмачтовый парусник стал быстро набирать ход. Я едва успел услышать:

— 46 градусов к норду, 36 градусов 20 минут к весту.

В море что-то упало, совсем рядом, обрызгав меня. Гроздь бананов. Я выловил ее, подумав, что если это и черт, то, во всяком случае, добрый.

Три раза опустил флаг с полумесяцем, приветствуя меня, и скоро парусник исчез за горизонтом.

Я был доволен — координаты почти точно совпадали с моими подсчетами, значит, я не сбился с пути.

Джонсон умолк. Трое слушателей, навалившись на стол, с восторгом смотрели на него.

— Ну а потом? — спросил отец.

— Конечно, я устал, но все-таки держался. 2 августа пошел 38-ой день после отплытия из Новой Шотландии, и я был полон энтузиазма: по моим расчетам, до ирландского острова Клир-Айленд оставалось миль 300, то есть шесть или семь дней в море, а до Ливерпуля дней десять.

Как бы не так!

Неожиданно ветер зашел к зюйду, в лодке все стало мокрым. Через несколько часов разразился проливной дождь, поднялась волна, дальше пятнадцати футов ничего не было видно. Начался шторм.

Румы — европейцы.— *Прим. перев.*

Я убрал всю парусину, опустил мачту, бросил плавучий якорь и, улегшись на дно, стал ждать, когда ветру надоест забавляться с волнами. Я был почти полностью закрыт, так как лежал под треугольной банкой в носу лодки.

В полдень я задремал. Неожиданно меня разбудил ужасный грохот. Я приподнялся. Ломаю все и поднимая столб пены, накатила огромная волна.

Накрыв лодку, волна поставила ее бортом к себе и перевернула.

Это длилось всего несколько секунд. Я сразу же оказался в зеленой воде. Сквозь прозрачную массу пробивался свет, наверху темнело что-то черное — моя плоскодонка.

Вода была не очень холодной. Но все-таки я не рыба, и мне нужен воздух. Я быстро выскочил на поверхность. Рядом плавал перевернутый «Сентенниэл». Вокруг ни одного предмета: значит, я все хорошо принайтовил; это доставило мне удовольствие.

В первый момент я сказал себе: «Превосходно, ничего страшного. Известное дело, перевернувшаяся лодка — это легко исправить. Самое трудное залезть в нее и не перевернуться снова. Но времени хватит на все».

Я забыл, что лодка-то необычная. Находившиеся в пространстве между днищем и построенной мной низкой палубой вещи, особенно балластины, придавали плоскодонке устойчивость.

Ухватившись за лодку, я напрасно тряс ее — она не двигалась.

Черт возьми! В сильнейший шторм оказаться в воде (которая все-таки была прохладной) рядом с перевернутой плоскодонкой, за 300 миль от берега. Ветер бросал на мою голову целые ведра воды.

Я опять вцепился в днище — и снова безуспешно. Я чувствовал, что устал, мне хотелось бросить все и пойти ко дну.

Тогда я решил спокойно обдумать положение. Прежде всего нужно справиться со своими нервами.

Мне помог смешной пустяк: лежавшие в кармане часы проббили три раза! Вот это машина! В них не попало ни капли. Я получил урок — пока вода не затопила тебя, можно жить.

Лодка, удерживаемая плавучим якорем, снова повернулась носом к волне.

Прежде всего следовало убрать этот якорь. Тогда плоскодонка встала бы вдоль волны и могла бы снова перевернуться.

Вы видели, как грузчики перекатывают бочки? Они привязывают снизу веревку и, пропустив ее через верх, тянут на себя.

Но у меня не было веревки. Можно, конечно, использовать один из фалов.

Для этого нужно нырять под лодку, чтобы отвязать его. Не очень легкое дело, однако мне повезло, и я вынырнул на поверхность, держа в руках трос, второй конец которого был закреплен за борт лодки.

Обвязав корпус, я вернулся на подветренную сторону.

Рассказывать всегда легко. Но сделать это в такой шторм было потруднее. Все-таки я добился своего и даже на всякий случай обвязал лодку два раза.

Крепко ухватившись за фал и упираясь ногами в киль, я тянул, наваливаясь всем своим весом. От ветра я совсем заоченел, но в этот момент мне было не до того.

Наветренный борт перевернутой лодки стал немного подниматься. Но как только плоскодонка выпрямилась, налетел порыв ветра, который сбросил меня в море.

Более десяти раз мне приходилось начинать все сначала. От страха и холода у меня стучали зубы. Я сжимал их, чтобы окончательно не впасть в отчаяние.

Вдруг с наветренной стороны появилась пенящаяся волна. Я быстро влез на днище, ухватился за трос... Удар... Наконец-то... Лодка медленно приподнялась и стала переворачиваться... Черт возьми! Кажется, она сделает полный оборот в воде, и тогда все пропало.

Не помню, что я делал, но мне удалось задержать ее движение. Медленно, полная воды, лодка покачнулась и остановилась... на этот раз днищем вниз.

Выбившись из сил, дрожа от холода и еле дыша, я едва цеплялся за подветренный борт.

Появилась новая волна. «Сейчас она опять перевернет лодку», — пронеслось у меня в голове.

Я нырнул, выплыл с другого борта и, схватившись за наветренный борт, снова погрузился под воду. Победа! С шипением и брызгами над лодкой пронесся пенящийся вал, но она только слегка накренилась.

И все-таки бой еще не выигран.

Сначала надо снова воспользоваться плавучим якорем. Это я сделал быстро, но якорь почти не действовал.

Теперь нужно залезть в лодку. Залезть в полную воды плоскодонку даже при спокойном море довольно хитрое дело. А в такой шторм это казалось невозможным.

Я попытался забраться с кормы, но пришлось немедленно валиться обратно в море: лодка едва не перевернулась снова.

Что делать? Силы и мужество покидали меня. В этот момент часы пробили четверть. Я барахтался в воде уже двадцать минут.

В часы вода не попала, в меня тоже... значит, есть еще надежда.

Я плохо помню, как мне удалось забраться. Лежа на животе, я перелез через борт и рухнул прямо в воду, наполнявшую судно. Из воды торчал только мой нос; не очень удобное положение, но я был опять в лодке!

Я отвязал ведро и, воспользовавшись минутным затишьем, сел в середине и начал быстро вычерпывать воду.

Волны заливали лодку, и казалось, что моя работа бесполезна. И все же, когда часы пробили половину, вода была откачана. Я согрелся, но совсем обессилел.

Освободившись от воды, плоскодонка стала слушаться якоря и повернула носом к волнам. Теперь я мог перевести дух.

Однако подо мной еще хлюпала вода. Ее было немного, но вполне достаточно, чтобы все промокло.

Половина продуктов, которых и без того почти не осталось, совершенно испортилась. Запасная одежда намочена, от топлива не осталось и следа. К счастью, балластины даже не сдвинулись с места, и это спасло меня: любая из них сразу пробила бы дно.

Самое худшее было то, что промокла одежда.

Ветер зашел к весту, потом к норд-весту, и я мог двигаться дальше под штормовыми парусами. Но еще целых пять дней — а пять дней, это очень долго — дождь лил не переставая и дул сильный ледяной ветер. Как прошли эти пять дней, я помню плохо.

Примолкшие, забыв о своем пиве, отец, Жобиг и Том смотрели на этого удивительного человека, который скромно говорил: «Я плохо помню, как прошли эти пять дней...» Пять дней и пять ночей промокший, окоченевший, почти без пищи и без сил.

Джонсон продолжал:

— На пятый день ветер ослабел, зашел к осту и стал противным. Дождь лил как из ведра. С ровной поверхности моря к однообразно серому небу поднимался пар. О, этот дождь! Все было насквозь мокро: одежда, продукты и даже лодка. Я чувствовал, что если бы это не прибавило пресной воды, я бы заплакал от бессилия и отчаяния!

И тут вдруг показался с зюйд-веста английский бриг, шедший с хорошей скоростью курсом на Ирландию.

Меня заметили, бриг аккуратно лег в дрейф слегка наветренное моей лодки.

Забыв обо всем, я встал во весь рост и простер к нему руки.

Ничего не спрашивая, несколько матросов опустили лоцманский трап. Собравшаяся около поручней команда дружелюбно махала мне.

— Вы хотите, чтобы мы взяли и лодку? — прокричал капитан.

Я не сопротивлялся. Одна мысль, что мне придется пробыть в таком состоянии еще неделю, приводила в ужас. На борту брига все было сухо. Меня ждали горячая пища и сон.

И все-таки инстинктивно я спросил:

— Где мы находимся?

— В ста милях к зюйд-осту от острова Клир-Айленд.

Сто миль! Осталось только сто миль! Это сразу все меняло. Я моментально ожил и закричал:

— Благодарю, капитан! Я дойду своим ходом, осталось

совсем немного. После 2400 миль не стоит сдаваться, когда впереди только сто.

Да, я, наверно, не был похож на красавца со своей шестинедельной бородой и потрескавшимися руками, на пальцах у меня почти не осталось ногтей, волосы обесцветились и падали прямо на лицо.

Однако я расхрабрился и решил идти вдоль ирландских берегов в Ливерпуль, как было намечено сначала.

Капитан «Элфредона» (так назывался бриг) не хотел оставлять меня, и пришлось рассказать ему о моем переходе. После этого он дал мне пресной воды и хлеба, свежего или почти свежего, выпеченного дней восемь назад. Он был идеально сухим. Кто бы мог подумать, что можно так радоваться сухому хлебу!

Мы расстались. Ноги у брига были длинные, и он сразу же пропал из виду.

Хотя я и решил пройти мимо ирландских берегов, но не терял времени, чтобы все-таки доплыть до них.

Через день, 9-го, я встретил другой корабль, «Принц Ломбарде», от которого узнал, что нахожусь в 53 милях от Уэксфорд-Хеда — ирландского мыса у входа в пролив Св. Георга. Ура! Погода превосходная, я держу курс прямо в Ирландское море!

На следующий день, 10-го, со мной произошло что-то неладное. Увидев с правого борта берега Уэльса, я задрожал, меня охватил страх: нужно как можно скорее высадиться на берег, иначе я могу погибнуть в последний момент!

Конечно, это было глупо, но ведь я не спал уже три дня, море так и кишело кораблями. Сил у меня совсем не оставалось, и я направился к берегу в маленький порт Эберкэстл.

Местные жители приняли меня за сумасшедшего (или обманщика), но я отнесся к этому с полным безразличием. Главное, дата прибытия была зафиксирована: 10 августа 1876 года, то есть я провел в море 46 дней.

Меня поместили к одной женщине. Кровать, казалось, отчаянно качается, но я сразу же заснул и проспал тридцать часов подряд.

Потом, убедившись, что могу стоять на ногах, я воспользовался превосходным южным ветром и отплыл в Ливерпуль. Туда я прибыл 17 августа. Вот и все.

— Ну, а дальше?

— Дальше? Корреспонденты американских газет устроили мне хороший прием, но, на мой взгляд, подняли слишком много шума. Как раз в это время в Бостон отплывала одна шхуна-бриг. Я погрузил на нее своего доброго «Сентенниэла», чтобы доставить в Филадельфию.

— А в Филадельфии?

— В Филадельфии? Туда я не поехал. На выставку при*
везли «Сентенниэл»; рядом с ним повесили мою фотографию
и надпись большими буквами:

«ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК,
В ОДИНОЧКУ ПЕРЕПЛЫВШИЙ
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН».

Этого было вполне достаточно.

Мне очень хотелось поехать посмотреть свою лодку, од-
нако путина затянулась, и когда я вернулся, выставка уже
закрылась.

Джонсон допил пиво и поднялся.

— Прошу извинить меня, господа, завтра я рано снима-
юсь, и нужно посмотреть, все ли в порядке на шхуне. Бла-
годарю вас...

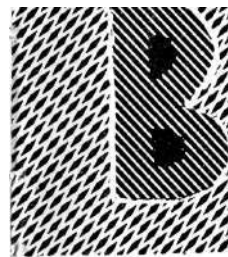
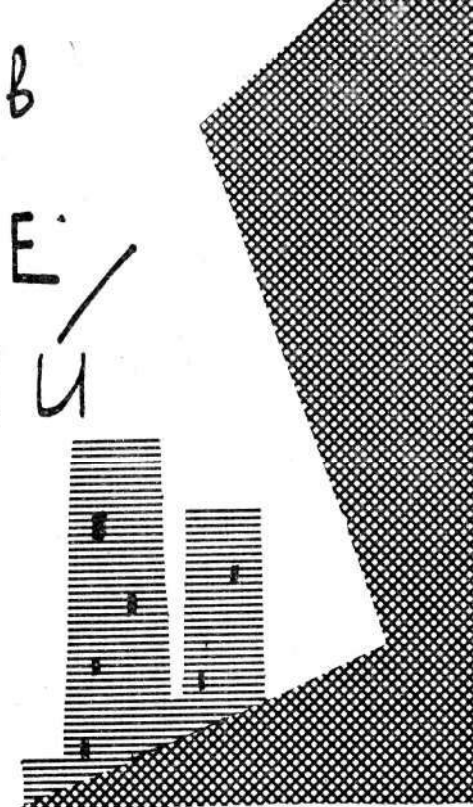
Пожав всем руки, он удалился.

Воцарилось молчание. Наконец Жобиг произнес:

— Вот это парень! Он совершил настоящий подвиг и счи-
тает его вполне естественным. Ему даже не приходит в го-
лову извлечь из этого выгоду.

Перевод с французского Д. Соловьева

Ю. Промптов
В СТРАНЕ
УЩЕЛИЙ

ЦЕНТРЕ Кавказа, там где горные цепи
начинают ветвиться, широко раздвигаясь
к Востоку — к Дагестану и Каспийско-
му морю, — лежит Хевсуретия, Страна
Ущелий.

Глубокие узкие ущелья, пересекающие
страну, путаница горных хребтов, высо-
кие перевалы, большую часть года покры-
тые вечными снегами, бездорожье — все
это с давних времен влияло на суровую
жизнь грузинских горцев — хевсуров, бы-
ло причиной того, что в их быту сохра-
нились удивительные пережитки ста-
рины.

В довоенные годы в Хевсуретии быва-
ли главным образом экспедиции ученых,
этнографов, изучавших древние обычаи и
архитектуру, необычайные предметы ут-
вари.

С давних времен хевсуры занимались преимущественно скотоводством и лишь отчасти земледелием. Удобной пахотной земли в ущельях Хевсуретии было очень мало. Крошечные поля располагались обычно на крутых склонах гор, и обработка их велась ручным способом примитивными орудиями. Сеяли хевсуры рожь, ячмень, гречиху и — редко — пшеницу, которая зачастую не вызревала за короткое высокогорное лето.

В) дореволюционные годы хевсуры жили в условиях полного натурального хозяйства — все необходимое для жизни каждая семья выделывала своими руками. Покупали только соль, которую нельзя было найти в родных горах. Непрестанная тяжелая борьба с суровой природой, бедность и безграмотность были уделом маленького хевсурского народа, затерянного в снежных горах Кавказа.

Посмотреть старое, оставшееся от древних времен, увидеть новое, идущее ему на смену, давно хотелось нам — группе московских туристов. Мы тщательно готовились к путешествию, внимательно изучали маршрут по Хевсуретии и наконец осуществили свою заветную мечту. Это было наше первое путешествие по Стране Ущелий, и состоялось оно незадолго до Великой Отечественной войны.

Преодолев труднодоступный снежный Архотский перевал, мы побывали во многих селениях Хевсуретии, видели старинные оборонительные башни, в которых были сложены кучи камней и стояли котлы для варки смолы. В прежние времена — в дни междоусобных войн, разжигавшихся царским правительством среди кавказских племен, — осажденные в башнях жители хевсурских селений лили кипящую смолу и бросали камни на головы нападавших врагов. Мы наблюдали, как хевсурские женщины и девушки ткут сукно на громадных деревянных самодельных станках, пропуская между натянутыми на них нитями плоский челнок и утрамбовывая каждый ряд ткани тяжелым, сделанным тоже из дерева, гребнем.

Через несколько дней, спустившись с высот второго на нашем пути — Црольского — перевала, мы пробирались без тропы по дикому лесистому ущелью реки Аргун, направляясь в самый отдаленный уголок страны, где находилось одно из интереснейших селений Хевсуретии — Шатили.

Ущелье делалось все уже и уже — все ближе сходились его скалистые склоны. Мы обогнули преградившую нам путь скалу и... остановились пораженные.

Перед нами высился огромный укрепленный замок причудливой архитектуры. Как ни были мы подготовлены ви-

денным ко всяким диковинкам Хевсуретии, фантастичность этого селения-замка в первый момент нас ошеломила. Селение представляло собой массу башен, построенных так близко одна около другой, что они сливались в один монолит. С башней на башню, часто на большой высоте, были перекинуты мостики. Вместо окон в башнях зияли бесчисленные бойницы. Струйки дыма поднимались к небу из невидимых щелей и дымоходов — казалось, что все селение дымится, как гигантский костер...

С того места, где мы стояли, было видно, как на башнях и террасах селения-замка, словно на полках огромной этажерки, двигались люди. В одном месте хевсурка работала за ткацким станком, поставленным на плоской крыше, в другом, готовясь к сенокосу, мужчины точили косы; на одной из террас доили корову, неизвестно каким образом втащенную на такую высоту. С протяжным блеянием в узкие крутые проходы и улицы Шатили, как живая река, вливались возвращавшиеся е пастбищ отары овец. Вся жизнь селения развертывалась перед нами по вертикали, на отдельных площадках и этажах причудливого замка. Лучи заходящего солнца освещали его красноватым светом. Невольно казалось, что вот сейчас всю эту картину закроют мягкие складки занавеса и мы очнемся в партере театра...

Проведя в Шатили несколько дней, мы вышли снова в путь, и долго шли по ущелью, заросшему густым лесом, глубоко вдыхая острые и сладкие лесные ароматы, вслушиваясь в ненарушаемую первобытную тишину.

Так пошли мы до небольшой открытой солнечной полянки, и перед нами открылось зрелище, не менее поразительное, чем вид на Шатили. Впереди на дне зеленой котловины белели дома современной архитектуры, после скалистых уще-

лий и мрачных древних башен показавшиеся нам необычайной и радостной неожиданностью.

— Новый советский административный и культурный центр Хевсуретии — Барисахо! — сказал Арсен, студент грузин, один из участников нашего путешествия. — Отсюда новая культура ведет наступление на хевсурские горы!

Утром директор школы-интерната — один из немногих тогда хевсуров, получивших высшее образование, — показал нам просторные светлые классы и общежития, где учились и жили во время учебных занятий сто двадцать хевсурских детей и среди них пятнадцать девочек — впервые в истории этого народа!

Одна из учительниц школы — грузинка Нина Георгиевна — рассказала нам, как ценят маленькие хевсуры знания, которые дает им школа:

— Недавно одному из наших учеников, комсомольцу Тариэлю, — сказала она, — поручили съездить за новыми книгами в одно из больших селений на Военно-Грузинской дороге. Вечером он вернулся с целым мешком книг, но сдать их было некому — библиотека уже закрыта и библиотекарша легла спать. Тариэль не мог успокоиться и заснуть, пока его сокровище, которое он считал бесценным, не было заперто кассиром сельсовета в несгораемый шкаф до утра, когда мальчик мог сдать книги в библиотеку! А раньше хевсуры совсем не знали книг — они не представляли для них никакой ценности...

Необычайны были контрасты старого, средневекового, и нового, современного, в этой удивительной горной стране — Хевсуретии. Но так было, и все это мы видели во время нашего путешествия по Стране Ущелий до войны.

Шли годы, а все виденное в этом путешествии жило в моей памяти, и о Хевсуретии напоминали мне подарки ее жителей — древние шлем и щит, висевшие у меня над диваном. Время от времени я слышал о сдвигах в жизни Страны Ущелий, о росте ее культуры и хозяйства. И вот мы снова собрали группу туристов и опять отправились в поход по Хевсуретии, чтобы увидеть своими глазами все то, о чем слышали за эти годы.

Новое встретило нас у порога Хевсуретии — в знаменитом Дарьяльском ущелье на Военно-Грузинской дороге, памятном еще по прежнему путешествию. В узкой теснине Дарьяла мы увидели памятники героической обороны Кавказа во время минувшей войны — неприступные доты, преградившие путь фашистам, рвавшимся в благодатные долины Грузии. Но вот дорога неожиданно стала подниматься вверх по склону Дарьяла, в обход нового водохранилища и ГЭС, которые строятся на дне ущелья. Здесь уже работали строи-

тели, чтобы заставить бурный Терек служить советским людям.

Вторая неожиданность ждала нас в селении Казбеги, где прежде кончался колесный путь в Страну Ущелий — дальше лежали пешеходные тропы. Едва узнав, что в местной гостинице есть свободные комнаты, мы начали переносить туда вещи, как вдруг на площади появилась колхозная автомашина, и через час мы были уже в мохевском селении Каркуча, жители которого объединились теперь в одном колхозе с хевсурами из селения Джута.

До Джуты, ставшей теперь животноводческой базой колхоза, самой верхней в ущелье, мы шли пешком по знакомой дороге, проложенной среди цветистых альпийских лугов.

Новое было всюду, и всюду мы находили новых друзей. А друзья в условиях горного путешествия того года были нам очень и очень нужны. Погода в Хевсуретии в то лето была на редкость суровой: каждый день шли дожди, горы содрогались от ударов грома. Близ перевалов, когда после очередной грозы мы выбирались из мокрых палаток, чабаны предлагали нам свои очаги, чтобы погреться и приготовить пищу, а в селениях давали нам кров — более надежный, чем хрупкие палатки.

Перебравшись через перевал Садзеле-Геле, мы спустились в селение Рошка, ставшее теперь тоже колхозным, образовав объединенный колхоз с грузинскими селениями Душетского района. Дальше наш путь лежал в ущелье Аргуна, к живописному Шатили, так поразившему нас во время первого путешествия по Хевсуретии.

На этот раз в Шатили мы застали лишь несколько семей хевсуров — почти все его население переселилось на привольные плодородные земли в долинах, в новые колхозные поселки, построенные для хевсурских колхозников правительством Грузии. За время второго путешествия по Стране Ущелий мы узнали, что вниз, на равнины, переселилось уже большинство жителей отдаленных, затерянных прежде в горах хевсурских селений. И хотя слово «прогресс» — «развитие» — обычно понимается всеми как движение вверх, мы увидели сами, что в условиях горной страны Хевсуретии прогресс обозначает теперь движение вниз — из суровых ущелий в плодородные долины, в благоустроенные современные поселки, к лучшей жизни и культуре. В наши дни древняя крепость Шатили почти опустела. Скоро покинут ее и последние обитатели, но Шатили будет сохранен как единственный в своем роде архитектурный памятник хевсурской старины.

Вырос и изменился ныне и Барисахо — культурный центр Хевсуретии, который до войны был маленьким поселком. Теперь там заканчивают строительство нового здания большой школы-десятилетки с интернатом. Триста хевсурских детей будут учиться и жить там, готовясь пополнить ряды хевсурской интеллигенции.

Когда мы пришли в Барисахо, кончились летние каникулы, и, торопясь закончить здание школы-интерната к учебному году, на стройке вместе с рабочими-строителями работали энтузиасты — учителя школы и ученики, вернувшиеся в Барисахо из родных селений к началу занятий. А вечером, после трудового дня на стройке, школьники Барисахо пригласили нас в клуб и показали лучший номер своей самодеятельности — хевсурский танец с шашками — «парикаоба» — в национальных костюмах.

Проведя несколько дней в Барисахо, отдохнув после похода и осмотрев новостройки, гидроэлектростанцию, питомник сосен и ферму, где нам показали электрострижку целой отары овец, мы выехали в Тбилиси, куда теперь каждое утро ходит из Барисахо автобус.

Много раз за недавние годы, возвращаясь после горных путешествий по Кавказу, бывали мы в Тбилиси, но в этом году хотелось побывать в окрестностях города, в долине Самгори — на недавней «грузинской целине», куда переселились

десятки хевсурских семей из различных горных селений Страны Ущелий.

До одного из лучших и самых знаменитых новых колхозов Самгорской долины, носящего название «Гамарджвеба», что значит «Победа», от центра Тбилиси всего лишь двадцать семь километров. С одной из площадей города туда регулярно ходят автобусы. На одном из них отправились в «Гамарджвебу» и мы.

Выехав из Тбилиси, мы скоро свернули на Кахетинское шоссе. Едва скрылся из виду город, как нас со всех сторон окружила степь, еще совсем недавно бывшая голой и бесплодной. Раньше только пологие холмы, поросшие высохшей под жгучим солнцем травой, кое-где оживляли ландшафт полупустыни. На этих холмах жители окрестных селений пасли овец. В степи не было воды, знойные ветры веяли над безжизненной землей, на которой не росло ни одного дерева.

И вот в 1953 году советские люди взялись за покорение Самгорской целины. По густой сети новых каналов в степь хлынули зеленые воды реки Иори, давшие жизнь древесным насаждениям и распаханым просторам полей. Из малоземельных горных районов Грузии переселились сюда земледельцы-карталинцы, имеретины, лачинцы, кахетинцы и вместе с ними люди Страны Ущелий — хевсурсы.

Для переселенцев были построены современные поселки, им была выдана государственная ссуда на обустройство хозяйства. Они работали не покладая рук, и в течение нескольких лет плодородные, но бывшие прежде засушливыми земли преобразились. На полях, очищенных от гальки, нанесенной весенними потоками, зазеленели поля, появились виноградники, раскинулись огороды и фруктовые сады.

Узнав, что мы прибыли в «Гамарджвебу» прямо с гор, из Хевсуретии, секретарь правления колхоза повел нас в ближайшие дома колхозников хевсуров, недавно переселившихся из Лебайскари и Шатили.

Хозяева встретили нас с неизменным радушием горцев. Их внешний вид, современная одежда и обстановка, в которой они жили, ничем уже не напоминали прежних хевсуров — обитателей древних родовых замков. Только одна и та же фамилия — Чинчираули, которую носил один из хевсурских родов, — сохранилась в семьях колхозников Ираклия и Бециники Чинчираули. Один из них был бригадиром полеводческой бригады, другой — трактористом. С гордостью показала нам жена одного из них — Дзило — свой уютный домик с верандой, современной мебелью, коврами и радиоприемником. Вторую хозяйку — Бубу — мы застали за домашней работой. Держа в

руке электроутюг, она гладила форменное платье дочери школьницы к началу учебного года.

Мы, конечно, не стали ей мешать, тем более, что тут же нами завладели дети обеих семей Чинчираули — девятиклассник Леван и девочки Лейла, Мзекала и Этери. Они провели гостей по своим огородам и садикам с цветами и фруктовыми деревьями. Но что значили в их глазах персики, сливы, помидоры, лук и капуста по сравнению с тем, что росло на самых заманчивых угодьях колхоза, где у детей были свои школьные опытные участки винограда сорта ркацители. Не показать их нам они никак не могли! И все вместе мы отправились на виноградники собирать прозрачные, налитые солнечным соком ягоды, еще так недавно совсем неизвестные детям суровой Страны Ущелий...

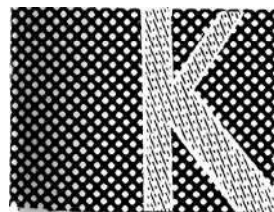
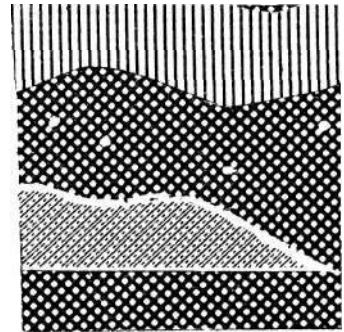
Л. Файнберг

Поездка

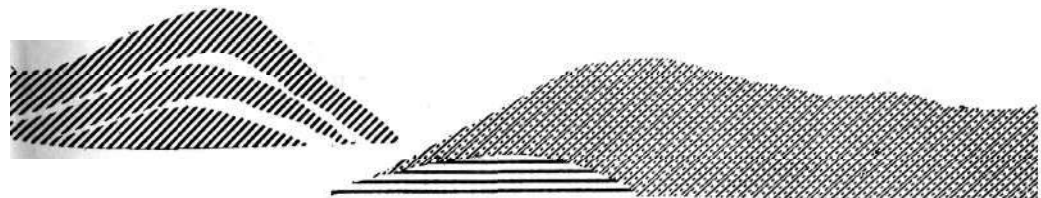
на Таймыр

к Нганасанам

Очерк

КОГДА говоришь с кем-нибудь о путешествиях по Заполярью, от тебя ждут или рассказов о промышленных гигантах, выросших на Севере за годы Советской власти, или увлекательного повествования о необычайных приключениях, о встречах с непохожими на жителей средней полосы людьми, о схватках с дикими зверями. Многого можно увидеть на Крайнем Севере. Есть там и рудники, и шахты, и большие заводы, и города, выросшие в пустынной тундре за последние двадцать-тридцать лет; случаются с людьми на Севере и необычайные приключения, можно встретить там и диких зверей, и старого шамана, и охотников, будто бы сошедших со страниц журнала «Мир приключений».

Но не о них поведу я рассказ, не о промышленных стройках и не о приключениях, а о том будничном, но от этого не менее манящем и увлекательном Севере, который видел я сам, когда бывал в экспедициях на Таймыре. Почти все знают о гордости Таймыра — Норильске, о его прямых улицах и домах со всеми удобствами, о его промышленных предприятиях, о самой северной в мире железной дороге Дудинка — Норильск.

Я не хочу обижать норильчан, они по праву любят Норильск и гордятся им, но ведь он только пятнышко на карте огромного полуострова Таймыр.

А мне хотелось бы рассказать о сельском Таймыре, о Таймыре бескрайних тундр и темных лиственничных лесов, самых северных лесов на Земле, о колхозных поселках, разбросанных на сотни километров один от другого, о мужественных людях, приехавших с разных концов страны, чтобы помочь народам Таймыра — нганасанам, энцам, долганам, эвенкам — совершить гигантский скачок от родового строя вчера в коммунистическое завтра, рассказать о самих этих народах, словом, обо всем, что я видел в этих пока еще довольно редко посещаемых приезжими местах.

Впервые я попал на Таймыр в 1957 году. Но, впрочем, буду рассказывать по порядку. Я работаю в секторе Америки Института этнографии. Занимаюсь индейцами Амазонки. Когда я кому-нибудь объясняю, в чем заключается моя работа, я всегда говорю так: «Вы смотрели фильм «Охотники за каучуком»? Помните индейцев с луками и стрелами, скрывающихся в прибрежной чаще и подстерегающих лодки с белыми путешественниками? Вот изучением этих-то индейцев я и занимаюсь. Изучая их, легче понять историю и жизнь наших далеких предков — людей каменного века. И интересное это дело — заниматься индейцами и не такое уж далекое от нашей сегодняшней жизни, как может показаться на первый взгляд. Знание социального устройства и религии индейцев помогает спорить с теми зарубежными учеными, кто пытается доказать, что и частная собственность, и вера в единого бога присущи природе человека, что они вечная и неизменная основа его существования. Значит, заниматься американскими индейцами не только интересно, но и полезно. Я хорошо все это знаю, а Север почему-то тянет к себе. В его суровом безмолвии, в его заснеженных просторах мне всегда виделось больше романтики, чем в буйной пышности амазонских лесов, в их пряной экзотике.

Занимался я тропиками, а мечтал о Заполярье. На Таймыр отправляется экспедиция нашего института, и я еду в ее составе. Нас всего трое: начальник экспедиции Борис Осипович Долгих, высокий, неторопливый человек лет пятидесяти, знаю-

щий по именам чуть ли не всех таймырских старожил; фотограф Вячеслав Карев — худой, с желтоватым цветом лица, ни минуты не могущий посидеть на месте; и я, немного ошеломленный суматохой сборов и мыслями о том, чего я не умею делать. А не умею я многого: не умею колоть дрова, не умею топить печку, не умею говорить по-нганасански. Гораздо проще было бы перечислить, что я умею. Список бы получился значительно короче. Торопливые сборы — и мы уже в вагоне скорого поезда Москва—Владивосток. Незаметно за хорошей беседой, за книгами прошло четыре дня.

Вот и Красноярск. Такси везет нас по вечерним улицам к Енисею. Там, почти на самом берегу, стоит, будто гость, пришедший из далеких южных стран и так и не вернувшийся домой, здание в стиле древнеегипетских храмов. Это Красноярский краеведческий музей. По обеим сторонам широкой пологой лестницы, ведущей к входу в музей, лежат старинные бронзовые пушки, обращенные дулом к Енисею. Они молчаливо напоминают о временах покорения Сибири казаками. Но сейчас не время смотреть. Нам отвели комнату в небольшом домике во дворе музея, и мы перетаскиваем туда наше имущество: спальные мешки, рюкзаки. Комната совершенно пуста. Развертываем спальные мешки, раскладываем их в ряд, под голову кладем рюкзаки вместо подушек — и наши походные кровати готовы. Рюкзак совсем неплохая подушка, скажу я вам, если, конечно, голова не попадет на кружку, топорик или еще какой-нибудь столь же «мягкий» предмет. Борис Осипович и Слава ложатся спать, а мне что-то не хочется. Слишком много новых впечатлений. Выхожу во двор. В нем много зелени. Это скорее не двор, а небольшой сад. При свете луны он кажется даже немного таинственным. В окнах музея темно, а у ворот на скамеечке одиноко сидит сторож. Подсаживаюсь к нему. Он неторопливо заводит беседу. Его предупредили, кто мы такие, но он хочет узнать подробнее, куда мы едем и зачем. Минут через пятнадцать он поднимается и отправляется в обход вокруг музея. «Знаете, наш садик любимое место парней и девчат. Ворота запрешь, через забор перелезают. Непорядок. Из городского парка их выгоняют в одиннадцать вечера. Вот и идут сюда».

Но сегодня все тихо. Не слышно шепота влюбленных пар, приглушенного смеха и поцелуев. Все спит вокруг: люди, птицы, деревья. Только звезды мерцают в вышине, а на Енисее им мигают в ответ красные и зеленые огоньки бакенов. Тихо дышит огромная река, и кажется, что она тоже спит, как и люди, отдыхает, набираясь сил к новому трудовому дню. Пора и мне на покой. Возвращаюсь в нашу комнату и мгновенно засыпаю. А утром сразу после завтрака бежим за билетами. Мы поплывем на теплоходе «Валерий Чкалов» — трехпалуб-

ном красавце, построенном для нашей страны в Германской Демократической Республике.

Взяв билеты, идем в музей. Чего в нем только нет: и чучела животных, ныне живущих в Красноярском крае, и скелет мамонта; и древние каменные орудия, и совершенные угольные комбайны; модели парусных кочей русских землепроходцев стоят рядом с моделями дизель-электроходов; макеты казачьих острожков с макетами благоустроенных колхозных поселков.

Если вам когда-нибудь представится возможность поехать в Красноярский край, побывайте сначала в краеведческом музее — это ворота в край.

Съездили мы и на правый берег Енисея. Старый Красноярск, как вы, может быть, знаете, расположен на левом берегу реки. Но в последние годы на правом берегу строители один за другим возводят жилые кварталы, сажают деревья, разбивают скверы, открывают магазины, детские сады и ясли. И недалеко то время, когда новый правобережный Красноярск перерастет старый город. Но пока еще на правом берегу довольно неуютно. Много пыли, строительного мусора и чувствуется какая-то неустроенность и незавершенность. Город продолжает строиться.

На следующий день мы отплываем. Каюта у меня чудесная — одноместная, со всеми удобствами. Но разве можно оставаться в ней, когда вокруг раскинулся могучий Енисей. За кормой быстро уходит вдаль Красноярск, а впереди ярко блестит на солнце вода, синеют по берегам леса, а над ними, как ключья ваты, плывут на север небольшие облака. И мы плывем на север. Целыми днями стою я на палубе и гляжу на меняющийся пейзаж. Все суровее становятся леса по берегам, все реже попадаются распаханное поля, а затем они и совсем исчезают. Мимо проплывают низменные, заросшие высокой травой и кустарником острова. А то вдруг увидишь на берегу одинокую избушку бакенщика и задумаешься, как-то он живет зимой. Остается ли в своем доме и ходит на охоту, или уезжает в какое-нибудь большое село? А теплоход тем временем все идет вперед. Шире становится река, крепкий ветер бьет в лицо и ерошит волосы, а над головой, на мачте, как пойманная непокорная птица, бьется вымпел Енисейского пароходства. Разные люди плывут на север под этим флагом. Девушка-геолог из Ленинграда с медно-рыжими волосами, горный инженер из Норильска, белобрысый парнишка-корреспондент из Омска. Мне почему-то кажется, что это его первая самостоятельная поездка, и он полон желанием увидеть как можно больше и обо всем написать в свою газету.

А теплоход все идет вперед. Редет лес по берегам, солнце почти не спускается за горизонт. Близится конец пути. Мы

уже прибыли в Игарку, а оттуда до Дудинки рукой подать — километров двести. В Игарке теплоход стоит довольно долго, поэтому отправляемся на берег посмотреть город. Для этого надо подняться по высокой деревянной лестнице, ступеньки у которой почему-то лежат не горизонтально, а под углом. Удивительно неудобно идти. Наконец мы наверху, над высоким обрывом. Уже двенадцать часов ночи, но совсем светло. Полярный день в самом разгаре. На улицах много народу. Слышны шутки и смех. Где-то раздаются удары мяча. Косматые добродушные лайки бродят целыми стаями по улицам. Незабываемый колорит придают городу деревянные мостовые и дома из свежеструганных досок. Игарка — город дерева. Здесь все сделано из дерева, и поэтому не удивляешься, когда видишь вывески: «Курить воспрещается». Когда мы возвращаемся к пристани, сверху лестницы нам открывается изумительный вид на игарскую протоку, забитую сплавным лесом, на иностранные лесовозы, пришедшие сюда со всех концов земли, и на сумрачный, чуть подернутый дымкой Енисей.

А на следующий день мы в Дудинке. Перед революцией это было небольшое русское село, а теперь Дудинка шумный, беспокойный город, крупный транспортный узел и центр Таймырского национального округа. Всю навигацию разгружаются у причалов суда, привезшие товары для колхозов Таймыра и для Норильска. А затем огромные красные, черные, зеленые, похожие на доисторических чудовищ портовые краны грузят в трюмы судов и барж продукцию Норильского полиметаллического комбината. Ни днем, ни ночью не утихает шум в грузовом порту. Медленно поворачиваются мощные краны, юрко снуют маневровые паровозы, перекликаются люди. Хотелось бы получше познакомиться с жизнью Дудинки, но некогда. Наш путь лежит в глубь Таймыра, где живут нганасаны, в недалеком прошлом одна из самых отсталых народностей Сибири.

И вскоре небольшой АН-2 поднимается из Дудинского аэропорта и берет курс на восток. От Дудинки до Волочанки, центра Авамского района Таймыра, где живет большая часть нганасан, около четырехсот километров. Самолет летит над тундрой. Под крылом сверкают бесчисленные озера, почти сливаясь в одно огромное, переливающееся водное зеркало. Пасущиеся внизу олени настораживаются, и пастухи запрокидывают головы, слышав гул мотора. Отдыхающие гуси взлетают с песчаных отмелей. Зеленый ковер между озерцами ласкает глаз. Тундра живет и радуется теплу, солнцу.

Но вот вдали показалась река и рядом с ней небольшие домики. Это и есть Волочанка. Она стоит на берегу Хеты, голубой лентой прорезающей весь Авамский район. Приземляемся на небольшом поле, заменяющем здесь аэродром. Само-

лет несколько раз подпрыгивает на кочках и останавливается. К нему спешит группа молодежи. Они провожают своих товарищей, окончивших Волочанскую школу-десятилетку и уезжающих теперь на учебу в Красноярск и Ленинград. Быстро пролетят студенческие годы, и они вернутся в родные места и будут помогать своим народам — нганасанам и долганам — строить новую жизнь.

В районном управлении сельского хозяйства мы знакомимся с его начальником — Олегом Николаевичем Краснопольским. Он советует поехать в колхоз имени Шмидта, расположенный у впадения в Хету ее притока Боганиды. «Чтобы изучать нганасан, вам лучше всего поехать в колхоз имени Шмидта, — говорит Олег Николаевич. — Правда, нганасаны в нашем районе есть еще в одном колхозе — имени Калинина, но в него, кроме нганасан, входят долганы и энцы. Есть нганасаны также в колхозе «Путь к коммунизму», но это уже не у нас, а в соседнем Хатангском районе. И потом опять же там колхоз не чисто нганасанский, а долгано-иганасанский».

Сообщения Олега Николаевича кажутся убедительными, и мы решаем на следующий же день отправиться в колхоз имени Шмидта. А пока можно пройтись по поселку посмотреть, как выглядит районный центр, расположенный в глубине тундры. Волочанка невелика: в ней меньше тысячи жителей и всего две улицы, застроенные одноэтажными деревянными домами. В единственном двухэтажном здании разместились райком КПСС, райисполком и районное управление сельского хозяйства. В самом центре поселка стоит здание школы, а немного поодаль от нее, на самом краю тундры, со всех сторон окружающей поселок, расположен интернат, где на полном государственном обеспечении живут школьники из колхозов района.

Продолжая свою прогулку, мы любопытства ради зашли в магазин Рыболовпотребсоюза. Кроме продавца, там было двое посетителей. Один из них, невысокий полный человек лет пятидесяти, со слегка начинающими седеть темными волосами, что-то объяснял по-долгански стоявшему рядом с ним коренастому колхознику. Мы не понимали, что он говорит, но удивительно добрые лучистые глаза, словно озарявшие теплым светом его усталое лицо, невольно привлекли к себе наше внимание. И я тихонько спросил у продавца, кто этот человек. Оказалось, что это Илья Сергеевич Акопов — председатель долганского колхоза, расположенного рядом с Волочанкой. Еще в Дудинке нам называли Акопова в числе лучших председателей колхозов Авамского района. Перед войной судьба забросила его, уроженца Армении и сантехника по специальности, на Таймыр. Немало лет он проработал в Норильске, затем был директором промкомбината в Волочанке

и, наконец, в конце 1956 года по решению районной партийной организации был направлен в отстающий волочанский колхоз. До этого колхозу в течение нескольких лет очень не везло на председателей. Среди них были случайные и неопытные люди, развалившие колхозное хозяйство. В результате неделимый фонд колхоза уменьшился, стоимость трудодня упала, снизился интерес колхозников к общественному хозяйству. Тогда-то председателем колхоза и был избран И. С. Акопов. За три года колхозники под его руководством вдвое увеличили неделимый фонд своего хозяйства, вдвое повысилась и стоимость трудодня.

Мы увидели Акопова около магазина, беседующего с колхозником, который был нагружен многочисленными свертками. Чувствовалось, что долган внимательно прислушивается к словам председателя. Когда спутник Ильи Сергеевича удался, мы подошли и представились ему. Нам хотелось понять, в чем секрет успехов этого человека, не имевшего ни сельскохозяйственного образования, ни большого опыта работы в колхозе. И поэтому с радостью приняли приглашение Ильи Сергеевича зайти к нему домой, посидеть, поговорить.

Через несколько минут мы были у маленького домика, стоявшего на самом краю обрыва, над Хетой. Пройдя через небольшие сени, мы попали в кухню, отделенную сатиновой занавеской от жилого помещения. Илья Сергеевич познакомил нас со своей женой, миловидной черноглазой долганкой, уроженкой Волочанки. Увидев нас, она сразу засуетилась на кухне, и вскоре в комнату стали доноситься ароматы стирки. «Почему вы не делаете дверь из кухни в комнату вместо занавески?» — спросил Борис Осипович у Акопова. «Не могу, — ответил тот. — В домах у многих колхозников тоже висят занавески между комнатами. Прежде чем сделать дверь себе, я должен поставить такие же двери в домах всех колхозников, а на это в колхозе пока нет средств. Я твердо убежден, что председатель не имеет морального права жить лучше рядовых колхозников. О них он должен заботиться в первую очередь, а не о себе. Если он всегда будет так поступать, то колхозники сами позаботятся о нем».

Что это не громкая фраза, я имел случай убедиться несколько месяцев спустя, когда сидел в здании правления колхоза и прислушивался к беседе пастухов с Ильей Сергеевичем. Один из них попросил аванс на покупку телогрейки. Денег в колхозной кассе в это время не было. Тогда Акопов отдал пастуху свою телогрейку. Бросилось мне в глаза и то, что сапоги у председателя колхоза были хуже, чем у рядовых колхозников. Оказывается, на колхозном складе было мало сапог, а Илья Сергеевич считал, что новую обувь себе он может выписать только после того, как обеспечит ею пастухов и

охотников, «которым, — как говорил он, — больше и дальше ходить», чем ему, председателю. Но, впрочем, все это я увидел гораздо позднее, пока же мы сидели у Акопова, ели пельмени и говорили о путях развития колхозного хозяйства на Крайнем Севере, об улучшении быта пастухов и охотников и о многих других, иногда частных, но существенных для колхоза вопросах.

Было поздно, когда мы попрощались с Ильей Сергеевичем и пошли в школьный интернат, где нам была отведена для ночлега свободная комната.

На следующее утро мы отправились в Усть-Боганиду на моторной лодке колхоза имени Шмидта. Моторные лодки — единственное средство сообщения по Хете летом. Река очень мелководна, и поэтому не только пароходы, но даже большие катера могут ходить по ней только весной и в начале лета, пока не спала высокая вода. Летом же на большей части реки можно проехать только на верткой местной лодочке-ветке да на плоскодонной мелкосидящей моторке. Моторные лодки на Хете совсем не похожи на те роскошные быстроходные суда, которые стремительно проносятся мимо вас на глубоких реках. На Хете — это обычная лодка, посередине которой на днище стоит неприкрытый никаким кожухом мотор в три или шесть лошадиных сил. Под винтом поставлена металлическая лыжа, которая предохраняет его от поломок, когда лодка царапается дном о камни, а это, как мы скоро смогли убедиться сами, случается нередко. Двигается такое суденышко со скоростью хорошего пешехода, а против течения и того медленнее. Никакого единого «флота» на Хете нет, у каждого ведомства своя лодка: у милиции — ярко-зеленая, у промкомбината — черная, густо просмоленная, у почты — синяя, цвета морской волны. Нас же повезет, как я уже сказал, лодка колхоза имени Шмидта. Итак, мы садимся в привязанный к ней плоскодонный баркас, который здесь называют неводником, и вот мы снова в пути.

У мотора сидит нганасанский юноша Тимофей Чунанчар. Зимой он учится в Дудинке в школе колхозных кадров на отделении механизации, а летом проходит практику в своем родном колхозе.

Наш неводник до бортов завален оконными рамами и стеклами к ним, свежеструганными дверьми и другими частями для строящегося в Усть-Боганиде клуба. Слава едет в моторке вместе с Тимофеем, а мы с Борисом Осиповичем примостились на корме неводника. Борис Осипович правит кормовым веслом, а я вычерпываю жестянойкой воду из лодки — она изрядно протекает, в перерывах смотрю по сторонам. Хета оказалась шире, чем я представлял, в некоторых местах от берега до берега явно не меньше километра, но плыть по ней

трудно — уж очень она мелка. Многочисленные песчаные косы вдаются далеко в реку, а за ними синее море. На Енисее на этой же широте голая тундра, а здесь густые лиственничные леса простираются по обе стороны реки.

Пока я люблю окружающим видом, все вокруг внезапно темнеет и начинает дуть сильный встречный ветер. Лодка тяжело подпрыгивает на волнах, а затем плюхается вниз, поднимая фонтаны брызг. Вода перехлестывает через борт. Тимофей поспешно переключает руль, и мы приближаемся к берегу, почти ежеминутно задевая днищем о камни. Мы плывем у обрывистого, спускающегося к воде ступеньками берега, то и дело приходится объезжать кучи камней и земли, стволы деревьев, видимо, недавно упавших в воду. Другие деревья еще не упали, но судьба их решена. Они склоняются к самой воде, и часть корней уже обнажилась. При первом же оползне они разделят участь своих погибших товарищей. Оползни бывают чаще всего весной, когда потоки талой воды низвергаются с берегов в Хету, унося с собой куски почвы.

Из задумчивости меня выводит возглас Бориса Осиповича:

«Смотрите, как прибывает вода в лодке, вычерпывайте скорее!» Я принимаюсь усердно черпать, но уровень воды продолжает повышаться. Тяжело груженная лодка все глубже оседает в воде. Дальше плыть становится рискованно. Подходим к берегу, осмотрев лодку, обнаруживаем, что у нее сильная течь в левом борту. Приходится всем пересечь ближе к правому борту, и дальше мы плывем с сильным креном так, чтобы шель в левом борту оказалась над водой. В результате нас, конечно, еще сильнее захлестывает с правого борта. Вскоре брезентовые плащи промокают насквозь, и мы начинаем дрожать от холода. Но вот снова выглянуло солнце и осветило все вокруг радостным сиянием, ветер стихает, и мы быстро, то есть со скоростью не семь, а девять километров в час, двигаемся к нашей цели — Усть-Боганиде.

Теперь можно поговорить и с другими пассажирами неводника. Я до сих пор не сказал, что мы не единственные, кто едет в Усть-Боганиду. Туда же направляются две девушки Лина и Валя. Лина три года проработала фельдшером среди нганасан и теперь хочет попрощаться со своими друзьями перед отъездом домой в Красноярск, а на смену ей направили выпускницу Ачинского медицинского техникума Валю. «Ой, как трудно было мне сначала, — рассказывает Лина. — Местного языка я не знала, а русский многие нганасаны знают плохо. Говорят так, что с непривычки ничего понять не могу. Да и не доверяли мне сначала. Если где роды, ни за что не пустят помочь принять ребенка. Потом освоилась, стало лучше. Плохо, что нам ничего не объясняют, когда направляют сюда, на Север».

Да, это действительно плохо. Вот передо мной в лодке сидит Валя. Она только что кончила техникум, любит свою специальность, но ведь она ничего не знает ни о Севере, ни о народе, с которым ей по меньшей мере несколько лет (обычный срок договора три года) придется делить и радости и горести. Валя даже не знает, как сурова зима в центре Таймыра, и не взяла с собой ничего теплого. Но это еще полбеды, теплые вещи она и здесь купит. Гораздо хуже, что Валя не знает обычаев людей, которых она будет лечить. От многих ошибок, взаимных недоразумений и огорчений избавило бы ее хотя бы элементарное знакомство с культурой нганасан, с бытующими еще среди них религиозными пережитками и пережитками родового строя. А пока она со всем этим познакомится и нганасаны к ней привыкнут, пройдет три года, и пора будет уезжать. Может быть, она найдет здесь человека по сердцу и тогда останется, а не найдет, скорее всего уедет. Разве не лучше было бы посылать на Крайний Север не семнадцати-восемнадцатилетних девушек сразу после окончания учебы, а фельдшеров более взрослых, с опытом работы по своей специальности, которые сами захотели на продолжительный срок поехать на Север. Предварительно их следовало бы направлять на специальные курсы, хотя бы кратко знакомить с историей и культурой народа, к которому они поедут, а также со спецификой работы в условиях Крайнего Севера.

Тем временем близится конец пути. Вдали на обрывистом мысу, образуемом слиянием Боганиды с Хетой, постепенно вырисовывается несколько домиков. Когда мы подъезжаем поближе, слышится лай собак. Одна за другой они мчатся к берегу. За ними спешат люди. А еще через несколько минут лодка тыкается носом в берег, и мы сразу оказываемся среди группы радостно оживленных мужчин. Многие из них знают Бориса Осиповича, но не видели его много лет. Живописное впечатление производят эти люди с темными прямыми волосами и смуглыми, скуластыми лицами, в гимнастерках и темных брюках, заправленных в резиновые сапоги. Особенно бросаются в глаза женщины, стоящие кучкой немного поодаль от мужчин и с молчаливым любопытством смотрящие на нас. Несмотря на теплый летний день, они в меховых парках и бакарях*, а на груди висят начищенные до блеска серповидные медные украшения.

В то время как Борис Осипович разговаривает со своими старыми друзьями, я отвечаю на вопросы своих новых знакомых, а они хлопают по плечу и задают один вопрос за другим: «Зачем нашу землю приехал? Что делать будешь? Долге»

* Бакари — высокая меховая обувь.

Енисей — острова «кораблики»

Тундра в районе поселка Волочанка

Девочки нгансанки
Фаина Турдагина и Людмила Чунанчар

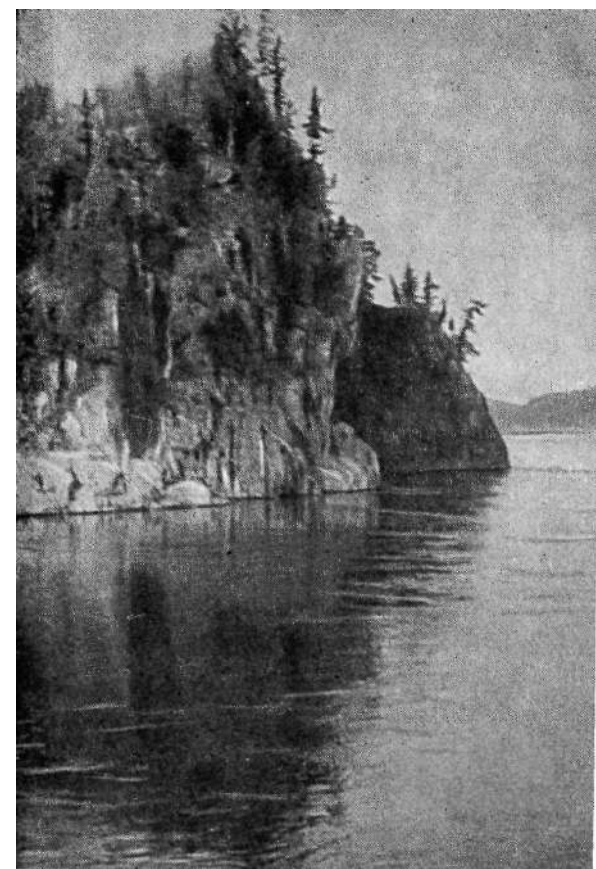

Ловля оленя маутом (арканом)

В оленеводческую бригаду прибыла почта

Вид на Енисей
(«Щеки»)

Зимнее жилище (балбк)
оленевода

Семья охотника нганасанина

Река Хета у поселка Усть-Боганида

ехал?» А над нами тучей вьется мошкара, радуясь неожиданной поживе. Борис Осипович стойчески переносит этих кровопийц, я же непрерывно верчусь, хлопаю себя по лицу и шее, без видимого ущерба для мошки, но зато причиняю изрядную боль себе. Наконец, не выдержав, распаковываю рюкзак и достаю накомарник. Одев его, я снова могу стоять спокойно.

К Борису Осиповичу подходит заместитель председателя колхоза имени Шмидта Иван Порфирьевич Аксенов. Он предлагает нам устроиться в доме правления колхоза. В нем только что прошел ремонт, и он пока еще пустует. Нганасаны помогают внести вещи вверх на косогор и складывают их около нашего будущего жилья. А затем нас все оставляют, чтобы мы могли спокойно устроиться. Это не заняло много времени, и вскоре мы со Славой выходим на улицу, чтобы хоть немного осмотреться.

Вечереет. Красноватое солнце висит над лесом, начинающимся метрах в пятидесяти за домами. А между ними и лесом стоят островерхие чумы нганасан. Немного правое под косогором виднеется небольшое озеро. Диск солнца, отражаясь в тихой воде, будто плавает в ней. Еще правее узкой водной дорожкой тянется Боганида. Через несколько десятков метров она кончит свой путь, слившись с матерью-Хетой.

Весь пейзаж дышит миром и покоем. Один за другим гаснут костры в чумах. Пора спать. Завтра первый день полевой работы. Надо хорошо отдохнуть перед ним. Но мы еще долго не можем уснуть.

Борис Осипович заметно волнуется: «Тридцать лет прошло с тех пор, как я впервые поехал в экспедицию, — говорит он, — и все-таки каждый раз нервничаю, когда приступаю к полевой работе. Ничего не могу с собой поделывать. Все время сверлит голову мысль, удачным ли будет полевой сезон, все ли выполню, что наметил. Вдруг ошибусь в выборе информаторов, да мало ли что еще может быть. А ведь сделать нам надо много. Во-первых, необходимо выполнить нашу основную задачу — изучение современной жизни нганасан. Мы должны подсказать местным работникам, как устранить те недостатки, какие еще есть в жизни нганасан, как помочь им быстрее двигаться по пути социализма.

Во-вторых, нельзя нам забывать и об изучении старой культуры нганасан. — Тут Борис Осипович на минуту замолкает, приподнимается на локте и задумчиво смотрит куда-то вдаль, будто видит то, что я уже не смогу увидеть: старое нганасанское стойбище начала двадцатых годов, когда Советская власть еще не стала прочной ногой в глубине таймырских тундр, шамана, бьющего в бубен, и безграмотных темных нганасан, внимающих ему. Затем, будто очнувшись, он продолжает: — Старая культура нганасан быстро уходит в прошлое.

То, что мы не опишем сейчас, через десять лет уже будет поздно описывать. А в старой культуре много интересного. Возьмем, например, исторические предания нганасан. Разве, не зная их, можно понять, как создалась эта народность. А ведь каждый народ, пробуждающийся к новой жизни, обязательно спрашивает, откуда он произошел. И ответить на этот законный вопрос должны мы, этнографы.

А сколько других интересных тем ждут еще своего исследователя. Например, очень важно досконально изучить и описать все приемы охоты и оленеводства нганасан, выработавшиеся веками. Надо сохранить ценные навыки и знания, которые накопили нганасаны за время их жизни в Заполярье. Это не только покажет всем, какой вклад внесли и продолжают вносить нганасаны в освоение Енисейского Севера, но и поможет самим нганасанам в строительстве новой жизни, и было бы очень хорошо, если бы студенты зоотехнических факультетов, специализирующиеся по оленеводству, изучали бы не только научные книги по своей специальности, но и книги, обобщающие практические знания и опыт северных народностей—нганасан, долган, ненцев, чукчей, коряков и других. Да, это было бы очень полезно», — повторяет Борис Осипович и замолкает. Комната погружается в тишину. Она будто наплывает на меня, и я быстро засыпаю.

А с утра к нам приходит Иван Порфирьевич, и мы договариваемся с ним, что он будет освобождать от работы нужных нам колхозников. Сам Иван Порфирьевич соглашается рассказать о создании колхоза имени Шмидта и его хозяйстве.

«Наш колхоз, — говорит он, — был создан в 1936 году. Вскоре на среднем течении реки Боганиды был построен хозяйственный центр. Здесь разместились правление колхоза, магазин, склад, хлебопекарня. Но выбранное для хозяйственного центра место оказалось очень неудобным, и на реке Дудыпте, у впадения в нее Пайтурмы, был создан новый колхозный поселок. Но и его местоположение оставляло желать много лучшего. Леса поблизости не было, так что приходилось возить его издалека, да и связь с Волочанкой была очень плохой. Поэтому пришлось нам снова перебираться, и на этот раз мы построили поселок прямо на берегу Хеты у впадения в нее Боганиды. Здесь очень удобно: и лесу вокруг много — взгляните в окно, сами увидите — и с районным центром связь хорошая, и завозить товары к нам теперь гораздо проще, чем раньше, и вывозить колхозную продукцию стало легче.

Колхоз наш занимается в основном оленеводством и охотой. В стадах колхоза около трех с половиной тысяч оленей. Они дают нам и мясо, и шкуры, ну и как транспорт олени, конечно, тоже незаменимы. Не будь у нас оленей, трудно бы-

ло бы охотиться на песца. Территория-то ведь у нашего колхоза огромная. К северу она тянется километров четыреста, да и в ширину около восьмидесяти. Пешком ее не обойдешь. На песца мы охотимся при помощи пастей* и капканов. От сдачи государству пушнины колхоз получает хорошие доходы. Например, даже в 1956 году, когда песца было довольно мало, пушнина дала колхозу около пятидесяти тысяч рублей. Но главная отрасль колхозного хозяйства все же не охота, а оленеводство, оно в последнее время дает нам до полумиллиона рублей в год. Рыболовством колхоз тоже занимается, но в небольших размерах и больше для внутреннего потребления. Рыбы в реках и озерах, правда, немало, но уж больно сложно и дорого ее вывозить. А кроме того, и сами колхозники предпочитают свои исконные занятия — оленеводство, охоту на диких оленей и песцов — рыболовству».

Когда Иван Порфирьевич закончил свой рассказ о колхозе и ушел, мы решили пойти посмотреть жилища нганасан. Все нганасаны, за исключением двух-трех семей, живут в чумах, и многие пока что не хотят переселяться в постоянные дома. Сказывается сила вековой привычки, да и трудно сразу отказаться от чума. У него, конечно, немало недостатков, но зато чум можно возить с собой, а без передвижного жилища коренному оленеводу нганасану не обойтись, даже если у него есть постоянный дом в поселке.

Нганасанский чум представляет собой эллипсоид с конической вершиной. Остов чума кроется выделанными и сшитыми между собой оленьими шкурами — нюками. Чтобы войти в чум, нам пришлось нагнуться и приподнять край одного из нюков. Внутри было полутемно и дымно. Над костром, горевшим посередине, висели на горизонтальном шесте котел с варившимися в нем рыбным супом и большой медный чайник, потемневший от копоти. Дым ел глаза, драл горло, и неудержимо хотелось кашлять, а еще лучше выскочить на свежий воздух. И чем больше становилось дыма, тем стремительнее уменьшалась моя симпатия к чуму, как к почти незаменимому передвижному жилищу оленеводов. Лишь отвернув край нюка, прикрывавшего вход, и впустив в чум свежего воздуха, я смог немного оглядеться.

Напротив входа за костром лежали дрова, там же хранилась домашняя утварь. Около входа стоял низенький столик. Пространство по обе стороны от костра вправо и влево от входа было покрыто сплетенными из травы циновками, на которых лежали подстриженные олени шкуры. На одной из них мы и сидели, скрестив ноги, что, честно говоря, довольно уютно без привычки. Были в чуме и некоторые при-

* Пасть — ловушка давящего типа: тяжелое бревно падает на песца, когда он заденет насторожку.

меты нового: несколько книжек, местные газеты, будильник, зеркало, но в основном обстановка была старой, традиционной. Очень трудно превратить чум в современное культурное жилище; по своему типу он не приспособлен к такой метаморфозе; даже встать во весь рост в чуме невозможно из-за наклонных стен. Потому-то уже много лет, и особенно интенсивно в последние годы, ведется большая работа по созданию для пастухов современных типов передвижного жилища и по переводу нганасан и других малых народов Севера на оседлость.

Теперь нганасаны живут зимой не в чумах, а в балках. Балок — это своего рода домик на полозьях, крытый оленьими шкурами. Его тянут четыре-шесть оленей.

Выйдя из чума, мы пошли посмотреть, как нганасаны строят здание колхозного клуба. Колхозная плотничья бригада работала старательно, но неумело, и строительство шло медленно. «Юре! — окликнул Борис Осипович высокого художника нганасана, — нравится тебе быть строителем?» — «Однако, шибко тяжело работать, — ответил Юре. — Лучше тундру ходить, колхозных оленей пасти, диких стрелять». Потом мы говорили и с другими строителями на ту же тему. Все они предпочитают пасти оленей, ловить рыбу, ремонтировать пасти для песка, а не обтесывать бревна и строить дома. И дело тут не только в природных склонностях, а в том, что непривычные к обращению с топором и фуганком нганасаны работают очень медленно. Оплачивается же труд по тем же нормам и расценкам, что и в других колхозах нашей страны. Не удивительно поэтому, что нганасаны на стройке зарабатывают меньше, чем на охоте, а колхозу строительство обходится дорого, потому что оно растягивается на длительный срок. Разве не лучше было бы организовать районную строительную бригаду из плотников — мастеров своего дела. И строительство бы пошло быстрее, и колхозников не надо было бы отвлекать от решающих участков колхозного производства — оленеводства и охоты.

Вечером к нам пришел знаток нганасанского фольклора в религии, племянник одного из «великих» нганасанских шаманов Атакай Турдагин. Засветилась на столе маленькая керосиновая лампа, разогнав сумрак вокруг него, но оставив темными углы комнаты, и Атакай начал свой первый рассказ о великанах людоедах — сигие. матери-земле — моу-нямь и злых подземных стариках — сырада-нгуо.

Много старых легенд и преданий мы услышали от Атакай за время пребывания в Усть-Боганиде. Часто к нам заходил и Нумаку Чунанчар, симпатичный старик с добрыми глазами и неизменной трубкой в зубах. В отличие от Атакай он неважно разбирался в фольклоре, но зато мог досконально рас-

сказать об организации колхоза у нганасан, первым председателем которого он когда-то был. Нумаку и теперь трудится в строительной бригаде. Тимофей Чунанчар, первый нганасанский моторист, — это его сын. Кроме сына у Нумаку есть еще две дочери, которые учатся в школе.

Навещали нас и другие нганасаны. За исключением ночи, мы почти никогда не бывали одни. Или у нас были гости, или мы шли в гости к нганасанам. Незаметно за беседами с колхозниками, за изучением их быта и культуры летело время. Так прошли полтора месяца. И однажды, выйдя утром на улицу, мы увидели, что идет снег. Было это в конце августа. Длинными стали вечера. Холодный ветер заставлял зябко поживаться. Через несколько дней нам предстояло покинуть полюбившихся нам нганасан и поехать в волочанский колхоз для изучения другого народа Таймыра — долган. Но прежде чем уехать, надо было продумать наши предложения руководителям района и округа по улучшению работы среди нганасан.

Нганасан очень мало, всего около семисот человек, в том числе в колхозе, где мы побывали, более двухсот. Кроме колхоза имени Шмидта, нганасаны, как мы уже говорили, живут и работают еще в двух колхозах Таймыра — имени Калинина и «Путь к коммунизму». В конечном счете нганасаны, вероятно, сольются с соседними народностями, но пока что они не проявляют такой тенденции и, очевидно, долго еще сохранятся как самостоятельная этническая группа. Поэтому мы предложили объединить всех нганасан в пределах одного колхоза и сельсовета и открыть в поселке объединенного колхоза специальную школу для нганасанских детей. Это создало бы наиболее благоприятные условия для дальнейшего культурного расцвета нганасанской народности. Ну, а для подъема уровня жизни колхозников нганасан, по нашему мнению, надо было бы выдавать им не менее половины заработка натурой — оленьим мясом, шкурами и рыбой. Конечно, это как раз обратное тому, что делается сейчас почти во всех колхозах нашей страны, где совершается переход к исключительно денежной оплате. Но ведь и условия у нганасан совершенно особые. До революции они были одним из самых отсталых и изолированных от внешнего мира народов Сибири, и следы этого прошлого, несмотря на огромные успехи, достигнутые ими за годы Советской власти, полностью еще не изгладились.

Зачастую нганасаны не умеют правильно распределять полученные за работу в колхозе деньги, вот и получается в их собственном личном хозяйстве, как говорится, разом пусто, разом густо. Поэтому сейчас нганасанам еще рано переходить на чисто денежную оплату трудодня.

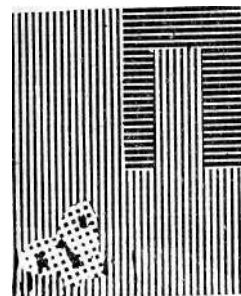
Не вдаваясь в научные подробности, скажу еще об одном из того нового, что удалось узнать. При детальном знакомстве со старой культурой нганасан и ее сравнении с культурой других народов Севера Борису Осиповичу Долгих, а потом и мне бросилось в глаза несомненное сходство в старых приемах охоты, покрое одежды, играх и многих других чертах культуры между нганасанами и живущими за много тысяч километров к востоку от Таймыра эскимосами Аляски и Канады, и это не случайное совпадение. Видимо, в далеком прошлом у нганасан и эскимосов были какие-то общие предки. Скорее всего ими были древнейшие обитатели Северной Азии — охотники за дикими северными оленями, совершавшие вслед за стадами этих животных далекие перекочевки.

Так, мы в беседах и спорах подводили первые итоги своей работы, а за окном все шел снег. Белой нежной пеленой он скрыл еще недавно ярко-зеленую траву и темный мох, маленькие кристаллики засверкали на огненно-красных листьях карликовой березы, у берегов озер образовалась ледяная кромка, а посередине рябили воду утки, готовясь к отлету. Стаи птиц потянулись к югу, солнце все быстрее стало совершать свой привычный круг и исчезать за высокой стеной нахмуренного, насторожившегося в преддверии холодов леса. Нганасаны стали перебираться из чумов в балки, кончалась быстротечная северная осень, наступала долгая полярная зима. Настало утро, когда мы попрощались с милым Нумаку, со сказочником Атакаем и с другими друзьями, спустились к берегу Хеты и сели в поджидавшую нас моторную лодку. На воде было очень холодно, лодка обледенела, сильный встречный ветер вздымал фонтаны брызг, и они сосульками замерзали на лице и одежде. Впереди были новые люди, новые проблемы, новые споры и раздумья.

Дж. Паттерсон
 ЛЮДОЕДЫ
 ЦАВО⁴³

ПРИЕЗД В ЦАВО

ОЛДЕНЬ 1 марта 1898 года застал меня на борту корабля, входящего в узкую и довольно опасную гавань Момбасы, порта на восточном берегу Африки. Город расположен на острове того же названия, отделенном от материка очень узким проливом, который и образует гавань. Пока наше судно медленно разворачивалось неподалеку от старой причудливой португальской крепости, построенной более трех столетий назад, я все больше и больше поражался необычной красоте пейзажа, постепенно раскрывающегося передо мной. Вопреки ожиданиям все вокруг выглядело свежим и цветущим. Древний город нежился в сверкающих лучах солнца, лениво отражаясь в неподвижном море; плоские крыши и ос-

Главы из книги.

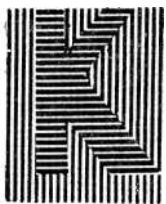
лепительно белые стены домов мечтательно проглядывали меж покачивающихся стволов стройных кокосовых пальм, огромных баобабов и раскидистых манговых деревьев, а темно-зеленые, поросшие густым лесом холмы и склоны материка служили выразительным фоном для этой прекрасной и неожиданной для меня картины.

Вся гавань была усеяна дау*. Я никогда не мог понять, как моряки этих маленьких судов находят путь от порта к порту без компаса и секстанта и как они ухитряются выдерживать страшные штормы, которые в определенные сезоны обрушиваются на восточные моря. Я помню, однажды мы встретили такое суденышко, попавшее в штиль посреди Ин-

* Дау (*суахили*) — большая лодка с треугольным парусом и высокой кормой. Часто встречается у народов, населяющих побережье Восточной Африки.— *Прим. ред.*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ

О КНИГЕ ПАТТЕРСОНА „ЛЮДОЕДЫ ИЗ ЦАВО“¹

НИГА английского инженера Джемса Паттерсона получила международную известность в начале нашего столетия. Она выдержала несколько изданий и переведена на многие европейские языки (на русский не переводилась). Книга «Людоеды из Цаво» рассказывает о строительстве железной дороги в Восточной Африке. Она содержит попутно очерки природы и этнографии Кении и рассказы об охотничьих приключениях автора. Однако не эти, пусть живо написанные, но все же дилетантские сведения обусловили широкую известность книги. Центральный стержень ее — повесть о борьбе с двумя львами-людоедами, которые прервали строительство важного моста и замедлили всю постройку дороги. Именно эта повесть о большой трагедии и выдающемся человеческом мужестве сделала книгу Паттерсона документом отважной борьбы с природой, документом, который не потерял своего интереса и для последующих поколений, в том числе и для наших советских читателей, умеющих ценить стойкость, храбрость и самоотверженный труд.

Поэтому из всей книги были выбраны лишь главы, рассказывающие о борьбе Паттерсона с львами-людоедами, все другие части опущены как устаревшие. Может быть, любители истории исследования Африки и этнографии посетуют на этот выбор и сочтут, что книгу следовало бы перевести полностью. Однако мне кажется, что интерес драматической центральной части книги не идет ни в какое сравнение с отрывочными и случай-

дийского океана. Заметив сигналы о помощи, капитан нашего корабля отдал приказ замедлить ход, чтобы узнать, в чем дело. На борту дау оказалось четыре человека, почти умиравшие от жажды. Они сбились с курса и уже несколько дней у них не было ни глотка воды. Мы спустили им несколько бочонков с водой и указали путь к Маскату (порт, в который они плыли).

Наше судно продолжало свой путь, оставив их в безветрии посреди зеркальной глади моря. Я так никогда и не узнал, удалось ли им добраться до места назначения.

Пока наш корабль осторожно продвигался к якорной стоянке, полный романтизма пейзаж воскрешал в моей памяти картины волнующих приключений прошлого, безумных и отважных деяний пиратов и мореходов из книг, которыми я зачитывался еще в детстве. Я вспомнил, что именно здесь в 1498 году великий Васко да Гама чуть не поплатился своим кораблем и жизнью из-за предательства лоцмана араба, который намеревался разбить корабль о рифы, и по сей

ными наблюдениями автора над этнографией и природой Кении конца прошлого века. Вот почему в нашем сборнике для массового читателя мы ограничились лишь главами о борьбе с львами-людоедами.

Повесть «Людоеды из Цаво» перекликается с написанными сорок лет спустя замечательными книгами Джима Корбетта об индийских тиграх-людоедах. В книгах невольно обращает на себя внимание громадное количество людей, погибших от тигров и леопардов-людоедов, и полная беспомощность населения перед страшным хищником. Целые районы покидались людьми, пустыли ярмарки, замирала жизнь на дорогах, прекращались заготовки леса. Очень похожую картину рисует Паттерсон на строительстве железной дороги. Всего два льва-людоеда появляются в районе строительства, и тысячи рабочих живут в постоянном ужасе, работы дезорганизуются и даже совсем прерываются. Это сходство историй Корбетта и Паттерсона не случайно. Строительство железной дороги вели привезенные в Африку рабочие-индийцы. Они сохранили в Африке характерные черты быта индийского народа и в том числе религиозное отвращение к убийству любого животного. Пассивность и покорность предопределению судьбы также характерны для главных религий Индии — брахманской и буддийской.

Можно с уверенностью утверждать, что в других условиях животные-людоеды не могли бы так свирепствовать. Жизнь их была бы очень короткой и число жертв несравненно меньшим. И дело тут не только в отсутствии огнестрельного оружия. Не окажись здесь инженера, Паттерсона, вместо него отлично справились бы с людоедами своими копьями воины из племени масаев.

день почти наполовину загораживающие вход в бухту. Правда, заговор был раскрыт, и отважный мореплаватель приказал незамедлительно повесить лоцмана. Он разрушил бы город, если бы султан вовремя не принес ему извинений и не заверил его в своей полной покорности. На главной улице Момбасы, которая называется улицей Васко да Гама, до сих пор сохранился странного вида обелиск, воздвигнутый, как говорят, великим мореплавателем в память посещения им острова.

Едва был брошен якорь, как, словно по волшебству, корабль окружила целая флотилия лодок и маленьких лодочек, переполненных шумными, жестикулирующими африканцами. Последовала небольшая схватка из-за моей персоны и багажа между двумя соперничающими лодочниками, и одержавший победу бахариа * быстро доставил меня на берег.

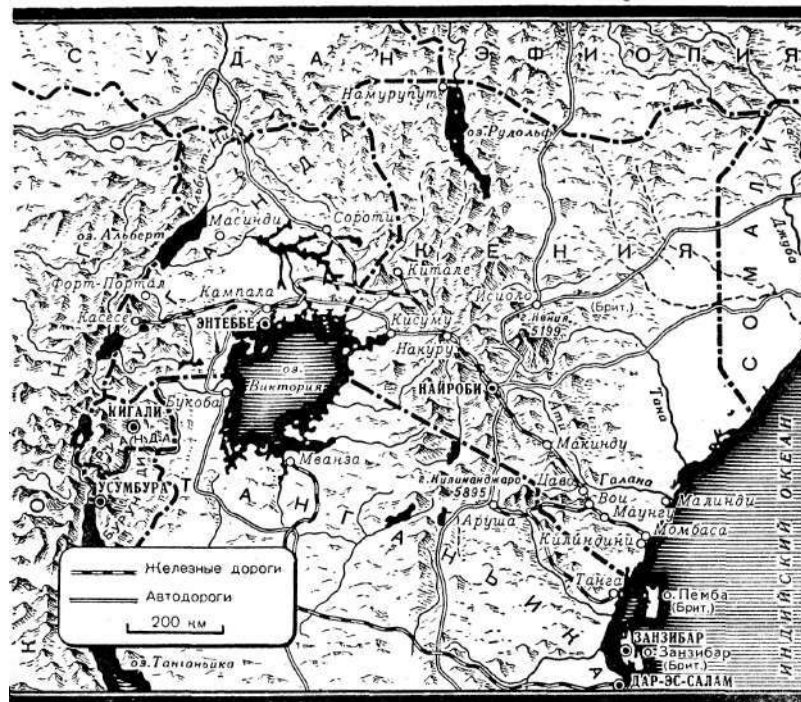
* Бахариа (суахили) — моряк, матрос.

Итак, два льва-людоеда разгуляли на маленьком кусочке Индии, перенесенном в Африку, в полную силу своих азиатских коллег. По есть существенная разница между Джимом Корбеттом и инженером Джемсом Паттерсоном. Корбетт был прирожденным охотником, уроженцем Индии, и те места, в которых он охотился за людоедами, были знакомы ему, как комната родного дома. Этот человек, в беспримерном мужестве которого не может быть никаких сомнений, выступил на борьбу с людоедами, будучи вооружен отличным знанием джунглей и привычек зверей, какое дало ему более чем четвертьвековое знакомство с ними.

Инженер Паттерсон взялся за такую же задачу в чужой стране, едва знакомой ему, и его охотничий опыт не шел ни в какое сравнение с опытом Джима Корбетта. Конечно, скажут иные бывалые путешественники, тигр опаснее льва! На это можно ответить, что у Паттерсона не было столь совершенного оружия, электрических фонарей и магневых вспышек, какими обладал Корбетт. Молодая самоуверенность и отвага, да может быть еще и удача, спасли инженера Паттерсона и помогли ему выйти победителем. Достаточно прочесть захватывающие страницы о его дежурстве на наспех сколоченном низком помосте, в непроглядной темноте, один на один с людоедом, чтобы понять, что борьба эта не всегда была равной и что явный перевес был на стороне львов-людоедов.

Я убежден, что наши читатели с интересом примут эту повесть о большом мужестве человека, сумевшего спасти жизнь многим простым людям — индийским рабочим, к которым он относился с неизменным уважением, так же как и к спутникам своих охот — коренным жителям Африки.

Профессор И. А. Ефремов

Карта Кении и Уганды

Мой приезд в Восточную Африку был вызван назначением на работу на строительство железной дороги в Уганду.

Сразу же по прибытии я справился у чиновников таможен, где мне найти управление дороги. Мне объяснили, что оно находится в трех милях отсюда, в местечке под названием Килиндини, на другой стороне острова. И ехать туда лучше всего на гари*, маленьком открытом трамвае с двумя скамейками, соединенными спинками, под небольшим навесом. Два рослых мальчика толкали сзади вагон, и он двигался по узким рельсам, идущим вдоль главной улицы города. Я тут же заручился местом на этом транспорте и вскоре катил по центральной улице. Как только дорога выходит за пределы города, она идет мимо густых рощ манговых деревьев, баобабов и пальм, перевитых яркими лианами, свисающими красочными петлями с ветвей.

* Гарри (суахили) — нагон.— Прим. ред.

Прибыв в Килиндини, я сразу же направился в Дорожное управление, где мне сообщили, что я должен буду работать в глубине страны и что все дальнейшие инструкции будут даны в течение ближайших дней.

Я поставил палатку в тени под пальмами, у самой линии гари, и решил заняться изучением острова, а также пополнением запасов и необходимого оборудования для длительного пребывания внутри страны. Естественно, что больше всего меня занимал сам город Момбаса. Считается, что он был основан приблизительно в IX веке нашей эры, но находки древнеегипетских фигурок богов и монет раннеперсидских и китайских династий говорят о нем, как о месте поселения народов очень древних цивилизаций. В более позднее время, в период с 1505 по 1729 год, город несколько раз захватывали португальцы, оставившие память о своем владычестве в виде старой мрачной крепости, построенной около 1593 года, как принято считать, на месте более древней цитадели. Эти предприимчивые морские разбойники благочестиво назвали крепость Фортом Иисуса, и надпись, сообщающую об этом, все еще можно видеть над главным входом.

Момбаса — ворота в Кению и Уганду — ведет большую торговлю с отдаленными районами страны. В городе сейчас есть большие современные магазины, где можно найти все что угодно — от иголки до якоря.

Килиндини, как я уже упоминал, находится на противоположном берегу острова Момбаса. Название Килиндини на суахили означает «глубоководное место» и говорит о том, что порт обладает гораздо более удобной гаванью, чем Момбаса. Пролив, отделяющий остров от материка, служит удобной и безопасной стоянкой для самых крупных океанских судов. Благодаря тому что город связан с Угандой железной дорогой, Килиндини в настоящее время становится главным портом, куда часто заходят океанские лайнеры и большие суда.

Я почти неделю прожил в Момбасе, с нетерпением ожидая назначения, и однажды утром получил официальное письмо, в котором говорилось, что я должен направиться на станцию Цаво, находящуюся в ста тридцати двух милях от берега, и взять на себя руководство работами по строительству на участке, куда только что провели линию. На рассвете следующего утра я отправился к месту назначения в специальном поезде в сопровождении мистера Андерсона, управляющего работами, и доктора Мак-Каллоха. Поскольку страна была мне незнакома, путешествие это обещало много интересного.

Остров Момбаса отделен от материка проливом Макупа, и железная дорога проходит по мосту, длина которого достигает около трех четвертей мили. После того как поезд попадает на континент, он около двадцати миль, петляя, ползет

вверх по склонам, поросшим густыми лесами, напоминающими огромный парк.

Из окна вагона то и дело открывался вид на Момбасу и Килиндини, а за ними, насколько мог видеть глаз, в сверкающих лучах солнца простирался Индийский океан. Достигнув вершины горы Рабаи, мы въехали в область пустыни Тару, поросшей кое-где низким кустарником и карликовыми деревьями, а в жаркое время покрытой слоем мелкой красной пыли. Эта пыль обладает удивительным свойством проникать во все щели вагона. Здесь уже встречаются дикие животные, и нам, правда с трудом, удалось рассмотреть нескольких в густом кустарнике. Один раз мы заметили группу африканцев.

Около Маунгу, в восьми милях от побережья, пустыня кончилась, но смену ландшафта можно было заметить только по изменившемуся цвету пыли. Когда наш поезд шел по плоскогорью, из окна мы увидели великолепного страуса, который бежал параллельно с поездом, как бы состязаясь с нами. Доктор Мак-Каллох тут же схватил ружье и удачным выстрелом уложил огромную птицу. Самым трудным оказалось для нас получить добычу. Долгое время машинист не замечал сигналов и криков, но когда, наконец, нам удалось привлечь его внимание, он подал поезд назад, к месту, где упал страус. Это был исключительно большой экземпляр, и мы с трудом втащили его в вагон.

Вскоре после этого мы достигли Вой, расположенной в сотне миль от побережья, и на этой самой крупной станции на линии сделали короткую остановку, чтобы проверить состояние работ. Затем мы двинулись дальше и вскоре заметили приятную перемену в характере ландшафта. От местечка Ндии дорога несколько миль идет по густому красивому лесу, выглядевшему очень привлекательно после унылого однообразия пустыни, через которую мы проехали. К югу тянулась Ндийская гряда гор, а справа возвышался гористый массив Ндунгу, который тянется десятки миль на запад. Отсюда поезд стал двигаться медленнее, так как нам то и дело приходилось останавливаться, чтобы проверить ход строительных работ. Только к вечеру мы прибыли к месту назначения — на станцию Цаво.

Первую ночь я провел в маленькой, крытой пальмовыми листьями хижине, построенной каким-то путешественником. В то время она, к счастью, пустовала. В этой старой полуразвалившейся хижине не было даже двери, и, лежа на своей узкой походной кровати, я сквозь крышу видел яркие мерцающие звезды. Я тогда еще не представлял, какие приключения ожидают меня. И если бы я знал в ту ночь, что два свирепых людоеда бродят вокруг хижины в поисках очередной

жертвы, едва ли мог бы так спокойно спать в этом ненадежном убежище.

Поднялся я засветло, горя нетерпением поскорее ознакомиться со всем, что меня окружало. Когда вышел из хижины, первым впечатлением было, что со всех сторон меня обступил непроходимый лес. Поднявшись на невысокий пригорок у самой хижины, я обнаружил, что все пространство вокруг было покрыто чахлыми низкорослыми деревьями и густым колючим кустарником. Расчищена была лишь узкая полоса железной дороги. Бесконечная ньяка — заросли беловатых и лишенных листьев карликовых деревьев — имела вид унылой, выжженной солнцем пустыни. Кое-где темно-красные, потрескавшиеся от жары скалы выступали над кустарником, придавая еще более безрадостный вид этому мрачному ландшафту. К северо-востоку тянулся непрерывной линией Ндунгу, а далеко на юге виднелась снежная шапка Килиманджаро. Единственное, что радовало взор, — река, которая и дала имя станции. Это был прохладный поток и, что характерно для рек этой части Восточной Африки, никогда не пересыхающий; кайма высоких деревьев вдоль берегов составляла приятный контраст скучному однообразию общего пейзажа.

Осмотрев окружающую местность, я вернулся в хижину и начал готовиться к тому, чтобы остаться надолго в этом заброшенном уголке. Распаковали ящики, и рабочие натянули палатку у главного лагеря, неподалеку от того места, где я провел ночь. Дорога к этому времени уже достигла западного берега реки. В лагере жило несколько тысяч индийских рабочих. Так как дорогу нужно было закончить в очень короткий срок, пришлось построить временный мост и подвести к нему линию. Основная цель моей работы заключалась в том, чтобы соорудить капитальный мост и закончить все строительные работы на расстоянии тридцати миль по обе стороны от Цаво. Я прикинул, что мне было необходимо для этого, и отправил заказ на рабочую силу и оборудование в управление в Килиндини. Вскоре прибыли новые рабочие, доставлены строительные материалы, и стук молотков и визг лебедек весело разносились по всей округе.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЮДОЕДАМИ

К сожалению, спокойная жизнь продолжалась недолго: вскоре наша работа оказалась прерванной весьма грубым и бесцеремонным образом. Два жадных и свирепых льва-людоеда появились в округе и в течение девяти месяцев с перерывами вели «военные действия» против железной дороги и всего связанного с нею в окрестностях Цаво. Ужас охватил всех, и в декабре 1898 года из-за них более чем на

три недели полностью приостановилось строительство дороги. Сначала им не всегда удавалось захватывать людей, но время шло, и они все больше нагнали и уже шли на любой риск, лишь бы заполучить лакомое блюдо. Их приемы постепенно становились все более беззастенчивыми, а охота на людей такой безошибочной и смелой, что рабочие-индийцы твердо уверовали в то, что это вовсе не львы, а дьяволы в львиной шкуре. Не раз люди меня убеждали, что бесполезны все попытки застрелить льва. Они были уверены, что злые духи двух умерших местных вождей приняли обличье львов в знак протеста против проведения железной дороги через их страну и решили помешать строительству, чтобы отомстить за нанесенное им оскорбление. Уже через несколько дней после моего приезда мне сообщили, что хищников видели неподалеку от Цаво. Вскоре после этого таинственно исчезли двое рабочих-индийцев, и мне сказали, что их ночью прямо из палатки утащили львы.

В то время я не поверил этим рассказам и был склонен думать, что несчастные оказались жертвой какой-нибудь нечистой игры. Оба они, как выяснилось, были хорошими рабочими, скопили уже немного рупий, и поэтому казалось вполне вероятным, что какие-нибудь негодяи убили их из-за денег. Однако мои подозрения вскоре рассеялись. Примерно через три недели, после того как я приехал, меня разбудили на рассвете и сообщили, что один из джемадаров*, громадный сикх по имени Унган Сингх, ночью прямо в палатке был схвачен львом, который утащил и сожрал его.

Я тут же решил не теряя ни минуты обследовать местность и вскоре убедился, что Унгана Сингха действительно утащил лев. На песке возле самой палатки были отчетливо видны отпечатки львиных лап, а бороздка, видимо, от пяток жертвы, указывала, в какую сторону лев тащил свою добычу. Более того, джемадар жил в палатке вместе с десятком других рабочих, один из которых оказался свидетелем ужасной сцены. Он подробно описал мне, как в полночь лев неожиданно просунул голову в открытую дверцу палатки и схватил за горло Унгана Сингха, спавшего у самого входа. Несчастный только успел крикнуть «Чоро!» («Пусти») и обхватил руками шею льва. В следующую секунду он уже исчез, а его охваченные ужасом товарищи лежали, прислушиваясь к ужасной борьбе, которая шла снаружи, и не знали, как помочь ему. Должно быть, конец несчастного Унгана Сингха был нелегким. «Но что он мог поделать? — печально заметил один рабочий. — Разве он не боролся со львом?»

* Джемадар (*инд.*) — здесь десятник. — *Прим. ред.*

Услышав этот страшный рассказ, я тут же отправился по следу хищника. Меня вызвался сопровождать капитан Хэс-лем, в это время случайно оказавшийся в Цаво. Мы без труда нашли дорогу, по которой шел лев, так как он, очевидно, несколько раз делал остановки, прежде чем приняться за трапезу. Лужи крови отмечали эти «привалы», где он, по обыкновению людоедов, «слизывал» со своей жертвы кожу, чтобы полакомиться свежей кровью. Я убедился в существовании этой страшной привычки только после того, как сам увидел останки нескольких львиных жертв.

Когда мы дошли до места, где лев пожирал свою добычу, нашим глазам предстало ужасное зрелище: земля вокруг была залита кровью, повсюду валялись человеческие кости. Голова несчастного джемадара была не тронута, если не считать нескольких рваных ран, оставшихся от клыков льва, когда тот схватил его, и лежала в стороне; в широко раскрытых глазах застыл ужас. Трава вокруг была измята. При более тщательном осмотре мы обнаружили, что здесь ночью было два хищника, которые, должно быть, дрались за обладание добычей. Это было самое зловещее зрелище из всех, что мне когда-либо доводилось видеть. Мы собрали останки и завалили их камнями, а голову с ее застывшим испуганным взглядом, который, казалось, все время преследовал нас, забрали с собой для опознания.

Так произошло мое первое знакомство со львами-людоедами. Тогда же я дал себе слово, что не пошажу сил, чтобы избавить округу от этих хищников. В то время я еще не подозревал, какие трудности ожидают меня и как я был

близок к тому, чтобы разделить судьбу несчастного Унгана Сингха.

В ту же ночь я выбрал место на дереве, недалеко от палатки покойного джемадара, в надежде, что львы придут за новой жертвой. Вместе со мной на ночное дежурство отправилось несколько совершенно перепуганных рабочих, которые умоляли меня разрешить им сидеть на дереве. Остальные рабочие остались в палатке, но на этот раз все двери были плотно закрыты. Я захватил с собой две-

надцатизарядную винтовку и охотничье ружье, один ствол которого зарядил пулей, а другой — дробью.

Вскоре после того как устроились на дереве, мы услышали постепенно приближающийся страшный рев. Это укрепило мою веру в то, что я смогу застрелить хищника. Затем рев прекратился, и на час или два воцарилась тишина. Львы всегда выслеживают добычу в полном безмолвии. Вдруг мы услышали шум и неистовые крики из лагеря, расположенного в полумиле от нас. Нам стало ясно (так нам и рассказали потом), что льву удалось схватить человека и что мы больше ничего не услышим в эту ночь. Наутро мне рассказали, как один из хищников ворвался в палатку большого лагеря — откуда ночью мы и слышали крики — и разделался с беднягой, который там спал. Отдохнув сутки, я выбрал новый наблюдательный пункт на большом дереве около палатки, куда накануне приходил лев. От нашего лагеря до нее было около полумили ходу, и мне очень не хотелось выходить после наступления темноты, но все же я чувствовал себя в некоторой безопасности, так как один из рабочих нес за мной лампу; за ним следовал еще один и вел на веревке козу, которую я привязал под дерево в надежде, что она послужит приманкой для льва и он схватит ее вместо человека.

Мелкий, затяжной дождь начался сразу же после того, как я заступил на свой пост, и вскоре я насквозь вымок и продрог, но все же решил не покидать своего неуютного места, надеясь, что на этот раз мне посчастливится и охота будет более удачной. Я до сих пор отчетливо помню чувство бессильной ярости и обиды, охватившее меня, когда посреди ночи вдруг услышал шум и душераздирающие крики, красноречиво говорившие, что людоеды снова обманули меня и где-то погиб еще один человек.

В то время лагеря для рабочих были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, и львы имели возможность хозяйничать на территории не менее восьми миль по обеим сторонам от реки Цаво. Так как тактика их заключалась в том, чтобы каждую ночь нападать на разные лагеря, было очень трудно что-либо предусмотреть заранее. Хищники, казалось, обладали необычайной и какой-то сверхъестественной способностью проникать во все наши планы, и какой бы хитроумной, по нашему мнению, ни была засада, они неизменно обходили ее и хватали ночью очередную жертву. Охотиться на них днем, да еще в таких густых зарослях, было делом чрезвычайно утомительным и безрассудным. В непроходимых джунглях вокруг Цаво преследуемый зверь имеет все преимущества перед охотником, и как бы последний ни был осторожен, сухая веточка непременно хрустнет в послед-

ний момент и вспугнет зверя. Но я никак не мог отказаться от надежды отыскать логово льва, и поэтому все свободное время проводил в зарослях, с трудом продираясь сквозь чащу. Моему слуге, носившему ружье, не раз приходилось освобождать меня от цепких колючек. Несколько раз с огромным трудом мне удавалось находить следы львов, когда они после очередного нападения направлялись к реке, но затем следы терялись на каменистой почве, которую звери, казалось, специально выбирали при отступлении к своему логову. Но и на этом раннем этапе борьбы львам не всегда удавалось заполучить на ужин лакомое блюдо.

Иногда случались даже смешные инциденты, которые несколько ослабляли нервное напряжение у людей. Как-то раз предприимчивый баниа — торговец из Индии — ехал ночью на осле, когда на него неожиданно прыгнул лев и сбил с ног осла и хозяина. Лев только собирался схватить купца, как вдруг каким-то странным образом ноги его запутались в веревке, связывавшей два пустых бидона из-под масла. Грохот и звон бидонов, которые он потащил за собой, так напугали зверя, что, задрвав хвост, он бросился в заросли к радости перепуганного баниа. Торговец быстро забрался на ближайшее дерево и просидел там остаток ночи, дрожа от страха.

Вскоре после этого случая такая же невероятная удача выпала на долю подрядчика грека Фемистоклюса Паппадимитрини. Он мирно спал ночью в палатке, когда туда ворвался лев, и схватив матрац, на котором лежал грек, унес его с собой. Бесцеремонно разбуженный подрядчик остался цел и невредим и отделался лишь сильным испугом. В другой раз четырнадцать кули, спавшие в большой палатке, ночью были разбужены львом, который прыгнул сверху на тент и прорвал его. При падении людоед оцарапал плечо одному из рабочих, но вместо человека в спешке схватил большой мешок с рисом и выскочил с ним из палатки. Как только лев понял свою ошибку, он бросил мешок неподалеку.

Это, однако, были первые шаги людоедов. Позже, как вы увидите, ничто уже не могло смутить или напугать их, и они выказывали всяческое презрение людям. Ничто не могло помешать им заполучить намеченную жертву: ни высокий забор, ни яркий костер, ни закрытая дверца палатки. Выстрелы, крики, горящие головни — все было им нипочем.

НАПАДЕНИЕ НА ТОВАРНЫЙ ВАГОН

Все это время моя палатка стояла на расчищенной открытой площадке и даже не была защищена забором. Однажды, когда у меня ночевал доктор Брок, мы проснулись

оттого, что кто-то дергал веревки от палатки. Выйдя с фонарем, я никого не обнаружил. Однако при дневном свете мы разглядели на песке следы львиных лап, и нам стало ясно, что один из нас просто чудом избежал смерти. Напуганный этим ночным происшествием, я тут же решил передвинуть свою палатку и объединиться с доктором Броком, только что прибывшим в Цаво, чтобы возглавить медицинскую службу района. Мы поселились с ним в хижине, которую соорудили из пальмовых веток и листьев на восточном берегу реки, недалеко от старой караванной дороги в Уганду. Мы велели обнести ее круглой бома — высокой колючей изгородью. Наши слуги жили вместе с нами, и все ночи напролет у наших палаток горели яркие костры. По вечерам мы с Броком обычно сидели внизу, под верандой хижины, где было прохладней. Но даже книга была слишком большим напряжением для наших нервов. Мы боялись читать, так как в любую минуту лев мог перепрыгнуть через изгородь и броситься на нас, прежде чем мы успеем сообразить, в чем дело. Поэтому мы всегда держали наготове ружья и сидели, все время беспокойно вглядываясь в темноту за освещенным кругом от лампы. Один или два раза наутро мы узнавали, что лев подходил совсем близко к забору, но, к счастью, ни разу не проник внутрь.

К этому времени все лагеря для рабочих тоже были обнесены высокой колючей изгородью, но львы все-таки умудрялись пролезать сквозь нее и почти каждую ночь хватили очередную жертву. Все чаще и чаще до меня доходили печальные вести об исчезновении рабочих. Однако пока основной лагерь, в котором жили две или три тысячи рабочих, находился в Цаво, эти смертные случаи не вызвали общей паники. Каждый считал, что у льва большой выбор и что жребий вряд ли падет на него. Когда же вместе с железнодорожной линией главный лагерь передвинулся дальше, картина сразу изменилась. Со мной осталось несколько сот рабочих, которые должны были закончить строительство. Все теперь жили вместе, и поэтому внимание к нам со стороны львов стало заметнее и вызывало большее беспокойство. Постепенно всех охватило паническое настроение, и мне с трудом удавалось уговорить людей не бросать работу и остаться в Цаво.

Я велел прекратить все работы до тех пор, пока лагеря не будут обнесены прочными, густыми, высокими изгородями. Внутри всю ночь горели костры, и дежурные, сидя в палатке, должны были время от времени дергать за длинную веревку, приводящую в движение сложную систему висящих на дереве пустых банок из-под масла, и тогда поднимался страшный грохот. И так несколько раз за ночь. Мы надеялись, что шум

отпугнет львов, но, несмотря на все меры предосторожности, люди продолжали исчезать.

Когда центральный лагерь передвинулся дальше, госпиталь остался на старом месте. Он находился несколько поодаль от лагерей на расчищенном участке, почти в полумиле от моей хижины. Госпиталь был защищен высоким забором и казался вполне надежным убежищем. Однако никакие заборы уже не могли служить препятствием для этих дьяволов, и очень скоро один из них нашел лазейку в изгороди и проник внутрь. Это едва не стоило жизни госпитальному врачу. Услышав шум, он открыл дверцу палатки и оказался лицом к лицу с огромным львом, который стоял в нескольких ярдах от палатки и смотрел на него. Хищник сделал прыжок, а насмерть перепуганный эскулап отскочил назад и перевернул ящик с медикаментами. Звон разбитого стекла на секунду испугал льва, он метнулся к другому концу изгороди и, на беду, прыгнул на палатку, где спали восемь больных. Двоих из них тяжело ранил, а третьего схватил и утащил сквозь колючую изгородь. Двое раненых рабочих так и остались лежать под упавшим тентом, где мы и нашли их утром, когда прибыли на место происшествия. Тут же решили передвинуть госпиталь поближе к центральному лагерю. Для этой цели расчистили новый участок и обнесли его густой в высокой изгородью, а к вечеру перенесли туда всех больных.

Я слышал, что львы любят посещать недавно оставленные лагерь, поэтому решил дежурить всю ночь внутри загородки, в надежде захватить одного из хищников. Во время моего одинокого дежурства я услышал крики и шум, доносившиеся из нового госпиталя. Нашему врагу снова удалось провести меня. Как только рассвело, я поспешил на место происшествия и узнал, что один из хищников перепрыгнул через забор и утащил госпитального бхистд — водоношу. Несколько рабочих были невольными свидетелями ужасной сцены, которая произошла у них на глазах внутри освещенного большим лагерным костром круга. Бхисти, очевидно, лежал на полу, головой к центру палатки, когда лев просунул голову под тент, схватил его за ноги и вытащил.

В отчаянной попытке удержаться несчастный водоноша ухватился за тяжелый ящик и тащил его за собой, пока ящик не застрял у стенки палатки; затем он уцепился за веревку, но она лопнула. Льву наконец удалось вытащить свою несчастную жертву наружу, и здесь он бросился на нее. Водоноша несколько раз вскрикнул и затих. Лев взял его в пасть, как кошка берет мышь, и стал бегать взад и вперед по загону, ища выход. Наконец он нашел лазейку в изгороди и протиснулся сквозь нее вместе со своей добычей.

На заборе были видны зацепившиеся за колючки куски одежды и человеческой кожи -- мрачное свидетельство визита хищника. Вместе с доктором Брокком мы вскоре обнаружили в кустах, в четырехстах ярдах от лагеря, останки погибшего. Все это имело, как обычно, ужасный вид. Очень мало осталось от несчастного бхисти — только череп, зубы, несколько больших костей и часть ладони с двумя пальцами. На одном из них было серебряное кольцо, и оно вместе с зубами было отправлено вдове в Индию (такие реликвии в большом почете среди некоторых каст).

Это заставило нас еще раз передвинуть госпиталь на новое место. До наступления ночи все работы были закончены, госпиталь обнесли еще более густой и надежной изгородью. После того как перевезли больных, я велел поставить старый товарный вагон на запасных путях, недалеко от того места, откуда только что эвакуировали госпиталь. В этом вагоне мы с Брокком решили провести ночь, оставив две палатки в загородке и привязав около них коз — приманку для людоедов, которых в тот день, 23 апреля, трижды видели в четырех милях от станции Цаво. Утром они пытались напасть на рабочего, шедшего вдоль пути. К счастью, он успел влезть на дерево, где и просидел полумертвый от страха, пока его не заметил из окна поезда диспетчер. Второй раз львов видели в зарослях, недалеко от станции, а еще двумя часами позже рабочие наблюдали, как один из хищников крался за

доктором Броком, когда тот в сумерках возвращался из госпиталя.

После обеда мы с доктором отправились к вагону, который стоял примерно в миле от нашей хижины. Как мы поняли потом, это был очень неосторожный шаг — выйти так поздно. Но все же мы благополучно добрались до места и около десяти часов вечера заступили на свою вахту. Нижняя часть двери вагона была закрыта, а верхнюю мы широко распахнули, чтобы лучше видеть, что делается вокруг. Мы всматривались в темноту, стараясь разглядеть, что происходит за изгородью, окружавшей госпиталь, но тьма была настолько густая, что мы ничего не видели.

Час или два все было тихо, и эта мертвая тишина стала действовать на нас угнетающе. Вдруг справа хрустнула сухая ветка. Затем послышался глухой стук тяжелого тела, как будто кто-то перепрыгнул через изгородь. Козы забеспокоились и забегали по загону, а затем снова наступила мертвая тишина. Воспользовавшись этой передышкой, я сказал своему товарищу, что хочу выйти из вагона и лечь на землю, чтобы лучше видеть, как лев с добычей будет приближаться к нам. Однако Брок убедил меня не делать этого, и через минуту я от всей души поблагодарил его за добрый совет. Мы и не подозревали, что в это время один из людоедов на расстоянии прыжка спокойно наблюдал за нами. Я распорядился хорошо закрыть калитку изгороди, чтобы мы могли слышать, когда лев будет протискиваться с добычей сквозь колючие кусты. Однако дверь оказалась закрытой не плотно, и пока мы тережились в догадках, думая, что делает лев так долго за изгородью, он между тем был неподалеку и все время не спускал с нас глаз.

Вдруг мне показалось, что кто-то крадучись подбирается к нашему вагону. Я прицелился в темный предмет и, не доверяя глазам, утомленным долгим вглядыванием в темноту, шепотом спросил у Брока, не видит ли он чего-нибудь. Брок не ответил. Впоследствии он говорил мне, что ему тоже показалось, будто кто-то приближается, но не был в этом уверен и боялся, что я выстрелю. На минуту наступила тишина, а затем неожиданно метнулось огромное тело и прыгнуло на нас. «Лев!» — закричал я, и мы почти одновременно выстрелили, как раз вовремя, ибо в следующий момент зверь приземлился бы внутри вагона. Лев, должно быть, во время прыжка отклонился в сторону, ослепленный вспышкой и испуганный двойным выстрелом, который тут же был повторен эхом, отдавшимся от пустой железной крыши вагона.

Если б мы не были все время начеку, лев несомненно схватил бы одного из нас. Только потом мы поняли, как велика была опасность и что мы чудом избежали смерти. Наутро нашлась пуля из ружья Брока: она врезалась в песок возле отпечатка львиной лапы. Мою пулю найти не удалось. Так окончилась наша первая встреча с людоедом.

В ЦАРСТВЕ СТРАХА

Львы, казалось, еще долго не могли оправиться от испуга после ночи, когда мы с Броком караулили их в товарном вагоне. Они совсем не показывались в Цаво и не тревожили нас почти до самого отъезда Брока с караваном в Уганду. Во время небольшой передышки, которую нам устроили львы, мне пришло в голову, что в случае, если они возобновят свои посещения, самым верным и надежным средством борьбы с ними будет капкан. Если бы мне удалось смастерить капкан, в который в виде приманки можно было бы посадить двух людей, не подвергая их опасности, то у львов хватило бы дерзости войти внутрь за добычей. Таким образом, они оказались бы у нас в руках. Я и несколько рабочих принялись за работу, и вскоре из деревянных балок, рельс, кусков телеграфной проволоки и стальной цепи нам удалось смастерить довольно крепкую ловушку. Она была разделена на две камеры: одна из них предназначалась для львов, а вторая для людей. Скользящая дверца выпускала людей, и внутри клетки они находились в абсолютной безопасности, так как от льва, если бы он попал в соседнюю камеру, их отделяла стена из перекрещенных железных рельс с просветом в три дюйма, укрепленных сверху и снизу тяжелыми деревянными балками. Дверь, в которую должен был войти лев, находилась на другом конце этого сооружения. В основном ловушка была

устроена по принципу обычной мышеловки. Разница заключалась лишь в том, что дверь захлопывалась сразу же, после того как зверь входил в камеру.

«Львиное отделение» было построено следующим образом: тяжелая цепь шла по верху двери, и концы ее свисали до земли по обеим сторонам прохода. К цепи толстой проволокой были прикручены небольшие куски рельс на расстоянии шести дюймов друг от друга. В сложенном виде скользящая дверь занимала мало места. Над дверным проемом она удерживалась рычагом, сделанным из куска рельса, который, в свою очередь, был прикреплен проволокой и свободным концом соединен с пружиной, спрятанной в полу, в середине клетки. Стоило льву зайти внутрь ловушки, как он обязательно должен был ступить на пружину, и в мгновение дверца позади него захлопнулась бы. Лев не мог бы сдвинуть дверь с места, так как она плотно входила в желоб между двумя рельсами, крепко вбитыми в землю.

Изготовление ловушки оказалось очень трудоемким делом, так как у нас не было подходящего инструмента, чтобы просверлить отверстия для проволоки в рельсах. Я подумал, что пуля с твердым концом из моего охотничьего ружья пробьет сталь. Прodelав этот эксперимент, я убедился, что получилось аккуратное, как будто штампованное отверстие. Когда ловушка была готова, мы поставили над ней палатку, чтобы обмануть львов, и обнесли ее густой изгородью. Сзади в заборе сделали узкий лаз для людей, который они, войдя внутрь, должны были прикрыть кустом. Другой вход в забор перед дверью клетки мы оставили открытым. Знатоки, которым я показал свое изобретение, говорили, что людоеды слишком хитры, чтобы воспользоваться моим приглашением, но, как выяснилось потом, пророчества их оказались несостоятельными. Несколько ночей я сам в качестве приманки сидел в ловушке, но никаких событий не произошло, если не считать того, что я провел бессонные и неудобные ночи и был жестоко искусан москитами.

Ловушку сделали за несколько месяцев до того, как львы возобновили свои регулярные нападения на Цаво. Правда, время от времени мы слышали об их грабительских налетах на другие участки дороги. Вскоре после нашей встречи с людоедами в товарном вагоне они утащили двух рабочих из главного лагеря. Еще один человек был убит львом в местечке Энгомани, в десяти милях от Цаво. Через некоторое время людоеды вторично посетили это место и схватили еще двоих рабочих. Одного они тут же съели, а другого так сильно искалечили, что он скончался от ран несколько дней спустя. Однако в Цаво они не появлялись, и мы наслаждались временной передышкой. Рабочие считали, что наш смертельный

враг навсегда покинул окрестности Цаво, и вернулись к своим обычным занятиям. Жизнь в лагере вошла в нормальную колею.

Но внезапно мы были выведены из этого блаженного состояния. Однажды темной ночью лагерь был разбужен знаковыми страшными криками. Мы поняли, что демоны вернулись и открыли счет новым жертвам. В эту ночь многие рабочие спокойно спали около палаток, уверенные, что львы навсегда покинули Цаво. Вдруг посреди ночи люди заметили, что какой-то зверь пробирается сквозь изгородь. Забили тревогу: палки, камни и горящие головни полетели туда, откуда появился налетчик. Однако все оказалось напрасным. Лев бросился в центр застывшей от ужаса группы людей, схватил одного из рабочих и, под крики его товарищей, протащил свою жертву сквозь толстую колючую изгородь, где снаружи его ждал второй людоед. Звери настолько обнаглели, что даже не потрудились унести свою добычу подальше от жилья, а растерзали ее тут же, в тридцати ярдах от палатки. Несколько выстрелов было выпущено вслед хищникам, но они даже не обратили на них внимания и не двинулись с места, пока не закончили страшную трапезу. Я не разрешил сразу закопать останки в надежде, что львы вернуться на следующую ночь. С наступлением темноты я занял позицию на дереве, но, не считая визита гиены, ничто не нарушило моего ночного дежурства.

Наутро я узнал, что львы ночью были в лагере в двух милях от Цаво. В это время работы шли на всей линии, и лагеря снова были разбросаны на большом расстоянии друг от друга. Как и накануне, львам удалось схватить человека, и они сожрали его почти у самого лагеря. До сих пор для меня остается загадкой, каким образом хищникам удавалось так бесшумно пробираться сквозь изгородь. Мне казалось, что для животного вообще почти невозможно преодолеть колючие заграждения. Однако львы постоянно бесшумно пролезали через забор.

В течение недели я почти каждую ночь сторожил людоедов около лагерей, где они, по моему мнению, могли появиться. Но все было напрасно. Либо они уходили, завидев меня, либо мне просто не везло, но они уносили человека за человеком, не дав мне ни разу возможности даже выстрелить. Эти ночные бдения были очень нервной и утомительной работой, но несчастные люди видели во мне защитника, и потому я считал своим долгом делать все, что я мог, чтобы избавить их от хищников. Ничего нет более мучительного, чем сидеть и слышать приближающийся страшный рев, зная, что один из нас обречен и станет добычей людоедов до наступления рассвета. Но как только хищники подходили ближе, рев

совершенно прекращался. Это означало, что они выслеживают добычу. Затем от лагеря к лагерю несся крик: «Берегитесь, братья, дьяволы идут!» Но все предупреждения были напрасны, ибо рано или поздно душераздирающие вопли нарушали тишину, и мы не досчитывались еще одного человека.

Естественно, я был очень удручен тем, что львам удалось ночь за ночью водить меня за нос, и не знал, что делать дальше. Иногда мне начинало казаться, что львы и в самом деле были заколдованными дьяволами. Преследовать их в зарослях, как я уже говорил, бесполезно, но все же необходимо было что-то предпринять, чтобы поддержать мужество рабочих, и я проводил целые дни в джунглях, пробираясь на четвереньках сквозь густые заросли почти непроходимого кустарника. Думаю, что если бы я столкнулся со львами во время одной из таких вылазок, то скорее они внесли бы меня в список своих жертв, чем мне удалось бы убить хоть одного из них. К этому времени у меня появилось много помощников: несколько гражданских чиновников, а также морских и пехотных офицеров специально приехали с побережья, чтобы принять участие в охоте на львов. Ночи напролет они сидели в засаде, выслеживая наглого врага.

У меня сохранилось воспоминание об одной такой ночи, когда львы схватили рабочего железнодорожной станции и съели его совсем близко от лагеря. Я отчетливо слышал хруст костей и угрожающее рычание хищников. Мучительнее всего было ощущать свое бессилие, но помочь бедняге я был уже не в состоянии, ночь к тому же была хоть глаз выколи, и ничего нельзя было разглядеть. Несколько рабочих, живших недалеко от моей хижины, перепугались, когда услышали, как львы пожирают добычу, и просили меня впустить их за ограду. Я охотно согласился, но вскоре вспомнил, что в лагере остался большой рабочий. Захватив с собой несколько человек, я отправился за ним, но, войдя в палатку и осветив ее фонарем, увидел, что несчастный уже не нуждался в нашей помощи.

Он умер от страха, когда ушли товарищи.

Обстановка в лагере становилась все мрачнее и мрачнее. Раньше, как правило, нападение совершал один из людоедов, в то время как другой ждал в кустах снаружи. Теперь хищники переменили тактику: они стали вместе заходить за ограду и оба хватили по жертве. В последнюю декаду октября так были убиты два носильщика суахили. Одного львы тут же сожрали, а стоны второго доносились еще некоторое время из-за ограды.

Когда напуганные товарищи, набравшись мужества, отправились на поиски, они нашли его в колючей изгороди, через ко-

торую лев так и не смог проташить его. Несчастный был еще жив, когда я зашел утром, но так сильно изранен, что скончался еще до того, как был перенесен в госпиталь.

Через несколько дней хищники совершили самое наглое нападение на один из больших лагерей, устроенный из сооружений безопасности на расстоянии выстрела от станции Цаво, недалеко от железной будки постоянного дорожного инспектора. Неожиданно посреди ночи два людоеда ворвались в палатку, где спали рабочие. Я из своей хижины, находящейся не так далеко от этого лагеря, слышал полные ужаса крики: «Они схватили его!» Рядом с лагерем львы принялись за свое страшное пиршество. Инспектор Далгэрнс выпустил свыше пятидесяти зарядов вслед людоедам, но это их не испугало, и они спокойно закончили свой ужин.

Осмотрев утром это место, мы тотчас же отправились на следу хищников. Далгэрнс был уверен, что он ранил одного*, из них, так как, судя по следам на песке, людоед хромал на одну ногу. Мы, крадучись, прошли несколько миль *m* неожиданно оказались где-то недалеко от людоедов, встретивших нас угрожающим рычанием. Осторожно пробираясь ш раздвигаая кусты, мы в темноте увидели какой-то предмет, который вначале приняли за львенка. При внимательном осмотре это оказались останки несчастного рабочего, которого львы, очевидно, бросили, почуяв наше приближение. К этому времени звери успели уйти в глубину чаши, где их уже было невозможно преследовать." Нам оставалось только закопать останки и ни с чем вернуться домой.

Даже самый выносливый человек не вынес бы такого постоянного напряжения, не говоря уж о рабочих-индийцах. Они к этому времени были очень напуганы, и поэтому я не удивился, когда под вечер первого декабря, вернувшись в лагерь, я обнаружил, что все рабочие оставили работу и хотят говорить со мной. Они вошли целой толпой в палатку и сообщили, что ни за что не желают больше оставаться в Цаво; они приехали из Индии по договору с правительством работать, а не поставлять пищу для дьяволов в образе львов.

После того как рабочие выдвинули ультиматум, началось паническое бегство. Несколько сот человек, бросившись на рельсы, остановили первый же проходящий поезд, а затем, захватив свои пожитки, взобрались в вагоны, чтобы поскорей унести ноги из проклятого места.

Работы на железной дороге остановились, и в течение трех последующих недель не было построено ничего, кроме укрепленных жилищ для рабочих, у которых хватило мужества остаться. И странно было смотреть на хижины, гнездившиеся на сваях, резервуарах с водой и крышах станционных построек. Иные дошли до того, что выкапывали посреди палат-

ки ямы, в которые залезали на ночь, закрывая их сверху тяжелыми бревнами. В окрестностях Цаво не осталось ни одного дерева, ветки которого не гнулись бы под тяжестью привязанных к ним гамаков. Помню, как однажды ночью, во время нападения львов на лагерь, так много людей забралось на одно большое дерево, что оно, не выдержав ноши, сломалось и с грохотом упало, сбросив своих объятых ужасом обитателей недалеко от хищников. Но, к счастью, львы на этот раз уже заполучили добычу и были слишком поглощены ею, чтобы обратить внимание на перепуганных рабочих.

СЧАСТЛИВОЕ СПАСЕНИЕ ЧИНОВНИКА

Незадолго до бегства рабочих я написал мистеру Уайтхеда, старшему чиновнику округа, и просил его приехать, захватив с собой нескольких аскари *, и помочь мне в кампании против львов. Он ответил, что принимает мое приглашение, и просил ждать его к обеду второго декабря. Поезд его должен был прибыть в Цаво около шести часов вечера. Я послал своего слугу на станцию встретить его и помочь донести багаж до лагеря. Вскоре дрожащий от страха бой прибежал обратно и сообщил мне, что на перроне стоит огромный лев. Ни поезда, ни работников станции он не видел. Я не поверил этой невероятной истории. Рабочие в то время были так сильно напуганы, что, увидев гиену, обезьяну или даже собаку в кустах, принимали их за львов. Но на следующий день я узнал, что на этот раз все было так, как рассказывал бой: станционный мастер и сигнальщик, спасаясь от людоеда, заперлись в здании станции.

Я еще немного подождал мистра Уайтхеда, но так как он не появился, решил, что он отложил свою поездку до следующего дня, и, как всегда, в одиночестве принялся за еду. Во время обеда я слышал два выстрела, но не обратил на них внимания, так как звуки ружейных выстрелов были не в диковинку в окрестностях лагеря. Позже, когда стемнело, я, по обыкновению, вышел на охоту за нашим неуловимым врагом и направился к хижине из железных балок, которую мы поставили на фермы от моста. Место я выбрал недалеко от лагеря, который, как мне казалось, ночью должен был подвергнуться нападению.

Вскоре после того как я удобно устроился на своем посту, с удивлением услышал рычание, где-то в семидесяти ярдах

от моего убежища. Мне показалось, что хищники что-то едят, но в лагерях было тихо, а по горькому опыту я знал, что любой ужин, который львы добывали у нас, сопровождался шумом и воплями. Поэтому я мог сделать только один вывод, что они напали на какого-то несчастного путника из местных жителей. Вскоре в темноте я различил блеск глаз. Прицелившись, насколько это было возможно в густой тьме, я выстрелил, но в ответ на мой выстрел львы подобрали свою добычу и спокойно удалились за невысокий пригорок, где уже никто не мог им помешать закончить трапезу. Как только рассвело, я выбрался из своей хижины и направился к месту, куда, мне казалось, ушли львы. Каково же было мое удивление, когда по дороге я встретил своего пропавшего гостя, мистра Уайтхеда, бледного и расстроенного. Одежда его была измята и разорвана в нескольких местах.

— Откуда вы идете?— воскликнул я.— И почему вы не пришли вчера к обеду?

— Ничего не скажешь, хороший прием вы устраиваете человеку, когда приглашаете его обедать,— ответил он.

— В чем дело? Что случилось?

— Ваш дьявол чуть не прикончил меня вчера ночью,— ответил он.

— Чепуха! Вам, должно быть, это приснилось! — воскликнул я с изумлением.

Ничего не ответив, он повернулся, поднял рубашку и показал мне спину.

— Это очень похоже на сон, как вы думаете? — спросил он.

Одежда от самого ворота была разорвана, видимо, одним мощным ударом, и на теле остались четыре больших следа от когтей; кровавым и страшным пятном выделялись они на разорванной одежде. Ни о чем больше не расспрашивая своего гостя, я отвел его в палатку, обмыл и перевязал раны, и только после того как гость немного пришел в себя, он рассказал мне о событиях минувшей ночи.

Оказывается, поезд опоздал, и было совсем темно, когда он прибыл в Цаво. От станции дорога к нашему лагерю вела через вырубленную просеку. Уайтхед приехал с сержантом Абдуллой, который нес за ним зажженный фонарь.

Они благополучно прошли половину пути через мрачные заросли, и вдруг с высокого берега на них прыгнул лев. Как кеглю, сбил он Уайтхеда с ног и разорвал когтями ему спину. К счастью, Уайтхед успел вскинуть карабин и выстрелить из него несколько раз. Вспышка и громкие выстрелы на минуту испугали льва. Это дало возможность Уайтхеду высвободиться. Но в следующее мгновение зверь кинулся на несчастного Абдуллу и одним ударом лапы убил его. Солдат успел только

* Аскари (*суахили*) — солдат местной армии; полицейский.— *Прим. ред.*

крикнуть: «Bwana, simba!» *. Уайтхед выпустил еще несколько пуль вслед хищнику, когда он взбирался со своей жертвой на крутой берег, но все было напрасно. Лев исчез в темноте со своей страшной добычей. Хруст, который я слышал прошедшей ночью, означал, что очередной жертвой дьявола был аскари. Уайтхед уцелел чудом. Раны его оказались не очень глубокими и впоследствии почти совсем не причиняли ему беспокойства.

В тот же день, третьего декабря, мы неожиданно получили подкрепление. С побережья приехал мистер Фарквахар, старший полицейский офицер с десятью сипаями, чтобы помочь нам в охоте на людоедов, дурная слава о которых к этому времени достигла отдаленных районов страны. Мы очень тщательно расставили посты, используя все большие деревья около лагерей. Вскоре прибыло еще несколько офицеров, решивших во время своего отпуска принять участие в охоте на львов. Они тоже выбрали места для засады поблизости от лагерей, которые ночью могли посетить хищники. Мистер Уайтхед решил дежурить со мной в железной хижине на фермах. Не обращая внимания на насмешки, я привел в боевую готовность свой капкан и посадил внутрь двух сипаев.

Все наши приготовления были закончены, и еще до наступления ночи мы разошлись по своим постам. Около десяти часов вечера вдруг стукнула дверца ловушки. У меня радостно забилось сердце. Наконец, решил я, один хищник попался. Но результат оказался самым постыдным. Внутри клетки, в которой сидели сипаи, горела яркая лампа. Оба солдата были вооружены ружьями мартини и каждому было выдано много патронов. Им было наказано сразу же стрелять, если лев войдет в капкан. Однако, когда лев бросился на клетку и начал биться о железные прутья, парни так обезумели от страха, что не могли сделать ни одного выстрела в течение нескольких минут, пока мистер Фарквахар, пост которого находился невдалеке, не крикнул и не приободрил их. Тогда, наконец, они пришли в себя, открыли огонь и начали палить без разбору, куда попало.

Наша хижина находилась под прямым углом от их мишени. Тем не менее пули со свистом пролетали мимо нас. Сделав более двух десятков выстрелов, они выбили одну из железных перекладин клетки, после чего пленник получил возможность спокойно удалиться. Как они не всадили в него пулю, хотя дула их ружей почти касались львиной шкуры — навсегда останется для меня загадкой. Около ловушки были следы крови, но все же это нас мало утешало. Мысль о том, что людоед, который был почти у нас в руках, отделался лишь легким

ранением, не давала покоя. Все же мы не пали духом и наутро организовали погоню за львом. Весь день мы ползали на четвереньках, высматривая львов в густых колючих зарослях, и хотя несколько раз слышали рев хищников, повстречаться нам так и не удалось. Только Фарквахар один раз видел, как людоед перепрыгнул через куст. Еще два дня мы провели подобным же образом и с тем же успехом, а затем Фарквахар со своими сипаями вернулся на побережье; вскоре уехал мистер Уайтхед, и я снова остался наедине с людоедами.

СМЕРТЬ ПЕРВОГО ЛЮДОЕДА

Через два дня после отъезда моих союзников, рано утром девятого декабря, я вышел из своей загородки и увидел бегущего ко мне рабочего. Он был очень взволнован, размахивал руками и все время оглядывался на ходу. Увидев меня, он закричал: «Симба! Симба!» (Лев! Лев!) Расспросив его подробнее, я узнал, что львы пытались схватить человека в лагере у реки, но, когда им не удалось этого сделать, они убили ослу и пожирают его где-то неподалеку. Такой случай упустить было нельзя.

Я бросился за ружьем, которое мне любезно оставил Фарквахар и, следуя за рабочим, отправился искать хищников. Я надеялся, что львы будут поглощены трапезой и не заметят нас. Мы двигались очень осторожно и вскоре сквозь густой кустарник увидели одного из хищников, но, на беду, мой проводник задел сухую ветку. Хитрый зверь, услышав шум, проворчал что-то и мгновенно скрылся в густой чаще.

Я был в отчаянии, что зверь снова ушел от меня. Быстро вернувшись к лагерю, вызвал рабочих, которые были поблизости, и велел им принести барабаны, консервные банки и другие шумовые «инструменты», которые можно было наскоро раздобыть. Затем я расставил рабочих полукругом и велел главному джемадару бить в барабаны и банки, как только я добегу до другого конца кустарника. Осторожно обойдя чашу, я выбрал удобную позицию — у широкой звериной тропы, по которой лев должен был отступать из своего укрытого места. Я залег за небольшим муравейником и стал ждать в надежде, что вот-вот появится хищник. Вскоре послышался страшный грохот, поднятый передней линией рабочих, и почти тотчас же, к моей величайшей радости, на открытую тропинку вышел огромный безгривый лев. Впервые за все это время я видел хищника так близко, и предстоящий поединок радовал меня чрезвычайно.

Лев медленно двинулся по дорожке, часто останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Я был скрыт от него только наполовину, и, если бы его внимание не было отвлечено шумом

* «Bwana, simba!» (*суахили*) — «Господин, лев!»—Прим. ред.

позади, зверь сразу же увидел бы меня. Однако он ничего не замечал. Подпустив его на расстояние пятнадцати ярдов, я прицелился. Но в тот момент, когда я собирался нажать спуск, лев вдруг увидел меня и, казалось, очень удивился моему внезапному появлению. Он впился когтями в землю, одним движением присел на задние лапы и свирепо зарычал. Целясь ему в голову, я был уверен, что он не уйдет от меня, но... никогда не доверяйся непроверенному оружию! Нажав курок, я услышал лишь глухое шелканье — осечка!

Самое худшее последовало дальше. Я был настолько поражен и удручен неудачей, что забыл выстрелить из второго ствола и опустил винтовку, чтобы зарядить снова, если позволит время. К счастью, лев был настолько поглощен шумом и треском барабанов, что не прыгнул на меня, а бросился в чашу. К этому времени я уже

опомнился и, когда лев прыгнул, выстрелил из левого ствола. Сердитый рев подтвердил, что на этот раз я не промахнулся, но зверю тем не менее удалось скрыться. Я преследовал его еще некоторое время, пока окончательно не потерял след на каменистой почве.

Горько проклиная себя за то, что понадеялся на чужое ружье, я в минуту раздражения равно ругал и его мастера, и владельца. Вытащив невыстреливший патрон, я обнаружил, что боек не доставал до капсюля, так как шляпка патрона была не в порядке. Ружье это я впоследствии вернул Фарк-вахару, вежливо поблагодарив его. Мое невезение привело меня в отчаяние. Рабочие-индийцы более чем когда-либо уверовали в то, что львы и в самом деле были злыми духами, непроницаемыми для пуль. Да и мне стало казаться то же.

После такого ужасного провала ничего не оставалось, как вернуться в лагерь. Однако прежде чем сделать это, я отправился взглянуть на мертвого осла, который, как я и думал, был лишь слегка обглодан. Любопытно, что львы всегда на-

чинают пожирать добычу с хвоста и постепенно доходят до головы. Трапеза, очевидно, была прервана в самом начале, и я знал, что один из хищников вернется за тушей с наступлением ночи. Так как поблизости не было ни одного дерева, я велел соорудить помост футов в десяти от места, где лежала туша. Помост был высотой около двенадцати футов и состоял из четырех вбитых в землю шестов, наклоненных к центру. На эти шесты мы положили доску, которая и служила сиденьем. Позже, когда стемнело, толстой веревкой прикрутили тушу осла к небольшому пню, чтобы лев не мог утащить добычу, прежде чем я выстрелю.

После захода солнца я занял пост на своем воздушном насесте. К великому неудовольствию моего верного слуги Махины, на этот раз я отправился на охоту один. Я с радостью взял бы его с собой, но слуга был простужен, и меня беспокоило, что он может невольно закашлять или пошевелиться, а это испортило бы все дело. Мрак опустился почти неожиданно, и вокруг стало удивительно тихо. К молчанию африканских джунглей нужно привыкнуть. Сильнее всего оно действует, когда ты совершенно один, далеко от своих собратьев. Одиночество и тишина, несмотря на цель моего ночного дежурства, подействовали на меня, и состояние напряженного ожидания постепенно уступило место мечтательности и спокойствию, которые удивительно гармонизировали со всей окружающей обстановкой.

Неожиданно из этого приятного состояния меня вывел хруст ветки. Я внимательно прислушался, и мне показалось, что слышу, как тяжелое тело продирается сквозь кусты. Людод! Сегодня ночью мне повезет — я захвачу одного из хищников. Снова наступило затишье. Я сидел на своем насесте

неподвижно, но каждый мускул был напряжен. Вскоре, однако, все сомнения были рассеяны. Глубокий долгий вздох — явный признак голода у людоеда — донесся из кустов, а затем зашуршали ветки. Крадучись он продвигался вперед. Через минуту лев неожиданно остановился и сердито зарычал. Я понял: мое присутствие замечено, и начал опасаться, что меня снова постигнет неудача.

Но на этот раз дело быстро приняло совсем неожиданный оборот. Охотник вдруг превратился в преследуемую жертву. Вместо того, чтобы уйти при виде человека или накинуться на приманку, специально приготовленную для него, лев стал подкрадываться ко мне. Около двух часов он держал меня в страхе, неторопливо расхаживая вокруг моего шаткого строения, постепенно подбираясь все ближе и ближе. Каждую минуту я ждал, что он бросится на меня. Помост был построен без расчета на такой прыжок. Если один из непрочных шестов свалится или если лев прыгнет на высоту двенадцати футов, отделяющих меня от земли, вряд ли у меня будут шансы спастись. Я почувствовал, как мороз пробежал у меня по коже, и искренне пожалел о своем безрассудстве, заставившем меня выбрать такую ненадежную позицию. Я сидел не шевелясь, не смея даже моргнуть.

Долгое напряжение сказывалось на нервах, и можно ясно представить себе, что я почувствовал, когда вдруг среди ночи что-то твердое ударило мне в затылок. Я оцепенел от ужаса и едва не свалился на землю, так как решил, что лев прыгнул на меня сзади. Через минуту, когда я пришел в себя, стало понятно, что это была сова, в темноте принявшая меня за ветку. В нормальных обстоятельствах это не вызвало бы большого волнения, но в этот момент такой удар почти парализовал меня. Мое невольное, вызванное испугом движение было немедленно встречено зловещим рычанием внизу. После этого я сидел дрожа от страха, стараясь даже не дышать; но вскоре услышал, что лев начал осторожно двигаться к помосту. Мне было видно, как он крался среди кустарника, и еще до того как он приблизился, я тщательно прицелился и нажал курок. Раздался выстрел, а затем яростный рев. Было слышно, как лев сделал несколько прыжков. Больше я не мог уследить за ним — людоед скрылся в густом кустарнике. На всякий случай продолжаю стрелять в том же направлении. Из кустов донеслось несколько громких стонов, постепенно переходящих в глубокие вздохи, наконец прекратились и они. Теперь я был уверен, что один из дьяволов, который наделал столько бед, больше не будет нас беспокоить.

Как только я прекратил стрельбу, гомон человеческих голосов донесся через темный лес из лагеря, находившегося в миле от меня. Я громко крикнул, что жив и невредим и что

один из людоедов мертв. В ответ услышал ликующие крики, которые, очевидно, удивили обитателей джунглей на много миль вокруг. Вскоре множество огней замелькало в чаще: весь лагерь поднялся, и под бой тамтамов и звуки рогов люди бежали к месту происшествия. Они окружили насест и, к моему великому изумлению, пали на колени с приветственными криками, которые означали что-то вроде «благодарственный» или «спаситель». Я запретил какие бы то ни было поиски убитого хищника ночью, опасаясь, что его приятель находится поблизости. Кроме того, зверь, возможно, был только сильно ранен и при виде людей мог вскочить и прыгнуть на них. Поэтому все вернулись с триумфом в лагерь, где оставшаяся часть ночи продолжался праздник.

Все с нетерпением ждали рассвета. И как только занялась заря, мы уже шли к месту ночного сражения. Даже на этот раз я не был уверен, что дьявол не обманул меня каким-нибудь ловким и таинственным способом. К счастью, мои страхи оказались необоснованными, и все убедились, что судьба на сей раз, после того как она много раз выкидывала со мной такие отчаянные фокусы, наконец улыбнулась мне. Не успел я сделать и нескольких шагов по кровавому следу, как, обогнув куст, застыл от неожиданности. Передо мной лежал, казалось, готовый к прыжку, огромный лев. Однако, присмотревшись внимательней, я убедился, что он мертв.

Мои спутники столпились вокруг зверя, смеялись, танцевали и кричали от радости, как дети. Они подняли меня и носили на плечах вокруг мертвого дьявола. Когда кончились эти благодарственные церемонии, я осмотрел тело и обнаружил, что две пули попали в цель: одна засела за левым плечом, а другая — в задней ноге. Добычей действительно можно было гордиться. Длина зверя от кончика носа до кончика хвоста составляла девять футов восемь дюймов, а высота равнялась трем футам девяти дюймам. Потребовалось восемь человек, чтобы перенести его в лагерь. Досадно, что шкура была изодрана о колючие изгороди, через которые людоед так часто продирался со своими жертвами.

Весть о смерти одного из знаменитых людоедов вскоре распространилась по всей округе. Мы получили много поздравительных телеграмм; десятки людей приезжали со всех концов дороги, чтобы своими глазами увидеть шкуру хищника.

СМЕРТЬ ВТОРОГО ЛЮДОЕДА

Но не следует думать, что со смертью льва закончились наши злоключения в Цаво: товарищ его был еще жив и очень скоро дал нам знать о себе. Не прошло и двух ночей, как он попытался напасть на инспектора дороги. Возбравшись по

ступенькам его бунгало, он стал красться вдоль веранды. Инспектор услышал шум и, решив, что это подвыпивший рабочий, сердито закричал: «Убирайся отсюда!» К счастью, он не вышел и не открыл дверь. Огорченный лев, которому на этот раз не удалось отведать человечины, схватил пару инспекторских коз и тут же на месте сожрал их.

Услышав об этом происшествии, я решил следующую ночь дежурить около бунгало инспектора. Поблизости стояла свободная железная хижина с удобной бойницей в стене. Снаружи для приманки к железной балке, весом около двухсот пятидесяти фунтов, я привязал трех больших коз. Все было тихо до рассвета, и только незадолго до восхода солнца наконец появился людоед. Он тут же схватил козу и пустился бежать с ней, таща за собой балку и привязанных к ней коз. Я выстрелил несколько раз ему вслед, но так как было совсем темно, то случайно подстрелил одну из коз (в таких случаях всегда мечтаешь о вспышке магния.)

Утром я отправился по следу хищника. Ко мне присоединилось несколько человек из лагеря. Мы легко нашли следы от рельса и коз и вскоре, не пройдя и четверти мили, подошли к месту, где лев расправлялся с добычей. Заслышав наши шаги, он спрятался за кустом и сердито зарычал. Когда мы подошли ближе, зверь неожиданно сделал прыжок в нашу сторону. В мгновение все мои спутники взобрались на ближайшее дерево, за исключением одного из моих помощников, мистера Уинклера, который продолжал спокойно стоять рядом со мной. Но хищник, видимо, переменял свое намерение, повернулся и исчез в кустах. Мы бросили камень в чашу, в то место, где последний раз его видели, но по тишине поняли, что он ускользнул. И осторожно двигаясь вперед, дошли до конца кустарника, в котором он должен был скрываться. Льва нигде не было, на этот раз он ушел, оставив почти нетронутыми двух коз.

Я был уверен, что лев, как всегда, вернется, чтобы покончить с добычей, и поэтому соорудил крепкий помост в нескольких футах от мертвых коз. Я устроился на нем еще до наступления темноты. На этот раз я взял с собой своего слугу Махину, и мы по очереди сменяли друг друга. Я был очень утомлен после бессонных ночей и сразу же задремал. Вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня за руку. Открыв глаза, увидел, что Махина указывает в направлении коз. «Лев», — прошептал он.

Нащупав свое двойное гладкоствольное ружье, заряженное дробью, стал терпеливо ждать. Уже через несколько минут я был вознагражден. В том самом месте, где, по моим расчетам, должен был появиться лев, раздалось шуршание, и зверь, крадучись, появился на открытой площадке и прошел около

самого насеста. Я выстрелил почти одновременно из двух стволов ему в плечо и с радостью увидел, что он упал. Тут же схватил магазинную винтовку, но прежде чем успел нажать курок, зверь скрылся в кустах. Мне оставалось только наугад стрелять ему вслед. Тем не менее я был твердо уверен, что доберусь до него утром, и поэтому с рассветом отправился в путь. На расстоянии мили без труда проследил кровавый след. Судя по тому, что хищник несколько раз отдыхал, не трудно было догадаться, что он сильно ранен. Однако на сей раз охота оказалась бесплодной, так как через некоторое время почва стала каменистой, а следы крови исчезли.

В это время сэр Гилфорд Молесворт, инженер-консультант по строительству железной дороги, проезжал с инспекторским визитом через Цаво. Осмотрев мост и другие участки работ, он выразил свое удовлетворение и сделал несколько снимков. Очень сочувствуя всем испытаниям и бедам, которые нам пришлось пережить, он был в восторге от того, что один из людоедов наконец мертв. Инженер спросил меня, не собираюсь ли я в скором времени покончить со вторым людоедом, и хорошо помню, как он иронически улыбнулся, когда я очень уверенно сказал, что надеюсь поймать его в течение ближайших дней.

Однако после этого в течение десяти дней враг наш не показывался, и мы стали надеяться, что он скончался от ран где-то в зарослях. Но тем не менее мы все же ночью соблюдали обычные меры предосторожности. Это было благоразумно, так как в противном случае еще одна жертва появилась бы в списках погибших. Ночью двадцать седьмого декабря я был неожиданно разбужен страшными криками, доносив-

шимися с той стороны, где под деревом, недалеко от моей загородки, спали рабочие, обслуживающие вагонетки. По их крикам я понял, что на них напал лев. Чистым безумием было выйти из палатки, так как луну закрыли густые облака и на расстоянии ярда ничего нельзя было разглядеть. Все что мне оставалось сделать — это выстрелить наугад, чтобы отпугнуть зверя. Очевидно, выстрелы достигли цели, ибо ночью нас больше никто не тревожил. Людоед, очевидно, побродил еще некоторое время вокруг, так как утром мы обнаружили следы его лап вокруг дерева и около палаток.

На следующий вечер я устроился на этом дереве в надежде, что лев предпримет вторую попытку. Ночь началась неудачно, так как, влезая на свой пост, я чуть не положил руку на ядовитую змею, обвившуюся вокруг ветки. Можно представить, с какой скоростью я скатился вниз. Один из рабочих тут же убил змею длинным шестом. К счастью, ночь оказалась ясной и безоблачной, луна освещала все вокруг, и было светло почти как днем. Я сидел примерно до двух часов, а затем разбудил Махину, когда настала его очередь. Около часа я проспал спокойно, прислонившись спиной к дереву, а затем вдруг неожиданно проснулся от какого-то странного беспокойного ощущения. Однако Махина все время был начеку и ничего не заметил. Я внимательно всматривался в темноту, но тоже не мог обнаружить ничего необычного. Только, наполовину успокоенный, я приготовился было снова заснуть, как вдруг мне показалось, что кто-то движется в низком кустарнике, недалеко от нашего дерева. Вглядевшись пристальней, я понял, что не ошибся. Это был людоед, отслеживающий нас.

Дерево стояло на открытом месте, кое-где поросшем негустым кустарником. Зрелище было поистине захватывающим: следить за тем, как огромный зверь украдкой приближался к нам, используя все укрытия на пути. Его ловкость выдавала в нем знатока опасной игры — охоты на людей. На этот раз я решил попусту не рисковать. Поэтому, выждав пока он подойдет поближе, на расстояние примерно двадцати ярдов, выстрелил ему в грудь. Я слышал, как пуля ударилась о шкуру, но, к несчастью, не сбила людоеда с ног. Со свирепым рычанием он перевернулся и большими прыжками бросился бежать. Прежде чем хищник исчез из виду, я выпустил в него еще три заряда из магазинной винтовки. Рев, донесшийся в ответ, подтвердил, что последняя пуля попала в цель.

Мы с нетерпением ожидали рассвета и с первыми лучами солнца начали преследование. Двигались быстро, так как хищник оставил четкий кровавый след. Не прошли мы и четверти мили через заросли, как вдруг впереди послышалось, свирепое предупреждающее рычание. Вглядевшись осторожно в кусты, я увидел людоеда, обнажившего в злобном оскале-

клыки. Тщательно прицелился и выстрелил. Зверь подскочил и прыгнул в нашу сторону. Я опять выстрелил и сбил его с ног, но через секунду он снова вскочил и быстро, насколько позволяла ему рана, двинулся на нас. Третья пуля пошла мимо. Я протянул руку за мартини, надеясь остановить его выстрелом из карабина. Однако я не нашел ни ружья, ни слуги. Последний страшный прыжок был слишком большим испытанием для Махины, и он вместе с карабином в это время сидел уже высоко на дереве. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним, что я не теряя ни секунды и сделал. И если бы я выстрелом не перебил льву заднюю ногу, он, несомненно, расправился бы со мной до того, как я добежал до дерева.

Когда лев обнаружил, что опоздал, он, прихрамывая, направился к чаше, но к этому моменту у меня в руках был уже карабин, и первый же выстрел из него оказался смертельным для хищника. Он упал и остался лежать неподвижно. Не раздумывая, я тут же слез с дерева и направился к нему. К моему удивлению и немалой тревоге, он вскочил и попытался прыгнуть на меня. Но на этот раз пуля в грудь и вторая в голову навсегда успокоили его. Он упал в пяти ярдах от меня, в агонии яростно грызя упавшую ветку.

К этому времени все лагерные рабочие, привлеченные выстрелами, прибежали к месту битвы, и так сильна была их ненависть к хищнику, убившему их товарищей, что я с огромным трудом удержал их от того, чтобы они не разорвали на куски мертвое тело людоеда. Под ликующие крики местных жителей и рабочих мы перетаскивали льва в загон, находившийся совсем близко. При осмотре в теле льва было обнаружено не менее шести пулевых отверстий. В спине я нашел дробь, которой «угостил» его десять дней назад. Длина зверя от кончика носа до хвоста составляла девять футов шесть дюймов и высота три фута двенадцать с половиной дюймов, но, как и у его первого друга, шкура была вся попорчена царапинами от колючек бомы.

Весть о смерти второго дьявола вскоре разнеслась по всей округе, и местные жители приходили со всех концов, чтобы взглянуть на мои трофеи и на убийцу дьяволов, как они называли меня. Самым примечательным было то, что рабочие, которые убежали из Цаво, стали возвращаться обратно, и вскоре работы на дороге возобновились. С тех пор людоеды больше нас никогда не беспокоили. В знак благодарности рабочие преподнесли мне красивую серебряную вазу, а также длинную поэму на хиндустани, в которой в библейском стиле описывались все наши испытания и окончательная победа над врагом. Эту вазу я всегда буду считать своим самым дорогим подарком.

ЛЬВИНОЕ ЛОГОВО

На юго-запад от Цаво лежали скалистые холмы, которые мне очень хотелось обследовать. Как-то раз, когда у нас работа стояла из-за нехватки строительных материалов, я отправился к этим скалам в сопровождении моего верного Махины и рабочего-пенджабца, которого за его непомерную толщину прозвали Мута (толстяк). Во время своих вылазок в окрестности Цаво я убедился, что здесь во всех направлениях идут звериные тропы, и постепенно нанес их на карту. И на этот раз мы сразу же попали на носорожью тропу, которая вела в нужном направлении и очень облегчала наше продвижение через заросли. Когда мы шли по высохшему руслу ручья, я заметил, как что-то блеснуло в песке, где солнечные лучи проникали сквозь густую листву. Я сразу же подумал о драгоценных камнях, так как их очень часто находили в подобных местах, и принялся раскапывать песок охотничьим ножом; и вскоре в сыром песке увидел великолепный бриллиант. Грани его сверкали, как будто он только что вышел из рук амстердамского ювелира. Решив попробовать его на стекле от часов, я обнаружил, что он легко вырезает инициалы. И хотя я знал, что кварц тоже режет стекло, но ни форма камня, ни срезы не напоминали ни один из известных мне видов кварца. Но недолго я радовался и строил планы о будущих копиях. Внимательней рассмотрев свою находку, я понял, что это не бриллиант, а какой-то неизвестный мне минерал.

После того как мои надежды стать миллионером рассыпались в прах, мы продолжали путь, забираясь все дальше и дальше в глубь темного леса. Пройдя еще немного, я увидел у края оврага огромного носорога. К сожалению, он заметил нас тоже, и прежде чем я успел прицелиться, зверь громко фыркнул и бросился в густую чащу. Когда мы шли по оврагу в густой тени раскидистых пальм, слева я заметил небольшой ручеек, который, отделившись от речки, с трудом пробивался сквозь спутанную массу травы и стелющихся по земле лиан. Над ним был зеленый свод, который образовался от постоянного прохода носорогов или гиппопотамов. Мне захотелось посмотреть, куда ведет арка. Не прошел я и нескольких шагов, как увидел перед собой небольшой залив, образовавшийся при разливе реки. Впадина была покрыта мягким мелким песком, на котором можно было различить следы множества зверей.

В одном углу этого залива, недалеко от развесистого дерева, был маленький песчаный холмик. Заглянув сверху, на другой стороне его я увидел мрачную пещеру, которая, как мне показалось, уходила в глубь скалистого берега. Около входа и внутри пещеры я обнаружил много человеческих костей и медных браслетов, которые носят местные жители. Вне со-

мнения — перед нами была пещера людоедов. Там случайно я набрел на логово демонов, когда-то наводивших ужас на всех, на то самое, которое я столько искал, пробираясь сквозь колючки непроходимых зарослей. Мне не

захотелось исследовать мрачную пещеру, но, решив, что внутри еще могли остаться львица или львенок, я выстрелил раза два через отверстие сверху. Выстрел вспугнул только стаю летучих мышей. Я сфотографировал пещеру и поскорее покинул страшное место, радуясь, что нет больше на свете кровожадных и ненасытных хищников, некогда обитавших здесь.

Мы вернулись к большому оврагу и продолжали наш путь. Вскоре мне показалось, что на берегу, среди высоких камышей, прячется носорог. Я знаком велел Махине и Муте не двигаться, а сам осторожно направился к зверю. Но, подойдя ближе, понял, что обознался и принял темный берег, просвечивающий сквозь камыши, за носорога. Мы выбрались со дна оврага и пошли по краю. Вскоре впереди услышали стук копыт. Я бросился к тропе, проходившей в нескольких ярдах от нас, и, притаившись за кустом, увидел перед собой цепочку испуганных зебр. Впервые мне довелось увидеть этих красивых пятнистых животных в естественных условиях. Выбрав самую крупную из них, я прицелился. Расстояние было небольшое, и поэтому убил зебру наповал. Когда я наклонился над ней и рассмотрел ее получше, то почувствовал угрызения совести, что подстрелил такое красивое создание.

Стало темнеть, когда мы кончили освежевывать зебру. Пришлось найти дерево побольше и провести на нем ночь. Под деревом мы разожгли костер, приготовили чай и зажарили

двух перепелов, которых я подстрелил на пути. Оказалось, что это очень вкусное блюдо. Затем мы с Махиной забрались на дерево. Мута заявил, что он ничего не боится и будет спать на земле. Однако от его мужества и следа не осталось, когда в полнчок огромный носорог, учуяв нас, громко фыркнул совсем близко от Муты, который, не помня себя от страха, в одно мгновение оказалась на дереве. Несмотря на свою полноту, он был ловок, как обезьяна, и ни разу не остановился, пока не добрался до верхушки. Мы с Махиной очень смеялись над его поспешным бегством, да и потом Махина еще долго издевался над ним. Оставшаяся часть ночи прошла спокойно, и рано утром, пока мои спутники готовили завтрак, я пошел к скалистым холмам, видимым еще из Цаво. Теперь до них оставалось не больше полумили. Я шел, высматривая дичь, но ничего, кроме антилопы сони и нескольких цесарок, мне не встретилось на пути. Я прошел уже половину дороги, когда заметил на скале леопарда, который нежился под лучами утреннего солнца. Увидев меня, зверь тут же исчез, не дав мне сделать выстрел. Я недостаточно осторожно двигался, а леопард слишком хитрый зверь, чтобы его можно было захватить во время сна.

К сожалению, у меня было очень мало времени и я не мог как следует обследовать эти холмы. Поэтому сразу же после завтрака упаковали шкуру зебры и двинулись в обратный путь сквозь густые заросли. День выдался очень жаркий, и мы были рады наконец добраться до лагеря.

Все эти прогулки мы обычно совершали на север от Цаво, к привлекающим своей свежей зеленью рекам Ати и Сабаки. После длинного и утомительного пути через заросли приятно было лежать в прохладной тени камышей, растущих вдоль берегов, и наблюдать за животными, которые, не подозревая о нашем присутствии, спокойно приходили на водопой. Я сделал немало снимков зверей, но, к сожалению, часть негативов погибла. В ясные лунные ночи нередко я сидел на скале, посреди реки, недалеко от излюбленного места водопоя животных. Досадно было, когда вдруг менялся ветер и выдавал мое присутствие носорогу или другому зверю, которого я часами терпеливо выслеживал. Когда же я очень уставал от напряженного ожидания, то по теплой воде выбирался на берег и ложился на мягкий песок, стараясь не думать о зубастой пасти крокодила. В начале своего пребывания в Цаво я еще не понимал, насколько опасны эти обитатели рек, но позднее, после того как моего несчастного спутника из племени вакамба схватил на моих глазах крокодил, я стал осторожнее.

Самый короткий путь к реке Ати лежал через заросли, на северо-запад от Цаво. Здесь проходила хорошо протоптанная носорожья тропа. Я обнаружил ее случайно, когда пригласил

своих друзей, гостивших у меня в Цаво, провести ночь на берегу реки. В тот вечер мы медленно, с трудом пробирались сквозь густые заросли и внезапно наткнулись на эту тропу, направление которой совпало с нашим путем. Я был уверен, что она должна нас вывести к реке, и поэтому предложил своим гостям идти по ней. Теперь продвижение наше убыстрилось. Дорога шла через прогалины с бесчисленным множеством следов водяных козлов. Раза два мы даже замечали этих животных, когда они, почуяв нас, бросались в заросли. В конце концов, как я и предполагал, тропа оказалась верным проводником. Она привела к идеальному месту для лагеря, на самом берегу реки, где росло несколько высоких деревьев. Мы устроили великолепный пикник, и моим гостям очень понравилась эта ночь на берегу Ати, хотя одного из них сильно напугал носорог, неожиданно громко фыркнувший поблизости. Он был, очевидно, недоволен вторжением в его владения.

Утром мои гости пошли вдоль берега охотиться, а я остался в лагере и занялся приготовлением завтрака. Через час они вернулись с пустыми руками и очень голодные. После обильного завтрака гости легли отдохнуть, а я решил вместе с двумя рабочими побродить вокруг в надежде, что фортуна будет ко мне более благосклонна, чем к ним. Пройдя немного» вдоль правого берега реки, я вдруг заметил в кустах какое-то движение и замер на месте. Через минуту увидел, как грациозная антилопа вышла из воды. Мне была видна только голова и шея над зарослями, нас разделяло всего пятьдесят ярдов, я поднял винтовку к плечу и прицелился. Мое движение не ускользнуло от животного, антилопа на мгновение остановилась и посмотрела на меня. Как только прогремел выстрел, антилопа исчезла в траве. Это было очень неожиданно, и я решил, что промахнулся. Перезарядив ружье, я осторожно двинулся к ней, намереваясь идти по ее следу, и вдруг увидел антилопу в кустах. Пуля прошла сквозь сердце и сразила ее наповал. Немедленно мы двинулись обратно. Животное, подвешенное за ноги к толстой ветке, несли за мной двое рослых рабочих. Мои гости очень удивились, увидев меня так скоро с добычей. С антилопы сняли шкуру, а из мяса приготовили великолепное жаркое. Затем, дождавшись вечерней прохлады, мы благополучно вернулись в Цаво.

Вскоре один из моих гостей, Раусон, снова приехал в Цаво. Как-то вечером мы сидели с ним под верандой моей хижины. Мне понадобилась какая-то вещь, и я послал за нею в палатку индеец по имени Минх. Он пошел исполнять поручение, но я вернул его с дороги и велел захватить с собой фонарь, так как в палатке могли быть змеи. Как только он дошел до двери палатки, которая была от нас в десяти ярдах, мы услышали его крик:

— Саиб! Здесь большая змея!

— Где? — крикнул я.

— Здесь, у постели, Принесите ружье, скорее!

Я схватил дробовик, который держал всегда под рукой, и бросился в палатку. При свете фонаря я увидел большую красную змею, около семи футов длиной, смотревшую на меня из-под походной кровати. Я тут же выстрелил в нее и перебил ее пополам. Хвост остался на месте, а передняя часть исчезла в темном углу, но по следу крови мы нашли ее на полу, под циновкой. При нашем приближении змея зашипела, но тут же получила удар по голове. Раусон подобрал ее и вынес на свет. Затем, наступив ногой ей на голову, палкой открыл рот. Две струйки яда брызнули из обнажившихся клыков и попали на одежду стоящего рядом служащего индийца. Бедный бабу* так испугался, что сорвал с себя всю одежду. Я так и не узнал, как называется эта змея. Такую кирпично-красную змею мне пришлось видеть еще один раз во время охоты в Восточной Африке. Я чуть не наступил на нее: она поднялась на хвосте и зашипела. От неожиданности и испуга я застыл и не сделал ни одного выстрела, пока змея не скрылась в густой траве.

ЛЮДОЕД В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ВАГОНЕ

К концу моего пребывания в Восточной Африке я как-то вечером обедал у мистера Райалла, полицейского инспектора, в его служебном вагоне. Бедный Райалл! Думали ли мы тогда, какая ужасная смерть настигнет его в том самом вагоне, где мы так мирно сидели.

Лев-людоед поселился неподалеку от маленькой дорожной станции под названием Кимаа и, по непонятной причине, почувствовал особое пристрастие к служащим железной дороги. Это был очень наглый хищник, и ему было все равно, кто перед ним — начальник ли станции, стрелочник или сигнальщик. Однажды ночью он взобрался на крышу станционного здания и пытался сорвать листы рифленого железа. Перепуганный телеграфист, который в это время находился в помещении, послал следующее лаконичное сообщение управляющему дороге: «Лев сражается со станцией. Немедленно высылайте подкрепление».

К счастью, его «сражение со станцией» не увенчалось успехом. Он так старался проникнуть внутрь здания, что сильно порезал лапы о железную обшивку, и на крыше остались большие лужи крови. Но на следующую ночь ему все же уда-

лось утащить машиниста водоналивного поезда, а некоторое время спустя он внес в свой кровавый список еще несколько новых жертв. Как-то раз машинист паровоза просидел целую ночь в большом железном баке для воды, надеясь подстрелить льва. Он специально проделал в чане отверстие для дула. Но, как это часто случается, охотник превратился в преследуемую жертву.

В полночь появился лев, перевернул бак и пытался вытащить машиниста через узкое круглое отверстие в крышке, через которое тот пролез внутрь. К счастью, бак был глубокий, и хищник не мог достать человека со дна резервуара. Машинист же был почти парализован от страха и так скорчился на дне бака, что не смог прицелиться. Но все же выстрелил и спугнул зверя.

Шестого июля 1900 года инспектор Райалл выехал в своем вагоне из Макинду в Найроби в сопровождении двух друзей — мистера Хюбнера и мистера Парэнти. Когда они прибыли на станцию Кимаа, которая находится на расстоянии двухсот пятидесяти миль от Момбасы, им сказали, что людоеда видели около станции незадолго до их приезда. Они решили заночевать на станции и попытаться подстрелить льва. Вагон Райалла отцепили от состава и отвели на боковые пути, поближе к станции. Линия была не совсем закончена, и вагон стоял слегка наклонно. Под вечер три друга отправились на поиски льва и, не найдя его, вернулись в вагон обедать. После обеда они еще долго сидели, поджидая врага, но ничего примечательного, кроме двух ярких и неподвижных точек, принятых ими за светлячков, они не заметили. Как показали дальнейшие события, это было не что иное, как глаза людоеда, все время спокойно следившего за каждым их движением. Час был поздний, и лев не показывался. Райалл уговорил своих друзей лечь спать, а сам остался на часах. Хюбнер лег на верхней полке, над столом, вторую же полку, внизу, Райалл предложил Парэнти. Тот отказался и растянулся на полу, ногами к поднимающейся двери.

Райалл, очевидно, просидев некоторое время, решил, что лев уже не появится в эту ночь, лег на нижнюю койку и задремал. Коварный людоед только этого и ждал. Чтобы попасть на маленькую платформу в конце вагона, он должен был взобраться на две высокие ступеньки. Он проделал это успешно и беззвучно. Дверца, ведущая с платформы в вагон, скользила на колесиках, которые легко двигались по медному полозу. Возможно, что дверь была не совсем плотно закрыта. Как бы то ни было, льву ничего не стоило просунуть лапу и открыть ее. Из-за того, что вагон был наклонен, дверь захлопнулась как раз в тот момент, когда лев забрался внутрь, и хищник остался в вагоне со спящими людьми.

* Бабу (*инд.*) — почтительный титул у представителей высших каст.— *Прим. ред.*

Он тут же прыгнул на Райалла, но, чтобы добраться до него, ему пришлось наступить на Парэнти, который, как уже упоминалось, спал на полу. Хюбнер, разбуженный громким криком, посмотрел вниз и с ужасом увидел огромного льва, который стоял, опираясь задними лапами на Парэнти, а передние опустил на бедного Райалла. Не удивительно, что Хюбнер до смерти перепугался.

Единственный путь к спасению — была вторая дверь, ведущая в купе, где находились слуги. Она находилась против двери, через которую вошел лев. Но, чтобы добраться до нее, Хюбнеру пришлось почти прыгнуть на спину людоеда, так как его огромное тело заняло все пространство между койками. Это покажется невероятным, но, видимо, Хюбнер был так испуган и возбужден, что он проделал этот маневр. Лев был слишком поглощен своей жертвой, чтобы обратить на него внимание. Хюбнер, таким образом, благополучно достиг двери, но тут же, к своему ужасу, обнаружил, что ее с другой стороны крепко держали перепуганные слуги, которых разбудил шум и суматоха, вызванные вторжением льва. В отчаянии Хюбнер стал дергать дверь, и наконец ему удалось поднять ее настолько, чтобы протиснуться в соседнее отделение, где дрожащие от страха слуги тут же снова завязали ее своими чалмами. Через минуту послышался стук, вагон накренился и упал на бок. Лев выскочил в окно, унося в зубах беднягу Райалла, а полуживой от страха Парэнти выпрыгнул через второе окно на другую сторону платформы и спрятался в одном из стационарных строений. Вагон был сильно поврежден, оконная рама разбилась, когда лев пролезал через окно с жертвой в зубах.

Смерть бедного Райалла наступила мгновенно. Останки его тела наутро нашли в кустах, в четверти мили от станции, и похоронили в Найроби. Я рад добавить, что очень скоро страшный хищник, виновник этой трагедии, попался в ловушку, которую смастерил железнодорожный служащий. Несколько дней его держали в клетке, а потом застрелили.

РАБОТА В НАЙРОБИ

Ранним утром второго июня я ехал в Найроби вместе с доктором Мак-Каллохом. Через несколько дней доктор должен был уехать в отпуск в Англию и жаловался мне, что ему за время пребывания в Африке так и не довелось не то что подстрелить, но даже увидеть льва. Во время этого разговора мы стояли в будке паровоза, друг против друга.

— Дорогой Мак,— сказал я.— Это произошло потому, что вы их не искали.

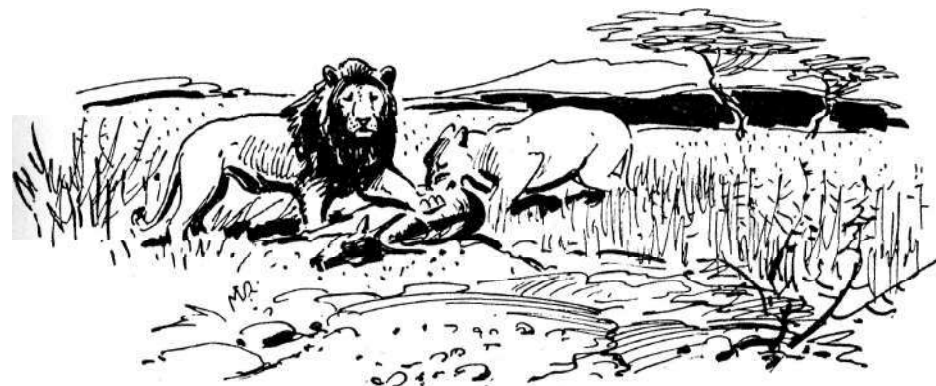
— Чепуха! — ответил он.— На охоте я ничем другим не занимаюсь.

— Ну, хорошо,— сказал я,— вам и вправду так хочется убить льва до отъезда домой?

— Больше всего на свете! — последовал взволнованный ответ.

— Султан! — крикнул я машинисту.— Останови поезд! Ну, а теперь, Мак, — продолжал я, когда поезд тормозил,— вот вам случай! Прыгайте и ловите вон тех двух.

Он обернулся и замер от изумления. В двухстах ярдах от нас два огромных льва торопливо пожирали антилопу, которую они, видимо, только что убили. Я заметил их еще в начале нашего разговора, когда Мак стал жаловаться на свою судьбу,

и только ждал момента, когда мы подъедем ближе, чтобы показать ему львов. В одно мгновение он спрыгнул с паровоза и направился прямо к хищникам. Доктор прицелился в того, который стоял ближе к нам, но я крикнул ему, чтобы он стрелял во второго льва, до того как тот ускользнет. Зверь стоял, положив лапу на убитую антилопу, и смотрел через плечо. В таком положении Мак уложил его выстрелом в самое сердце. Доктор очень радовался своему успеху, и когда мы перетаскивали убитого зверя на поезд и привязали его к вагону, я снял Мак-Каллоха около этого трофея.

Дня через три после нашей охоты дорога была доведена до Найроби, и я получил новый участок. Найроби должен был стать главным штабом управления железной дороги, и потребовалось очень много труда, чтобы превратить пустынную равнину, удаленную на триста двадцать семь миль от ближайшего пункта, где можно было купить хотя бы гвоздь, в крупную железнодорожную станцию. Нужно было проложить дороги, возвести мосты, построить дома и мастерские, создать станционные помещения, провести водопровод и сделать еще ты-

сячи и тысячи вещей, необходимых для постройки железнодорожного узла. Однако ядро города очень быстро оформилось, и в центре вырос шумный и пестрый базар.

Не без труда мне удалось уговорить несколько сот человек из племени кикуйю, в стране которых мы находились, поселиться и работать в Найроби. Они оказались очень способными и трудолюбивыми рабочими. Они часто рассказывали мне, что шамбы (сады, плантации) с другой стороны холма, на котором стоял наш лагерь, разоряются слоном. К сожалению, у меня тогда не было свободного времени для охоты. Как-то я рассказал об этом моему другу, доктору Уинстону Уотерсу, и это кончилось весьма необычным приключением. Доктор отправился на поиски грабителя с несколькими кикуйю и скоро отыскал его среди густых тенистых деревьев. Уотерс, горячий сторонник выстрелов с небольшого расстояния, подошел к зверю на несколько ярдов и выстрелил из своего охотничьего ружья ему прямо в сердце. Зверь тут же яростно бросился на него, и хотя Уотерс выстрелил из второго ствола, все было напрасно. Разбушевавшийся слон быстро несся к Уотерсу, трубя на ходу, и несчастному доктору ничего не оставалось, как спастись бегством. Что было мочи он помчался по тропинке, но слон бежал с большей скоростью, и расстояние между ними заметно сокращалось. Дела оборачивались очень серьезно для охотника, так как огромное чудовище почти настигло его. Но в самый критический момент Уотерс наступил на хорошо замаскированный капкан для дичи и, как по волшебству, исчез под землей. Неожиданное исчезновение врага так озадачило слона, что он застыл на месте, а затем повернулся и побежал в джунгли. Уотерс, к счастью, ничего не повредил себе при падении, так как яма была неглубокой и на дне не было кольев. Он вскоре выкарабкался из нее, отправился по следу раненого слона и без особого труда добил его.

В конце 1899 года я уехал в Англию.

Мой верный Махина и еще несколько рабочих и слуг индийцев, с которыми мы долгое время работали вместе, проводили меня до побережья, где я с грустью распрощался с ними, так как их пароход уходил в Индию за день до моего отъезда на родину.

Сокращенный перевод с английского А. Ставиской

Александр
Мееров

РОДБАРИДЫ*

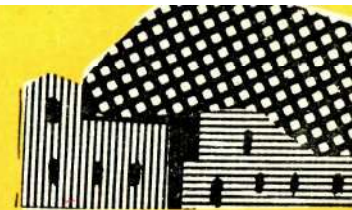
КОЧАН КАПУСТЫ

В ИЛЛА Ченснеппа, не совсем удачно, хотя звучно, названная Пропилеями, не походила ни на одну из загородных вилл столицы. Обычай строить для себя загородные виллы появился у богатых людей еще во времена Юлия Цезаря. С тех пор немало вилл перестали служить своим хозяевам загородными домами и стали музеями. Что же касается виллы Ченснеппа, то она никогда не служила ему загородным домом, а была задумана и строилась как своеобразный музей.

Ченснепп слыл человеком, не лишенным оригинальности, и, пожалуй, не без

* «Родбариды» — отрывок из научно-фантастического романа Александра Меерова «Сиреневый кристалл».

В своем романе автор развивает мысль

оснований. Однако оригиналом он был лишь в той мере, в какой из этого можно было извлечь выгоду. Сооружение Пропилеев он затеял в тридцатые годы, именно в то время, когда после певиданного «процветания» деловой мир охватила небывалая депрессия. Расчет незаурядного предпринимателя оказался правильным: вилла строилась как нечто единственное в своем роде, стоимость ее сразу бросалась в глаза, и ни у кого не могло возникнуть подозрений, что Ченснепп именно в это время, как никогда, был близок к разорению. Уже одно то, что виллу строил знаменитый Антонио Ульмаро, говорило о неограниченных возможностях богатого заказчика.

Архитектор и прехосходный скульптор, Ульмаро много лет носился со своей идеей создания Анфилады Искусств, не находя человека, который мог бы по достоинству оценить эту идею, а главное, захотел бы затратить громадные средства для воплощения ее в камень, мрамор, гипс. Встреча с Ченснеппом решила дело, и вскоре неподалеку от города, в низине, заросшей тополями, буком и светлым ясенем, сотни рабочих стали возводить сооружения, которые должны были принести славу архитектору и упрочить кредитоспособность дельца.

Начались работы успешно, но по мере того, как укреплялось финансовое положение Ченснеппа, исчезала надежда на славу у Антонио Ульмаро. Разговоры о необычайном сооружении постепенно стали стихать, строительство затянулось на добрый десяток лет, Ченснепп с каждым годом все меньше и меньше отпускал средств. С началом второй мировой войны работы вовсе прекратились, и Ульмаро погиб в неизвестности.

Пропилеи Ченснепп считал довольно обременительным приобретением. Огромные деньги, вложенные в их постройку, не приносили дохода, продать недостроенное сооружение было невозможно, да и не имело смысла, так как репутации одного из богатейших людей страны факт обладания оригинальной

о том, что кремний (силиций), как ближайший «родственник» углерода, способен вступать в сложнейшие соединения, подобные углеродистым, так называемым органическим. Автор допускает, что эти соединения, становясь все сложнее и сложнее (как это происходило на нашей планете с углеродистыми соединениями), образовали вещества типа силициевых белков, приведших к зарождению силициевой жизни, для которой не потребовалось столь исключительных условий, как для зарождения на Земле жизни углеродистой. Автор считает, что миры Вселенной, вероятно, населены силициевой жизнью в несравненно большей степени, чем углеродистой.

О приключениях людей, открывших зародыши силициевых существ, попавших к нам из далеких неведомых миров, об ученых, сумевших пробудить к жизни эти зародыши, о невероятной, еще не виданной силе, таящейся в силициевых существах, и о победе человеческого разума над этой силой и повествует научно-фантастический роман «Сиреневый кристалл». — *Прим. ред.*

виллой-музеем ущерба отнюдь не наносил. В дни, когда голова Ченснеппа бывала занята каким-нибудь важным, требующим особой проницательности делом, он ненадолго заезжал в Пропилеи, бродил по величественным залам, хранившим традиции возвышенного творчества прошедших времен, и здесь, в тишине, обретал покой и сосредоточенность, так необходимыми в предстоящем деловом сражении.

Изредка в Пропилеях появлялась шумная толпа друзей дочери Ченснеппа, и тогда римский атриум оживал, наполнялся запахом роз, пряных яств и звуками джазовой музыки, никак не гармонировавшей с античным духом того, что создал гений Ульмаро. Но как только пиршество стихало и уезжали в город автомобили, привозившие в Пропилеи молодых людей и припасы, вилла погружалась в тишину, и снова ее единственным обитателем оставался Ритам.

Поль Ритам, скульптор, искусствовед, человек, всю жизнь проживший в искусстве и для искусства, как никто другой подходил для управления и надзора за Пропилеями. С тех пор как в голову Ченснеппа, ворочавшего большими делами и никогда не допускавшего расточительности в малом, пришла мысль назначить калеку Ритама на эту должность, он мог больше не беспокоиться о своей вилле-музее. Ритам любил Пропилеи. Он знал в них все, начиная с самой дешевенькой геммы в глиптотеке* и кончая монументальными статуями, высеченными великими мастерами.

В последние годы жизни знаменитого архитектора Поль Ритам работал под его началом, и это давало ему возможность считать себя «учеником самого Антонио Ульмаро». Ритам ничего не создал в искусстве, оставаясь неудачником и мечтателем. Будучи дилетантом, он хотел стать творцом, будучи талантливым, он стремился к славе и подвигу в искусстве, не понимая и не имея мужества понять, что, кроме мечты о творчестве, у него нет ничего творческого. Война отняла у него руку и ногу и этим примирила его с самим собой — ему оставалось утешение, что, не случись этого, он смог бы стать Праксителем современности, но сейчас... сейчас он живет в прошлом искусства, охраняя это прошлое, талантливо воспроизведенное в Пропилеях.

Каждое утро в половине восьмого Поль Ритам аккуратнейшим образом появляется у массивных ворот Пропилеев. Дружески поприветствовав привратника, он всякий раз сокрушается о том, что металлическая ограда, охватывающая огромную территорию усадьбы, ржавеет, и очень подробно излагает привратнику, как именно он намерен уговорить господина Ченснеппа раскошелиться.

*Глиптотека (*греч.*) — собрание резных камней. — *Прим. ред.*

Привратник наизусть знает всю историю уникальной ограды, с заученным интересом выслушивает скульптора, сокрушается вместе с ним, оживленно поддерживает разговор — ведь это его единственное развлечение на протяжении всего скучного дня — и удаляется в привратническую не раньше, чем Ритам исчезает за купой деревьев, отделяющих ворота от виллы-дворца. Так Поль Ритам начинает свой утренний обход.

Каждый раз, пройдя буковую ограду и очутившись перед Анфиладой Искусств, восторженный искусствовед замирает на несколько минут, никогда не уставая восхищаться созданием Ульмаро. Отсюда, от буковой рощицы, лучше всего видна Анфилада, постепенно спускающаяся к самому низкому месту усадьбы, где громоздится мрачное сооружение, названное архитектором Средневековье. Отсюда же начинается широкая, мощенная огромными плитами Дорога сфинксов. По обеим ее сторонам правильными, унылыми рядами тянутся цоколи из красного песчаника, на которых лежат львы с человеческими головами. Однообразные, бесстрастно загадочные, они как бы символизируют вереницу веков, полных тайн и непознанного, веков, предшествовавших наибольшему расцвету искусства египтян.

Медленно, скрежеща металлической ногой по каменным плитам Дороги молчания, Ритам проходит мимо сфинксов, приближаясь к массивному каменному строению с косыми срезами стен.

Дорога заканчивается широкой площадкой, на которой Ульмаро установил иглу обелиска, иссеченную иероглифами, и колоссальную сидячую фигуру, превосходно гармонирующую с общим спокойствием архитектурных линий постройки. Вход в египетские залы представляет собой две совершенно одинаковые грузные башни с косыми стенами — пилоны, связанные между собой портиками, с небольшой, сравнительно, дверью, придавленной массивностью постройки.

Затворив за собой тяжелую бронзовую дверь, Ритам, словно с помощью машины времени, переносится в глубь веков, в царство величавой неподвижности египетских статуй, множества одинаковых колонн, в мир искусства скупого, прямоугольного, застывшего и зловеще угрюмого.

Внутренний египетский дворик архитектор выполнил так, что в любую погоду в нем ощущалось солнце Египта: умело замаскированные источники света посылали лучи через верхние отверстия, расположенные над бассейном, — все же это не уменьшало чувства придавленности. Его не рассеивали ни пестрая роспись золотом, синью, ярко-красной краской, столь же загадочная, как иероглифы, и заполнявшая все стены, колонны, карнизы; ни зелень пальм, столпившихся у бассейна; ни голубизна прохладной воды.

Египетская часть Анфилады всегда навевала тоску на Ритама.

«Искусство мертвое, искусство для мертвых, — часто думал он, рассматривая застывшие изображения барельефной живописи. — Искусство, порожденное страхом перед превратностями загробного мира, созданное для потусторонней жизни, призванное умиловить богов небытия. Отсюда и поиски форм абсолютного покоя, таинственность, мрачность».

Ритам, как всегда, старается пройти египетский дворик поскорее, спеша в залы одухотворенного искусства Эллады, но его частично задерживает крокодилчик.

Крокодилчик, греясь на отмели глубокого бассейна, не подавал никаких признаков жизни, часами лежал бревном, как и подобает этим милым животным, и ничем, собственно, не обременял Ритама. Но одного только присутствия в храме искусств этого существа было достаточно, чтобы натура художника бунтовала. Крокодилчик был водворен в Анфиладу волею самого Ченсеппа — это был его единственный «творческий» вклад в дело создания Пропилеев, и Поль Ритам не уставал негодовать при мысли о том, как был бы огорчен этим Ульмаро. Неужели недостаточно передал он самый дух глубокой древности? Неужели от каждого камня, колонны, фрески недостаточно веет подлинным искусством Египта, чтобы еще требовалось вселять сюда это мерзкое творение? Блажь! Прихоть собственника, не умеющего ценить настоящее искусство, большой талант. С какой силой и достоверностью переданы колорит и рисунок, применявшиеся зодчими древнего Египта, как поражает величавая неподвижность в позах статуй, строгое спокойствие линий, так характерное для египтян, стремившихся в своем искусстве к выражению абсолютного покоя!.. Покоя?

«А может быть, все же прав Ченсепп?»

Ритам с трудом, долго устраивая свою металлическую ногу, присел у края бассейна и начал пристально рассматривать плоскую голову с длинным рылом, со вздутыми краями ноздрей, с характерно изогнутым, словно улыбающимся во сне разрезом рта. Крокодил был мертвенно-застывшим, совершенно неподвижным, хотя чем-то неуловимым давал понять, что он жив.

Крокодил олицетворял собой покой!

Может быть, именно поэтому египтяне поклонялись живым крокодилам и бальзамировали мертвых?

«Неприятное животное все-таки», — заключил Ритам и поспешил в залы Эллады.

Здесь все было светлым, жизнерадостным. Ульмаро, стремясь полнее передать сущность искусства древней Греции, сумел удивительно тонко примирить разнородность стилей.

Все было сооружено на разных высотах, без всякого признака симметрии, и в то же время все было гармонично, как гармонична сама весьма несимметричная природа. Ульмаро сделал все, чтобы воскресить чудесную красоту, некогда воплощенную греками в Акрополе. Весь свой талант он отдал тому, чтобы и теперь, спустя два тысячелетия, люди могли воспринимать эллинское зодчество так же свежо, ясно, как древний эллин, так же чувствовать его поражающую прелесть.

С залами Эллады Ритам всегда расставался с грустью. Пройдя римский атриум, он спускался по лестнице, представлявшей собой полукруглую колоннаду, проходил площадку с установленной на ней статуей Августа и останавливался у пустыря. В самой низине участка обширное пространство заросло бурьяном, мелким кустарником вереска и было усеяно замшелыми камнями. По замыслу Ульмаро это место должно было олицетворять века, следовавшие за падением Рима. Он велел не убирать камни, не планировать площадку, все оставить в смутном хаосе, в котором в эти века застыли все эстетические стремления, и только посреди пустыря воздвиг Средневековье — павильон, в миниатюре напоминавший и мрачный рыцарский замок, и тяжелый угрюмый храм только что находившего себя искусства ранней эпохи христианства.

В четверг 26 августа Ритам, как обычно, совершал свой обход Пропилеев. В то время как он стоял над крокодилчиком, решая очень важный вопрос: необходимо ли это отвратительное животное в египетском дворике, и в сотый раз пытался представить себе, как бы отнесся к этому старик Антонио, привратник прислал за ним: подъехал автофургон и шофер требует управляющего. Он привез какую-то зверушку. Это по распоряжению самого Ченснеппа.

«Как, еще один крокодил?!»

Поль Ритам поспешил к привратнице, где его встретил шофер автофургона.

— Здравствуйте, господин управляющий. Я привез железный ящик, в котором какая-то зверушка. Кажется, черепаха.

— Черепаха? — недоуменно переспросил Ритам.

— Ну да, черепаха. Что же это еще может быть? — Шофер вдруг смутился и, стараясь скрыть, что по дороге в Пропилеи был излишне любопытен, понес изрядную чепуху, выпаливая слова с огромной скоростью.

— Подождите минутку. Вы говорите слишком быстро. Расскажите толком: откуда вы, кто вас послал и зачем эта черепаха, и говорите, пожалуйста, помедленней.

Шофер довольно подробно рассказал, что какой-то худющий, быстрый человек с желтым лицом, наняв его в Таркоре, велел немедленно отвезти на виллу Ченснеппа этот железный, ящик.

— Он чертовски тяжел, — закончил шофер, — хотя и сделан из тоненького железа. Прямо невероятно, неужели черепаха может так много весить?

— Ладно. Мне все совершенно ясно. Вернее, ясно, что вы толком ничего не знаете. Вспомните, что еще вам сказал этот, как вы его называете, «быстрый человек»?

— Он сказал, что отвезти сюда ящик со зверушкой велел сам господин Ченснепп.

— Вот как? Превосходно. Давайте посмотрим черепахе.

Ритам не мог считать себя знатоком, но то, что лежало на дне ящика, никак не походило на зеленую черепаху, столь необходимую на торжественных обедах. Да, очевидно, господин Ченснепп не собирался баловать своих гостей лакомым блюдом, а имел в виду какую-то другую цель. Ну что же, хозяин знает лучше. Черепаха так черепаха.. Вот только куда ее девать? Ритам еще раз заглянул в темноту ящика, где лежала большая, диаметром около полуметра, черепаха, и обратил внимание, что чуть овальный черно-коричневый ее панцирь был как бы сварен из мелких шестигранных, словно кованых щитков. Животное было неподвижно. Очевидно, оно втянуло в свою броню голову и конечности. Черт знает, что такое! К заботам о крокодилчике прибавились заботы об этом застывшем в страхе создании.

Еще одно олицетворение покоя!

— Сгружайте ее.

Ритам распорядился поместить черепаху в средневековом гроте. В нем прохладно и сыровато. Впрочем, они, кажется, как и крокодилы, любят выползать на отмели и греться на солнышке. Но черепахи бывают разные. Эта вообще ни на какую не похожа. Неприязнь к непрошеному гостю, однако, не мешала Ритаму заботиться о нем. Ритам был в сущности очень добрым человеком и прежде всего подумал, что живое существо следует накормить. Он отправился в библиотеку, раскопал там все, что только можно было вычитать о черепахах, и это окончательно сбilo его с толку. Одни виды черепах были плотоядными, хищными, другие питались исключительно растительной пищей. К какому виду принадлежала присланная Ченснеппом, он решительно не мог разобраться и распорядился бросить в ящик и лягушку, и кочан капусты.

Если бы он знал, к чему это приведет!

В течение всего остатка дня он тщетно пробовал связаться с Ченснеппом. Секретари неизменно отвечали, что шеф в отъезде.

Перед уходом домой управляющий хотел было навеститься в Средневековье, но после утомительного бестолкового дня не нашел в себе силы ковылять в такую даль и поздно вечером отправился отдыхать.

На следующее утро к ежедневному разговору с привратником об ограде прибавился еще разговор о черепахе. Обсуждение длилось несколько дольше обычного.

Когда художник прошел буковую рожицу и, как всегда, окинул взглядом всю Анфиладу, его охватил ужас. Средневековье исчезло. Даже отсюда, издалека, было видно, что на его месте стоит стройное, блестящее на солнце сооружение.

С тех пор как Ритам потерял ногу, он никогда не передвигался с такой скоростью. Всю Анфиладу, а это не меньше двухсот метров, он пробежал, если можно назвать бегом ускоренное до предела ковыляние на металлической ноге, и через несколько минут очутился перед пустырем. Да, у него не помутилось сознание, он не грезил. Средневековья не было. На его месте возвышалась изумительной красоты постройка, как бы выделанная из превосходного перламутра, переливавшаяся нежными полутонами всех цветов радуги. В теневой стороне постройки стены мягко светились. Впрочем, это были даже не стены. Скорее, это было скопление колонн, составленных вплотную друг к другу. Коротких и более длинных. Колонн большего и меньшего диаметра, колонн стройных и величавых в своей непонятности.

Только тот, кто в ясном небе видел сверкание молний, кто видел, как вода превращается в песок, а камни в хлеб, может понять состояние Ритама. Он не мог даже вскрикнуть, не говоря о том, чтобы пошевелиться или, тем более, предпринять что-либо.

Из охватившего его оцепенения вывела черепаха. Только теперь, немного придя в себя, он обратил внимание, что от сияющей постройки шла дорога. Там, где еще вчера были навалены камни и буйно разрастался чертополох, репейник и вереск, теперь сверкала, как стекло, гладкая, углубленная в землю полоса. В конце этой полосы, поближе к тому месту, где стоял Ритам, виднелся полуметровый холмик, который медленно двигался, приближаясь к римской балюстраде. Позади него, как позади дождевого червя, проползшего по мокрой земле, оставалась блестящая на солнце дорожка. От холмика, как от трансформатора, исходило гудение, вся поверхность его тела пульсировала, и весь он, как гигантская, сплюснутая под своей тяжестью капля ртути, перекачивался, приближаясь к тому месту, где стоял художник.

«Черепаша» выросла до таких размеров за одну ночь!

Чем ближе она подвигалась к Ритаму, тем яснее он мог различить шестиугольные маленькие щитки, или выпуклости, на ее теле, тем лучше мог ее рассмотреть. Ни головы, ни конечностей не было видно. Чудовище передвигалось всей массой, очевидно, обладая способностью перемещать центр тяжести внутри своего тела. По мере его приближения Ритам, как

загипнотизированный не в силах оторвать глаз от невиданного, отступал по выложенной полированными плитами площадке.

Как только «черепаша» оставила позади себя пустырь и передним краем своего огромного тела, напоминавшего круто замешенный ком теста, коснулась гранитных плит, она стала двигаться быстрее. Расстояние от пустыря до статуи Августа она прошла минуты за две. Ритам, отступая, приблизился к ступеням балюстрады, споткнулся о них, упал и продолжал лежать, не в силах шевельнуться.

А тем временем «черепаша», встретив на своем прямолинейном пути препятствие в виде постамена статуи Августа, стала вытягиваться. Из овального холмика она превратилась в длинную колбасу, один конец которой стал огибать постамент. Другой конец некоторое время оставался в покое, но

вот тоже зашевелился и быстро сомкнулся с первым. Не прошло и полминуты, как холм-черепаха превратился в бублик, окруживший творение великого скульптора. Гул усилился. Увеличилось самосвечение все время вибри-

рующего кольца, и оно стало расти. Оно все плотнее смыкалось вокруг статуи, утончалось и за счет этого тянулось вверх, превращаясь в огромный стакан. В две-три минуты постамент и статуя были окружены выросшей вокруг них какой-то непрозрачной пленкой и уже стали невидимы все еще лежавшему на ступенях Ритаму.

Гудение усилилось до нестерпимо пронзительной, давящей ноты и мгновенно стихло. Завеса, только что закрывавшая статую, опустилась, и статуи не стало.

Груда тонкого порошка возвышалась на том месте, где еще несколько минут назад стояла высеченная в прошлом тысячелетии фигура Августа.

Ритам закричал — дико, неистово. Закричал так, как кричит насмерть испуганный зверь.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Через несколько минут после того, как машина Доставила Ченснеппа и Фурна к Пропилям, туда же стали прибывать автобусы, грузовики, автомобили и мотоциклы, заполненные служащими контор и заводов Ченснеппа. Фурн подсказал Ченснеппу, в каком духе следовало бы, по его мнению, объяснить людям создавшееся положение, и тот, став на подножку своей машины, произнес проникновенную речь, призывая всех своих сотрудников «принять посильное участие в деле, которое может сослужить огромную службу науке».

— Сегодня,— продолжал Ченснепп,— мы внезапно столкнулись с явлением, до сих пор совершенно неизвестным науке. Объяснять вам, дорогие соотечественники, в чем суть этого явления, еще преждевременно, как потому, что мы сами слишком мало знаем о нем, так и потому, что непременно найдутся люди, готовые посеять панику и недоумение среди честных тружеников нашего славного города.

Ченснепп не лишен был дара слова и умел, когда это требовалось, говорить много, не сказав ничего, а когда нужно было, то в нескольких словах выразить многое. Он упомянул, что от бдительности, с какой служащие станут охранять Пропилеи, будет зависеть благополучие и спокойствие их самих, населения столицы, а может быть, и всей страны. Сообщил также, что немедленно выезжает в город, чтобы побыстрее вернуться с виднейшими представителями Национального научного общества.

Ченснепп действительно тотчас же уехал, но не к ученым, как об этом заявил, а в военное министерство.

Фурн занялся обеспечением охраны Пропилеев. Он распорядился расставить прибывших цепочкой на расстоянии не более двух шагов друг от друга вдоль наружной стороны чу-

гунной ограды, о плачевном состоянии которой так сокрушался заботливый Ритам. Фурн сам объехал на «виллисе» вокруг Пропилеев, сам проверил расстановку людей, выделил старших, связанных, от имени Ченснеппа объявил о приличных наградах за точное выполнение инструкций и позаботился, чтобы охране были своевременно доставлены еда и питье. Августовский день выдался тихим, безоблачным, и, следовательно, не нужно было беспокоиться о каких-либо укрытиях для выставленных пикетов.

Одновременно со служащими к Пропилям стали прибывать отряды полиции, вызванные Фурном еще из кабинета Ченснеппа. Вдоль ограды, но уже внутри нее, вытянулась вторая, более редкая цепочка из полицейских, которые посматривали за служащими Ченснеппа и за тем, чтобы к ограде не подошел никто из посторонних. Фурн рассчитывал на взаимное недоверие и не ошибся. Уже к двум часам дня полицейские задержали нескольких служащих, пытавшихся, оставив цепь охранения, перелезть через ограду, а служащие задержали двух корреспондентов, которые подкупили полицейских и стремились во что бы то ни стало проведать, что же творится в Пропилях.

Вскоре к вилле Ченснеппа стали подходить войска. Они располагались на опушке букового леса-заповедника, примыкавшего к вилле с юго-востока; на севере, вблизи Асуарского аэродрома; на берегу озера Эно, вдоль шоссе, ведущего в город. На юго-западе, заняв ближайшие к Пропилям холмы, спешно устанавливались артиллерийские батареи, а на юге, смыкаясь с частями, стоявшими у букового заповедника, располагались моточасти, оснащенные ракетным оружием ближнего действия и специальные отряды министерства внутренних дел. Из города прибывали санитарные машины, пожарные части. Из Лонара приехали горноспасательные отряды, из порта были привезены водолазы с тяжелым снаряжением — Фурн понимал, что Ченснепп не теряет в городе время даром, посылая все новые и новые подкрепления. Сражение обещало быть интересным. Фурн ждал приезда Ченснеппа, волнуясь и вместе с тем сгорая от нетерпения снова лицом к лицу встретиться с питомцем Родбара. Страстный охотник, он руководил окружением Пропилеев с чувством особого подъема. Он вспоминал свои охотничьи похождения на островах Пуату и теперь видел, что эта облава не шла в сравнение ни с какими, даже самыми грандиозными охотами пуатуанских князей на властителей джунглей.

Зверь был обложен.

Там, за уникальной оградой, сквозь густую зелень деревьев виднелись постройки Анфилады Искусств, и в них теперь хозяйничало вырвавшееся на свободу чудовище. Фурн при-

слушивался, стараясь уловить уже знакомое ему гудение, но ничего не услышал. Вокруг было настороженно тихо. Не верилось, что Пропилеи окружают тысячи людей. Чем больше людей прибывало сюда, тем тишина становилась глубже, тревожней — все понимали, что происходит нечто необычайное, и все приутихли, как солдаты перед решающим боем.

Около трех часов дня всеобщую тишину нарушил шум подъезжавших к воротам автомобилей. Вместе с Ченснеппом прибыл военный министр в сопровождении трех генералов.

Старшим офицерам, собравшимся у ворот, было приказано не впускать в Пропилеи ни одной живой души.

— Кроме господина Картера,— добавил Фурн таким не терпящим возражения тоном, что офицер, руководивший охраной, почтительно приложил руку к козырьку.

— Вы думаете, сюда приедет Картер?

— Я уверен в этом.

— Вы правы, Фурн. Господин Картер должен приехать. Что же, я буду рад, если и он посетит этот не совсем обычный раут. Войдем, господа. Ну, Ритам, принимайте гостей. — Ченснепп пробовал шутить, его побледневшее лицо даже улыбалось, однако улыбка была неестественной.

Ритам открыл калитку. Ченснепп жестом предложил ему пройти первым, и шествие, возглавляемое калекой, двинулось к Анфиладе. Фурн несколько раз пытался опередить ковылявшего впереди художника, но Ченснепп все время останавливал его, придерживая за руку.

Дорогу молчания прошли, не обронив ни слова, и только на площадке перед массивными египетскими пилонами началось обсуждение вопроса, как двигаться дальше. Все говорили отрывисто, явно нервничая, приглушая голос почти до шепота.

...Ритам оставил «черепашу» возле того места, где еще сегодня утром стояла статуя Августа. Как только искусствовед оправился от испуга, он сразу же бросился к телефону и больше не возвращался в Пропилеи. Решено было не входить в помещение, а попробовать по боковым аллеям, тянувшимся вдоль Анфилады, приблизиться к римской балюстраде, то есть к тому месту, где в последний раз Ритам видел то, что упорно продолжал называть черепахой.

В аллеях, прогретых августовским солнцем, наполненных слегка пьянящим запахом зелени и беззаботным щебетом птичьей мелочи, было удивительно мирно. У всех участников этой своеобразной разведки стало немного спокойней на душе, и уже не верилось, что где-то здесь совсем близко, за несколькими рядами деревьев притаилось чудовище.

Аллея кончалась у пустыря, и Ритам молча указал на то место, где архитектором Ульмаро некогда было сооружено Средневековье. Теперь здесь таинственным и еще не познан-

ным людьми архитектором-чудовищем было возведено строение, привлекавшее своей красотой и загадочностью.

— Начнем осмотр отсюда, господа,— нарушил молчание Фурн.

Из всех присутствующих он первым увидел силициевые существа и уже тогда, в мрачном зале вольеров, понял, что они обладают необычайными свойствами, невероятной живучестью, но только теперь узнал о их способности не только разрушать, но и созидать.

— Нам необходимо выяснить, господа, что же это такое. Посмотрите, какие великолепные стройные формы. Колонны, собранные в дикторский пучок! * Но каковы колонны! Нет, господа, нам совершенно необходимо подойти поближе.

Энтузиазм Фурна не разделяли ни военный министр, ни его генералы. Ченснепп выглядел из-за их плеч. Что касается Ритама, то он, ошеломленный свалившимися на него впечатлениями, стоял в стороне и довольно безучастно поглядывал то на ликующего Фурна, то на притихших военных.

— Я полагаю,— медленно начал министр,— что мы не имеем права рисковать. Мы должны всесторонне обсудить это малопонятное явление.

— С вашего разрешения, господин министр,— почтительно вступил в разговор старый артиллерийский генерал,— я бы считал необходимым направить на это сооружение несколько снарядов.

— Снаряды? Снаряды это, конечно, хорошо, очень хорошо, генерал, но мы не знаем, что последует за этим.

— Право, господа, мы преувеличиваем опасность,— не унимался Фурн. — Это практичное существо, попав на свободу, видимо, просто позаботилось об удобной квартире для себя, а вероятней всего, для своих детенышей. Постройка напоминает виденные мной в тропиках гигантские постройки термитов. Они, правда, возводят их не столь красивыми, как эта, но тут уже дело вкуса и способностей. Генерал, вы подали мне замечательную идею,— обратился Фурн к артиллеристу, вынул револьвер и, покинув тень аллеи, твердым и вместе с тем осторожным шагом бывалого охотника направился к постройке. Не дойдя до нее шагов пятьдесят, он прицелился и спустил курок.

По мере того как Фурн приближался к постройке, вся группа, исключая Ритама, который не сдвинулся с места, довольно быстро отходила от нее — мало ли что могло произойти! Ведь еще никому не известно, что таится в этом загадоч-

* Ликтор (*лат.*) — почетный страж при высших должностных лицах древнеримской республики. Ликторы держали в руках связку прутьев, в которую во время военного похода вкладывали секиру.— *Прим. ред.*

ном сооружении. Может быть, чудовище засело там и, потревоженное выстрелом Фурна, проявит свой крутой нрав. А может быть, оно просто находится неподалеку и, почуяв опасность для своего потомства, бросится его защищать. Может произойти что угодно, может...

Но ничего особенного не произошло.

Фурн выпустил еще несколько пуль, все время приближаясь к постройке, и осмелел настолько, что уже подошел к ней вплотную. Прошло несколько минут, а Фурн все еще был жив и вскоре ошупывал стены-колонны, жестаами призывая оставшихся в аллее подойти поближе. «Разведчикам» пришлось последовать примеру Фурна. Он бегал вокруг постройки, не в силах произнести ни слова, и только указывал на те места, куда попали его пули. Пули оставили едва заметные следы в стекловидном, полупрозрачном и излучающем изнутри особенный свет материале. Казалось, постройка выполнена из какого-то чудесного сплава стали и стекла. Большинство пуль, особенно выпущенных первыми, вовсе не повредили гладких, как бы полированных искуснейшими мастерами колонн. Колонны выростали прямо из земли. Они устремлялись вверх, нагроможденные друг на друга в каком-то удивительно гармоничном беспорядке. От постройки, направляясь к Анфиладе, шла прямая, шириной около полутора метров, полоса, немного углубленная в землю.

— Здесь прошла черепаха, — ни к кому не обращаясь, тихо проговорил Ритам.

Сразу же были забыты недавние опасения, и Ченснепп первым присел у края полосы, ошупывая гладкую, словно

отлитую из черного стекла дорогу. Военный министр долбил подобранным возле дороги камнем чудесный материал. Все три генерала, кто кортиком, кто рукояткой пистолета, кто перочинным ножом, тщетно старались отколупнуть хотя бы кусочек плотной, как застывшая лава, крепкой дороги.

— И это сделано за одну ночь!

— Разрешите узнать, господа, что здесь происходит?

Ченснепп подскочил с необычайной легкостью для своей тучной фигуры. Министр и генералы, быстро и едва уловимо поправившие свои мундиры, были уже на ногах.

— А, господин Картер, — Ченснепп расплылся в ничего хорошего не предвещавшей гостю улыбке. — Я весьма рад, что вы пожаловали в мои владения. Здесь, мне кажется, все вам знакомы.

Присутствовавшие раскланялись.

— Господин Ченснепп, я был бы весьма доволен, если бы мне удалось, особенно в присутствии этих господ, — Картер слегка наклонил голову в сторону военных, — узнать, каким образом принадлежащее мне экспериментальное животное оказалось в пределах вашей усадьбы?

— Этот же самый вопрос я хотел предложить вам, господин Картер. Я весьма доволен, что вы признаете, особенно в присутствии этих господ, — теперь Ченснепп наклонил голову в сторону военных, — что чудовищное животное принадлежит вам.

— Да, я не собираюсь этого отрицать.

— Превосходно! Вы, очевидно, так же не сможете отрицать, что, выпустив это ужасное создание, вы подвергаете опасности спокойствие столицы, а может быть, и всей страны.

— Не будем заходить слишком далеко, господин Ченснепп.

— Как, вы намерены утверждать, что не способствовали бедствиям, которые нагрянули на нашу страну?

— Я хотел бы, господин Ченснепп, — Картер внешне оставался спокойным, но слова

услышанные им от конкурента, заставили его содрогнуться,— я хотел бы вести нашу беседу в более спокойных тонах. Мне ничего не известно, о каких бедствиях вы говорите.

— Гибель Пропилеев вы не считаете бедствием?

— Гибель?

— Да, уже разрушена значительная часть этого великолепного, имеющего огромную ценность произведения искусства, и мы еще не знаем, что последует дальше.

— Я готов, господин Ченснепп, дать вам обязательство возместить стоимость Пропилеев.

— Возместить стоимость? — Ченснепп почуял возможность сделать дело, о котором он не мог и мечтать: покрыть расходы по Пропилеям и ввергнуть своего исконного соперника в такие затраты, сделав которые, он уже никогда не сможет оправиться и вести конкурентную борьбу.

— Да, возместить стоимость, — повторил Картер, вынимая блокнот и авторучку, — но только при одном условии — вы должны немедленно покинуть Пропилеи и предоставить право мне одному руководить операцией.

Ченснепп посмотрел на дорогу, на возникшее за одну ночь сооружение и опустил руки в карманы.

— Мне кажется, господин Картер, что нам не стоит в такой ответственный для страны момент поднимать вопрос о стоимости Пропилеев. Нам необходимо объединить усилия и вместе постараться совладать с грозной и, кажется, многообещающей силой.

— В таком случае, — улыбнулся Картер, — не будем терять времени.

— Господин Картер, я как член правительства, — начал военный министр, — должен прежде всего напомнить вам о той ответственности, которая ляжет на вас в случае, если ваши существа причинят какие-либо бедствия или материальный ущерб населению. Вы приняли правильное решение, пойдя на уничтожение всего принадлежащего вам в Таркоре, и мы оказали содействие в этом. Мы готовы и здесь применить всю мощь нашего оружия и все средства уничтожения, которыми располагаем, лишь бы не вызвать бедствия, если не сказать, катастрофы.

— Прибегнуть к средствам уничтожения мы всегда успеем. Не так ли, господин Ченснепп?

— Совершенно верно.

— В Таркоре, господин министр, дело обстояло несколько сложнее. Эксперименты были в такой стадии, когда мы не имели возможности контролировать поведение этих существ. Мы держали их в законсервированном состоянии, но одно с умыслом выпущенное животное развило ужасающую энергию и начало высвобождать других. Очевидно, такова их при-

рода — они неудержимо стремятся друг к другу. В Таркоре их было несколько, и мы не могли справиться с ними. Здесь, насколько мне известно, находится один экземпляр, и мы должны приложить все усилия, чтобы обуздать эту невероятную силу, попробовать справиться с ней с тем, чтобы постараться дать человечеству невиданное средство созидания, а если это понадобится, то и разрушения.

— Тогда начнем, господа, — согласился военный министр.

— С чего?

— Надо действовать, полагаясь на наш общежитийский опыт и разум.

— Я готов, господа, — воскликнул старый генерал-артиллерист, — я готов отдать распоряжение стрелять!

— Боюсь, господин генерал, — улыбнулся Ченснепп, — что начинать нужно будет не с этого.

— Совершенно верно. Если ничего не удастся поделаться, то этим надо будет закончить операцию. Прежде всего необходимо разведать, где находится сейчас животное и что можно предпринять для его обуздания.

Так решено было начать необычайную охоту.

Пока генералы и промышленники пререкались, обсуждая, как можно овладеть столь заманчивой силой, Фурн действовал. Он успел пройти по пустырю вдоль стекловидной дорожки, проложенной таинственным животным, и дошел до места, где недавно стояла статуя Августа. Проследить дальнейший путь животного было нетрудно. Уничтожив статую оно двигалось по прямой линии, не уклоняясь ни на миллиметр. Пройдя римскую балюстраду, оно, видимо, уперлось в стену атриума, но и тут, кажется, не задержалось надолго — в стене было прорезано отверстие диаметром около полутора метров. Совсем неподалеку от этого отверстия была широкая дверь-арка, ведущая в атриум, но животное не воспользовалось ею и проникло в помещение сквозь толстую каменную стену. Пройдя немного наискось весь атриум, оно снова просверлило стену, все также не меняя взятого направления, и очутилось в эллинском дворике.

Фурн смотрел через эти два отверстия, стараясь разглядеть, что делает животное. Оно лежало на мраморных плитах дворика, не подавая никаких признаков жизни. Фурн почти бегом бросился обратно к пустырю, спеша сообщить о виденном, но на середине пути остановился и снова окинул взглядом пройденный странным существом путь. Фурн стал на дорожку — он был первым человеком, вступившим на эту своеобразную мостовую, — и начал внимательно присматриваться к видневшимся отсюда отверстиям в римском здании. Далеко на горизонте, как раз на продолжении воображаемой линии, соединяющей оба отверстия, вздымался гигантский

столб дыма. Там был Таркор. Стало ясно — животное стремилось на выручку себе подобных. Почему же оно остановилось и больше не продолжает свой, не знающий никаких преград путь? Закончилось уничтожение его собратьев в Таркоре, или оно почему-либо потеряло способность двигаться?

Фурн поспешил к серебристому строению, около которого все еще продолжалось обсуждение, и рассказал о своих наблюдениях. Пример Фурна заставил собравшихся направиться к эллинскому дворику. Животное действительно лежало неподвижно, и группа рискнула, наконец, приблизиться к нему настолько, чтобы рассмотреть хорошенько, пользуясь, разумеется, сильными биноклями. Биноклей было только два, и почтенные господа, забыв о чинах и субординации, вырывали их друг у друга, как мальчики, которым впервые в руки попал калейдоскоп.

— Да ведь оно совсем не страшное! — воскликнул министр.

— Совершенно верно, милое, безобидное существо, — сыронизировал Ченснепп, — которое уничтожает все попадающее на его пути.

— А я согласен с господином министром, — уверенно проговорил Фурн. — Существо действительно не страшное, больше того, я убежден, что оно добродушно по природе своей и уничтожает только тогда, когда что-то мешает ему двигаться к цели.

Прежде всего было решено проверить, почему животное перестало двигаться. Может быть, оно уже мертво?!

Фурн счел возможным применить уже испытанный способ и снова двинулся вперед, вынув револьвер. Вся остальная компания довольно удобно устроилась за солидными колоннами, предпочитая находиться в большей безопасности. Ченснепп боялся, что Фурн может застрелить животное, погубить последнюю надежду сохранить выращенное профессором Родбаром существо, но он понимал, что другого выхода пока не было.

Пули, выпущенные Фурном, исчезали в теле чудовища, как камешки в воде. При каждом выстреле по телу пробегала волна судорог, немного увеличивалось самосвечение. Попытка Фурна не оказалась напрасной: животное подало признаки жизни, и это вдохновило участников охоты. Предложения посыпались одно за другим. Все они сводились к тому, что необходимо поместить животное в какой-нибудь загон. В этих предложениях сказывался тысячелетний опыт человека, еще в доисторические времена справлявшегося с огромными монстрами, загоняя их в ямы, ловившего в сети и западни в десятки раз более сильных, чем он сам, зверей. Но что предпринять в данном случае? Никакие каменные помещения для этого не подходили — опыт уже имелся, было хорошо извест-

но, что питомцы Родбара свободно проникают сквозь стены. Загнать животное в глубокий бассейн, находившийся в египетском дворике? Неизвестно, как оно будет себя чувствовать в воде. Если оно просто утонет, то какой смысл возиться с ним, рисковать людьми. Если оно может существовать в воде, то оно сумеет пробуровать каменные стены бассейна и вылезти оттуда, откуда ему вздумается. Картер знал, что небольшие, законсервированные существа совершенно спокойно в течение полутора лет лежали у профессора Родбара в металлических ящиках, их можно было перетаскивать куда угодно. Но существо, уже получившее возможность двигаться, вышедшее из состояния своеобразного анабиоза благодаря полученной им органической углеродистой пище (роковой кочан как пусты Ритама!), вряд ли будет укрощено.

Положение казалось безнадежным. Время шло. Было неизвестно, как поведет себя пока еще спокойно лежащее существо. Если оно будет продолжать путь в Таркор, стремясь на выручку себе подобных, то это может привести к огромным бедствиям — на прямой от Пропилеев до Таркора лежала густонаселенная промышленная часть города, и появление там чудовища не сулило ничего хорошего.

Какие бы то ни было попытки обуздать его можно было предпринимать только до тех пор, пока оно не покинуло территории виллы Ченснеппа. Здесь было подготовлено все к тому, чтобы в случае необходимости начать уничтожение, локализовать бедствие.

Из всех предложенных участниками охоты способов обуздать страшное животное мысль поиграть запутать его в стальных сетях показалась наиболее приемлемой. Фурн уже собрался выйти к воротам отдать распоряжение, чтобы из порта немедленно были доставлены сети, которыми пользуются при нагрузке судов, как животное вдруг зашевелилось. Как бы угадав намерение своих противников, оно прямым путем двинулось вдоль эллинского двора и, встретив на своем пути высокие перила, густо уставленные балясинами, спокойно прошло сквозь них. Шарообразное, сплюснутое тело его растеклось на несколько ручейков, которые, как змеи, проползли между балясинами и уже по ту сторону перил собрались в сплошной ком.

— Господа! — воскликнул Фурн. — Это не одно животное, это целая колония животных, собранная в мощный коллектив и, как знать, может быть, наделенная разумом. Строение этого кома, его шестиугольные частицы — это элементарные родбаридики.

— Как вы сказали? Родбаридики?

— Ну да, как же их назовешь? Ведь их изобрел профессор Родбар!

— Изобрел! — Картер задумался.— Родбар сделал такое, оживив силициевые зародыши... Впрочем, сейчас не до этого. Сейчас надо во что бы то ни стало овладеть этим «изобретением», не важно, одно это существо или целая колония.

Поведение родбаридов навело на мысль, что их можно попробовать «вливать» в какой-нибудь подходящий сосуд. Если срочно выкопать яму, поместить туда стальной котел, попробовать загнать туда это непонятное существо, то не исключено, что с ним будет легче управиться. Предложение всем показалось наиболее удачным. Решено было поспешить с его осуществлением.

Ченснепп распорядился немедленно доставить огромный, диаметром около трех метров, стальной котел с завода силиконовых каучуков и начать рытье котлована. Предстояло выбрать место для этого котлована с таким расчетом, чтобы с наименьшим трудом можно было загнать туда родбариды. Спор был коротким — всем понравилось предложение Фурна рыть яму на прямой, избранной могучим существом как направление на Таркор.

— Я думаю, господин министр, теперь нам понадобятся услуги капитана Феррана.

— Вы правы, господин Ченснепп. Надо вызвать сюда Феррана с его танком.

— Танк сюда, в Анфиладу Искусств! — с негодованием воскликнул Ритам, но на него никто не обратил внимания.

Фурн был прудомсмотрителен настолько, что при отъезде Ченснеппа к военному министру напомнил ему о капитане Ферране. Танкист, завзятый охотник, страстный любитель приключений, человек, побывавший в самых невероятных переделках, он с готовностью согласился принять участие в небывалой, еще никем не виданной охоте. Но, самое главное, Ферран был давно, еще на островах Пуату, знаком Фурну. Фурн считал, что на него можно вполне положиться, можно допустить в Пропилеи, не рискуя, что капитан разболтает о виденном. Не прошло и десяти минут, как, к великому ужасу Ритама, тяжелый танк Феррана появился в Пропилеях. Капитан уже около часа с нетерпением ждал, когда его пригласят принять участие в сражении, и не замедлил появиться вблизи эллинского дворика.

Сминая газоны, ряды штамбовых роз, искусно подстриженного букса, опрокидывая на своем пути постаменты с уникальными вазами, огромная, испускающая тепло машина остановилась у изящной колоннады, замыкающей дворик с юго-западной стороны. Из танка выпрыгнул поджарый военный, похожий на кузнечика, и откозырял высокому начальству. Военный министр в нескольких словах обрисовал Феррану обстановку, подчеркнул, что сражение с существом, совершен-

но неизученным, могучим, может оказаться опасным, но это, видимо, нисколько не смутило отважного капитана.

— Мы с лейтенантом Тавуром готовы померяться силами с этим чудовищем. Я понял вас, господин министр. Задача заключается в том, чтобы попробовать припугнуть его танком постараться заставить двигаться в нужном направлении. Пре восходно! Будет выполнено. Господин Ченснепп, мой танк, к сожалению, не может пройти, не зацепив этой изящной колоннады.

— Действуйте, господин капитан, не считаясь не только с этой колоннадой, но и вообще со всем, что вам будет попадаться на пути.

Танк взревел, двинулся на колоннаду и через несколько секунд, обсыпанный ее обломками, уже выворачивал своими гусеницами прелестные мозаичные плиты эллинского дворика, направляясь к родбаридам.

Животное не двигалось.

Спокойно пульсировало его слабо люминисцирующее тело. Танк подошел на расстояние десяти метров и остановился.

Генерал, устроившийся у радиоприемника, запросил у Феррана, что он намерен делать дальше, и сразу получил ответ:

— Отступая наступать!

Танк попятился назад, снова придвинулся к животному и, немилосердно уродуя уникальные плиты, сшибая драгоценные статуи, приминая все еще струившие кристальную воду фонтанчики, наступал на него то с одной стороны, то с другой, как бы дразня, вызывая на бой.

— Ни в коем случае не подходите к нему слишком близко, — радировал генерал.— Не прикасайтесь к нему! Мы не знаем его свойств. Оно, быть может, способно выделять какие-нибудь излучения или электрические разряды!

Танк упорствовал в своем намерении непременно побудить животное к деятельности, наступая все более и более рьяно. В керосиновом перегаре, пыли обломков наблюдающим довольно смутно было видно, как протекает поединок. Но вот общий крик восторга вырвался у всех, за исключением Ритама, — животное сдвинулось с места, поползло прочь от танка. Первая победа была одержана. Маленькая, но уже дававшая надежду. Создавалось впечатление, что животное испугалось танка, уходит от него, а значит, можно было ожидать, что удастся направить его путь так, как это нужно человеку.

Танк ревел, скрежетал своими металлическими частями. В Ферране пробудился азарт охотника. Он продолжал наступление, стремясь загнать животное в проход между двумя постройками, выполненными в греческом стиле, за которыми была приготовлена ловушка. Казалось, что животное уже мечется, стремясь избежать встречи с металлическим громадным

зверем, казалось, оно готово бежать, так оно ускорило свои до тех пор медлительные движения, но вдруг остановилось. Остановился и танк. Животное стало светиться более интенсивно. Теперь даже сквозь рев мотора можно было услышать его гудение. Пульсация его тела увеличилась, оно сделалось более плоским и начало зарываться в землю.

Этого не ожидал никто.

Растерялся даже Ферран. Наступать он готов был на что угодно, и чем рискованней было наступление, тем неистовей он его вел, но тут... Нет, его танк не имеет никакой возможности преследовать под землей! Однако этого и не потребовалось. Через несколько минут животное.

вобрав в себя массу грунта, увеличилось в размерах и само стало приближаться к танку, оставив за собой значительных размеров воронку.

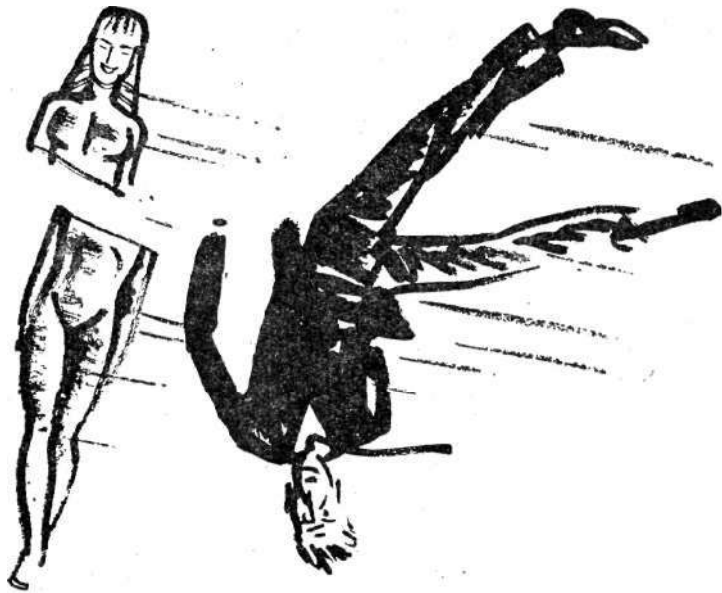
Танк отступил. Животное ускорило свое наступление, Ферран увеличил заднюю скорость и вдруг смело бросил танк вперед.

Дальнейшее произошло с ужасающей быстротой. Каждый из наблюдавших эту сцену составил о ней свое собственное мнение, мало сходное с мнением других. Никто не мог толком разобрать, каким образом танк за какие-то несколько секунд был накрыт, как огромным одеялом, темной, чуть светящейся массой. Радиосвязь мгновенно прекратилась, замолкли моторы танка. Танк стоял неподвижно, скованный родбаридами, изменившими свою форму, из приплюснутого шара ставшими плоскими, как блин, залепивший весь танк густой массой. Гудение усилилось еще больше, и так как теперь, кроме него, ничего не было слышно, то казалось, что это гудение главенствует над всем, заполняет воздух чем-то плотным и страшным.

Как только танк Феррана вынужден был остановиться, пыль, поднятая его гусеницами, начала оседать, стало лучше видно, что делается на месте сражения. Картер первым обратил внимание ошеломленных наблюдателей на то, что родбариды продолжали двигаться по направлению к выходу из эллинского дворика, приближаясь к египетским залам. Охватив всю поверхность танка, остекловав его полупрозрачной и, очевидно, очень прочной массой, раз танк уже не имел возможности двигаться, животное уменьшилось почти до прежнего объема, снова приняло форму приплюснутого шара и преспокойно двигалось в нужном ему направлении. Теперь оно гудело едва слышно, светилось не так интенсивно, как несколько минут назад, ползло медленно, не то устав от содеянного, не то прикидывая, куда бы двинуться дальше.

Все наблюдавшие происшествие застыли как изваяния. Только Ритам, развив невероятную для него скорость, бросился к месту сражения. Спотыкаясь на обломках, падая, он спешил наперерез «черепахе». С него слетела шляпа, он потерял свою палку, двигаться ему было труднее, чем обычно, но он все же обогнал животное, подбежал к невысокой колонке, на которой стояла мраморная статуя, высеченная его учителем, Антонио Ульмаро, и уже прилагал все усилия, чтобы сиять ее с возвышения.

- Остановите безумца. Ведь он погибнет!
- Оно сейчас наползет на него и раздавит.
- Ритам, Ритам! Вернитесь, Ритам!
- Оставьте его, Ченснепп, мы еще не знаем... мы не знаем, как оно ведет себя при встрече с человеком.

Никто ничего не ответил Фурну, но никто уже больше и не звал Ритама.

Художник, напрягая все силы, все же стащил статую с колонки. Сумев взвалить ее на плечо, Ритам не удержался на одной ноге, потерял равновесие и упал. Не выпуская дорогое ему создание учителя, он безуспешно старался снова подняться на ноги.

Родбариды приближались. Не меняя взятого направления, они спокойно перекатывали свое темное, пульсирующее тело. Ритам понял, что встать ему не удастся, и пополз, волоча за собой статую.

Яркая вспышка. Резкий звук, с которым разряжается мощный конденсатор, — и Ритама вместе со статуей отбрасывает шагов на двадцать от родбаридов.

— Это ужасно! Господа, это...

Слова Ченснеппа покрыл орудийный выстрел.

Стрелял капитан Ферран.

Скованный стекловидной массой, как муха затвердевшим полупрозрачным клеем, его танк потерял способность двигаться, но капитан довольно быстро сообразил, что орудия могут стрелять.

После первого последовала целая серия выстрелов, сотрясавших танк. Вскоре сковывавшая его масса стала отпадать кусками. Ферран включил электромотор, башня пришла в дви-

жение, и капитан показался из люка. Выскочив из танка, он вприпрыжку, еще больше напоминая кузнечика, приблизился к министру и отрапортовал:

— Господин военный министр, по независящим от меня причинам танк вышел из строя. Готов продолжать сражение пешим порядком.

— Вы отважный человек, капитан. Вы будете представлены к награде.

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство!

Сражение все же решено было продолжать. Собственно, это уже нельзя было назвать сражением. Всем стало ясно, что справиться с родбаридами, обуздать их пока нет никакой возможности. Оставалось только одно — следить за их действиями, изучать их повадки.

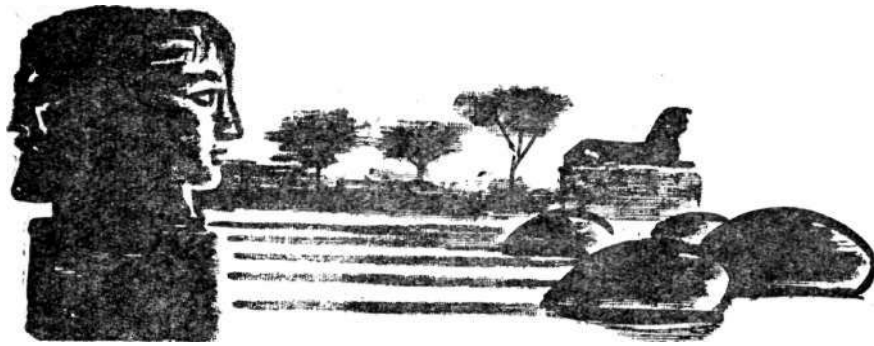
Животное оставило позади себя эллинский дворик и вошло в египетский зал. Здесь, круша на ходу частокол мрачных древних колонн, сминая пальмы и бамбук, окружавшие бассейн с крокодилчиком, оно двигалось все так же плавно, не меняя взятого направления. Приблизившись к воде, оно тоже не изменило скорости, не остановилось, а шлепнулось в воду и исчезло под ее поверхность. Крокодилчик мгновенно вышел из своего дремотного состояния. С быстротой, на которую способны эти обычно малоподвижные и медлительные существа, когда бросаются на добычу, он метнулся в глубь бассейна. Через секунду его постигла участь Ритама: сопровождаемый целым водопадом брызг, крокодилчик со страшной силой был вышвырнут из бассейна.

Пройдя свой путь под водой, выбравшись из бассейна, родбариды направились к тяжелой бронзовой двери, ведущей в массивную, сложенную из огромных камней постройку, представлявшую собой вход в египетский двор.

— Закройте, закройте эти двери! — вскричал Ченснепп. — Там, с другой стороны здания, на входе, такие же двери. Они закрыты. Из этого здания нет никаких выходов. Чудовище будет взперти.

Капитан Ферран, не задумываясь, не боясь, что может разделить участь Ритама и крокодилчика, поспешил к двери. Но Ферран был осторожен в такой же мере, как и отважен, выждал ровно столько времени, сколько, по его расчетам, потребовалось, чтобы животное продвинулось вперед на более безопасное расстояние.

Животное было заперто в помещении со стенами метровой толщины, но все понимали, что эта попытка последняя, вероятно, тоже безнадежная. Действительно, не прошло и тридцати минут, как до замерших в бездеятельном ожидании ловцов стал доноситься уже знакомый им гул. Было очевидно — родбариды пробурывают толстые каменные стены с таким же успе-

хом, как и тонкие, и не преминут вскоре появиться там, где им это будет угодно.

И они появились. Теперь это уже был не один ком, а четыре. Получив необходимую для их деятельности обильную пищу, состоящую из кремниевого содержания гранитных стен, они увеличились до такого состояния, при котором одна колония разделелась на четыре. Как каплю ртути нельзя увеличивать беспредельно, так как она непременно начнет распадаться на более мелкие капли, так, по-видимому, и колония родбаридов распалась на несколько совершенно автономных групп, и они теперь выползли на солнце, покинув убежище, которое на какое-то время показалось людям пригодным для того, чтобы удержать чудовище взаперти.

Родбариды расплозились в разные стороны, как бы намереваясь заселить возможно большие просторы. На их пути будет попадаться немало строений, пригодных им в пищу, и они будут разделяться все дальше и дальше, снова расходиться и, не боясь никаких преград, не встречая сопротивления ни со стороны животных, ни со стороны человека, распространяться на все большие и большие пространства. Все это было осознано первыми свидетелями ужасного нашествия намного позже, но в тот момент, когда родбариды покинули здание, окруженное египетскими пилонами, никто из наблюдавших эту сцену не мог прийти в себя. Наиболее сметливым из них было ясно, что дальнейшие попытки обуздать чудовищных животных бесполезны и пора последовать совету старого генерала-артиллера. Однако принять это решение и притом самым безотлагательным образом заставило нечто новое в поведении родбаридов.

Теперь они двигались несколько быстрее. Двое из них уже успели развалить на своем пути цоколи со сфинксами, смотревшими на родбаридов так же безучастно и спокойно, как и на людей, которые вот уже пять тысяч лет толкутся возле них, а

двое родбаридов стали углубляться в каменные плиты, устилавшие Дорогу молчания.

— Они уйдут! — вскричал Картер. — Они исчезнут под землей и, прокладывая неведомые нам ходы, смогут...

— Бомбить!

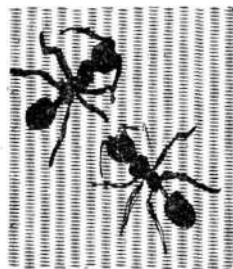
— Уничтожить все немедленно!

Теперь, когда решено было действовать методами привычными и понятными, всемо овладело некоторое спокойствие. Фурн и Ферран вызвались не покидать район Пропилеев до последнего момента, стараясь проследить за дальнейшим поведением родбаридов. Ченснепп распорядился прежде всего снять охрану территории, состоящую из служащих его контор и заводов.

Начали отходить отряды полицейских. Кольцо людей, окружавшее Пропилеи, становилось все более широким. Горноспасательные отряды были отсланы обратно в Лояар, отправлены в порт непонадобившиеся водолазы с их тяжелыми металлическими скафандрами, уехали в город почти все санитарные машины, а к позициям, занимаемым войсками, стали прибывать все новые и новые части, главным образом ракетные и артиллерийские.

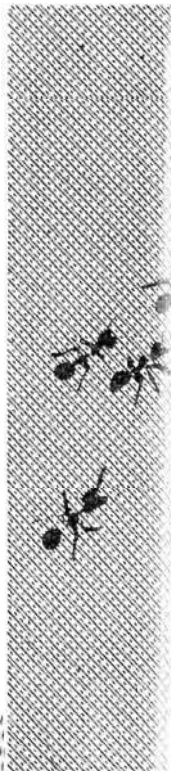
Стало темнеть. Долгий августовский день подходил к концу. Подходили к концу и приготовления людей, намеревавшихся начать еще одно, такое же как в Таркоре, уничтожение существ так и не познанных, страшных и вместе с тем прельщающих неугомонного человека своей непонятной мощью и невиданной жизнеспособностью, существ, зародыши которых попали на Землю из далеких неведомых миров, существ, вновь вызванных к жизни гением и неутомимым трудом Куана Родбара и его помощников.

Гёц Р.
Рихтер*

МУРАВЬИ

Рассказ

ВАТИТ, Даббе. Замолчи! И без твоего пения тошно.

Европейцу тяжело от жары, и он раздражен. Большой челн медленно плывет по реке сквозь лесные африканские дебри.

Гребец умолкает. И снова длинное весло ритмично погружается в темную, лениво текущую воду. «Какие эти белые бестолковые, хуже детей, — думает он, улыбаясь про себя. — Ведь легче грести, когда поешь». Его черное щуплое тело покрыто испариной. В тени широких полей войлочной шляпы светятся белки глаз.

На западе, над темно-зеленой стеной девственного леса, появляются облака.

* Современный немецкий писатель Гёц Р. Рихтер (ГДР) родился в 1923 году. Четырнадц

Словно крепкие кулаки, грозят они знойному небу, становясь все больше и больше. На лес находит благодатная тень.

Белый снимает с головы грязный пробковый шлем и носовым платком вытирает с лица пот. Затем осторожно, чтобы не накренить челн, поднимается на ноги и натягивает на железные сундуки и канистры * брезент. Рядом на берегу зашумели кроны деревьев. Зашелестели листья. Над рекой с клетотом кружится черно-белый орлан. А вот и первые капли дождя; они тяжело падают в воду, булькая, как камушки.

— Наконец-то, — вздыхает европеец.

Его спутник на мгновение кладет весло, чтобы снять с головы теплую войлочную шляпу, и продолжает грести с удвоенной энергией.

— *Эйгидивайао, эйгидивайао*, — поет он на своем языке, сначала тихо, потом все громче и громче: — *Эйгидивайао, эйгидивайао, вайя бигидио, вайя бигидио...*

Белый улыбается. Пение уже не мешает ему. Приятная свежесть успокаивающе действует на нервы. Со своего места на носу челна он смотрит туда, где река делает поворот.

Дождь барабанит по крыше покосившейся жестяной хижины, затерянной в лесной чаще на берегу. Ржавые стены опутаны лианами; вороха листьев со всех сторон теснят хижину и, кажется, готовы раздавить хрупкое строение. По узким желобкам дождевая вода стекает на красноватую лесную почву. Кругом ни души, а наверху, в вершинах деревьев, бушует буря. Трещат и ломаются сучья; тучами опадают сорванные вихрем широкие листья. Силен смерч, но ему не проникнуть в чашу леса; лишь густые кроны, образующие сплошное штормовое море, да поднимающиеся над ними деревья-исполины испытывают на себе страшную силу бури. Плотная дождевая завеса опустилась на лес, и бешеный вихрь вырывает из нее серые водяные клочья.

Лодка с трудом продвигается вперед. Поворот реки уже близок. Но буря противоборствует течению, обращая его

дцати лет он окончил торговое морское училище и пошел юнгой на корабль. С тех пор Гёц Р. Рихтер избородил много морей и побывал на многих материках. Из своих путешествий он вынес большую симпатию к народам зависимых и колониальных стран, тяжелая судьба которых глубоко его потрясла. Став писателем, Рихтер посвятил свое творчество людям, борющимся за свободу и независимость. Им написаны рассказы: «Найок — ловец жемчуга», «Негры сержанта Кресса» и другие, а также роман «О кораблях и людях, о дальних странах».

Помещенный здесь рассказ «Муравьи» взят из сборника рассказов Гёца Р. Рихтера «Найок — ловец жемчуга», вышедшего в Лейпциге в 1960 г. — Прим. ред.

* В тропиках железной тарой пользуются для предохранения вещей от влаги и тропических муравьев. — Прим. ред.

вспять. Оба мужчины стоят (теперь и белый взял в руки весло) и из последних сил удерживают челн посередине реки: только бы не попасть в быстрины прибрежного течения, скрывающие под собой опасные камни! Короткие волны сердито ударяются о борт лодки. При каждом порыве ветра челн останавливается. Но едва наступает затишье, как он вновь делает быстрый рывок вперед.

И вдруг воющий смерч, вцепившись в сухие сучья мертвого хлопчатого дерева, вырывает его с корнем и с размаху швыряет в реку. На секунду пронзительный крик словно заглушает рев бури. Но прежде чем огромная крона всей своей массой обрушивается на челн, европеец успевает прыгнуть в воду. Своего черного спутника он сразу теряет из виду.

...Плыть по взбаламученной реке трудно. Сносимый течением, европеец долго высматривает свободное место в зарослях на берегу... Вот между деревьями узенькая тропинка. Собрав остаток сил, он кое-как достигает берега. Здесь белый пробует встать, но ноги его подкашиваются, и он падает ничком в ил. Долго лежит он без движения, только плечи его конвульсивно вздрагивают. Наконец, набрав в легкие воздух, белый делает отчаянное усилие и очень медленно ползет на четвереньках к тропинке, ведущей в лес. Дождь немилосердно сечет измученное тело. Под деревьями сумрак. Европеец озирается по сторонам. Он еще слишком слаб, чтобы встать на ноги. Как раненый зверь, ползет он дальше. И вдруг перед ним покосившаяся хижина. Не веря себе, он проводит рукой по мокрым глазам.

Неужели в этом лесу есть люди? Но ведь здесь, в нижнем течении реки, сплошные болота, и местность абсолютно необитаема.

Из последних сил он ползет дальше. Дверь хижины сорвана и висит на ближнем суку. Лианы густой паутиной закрыли темное отверстие — не только войти, но даже не заглянуть внутрь.

Нет, люди здесь не живут, хижину покинули уже давно.

«Но, в конце концов, хижина есть хижина. Будет хоть крыша над головой, — думает белый. — Только бы не было змей. Нужно осмотреть с карманным фонарем все углы. — Ах, карманный фонарь остался в лодке; у меня нет даже свечек... Но, черт возьми... должен же быть какой-то выход!..»

Только бы не начался приступ малярии... Хотя, почему именно сегодня ему не быть? Ведь каждую ночь, с тех пор как Андрэ покинул плантацию, его в этих проклятых лесах треплет лихорадка. Конечно, приступ будет; его уже сейчас знобит... Впрочем, это, вероятно, от холода: он же весь мокрый.

Колени Андрэ дрожат. Еще с минуту он отдыхает.

«А где негр? Как теперь выйти из лесу?..»

Андрэ знобит. «Надо бы принять хинин... но хинин тоже в лодке. Бог мой, что теперь делать?»

Андрэ собирает с духом: «Не хныкать, — приказывает он себе. — Голова сейчас должна быть предельно ясной!»

Черт возьми, что это? Разве можно мерзнуть и потеть одновременно?.. Проклятая малярия!

Андрэ снова пробует встать, но в глазах у него сразу темнеет. Он падает. Обими руками хватается за голову. Будто клешнями сдавило череп. От боли Андрэ стонет и теряет сознание.

Когда дерево обрушилось на челн, Даббе не растерялся и крепко ухватился за сук.

Теперь он с трудом выбирается наверх. Полотняные штаны прилипли к щуплому телу. Курчавые с проседью волосы запачканы илом. Мелкие морщинки бороздят уже немолодое лицо. Он оглядывается. Один берег покрыт непроходимыми зарослями, другой почти не виден из-за дождя. Где же белый? Даббе видел, как тот спрыгнул в воду и слышал его крик. А потом дерево упало на челн... «Его унесло течением», — думает Даббе. Он подтягивается на сучьях и перебирается и ствол, лежащий поперек реки как мост.

Ветер несколько приутих. Смерч умчался дальше; только серые тучи продолжают низвергать на лес потоки воды. «Мсье Андрэ!.. Мсье Андрэ! А-а-а!» — кричит Даббе. Он держит руки рупором и после каждого крика внимательно прислушивается. Ни звука; даже эхо не откликается: слова будто растворяются в ливне. Кричит еще раз. Нет ответа. Только дождь шумит — непрерывно, однообразно.

С трудом ползет он по скользкому стволу к берегу. Река бурлит, дерево качается. Даббе смотрит вниз. Там, в глубине, между сучьями застряло весло, и вода толкает его то вверх, то вниз. Ветер хочет унести его прочь, но с каждым шквалом какая-то невидимая рука тянет весло под воду. «Веревка не пускает», — догадывается Даббе. Значит, челн лежит еще под деревом, его держат сучья. И снова он громко зовет своего белого спутника. Но ответа по-прежнему нет.

Медленно ползет он дальше и, наконец, осторожно со скальзывает со ствола на землю. С минуту он отдыхает, мри слонившись к мокрому дереву. «Где же мсье Андрэ?..»

По реке плывут сорванные ветром кисти тростника, обломанные сучья и целые зеленые острова листьев.

«Его унесло течением», — думает Даббе. И начинает пробираться сквозь прибрежные заросли вниз по реке.

Небо как серые, грязные клочья парусины. Таким оно кажется из сумеречной чащи леса. С листья деревьев на Даббе стекает дождевая вода. Но он не обращает на это внимания. Штаны его порвались, острые шипы оставили на черном теле красные полосы, босые ноги болят от ран.

«Мсье Андрэ! А-а-а!» — Даббе охрип: он уже давно кричит

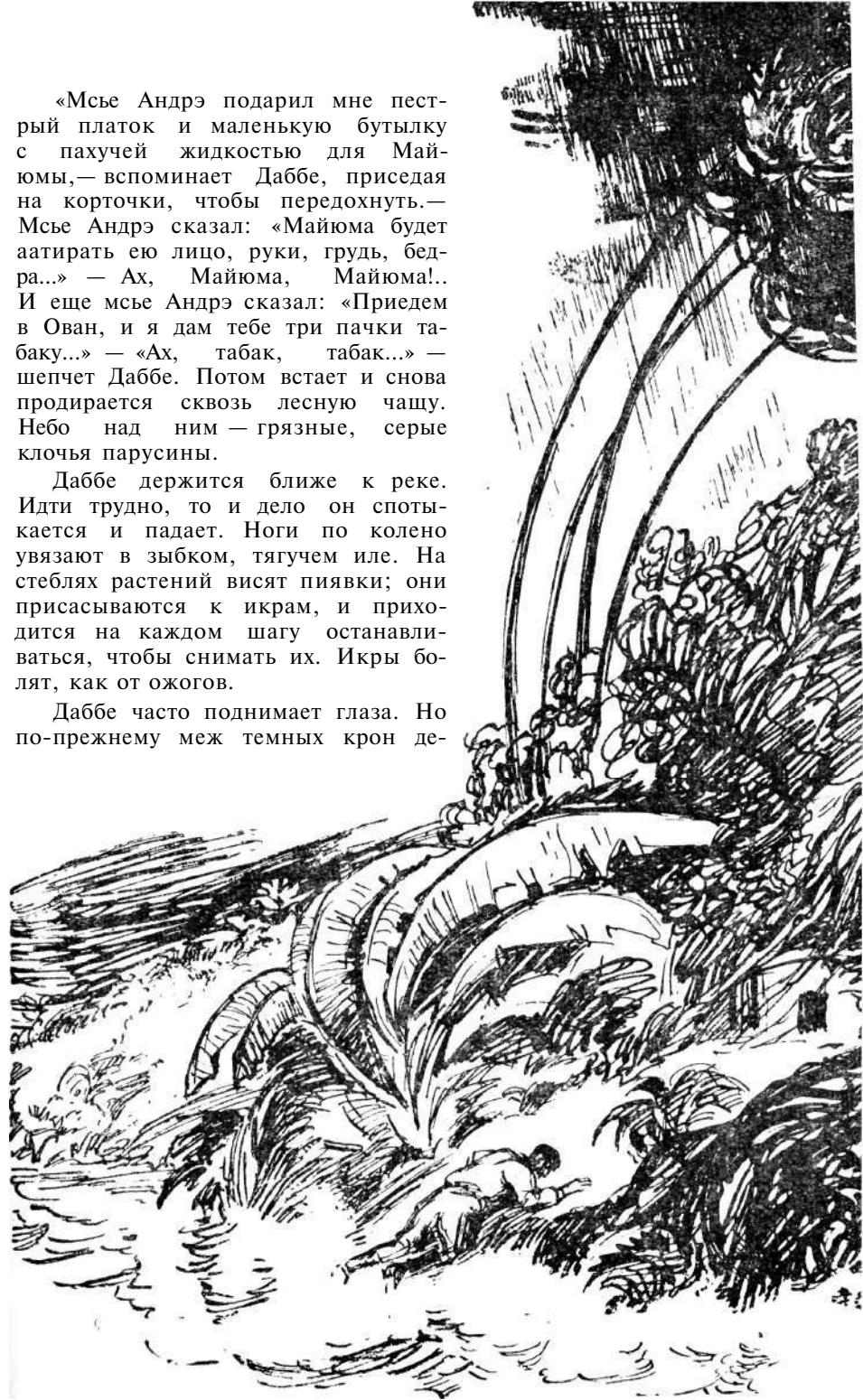
Где теперь искать белого? «Надо караулить у воды*, — го афит себе Даббе. Но другой голос шепчет: «Зачем искать бросайся на землю и спи. Спи!» — Нет: «Караулить у воды!»

«Мсье Андрэ! А-а-а!» — Голос Даббе тонет в густой чаще. Кругом шумит дождь. Крупные капли с брызгами разбиваются о листья.

«Мсье Андрэ подарил мне пестрый платок и маленькую бутылку с пахучей жидкостью для Майюмы, — вспоминает Даббе, приседая на корточки, чтобы передохнуть. — Мсье Андрэ сказал: «Майюма будет аатирать ею лицо, руки, грудь, бедра...» — Ах, Майюма, Майюма!.. И еще мсье Андрэ сказал: «Придем в Ован, и я дам тебе три пачки табаку...» — «Ах, табак, табак...» — шепчет Даббе. Потом встает и снова продирается сквозь лесную чащу. Небо над ним — грязные, серые клочья парусины.

Даббе держится ближе к реке. Идти трудно, то и дело он спотыкается и падает. Ноги по колено увязают в зыбком, тягучем иле. На стеблях растений висят пиявки; они присасываются к икрам, и приходится на каждом шагу останавливаться, чтобы снимать их. Икры болят, как от ожогов.

Даббе часто поднимает глаза. Но по-прежнему меж темных крон де-

ревьев на него смотрит тусклое, серое небо. «Скорее на свет, к реке!» — решает он.

Даббе не знает, сколько времени прошло с тех пор, как он оставил место катастрофы. Возможно, не прошло еще и часа, но он уже совершенно выбился из сил. А вот и снова река. Даббе медленно бредет по топкому берегу дальше. И вдруг — что такое? Почти с испугом нагибается он к земле и озирается вокруг. Проходит целая минута, прежде чем Даббе сознает: перед ним следы человека, они ведут от реки в лес.

В первый момент, когда Даббе находит белого лежащим без сознания в мокрой траве, ему кажется, что тот мертв. Он наклоняется над Андрэ и ошупывает его. Андрэ стонет, но глаза его по-прежнему закрыты. Словно зывая о помощи, Даббе оглядывается по сторонам и замечает хижину.

Мрак в лесу сгущается — скоро наступит ночь.

Даббе осторожно пытается заглянуть в темное отверстие хижины. Там все тихо, только дождь барабанит по волнистому железу крыши. Он свистит и прислушивается. Хижина не отвечает. Подняв сломанный сук, он сильно ударяет им по жестяным стенам. Тишина. Даббе колеблется. «Только бы мсье Андрэ не разболелся всерьез». Ему страшно одному с мечущимся в бреду белым.

Даббе вырос на побережье. И только с тех пор, как он впервые пошел с белыми людьми в глубь страны, неся на голове их железные сундуки и длинные раскрашенные палки, он узнал, что такое большой лес. Еще ребенком он слышал от взрослых, что лес населен злыми духами, но в обществе людей ему не было страшно.

А сейчас он один. Скоро наступит ночь, и в хижине ничего не будет видно. Собравшись с духом, Даббе рвет лианы, преграждающие доступ в хижину. Еще раз стучит палкой по жестяным стенам. От этого ему не по себе, но он знает — у белого приступ малярии, его нельзя оставлять на ночь под дождем.

Осторожно вступает Даббе в хижину, держа наготове палку. «Не спят ли здесь змеи?». Он дрожит. И вдруг, словно одержимый, начинает изо всех сил колотить по земле палкой. На секунду он останавливается. Вокруг по-прежнему тихо. И снова с ожесточением молотит палкой прелую землю. Все еще колеблясь, но уже смелее, делает он шаг вперед. Хижина не так мала, как кажется снаружи. Узкая и очень длинная. В заднем углу совершенно темно. У боковой стенки что-то сложено в штабель. Даббе ударяет по нему палкой. Металлический звук. Ага, железные ящики. Он осторожно ошупывает их. Поверх штабеля сложенный вдвое холст, грубый и жесткий. Парусина.

Парусина тяжелая. Он расстилает ее посреди хижины, втачивает белого и садится рядом на корточки. Холодно. Даббе стягивает с себя мокрые штаны. У белого стучат зубы. «Мсье Андрэ тоже нужно раздеться», — думает он и пытается разбудить белого.

— Что случилось?.. Лодка готова?.. — спрашивает в забытьи Андрэ.

Даббе чувствует себя беспомощным. Что скажет белый человек, увидев негра с собою рядом? До этого каждую ночь он, Даббе, спал в лодке, а для белого разбивали палатку. Как же будет теперь?

— Мокрый платье — нехорошо. Мсье Андрэ, раздевайся. Как Даббе. А то мсье много-много болей, — говорит африканец на ломаном английском языке. Он несколько раз повторяет эти слова, пока белый не приходит в себя.

— Ох, замерз... Завари-ка чаю, да побыстрее! И хинин...

— Чай — нет, огонь — нет, хинин — нет. Все пропал. Большой дерево падал на лодка. Все тонул.

— Что?.. Ах, да... — Андрэ стонет. — Согрей-ка воды... Я замерз, — вдруг снова требует он.

— Даббе нет спичка. Нет огонь. Все тонул. Был лодка — нет лодка. Большой дерево...

— Замолчи, знаю! Вспомнил...

— Мсье Андрэ нужно снимать мокрый штаны, мокрый рубашка. А то мсье много-много болей.

Он помогает белому раздеться. Они сидят рядом, белый и черный, — голые, дрожащие от холода.

Стало совсем темно. По крыше непрерывно барабанит дождь. Но земляной пол хижины сух. «Если бы развести огонь!», — думает белый.

— Даббе!

— А?

— Ты не умеешь добывать огонь, как буши? * Взять кусок дерева и быстро-быстро его крутить... Ох, я весь заоченел.

— Даббе — не буш. Даббе делал огонь из спичка. Люди кру ** — не буши, — говорит он гордо.

— По мне, лучше бы ты был бушем, по крайней мере не пришлось бы мерзнуть.

Африканец удивлен. Этого он не понимает. Обиженный, он опускает голову. Даббе и вдруг — буш! Какая нелепость!

Европеец не замечает, что происходит в душе африканца.

— Эх, был бы огонь!.. Сигареты в кармане размокли.

* Здесь и дальше имеются в виду лесные жители материковой части Африки, стоящие на вязкой ступени развития.— *Прим. ред.*

** Кру — африканский народ, населяющий прибрежную часть Берега Слоновой Кости и Либерии.— *Прим. ред.*

Остальные — в лодке. И табак там же. Все в лодке, все, черт возьми!

Даббе поднимает голову, забывая об обиде.

— О, Даббе, тоже курить. Один, два, три сигарета. Большой голод!

Белый смеется. Приступ малярии кончился, и он снова приободрился. «Как быстро меняется человек, стоит ему только попасть в другое окружение», — думает он. Если бы раньше Андрэ сказали, что он будет спать в одном помещении с негром, да еще совсем голый, он ни за что не поверил бы. А теперь это самая обыкновенная вещь... «Большой голод», — сказал Даббе. И у Андрэ сейчас то же самое желание — заку- рить.

Только бы перестал дождь! Еще есть надежда спасти сундуки и провиант. Ну, а как поднять лодку?..

Два года проработал Андрэ под тропическим солнцем и теперь возвращается домой. Через две недели из Либревилья в Европу отплывает корабль. Во Францию, в Марсель! О, как истосковался он по родине за все эти долгие месяцы. Там его ждет невеста: Рашель. Его Рашель! Нет, он не может, не должен увязнуть в этих жутких болотах. Только бы перестал дождь, иначе течение усилится и... Сейчас еще, наверно, дерево держит своими сучьями лодку. Утром надо попробовать вытащить сундуки: нельзя же, в конце концов, жить без еды...

Уже ночь. «Огня бы!» — мечтает Андрэ. Он ощупывает ящики и канистры. Под руками влажное, прелое дерево. Пахнет плесенью. Что-то пробегает по его руке. Паук? Он быстро отдергивает руку. Лучше подождать до утра — сейчас слишком темно.

Даббе сидит на корточках в углу. В этом положении он засыпает. Андрэ тоже начинает дремать. Парусина сильно пахнет дегтем. А дождь все идет и идет.

С первым криком птиц в хижину проникает хмурый утренний свет. Над рекою туман. Поломанные сучья и сверкающие на листьях дождевые капли напоминают о вчерашней буре.

Андрэ и Даббе давно уже бодрствуют. Француз зябко ежится. Он голоден и зол. Почему-то именно с ним должно было случиться это несчастье. И в самом конце пути. Кроме Даббе, нет никого, на ком он мог бы сорвать свою злость.

— Слушай, ты! Принес бы чего-нибудь поесть: плодов каких-нибудь, что ли, или рыбы наловил бы!

Даббе делает печальное лицо и качает головой.

— Лес — плохо, очень плохо. Большой голод. Река — хорошо, много рыба. Но нет крючок, нет леска, нет маленький рыба на крючок. Ничего нет.

— Что же мы — с голоду подышать будем? Это в тропическом-то лесу, где полно всяких диких плодов? Поди поищи чего-нибудь. Может, бананы или кокосовые орехи найдешь.

Даббе встает и, как был голый, выходит из хижины. Тело у него шуплое, как у мальчика; только темная кожа немного одрябля и покрылась морщинами. Выйдя наружу, он еще раз оборачивается.

— Лес — плохо, очень плохо. Бананы — нет, орехи — нет. Но Даббе будет искать.

С секунду европеец смотрит ему вслед. В этот момент он ненавидит африканца. Почему, и сам не знает. Сейчас он ненавидел бы любого на его месте.

«Вот лентяй! — злится он. И передразнивает: — Лес — плохо, очень плохо». Он и сам, без этого черного знает, что лес плохо, да не подышать же им здесь с голоду. От бессильной ярости готов рвать и метать.

Едва солнечные лучи пробилась сквозь туман, Андрэ начал обследовать дальний угол хижины. К счастью, в кармане мокрых брюк оказался складной нож. Ножом Андрэ открывает ящики. В первом из них — промасленные тряпки, небольшие щетки и два пузырька: один с тавотом, другой с керосином. С нетерпением он ищет дальше. Но следующие ящики пусты. В полусгнившем ящике Андрэ обнаруживает банки с консервами; они сильно раздулись. Значит, консервы испорчены. Все же, с трудом, он вскрывает их. В нос ударяет запах тухлого мяса. Одну за другой швыряет он банки в дверь хижины. В стороне стоит еще банка. Калифорнийские абрикосы. Андрэ с жадностью поглощает плоды, выпивает сладкий, тягучий сироп и немного оставляет про запас, пряча остаток в один из ящиков.

А вот банка с пальмовым маслом. В заржавленных канистрах он находит затвердевший каучуковый сок. «Ага, охотники за каучуком», — догадывается Андрэ и вспоминает один случай.

...Это было два года назад, когда он только что прибыл из Европы в Порт-Жантиль. В трактире за одним из столиков сидели трое небритых мужчин в потрепанных хаки. Они пили, пили жадно, словно последний раз в жизни. И угощали всех подряд. При появлении Андрэ его тоже заставили присоединиться к компании.

Один из трех, мужчина с черной всклокоченной бородой и болезненно бледным лицом — как оказалось, ему было только двадцать четыре года, — рассказывал о диких охотниках за каучуком, шестерых молодых людях, долгие месяцы скитавшихся в дебрях тропического леса. Из шестерых обратно вернулись только эти трое. Глаза их пожелтели от тропической лихорадки, руки нервно дрожали.

— Заработали кучу денег, братва! — Глаза рассказчика возбужденно блестели. — Можем пить, сколько влезет. А сегодня вечером... сегодня вечером к девочкам... Вот это жизнь!

— А где же те трое? — спросил Андрэ.

— Что?.. Те трое? — повторил чернобородый, будто не понимая, о чем идет речь. И вдруг с сердцем: — Что, мы виноваты, что ли?.. — Он закашлялся, и лицо его побагровело. — Вы думаете, мы?... Мы не такие, черт побери! — И быстро осушил свой стакан. Красное вино текло по его подбородку, по руке, по потной рубашке.

— Жак и Эжен сами увязались с нами, — продолжал он. — Я им тогда еще сказал — сразу, как мы приехали, — поживите маленько па берегу, привыкните к климату; следующий раз пойдем вместе. Слушать не захотели... Уже на третий день, — помнишь, Жан? — обратился он к своему веснушчатому соседу, — Эжен еще с тобой в палатке лежал, — уже на третий день оба схватили лихорадку. Я это предвидел: ребята были слабые, чувствительные. Помнишь, я говорил тебе... Или нет, Мартину... — Он толкнул в бок другого парня с красным, отекавшим лицом и с очками на носу. — Эй, Мартин, не спи. — В ответ очкастый только невразумительно хрюкнул. Чернобородый снова обратился к остальным.

— Когда маленький Жак слег, я сразу понял: черная рвота! * А через две недели Эжен уже тоже лежал на брюхе. Так и не встал. Я же предупреждал... — снова начал он, поднимая для вящей убедительности указательный палец. Но не закончив фразу, налил в стакан вина и залпом осушил его. Потом тупо уставился перед собой. Все присутствующие не спускали с чернобородого глаз. Он ведь еще не кончил. Что же стало с их шестым товарищем? Воцарилась напряженная тишина: никто не решался спрашивать.

— Луи отдал концы, когда мы уже возвращались, — заговорил он опять, — всего с неделю назад.

И снова молчание. Хозяин трактира зазвенел стаканами. Заработал вентилятор.

— Черная мампа ** его укусила... Мы перебили ей палкой хребет, да уже поздно было...

Чернобородый выпил, потом быстро запустил руку в карман и швырнул на стол горсть смятых банкнот.

— Вот его деньги... Тут не все, еще есть. — Повернулся и крикнул: — Гастон! Самого лучшего бордо... На всех!.. Мартин, браток, чего ты дрыхнешь? Проснись!

Андрэ тогда вышел из трактира, но пьяные голоса пропащих молодых людей еще долго преследовали его.

* Опасный вид тропической лихорадки. — *Прим. перев.*

** Змея, укус которой смертелен. — *Прим. перев.*

«Значит, охотники за каучуком, — думает Андрэ. — Гастон! Самого лучшего бордо!»

Под прелыми ключьями парусины он находит рваный башмак. Задумчиво смотрит на него и выбрасывает в дверь. Спрыскивает керосином земляной пол. Жуки и сороконожки в страхе выползают из-под канистр и разбегаются в разные стороны. Андрэ давит их сапогом. Потом берет мокрую одежду и вешает ее на низкий сук просушиться.

Запахавшись, приходит Даббе. В обеих руках он несет большой кусок древесной коры, свернутый трубкой.

— Лес — плохо. Река — хорошо.

Из коры на землю, к ногам Андрэ, сыплются ракушки с улитками.

— Река — хорошо. Много рыба.

Даббе взволнован. Белый смотрит на него с недоумением. Абрикосы немного утолили его голод, но отнюдь не улучшили настроения.

— Ты думаешь, я буду есть это дерьмо? Лучше уж подохнуть с голоду!

При этих словах ему становится неловко: он вспоминает про абрикосы. Но оттого, что Андрэ стыдно смотреть Даббе в глаза, он злится еще больше. Даббе удивлен и опечален.

— Горячие — очень вкусно. Но нет огонь. Если голод, и так хорошо. Даббе приносит еще.

— Убирайся ты с этой дрянью! — кричит белый. — Меня от одного их вида тошнит. Неси их отсюда прочь, живо!

— Но Даббе много-много голодный.

— Можешь съесть все сам. Только не здесь, слышишь?

Качая головой, африканец собирает ракушки обратно в кору и идет с ними к реке. Тут он видит вскрытые консервные банки с мясом. Поднимает их, но белый кричит:

— Не ешь, мясо протухло.

Даббе бросает банки в воду.

— Много мясо, хороший мясо, — бормочет он с сожалением, — много хороший мясо.

Даббе разбивает палкой ракушки и высасывает их содержимое. «В горячей воде очень вкусно, очень». Глотая мягкое мясо улитки, он морщится.

Солнце поднимается все выше и выше. Его теплые лучи пробивают холодный утренний туман и сушат листья деревьев. Лес кричит на все голоса.

Река вздулась. Ее большие пожелтевшие волны разливаются по берегу, омывая белесые корни деревьев. Небо чисто; еще минуты — и оно сияет яркой голубизной. Потом уже нельзя поднять глаз: белое раскаленное солнце словно запол-

няет небо до самых краев. Жужжат комары и песчаные мухи, над рекой порхают пестрые бабочки. Многоголосый птичий хор оглушает лес. Другие обитатели леса не дают о себе знать: они прячутся в густой, темной чаще, куда едва проникает дневной свет.

Горячие солнечные лучи жадно поглощают воду, обильно пролитую на землю серыми тучами. И вновь собираются над лесом облака, вновь набегают на землю тени. Проходит час-другой, и на западе вновь вырастает черная грозовая стена. Вдалеке видны первые вспышки молний. По верхушкам деревьев проносится порывистый ветер, небо разверзается, и снова шумит дождь. И так каждый день.

А вечером снова показывается солнце — большое и красное. Перед заходом оно еще раз посылает благодатные лучи на дымящийся влагой лес, обещая вернуться наутро во всей своей непобедимой силе. Наступает ночь, сверкающая мириадами звезд, ночь, полная томительных и жгучих надежд для одиноких людей. И снова день: прохладное, туманное утро и полуденный зной, послеполуденная духота и грозовой ливень. Потом вечер — в воздухе шуршат крылья летучих мышей и калонгов*. И опять ночь — тишина, нарушаемая призывным воем зверей.

И так все время: ночь за днем, день за ночью.

* * *

Маленький темнокожий человек спрыгивает с небольшого плота на землю и веревкой подтягивает примитивное плавучее сооружение к берегу. На европейце серая широкополая шляпа. Рубашка цвета хаки — вся вымокла от воды и пота. Штаны заправлены в блестящие коричневые сапоги.

— Табак тут. Лови! Оп-ля!

Африканец, улыбаясь, подхватывает брошенный моток веревки и относит его в кусты.

— Табак — хорошо, очень хорошо. Один час, два часа, три часа — все доставать из вода...

— Ладно, хватит болтать, а то один час, два часа, три часа — так и будем торчать здесь, — прерывает его белый. — Поди-ка, помоги перенести сундук.

— О, Даббе нести один. Не тяжело. Тут Даббе сильный, очень сильный. — Он стучит пальцем себя по темени. — Голова крепкий, как у буйвол.

Андрэ скептически улыбается, но Даббе настаивает. Он вынимает из кармана сложенный платок и кладет его себе на голову.

— Свалишься в воду. Понесем-ка лучше вдвоем.

* Вид летающих собак. — *Прим. ред.*

— Даббе несет. Один. Даббе сильный.

— Как ты его понесешь, когда одному человеку его даже с места не сдвинуть? — сомневается Андрэ.

Африканец улыбается.

— Белый человек — слабый голова, нехорошо. Черный человек — сильный голова, как буйвол, очень хорошо.

— Белый человек — слабый голова, говоришь? — смеется Андрэ.

Они кладут ношу краем на высокий пень. Даббе встает на колени и снизу упирается в дно сундука головой. Еще раз поправляет платок. Потом маленькие, цепкие руки схватывают сундук по бокам. Жилистое тело напряжинивается, колени медленно выпрямляются. Вот он стоит уже совсем прямо. Слегка покачивается, но стоит. Потом осторожно делает первые шаги. Тяжелая ноша на его голове колышется, как большой цветок на тонком стебле. Но постепенно шаг становится шире и тверже. Наконец руки опускаются вниз, и сундук словно прилип к голове щупленького африканца.

Белый поражен. Он многое видел, но чтобы тщедушный негр мог нести такую тяжесть, этого он никак не ожидал. С чувством неподдельного восхищения идет он следом и спешит помочь Даббе опустить сундук на землю.

За последние два дня Андрэ и Даббе сблизились: оба почувствовали себя товарищами по несчастью.

Началось это со второго дня после катастрофы. Вода в реке снова спала, и после полудня они на самодельном, построенном с большим трудом плоту отправились вверх по реке к поваленному дереву. Лесом идти не рискнули, так как путь этот был слишком тяжел. Челн лежал на том же месте, под кроной дерева, на что указывала густая тень на дне реки.

Даббе нырнул, но тут же вынырнул обратно. И так несколько раз. С непривычки было страшно.

— Как там лодка, цела? — крикнул сверху Андрэ. Даббе кашлял и отплевывался. Андрэ ничего не мог понять.

— Ничего не видеть: много-много сучья. Снова нырять.

Он опять исчез под водой. Наконец ему удалось отвязать от лодки веревку. Даббе вынырнул и взобрался на ствол к Андрэ.

— Брррр! Много-много холод!

Андрэ крепко привязал один конец веревки к суку дерева, другой ее конец Даббе намотал себе на руку и снова нырнул.

Андрэ не хотел возвращаться в хижину, пока им не удастся вытащить хотя бы один сундук. Но когда совместными усилиями первый сундук был вытаснен, Андрэ сказал тяжело дышавшему Даббе:

— Тут нет табака, он в одном из ящиков.

Африканец энергично закивал.

— Даббе все понимать, хорошо понимать.

— Вытащи еще один ящик, и поедем домой. — Голос Андрэ звучал почти умоляюще: было видно, что Даббе уже выдохся.

На этот раз африканец долго не появлялся из воды. Андрэ уже начал опасаться за него и несколько раз дернул веревку. Наконец Даббе вынырнул — лицо его налилось кровью. Отдуваясь, он энергично работал в воде ногами и тряс мокрой головой.

— Достал?.. — не утерпел Андрэ.

Даббе поднял голову из воды, лицо его радостно ослабло.

— Ящик крепко... на веревка.— Дыхание его было прерывистым.

Белый что было сил потянул за веревку и вытащил серый водонепроницаемый ящик. Довольный, он улыбается. Даббе взбирается на ствол дерева.

— Даббе, дружище, здесь табак! — ликует Андрэ. Лицо Даббе расплывается в улыбке.

Они возвращаются.

Когда Андрэ дрожащими от нетерпения руками зажигает спичку, чтобы прикурить, зрачки Даббе расширяются от зависти. Андрэ закашливается.

— Кури, Даббе,— говорит он по-дружески,— у нас с тобой целая коробка.

Даббе не ослышался: Ке «у меня», а «у нас с тобой»,— сказал Андрэ.

— Спасибо, мсье Андрэ. Много-много спасибо. — И Андрэ кажется, что с этого момента глаза Даббе излучают какой-то особенный свет.

Позже, когда зашло солнце, они сидели у шипящей керосиновой горелки. И хотя к чаю у них были только твердые как камень галеты, сладковатый табачный дым наполнял их давно не испытанным блаженством.

Долго сидели они возле хижины -и разговаривали. Даббе рассказывал о своей родине на западном побережье Африки. Рассказывал он несвязно, многие фразы обрывал на середине. Говоря об одном, он неожиданно перекидывался на другое, словно забывал, с чего начал.

Андрэ в этот вечер долго не мог заснуть и все думал, думал. Даббе что-то напевал себе под нос.

Белый ловил себя на том, что подолгу смотрел на маленького темнокожего человека. Что было бы с ним, Андрэ, если бы Даббе не нашел его тогда?..

Вокруг хижины на натянутых, как веревки, лианах висит белье. Сохнет оно медленно. И то, лишь когда солнечные лучи падают на него прямо: воздух слишком влажен.

Хижина обжита. У ее обитателей уже ни в чем нет нужды. Белый вновь спит на своей походной койке. Над входом в хижину колышется сеть от москитов.

Но ничто уже не радует Андрэ. Скорее, скорее отсюда. Целых четыре дня живут они в этой хижине, и француз боится, что опоздает на пароход. Да и климат здесь для него пагубен: приступы малярии повторяются каждый вечер. Но пока не поднята лодка, они пленники леса. А вдвоем ее не поднять — нужна помощь.

Лес кругом безлюден. Андрэ внимательно изучает карту — до ближайшего селения двое суток пути! Языка лесных жителей они не знают, к тому же неизвестно еще, захотят ли те помочь. До Ована можно добраться только по реке; лесами не пройдешь; по обеим сторонам устья сплошные болота. Единственное, что остается — идти за помощью к лесным жителям.

Наутро Даббе собирается в путь.

— Смотри, чтобы спички не отсырели. И не потеряй листок с маршрутом! Береги компас, он у меня только один.. Африканец утвердительно кивает.

— Даббе ничего не терять, Даббе хорошо смотрит, очень хорошо.

— С бушами не разводи канители. Возвращайся скорее — пароход не будет ждать.

Даббе показывает на пальцах.

— Один день, два дня, три дня — Даббе опять здесь. И много-много буши. Теперь Даббе уходить.

Он надевает через плечо парусиновую сумку. В ней несколько голов табаку*, спички, сигареты, провиант и листок с маршрутом. Потом он берет катану** и на секунду задерживается в нерешительности, словно вспоминая, не забыл ли чего еще.

Андрэ подходит к нему. •

— Ну, счастливый путь!

И впервые подает негру руку. Даббе смущен. Неловко пожимает он руку белого.

— Даббе быстро идти, очень быстро.

Он удаляется и вскоре исчезает в темно-зеленой листве. Время от времени Андрэ слышит еще удары катаны. Потом все смолкает.

Долго стоит европеец в задумчивости. «Я никогда раньше не принимал негров всерьез: они казались мне большими детьми», — думает он. На строительстве железной дороги было занято много африканцев. Андрэ обращался с ними как вздумается: высмеивал их, ругал... Господин Мулен, французский инженер, мог позволить себе все, черные же работники должны были беспрекословно повиноваться его распоряжениям.

Андрэ давно живет в этой стране и не может не знать, как труден и опасен путь через сумрачные тропические леса к незнакомым лесным племенам. Даббе это тоже известно. И все-таки он сразу согласился идти... Невольно Андрэ вспоминает про абрикосы, которые спрятал от Даббе. Вчера он их выбросил: сладкий сок перебродил и стал несъедобным. Андрэ злится на себя. Потом резко поворачивается и идет к хижине. «Ах, стоит ли, право...» — пытается отогнать он навязливые мысли.

Пусто и одиноко в хижине. Теперь европейцу самому нужно готовить себе еду и заботиться о будничных мелочах. Но он слишком вял, чтобы заниматься всем этим. Открыв банку с мясными консервами, он ест их холодными. Потом вносит в хижину высохшее белье и аккуратно его складывает. За исключением отдельных мелочей, ему удалось спасти все свое имущество; теперь бы только поднять лодку, и можно плыть дальше. Но приходится ждать, ждать сложа руки, пока не вернется Даббе.

* Голова табаку — эквивалент обмена; состоит из 7 листьев.

** Катана — вид топора.

Андрэ пужпо как следует выспаться: предыдущие дни отняли слишком много сил. Устало ложится он на походную койку, стоящую ножками в банках с керосином. Не мешало бы сначала вымыться и побриться, но как-то вдруг сразу он чувствует себя до крайности изнуренным. Даже табак не имеет вкуса — не докурив, он гасит сигарету. Голова болит и начинает гореть. Но он уже привык к этому. «Для жизни в тропиках это характерно», — успокаивает он себя.

Андрэ все лежит и лежит. Солнце уже заходит за мрачный лес. Сеть от москитов слегка колышется. Вниз по реке пробегает легкий ветерок, теплое вечернее дуновение тропического леса. «Дыхание смерти» — называют его здесь, потому что он несет с собой лихорадку. День гаснет, и в хижину закрадывается ночь.

Француз мечется в горячке на скрипучей койке. Он бредит... С оглушительным треском падает на него исполинское дерево, воздев к небу тысячи черных рук — сучьев. Дрожа от страха и обливаясь потом, он пробует увернуться. Но к ногам будто привязаны тяжелые свинцовые гири. Во сне он слышит свой крик, но не в силах проснуться... И снова дерево... Сухой треск — и оно с грохотом валится на землю, увлекая за собой остальные деревья. Голые, острые сучья глубоко впиваются в топкий, чавкающий ил. Тяжелые сапоги вязнут... Внезапно резкий запах плесени одурманивает лихорадочно возбужденный мозг. Он валится с ног, из последних сил пробует встать и бежать дальше. И снова его настигает шум падающего дерева. Теперь уже не уйти: узловатые ветви хватают его за руки и ноги, и твердый, как железо, сук кинжалом вонзается в тело. Душераздирающий вопль проносится по хижине, прорезая тишину ночи.

Со стоном Андрэ просыпается. Его руки инстинктивно ощупывают липкое, потное тело в поисках зияющей раны — настолько еще сильно действие кошмарного сна. Лишь постепенно возвращается он к действительности. Ему хочется встать и выйти из душной хижины на свежий ночной воздух. Но тело словно режут изнутри острые ножи. Глубоко вздохнув, он откидывается обратно на койку.

Чтобы сбить температуру, Андрэ глотает большую дозу хинина. Но боль не проходит — тело страшно ломит. Наконец он засыпает, возвращаясь к кошмарным видениям.

Жар не спадает и на другой день. Еда вызывает отвращение — его рвет. Головная боль и жжение во всем теле заставляют Андрэ снова лечь. Лобные пазухи словно сдавило клещами, череп того и гляди лопнет.

Андрэ еще не знает, что неподалеку от хижины, в болотах, обитают желтовато-белые комары и что миллионы их затем и поднялись вверх по реке, чтобы попить крови белого

человека; что редкие, глухие деревни в низовьях реки почти обезлюдели и жители в смертельном страхе перед злыми болотными духами, покинув землисто-желтые трупы своих односельчан, бежали на холмы в глубь страны; он не знает, что над всеми селениями атлантического побережья подняты желтые флаги, предупреждающие о страшной опасности. Если бы больной все это знал, мужество окончательно покинуло бы его. А так он, в минуты облегчения, снова видит сияющее солнце и слышит плеск волн о лесные берега — одним словом, живет. Его пожелтевшие глаза подолгу задерживаются на сундуках и ящиках: с этим богатством связано его будущее.

Почему-то падающее дерево все-таки пощадило его. Не для того же, чтобы потом он погиб здесь от болезни! Нет, Андрэ верит, что судьба к нему благосклонна; она непременно приведет его домой, во Францию. Дома его ждет Рашель! Наконец-то они поженятся. Разве может малярия задержать его здесь?! Ни в коем случае! Он знает, что такое малярия с первых дней пребывания в Африке. Как часто она трепала его и все-таки не смогла расшатать его железный организм... Когда температура падает и в голове немного проясняется, Андрэ вновь набирается мужества.

И снова заходит солнце, заходит снаружи и заходит внутри хижины. Подобно тому, как луна управляет приливами и отливами, приводя в движение огромные массы воды, так и солнце непрерывно заряжает нас своей энергией. Утром под его яркими лучами мы пробуждаемся к новой жизни; поднимается солнце — поднимается и наша жизнедеятельность; опускается оно — и мы погружаемся в ночной сон.

Больной боится вечера, запускающего в хижину свои темные щупальца, вечера, по следам которого идет черная тропическая ночь с проливными дождями. Андрэ не спит. Он чувствует гнилостный запах умирающих, но вечно вновь возрождающихся растений, слышит шорох крыльев летучих мышей, крик вечно бодрствующего павлина и тонкое пение комаров — сейчас они небольшими тучками вьются над кустами, но скоро роем окружают его, будут пить его кровь и разносить лихорадку другим...

Другим? Кому другим?... С тех пор как ушел Даббе, Андрэ здесь совершенно один... Мысли его лихорадочно устремляются за черным спутником. Может быть, Даббе дошел уже до какого-нибудь селения? О, если бы желания Андрэ могли догнать Даббе и ускорить его шаги! Если бы они могли рассказать ему о бедственном положении Андрэ, о его страхе и одиночестве. Если бы... если бы... Ах, проклятие! И мысли Андрэ бегут уже в обратном направлении, бегут, перегоняя друг друга, в прошлое. Но у того порога, где память обычно

еще хранит образы былого, вдруг разверзается бездна. Мысли низвергаются в нее, судорожно цепляясь за мечты и грезы.

Какое беспомощное состояние! Один в постели с этой коварной болезнью... Андрэ — человек не из слабых, но от мучительной боли во всем теле на глазах у него выступают слезы. Даббе! Надежда только на Даббе, только Даббе может помочь. «Не падать духом, — шепчет Андрэ. — Ждать Даббе, держаться! Держаться и держаться, иначе лихорадка сломит меня!».

Он догадывается, что его мучит не только малярия: никогда еще температура у него не была так высока и не держалась так долго. «Только не падать духом! Завтра утром, — решает он, — нужно хоть немного поесть».

Лихорадка, как море, качает на своих волнах больного вверх и вниз. Борющемуся организму она дает лишь короткие передышки. Но и их достаточно, чтобы вновь воспрянула почти захлебнувшаяся воля к жизни.

Даббе, дружище, спаси своего белого брата!

На топкой, давно не хоженной тропинке оставлены следы: отпечатки широкой ступни, оборванные листья, клочки материи на колючих шипах; на стволах замшелых деревьев — глубокие раны от топора, из которых сочится белая кровь; в лесных зарослях прорублены ходы; тут и там красно-бурая земля исчерчена большим пальцем ноги; и снова отпечатки широких ступней. Это следы Даббе.

Буйная растительность во многих местах прерывает тропинку: лес жадно борется за каждую отнятую у него пядь земли. Потом след исчезает: его затягивает вязкая и тягучая, как каучук, глина. Но едва тропинка обозначается вновь — раньше она, по-видимому, была значительно шире, — как вновь появляются и следы. Все дальше и дальше ведут они — меж плотно сомкнувшихся деревьев, через лесные завалы, пересекают узкие ручьи и снова петляют по казалось бы непригодной чаще.

Недалеко от хижины Даббе вышел на тропинку, ведущую к селениям лесных жителей. К вечеру второго дня он увидел первую деревню и пустился было бегом. Но уже спустя какие-нибудь минуты в страхе бежал обратно — вслед ему из двери покинутой хижины корчила гримасы Желтая смерть.

Там, на полу, валялись желтые обезображенные трупы, облепленные комарами и мухами, и копошились большие толстохвостые крысы. Но больше всего его напугал чей-то вопль, вопль живого существа среди мертвецов. Этот вопль до сих пор стоит у него в ушах, преследуя его по пятам. Страх пе-

ред демонами смерти гонит его в кусты, под высокое дерево, где, дрожа всем телом, он ожидает утра.

Вместе с солнцем к нему возвращается мужество. Ночь миновала, и демоны больше не страшны. Даббе вспоминает о своем задании и снова пускается в путь. Пока в небе стояло солнце, он семенил по лесу. Тропинка здесь была протоптана, и он надеялся встретить вскоре людей.

Но и в следующей деревне, куда Даббе пришел еще за светом, тоже побывала смерть: перед глазами предстала та же наводящая дрожь картина.

И опять его сердце екнуло от страха. Опять превратился он в маленького, слабого, беспомощного человечка, как и в прошлую ночь. Он нарушил покой мертвых и навлек на себя месть демонов. Что будет, если демоны собьют его с пути или лишат зрения, чтобы он не нашел хижину? Тогда, значит, он уже не вернется в свой Крутаун, к родне, к Майюме? Майюма у него—единственная жена, потому что он беден. «Мой крысенок»,— называла она его, когда была еще молода и нежна. Он уже не увидит ее, свою Майюму, не увидит ее сильных рук и тяжелых бедер. Да, Майюма большая и сильная, и все-таки она чуть не оставила его вдовцом, когда в чреве ее умер ребенок. Ах, как хочет он ее видеть! Но, может

быть, староста забрал Майюму себе: Даббе так много ему задолжал. Он уже год, два, три не был в Монровии... Майюма — сильная, работающая женщина, но теперь ее кожа увяла и высохла.

Маленький темнокожий человек в страхе бежит обратно по тропинке, бежит до тех пор, пока не падает в изнеможении. Но ненадолго. Тут же он вскакивает и ковыляет дальше. С ужасом думает он о новой ночи, которую опять придется провести в лесу одному. Сумеет ли он уйти от демонов?... Его тянет к белому человеку, оставшемуся в хижине на темном берегу лесной реки.

Природа тропиков ни в чем не знает меры: палящее солнце изнуряет; влажный лесной воздух удушлив; ливни — как гигантские водопады; бури — яростны и беспощадны; и буйная, неукротимая, всепоглощающая растительность!

Ужасы тропиков тоже безмерны.

В хижине под густыми деревьями чадит керосиновая горелка. Мерцающие блики огня пляшут в темном пространстве. На ржавой походной койке под толстыми одеялами лежит Андрэ. Его знобит. Он уже не отличает дня от ночи, но чувствует времени — оно идет мимо него. Лицо Андрэ пожелтело, осунулось и обросло густой жесткой щетиной; глубоко ввалившиеся глаза обведены широкой черной каймой; лишь изредка они устало и апатично смотрят на дверь.

Андрэ тяжело болен. Его воля к жизни слабеет с каждой минутой. Дотянет ли он до прихода Даббе?... Рядом с койкой на железном сундуке — осколок зеркала. Увидев себя однажды в нем, Андрэ сразу понял: желтая лихорадка. Теперь и обе руки от кисти до плеча обтянуты желтой пергаментной кожей... Он вспоминает о своем друге, Роберте, который работает врачом в госпитале Либревилья.

Это было примерно год назад. Над Рио Бенито и Кого были подняты желтые флаги. Роберт сказал тогда с серьезной миной: «Желтая лихорадка! Плохо дело. Две трети больных умирает в первые три дня». — «А остальные?» — спросил Андрэ. Врач помолчал с минуту, потом, пожав плечами, сказал: «Всяко бывает...»

Теперь и у него, Андрэ, то же самое. Он принадлежит к последней трети. Есть ли еще надежда?... «Всяко бывает», — сказал он, подражая голосу своего друга. И горько усмехнулся. Нет, Андрэ точно знает... Он уже не тешит себя никакими иллюзиями. Болезнь подведет под его жизнь черту. Тридцать два года — крышка!

Жизнь его проходит перед глазами, как фильм, кадр за кадром. Не молниеносно, как в минуту внезапного страха

перед смертью, а медленно, ясно, отчетливо, несмотря на высокую температуру.

Он видит и заново переживает отдельные моменты своей жизни. Вот перед ним холмистые гряды родины и между ними город, залитый солнцем; рядом — голые светло-коричневые скалы, а вдаль, в голубом тумане — горы. Андрэ сидит на мокром каменном молу и смотрит на синюю гладь моря. На верфях погромыхивают клепальные молотки, пронзительно кричат пароходные сирены. Над городом густая, серая пелена дыма от фабричных труб; только в одном месте ее прорывает высокий шпиль собора Нотр-Дам де ля Гард. Это — Марсель, город его детства и его последняя греза. Он видит Рашель: девушка лукаво улыбается, темные локоны игриво выются на ее щеках. Она смотрит на больного материнском взглядом. «Это ты...» — говорит она тихо... «О, Рашель! О, Франция!»

Мучительно долго тянется время. Горелка коптит. Только бы не погас огонь!

Ночь безмолвна. Лес словно оцепенел. Вокруг горячего, закопченного цилиндра вьются комары. Вьются и падают в огонь. Тишина становится угнетающей — не крикнет ни один зверь. Неестественное, зловещее затишье. Что-то непременно должно произойти. Чувства Андрэ обострены до предела. Неужели температура спала?.. Его трясет, но сейчас это не лихорадка. Андрэ, затаив дыхание, прислушивается, и вместе с ним прислушивается весь лес. Минуты великого лесного безмолвия! В чем же дело? Андрэ пробует приподняться на койке, но от слабости падает на спину.

И вдруг — пронзительный крик! Душераздирающий звериный крик. Мимо хижины что-то пронесется. И словно по сигналу к атаке все кругом приходит в движение. Ломаются ветви и сучья, на хижину тяжело падает чье-то тело. Царапанье, шипение, и кто-то глухо спрыгивает на землю... Андрэ еще ни разу не видел здесь крупных зверей, откуда они взялись? Кругом жалобные стоны, а в промежутках — снова шипение и быстрый топот... Андрэ охватывает ужас: звери спасаются бегством! От чего? От пожара? Нет, лес не может гореть: он пропитан водой, как губка. Так откуда же этот дикий страх?..

С визгом, ломая сучья, мчатся по деревьям стада обезьян. А это что? Тонкий писк и возня. «Крысы! — пронесется в голове Андрэ. — Крысы тоже бегут, покидают тонущий корабль!» Он снова пробует приподняться. «Что случилось, черт побери? Что случилось?» — кричит он в отчаянии, но голос его тонет в паническом шуме леса.

Постепенно шум ослабевает. Обезьяны бегут уже в одиночку. Затем снова воцаряется тишина — тяжелая и гнетущая.

Андрэ обливается потом. Дыхание его часто и прерывисто.

До слуха больного доносится слабый шорох и треск. Он еще ничего не видит, но уже слышит: это совсем рядом, здесь, в хижине. Страшная догадка пронизывает мозг: муравьи!

Он приподнимается, опираясь на локти. По спине бегут струйки холодного пота.

Сплошной копошащейся массой валят муравьи в узкую дверь и тотчас расплозаются по всей хижине, взбираясь высоко на стены. «Скоро они доберутся и до меня. Пока их удерживает керосин в банках. Но надолго ли?» Он знает, муравьи — страшная опасность.

Это муравьи-погонщики, или зиафу. Огромные полчища их проходят многие и многие километры, неся опустошение и смерть. Их острые челюсти перемалывают все живое, что попадает на пути, перемалывают с невероятной, почти непостижимой быстротой. От них только одно спасение — бегство. Даже слоны и те убегают, учуяв их едкий запах.

Бегство? Но больной не может бежать: он прикован к кровати. Пока путь к нему прегражден керосином, но скоро банки до краев наполнятся мертвыми насекомыми, и живые по их трупам взберутся к нему на койку. И тогда — конец! Андрэ охватывает дрожь, и он падает на спину.

Лес молчит. Даббе слышит только свои шаги. Страх, только страх придает ему силы. С самого утра он еще ни разу не останавливался. Его цель — добраться до хижины к вечеру того же дня. Но ноги отяжелели и не хотят идти. Вокруг уже ночь.

Мимо проскальзывает чья-то тень. Даббе вздрагивает. Но зверь убегает. Он крепко сжимает в руке катану. Сумку с компасом, картой, табаком и провиантом он где-то потерял — где, и не помнит сам. Мертвенный свет луны падает на тропинку, вьющуюся узкой змейкой по лесу. И вдруг — треск валежника. Справа, слева, кругом. Это бегут животные. «Тью... тью... тью», — жалуется древесный даман*. Кричат обезьяны. Даббе бежит. Он не знает, откуда у него берутся силы, он знает только, что нужно бежать... Нужно! Ноги теперь сами несут его. Как и животные, он инстинктивно чувствует опасность.

Перед ним река. В изнеможении Даббе прислоняется к дереву.

* Древесный даман — млекопитающее растительноядное животное размером с зайца, с крупной головой, короткими конечностями, с густым мехом, живет на деревьях. Распространен в Западной, Средней и Южной Африке.— *Прим. ред.*

Не заблудился ли он?.. Даббе останавливается. Хижина должна быть где-то здесь. Да, вот она! Вдали мерцает желтый свет. Даббе подходит все ближе и ближе... Внезапно все его существо содрогается: опасность заявляет о себе сразу, мгновенно, как прыжок леопарда. В нос ударяет резкий, едкий запах.

«Скорее к реке — в воду!» — мелькает у него в голове. Даббе бежит, но тут же спохватывается. «А что с мсье Андрэ?» — Он поворачивает к хижине. До нее остается несколько метров, когда Даббе чувствует на теле первые укусы... Под голыми ступнями сухой треск. Вбегает в хижину.

Увидев белого на кровати, Даббе останавливается как вкопанный. Андрэ почти невозможно узнать. «Мсье Андрэ!» — кричит он, срывает одеяла и поднимает больного на руки. Глаза Андрэ — большие, неподвижные. Больной стонет.

Ноша невероятно тяжела, но смертельный страх придает Даббе нечеловеческие силы. Муравьи облепили его, ползут по телу, лезут в нос, в уши, в глаза. Ноги словно ступают по раскаленному железу. Скорее к реке, в воду, иначе оба они погибнут. Вот, кажется, и река, где-то тут должен быть их плот...

Вода охлаждает горящее от укусов тело. Даббе опускает больного в реку, выпрямляется и трет глаза. Муравьи вгрызлись в оба века. Превозмогая острую боль, он отдирает их. Но глаза ничего не видят.

С трудом наклоняется Даббе над больным, ощупывает его тело и снимает с лица муравьев. Напрягая остаток сил, втаскивает белого на плот.

Медленно плывут они вниз по реке. В хижине еще горит свет. «Это огонь в моем глазу», — думает Даббе и черпает рукой воду, чтобы смочить глаз. Сознание покидает его.

— Негр лежит в третьем бараке. Левый глаз мы ему спасем. С ногами дело хуже, но в общем самое страшное уже позади. Он очень ослаб от болезни и голода... Ну, а как чувствует себя мсье Мулен?

Молодой врач-ассистент вопросительно смотрит на Роберта Дюбуа.

— Надеюсь, что лучше, — отвечает тот. — Я как раз собираюсь идти к нему. Вы знаете, он ведь мой давнишний друг.. Пойдете со мной?

Врач-ассистент отрицательно качает головой.

— Сейчас не могу. Время делать перевязки.

Он идет к двери, но останавливается на пороге.

— Так когда выписываем негра?

— Как можно скорее. Вы же знаете, у нас нет средств. Молодой врач кивает и по коридору направляется к перевязочной.

Андрэ не спит. Лицо его очень бледно.

— Ну, как дела? Тебе здорово повезло, мой мальчик: был при смерти на неуправляемом плоту и все-таки спасся... Хочешь есть?

Андрэ кивает.

— Кажется, я ничего не ел уже четыре недели. А в общем ничего... Слабость только... Слушай, а где Даббе? Он жив?

— Даббе? Кто такой Даббе?.. Ах, этот черный, что был

с тобой на плоту! Да, он жив. Только ослеп на один глаз. Мы положили его в барак для негров... Тебе нельзя, однако, много разговаривать... Я сейчас пришлю чего-нибудь поесть.

На цыпочках он направляется к двери. Андрэ лежит без движения. «Даббе потерял глаз», — думает он.

— Роберт!

— Да?

— А можно мне... увидеть его?

— Увидеть? Кого? Ах, этого... Пока нельзя, но через не*
делю мы его выпишем... Он сделал тебе что-нибудь?

Андрэ молчит, потом утвердительно кивает.

— Да, он спас мне жизнь.

Врач подходит ближе к кровати.

— Ему нужно домой, Роберт, в Монровию. Ведь он по*
тому и поехал со мной... Все, все потерял, как и я. Только я...
застрахован, а он нет. Понимаешь?

— Ну и что?

— Нельзя ли отправить его домой на каком-нибудь па*
роходе?

— Но... кто же будет платить за проезд? Ты? У тебя ведь
у самого...

Андрэ поднимает исхудавшую руку.

— Роберт! — Он пристально смотрит на своего друга, то*
т отводит глаза. — Не будь его, я бы не был сейчас здесь.

Врач делает нетерпеливый жест.

— Об этом поговорим после. Ты еще очень слаб.

Андрэ отрицательно мотает головой.

— Дай мне договорить!.. Я столько пережил, видел такие
ужасы! Никогда, никогда мне не забыть этого. Он спас мне
жизнь! И я буду говорить об этом везде... У этого негра я
в неоплатном долгу, понимаешь? Он пожертвовал ради меня
своим глазом.

Наступает долгая пауза. Наконец Роберт говорит:

— Ладно, Андрэ. Но сейчас пока помолчи. Обо всем мы по*
говорим после. И я пришлю к тебе этого... — он запинается, —
пришлю его к тебе, как только он поправится.

Врач тихо затворяет за собою дверь.

Перевод с немецкого Н. Гришина

Гордон
Джаилс

НА

МЕРКУРИИ

Научно-фантастический
рассказ

I. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

ЛЛО, Земля!

Говорит экспедиция на Меркурий по эфирному радиокоду. Радист Джиллуэй на ключе.

Пятьдесят пятый день после отлета с Земли.

Карсен, наш механик, сообщил, что может легко рассчитать посадку по марсианским данным. Притяжение на Меркурии немного меньше, чем на Марсе, — около двух пятых земного. Тарнэй, штурман, опустил нас по спирали на большую ровную площадку из гладкого вещества, похожего на застывшую лаву. Мы еще не

выходили, так как не имеем сведений о здешней температуре и атмосфере.

Ну, вот мы и на Меркурии, самой малой из девяти планет. Действительно, две из лун Юпитера — Ганимед и Каллисто — крупней Меркурия, как говорит Маркере, наш астроном. А спутник Сатурна — Титан — несколько меньших размеров. Меркурий также имеет честь быть ближе всех к Солнцу — в среднем около тридцати шести миллионов миль. Мы закрыли шторками иллюминаторы со стороны Солнца, иначе бы ослепли.

Из других иллюминаторов нам открывается мир не только до крайности странный, но и определенно негостеприимный: неровные каменистые поля, обрывистый горный хребет вдали, гладкие лавовые плато. Никаких признаков жизни. Горизонт близкий, но, очевидно, Меркурий — пустынный и дикий мир. Мы ожидали этого, но надеялись все же встретить и другое.

Не знаем, радоваться или нет тому, что мы здесь. Пятьдесят пять дней полета в черной, однообразной пустоте — это довольно трудные испытания. Но и пейзаж Меркурия — царство мрака и хаоса.

Однако мы прилетели сюда для научных исследований. Через четыре месяца, когда наступит благоприятный момент для старта на Землю, мы улетим. И я полагаю, что многие из нас теперь уже думают об этом.

Через пять минут после посадки капитан Атвелл созвал всех.

— Ребята,— сказал он,— я решил, что на этот раз мы никому не позволим захватить нас врасплох, как это было на Марсе и Венере. Будем работать осторожно, поняли?

Все кивнули. Трое из нас, не считая капитана Атвелла, были в экспедициях на Марсе и Венере: геолог Парлетти, Маркере и я. Двое были только на Венере: Тарнэй и Карсен. Всего в экипаже корабля было десять человек. Четверо из них — новички: Робертсон, фон Целль, Линг и Суинертон — археолог, химик, физик и биолог.

На деле, капитан Атвелл говорил для новичков, необстрелянных людей. Почувствовав это, Линг ответил за всех:

— Мы будем осторожны, капитан. — И прибавил своим мягким голосом: — Мудрая китайская поговорка гласит: «Глупец видит опасность, но когда смеется над ней, то смеется в последний раз».

Только что получено известие от Второй Марсианской экспедиции, переданное через Землю. Спасибо за поздравление, Марс. Мы рады, что как первооткрыватели сделали для вас что-то, хотя и небольшое, и это помогло вам совершить удачную посадку на планету.

Продолжу завтра. Батареи сели за время перелета.

День пятьдесят шестой.

Химик фон Целль нашел атмосферу, но очень разреженную. За все время перелета мы старались догадаться, будет ли она плотнее, чем на Луне. Поскольку это так и есть, то теория Маркера может быть и верной. Он говорит, что на Ночной стороне есть большие количества замерзших газов, каким-то образом попадающих на Дневную сторону.

Мы же находимся в Сумеречной зоне, которая была названа так в литературе прошлого столетия. Продолжительность оборота Меркурия вокруг оси равна периоду оборота его вокруг Солнца. Это для нас — единственное в своем роде впечатление. Одна сторона вечно обращена к пылающему Солнцу. Другая вот уже неисчислимые века окутана тьмой. Узкая промежуточная полоса, где вечный день сливается с вечной ночью, погружена в постоянные сумерки. Это единственная возможная зона для посадки. Слева от нас — адский зной, справа — ужасающий холод.

Мы вышли сегодня, надев скафандры. Воздухом Меркурия дышать нельзя: он насыщен горячими, ядовитыми парами.

Линг заранее предупредил нас о температуре — около 177 градусов по Фаренгейту (81 градус Цельсия). Атмосфера была суха и разрежена, но в скафандрах это не чувствовалось.

Испробовав свои физические силы, мы нашли, что можем взлетать на все двадцать футов. Новички получили от этого больше забавы, чем ветераны. Слабое притяжение нам впервые довелось испытать еще на Марсе. Визоры наших шлемов снабжены темными стеклами, защищающими от яркого света и блеска. Солнце выглядело здесь огромным желто-красным шаром, наполовину скрытым за горизонтом. Он висит почти без движения уже сотни веков. Начинаешь думать, что здесь ничто не меняется, тогда как на Земле идет эволюция.

— Здесь можно, наконец, понять, что такое Вечность,— определил Линг. Его тонкий голос в наушниках шлема звучал почти торжественно.

Но мы ошиблись. Перемены есть и здесь. Пока мы наблюдали, произошло странное явление. Горный хребет между нами и Солнцем начал медленно таять! Да, вершины постепенно заскользили по склонам, как вода. Но это не вода. Это свинец, сказал нам Парлетти, свинец, плавящийся под свирепыми лучами Солнца. К счастью, в Сумеречную зону попадают только наклонные, более слабые лучи.

Парлетти расширил свою теорию. На Меркурии с его разреженной атмосферой процессы выветривания крайне малы. Большинство металлов находится в самородном состоянии, как они застыли миллионы веков назад. Свинец плавится там, за краем Сумеречной зоны. Еще дальше — пылающая Днев-

ная сторона, должна быть сущим адом с расплавленными озе-рами висмута, олова, галлия и всех легкоплавких металлов.

Парлетти оценивает максимальную температуру Дневной стороны в 700 градусов по Фаренгейту*. Мы не можем даже и думать об исследованиях там. Человеку никогда не удастся разведать раскаленную Дневную сторону, разве что лишь в специально оборудованных кораблях. Таким образом, по мнению Парлетти, Меркурий — это огромный склад сплавов и чистых металлов.

Но вдруг Гарнэй вскрикнул, и мы тотчас ощутили, как твердая почва под ногами заколебалась. То, что мы считали камнем, оказалось металлом, и этот металл начал плавиться!

Капитан Атвелл поторопил нас к кораблю. Включив кормовые двигатели, мы перелетели на полсотню миль к Ночной стороне. Только что покинутый нами участок медленно сползал вниз, колыхаясь и вздуваясь пузырями. Мы уже были в безопасности, защищаемые слабыми холодными токами воздуха с Ночной стороны. Плато состояло, очевидно, из галлия — металла, плавящегося при температуре ниже кипения воды.

Таковы впечатления от первого дня на Меркурии. Сможем ли мы здесь когда-нибудь почувствовать себя в безопасности? Каждую минуту металлическая почва под ногами может расплавиться и поплыть.

День пятьдесят седьмой.

В прошлую ночь, нашу искусственную двенадцатичасовую ночь, шел град. Только состоял он из металлического висмута. Парлетти и Маркере обдумывают, что это значит. После целого дня споров и наблюдений Солнца они объяснили нам. Меркурий обладает либрацией — то есть он слегка покачивается. За один период обращения он подставляет Солнцу немного больше половины своей поверхности. И вследствие такого качания Сумеречная зона постоянно смещается. Каждые сорок четыре дня, полупериод обращения, Сумеречная зона ползет на сотню миль к солнечной стороне, потом на то же расстояние в обратную сторону. Но полоса миль в десять остается постоянной. Значит, эта узкая десятимильная полоска — наиболее безопасная область, на которую незначительно влияют смены зноя и холода.

Парлетти уверил нас, что здесь нам будет хорошо. Мы можем оставаться четыре месяца, не опасаясь ни расплавления

* Шкала Фаренгейта — температурная шкала, в которой температурный интервал между точкой таяния льда и точкой кипения воды при нормальном атмосферном давлении разделен на 180 долей градуса, причем точке таяния льда приписана температура плюс 32 градуса. Эта шкала применяется в Англии и США. Установлена в 1724 году немецким физиком Г. Фаренгейтом (1686—1736).

Температура плюс 700 градусов по Фаренгейту соответствует температуре плюс 371 градус Цельсия.— *Прим. ред.*

почвы под ногами, ни возвращения холода. Висмутовые пары с плавящихся гор были увлечены к Ночной стороне. Встретив холодный воздух, они осели. В сущности, нет никакой разницы с водяными дождями на Земле.

Капитан Атвелл вздохнул свободнее. В конце концов можно оставаться в этой десятимильной полоске, не бегая постоянно от расплавленных волн. Здесь мы нашли впадину поблизости и сложили в нее барабаны с горючим, а сверху засыпали их обломками камней.

Наконец наше горючее было надежно защищено от всяких случайностей, осо-

бенно от зноя. Мы работали весь день, но почти не устали, благодаря малому притяжению. Кожа у нас, на открытых местах, потемнела, как никогда, хотя мы еще в полете проводили сеансы ультрафиолетового облучения.

Спасибо за музыкальную программу, Земля. Она слышна здесь ясно, как звон колокола. Селенобатареи пашей рации заряжаются при здешнем постоянном освещении хорошо, даже лучше, чем на Марсе. Я отключил солнечное зеркало, так как тока у меня больше, чем нужно.

День пятьдесят восьмой.

Мы не пробовали разбить лагерь вне корабля, так как пробудем здесь только четыре месяца и вполне можем выдержать такой короткий срок в тесных каютах. На Марсе и Венере, где предстояло пробыть два года, или четырнадцать месяцев, мы нуждались в более просторном жилище.

Наше положение кажется прочным: у нас есть пища, вода и воздух — всего этого больше, чем на четыре месяца. Капитан Атвелл приказал продолжать наши исследования.

Парлетти бродит кругом в радиусе мили со своими неизменными приборами. На Марсе он нашел насыщенный золотом песок, на Венере — радиоактивные породы. А здесь он вернулся с сумкой, полной золота, платины, таллия и других драгоценных и редких металлов. Он предсказывает, что Меркурий станет центром межпланетной металлургической промышленности.

Маркере поставил свой телескоп и ищет гипотетический Вулкан — планету с орбитой еще меньшей, чем у Меркурия. Пробуя всевозможные светофильтры, он методически обшаривает весь участок вокруг Солнца. Если найдет что-либо, сказал он, то будет удивлен, как никто в мире. Он хочет доказать раз и навсегда, что Вулкана нет.

Тарнэй и Карсен исследуют кору Меркурия геофизическими методами. Они пытаются объяснить либрацию планеты тем, что одна ее половина тяжелее другой.

Фон Целль с истинно немецкой педантичностью составляет список всех необычных меркурианских сплавов, созданных здесь лабораторией Природы. Он надеется открыть такие, которыми промышленность Земли могла бы воспользоваться.

Линг измеряет невидимые корпускулярные потоки, идущие от Солнца. Эти ливни нарушают радиосвязь с Землей и порождают полярные сияния. На Меркурии они окружают каждую вершину ореолом невероятных цветовых эффектов. В ярком солнечном блеске ореолы эти невидимы невооруженному глазу. Но Линг делает снимки со специальными цветными фильтрами.

Поль Суинертон оказался таким же ярким биологом, какими были его братья — Чарлз и Ричард. Один из них погиб

в экспедиции на Венеру, другой — на Марсе. Но у них перед смертью, по крайней мере, было что исследовать. Здесь же, как горько жалуется Суинертон, нет даже микробов!

Робертсону, археологу, еще хуже. Если нет растений или насекомых, то не может быть и высших форм жизни — ни разумных существ, ни погибших цивилизаций. Совсем недавно, когда мы обедали, он задал неожиданный вопрос:

— А где пирамиды?

Все мы понимаем, чего здесь не хватает. На Марсе и Венере мы видели пирамиды, построенные древними марсианами. Надписи на пирамидах неясно говорят о существовании этих сооружений и на Меркурии. Мы были бы удивлены, если бы не нашли их здесь.

Робертсон просил капитана Атвелла позволить ему провести разведку на территории, находящейся за пределами видимости с корабля. Атвелл поджал губы, но определенного ответа не дал. Следуя своей политике осторожности, он, вероятно, еще не хочет рисковать, проводя исследования в незнакомых местах. Ему хочется вернуть всех на Землю живыми.

Алло, Марсианская Вторая! Получили ваше сообщение. Рады слышать, что вы остановили атаку боевых муравьев своей световой пушкой. Будь в то время одна такая и у нас, мы не потеряли бы Прузетта и Крукшенка. Если вы найдете их могилы с флагом Земли, нарисованным на насыпи, сообщите нам. Они умерли героями.

День пятьдесят девятый.

Замечательные новости, Земля! Два больших сюрприза. Нет, только один, так как пирамиду мы, в конце концов, ожидали. Другой сюрприз — жизнь.

Под нажимом Робертсона и Суинертон капитан Атвелл согласился на разведку сегодня утром. Он сам пошел с ними, дабы уравновесить их неопытность своей мудростью ветерана.

Они шли параллельно нашей широте Сумеречной зоны, сделав за пять часов около пятидесяти миль. На Меркурии можно двигаться быстрее, чем кенгуру. Они нашли пирамиду, воздвигнутую на холме и четко выделяющуюся на освещенном фоне. Увидев ее, Робертсон вскрикнул и стремительно помчался туда, но остановился, когда капитан Атвелл резко окликнул его. Они осторожно подошли. Никогда не угадаешь, откуда ждет тебя опасность.

Но здесь никакой опасности не было. Пирамида была древней и покинутой. Робертсон смотрел на нее с благоговением. Здесь были марсиане до нас. Двадцать тысяч лет назад, говорит Робертсон. В этом чувствовалась странная тайна. Голуэй со своими экспертами на Земле отчасти разгадал таинственные надписи с Венеры и Марса. Мы знаем теперь, что марсиане заселяли Солнечную систему и странствовали по ней еще де-

сять тысяч лет назад. Но что потом случилось с ними? Почему они так внезапно исчезли, оставив только свои почти что вечные пирамиды?

Ответ может находиться именно в найденной нами пирамиде. Но Атвелл оттащил Робертсона прочь. В следующий раз: сейчас в баллонах осталось слишком мало воздуха. Но в этот миг Суинертон издал дикий вопль, услышанный и мною по радио.

Обходя пирамиду, они наткнулись за нею на нечто другое — на длинную, глубокую ложину, лежащую в полной тени. По краям росли лишайники. Суинертон опустился на колени и вцепился в них обеими руками. Первые признаки жизни на этой невероятно сухой планете! Мы не удивляемся, что они чуть не сошли с ума от возбуждения.

Они смотрели вниз лишь столько времени, чтобы увидеть что-то вроде тумана, покрывающего всю долину: там воздух плотнее, как полагает Суинертон, и есть водяные пары. Общий зеленый цвет внизу обещал более обильную растительность, хотя подробностей не было видно. Суинертон клянется, что видел там какое-то движение.

Потом капитан Атвелл с трудом заставил Суинертон уйти оттуда. Он отогнал и Робертсона от пирамиды, и они вернулись. Мы слишком возбуждены сейчас, чтобы спать. Жизнь на Меркурии! Но какая, если почва планеты насыщена металлами? И пирамида — это звено к загадочному прошлому...

Мы гордимся, что приняли сейчас передачу с полярной станции Земли. Мы никогда еще не слышали Марша Межпланетников в лучшем исполнении, чем у Антарктического хора. Антарктика была последним неисследованным местом на Земле до того, как мы ринулись в пространство. Спасибо.

День шестидесятый.

Этим утром пятеро снова отправились туда. Их манили одинаково и пирамида, и жизнь. Робертсон и Парлетти исследуют пирамиду, капитан Атвелл спустился в долину с Суинертоном и Лингом.

Коротко о пирамиде: Робертсон и Парлетти не нашли никакого входа. Поэтому они удовлетворились тем, что произвели обмеры и сделали снимки с надписей вокруг основания.

Капитан Атвелл со своим отрядом осторожно спустился по склону долины с оружием наготове. Чем ниже они спускались, тем больше появлялось признаков жизни: от лишайников ко мхам, к первобытным папоротникам, к группам кустов. Наконец на дне долины, на протяжении десяти миль, рос лес тростников высотой до двухсот футов. При слабом притяжении Меркурия тонкий стебель может поддерживать высокую крону.

Суинертон высказывал сотни нескончаемых предположений. Многие века назад Меркурий вращался, говорил он, и на нем,

видимо, поддерживалась цветущая жизнь в тех поясах, которые соответствуют нашим арктическому и антарктическому, а сейчас жизнь осталась лишь в ущельях Сумеречной зоны.

Суинертон старался догадаться, насколько сохранилась животная жизнь. Идя дальше, он встретил и ее. Жужжали насекомые, поразительно крупные — величиной с певчих птиц. Птицы, в свою очередь, были все крупнее орлов и ловили огромных насекомых на лету, как на Земле они ловят комаров. Млекопитающие — крылатые. Летучие волкообразные твари так и шныряли кругом, ища добычи.

Одно огромное чудовище, похожее на медведя, с перепончатыми крыльями размахом в тридцать футов, парило вверх, словно замышляя напасть. Потом оно отлетело прочь, забавно хлопая крыльями, и ринулось на птицу величиной с индюка, разодрало ее когтями и пожрало на лету. Как и на Марсе, животные, несмотря на разреженность воздуха, приспособились здесь благодаря слабому притяжению. А формы жизни крупные в силу одного правила: чем меньше планета, тем крупнее существа на ней. Притяжение, видимо, единственный ограничивающий фактор размера.

Это было странным и волнующим. Увиденные нами чудовища, привязанные навечно к узкой полосе, охватывающей весь Меркурий, — были последними представителями в эволюции животного мира на планете. Это кольцо упрямой жизни находится под постоянной угрозой с обеих сторон: и крайнего холода, и крайнего зноя.

Маркере, оставаясь в лагере, сделал замечательное открытие. Он не нашел и следов мифической планеты Вулкана, но обнаружил новое небесное тело. У Меркурия есть спутник! Луна!

Земные телескопы никогда бы не заметили его, так как Меркурий расположен очень неудачно для наблюдения; слишком близко к ослепительному Солнцу. Маркере оценивает его диаметр всего в несколько миль — еще меньше, чем у крохотных лун Марса. Но все-таки это луна.

Она быстро обращается на расстоянии около пяти тысяч миль, держась близко к Меркурию, иначе огромное притяжение Солнца давно оторвало бы ее. Маркере предлагает назвать ее Фаэтоном — по имени возницы Солнца. По-видимому, ближе к Солнцу нет больше такого тела, если не считать изредка падающих в этот район случайных комет.

Что касается исследования долины... Трах!

День шестьдесят первый.

Продолжаю сегодня. Фильтры передатчика перегорели вчера. Фон Целль говорит, что это, вероятно, из-за нового солнечного пятна, залившего вдруг мою установку потоком электронов и корпускул. Я починил ее и добавил экран.

Атвелл, Суинертон и Линг видели нечто, еще более поразительное. На открытой полянке среди огромных тростников они наткнулись вдруг на существо поистине чудовищное. Чешуйчатое и крылатое, величиной чуть ли не с динозавра, оно выглядело странно знакомым. Когда из ноздрей у него вылетел клуб пара от дыхания, Линг узнал его.

— Это дракон! — отчаянно вскрикнул он. — Бегите!

Линг побежал, но Суинертон, парализованный, оставался некоторое время на месте. Повернувшись, чтобы бежать, он споткнулся и упал. Капитан Атвелл загородил его собою, когда чудовище кинулось на них, и выстрелил несколько раз. Дракон рванулся в сторону и, тяжело хлопая крыльями, неуклюже взлетел. Вскоре он исчез из виду.

Атвелл и Суинертон смотрели пораженные. Их пули просто спугнули его. И он исчез вдаль, на Дневной стороне. Неужели он живет где-то там, в этом пекле?

После их возвращения мы обсуждали встречу с невероятным существом. Суинертон показал осколки, отбитые пулями от его чешуи. Они были похожи на кремнеобразное вещество; фон Цельль подтвердил это, сделав анализ.

Кремниевая жизнь, заключил отсюда Суинертон, — ткань, в которой углерод замещен аналогичным ему кремнием. Она способна выдерживать невероятные температуры. Он с яростью утверждает, что дракон живет главным образом на огненной Дневной стороне среди других форм кремниевой жизни. И живо нарисовал нам, как это чудовище бродит по озерам расплавленного металла, сидит на вершинах гор под палящими лучами Солнца.

Фантастика? Суинертон сделал еще один шаг. Он говорит, что метаболизм в такой твари должен быть просто свирепым, возможно, настоящим горением и что мускулы ее приводятся в движение «горячим паром».

Словом, живая паровая машина! Он сам не знает, принимать ли все это всерьез. Линг, однако, принимает.

— Огнедышащий дракон китайской мифологии, — задумчиво произнес он. — Либо марсиане когда-то привозили их на Землю, либо рассказывали о них землянам для устрашения.

Алло, Марсианская Вторая! Только что получен ваш сигнал, нашли ли вы наш глиняный дом? Мы провели в нем два года. Почти родной дом для нас. Парлетти просит поискать монету, которую он там потерял.

День шестьдесят второй.

Капитан Атвелл встревожен. Марс был тихим и опасным, Венера — бурной и опасной. Меркурий — неожиданным и опасным.

Прошлую ночь разразилась буря, разбудив всех. Сначала подул страшный ветер с Дневной стороны, такой горячий, что

мы включили холодильную установку. Потом грянул ответный удар с Ночной стороны, принеся стучащий металлический град. Наш наружный термометр за один час упал с плюс 200 до 100 градусов ниже нуля по Фаренгейту*. Металлический град бил по корпусу корабля с такой силой, что мы опасались, не пробьет ли его насквозь. Это продолжалось около десяти часов. Потом вдруг опять стало тихо и ясно.

Влияние либрации, конечно, как объясняют Парлетти и Маркере. Горячие и холодные ветры с обоих полушарий периодически сталкиваются. Там, где они встретились — милях в десяти от нас,— горячие металлические пары охлаждаются и обрушиваются сокрушительным ливнем. К счастью, в нашей постоянной зоне никогда не бывает настоящих дней и ночей. Поэтому у нас чувствуются только отголоски этих бурь.

— Неожиданное,— пробормотал капитан Атвелл,— вот в чем опасность. Жизнь там, где ее не ожидали. Тающие горы. Бури без признаков того, что они надвигаются. Пока что мы спасались. Тщательно предусматривая все заранее., мы сможем опасаться впредь. Но берегитесь неожиданности, ребята! Нельзя терять ни одной жизни.

Вдруг мы потеряли прежнюю уверенность. Что таится за ближайшим поворотом? Вот вопрос, который будет нас мучить все четыре месяца нашего пребывания на Меркурии.

Карсен заметил, что за несколько часов до бури ртуть в термометре начала колебаться около средней отметки в 177 градусов по Фаренгейту**. Мы можем предусмотреть другие бури, так чтобы они никого не застали снаружи. Тарнэй проследил за жидким металлом на Дневной стороне и говорит, что ни один язык его не подходит к нам ближе, чем на пять миль. Суинертон предполагает, что гигантский дракон, вероятно, не найдет нас съедобными и оставит в покое, если мы не будем тревожить его. Нам нужно считаться только с неожиданными.

Тем временем научная работа продолжается. Маркере следит за своей новой луной непрерывно, как любящий отец. Парлетти и Робертсон у пирамиды: они методически обшаривают ее шаг за шагом в поисках входа. Тарнэй измеряет высоту атмосферы. Фон Целль все еще занят металлами. Он находит, что некоторые из них, вроде галлия или индия, редки на Земле, но здесь встречаются чаще, чем железо. Карсен энергично регистрирует солнечные пятна, хотя на таком близком расстоянии их гораздо больше обычного.

Суинертон, исследуя принесенные им образцы растений, нашел, что они богаты металло-органическими соединениями,

* Соответствует плюс 93 и минус 74 градусам Цельсия.— *Прим. ред.*

** Около плюс 80 градусов Цельсия.— *Прим. ред.*

ядовитыми для нас. Линг нас отчасти тревожит. Он задумчив, работает мало.

День шестьдесят третий.

Неприятность пришла не от чего-либо неожиданного, а от дракона. Он захватил четверых на вершине пирамиды. Нынче утром все четверо вышли вместе. Парлетти и Робертсон, как всегда, остались у пирамиды, Тарнэй и Суинертон спустились в долину. Суинертон искал новые данные о жизни в долине, Тарнэй пошел с ним из осторожности. Здесь никому нельзя ходить поодиночке.

Суинертон сообщил по радио, что они набрали на дракона, по-видимому спящего. Почему он был в этой долине (для него арктической) — неизвестно. Возможно, туда загнал его недостаток пищи в привычных для него областях. Во всяком случае, у Суинертонки возникла мысль выстрелить ему в глаз, чтобы убить. Позже он намеревался анатомировать это удивительное существо. Тарнэй отговаривал его, но напрасно. Ему нужно было запросить капитана Атвелла по радио.

Суинертон не промахнулся. Глаз разлетелся вдребезги со звуком разбитого стекла. Но мозг позади него, казалось, не был затронут. Возможно, кремнистая кость отклонила пулю. Взбешенный зверь погнался за ними. Сделали еще несколько выстрелов, но они не помогли.

Скользя среди огромных трав, Суинертон и Тарнэй ухитрились держаться на достаточно безопасном расстоянии от неуклюжего левиафана. Напрягая всю силу своих мускулов, оба выбрались из долины. С помощью Робертсона и Парлетти они вскарабкались на пирамиду.

Там они и сейчас, все четверо. Дракон сидит у подножия, ждет и рычит от ярости. Он пробовал неуклюже взобраться на пирамиду, но вскоре отказался от этого. Один раз он взлетел в воздух, чтобы напасть сверху. Но они легли ничком и прижались к камню верхней площадки; дракон ничего не мог с ними поделаться и ждет их внизу.

Они разрядили в него свои ружья, но опять без результата. Его хитиновая чешуя неуязвима для пуль. Другой глаз был слишком маленькой целью на таком расстоянии. Когда они захотели пробраться вниз по другой стороне пирамиды, чудовище выследило их и двинулось навстречу. Никакой земной медведь не проявил бы такого упорства с загнанной на дерево жертвой.

Все это было сообщено час назад Суинертоном по радио. Капитан Атвелл схватился было за ручной пулемет, но затем опустил его. Даже если бы расстояние позволило, он не смог бы убить этого бронированного гиганта. Положение четверых захваченных очень тревожно. Через несколько часов у них истощатся запасы воздуха.

Вместе с капитаном Атвеллом мы обсуждаем способы отогнать чудовище. Хотели даже напасть на него на звездолете. Но фон Целль напомнил нам, что если дракон может жить на огненной Дневной стороне, то он выдержит и пламя реактивной струи. Кроме того, обладая чудовищной силой, он может, пожалуй, свалить и повредить наш корабль! Мы не смеем недооценивать сил этого страшного существа, неуязвимо для пуль п дышащего пламенем.

Спасибо за вашу музыкальную передачу, Земля. Я передаю ее через свой аппарат четверым захваченным. Это поддерживает в них бодрость. Мы обещали спасти их. Не знаю как.

День шестьдесят четвертый.

Все четверо спасены! Они уже возвращаются. Мы обязаны людям из Марсианской Второй. Их совет оказался удачным. Странно думать, что четыре человека на Меркурии спасены благодаря совету людей на Марсе, в полутораста миллионах миль отсюда.

Мы готовы были бросить на зверя свой звездолет, рискуя испортить его, как пришло это сообщение, советующее сделать бомбы из нашего горючего. Мы сделали их три штуки, упаковав горючее в термосные бутылки с головками из фульмината, быстро сделанного фон Целлем в его лаборатории.

Пошли капитан Атвелл, Маркере и фон Целль. Нам с Карсеном и Лингом приказано было оставаться на корабле. Карсен — однорукий. Мне нужно держать трехстороннюю радиосвязь по релейной системе. Линг... Я видел, как тяжело ему было получить этот приказ остаться. Он уже один раз убежал от дракона.

Только через час мы с Карсеном заметили, что Линга с нами нет. Он тихонько выскользнул, надев свой скафандр. Когда капитан Атвелл сообщил, что они находятся в виду пирамиды, он вдруг ахнул.

— Линг, ты здесь? Но... — И потом закончил коротко: — Ладно, оставайся.

Капитан Атвелл сообщал о своих действиях. Все четверо вскарабкались по другой стороне пирамиды, закрытые ею от чудовища. Люди наверху, чтобы привлечь его внимание, махали руками и кричали. Взобравшись, Атвелл и его отряд двинулись вперед, находясь достаточно высоко, чтобы не быть внезапно схваченными чудовищем. Наконец они достигли той стороны, где был зверь.

Наступил решительный момент.

Пока чудовище готовилось напасть, приподнимаясь на лапах, они бросили ему под ноги первую бомбу. От удара при падении воспламенились фульминат и горючее. Чудовище отшатнулось, по когда дым рассеялся, оно яростно зарычало и бросилось на пирамиду, пытаясь залезть на нее. Капитан Атвелл

быстро, но осторожно бросил вторую бомбу. Она разорвалась на склоне пирамиды, отколов камни и сбросив зверя вниз.

Но он не был и ранен. Любое земное животное, даже самый могучий из динозавров, был бы смертельно ранен. Это же меркурианское чудовище потеряло только несколько чешуйчатых пластинок. Мы впервые поняли, что оно действительно неуязвимо. В сравнении с ним органическая жизнь была мягким студнем, а все силы и оружие людей — для него ничтожный дым. Дракон родился и жил там, где царят свирепый зной и вулканические силы.

Осталась одна бомба. Если и она будет потеряна, то все восемь человек погибнут. Правда, кто-нибудь и сможет спастись в одиночку, но лишь ценой жизни своих товарищей.

Мы с Карсеном на корабле могли слышать рычание чудовища по портативному радио. Это был гортанный звук, низкий, как гудок океанского парохода. А потом мы услышали и другой звук — глухие, тяжелые удары, сотрясавшие динамик.

Капитан Атвелл сказал, что это удары чудовища. Разъяренное до крайности, оно билось своим гигантским телом о пирамиду, пытаясь свалить ее. И оно бы это сделало. Никто из нас и не пробовал отрицать. Послышался задыхающийся от ужаса голос Суинертон:

— Ведь это настоящая живая паровая машина, и она развивает, наверно, тысячи лошадиных сил!

Робертсон прибавил:

— Марсианские надписи говорят об этом звере. Там даны его математические символы и очертания его фигуры. Они говорят, что его можно убить, лишь оторвав взрывом голову. Ранним марсианам, наверно, приходилось устанавливать большие пушки для этого.

Вдруг послышался резкий окрик капитана Атвелла:

— Суинертон! — крикнул он. — Сумасшедший!

— Пустите! — взвизгнул Суинертон. — Единственная надежда... Остальные смогут уйти. Я один виноват...

Но другие схватили и удержали его. Жертвовать жизнью нужно было лишь в самом крайнем случае.

Мы с Карсеном затаили дыхание. Затем услышали мягкий голос Линга, прошептавший:

— Оторвать ему голову...

Линг уже спускался по склону пирамиды, пока остальные боролись с обезумевшим Суинертоном. Линг унес последнюю бомбу! Капитан Атвелл крикнул, но Линг не отозвался. Отправлять его было уже поздно.

Капитан Атвелл рассказывал потом, что Линг спокойно спускался к чудовищу. Оно снова ударило огромным телом о постройку, сотрясая ее. Потом стало следить за крохотной мошкой и протянуло к ней свою змеиную шею.

Линг остановился перед драконом — одинокий человек против могучего чудовища. Какого мужества это потребовало — нельзя даже представить себе. Ведь дракон был ужасом его детства.

Послышался сдавленный голос фон Целля:

— А я-то назвал его трусом!

Мысль Линга была гениально проста. Он ждал, пока свирепые, зубастые челюсти не раскрылись перед ним, и бросил бомбу прямо в эту зияющую пасть. Первое же прикосновение горячего пара внутри воспламенит чувствительный фульминат. Голова дракона разлетится. Погибнет и Линг.

Мы с Карсеном услышали по радио глухой взрыв. Потом странный звук, словно от бьющихся тарелок. Это разлетались в куски кремнистые ткани чудовища. Потом — тишина.

— Ну, — раздался голос капитана Атвелла, — с драконом все-таки покончено!

— Линга тоже нет, — прошептал фон Целль. — Храбрый Линг!

И все в этот момент почувствовали, что были раньше несправедливы к тихому, мягкоголосому китайцу. Он победил больше, чем чудовище, — он победил страх. Капитан Атвелл заговорил снова, обращаясь с горьким упреком к самому себе:

— Одна жизнь все-таки потеряна. — Но тут же осекся.

— Линг! — изумленно воскликнули все разом.

Линг ответил, задыхаясь от подъема:

— Ну что же, вернемся на корабль. Конфуций сказал: «Кто прыгнул быстро, тот живет, чтобы прыгать снова».

У Линга было всего около трех секунд до взрыва, чтобы отбежать по карнизу пирамиды. Он присел, согнувшись у стены, и остался невредимым, если не считать легких ударов от кремнистых осколков, разлетевшихся во все стороны.

Все радовались его спасению, особенно капитан Атвелл.

— Ладно, ребята, — сказал он с большим чувством. — Знают, мы пока не потеряли никого на Меркурии. И не потеряем, если всегда будем готовы к неожиданностям.

День шестьдесят четвертый. Полдень.

Неожиданное случилось. Отряд прошел от пирамиды миль полторы, направляясь к кораблю, как вдруг побежал обратно. Капитан Атвелл сообщил нам, почему. Сбоку появился ревуший поток, как показалось, расплавленного металла. Они едва успели добежать до пирамиды, снова вскарабкались на нее и стали смотреть. Всю местность вокруг залило металлическим озером.

Но это был не расплавленный металл, а ртуть. Целый глетчер ее находился милях в пяти отсюда, у края холодной Ночной стороны. Когда слабая либрация подставила его под более горячие лучи Солнца, он растаял.

Вообразите себе эту картину. Кубические мили серебристого металла залили все вокруг — целый океан. Атвелл и семь человек снова в ловушке на вершине пирамиды. Им остается только наблюдать, как уровень ртути медленно повышается.

Из всех неожиданностей это самая ироническая: нам угрожает тот самый металл, который носит имя Меркурия!

Это настоящая угроза. Все обычные металлы плавают на ртути благодаря ее высокой плотности. Поэтому наш корабль, подхваченный ею как пробка, отброшен в сторону. Мы с Карсеном почувствовали себя, как в самом бурном из морей.

Ртутное течение унесло нас далеко к Дневной стороне. Оно только что выбросило корабль на высокий металлический берег. Наша холодильная установка работает на полную мощность. Мы разделены теперь полсотней миль. Атвелл и его коллеги на пирамиде, мы с Карсеном на краю пылающей Дневной стороны. Наша задача—соединиться.

Двигатель испорчен сильными толчками. Карсен лихорадочно исследует его. У меня повреждена рука. Как только станет возможным, мы произведем ремонт и полетим к пирамиде, чтобы собрать всех вместе. Тревожит еще одна мысль: наши запасы горючего остались на дне этого ртутного моря. Как мы достанем его, чтобы лететь обратно на Землю?

Это будет моей последней передачей. Ваш последний сигнал получен так слабо, что я сомневаюсь, дойдет ли наш до вас. Мы будем посылать обычные мощные сигналы дважды в сутки — в полдень и полночь по Земному времени.

Через три месяца возобновим связь, если все будет в порядке. Если мы как-нибудь выручим свое горючее, то вернемся при благоприятном моменте для отлета. Наше единственное утешение в том, что мы никого не потеряли — пока.

Желаем удачи, Марсианская Вторая! Надеемся, у вас нет никаких затруднений. До свидания, Земля!

Первая Меркурианская экспедиция кончила.

II. КАТАКОМБЫ

День сто сорок пятый.

Привет с Меркурия, Земля!

Первая Меркурианская экспедиция возобновляет радиосвязь после трехмесячного перерыва. Радист Джиллуэй на ключе.

Ну, мы никого еще не потеряли! В экспедициях на Марс и Венеру моим печальным долгом было сообщать о погибших: пятеро на Марсе, четверо на Венере. Для нас на Меркурии стало почти законом сохранить всех. Мы хотим вернуться все десятеро!

Или останемся все десятеро на планете, если не удастся спасти наше спрятанное горючее. Оно все еще погребено под озером металлической ртути, как я сообщал три месяца назад.

Повторяю: восемь человек были отрезаны на пирамиде, окружены морем серебристой ртути с Ночной стороны, залившей все, как растаявший ледник. Она унесла наш корабль, с Карсеном и со мной, далеко на Дневную сторону и, наконец, выбросила на берег.

Там мы и оказались, а у восьми человек на пирамиде остались в баллонах совсем небольшие запасы воздуха.

Кажется, я сообщал, что двигатель корабля был испорчен. Карсен лихорадочно искал повреждение. У него только одна рука — другую он потерял на Венере. До отъезда с Земли был разговор о том, чтобы заменить Карсена кем-нибудь. Но он знает ракетные двигатели от альфы до омеги.

Как только Карсен нашел неисправность, он кончил дело быстро. Я помогал мало, у меня сломана рука. Получилось замыкание в системе распределителей. Ну, а человек с двумя руками, но без головы Карсена не нашел бы этого замыкания достаточно быстро, чтобы спасти восьмерых, оставшихся на пирамиде. Карсен сел и за управление; его единственная рука так и летала по рычагам. Он поднял корабль, повел его и посадил близ пирамиды. Пирамида осталась единственным, что возвышалось над этим странным металлическим морем.

Радостно махая руками, все восемь слезли по склону до уровня ртутного озера и побежали к кораблю. То есть попробовали бежать. Это было смешно. Фон Целль, спустившийся первым, должен бы был знать о ртути больше как химик. Ноги у него разъехались, как у плохого конькобежца. Он упал ничком, и было похоже, что сильно ушибся. Оказывается, ртуть упруга, хотя и жидка. Это все равно, что упасть плашмя на воду с высокого трамплина.

Остальные мудро следили за фон Целлем. Он осторожно поднялся на ноги, погрузившись по щиколотку в густую жидкость. Когда он приподнял одну ногу, чтобы шагнуть, другая поехала назад. Трения не было, как на очень гладком льду. Наконец, в отчаянии, он встал на четвереньки и пополз к кораблю. Думая, что изобрел лучше, он лег плашмя и покатился. Похоже было на катание по скользкой подушке.

— В вашем-то возрасте! — поддразнил его Гарнэй по шлемофону. Все смеялись.

Но они перестали смеяться, когда попробовали сами. Мы кинули фон Целлю веревку, когда он был уже близко, и втащили его. Остальные добрались таким же способом.

Один за другим они вошли в воздушный шлюз, потом в каюту и сняли скафандры. В опустевших баллонах кислорода почти не оставалось.

Парлетти потерял сознание, но быстро очнулся от глотка чистого кислорода. Капитан Атвелл и Маркере внесли Линга, лицо и руки у него были обожжены при близкой встрече с изрыгающим жар драконом. Он был слаб, но ободряюще улыбался. К его ожогам немедленно приложили целебную мазь. Парлетти наложил мне шины на сломанную руку. Все очень радовались тому, что снова вместе и в безопасности.

Все, кроме Суинертон. Он грустно смотрел в иллюминатор.

— Вот досада,— проворчал он.— Этот дракон тоже погребен здесь. Я хотел анатомировать его. Новая форма жизни — кремний вместо углерода! Черт возьми!

Он биолог до мозга костей.

— И дракон, и наше горючее,— напомнил капитан Атвелл. При этом все притихли. Без горючего невозможно было покинуть планету.

Алло, Марсианская Вторая! Рад слышать, что у вас еще не было никаких затруднений благодаря нашей подготовительной работе, как вы говорите. Спасибо, что считаете за нами столько заслуг.

День сто сорок шестой.

На следующий день, отдохнув, мы обсудили наше положение. Нам каким-то образом нужно извлечь свое погребенное горючее. Осторожно действуя двигателями, мы подвели корабль к этому месту. Он шел легко, едва рябя поверхность ртутного озера. К счастью, капитан Атвелл предусмотрительно приказал Маркерсу отметить положение хранилища и по Солнцу, и по ориентирам. Мы знали, что плаваем не дальше пятидесяти футов от места. Но как добраться до него через тридцатифутовый слой металлической ртути?

Сначала нам казалось, что это легко. Ртуть не твердая. Нетрудно послать человека вниз либо в скафандре¹, либо в кессоне. Так и попробовали. На спуск вызвался Тарнэй. Но вспомните, как растет до разрушительной силы давление воды на глубине. Давление в ртути из-за ее плотности в четырнадцать раз больше, чем в воде. Даже сделав поправку на малое тяготение планеты, получим огромную величину.

Мы сделали сварной скафандр высокого давления, сломав переборку между кладовой и главной рубкой. Вся трудность была в том, как заставить человека в скафандре опуститься! На ртути плавают даже свинец. В конце концов мы связали вместе несколько металлических реек и стали толкать Тарнэя вниз. Тарнэй опускался, пока ртуть не запузырилась у него под шлемом, а потом отчаянно закричал.

Когда мы вытащили его, то увидели, что ноги у него заклинены. Страшное давление смяло поножи в лепешку. Если бы металл треснул, Тарнэй утонул бы и погиб ужасной смертью, наглотившись ртути.

Ноги Тарнэя в кровавых вмятинах, и теперь он, по-видимому, будет всегда хромать. Больше пробовать не стали. Подумали о колоколе, но Линг показал нам отрезвляющие цифры. Стенки должны быть толщиной в фут. Нам понадобилась бы кораблестроительная кузница, чтобы сделать такую штуку. Это было просто невозможно.

Мы растерянно переглянулись. Всего в тридцати футах под нами лежит спрятанное горючее. Но оно с таким же успехом могло бы быть и в центре планеты. Добраться до него сквозь ртуть нельзя — мы убедились на опыте. Это было все равно, что нырять в воду на глубину четырехсот футов без всяких специальных приспособлений. И все же нам нужно достать его — или навсегда остаться на Меркурии.

Я сказал «нужно», потому что мы еще не решили проблемы. А время нашего отлета должно наступить всего через девять суток. Мы можем попробовать последнее отчаянное средство, о котором уже думали. Оно будет стоить одной жизни.

Спасибо за сочувствие, Земля! Оно значит больше, чем вы думаете,

День сто сорок седьмой.

Нашим следующим шагом была разведка вокруг ртутного озера, чтобы узнать, с чем мы боремся. Металлическое озеро в поперечнике около пяти миль и находится в долине между горами Дневной половины и замерзшими кряжами Ночной. Одной стороной оно упирается в покатые склоны, другой — в крутые утесы.

Оно прекрасно и отвратительно, это ртутное озеро. Его слегка трепещущая поверхность блестит, как мягкое серебро. Когда оно швыряет свои тяжелые «волны» на берега, со всех сторон доносится непрерывный низкий гул.

Парлетти говорит, что на этой невыветривающейся планете должно быть много свободной металлической ртути — целые озера и пруды. Когда с либрацией в Дневную сторону приходит тепло, ртуть испаряется, а когда с либрацией в Ночную сторону приходит холод, она застывает в «глетчеры».

Но, к несчастью, в нашей Сумеречной зоне она не будет ни замерзать, ни испаряться. Она просто останется здесь, пока какое-либо геологическое нарушение не откроет ей путь и не поведет перетечь куда-нибудь в другую долину.

Этой надеждой мы и жили все эти три месяца — вдруг какая-нибудь свинцовая гора на краю Дневной стороны растает и позволит ртути вытечь. Теперь эта надежда исчезает. Нам нельзя ждать слишком долго. Мы до сих пор не знаем, что делать с ртутью. Для ясности расскажу, чем были заняты люди последние три месяца.

Капитан Атвелл с самого начала приказал всем продолжать научную работу. Нечего сидеть и горевать о погребенном горючем.

Организовали разведку на Дневную сторону, чтобы загнать в этот пылающий ад. В ней участвовали капитан Атвелл, Парлетти и Линг. Для этого они снабдили скафандры холодильными приборами, работающими от батарей.

Мы поставили корабль недалеко от пирамиды на якорь со стальной цепью. Они отплыли на стальном «плоту», который придумали, когда плавали по озеру. Весла повели плот с поразительной скоростью, и он подпрыгивал на маслянисто-гладком металле, как пробка.

Высадившись близ Дневной стороны, отряд перевалил через горы и прошел вглубь пешком на тридцать миль. Они обходили кипящие озера расплавленного свинца, висмута, олова и кадмия, ослепительно блестящие под лучами гигантского Солнца.

Вокруг простирались металлические скалы, равнины и утесы, раскаленные, искрящиеся, словно свежие слитки на заводах. Это было похоже на модель мира, сделанную в металле каким-нибудь исполинским рабочим. Металлические пары ви-

лись в раскаленном добела небе. Вокруг нестерпимая жара, сушь и кажущаяся безжизненность.

И все же тут не безжизненно, так как участники экспедиции видели издали двух ужасных крылатых драконов. Как они живут и чем питаются в этом уголке ада — поразительная тайна. Биологам будущего хватит работы здесь на всю жизнь.

Они видели также мираж, удивительно ясный и подробный. В атмосфере металлических паров отражался обширный, простирившийся до горизонта, расплавленный океан с барашками на плещущихся медных волнах. Никакой построенный человеком корабль не сможет плавать по этим свирепым волнам, более свирепым, чем все земные тайфуны. Представьте себе металлические «валы» и «ветер» из металлических паров вместо воды и воздуха, и вы получите силу, которая разобьет любой дредноут, как яичную скорлупу.

Мираж был отражением того, что лежало под прямыми лучами Солнца на сотни миль впереди. Он был таким ярким, что глаза у людей заболели, несмотря на дымчатые стекла визоров.

Они вернулись, когда внешняя температура достигла 300 градусов по Фаренгейту*. Холодильные приборы работали на пределе. Горячая почва чувствовалась даже сквозь вакуум в подошвах. Каждый потерял в весе по пяти фунтов.

— Стоит того, — сказал Атвелл, — зрелище, которое не увидите ни на какой другой планете.

Маркере посылает следующее известие. Каждую минуту на Земле можно ожидать магнитных бурь от солнечных пятен. Полярные сияния будут особенно яркими на Земле в ближайшие двадцать четыре часа. Маркере предлагает сделать затемнение во всех городах (в пределах видимости сияний), чтобы полюбоваться зрелищем.

День сто сорок восьмой.

Капитан Атвелл вместе с фон Целлем и Суинертоном провёл также разведку на Ночной стороне.

Батареи в их скафандрах были соединены на этот раз с обогревательными приборами. И они понадобились. Температура все падала и падала. Через тридцать миль она упала до 200 градусов ниже нуля по Фаренгейту. Еще дальше, там, где лучи Солнца никогда не светили, она должна быть совсем близкой к абсолютному нулю, ниже 500 градусов по Фаренгейту**.

Там, за краем Ночной стороны, на всем лежал слой белого «снега». Снега из замерзших газов. Вялые струйки жидкого

* 300 градусов по Фаренгейту соответствуют приблизительно 150 градусам Цельсия.— *Прим. ред.*

** Температура минус 500 градусов по Фаренгейту соответствует температуре минус 260 градусов Цельсия.— *Прим. ред.*

воздуха текли оттуда и испарялись. Вот откуда Дневная сторона получает свое постоянное пополнение атмосферы. Действительно, здесь есть постоянные «пассаты» с Ночной стороны на Дневную, как пассаты на Земле, вызванные циркуляцией экваториального и арктического воздуха.

Фон Целль описывал местность почти поэтически. Вечная ночь. Яркие звезды, как драгоценные камни на угольно-черном бархате неба. Видны Земля, Венера и Марс. Марс низко, темно-красный. Земля выше — прекрасная голубая звезда. Венера блестит так ярко, что они приняли ее за вторую луну Меркурия, кроме той, которая открыта Маркерсом. Они любовались на Маркерсову луну, названную Фаэтоном за то, что она, как колесница, быстро ныряла вверх и вниз по крутой дуге, словно в поисках Солнца.

Вдруг Суинертон с изумленным возгласом остановился. Биолог едва обращал внимание на великолепный небосвод. Его глаза наткнулись на пучок зеленого лишайника. Жизнь — в этой обледеневшей от вечного холода пустыне!

Почти машинально он подобрал кусок металла с углублением в нем и положил немного лишайника в этот природный сосуд для того, чтобы исследовать его потом под микроскопом.

Они оставались недолго. Капитан Атвелл сделал целую серию снимков этих странных, вызывающих дрожь мест, и отряд пошел обратно. И вдруг обогревательный прибор капитана перегорел. Только он и защищал его от смертельного холода. Атвелл побежал, чтобы согреться в движении. Фон Целль и Суинертон последнюю милю тащили его под руки, он весь заковался.

Его принесли на корабль бесчувственным и обмороженным. Парлетти раздел его и хорошо растер. Очнулся он всего лишь с сильным насморком.

— Опять обманули смерть, верно, ребята? — сказал он, усмехаясь.

Тут мы начали смеяться над Суинертоном. Он в отчаянии смотрел на свой ранец. Оттуда капала серебристая ртуть. Металлический кусок, подобранный им для своих драгоценных лишайников, был замерзшей ртутью с Ночной стороны. Здесь, конечно, она вернулась к жидкому состоянию, раздавив его образцы.

Фон Целль задыхался от смеха.

— Я знал это все время! — охал он, держась за бока. — Я знал, что это ртуть! Я не мог удержаться, чтобы не дать вам торжественно унести то, что станет потом горстью жидкости!

А потом, прежде чем Суинертон был окончательно добит и готов заплакать от огорчения, фон Целль открыл свой ранец и достал пучок лишайников, бережно принесенных на куске более прочного металла.

Суинертон определил позже, что лишайник был скопищем холодоустойчивых спор, случайно занесенных на Ночную сторону и терпеливо ждавших прикосновения оживляющего солнечного луча. Они ждали, вероятно, уже столетия. Неужели они будут ждать целую Вечность, ждать Солнца, которое никогда не взойдет. Эта мысль привела нас в ужас. Жизнь, частью которой являемся и мы, бросает вызов Вечности.

Но всем нам был одинаково ненавистен вид ртути, капавшей из Суинертонова ранца. Она напоминала нам об озере вокруг нас, на дне которого погребено наше горячее.

Алло, Венерианская Вторая! Поздравляем с благополучной посадкой. Эта новость попала к нам через радиостанцию Земли.

День сто сорок девятый.

После этого мы стали вовсе избегать и Дневной, и Ночной сторон. Единственная обитаемая часть Меркурия — узкая сумеречная зона, идущая вокруг всей планеты. Это все, чем мы по-настоящему заинтересованы. Здесь есть жизнь. И пирамида.

Робертсон, рыская вокруг, как настоящая ищейка, нашел, наконец, вход в пирамиду. Маленький, квадратный туннель расположен высоко, как и в земных пирамидах. Робертсон, как должно, сообщил об этом капитану Атвеллу, прежде чем войти внутрь. Тот взял с собой Парлетти и Робертсона на разведку.

Кажется, еще больше, чем всем чудесам Меркурия, мы удивлялись древним марсианам и особенно тому, зачем они поставили свои монументальные постройки на Марсе, Венере, Земле и здесь.

Атвелл со своим отрядом нашел центральную камеру, по-видимому, бывшую некогда жилым помещением. Далее они нашли шахту, идущую прямо в темные бездны, глубоко под фундамент. Вернувшись с усиленным отрядом, капитан Атвелл позволил Робертсону спуститься туда на веревке.

Робертсон оставался внизу несколько часов, пока мы не начали беспокоиться о нем. Наконец он дернул веревку, и его вытащили. Он рассказал нам, что видел. Глаза у него были далекие, словно он смотрел в глубь веков.

Он нашел внизу огромную камеру, укрепленную металлическими балками, которые на лишенном эрозии Меркурии должны были держаться вечно. При свете карманного фонаря Робертсон рассмотрел огромные загадочные машины, большей частью исковерканные и изломанные, как после взрыва. Оборванные кабели вели, очевидно, по каналам к стенам и вершине пирамиды.

Какую энергию или какую силу вырабатывали подземные машины, излучая ее с вершины? На вершине венерианской пирамиды есть подобная же механика, но она давно уже превратилась в ржавчину под разъедающим действием воды. У пирамиды на Марсе такие же машины были, возможно, под землей, но они давно уже занесены песком.

Во всем этом есть что-то общее, считает Робертсон. Что касается Земли, то подлинные марсианские пирамиды (или пирамида) на ней были и, должно быть, разрушены либо природой, либо людьми. Пирамида Хеопса и другие египетские пирамиды — возможно, простые копии марсианских.

Робертсон говорит, что Галуэй со своим штатом переводчиков на Земле когда-нибудь правильно объяснит назначение пирамид на четырех или больше планетах. Укрепленные станции межпланетного сообщения? Робертсон говорит — нет. Машины, виденные им, предназначены для посылки колоссальной энергии, а не радиоимпульсов. Они каким-то образом связаны с исчезновением марсианской цивилизации.

Капитан Атвелл, Парлетти, Маркере и я заинтригованы больше всех, после Робертсона. Мы были среди первых людей, достигших другой планеты — Марса. Мы еще помним это первое невероятное зрелище — пирамиду в другом мире!

Главной целью наших экспедиций была разведка для будущего освоения. И вот, исследуя прошлое, временами мы делаем гораздо большие находки. Мы готовимся для будущего, но наши взгляды всегда обращаются назад. Назад, к седой, древней истории других цивилизаций, которая волнует кровь и заставляет нас чувствовать себя мусорщиками на развалинах могучего, но мертвого города.

Время стерло все, кроме слабого шепота этой великой Марсианской саги. Как говорит Робертсон, несколько театрално:

— Если бы только эти камни могли говорить!

Внимание, Земля, Марсианская и Венерианская экспедиции! Маркере только что нашел новую маленькую комету, обходящую вокруг Солнца и снова направляющуюся к нам. Ждите ее. Давайте сведения о ее орбите. Поправка: Венерианской отменить, так как астрономические наблюдения невозможны сквозь густые тучи. Но на Земле и Марсе — следите!

День сто пятидесятый.

Все это время, как вы понимаете, мы ждали и надеялись, что ртутное озеро уйдет куда-нибудь. Парлетти каждый день измерял таяние гор на краю Дневной стороны, чтобы увидеть, не открывается ли какое-нибудь ущелье, через которое вылилась бы ртуть.

Но наши надежды исчезли, когда минули недели. Ртутное озеро свободно может оставаться в своем новом ложе целые годы. Годы! Мы содрогаемся при этом слове. Наши запасы пищи, воды и воздуха можно растянуть не больше, как на пять-шесть месяцев. Мы не можем добывать пищу здесь. Металлоорганическая жизнь на Меркурии будет ядом для нашего земного метаболизма. Воздух и вода здесь безнадежно отравлены.

Выход из этого мрачного положения нам указал Тарнэй. Он предложил взорвать гребень над долиной, в которой бьются волны ртутного озера. В эту дыру устремится ртуть и выльется в долину, лежащую на более низком уровне. Она уничтожит, конечно, всю жизнь в долине, но таков суровый закон выживания.

Это произошло десять дней назад, когда время отлета было уже опасно близко. Мы долго обсуждали этот проект. А потом, на следующий день, задумались.

Я уже говорил, что это будет стоить одной жизни. Там, в долине, Суинертон — он заблудился.

Он ходил туда несколько раз, собирая биологические данные о странной местной жизни на Меркурии, об этом остатке некогда цветущей флоры и фауны. Суинертон всегда сопровождал кто-нибудь — это было частью нашей системы защиты на планете. Капитан Атвелл наперекор судьбе решил вернуть на Землю всех.

Тарнэй был с Суинертоном девять дней назад. Суинертон, увидев новое растение или животное, часто и внезапно исчезал. Однажды Тарнэй обнаружил, что биолога нет. Он звал его снова и снова по радио, разрядил ружье в воздух, начал искать широкими кругами. Затем уведомил нас, и к нему присоединились семь человек, но Суинертон словно растаял в воздухе.

С тех пор мы стреляем над долиной каждые три часа. В другие часы я вызывал его по корабельному радио. Ежедневно высылаемые отряды обшаривали все заросли в долине, разыскивая его.

— Я знаю, что Суинертон жив,— повторяет капитан Атвелл.— Мы будем ждать до последней минуты перед взрывом. Поток ртути наверняка уничтожит его.

Все чувствовали, что он может быть жив. Воздух в долине разрежен, но чист и пригоден для дыхания. В нем нет ядовитых металлических паров, Суинертон может поэтому дышать и жить, когда запас воздуха у него окончится. В ранце у него недельный запас пищи и воды, которого может хватить в крайнем случае и на две недели.

Жив ли Суинертон, заблудившийся где-нибудь в густом высоком лесу трав, там, в долине? Блуждает ли слепыми кругами, не в состоянии слышать наших криков и выстрелов в разреженном воздухе? Может быть, у него испорчено радио? Мы не знаем.

Капитан Атвелл старается не показывать нам своего состояния, но душа его разрывается на части от мысли, что мы все-таки потеряем одного человека.

— Неужели нам всегда придется торговаться со смертью? — услышал я однажды его бормотание, когда он смотрел на долину.

Всем ненавистна мысль о том, чтобы платить одной жизнью, хотя бы ради спасения девяти.

Срок нашего отлета близок. Капитан Атвелл объявил сейчас, что завтра мы взорвем кряж. После того как ртуть вытечет, у нас едва хватит времени найти наше горючее и стартовать. Наступил благоприятный момент для отлета. Еще день, я мы пойдем в новый быстрый оборот вокруг Солнца вместе с Меркурием. Мы не можем оставаться еще на три месяца.

Спасибо за музыкальную передачу, Земля. Она помогла нам поддержать в себе бодрость. Вот уже неделя, как нам не хотелось улыбаться.

День сто пятьдесят первый.

Суинертон вернулся! Мы все-таки не заплатили ни чьей жизнью.

Все было готово этим утром для взрыва: вывели корабль на высокий склон у края плато, подальше от взрыва; собрали все

оставшееся горючее в один барабан и заложили его в отверстие, сделанное в надлежащем месте. Карсен установил запал с часовым механизмом, который и взорвет фульминат.

Но не успели мы поставить запал, как из долины, словно отдаленный крик, послышался выстрел. Спустившись бегом в долину, мы нашли Суинертона, задыхавшегося в разреженном воздухе, худого, грязного и слабого, но, по-видимому, здорового.

В нем не было ничего необычного, кроме глаз: в них было странное выражение.

Он рассказал нам свою историю. Десять дней назад, уйдя от Тарнэя, он провалился в устье пещеры, прикрытое, густой листвой. При этом его радио разбилось, и он не мог позвать Тарнэя. Глупо, как он соглашается теперь, что начал исследовать пещеру, вместо того чтобы выйти из нее. Но не только из мальчишеской склонности к приключениям, тлеющей до глубокой старости в каждом человеке. Ему казалось, что он слышит голоса, где-то там, в глубине пещеры!

Потом он обнаружил, что заблудился: пещера разделялась на несколько ветвей. Он не знал, какую должен выбрать, блуждал там целую неделю и открыл бесконечные катакомбы, вроде Мамонтовой пещеры * на Земле.

Парлетти на этом месте перебил его:

— Я так и думал. Катакомбы в Сумеречной зоне — это следствие напряжений, между нагретой Дневной стороной и замороженной Ночной. Этим объясняется также чистый воздух в долине. Под почвой течет жидкий воздух с Ночной стороны. Встречая тепло с Дневной, он испаряется и постоянно просачивается на дно долины.

Суинертон продолжал, и мы заметили по его глазам, что он хочет сказать нечто необычайное.

Все время, пока он блуждал по этому лабиринту, экономно расходуя пищу и воду из своего ранца, он продолжал слышать голоса! Это сводило с ума, говорит он, казалось, это были призрачные отголоски погибших душ умерших там.

Потом вдруг он наткнулся на них.

Я не ручаюсь за то, что последует дальше. Капитан Атвелл велит передавать все так, как рассказывал Суинертон.

Разумные растения, одним словом. Группа грибообразных разражений в фосфоресцирующей пещере, сидящих на почве. Толстый стебель поддерживает большую, белую, рыхлую

* Мамонтова пещера — крупнейшая из карстовых пещер мира. Находится в США, в штате Кентукки. Представляет сложную пятиярусную систему галерей в толще известняков. Обследованная часть пещеры включает 225 проходов, 47 высоких куполов, 23 глубокие шахты, три реки, три озера. Общая длина проходов и залов пещеры составляет 240 километров.— *Прим. ред.*

массу, покрытую извилинами, ну, как мозг, говорит Суинертон. А «голова», которые он слышал, были просто телепатическими импульсами, которыми они обменивались!

— Телепатия? Ба! — сказал фон Целль. — Все пещеры полны шорохов.

— Телепатия, — настаивал Суинертон, — Что в этом фантастического? Раин доказывал ее существование еще в 1933 году. С тех пор на Земле два человека беседовали между собою целый час в отдельных опечатанных комнатах.

— Но эти... эти растительные мозги! — произнес Линг. — Нелепость! Вы принесли одного с собой?

Суинертон отшатнулся, словно это предположение показалось ему чрезвычайно неприятным.

— Нет. Как я мог прикоснуться к ним? Это живые существа, и они гораздо разумнее нас.

Суинертон продолжал. Он сидел перед растениями три дня. Пробовал свя-

заться с ними. Сначала они, казалось, игнорировали или отвергали его присутствие. Потом, наконец, начали отвечать на его мысленные вопросы.

Они — возможно, высший продукт эволюции разумной жизни на Меркурии. Меркурий, самая маленькая из планет, первым охладился и породил жизнь. Она достигла своего расцвета, вероятно, миллиард лет назад и распространилась в Солнечной системе задолго до марсиан. Это было так давно, что от всех их творений не осталось и следа.

Но это неважно, согласно Суинертону, мыслящие растения говорят. Они развивались дальше, оставили межпланетные подвиги, как ничтожные и мальчишеские, и перешли в расти-

тельное состояние. Когда вращение Меркурия прекратилось, они пустили корни в катакомбах Сумеречной зоны и находятся там ни меньше ни больше как миллион лет!

Когда Суинертон кончил, все были словно оглушены и молчали. Непостижимые масштабы истории этой цивилизации заставили ужасаться ничтожности всего земного. Мы не знали, верить ли этому.

Карсен опомнился первым.

— Наш срок подошел. Мы должны вылететь сегодня же.

— Ставьте детонатор, — кивнул капитан Атвелл. — Слава богу, что вы вернулись, Суинертон. Я поклялся, что верну вас всех, и я сделаю это!

Когда Суинертон понял, что мы делаем, он дико вскрикнул:

— Не надо! Не затопляйте долину ртутью! Она зальет все эти пещеры и уничтожит мыслящие растения.

— Они или мы, — произнес капитан Атвелл.

— Вы говорите, что не хотите жертвовать чьей-либо жизнью, — сказал Суинертон со странной горечью. — Но вы это делаете. Вы уничтожаете мыслящие растения, а они бесконечно выше нас и живут гораздо более высокой мыслительной жизнью, чем мы, грубые животные, считающие себя цивилизованными.

— Мы убиваем их во имя необходимости. Это всего лишь часть великой битвы за космос...

— Бессмысленно! Это бессмысленно!

Глаза у Суинертон стали дикими, и он побежал к долине. Из жалости капитан Атвелл приказал поймать и запереть его. Мы не сердимся на Суинертон. Он должен пережить это.

Все готово к взрыву. Продолжу, когда он сделает свое дело.

Мне слышно, как Суинертон стучится в дверь и кричит. Он все еще бешено настаивает, что мы не должны спускать ртуть в долину и уничтожать странные мыслящие растения.

Мы еще никого не потеряли, как и хотели, но я надеюсь, что мы не потеряем и разума (я имею в виду разум Суинертон).

Подождите взрыва.

День сто пятьдесят второй.

Ртутное озеро ушло. Все случилось, как и было запланировано.

Взрывом снесло целый участок кряжа. Ртуть ринулась в долину, подобно тысяче Ниагар. Это было ужасное зрелище, видимое с нашей безопасной площадки на плато. Растения, тростники, животные — все исчезло в этом серебряном потоке.

Представьте себе, если можете, что Боулдер Дам * взорван и что не вода, а ртуть льется в цветущую долину. Представьте

* Боулдер Дам — одна из крупнейших плотин США. — *Прим. ред.*

себе миллионы галлонов* жидкого металла, низвергающегося с такой силой, что вся планета славно содрогается.

На Земле есть глетчеры льда и потоки воды. На Меркурии есть глетчеры и потоки ртути, в тысячу раз более разрушительные.

Мы были потрясены, увидев, что пирамида рухнула и превратилась в груды плавающих камней. Но никакая постройка, даже марсианская, не может противостоять этой крушащей, ревушей лавине жидкого металла.

У Робертсона вырвался стон.

— Боже милостивый! Зачем нужно было пирамиде рухнуть? Она могла бы раскрыть тайны Марсианской эры, если бы ее исследовать...

Мы утешили его, сказав, что на Меркурии должны быть в еще пирамиды с прекрасно сохранившимися машинными камерами. Марсиане, видимо, поставили не одну пирамиду на Марсе, Венере или Меркурии, иначе бы мы не находили их так легко.

Через час ртуть сошла полностью, залив теперь всю долину до краев. На ее поверхности плавают ветки и листья, какие-то шерстевидные комки, маслянистые пятна. Одним ударом мы уничтожили там всю жизнь. Но опять-таки, как и с пирамидами, должны же быть и другие долины. Мы не обрели на вымирание всю жизнь.

— И все же, — вздохнул Маркере, отворачиваясь с дрожью, — мне почти кажется, что мы *убили* этих...

Он запнулся, но мы знали, о чем он говорит. Знали, что Суинертон не выдумал всю историю с растительными мозгами.

Не превысили ли мы своих прав? Не спасены ли наши десять жизней ценой других жизней, несоизмеримых по ценности с нашими? Мы не знаем. Почти все забыли о нашем горючем, раздумывая об этом. Наконец капитан Атвелл послал пятерых к месту, где было спрятано горючее. Его можно будет подкатывать по одному барабану за раз. Люди скоро вернуться.

Ну, Земля, поднимаем якорь. Скоро будем дома!

Алло, Венера! Сожалеем, узнав, что один человек у вас умирает от плесени. Мужайтесь! Вы сметете всю плесень своими УФ-лучами.

Погодите...

Поразительная новость!

Капитан Атвелл с отрядом вернулся без горючего. Там, где мы спрятали его, ничего не было. Продолжу позже, когда мы обсудим этот тревожный случай.

* Галлон — мера жидкости и сыпучих веществ, равна (в США) 3,8 литра для жидкостей.— *Прим. ред.*

День сто пятьдесят второй. Полдень.

Горючее у нас есть, но это странная история.

Когда капитан Атвелл объявил о поразительном исчезновении запасного горючего, нашей первой мыслью было то, что поток ртути снес его в долину. Мы даже заглянули туда, ожидая увидеть разбитые барабаны и, может быть, остатки горючего на поверхности нового озера.

В долине ничего не было, но горючее тем не менее исчезло.

Люди растерянно переглядывались. И так, мы пленники Меркурия...

— Суинертон! — вдруг воскликнул Парлетти.—Что такое он кричал сейчас?

Но вместо того чтобы бежать к нему, Парлетти бросился к выходу и, выбравшись из корабля, беспокойно оглядывался. Вдруг он показал куда-то. Тогда все увидели барабан с горючим в нескольких сотнях ярдов от нас. Мы бросились к нему. Он был цел и лежал в нескольких футах выше бывшего уровня ртутного озера. Другие барабаны были рассеяны на протяжении мили по склону плато и лежали выше уровня озера.

— Знаете ли вы, что это значит? — сказал Парлетти.— Это, значит, что наше горючее лежало здесь, высоко на берегу, все три месяца! Когда ртуть полилась сюда из тающего глетчера, она просто подхватила барабаны и выбросила их на поверхность. Все время, пока мы ждали, горючее лежало там. И нам не было никакой необходимости спускаться к озеру!

Мы растерянно смотрели друг на друга.

Какие дураки! Хотя мы и помнили, что на ртути плавает все, включая наш тяжелый корабль, но так и не сообразили, что барабаны попросту всплывут. Кстати, ртуть из глетчера текла довольно медленно и не разбила барабаны, а просто подняла и унесла их. Берег, куда она их выбросила, находился напротив глетчера.

Лица у всех были красными. Как это десятерым людям не могла прийти в голову такая элементарная мысль?

Земля, и вы тоже не подумали об этом? А вас там миллиарды! Иногда очевидное бывает слишком глубоким, чтобы его понять.

Барабаны доставили на корабль. Суинертон не было слышно уже несколько часов. Когда мы открыли его дверь, он медленно оглядел нас и глухо произнес:

— Я увидел эти барабаны, как только вы меня заперли» Почему вы не слушали? Ну, теперь поздно говорить. Мы готовы к отлету, неправда ли? Капитан Атвелл, поздравляю вас с тем что вы с командой из десяти человек провели четыре месяца на Меркурии, не пожертвовав ни одной жизнью!

Все содрогнулись. Мы знали, о чем он думает и почему его голос полон бесконечной иронии. Он смотрел вниз, в долину, «а дне которой ртуть залила целый лабиринт катакомб.

Мы готовы к отлету... Погодите...

День сто пятьдесят второй. К вечеру.

Стартовали удачно, но потом случилась беда.

На высоте около тысячи миль над Меркурием Тарнэй доложил, что целая группа хвостовых дюз вышла из строя. Без них нет возможности развить достаточную скорость, чтобы достичь Земли меньше, чем за год.

Не рискуя садиться обратно на Меркурий с нашими искалеченными дюзами, капитан Атвелл приказал спуститься на спутник.

Мы сели на него без особых трудностей благодаря его крайне малому притяжению. Эта крохотная луна немногим больше, чем большая глыба камня или металла. Мы попытаемся исправить наши повреждения в двигателе. Как вы можете догадаться, виновата в этом ртуть. Ее пары, постоянно окружающая корабль, разъели внешние трубки. Она амальгамировалась с металлом дюз, ослабив их. Ртутные пары имеют губительное влияние на все твердые металлы, если времени для этого довольно, а в нашем случае его было предостаточно.

Говоря откровенно, все системы двигателя не выдержат и часа скоростной работы. Ремонт... Ну, ладно, посмотрим.

Перспективы мрачные, но мы еще не потеряли ни одной жизни — пока. Мои батареи нужны сейчас для сварки. Возобновлю передачу, когда позволят условия.

Первая Меркурианская экспедиция кончила.

III. ПУТЬ РАЗУМА

ЛЛО, Земля, Марс и Венера! Первая Меркурианская экспедиция возобновляет связь после трехмесячного перерыва, в день двести срок второй своего пребывания. Радист Джиллуэй на ключе.

Все десятеро еще живы и здоровы! Мы даже гордимся этим, так как пробыли на Меркурии вдвое больше, чем намечались, — дольше, чем могли позволить наши запасы воздуха, пищи и воды. Как мы сделали это — длинная история.

Но больше оставаться не хотим и решили сделать перелет в ближайший удобный момент для этого. Но как? Наши хвостовые дюзы все еще бесполезны для длительного перелета. Нам осталось всего восемнадцать дней, чтобы решить эту задачу.

Мы знаем, что способ есть, если только Омега подскажет нам. Омега — это одно из разумных растений. Чтобы объяснить его появление, нужно рассказать все сначала.

Три месяца назад, спустив ртутное озеро и найдя свое горючее, мы взлетели. Неприятности начались сразу же. Ртутные пары амальгамировались с материалом ракетных дюз и разъели их. Ракетные дюзы, как известно, должны быть чрезвычайно прочными. Они делаются из сплава платины с иридием и должны выдерживать самые высокие температуры и холод мирового пространства. Ничтожнейшее ослабление делает их бесполезными: Ртутные пары озера превратили их в мягкую амальгаму. Когда часть дюз вышла из строя, капитан Атвелл приказал спускаться на маленький спутник Меркурия, чтобы обследовать его и осмотреть дюзы.

Фаэтон, как назвал эту луну Маркере, невелик — миль десять в диаметре. Это сплошная масса сплавленных металлов, совершенно лишенных воздуха, воды и жизни. Он вращается вокруг своей оси с бешеной скоростью — по обороту в час. Каждый час небеса, словно движимые колесами, совершают вокруг нас полный оборот.

Это, действительно, кружило головы. У нас было такое ощущение, словно мы вот-вот соскользнем и умчимся в пространство, выброшенные центробежной силой, как камень из пращи. Это было единственное в своем роде ощущение. Фон Целль, например, едва выйдя из корабля, распластался на земле и схватился за скалу, чтобы удержаться. При несуществующем почти притяжении маленького спутника утес вырвался у него из рук и взмыл вверх, как воздушный шарик. Он годился для якоря не больше, чем перышко.

Все смеялись, несмотря на наше трудное положение. Пока Тарнэй и Карсен осматривали двигатель, остальные развлекались как могли. Мы хватали комки породы, швыряли их и смотрели, как они безвозвратно улетают в пространство. Скорость отрыва невероятно мала, что-то вроде тридцати футов в секунду, и легко доступна нашим мускулам.

Нам даже стало как-то страшно, когда мы поняли, что можем швырнуть камень на Солнце, хотя на перелет ему понадобятся годы. Бросали камни и на Меркурий, создав таким образом искусственные метеориты.

Робертсон слишком усердно пробовал свою силу. Он прыгнул и взлетел в своем скафандре, как ядро из пушки. Мы пришли в ужас, потому что он поднимался все выше и выше. К счастью, он вскоре появился, спускаясь плавно, как пушинка. Спустившись, он ухватился за нас, бледный и взволнованный.

— Господи! — выпалил он, — я думал, что еще минута — и я улечу совсем!

Человеку нетрудно сделать это, стоит лишь посильней оттолкнуться.

Но большинство из нас только стояли и смотрели вверх на великолепные вращающиеся небеса. Полчаса дня, полчаса ночи... Солнце мчалось вокруг нас, как большая комета. Звезды мелькали так быстро, что оставляли за собой слабый след. Это было похоже на фильм, запущенный с большой скоростью, и производило незабываемое впечатление.

Странно думать о нашей способности восхищаться этим зрелищем в то время, как наши шансы вернуться на Землю оставались еще неизвестными. Но хорошо, если люди могут смеяться и с любопытством заглядывать прямо в оскаленные зубы опасности. Я говорю о всей человеческой породе, не только о нас.

Тарнэй и Карсен после тщательного обследования сделали доклад. Мы не можем лететь. Дюзы не выдержат ускорения. Нельзя оставаться и на планетоиде.

— Назад на Меркурий, ребята, — заявил капитан Атвелл. — Придется нам остаться еще на три месяца. Их как-то нужно прожить.

День двести сорок третий.

Через пять часов мы сманеврировали в Сумеречную зону. Наш корабль поднял ртутные волны, сев на озеро, перелившееся в долину. Капитан Атвелл приказал подсчитать запасы.

— Горючего больше, чем требуемый минимум для перелета, — сообщил Линг. — Провизии на три недели. Воды дней на десять. Кислорода на неделю.

Мы переглянулись с нескрываемой тревогой. Недельный запас кислорода, немного больше провизии и воды, а наши двигатели почти бесполезны! Негостеприимный пейзаж Меркурия словно издевался над нами. Фон Целль немного истерически засмеялся.

— Мы никого не потеряем, ребята, и останемся все вместе. Все десять — здесь!

Капитан Атвелл, сильно размахнувшись, ударил его по лицу, прежде чем он успел прибавить что-нибудь еще. Но удар, на деле, предназначался нам всем. Фон Целль просто успел высказаться.

— Держитесь, — резко крикнул капитан Атвелл. — Не все так плохо, как кажется! На Ночной стороне есть воздух, которым можно запастись. Есть там и чистый лед. Мы пойдем сначала за воздухом, потом за водой. Не все сразу. А что касается пищи и машин, то посмотрим.

— Простите, капитан, — прошептал фон Целль за всех нас. Дисциплина — странная вещь, потому что она или есть, или ее нет. С тех пор она у нас была, вернее, был капитан Атвелл. Его имя войдет в историю, встанет рядом с именем

Александра, Цезаря, Наполеона и будет звучать гораздо громче их. Это я говорю неофициально. Если бы Атвелл услышал, он бы, наверное, вместо меня посадил радистом Линга.

Теперь об Омеге. Вскоре после того как мы сели на ртутное озеро, Суинертон вдруг закричал. В последующий момент, надев скафандр, он кинулся в шлюз, а потом на ртуть. Как неуклюжий конькобежец, он бежал изо всех сил, но едва продвигался вперед.

С трудом преодолев сотню футов, он подобрал что-то и вернулся. Задыхаясь, биолог показал это нам. То было одно из мыслящих растений, или растительных мозгов,— первое, которое мы увидели. Мягкая, белая масса, в извилинах, как обнаженный мозг, сидящий в чашечке из толстых, зеленоватых листьев. Стебель и корень у него были оторваны. Острые глаза Суинертон заметили его на поверхности ртути.

Как оно выжило, испытав сокрушительный ревуший поток металлической жидкости, заливший его подземную пещеру? Суинертон пробовал выяснить это, спрашивая существо вслух. Он говорит, что таким образом беседовал с ними в пещере. Они улавливали мысли, высказанные им вслух, и давали телепатические ответы, казавшиеся Суинертону внутренним голосом.

Так он, во всяком случае, рассказывает. Но теперь ни одного знака не было от этого растительного мозга, ни малейшего мысленного шепота, хотя все затаили дыхание в ожидании его.

— Он умер,— скорбно произнес Суинертон.—Омега, последний из своей разумной расы!

Остальные улыбнулись. Пораздумав, мы посчитали смешным ожидать от растения способности мыслить. Если всмотреться, то оно было похоже больше на цветную капусту. Суинертон только вообразил, что разговаривал с ними под землей, подумали мы.

— Живой он или мертвый,— насмешливо оказал Маркер,— вы никогда не говорили с ним телепатически.

Суинертон готов был с гневом ответить, но тут вмешался капитан Атвелл.

— Отряд за жидким воздухом выйдет через час. Парлетти, Тарнэй, Робертсон, фон Целль и я. Готовьтесь, ребята.

Спасибо за музыкальную передачу, Земля. Нам уже надоели те несколько записей, имеющиеся у нас. И спасибо, Президент Мира, за вашу речь от лица всей планеты, за то, что вы так рады нашему спасению. Мы едва можем поверить, что Земля, от полюса до полюса, ликовала, когда мы вчера возобновили связь, и что целую ночь все радиостанции, газеты и телевидение праздновали это событие. Мы так глубоко взволнованы этим, что не можем даже говорить.

День двести сорок четвертый.

Немного времени займет рассказ о том, как мы пополнили свои запасы воздуха и воды, хотя это потребовало недели на подготовку и работы.

Экспедиция капитана Атвелла в обогреваемых скафандрах нашла на Ночной стороне озеро жидкого воздуха в трех днях пути. Оно питается каким-нибудь подземным источником из страны жестокого холода.

Века назад, объяснил Парлетти, когда Меркурий перестал вращаться, большая часть его атмосферы замерзла на Ночной стороне. По краям этого полушария, где оно соприкасается с более теплой Сумеречной зоной, газы тают и текут.

Я называю озерцо, которое мы используем, «жидким воздухом», но этот воздух не похож на Земной. В нем всего семнадцать процентов кислорода. Остальное — по большей части азот, а также высокое содержание инертных газов (до пяти процентов) — неона, аргона и криптона. Но здесь был живительный кислород, а это самое главное.

Работая посменно, мы запасли кислорода на две недели. Парлетти и Робертсон перекачивали жидкость из озера в открытый круглодонный сосуд из листового металла. Потом они тащили его пять миль в Сумеречную зону, где находились Тарнэй и Линг со своими приборами. Они засасывали жидкость в трубку, давали ей испариться и накачивали воздух в баки под давлением. Насосом была наша гидростатическая система из двигателя, временно снятая с корабля. Энергия поступала от моих аккумуляторов, непрерывно заряжавшихся при помощи селенустановок под постоянными лучами Солнца.

Мы с Маркерсом таскали баки взад и вперед, от корабля к месту перекачки. Это место выбрано на такой широте, чтобы край диска Солнца находился как раз под горизонтом и прямые лучи не достигали его. Еще шаг «южнее» — и жидкий воздух стал бы кипеть слишком быстро.

И вот наш экипаж дышит новой смесью. Увеличив давление, мы оправились с низким содержанием кислорода. Все неприятные симптомы предотвращены тем, что давление увеличивалось постепенно, в течение суток. Теперь мы живем под высоким давлением бедного кислородом воздуха уже три месяца, без всяких неприятных последствий. Человеческий организм умеет приспособливаться. Однако после нескольких лет эта смесь может оказаться вредной.

Вода была более простой проблемой. Большие глыбы льда лежат на Ночной стороне, где Солнца не было невообразимо давно. Вода в своей кристаллической форме всегда чиста, свободна от примесей солей. Мы просто свезли эти глыбы на корабль и оттаяли в баках.

Но с пищей дела похуже. Здесь—то Омега и помог нам.

Алло, Венерианская Вторая! Рады получить привет от вас. Вы говорите, что отдали бы правые руки за один взгляд на Солнце и звезды сквозь толстый слой тамошних туч? Вы бы никогда не захотели нашего Солнца, даже той половины его, которую видим над горизонтом Сумеречной зоны. Оно плаще. Мы обгорели до черноты.

День двести сорок пятый.

Пока часть людей пополняла запасы воздуха и воды, капитан Атвелл, фон Целль и Суинертон занимались проблемой пищи.

Сначала они совершили поход миль па сто вдоль Сумереч*ной зоны, найдя еще одну глубокую долину, в которой сохранилась жизнь. Должно быть, вокруг Меркурия идет целая цепь таких долин, скрывающих остатки флоры и фауны, которые, вероятно, были роскошными до того, как вращение планеты замедлилось.

Застрелив несколько крылатых животных, охотившихся друг за другом, отряд принес их домой для исследования.

Химические пробы фон Целля показали, что мясо пропитано металлоорганическими соединениями.

Венера, Земля и Марс породили формы жизни, взаимно съедобные друг для друга. Но Меркурий, обильный различными металлами, дал единственную в своем роде жизненную форму. Медь, цинк, свинец, даже платина — все это есть в меркурианской протоплазме. Это промежуточная стадия между строго углеродной жизнью на Земле и кремниевой жизнью, имеющейся на Меркурии.

Суинертон покачал головой и с несчастным видом пожал плечами. Мясо меркурианских животных — смертельный яд для нас. Наши запасы провизии истощаются. В отчаянии он целыми часами кипятил это мясо, надеясь осадить металлы. Фон Целль нашел их в мясе довольно много, и поэтому оно все еще оставалось ядовитым. Мы пробовали кислоты, потом щелочи, но металлы упорно отказывались осаждаться. В цепных органических соединениях металлы удерживаются очень прочно.

Месяцем позже мы были вынуждены взяться за наши неприкосновенные запасы. А что мы будем есть в перелете, если и вылетим отсюда? Вода и воздух у нас есть, но пищи нет.

Все помрачнели, особенно Суинертон. Он иногда часами стоял перед Омегой и смотрел на него. Кстати, Омега не умер. Суинертон поместил его сломанный корень в водный раствор сахара и фосфата. Мыслящее растение отрастило себе корешки, и, по-видимому, посвежело.

— Омега,—бормотал нередко Суинертон,— послушай меня! Ответь мне! Как ты спасся от ртутного потопа?

Фон Целль и Суинертон сделали еще одну последнюю попытку. Они попробовали зажарить меркурианское мясо, но металлы и тут не осели.

— Все еще яд!—простонал фон Целль.—Ладно, теперь я согласен, что ничем нельзя сделать это мясо съедобным!

— А вы пробовали осадить металлы электролитическим методом? — спросил кто-то.

Фон Целль выпрямился и, пораженный, замер.

— Вот оно! — чуть не закричал он.— Металлы легко перейдут в ионную форму и уйдут из раствора. Тарнэй, вы спасли нас!

— Не приписывайте мне слишком много,— отказывался Тарнэй.— Это Карсен сказал.

— Нет, не я,— ответил Карсен.— Это вы, Парлетти, не правда ли?

Вскоре все с подозрением смотрели друг на друга. Кто сказал это?

— Омега,— спокойно заявил Суинертон. То есть, он сказал это телепатически.

Биолог оглядел нас с торжеством. Мы все слышали это, хотя каждый воспринял по-своему. Я перевел вольно. Это было больше похоже на тонкое впечатление, вкравшееся в наши мысли, словно звук на границе слышимости. Тарнэй жаловался потом, что слышал еще и слова: «Какие дураки».

Во всяком случае, это было решение. Цо торопливому приказанию фон Целля я соединил все батареи вместе. Он погрузил кусок меркурианского мяса в солевой раствор, как в электролит, и начал пропускать ток.

Через час на дне сосуда осела металлическая грязь. Фон Целль нашел мясо свободным от тяжелых металлов! Он сам ел его первым, послужив нам морской свинкой. Кто-то должен был сделать это, и он настоял на своем, так как доверял процессу очистки.

— По вкусу похоже на хорошую говядину, — сообщил он.

Через три часа с ним ничего не случилось, и мы вздохнули свободно. Итак, проблема пищи была решена. Отряды охотников приносили дичь ежедневно. Мои селенобатареи постоянно стояли у осадительного чана, давая ток и очищая мясо от тяжелых ядовитых металлов.

Но фон Целль солгал нам. Мясо было все-таки жесткое, с привкусом ворвани, но мы благодарны и за это. Оно удовлетворяет наши желудки, если не языки. Мы разнообразим свой стол меркурианской зеленью и кореньями, также обработанными электричеством.

День двести сорок шестой.

Теперь мы уверены, что будем жить: под рукой у нас есть три основы жизни — пища, воздух и вода. Первая наша трапеза из очищенного меркурианского мяса стала радостным событием. Все чокнулись за здоровье Омеги стаканами воды. Никому не хотелось портить удовольствия и вспоминать о дюзах.

Этот меч, однако, все еще висит у нас над головами. Проблема дюз висится перед нами, как гора, хотя мы и преодолели такие холмы, как пища, вода и воздух.

Но возвращаюсь к Омеге...

Суинертон, конечно, был чрезвычайно взволнован тем, что его питомец нарушил наконец свое долгое молчание. Он также и сердился на него.

— Омега,— спросил он,— почему вы молчали так долго?

— Я думал.— Было отвечено таким тоном, который можно назвать флегматичным.

Разговор, который я описываю, дается по соглашению между нами. Все мы «слышали» слегка различные версии позитивной телепатической речи Омеги.

— О чем? — продолжал Суинертон.

— Вы не поймете.

— Разве вы не знали все время о нашем неприятном положении? Почему вы не подсказали нам раньше?

— Какая разница, решили бы вы свою проблему, или нет? — спокойно спросил Омега.— Я сказал только потому, что вы по своей крайней глупости не видели ответа.

Омега был грубияном, если еще не чем-либо иным. Суинертон покраснел за всех нас и переменял тему.

— Как вы спаслись от ртутного потопа? — спросил он.

— Создал вокруг себя экран из энергии. Я едва успел,, потому что меня сорвало с корня. Окруженный защитным экраном, я плавал на поверхности.

Суинертон спросил еще об этом экране, но ответ был непонятен. Тарнэй прошептал что-то об «управляемой вибрационной оболочке» и замолчал.

— Мы должны были спустить это ртутное озеро, чтобы спастись самим,— сказал Суинертон в виде извинения: — Вернее, нам казалось, что это так. Нам жаль, что вас сорвало с корней.

— Это не имеет значения,—равнодушно возразил Омега.

— А другие тоже спаслись?

— Нет.

Суинертон ошеломленно покачал головой и вернулся на более твердую почву.

— Давно ли вы живете?

— Миллион того, что вы называете годами.

— Я хочу сказать лично о вас как о личности, а не о вашей расе.

— Я и говорю о себе лично. Я пробыл один в этой пещере десять тысяч лет.

— Невероятно,— неуверенно прошептал Суинертон.— Как вы питались? Ведь там нет достаточной поверхности почвы, чтобы прокормить вас все это время.

— Я не растение и не питаюсь химическими веществами. Я извлекаю чистую энергию из материи. Кубического фута любого вещества мне хватит на тысячу лет. Того, что вы положили в воду, мне не нужно. Нужна одна только вода. А если ее нет, то воздух, пары или просто космические лучи.

— Сколько вас осталось? Вы это знаете?

— Да. Я нахожусь в телепатической связи со всеми моими соплеменниками. Нас осталось 129. Нет, 128,— поправился он.— В тысяче миль отсюда одного только что раздавило упавшим камнем.

Суинертон задавал еще вопросы, но Омега молчал. Он заговорил снова только через три дня. Омега так и вел себя

все время, разговаривая с нами по нескольку минут, а потом скрывал свои мысли, молчал, словно нас и на свете не было.

Это, вероятно, покажется вам коллективной галлюцинацией. Может быть, это и так. У нас нет доказательств. Фон Целль и сам мог придумать электролитическое осаждение.

День двести сорок седьмой.

О жизненных потребностях мы уже позаботились и теперь сосредоточились на проблеме дюз.

Из наших шестидесяти четырех ракетных двигателей девять отскочили при предыдущем отлете. Запасных у нас двенадцать. Мы не подумали, будучи на Земле, что их может понадобиться и больше. Оставшихся трех запасных недостаточно, говорит Тарнэй. Если мы отлетим, могут отскочить десять или двадцать других.

Влияние ртутных паров сильно размягчило дюзы. Ртуть может амальгамироваться со всеми металлами, давая в результате непрочный сплав. Первые же взрывы ракет выжгли эту амальгаму, оставив сильно изрытую поверхность. Наша единственная надежда — снова покрыть ослабленные стенки твердым металлом, а для этого годится только платино-иридиевый сплав.

Металл у нас есть. Парлетти нашел почти химически чистые самородки платины и иридия. Они лежат на невыветривающемся Меркурии, как желуди. Гораздо труднее найти нужную нам глину. Мы можем расплавить эти самые тугоплавкие металлы с температурой плавления в 1770 и 2450 градусов по Цельсию. Тарнэй, Маркере и я придумали для этой цели дуговую печь. Но мы не можем расплавить сразу достаточное количество металла. Наша дуговая печь плавит всего по нескольку граммов. Нам как-то нужно расплавить и сохранить в таком виде несколько фунтов металла в глиняном сосуде. Дюзы нужно опускать туда, одну за другой, на всю их длину, чтобы они покрылись нацело новым слоем платино-иридиевого сплава. Чтобы сделать дуговую печь таких размеров и емкости, нам понадобится вдесятеро больше оборудования, чем у нас есть.

Мы пришли к этому неизбежному выводу шесть педель назад.

Обескуражила нас и другая неприятность. Карсен заболел три дня назад, и Парлетти нашел у него мышьяковое отравление! Даже электролитическим способом нельзя удалить все металлы из нашей меркурианской пищи. Следы мышьяка остаются; хуже, что остаются и небольшие количества свинца. Свинец — кумулятивный яд. Он накапливается в организме, пока не приведет к смерти.

Парлетти говорит, что два-три месяца меркурианской **пищи** убьют нас, отравив свинцом и мышьяком. Карсена

пришлось кормить до выздоровления нашей драгоценной земной пищей.

Охотников иногда застигают короткие, но ужасные штормы, бушующие в зоне между Дневной и Ночной сторонами; при этом выпадает металлический град. Однажды Робертсон а Линг вернулись избитыми и окровавленными и вынуждены были пролежать три дня.

Похоже, что Меркурий собирает весь свой скрытый гнев и предупреждает чужаков об уходе. Нам непременно нужно вылететь в ближайший удобный момент. Он наступит через две недели, а мы еще не починили свои двигатели.

Алло, Венера! Держитесь бодрее. Плесень уничтожила тогда и у нас половину запасов продуктов. Но вы убедитесь, что венерианские животные — хорошая пища. Хотел бы я сказать то же и о Меркурии.

День двести сорок восьмой.

Суинертон провел еще несколько «бесед» с Омегой, когда последний бывал в настроении. Мы иногда благословляли Омегу за то, что он снимал с нас часть забот. Но и проклинали его, потому что его коварная философия равнодушия для нас опаснее всего, с чем мы до сих пор боролись.

Чувствительный но своей природе Суинертон долго размышлял об этих существах. И в тот раз, проведя неделю в пещере с мыслящими растениями, он вернулся к нам с какими-то странными взглядами.

Капитан Атвелл однажды пригрозил выбросить Омегу вон, потому что все мы встревожились за состояние Суинертон.

— Нас не касаются мыслительные процессы этой думающей травы, — резко заявил капитан Атвелл. — Нам нужно починить дюзы и улететь.

Суинертон ахнул.

— Господи! — прошептал он, как я не подумал об этом раньше. Омега — наш ответ. Он знает все. Он даже использует атомную энергию. Омега сможет сказать нам, как починить наши ракеты.

Мы подумали, что Суинертон сходит с ума. Но как только Омега удостоил нас «беседы», биолог попытался расспросить мыслящее растение.

-- Омега, скажите нам, как починить наши двигатели? — спросил Суинертон. Вкратце он объяснил устройство машины и систему ракетного двигателя.

— Зачем вам нужно чинить машину? — спросил Омега.

— Чтобы вернуться домой, разумеется, — отрезал Суинертон.

Но Омега умолк. Только через пять дней он заговорил снова в ответ на ежечасные обращения Суинертон.

— Ракетные дузы,— сказал Суинертон.— Вы можете сказать нам, как исправить их, неправда ли? Вы знаете, как?

— Да. Но я не хочу этого. Я не вижу, зачем беспокоиться.

— Вы не можете отказать — речь идет о наших жизнях,— угрожающе прохрипел капитан Атвелл. Он выхватил револьвер, прицелился в Омегу.— Если вы не скажете, я превращу вас в атомы!

Это был бесполезный жест.

— Стреляйте,— сказал Омега.— Если я захочу, я отклоню пулю своим защитным экраном. Или я предпочту умереть.

В любом случае мы не получили бы ответа. Что мы могли сделать? У Омеги не было ответа для нас.

Моя хроника дошла теперь до последнего дня. Я сказал раньше, что мы знаем, Омега может спасти нас, но он не захотел.

Мы должны были выбросить Омегу, и все же это наша единственная, последняя надежда вырваться отсюда, если он захочет.

Земля! Только что получили ваше сообщение о торжествах при открытии Межпланетной станции Тихо на Луне.

День двести сорок девятый.

Поразительная новость, Земля! Омега сказал нам, в конце концов! Нынче утром он снова «проснулся».

— Скажите нам, как починить двигатели,— умолял его Суинертон.— За это мы попробуем дать вам все, чего вы пожелаете.

Но что может желать существо, которое прожило миллион лет и все знает? И все же Омега бросил в нас словно бомбу.

— Хорошо. Я заключу с вами договор и скажу, как сделать атомную печь для получения сплава. В обмен я хочу получить мозг. Мы не исследовали человеческий мозг вот уже два миллиона лет, с тех пор как в последний раз были на Земле. Вы были, едва полулюдьми тогда.

— Мозг? — в ужасе спросил Суинертон.

— Да. Выберите одного среди вас. Он умрет, потому что я поглощу его мозг полностью.

Фантастично? Абсурдно? Я вкратце опишу остальное, хотя все это совершенно невероятно. Получив наше согласие, Омега потребовал нашего штурмана Тарнэя и загнипотизировал его.

Под управлением Омеги Тарнэй стал сверхчеловеком — иначе я не могу назвать его. Как автомат, он собирал провода.

батареи, призмы, селенобатареи из наших кладовых. Он бешено работал весь день, монтируя детали по какой-то странной схеме. По его коротким приказаниям остальные помогали как могли: наматывали катушки, соединяли батареи, сваривали металлические части...

Продолжу завтра. Люди устали, ослеплены, удивляются, будет ли эта машина годиться на что-нибудь. Однако надемся, что Омега не сыграет с нами какой-нибудь чудовишной шутки.

День двести пятидесятый.

Машина готова. Она работает!

Час назад Тарнэй вставил последнюю деталь, кусочек урана из запасов Линга. В сердце машины был помещен глиняный сосуд из нашей дуговой печи. Когда Тарнэй включил рубильник, раздалось низкое гудение, словно миллиарды разгневанных атомов сорвались со своих орбит. Мы ожидали взрыва, который убьет всех вместе с Омегой по самоубийственному плану, порожденному его загадочным мозгом.

Но вместо того глиняный сосуд раскалился докрасна. Куски платины и иридия в нем расплавились за несколько минут. Затем добавили еще металла, и опять получился прекрасный сплав.

Как счастливые дети, мы прыгали и кричали вокруг чудесной печи. Будет нетрудно опускать туда дюзы, покрывая их сплавом. Начнем эту работу завтра.

Машина пугает нас. Она дает атомную энергию невероятной мощи. Тарнэй не может объяснить ее устройство, хотя и сделал все своими руками. Каким-то образом радиоактивность кусочка урана создает нагрев, в сравнении с которым электрическая дуга кажется холодной.

Омега спас нас. Но мы должны заплатить свою цену, если обещали.

— В конце концов одной жизнью придется пожертвовать,— горько произнес капитан Атвелл.— Я сказал, что привезу вас всех обратно. Мне это не удалось. Но, по крайней мере, я пошлю вас...

Мы решительно и единодушно остановили его. Нельзя допускать добровольной жертвы. Бросили жребий. Он пал на Линга.

День двести пятьдесят пятый.

Алло, Земля! Я пропустил пять дней, так как экипаж был очень занят ремонтом дюз и подготовкой к отлету. Сейчас все готово. Дюзы сияют новыми поверхностями из платино-иридиевого сплава.

Линг с нами! Мы возвращаемся все десятеро! Вы удивляетесь, наверное, тому, как нам удалось обмануть Омегу. Так вот в чем дело.

Когда наша машина была готова, Омега впал в один из своих обычных приступов молчания. Все думали об одном и том же. Если бы работать достаточно быстро и улететь раньше, чем Омега очнется, что он сможет сделать? Это будет его собственная вина.

Мы сделали даже еще один шаг. Почему бы не выбросить Омегу сейчас и не забыть обо всем этом? Какое право он имеет требовать одну из наших жизней? Омега, вероятно, просто счел бы нас дураками, если бы мы заплатили ему.

— Я могу уничтожить вас всех на месте,— раздался telepaticкий голос Омеги нынче утром.— Вы не можете уйти, не отдав обещанное. Кого вы выбрали?

Суинертон оттолкнул Линга.

— Меня, Омега! — вскрикнул он.— Возьмите меня, скорее! Все окаменели и ждали, что будет дальше.

— Я предпочитаю...— начал Омега.

Мы затаили дыхание, ожидая какого-нибудь луча, какой-нибудь вспышки энергии, готовой поразить либо Линга, либо Суинертон, либо всех нас.

Но Омега молчал. Медленно-медленно чашечка его листьев поникла. На глазах у всех рыхлая масса его мозга превратилась в пыль.

— Он умер,— вздохнул Суинертон.

Капитан Атвелл только что дал сигнал к отлету. Мы будем на Земле через два месяца. Все десятеро.

Первая Меркурианская экспедиция кончила.

Сокращенный перевод с английского З. Бобырь.

МОРСКАЯ КАРЬЕРА ФЕНИМОРА КУПЕРА

Неизвестные страницы
биографии

ефггшые cmbtft+uut>i
ouorj>ad>uu

ОРОДОК КУПЕРСТАУН, расположенный вблизи от Нью-Йорка, в начале XIX века только начинал строиться. Вокруг него еще оставалась нетронутой красота первобытной природы: местность была покрыта огромными девственными лесами, невдалеке на западе — большое озеро Онтарио, водопад Ниагара и совсем близко протекает река Гудзон. В те времена Вильяму Куперу, отцу известного впоследствии писателя-романиста Джеймса Фенимора Купера, в этих местах принадлежало большое поместье. Около сотни лет до этого обширная латифундия была пожалована английским королем не столь отдаленным предкам Купера. Теперь, после первой успешной войны с

Англией за независимость, в стране, где колонизация была в разгаре и аграрный вопрос занимал центральное место, судьба таких огромных землевладений была предрешена.

Бурные события потрясли жизнь молодого государства — Соединенных Штатов Америки: приближалась вторая война за независимость; бушевало неудержимое движение скваттеров*, захватывавших земли и считавших, что они принадлежат лишь тем, кто их обрабатывает; пылал огонь восстаний фермеров, белых рабов и негров и, наконец, продолжалась война с индейцами, исконными хозяевами американской земли. В этой обстановке поместье Купера оставалось еще цитаделью местных консервативных аристократических кругов. Аристократ-конгрессмен Вильям Купер стоял в оппозиции к политике, проводимой президентом-демократом Томасом Джефферсоном; конгрессмен был сторонником патриархальной опеки своих арендаторов, участие которых, по его мнению, в общественной и политической жизни страны должно ограничиваться голосованием за тех, кого им укажут джентльмены; призванные управлять государством.

В те дни, летом 1805 года, судья Вильям Купер ожидал возвращения домой своего шестнадцатилетнего сына Джеймса, уже четвертый год учившегося в городе Ял. На будущий год молодому Куперу предстояло окончить школу, но эта попытка получить образование закончилась неудачно. Отец решил, что морская карьера больше всего подходит беспокойному духу его сына. Молодой американский военный флот сыграл значительную роль в войне за независимость и совсем недавно приумножил свои лавры, успешно закончив трехлетнюю карательную экспедицию против Триполи, заставившую средиземноморских пиратов уважать американский флаг. По мнению Вильяма Купера, служба в военном флоте соответствовала аристократическому престижу их семьи и сулила способному человеку со связями блестящую карьеру или... геройскую смерть.

В те времена в Соединенных Штатах Америки еще не было специальных военно-морских школ, и те, кто хотел посвятить себя морской карьере, обычно шли на два года служить в торговый флот. О том, насколько это в действительности было необходимо для будущей карьеры военного моряка, можно судить по словам самого Джеймса Купера, сказанным им уже значительно позже: «В то время это было очень модно, хотя в целом польза от этого была весьма сомнительная». Но тем не менее, подчиняясь моде, судья Купер

* Скваттеры — фермеры, самовольно, явочным порядком, захватывавшие незаселенные земли. Скваттерство было распространено на территории США до конца XIX века.— *Прим. ред.*

послал сына в море простым матросом, чтобы дать ему возможность попробовать вкус соленой морской воды.

В те времена, когда паровые корабли только начали появляться и моряки еще не решались расстаться с парусами, дальние плавания были сопряжены со значительным риском из-за процветавшего на всех морях каперства и пиратства. Опасности подстерегали моряков не только в море, но и на стоянках в портах европейских стран.

Около двух лет Джеймс Купер провел в плаваниях. За это время он побывал в Англии, Франции, Испании и плавал у берегов Африки. И всюду его подстерегали опасности. Осень 1806 года застала Джеймса на корабле «Надежный», на котором он служил матросом. Однажды вечером, когда корабль стоял в Лондонском порту, несколько его друзей были схвачены отрядом королевских вербовщиков. Так в те времена набирались матросы в английский военно-морской флот, славившийся зверской дисциплиной. Только случайно молодой Купер избежал участи своих товарищей. Подобные случаи не забывались и породили в душе будущего романиста отвращение ко всему английскому, что впоследствии нашло отражение в его произведениях. В другой раз, возвращаясь из плавания в Средиземном море, «Надежный» едва не был захвачен пиратами, а однажды ночью, проходя мыс Трафальгар, счастливо избежал столкновения с одним из кораблей эскадры лорда Коллингвуда, крейсировавшей у испанских берегов.

По прибытии в Лондон «Надежный» должен был некоторое время ожидать груза. В тот период вынужденного безделья Купер бродил по улицам и паркам города, посещал Вестминстерское аббатство и собор Святого Павла. Эти впечатления о Лондоне были настолько сильны, что, когда спустя тринадцать лет вышел первый роман Фенимора Купера «Предосторожность», описания Лондона в нем были так живы и правдивы, что искусственные английские критики приписывали это произведение английскому автору. Исключительная способность Купера долго сохранять глубокие и яркие впечатления — одна из замечательных особенностей большого литературного таланта писателя.

Двухлетний срок службы в торговом флоте подходил к концу, и Джеймс Купер мечтал о скором возвращении на родину. 28 июля 1807 года «Надежный» покинул Темзу. По пути в Америку Купер отпраздновал свое восемнадцатилетие. 18 сентября корабль бросил якорь в порту Филадельфии.

Судья Купер был очень рад возвращению сына из путешествия и с первых же его слов почувствовал, что юноша стал настоящим моряком. Вскоре после этого, использовав свои связи и влияние политического деятеля, он обеспечил сыну место в военном флоте.

Переход молодого Купера в военно-морской флот США, совпал с годами, когда на морях не происходило никаких знаменательных событий. Если бы это случилось несколькими годами раньше, то он смог бы принять участие в боевых действиях американского флота в Средиземном море, когда были разбиты корсары Барбары. А если бы он поступил во флот на год позже, то нашел бы обширное поле деятельности для своей неутомимой души, так как в то время военно-морской флот США играл важную роль во второй войне с Англией.

У Джеймса Купера имелись все необходимые качества, делавшие его хорошим морским офицером: он был самоуверен и инициативен, обладал бесстрашием, мужеством и был патриотом. Но ко времени его поступления во флот пацифистская политика президента Томаса Джефферсона, как говорили военные моряки, достигла своего апогея. Из всего состава флота только двенадцать кораблей находилось в плавании. На них служило немного боевых офицеров и почти совсем не было молодых гардемарин, только что поступивших во флот. Для молодых людей, жаждавших настоящей морской службы, мечтавших о дальних плаваниях, приключениях и боевых подвигах, такой период в жизни флота не мог быть приятен. Но так или иначе хлопоты старого Вильяма Купера увенчались успехом, и 1 января 1808 года Морской департамент присвоил его сыну первое звание, о чем сам он получил уведомление в письме от секретаря Морского департамента:

«Морской Департамент, 1 января 1808 года.

Сэр,

Я имею удовольствие представить Вам патент гардемарина Морского флота США, датированный сегодняшним днем. Я вручаю Вам копию морского устава и стандарта, форму и корабельный словарь, а также бланк для присяги, которую Вы примете и вернете мне почтой, приняв звание, с которым Ваше назначение войдет в силу.

Ваш покорный слуга Р. Смит».

В силу некоторых причин это письмо дошло до Купера только 19 февраля. 20 он оформил принятие присяги в нотариальной конторе и бланк с ее текстом вернул Морскому департаменту. В те времена поступающий на военную службу мог, таким образом, оформить принятие военной присяги в любом месте своего пребывания. В архиве Морского министерства США хранится бланк присяги, подписанный Джеймсом Купером. Он гласит:

«Я, Джеймс Фенимор Купер, будучи назначен гардемаринном во флот США, торжественно клянусь хранить

верность Соединенным Штатам Америки, честно и преданно служить им в борьбе против всех врагов и противников, кто бы они ни были; исполнять и почитать все законы, установленные Президентом США и во всем соблюдать нормы и права, которые теперь или после могут быть установлены, и пункты устава, которые могут быть введены Конгрессом для улучшения управления морскими силами США, и что я буду поддерживать Конституцию США.

Джеймс Купер.

Нотариальная контора в г. Нью-Йорке.

Нотариус, принявший присягу,— Вильям Джин, 20. П. 1808 г.»

24 февраля Куперу было приказано явиться к командующему флотом в Нью-Йорке, который назначил его на небольшой парусный корабль «Везувий», стоявший в порту в ожидании ремонта. На этом неисправном корабле он прослужил несколько месяцев. Это были скучные месяцы без определенного дела. 4 июля того же года он получил новое назначение и должен был отправиться под командованием лейтенанта Вульзи на Большие озера.

Отношения с Англией не сулили в ближайшем будущем ничего хорошего, и правительство Соединенных Штатов принимало срочные меры к усилению своих вооруженных сил. Англия уже имела военные корабли на Великих озерах, внутренних морях американского континента, и президент США отдал приказ о срочном строительстве военных кораблей на озерах Онтарио, Эри и Шамплейн. За исключением одного настоящего военного корабля, остальные должны были быть канонерскими лодками.

Лейтенант Вульзи, под командование которого попал Купер, должен был заключить договор на постройку кораблей и следить за его выполнением. Местом пребывания его наблюдательной группы стал городок Освего.

Когда три офицера прибыли к месту назначения, они обнаружили там крошечный поселок, едва насчитывавший двадцать пять деревянных домов. Он имел все необходимые атрибуты американского населенного пункта той эпохи: лавку, школу, суд и тюрьму. На восточном берегу озера у Освего находились остатки последнего английского форта, увекоченного в дальнейшем как место многих волнующих событий, позже описанных в романе «Следопыт». В действительности все замечательные описания лесов и вод вдоль берегов реки Святого Лаврентия появились в результате того, что автор романов о Кожаном Чулке бродил по этим местам во время своей службы в Освего, будучи гардемаринном военно-морского флота.

В этом маленьком первобытном поселении Вульзи снимал дом для себя и своих офицеров. Строительство кораблей продвигалось быстро. Через несколько дней после того, как срубленные в лесу деревья были сплавлены по реке к верфи, уже появились первые очертания корабля «Онейда».

7 ноября 1808 года, спустя четыре месяца пребывания в Освего, Джеймс писал своему брату Ричарду в Куперстаун:

«Слухи о войне усиливаются. Если они оправдаются, придется распрощаться с Онтарио. Я с удовольствием вновь увижу соленые воды. В последние месяцы в Освего было очень многолюдно: офицеры, торговцы, контрабандисты и тому подобные люди. Я купил пару пистолетов за 20 долларов на память о службе в этих местах. Нет никакой надежды на случай использовать их здесь».

Зиму 1808 года вся компания офицеров провела весело. Давались балы и обеды, на которые приглашались все жители Освего и окрестностей на много миль вокруг. В самом большом доме поселка устраивались танцы, продолжавшиеся до поздней ночи. С одной стороны зала в ряд выстраивались мужчины, высокие, пышущие здоровьем люди в узких брюках и цветистых фланелевых рубашках, молодые, бородатые и слегка пьяные, а с другой — такие же крепкие, румяные женщины в длинных широких платьях. Ряды сходились и

расходились, делились на пары, потом опять выстраивались в ряды и притоптывали в такт музыке так, что гнулись толстые дубовые доски полов и весь дом содрогался от фундамента до конька крыши. В этом топоте тонула музыка импровизированного оркестра, состоявшего из двух скрипок, флейты, рожка и гармоники. Оркестр играл несложные плясовые мотивы, обычно состоявшие из одной музыкальной фразы, повторявшейся множество раз до тех пор, пока лица танцующих не покрывались испариной. В перерывах между танцами пили хмельное ячменное пиво и, захмелев, так оглушительно орали песни, что стоявшие возле дома лошади рвались с привязи. Наступал вечер, зажигали несколько масляных ламп, но их свет едва пробивался через густое облако табачного дыма, плававшее у потолка. Жизнь была веселой и сытной: озеро изобиловало прекрасной семгой и окунями, в лесах водилось много оленей, кроликов и белок, на лесных озерах и в речных заводях гнездились множество гусей и уток, на которых охотились молодые офицеры,

Свободного времени было много, и Джеймс бродил с ружьем по окрестным лесам, дремучим и древним, в которых шла своеобразная жизнь индейских племен. Там он встретил людей, послуживших прообразами героев его знаменитых романов о Кожаном Чулке. Главное место среди них занимал американец-охотник, вольный житель лесов, друг индейцев, на стороне которых он был в их борьбе с жестокими белыми колонизаторами, пришедшими из-за океана. Это и был Кожаный Чулок — Натаниель Бемпо, имевший еще много и других прозвищ. Худой, высокий, в костюме из оленьей замши, обшитом кожаной бахромой, в меховой шапке с беличьим хвостом, свисавшим к плечу. Весь пропитанный таинственными запахами леса и индейских костров, он бесшумно ходил с длинным ружьем, как настоящий индеец, выслеживая дичь, разбирая следы и зная повадки всех зверей и птиц. Об этом герою куперовских лесных романов М. Горький писал:

«Перед читателем живет и действует странный человек, — безграмотный, полудикарь, но обладающий в совершенстве лучшими качествами истинно культурного человека: безукоризненной честностью в отношении к людям, ничем не сокрушимой любовью к ним и постоянным органическим стремлением помочь ближнему, облегчить его жизнь, не щадя своих сил».*

За Кожаным Чулком шел его друг индеец Чингачук, в котором сочетались все характерные черты индейского народа. В описании индейских племен и их жизни Джеймс Фенимор

* Предисловие к роману Д. Фенимора Купера «Следопыт». Изд. Гржебина, Берлин, 1923.

Купер увидел то, чего не видели многие его современники. Поэтому, как признают многие исследователи, изображение им первобытной жизни индейцев и родового строя индейских племен имеет определенное историческое значение. Это был строй, о котором К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы»*.

Писатель не мог пройти мимо судеб этого народа. Все исследователи творчества Фенимора Купера сходятся на том, что он не разделял и не мог разделять ненависти и презрения к индейцам со стороны своих соотечественников. Жизнь на берегах широких рек, среди красот девственной природы, наделила индейцев чистыми верованиями, честностью, храбростью, деятельностью и глубокими поэтическими инстинктами. Их язык был до чрезвычайности прост, но образен, сжат и выразителен. Однако сближения между этим народом и колонистами, пришедшими на их землю, не было и не могло быть. Так писалось об индейцах более ста лет назад в русском журнале «Современник», который редактировали великие русские литераторы Пушкин, Белинский и Некрасов.

Цикл романов о Кожаном Чулке, переиздающийся у нас в стране на протяжении более 125 лет, широко известен советским читателям. Он состоит из пяти книг: «Пионеры» (1823 г.), «Последний из Могикан» (1826 г.), «Прерия» (1827 г.), «Следопыт» (1840 г.) и «Зверобой» (1841 г.). Темы этих романов навеяны жизнью Фенимора Купера на Больших озерах в период его службы в военном флоте США.

Джеймс Фенимор Купер прослужил в военном флоте всего два года и пять месяцев. За это время он не был в плаваниях на военных кораблях и не поднимался в звании выше корабельного гардемарина, и все же эта короткая служба оставила в нем неизгладимые впечатления и изменила течение всей его жизни.

В американском военном флоте нет другого офицера, который, уйдя в отставку, добился бы такого выдающегося положения в литературе. Море и моряки на всю жизнь оставались темой многих его литературных произведений. Им даже были написаны две книги учебного характера: «История флота» и «Жизнеописание выдающихся американских морских офицеров», принятые в качестве пособий в современных американских морских школах. Такие малоизвестные советским читателям произведения Купера на морские темы, как «Лоцман», «Красный пират», «Два адмирала», «Мили Вэллингфор-

* Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 98.

да» и «Морской лев», были навеяны его знакомством в юности с морской жизнью и моряками. В этих произведениях ОБ описывает то, что видел и испытал на протяжении четырех с половиной лет службы в торговом и военном флоте. Даже в более поздние периоды жизни его лучшими друзьями оставались морские офицеры, с которыми он общался в период службы во флоте. Свою книгу «Лоцман», изданную за два года до смерти, Купер посвятил старому другу и товарищу по службе на корабле «Оса» капитану Вильяму Бренфорду Шабрику. В посвящении он писал:

«Мой дорогой Шабрик! Каждый год приносит новое, и бездна, поглотившая наших немногочисленных морских товарищей и коллег, приводит меня в уныние. Война, болезни и случайности опасной профессии опустошили их немногочисленные ряды. С особым интересом я храню воспоминания о тех, с кем жил в тесной дружбе, и ощущаю торжество за их растущую славу... Ни время, ни разлука не разрушили нашей близости; и, посвящая тебе эту главу, я знаю, что не скажу ничего нового, если прибавлю, что это дань твоей терпеливой дружбе.

От твоего старого товарища

Автор».

Спустя тридцать пять лет после плавания на корабле «Надежный» Купер пишет еще одну книгу на морскую тему — «Нед Миерс». В ней он рассказывает о жизни своего товарища, простого матроса, с которым плавал на торговых судах.

Но для того чтобы рассказать историю раннего ухода Купера из военного флота, необходимо вернуться к временам его службы в Освего. Как бы ни была интересна для будущего литератора жизнь среди первобытной природы на берегах Великих озер, но в те времена она не могла заглушить в нем стремление к настоящей морской службе на корабле, совершающем дальние плавания по морям и океанам. Естественно, что такие стремления были не только у одного Купера, но и у других, служивших с ним гардемарин.

8 апреля 1809 года лейтенант Вульзи писал в Морской департамент, что находящиеся в его подчинении молодые офицеры жаждут более активной службы и надеются получить переводы на действующие корабли флота. О Купере Вульз писал, что хотя срок его службы во флоте не дает ему права на повышение, но он все же его заслуживает.

Наконец, желание отправиться в плавание настолько охватило будущего романиста, что, нарушая субординацию, он сам непосредственно обращается в Морской департамент с просьбой о переводе на один из кораблей флота, отправляю

щихся в дальнее плавание. Шли месяцы, но ответа на планное ходатайство не поступало. 10 июля лейтенант Вульзи приказывает Куперу отправиться из Освего на озеро Шамплейн, где строились канонерские лодки. Только через полтора года Куперу было разрешено вернуться в Нью-Йорк. Там он получает назначение на корабль «Оса», незадолго до этого возвращающийся из длительного плавания в Европу.

О службе гардемарина Джеймса Купера на этом корабле известно мало. Кое-что говорят записи в судовом журнале, который хранится в Национальном архиве в Вашингтоне:

«9 марта 1810 года гардемарин Дж. Купер отбыл в Нью-Йорк для организации пункта вербовки матросов».

18 марта 1810 года «Оса» подняла якорь и отправилась в Бостон, куда прибыла 30 марта. Мы не знаем, участвовал ли Купер в этом коротком плавании. Если он его и совершил, то оно было единственным за все время его службы в военно-морском флоте США. Более вероятно, что он оставался в Нью-Йорке для вербовки матросов на организованном им пункте где-то в районе Южной улицы.

После полугодового пребывания на Больших озерах жизнь в Нью-Йорке явилась резким контрастом и в значительной степени примирила молодого моряка с пребыванием на берегу, хотя где-то в глубине сознания таилась мысль о том, что он не находит своего места во флоте. Работа на вербовочном пункте не отнимала у Купера много времени. Он имел возможность посещать дома новых знакомых молодых людей своего круга. В одном из них он встретился с девицей Сюзанной де Ланей, сестрой епископа западной епархии штата Нью-Йорк. Она происходила из очень старой американской семьи, быть может, одной из первых, прибывших на поселенческом корабле к берегам Северной Америки. Эта встреча была роковой для военно-морской карьеры Джеймса Фенимора Купера.

Приводим две интересные записи из вахтенного журнала корабля «Оса»:

«11 апреля 1810 года. Бросили якорь в Северной реке на траверзе Батарей на глубине 10 сажений (Нью-Йорк)».

«12 мая 1810 года. Начался легкий бриз с юга. Хорошая погода. В 8 часов утра уволенные в отставку Генри Вильяме и гардемарин Дж. Купер покинули корабль. Умеренный бриз прекратился. Ветер восточный, погода ясная».

Добросовестный офицер, делавший записи в вахтенном журнале, больше всего заботился о состоянии погоды. Он, конечно, не мог предугадать, что этот день отмечен вехой в жизни одного из членов экипажа, которому предназначено

судьбой получить широкую известность. Это был последний день службы Джеймса Фенимора Купера в военно-морском флоте США. Спустя неделю в его письме к брату Ричарду мы находим объяснение краткой записи в вахтенном журнале ко рабля «Оса».

«Когда я был в городе, я дал тебе понять о своем намерении подать в отставку в конце сессии Конгресса, как человек, который ничего не может сделать для флота. Единственной причиной является крушение всех моих надежд и чаяний по службе. Я добровольно просил отставки и, как обычно, направил рапорт капитану Лауренсу на его заключение. Он очень советовал мне попробовать прослужить еще год или два, одновременно предлагая выхлопотать годичный отпуск, который позволил бы мне свободно располагать собой в это время. Я благоразумно решил принять его предложение. В конце года я буду иметь право подать в отставку, если положение в стране позволит это сделать.»

Как все сыны Адама, я преклоняюсь перед прелестями прекрасной девушки восемнадцати лет. Я люблю ее, и высказал ей это, как матрос. Сюзанна де Ланей — дочь человека, имеющего очень надежные связи и щедрую fortuna»...

Теперь можно предположить, что ссылки на бесперспективную службу во флоте были только поводом для ухода в отставку. Действительной же причиной, по-видимому, была прелестная Сюзанна де Ланей. Так или иначе, но отпуск из Морского департамента, датированный 9 мая 1810 года, уже был у Купера в кармане. Ему предоставлялось право в течение года жить, как заблагорассудится. 1 января 1811 года Джеймс Фенимор Купер женился на Сюзанне де Ланей и самозабвенно любил ее до конца своих дней. Он считал бы себя последним человеком, если бы признался в том, что не является хозяином в собственном доме. Никогда, ни на минуту он не подозревал, что не имеет полной власти над своими поступками и желаниями. Его жена, как все властные люди, знала свое дело. Так было и в решении вопроса его морской карьеры. Молодая миссис Купер даже не допускала мысли об отъезде мужа в какое-либо длительное путешествие — карьера моряка не подходила для ее горячо любимого мужа. Их общие доходы удовлетворяли все их нужды. Таким образом, по ее мнению, не было никаких причин для дальнейшего пребывания во флоте.

Последнее письмо от мистера Пауля Гамильтона, секретаря Морского департамента, гардемарину Джеймсу Куперу окончило морскую карьеру молодого мужа:

«6 мая 1811 года.,

Гардемарину Дж. Куперу

Морской департамент.

Куперстаун, штат Нью-Йорк.

Я получил Ваше письмо от 28 числа прошлого месяца. Ваша отставка принята. Вам надлежит отправить Ваш папент в Департамент.

П. Гамильтон».

После выхода в отставку связь Джеймса Купера с флотом сохранилась не только в его литературных произведениях. Спустя много лет, когда он уже заслужил славу известного американского романиста, им было получено приглашение вступить в общество «морских офицеров и граждан Нью-Йорка, интересующихся деятельностью и благополучием флота». Это общество было известно под названием Морского лица США. Сохраняя дорогие ему воспоминания о службе в юности во флоте, он принимает это приглашение и 10 февраля 1834 г. отвечает на него следующим письмом:

«Я прошу Вас сообщить джентльменам из Лицея о моем согласии принять их лестное предложение, которым они удостоили меня. Я был очень рад этому потому, что оно исходило от объединения, к которому я сам однажды принадлежал, которое всегда люблю и которое было удостоено таким высоким вниманием со стороны нашего народа...»

Дж. Фенимор Купер».

Современники донесли до нас образ Фенимора Купера. Его внешность говорила о смелом и энергичном характере. Он был человеком крепкого сложения, движения его были резки и не совсем изысканны, взгляд смелый и несколько задумчивый, глаза посажены глубоко и постоянно сохраняли какое-то тревожное, беспокойное выражение. В разговоре он оживлялся, обладал даром слова и поразительной способностью понимать собеседника.

После увольнения из флота жизнь писателя сложилась трудно и беспокойно. Со времени выпуска в свет своих первых литературных произведений Купер противопоставлял стяжательским нравам американской буржуазии нравы индейцев, наделенных честностью, чувством собственного достоинства, прямодушием и храбростью. За это американская печать травила писателя до самой его смерти и даже объявила неамериканцем. Купер резко высмеивал пороки американского общества: стяжательство, продажность, демагогию в политике и ханжество в быту.

На этом заканчивается та часть биографии знаменитого американского романиста, которая связана с его морской службой. Находясь в остром конфликте с современным ему

американским обществом, Джеймс Фенимор Купер незадолго до смерти (в 1851 году) запретил семье публиковать материалы о своей жизни и деятельности, будучи убежден, что в Америке господствует «тирания в худшей ее форме». Этим следует объяснить отсутствие до сих пор достаточно полной и подробной биографии замечательного американского писателя первой половины XIX века.

Лее Василевский

ФАКТЫ,
ДОГАДКИ,
СЛУЧАИ...

ОПАСНЫ ЛИ ОСЬМИНОГИ

СКОРЕЕ ТЫКВА АТАКУЕТ, ЧЕМ ОСЬМИНОГ...

НОЖЕСТВОМ гнусных ртов приникает к вам эта тварь: гидра срастается с человеком, человек сливается с гидрой. Вы одно целое с нею. Вы — пленник этого воплощенного кошмара. Тигр может сожрать вас, осьминог — страшно подумать! — высасывает вас. Он тянет вас к себе, вбирает, и вы, связанный, склеенный этой живой слизью, беспомощный, чувствуете, как медленно переливаетесь в страшный мешок — в это чудовище.

Ужасно быть съеденным заживо, но есть нечто еще более неопишваемое — быть заживо выпитым».

Так представлял себе Виктор Гюго опасность, которой подвергается человек, схваченный осьминогом. Свои редкие сведения он, несомненно, заимствовал из работ некоторых старых натуралистов, но его драматическое описание не стало от этого более правдоподобным. Слишком плохо в те времена, когда писалась книга «Труженики моря», знали осьминогов даже люди науки.

Намного ли наши знания продвинулись с тех пор?

Простой, казалось бы, вопрос поставлен мной в заглавии этой статьи, а ответить на него нелегко. Правда, мы уже знаем

теперь, что присоски осьминога не действуют как насосы, вытягивающие из человека его «жидкое содержимое», человек ее «переливается в страшный мешок». Присоски только удерживают жертву, а не «выпивают» ее.

Но тем не менее, опасен ли осьминог?

Популярная и художественная литература, газетные столбцы, посвященные морским происшествиям, кинофильмы и общее мнение подавляющего большинства людей утверждают, что осьминог, даже не очень крупный, — один из самых опасных морских хищников, с которыми приходится встречаться человеку под водой.

Можно было бы привести здесь много рассказов о битвах водолазов с осьминогами. Возможность такой схватки ни у кого не вызывает сомнения. Осьминог и водолаз — две всем хорошо известные фигуры из «мира приключений» подводного царства. Единоборство с осьминогом, по общему мнению, — одна из неизбежных неприятностей в профессии водолаза.

Мы попытаемся сейчас поколебать эту традиционную точку зрения.

В последние годы подводная охота, подводные съемки в просто прогулки под водой в маске и с ластами стали массовым спортом. Люди ближе познакомились с восьмируким морским страшилищем. И что же? Сначала раздалась робкие растерянные голоса, потом все увереннее и громче «люди-лягушки» * начали заявлять, что совершенно неожиданно обнаружили в осьминогах очень доверчивых хозяев.

На Кусто и Дюма ** осьминоги произвели «впечатление весьма безобидных существ». После «первых же встреч со спрутами, — пишут эти пионеры в «Мире безмолвия», — мы решили, что слова «заживо выпитый» применимы скорее к состоянию автора, написавшего их, чем к человеку, действительно встретившему осьминога».

Макс Нол, американский специалист по водолазной технике, заявил, что, по его мнению, осьминог опасен для водолаза не более, чем кролик для охотника. С. Вильяме, другой аквалангист, выразился еще решительнее: «Скорее фермер на поле будет атакован тыквой, чем пловец осьминогом!»

С КАКОЙ СИЛОЙ ПРИСАСЫВАЕТСЯ ОСЬМИНОГ

Исследуем присоски осьминога — самое опасное, по общему мнению, его оружие. Каждая присоска представляет собой не сосущий рот, как думал Виктор Гюго, а скорее миниатюр-

* Англичане довольно удачно назвали ныряльщика в ластах «фрогмэном», то есть «человеком-лягушкой».

** Кусто и Дюма. В мире безмолвия. «Молодая гвардия», 1957..

ную медицинскую банку. В момент, предшествующий присасыванию, мускулистые стенки «банки» сокращаются, ее полость уменьшается. Присоска своим отверстием плотно прилегает к телу жертвы. Затем все мускулы присоски быстро расслабляются — внутренняя полость «банки» увеличивается, давление внутри нее резко падает, и присоска прочно присасывается.

Присоска диаметром в два с половиной миллиметра может удержать тяжесть весом в 47 граммов, а диаметром в шесть миллиметров * — почти 170 граммов. На каждом щупальце осьминога располагается до сотни и больше присосок (в зависимости от вида и возраста животного). Допустим, что на каждом щупальце у осьминога сто присосок диаметром шесть миллиметров. На восьми щупальцах их будет 800. Вес, который они в состоянии удерживать общими усилиями, равен в этом случае 136 килограммам. Конечно, это только теоретический подсчет суммарной присасывающей силы присосок среднего осьминога. В действительности никогда все присоски не бывают приведены в действие одновременно, да и мускулатура животного едва ли выдержит нагрузку в сотню килограммов.

Обычно на каждом щупальце присасывается с десятков, не больше, присосок. Если осьминог схватит человека, скажем, пятью щупальцами, а другими тремя будет держаться за камни, то его $10 \times 5 = 50$ присосок, приведенные в соприкосновение с противником, разовьют «силу притяжения», равную восьми с половиной килограммам. Усилие небольшое, но его вполне достаточно, чтобы под водой подтянуть к себе взрослого человека: ведь в воде человек становится как бы легче на 95 процентов.

Но этот богатырский поступок осьминог в состоянии совершить лишь при одном непрременном условии — схваченный человек не должен сопротивляться! Если же он сильно оттолкнется, то мощь даже 800 присосок осьминога его не удержит.

Одной рукой человек может совершить рывок, равный по силе двум сотням килограммов.

Популярный одно время цирковой силач Юджин Сэндоу ** показал на динамометре усилие в рывке двумя руками в 450 килограммов.

* Приблизительно такие размеры отверстий присосок у осьминогов длиной около полутора метров. В зависимости от вида и пола животного величина присосок различна.

** Юджин Сэндоу прославился в конце прошлого века поединком со львом в цирке Сан-Франциско. Лев выступал в наморднике и без когтей.

Кулак человека, выброшенный вперед в сильном ударе, обрушивается на противника тяжестью двадцатипудовой гири*.

Правда, под водой сопротивление среды значительно выше, и человек здесь более слабый боец, чем на суше. Однако и среди волн морской стихии, как показали испытания Принстонского университета, хороший пловец не уступает в силе акуле средних размеров (разумеется, без учета боевой мощи ее зубов), которая без труда справляется с любым осьминогом. Подтянуть к берегу пловца, привязанного к леске, оказалось труднее, чем акулу или меч-рыбу. Приборы подсчитали, что человек «на удочке» развивал на каждый килограмм своего веса тяговое усилие в 300 граммов — почти вдвое больше, чем акула.

Вряд ли стоило бы серией этих примеров доказывать «физическое» превосходство человека над осьминогом, если бы очевидность такого положения всем была ясна. Напротив, сочинения об осьминогах переполнены драматическими эпизодами прямо противоположного свойства.

КАКОВЫ РАЗМЕРЫ САМЫХ БОЛЬШИХ ОСЬМИНОВ

«Мой друг пронзительно закричал и, прыгая на месте, пытался освободиться от чего-то, что крепко держало его снизу, — пишет один из сочинителей. — С группой новозеландцев он переходил риф во время отлива, когда это приключилось. Мы поспешили на помощь и увидели, что наш друг борется с молодым осьминогом. Оторвав щупальца от человека, мы освободили парня из западни.

Осьминог был небольшой — размер щупалец около 36 дюймов (приблизительно 90 сантиметров), однако попавший в его лапы маориец не мог освободиться без чужой помощи и утонул бы с началом прилива».

Некая миссис Додд купалась в море на юге Франции. На мелком месте, где вода едва доходила ей до колен, из расщелины вдруг неожиданно появился осьминог и схватил ее за лодыжки, да так крепко, что она не смогла двинуться с места. «Еще несколько щупалец оплели ей ноги, и миссис Додд оказалась в совершенно беспомощном положении». На ее крик прибежали с берега люди и освободили Додд из осьминожьего плена.

Злоумышленника измерили — размером он оказался с кролика и весил всего несколько фунтов.

* Удар тренированного боксера-тяжеловеса «весит» до 500 килограммов.

Года три назад я писал одному английскому натуралисту*, который интересовался моим мнением по поводу этого происшествия: «Осьминог размером с кролика слаб, как кролик». Любая женщина без особого труда может освободиться от его объятий, если не сразу — не одним рывком, то, так сказать, по частям — разрывая моллюска на куски (кстати, сделать это куда легче, чем разорвать кролика: у осьминога нет костей и сухожилий).

Однако даже небольшой (размером с кролика!) осьминог, внезапно схватив человека под водой, действительно оказывает, как кажется вначале, значительное сопротивление. Он может удержать на месте ногу, занесенную для следующего шага. Но стоит посильнее рвануться (приложить усилие хотя бы в десять килограммов — легкий удар по мячу), и осьминог неминуемо должен будет расстаться либо с вашей ногой, либо с камнем, за который он уцепился другими щупальцами.

До сих пор речь шла о сравнительно некрупных осьминогах — размером около одного-полутора метров, весят они приблизительно пять-десять килограммов**. Мы установили, что сила и опасность этих животных сильно преувеличены.

Ну, а гигантские осьминоги, описаниями которых изобилует приключенческая литература, — опасны они для человека? Очень хочется сказать, что и эти герои морских рассказов не опаснее осьминогов размером с кролика, поскольку осьминоги-гиганты едва ли вообще существуют. Науке такие животные не известны. Вот цифры, характеризующие размеры самых крупных осьминогов, которыми располагает в настоящее время зоология.

Описано более ста видов осьминогов, но все это животные мелкие, длиной не более полуметра. Лишь три-четыре вида заслуживают внимания как возможные противники человека. Самые крупные из них — обыкновенный осьминог, осьминог Дофлейна и осьминог аполлион. Первый обитает во всех тропических, субтропических и тепловодных морях и океанах. Второй встречается у берегов Японии и изредка у южных Курильских островов и в заливе Посьета. Осьминог аполлион живет в скалах у побережья Аляски, западной Канады и Калифорнии.

Обычный осьминог и осьминог Дофлейна — массивные, «коренастые» создания, с короткими и толстыми щупальцами.

* История с миссис Додд наделала много шума, и, переходя из одной газеты в другую, осьминог-агрессор постепенно вырос в чудовище с длиной щупалец в 40 футов.

** Обычный осьминог (*Octopus vulgaris*) длиной в полметра весит около килограмма, при длине в один метр — пять килограммов, полутораметровый — около девяти, а двухметровый — около восемнадцати килограммов.

В длину они достигают трех метров и весят при таких размерах около 25 килограммов.

Гигантом среди осьминогов можно было бы назвать аполлиона, но гигант этот весьма subtilen.

В конце прошлого столетия у берегов острова Ситха рыбаки поймали осьминога, который своими пропорциями напоминал паука-сенокосца: маленькое туловище на длинных и тонких ногах-щупальцах. Длина его была около пяти метров (в размахе щупалец около восьми с половиной метров), но тело вместе с головой не превышало в ширину пятнадцати, а в длину тридцати сантиметров. Щупальца исключительно тонкие, а на концах почти нитевидные.

Позднее еще несколько осьминогов этого вида, но меньшего размера попались в сети у берегов Калифорнии, Канады и Аляски.

Североамериканские subtilные осьминоги аполлионы уступают своим собратьям предыдущих двух видов и в силе, и в весе примерно вдвое (при одинаковых размерах).

Конечно, в море могут жить осьминоги более крупные, чем все пойманные до сих пор. Однако сомнительно, чтобы их длина могла превышать четыре-пять метров (или восемь метров у аполлиона), а вес — пятьдесят-шестьдесят килограммов. Если такие осьминоги существуют, то только они могут представлять серьезную опасность для человека под водой.

ЯДОВИТЫЕ КАНАВАИ

Рассуждая о силе присосок осьминогов, мы совершенно упустили из виду другое оружие этих хищников — их укус. Родичи беззубых улиток и ракушек, они приобрели в процессе эволюции очень острые челюсти — роговые и крючковатые, по форме похожие на клюв попугая.

«Ядовитые канаваи» — называют индийские рыбаки некоторых маленьких осьминогов и очень боятся этих тварей. Говорят, что если осьминога, попавшего в лодку вместе с рыбой, не выбросить немедленно за борт, то он сам может напасть на человека и укусить его в ногу или руку. Боль такая, словно ужалил скорпион. Нога распухает, человек несколько недель чувствует слабость и головокружение.

О ядовитости осьминогов ничего не пишут романисты. Мало кому известно вообще, что осьминоги обладают свойствами ядовитых гадов. Даже ученые сравнительно недавно узнали об этом.

Яд выделяет задняя пара слюнных желез, но это не пищеварительный фермент, а особая вирулентная жидкость, близкая по своему химическому составу к алкалоидам. Яд осьми-

нога вводили в тело крабов, рыб и лягушек. Он действовал парализующе на центральную нервную систему. У крабов медленно наступали судороги, и через несколько минут они умирали.

Осьминог, живший одно время в аквариуме в Сан-Франциско, убивал крабов, которыми его кормили, весьма оригинальным способом: выбрызгивал на них струю яда и не прикасался к отравленному крабу в течение двадцати минут. Если взять этого краба и рассмотреть повнимательней, то у него не удастся обнаружить никаких повреждений, никаких ран и укулов. А между тем он мертв.

Яд осьминога опасен и для человека. Однажды сотрудник Калифорнийского аквариума был укушен небольшим аполлионом в ладонь. В ту же ночь рука так распухла, что не видно стало суставов, прошло четыре недели, прежде чем опухоль спала. Боль и признаки болезни напоминали симптомы змеиного укуса.

В медицинской литературе описано уже около десятка случаев отравления ядом осьминогов. Человек в момент укуса чувствует острую боль, жжение, зуд. Ранка краснеет и опухает. Болезненное состояние длится от недели до месяца.

В зависимости от размеров осьминога и его вида последствия бывают различные. Обычно человек полностью излечивается. Но не всегда исход бывает благополучным.

Семь лет назад один австралийский моряк, возвращаясь с рыбной ловли, заметил у берега маленького осьминога, длиной сантиметров около пятнадцати. Желая позабавиться, моряк посадил восьмирукого крошку к себе на плечо. Осьминог переполз к нему на спину и вдруг укусил в область позвоночника.

Боли от укуса не было никакой, на коже осталась небольшая колотая ранка, из которой слабо струилась кровь. Но человек почувствовал слабость и головокружение. Началась рвота, он едва держался на ногах.

Товарищ, который был вместе с ним, доставил больного в госпиталь. В больницу его привезли уже в бессознательном состоянии, с посиневшим лицом, сердце билось очень слабо, я начались приступы удушья.

В госпитале приняли все необходимые меры лечения. Но ничто не помогло: укушенный осьминогом человек умер через четверть часа после прибытия в госпиталь и спустя два часа после укуса.

Теперь вернемся к вопросу, поставленному вначале, — опасны ли осьминоги? Как видно, опасны, но не столько присосками и силой своих щупалец, сколько сводим ядовитым укусом. Правда, эти животные редко и неохотно пускают в ход свое ядовитое оружие. Мак-Гинити, известный океанолог,

говорит, что в его руках побывало несколько тысяч осьминогов и ни один из них его не укусил. И все же такие случаи, как мы видели, бывают.

Достоверных сообщений о встрече под водой с крупными спрутами известно очень мало. Но мелкими осьминогами морское дно местами буквально кишит. Нырятьщик, попавший в их общество, не должен забывать, что имеет дело с существами ядовитыми и отнюдь не кроткими.

И. Акимушкин

ЧЕЛОВЕК УПРАВЛЯЕТ ПОГОДОЙ

ЖАРКИЙ знойный день, сильно парит. На огромных фруктово-ягодных плантациях кипит работа. Но вот дежурный совхоза-гиганта получает предупреждение Метеорологической службы: к району приближается сильная гроза с ливнем и градом. Дежурный немедленно связывается с ближайшим аэродромом, самолеты которого ведут борьбу с грозовыми тучами.

После полудня горизонт темнеет и в дымке вырисовываются тяжелые облачные громады. В природе все затихло. Вдруг тишину пререзает рокот моторов. Это идут навстречу стихии, звено за звеном, самолеты. В бинокль хорошо виден воздушный авангард, нацелившийся на тучу и выпустивший туманный конус дыма. Туча «засеивается» химическими реактивами. Через 10—15 минут мощные облака теряют конфигурацию, гордо вздымавшиеся вершины тускнеют. Облачная громада преобразуется на глазах, в ней нет уже прежней силы. Облака становятся рыхлыми и приобретают мирный вид.

Самолеты возвращаются, победив тучу, и она пронесется над совхозом, разражаясь теплым обильным дождем. Нет ни бури, ни града, ни опустошительного ливня. Растения жадно впитывают влагу. Урожай спасен!

Мы нарисовали картину отнюдь не далекого будущего. Управлять погодой сначала в небольшом масштабе, влиять на те ее явления, которые легче поддаются воздействию, а потом и на более сложные — реальная возможность. С помощью же атомной энергии можно будет направлять колоссальную энергию атмосферных процессов, проходящих в огромных масштабах.

Издавна люди ставили перед собой вопрос — можно ли управлять погодой? Если очень важно уметь предвидеть погоду, то куда важнее влиять на ее формирование. Здесь, пожалуй, возникли бы затруднения: одному нужна одна погода, другому — другая. Но речь, конечно, идет не о том, чтобы каждый делал «свою» погоду, а о том, чтобы можно было влиять на нее в интересах хозяйства страны и бороться с ее вредными последствиями. В условиях планового социалистического хозяйства нашей родины можно было бы без затруднений для дела заставить пойти дождь во время засухи или, наоборот, остановить потоки дождя, который слишком затянулся, обезвредить градовую тучу, угрожающую полям, или рассеять туман на аэродроме. В атмосферных процессах участвуют могучие силы. Солнце посылает лучистую энергию на Землю. Но по-разному нагреваются суша и море, экваториальные и полярные области. Возникающая разница в температуре — основная причина движения воздушных масс.

Направление и скорость их перемещения зависят также от вращения Земли и от рельефа местности. И если бы мы захотели изменить движение воздушных потоков всего на несколько дней, для этого понадобилось бы затратить энергию, исчисляемую миллиардами киловатт-часов. Достаточно сказать, что во время обычной местной грозы расходуется столько же энергии, сколько несут в себе 5—10 водородных бомб малой мощности. А при среднем шторме на море количество энергии, необходимой для его поддержания, эквивалентно сотням атомных взрывов. Поэтому человечество пока не в состоянии атаковать стихию в «лоб», искусственно вызывать перемещение воздушных масс, создавать циклоны и антициклоны и бороться с грозами и ливнями.

Однако в наших руках уже сейчас имеются надежные средства воздействия на климат, реализуемые в ограниченном радиусе. Прежде всего мы можем преобразовать местность, над которой движутся воздушные массы, и таким образом относительно воздействовать на физическое состояние атмосферы. Человек давно научился защищать себя от климатических невзгод: он строит дома, создавая в них искусственный климат, выращивает в теплицах тропические растения, орошает засушливые районы, осушает болота, закладывает леса. Люди озеленяют города, разводят сады и парки, используют энергию ветра и речной воды. В Советском Союзе ведутся грандиозные работы, преобразующие на наших глазах целые районы и области. И все же, несмотря на большие достижения современной науки, нередко стихийные явления природы приносят людям огромные бедствия: засухи, катастрофические наводнения, раз-

рушительные ураганы, градобития и т. д. Поэтому не праздное любопытство заставляет многих людей так часто задавать вопрос: неужели нельзя найти средства борьбы с этими грозными явлениями природы?

Попытки влиять на погоду проводились еще в древности. Однако они носили примитивный характер из-за низкого уровня развития науки и культуры. Средства воздействия на погоду искали в самых нелепых суевериях и религиозных предрассудках. В Китае, например, при длительной засухе с подобающей торжественностью колотили изображение дракона, который олицетворял злые силы природы. Чтобы прекратить дождь, у некоторых народов клали на землю раскаленные камни. А в Таиланде снимали крыши с храмов, чтобы боги скорее остановили дождь — иначе им самим пришлось бы намочнуть. В прошлом в России устраивали церковные молебны «о даровании дождя», причем некоторые служители культа имели барометр и выходили в поле только после того, как прибор показывал на дождь.

В средние века твердо верили, что шум разгоняет градовые тучи: при приближении грозы звонили в колокола. Церковники, рассчитывая на очень отсталые слои населения, делали на некоторых колоколах даже такие забавные надписи: «Живых созываю, мертвых оплакиваю, молнии разбиваю». Конечно, шум не прогонял грозу, зато многие звонари поплавились жизнью.

В XIX веке существовало убеждение, якобы сильная стрельба из пушек вызывает такое сотрясение воздуха, что начинает идти дождь. В качестве примера приводился Бородинский бой. Исследования метеорологов показали, что погода во время сражений и после них бывает именно такая, какая должна быть в силу общих атмосферных условий. Влияние взрывов при стрельбе крайне невелико; тепловое воздействие по сравнению с солнечной энергией ничтожно мало; химическое действие весьма незначительно по сравнению даже с продуктом горения топлива, потребляемого в большом промышленном городе.

Однако такие исследования не убедили сторонников огнестрельных воздействий на погоду, и в прошлом столетии более четверти века применяли стрельбу из пушек по облакам. Опыты проводились во многих странах, захватив и Россию, и получили широкий размах. Были построены специальные мортиры, имеющие вид огромного конуса, направленного основанием к облакам. В нижнюю часть мортиры закладывался заряд пороха, который после взрыва выбрасывал вихревое дымовое кольцо, подобное тому, которое иногда вылетает из трубы паровоза. Предполагалось, что сильнейшие вихревые движения в этом кольце помешают образованию града в туче,

Результаты оказались неутешительными: несмотря на частую стрельбу, град шел с прежней силой. Теперь мы знаем: пытаться предотвратить град такими мортирами — все равно, что пробовать остановить поезд, обстреливая его горошинами.

Применяли и другой способ. На огромных матерчатых змеях к градовой туче поднимали большие заряды взрывчатого вещества. Надеялись, что взрыв расколет градины на мелкие безвредные кусочки льда. Но и это не помогало. Обстрел облаков прекратился лишь после того, как специальные комиссии ученых, проверив материалы опытов, доказали бесполезность таких воздействий.

Вновь об этом заговорили в период Великой Отечественной войны. Некоторые люди указывали, что неизмеримо возросшая мощь боевой техники, масса взрывов увеличили выпадение осадков на фронтах. Исследования ученых показали необоснованность таких воззрений. В качестве примера можно указать на ожесточенные бои под Берлином в апреле 1945 года. На этом участке фронта была создана необычайная плотность огня. Но никакого дождя не было, и сквозь дым непрерывных взрывов проглядывало солнце.

После неудачных опытов со стрельбой ученые и изобретатели пошли по другому пути, используя научные достижения физики и метеорологии. Было установлено, что для продолжительного дождя необходим подъем огромных масс влажного воздуха на высоту в несколько километров. Воздух при этом охлаждается, происходит сгущение водяного пара, появляются мелкие капельки, которые, сливаясь друг с другом, укрупняются и выпадают в виде дождя. Следовательно, если построить гигантскую трубу и гнать воздух вентиляторами сверху, то появятся облака и пойдет дождь. Но с экономической точки зрения такой метод нецелесообразен. Подсчеты показывают, что для получения таким путем 10 миллиметров дождя (хорошая поливка) на площади в один квадратный километр надо было бы сжечь тысячи тонн угля. Да еще не вся вода дойдет до земли: часть ее испарится по пути. В результате стоимость капли дождя будет непомерно высокой.

В 1925—1926 годах Геофизический институт и Центральная аэронавигационная станция (ЦАНС) в Москве под руководством профессора В. И. Виткевича проводили опыты по осаждению облаков и рассеиванию туманов при помощи электрически заряженного песка. Предполагалось, что в образовании дождя решающую роль играют электрические заряды капель. Если капли перезарядить наэлектризованным песком, то должен пойти дождь. Лабораторные опыты прошли успешно, и было доказано, что электрические заряды облегчают сгущение водяного пара и таким путем можно рассеять туман. Однако, когда заряженный песок сбрасывался с самолета

тов на кучевые облака, они заметно рассеивались, и все же получить дождь не удавалось.

В 1931 году на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой профессор М. А. Аганин сделал доклад о возможности искусственного образования осадков. Аганин, проводя лабораторные исследования, раскрыл механизм слияния капель воды и показал процесс возникновения дождя.

С этого момента начинаются уверенные шаги в организации исследований и опытов как лабораторных, так и в свободной атмосфере. Работы ведутся в Москве — в Центральном институте экспериментальной метеорологии под руководством профессора С. Л. Бастамова и в Ленинградском институте экспериментальной метеорологии под руководством профессора В. Н. Оболенского.

В 1934 в Средней Азии в окрестностях Ашхабада опыты по вызыванию искусственного дождя осуществляет группа ученых во главе с инженером В. А. Федосеевым. В этих опытах облака засеивались с самолета хлористым кальцием, который способствовал слиянию и укрупнению капель воды в облаке. Порошок хлористого кальция распылялся с самолета, пролетавшего над облаками или в самой гуще облаков. В нескольких случаях, несмотря на обычную для Ашхабада летнюю сухость воздуха и жару, облако, засеянное хлористым кальцием, давало небольшой дождь. Первые капли дождя содержали хлористый кальций, а в последующих даже отсутствовали следы его. Этим самым Федосеев показал, что в таких опытах возможен цепной процесс образования капель, то есть подобно снежной лавине, возникающей из кома, процесс слияния первых капель захватывает в итоге мириады их. Иными словами, достаточно дать своего рода толчок естественным силам к изменению физического состояния влаги в какой-либо одной части облака, как это же изменение произойдет само собой и в других частях облака.

Летом 1936 года на горе Дзынча, в районе Гагры, на Черноморском побережье, были проведены опыты искусственного получения дождя из облака, покрывавшего вершину этой горы. На площадке вершины в самой гуще облака был установлен мощный авиационный мотор, пропеллер которого распылял высоко вверх порошок хлористого кальция. Уже через 6—7 минут после распыления этого вещества в толще облака образовался сквозной просвет в виде широкого колодца диаметром до 400 метров. Самое интересное заключалось в том, что колодец имел равные, как бы выложенные, по отвесу стенки, которых в естественных условиях у облаков не бывает. Вслед за этим пошел дождь, продолжавшийся до тех пор, пока все облако не рассеялось. Научными исследованиями установлено, что когда в естественных условиях дождь выпадает из

малоустойчивого облака, то основная причина этого заключается в различных размерах капель облака. В устойчивом же облаке все капли имеют одинаковые размеры и находятся на равных расстояниях друг от друга. Для того чтобы достичь выпадения дождя из такого облака, необходимо добиться хотя бы в одном его месте слияния и укрупнения капель. Это достигается воздействием хлористого кальция.

Этими работами был установлен неоспоримый научный приоритет СССР в создании теоретической и экспериментальной основы получения искусственных осадков.

-Как же обстоит дело с управлением погодой в настоящее время?

В нашей стране ведется экономное использование природных богатств с заметным воздействием на местный климат и погоду. Строятся водохранилища, прокладываются каналы. Смежные с водохранилищами районы уже испытывают влияние водоемов, и чем больше их площадь, тем дальше воздействие.

В летнее время вода в бассейне холоднее воздуха. В силу этого восходящие потоки над его зеркалом ослабевают и развитие кучевых облаков над водохранилищем будет слабее, чем на суше. Значит, облачность заметно уменьшится и будет больше ясных дней. Осенью, когда вода теплее воздуха, на берегах водохранилищ и в прилегающих районах увеличивается число дней с туманом, что заметно утепляет местность и передвигает наступление осенних заморозков на более позднее время. Таких примеров можно привести много.

В то же время было бы неправильным объяснить, как это иногда делают, значительные колебания в характере погоды за последние годы влиянием вновь созданных водохранилищ, каналов и другими подобными обстоятельствами. Гидросооружения не могут изменить климат целой страны.

Сейчас для борьбы с наносящими немалый вред сельскому хозяйству заморозками устраивают дымовые завесы, жгут нефть, специальные шашки, утепляют воздух системой труб парового отопления. Все это дорогостоящие средства защиты.

В 1954 году советскими учеными проведены успешные опыты получения искусственного тумана распылением перегретой воды из аппарата под высоким давлением. Опыты, поставленные на виноградниках под Одессой, показали, что такой туман весьма устойчив. Низко стелясь над землей, туман прекрасно защищал растения от заморозков.

Со временем для борьбы с заморозками, возможно, будет применяться колоссальное количество дешевой тепловой энергии, образующейся в атомных котлах. Вполне осуществимой станет защита от зимних волн холода цитрусовых и других субтропических культур Кавказа, юга Средней Азии и Украины.

Для решения задач по управлению погодой ученые СССР и за рубежом провели многочисленные исследования строения облаков и процесса образования осадков. Созданы специальные камеры, в которых можно воспроизвести туман, облако, состоящее из ледяных кристаллов, добиться укрупнения водяных капель, проследить влияние электрических сил на образование осадков. Кроме того, метеорологи проводят на самолетах и аэростатах изучение облаков в свободной атмосфере. Люди научились ловить и фотографировать мельчайшие капельки воды, из которых состоят облака. Ведется большая теоретическая работа. После обстоятельного изучения всех сторон «небесной кухни погоды» ученые стали применять различные средства воздействия на лабораторию природы и притом не безуспешно.

В СССР в эту работу включились ученые Центральной аэрологической обсерватории, Главной геофизической обсерватории. Института прикладной геофизики и Института физической химии Академии наук СССР.

Один из методов управления погодой основан на том, что метеорологические процессы характеризуются борьбой противоречивых явлений. Это зачастую приводит к неустойчивому состоянию атмосферы, и сравнительно небольшое вмешательство в метеорологический процесс способно изменить его развитие. Ускорить или задержать выпадение дождя, задержать развитие града или грозы, рассеять облака — таковы цели подобного воздействия.

Опыты по управлению погодой идут в таких направлениях: воздействие на существующие облака, предотвращение грозы, ливня, града, создание искусственных облаков в целях получения заслона и, наконец, рассеивание облаков и туманов.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СУЩЕСТВУЮЩИЕ ОБЛАКА

Проблема получения искусственного дождя принципиально решена, но опыты пока ведутся в малых масштабах — на облаках, занимающих небольшие площади. Дело в том, что каждое облако лишь одно из звеньев в сложном процессе образования осадков. Оно не просто тратит накопленный запас воды, а является своего рода генератором влаги, преобразующим водяной пар в капли воды или кристаллы льда. Через каждое облако непрерывно проходит масса влаги, поэтому для воздействия на большие облачные массы необходимо огромное количество энергии.

Чтобы получить искусственный дождь необходимо добиться воспроизведения процесса, происходящего в природе. Напомним, что при слабом дожде все облако состоит только из мелких водяных капель. При сильном дожде туча несет в своей

нижней части обычные водяные капли, в средней части — капли переохлажденной воды и еще выше — ледяные кристаллы. В туче происходит непрерывный процесс слияния и укрупнения капель и, что важнее, соприкосновение переохлажденных капель с ледяными кристаллами, отчего капли мгновенно замерзают и появляются мелкие градины. Они укрупняются от смерзания и намораживания новых прослоек льда, тяжелеют, падают вниз, где тают и в виде крупного дождя выпадают на землю. В природе это происходит при наличии сильных восходящих потоков воздуха, которые выносят облачные массы в высокие слои атмосферы, где круглый год держатся сильные морозы.

Но можно охладить облако и создать массу ледяных ядер и искусственно. Для этого облака, несущиеся бесконечной вереницей над земной поверхностью и не дающие ни капли дождя, «засеиваются» с самолетов сухим льдом, имеющим очень низкую температуру. Сухой лед дробится особым способом на мельчайшие кристаллики. Тогда в одном килограмме сухого льда может находиться до 10 триллионов частичек твердой углекислоты. Облако засеивается сверху, частички вызывают обледенение его вершины, что и приводит к выпадению дождя. Если опыт производится зимой, то выпадает снег. Чем больше посеять охлаждающих веществ, тем интенсивнее дождь.

В качестве примера засеивания облаков твердой углекислотой приведем описание опыта, проведенного в Адлере в августе 1957 года.

На зеленом аэродроме стоял самолет ИЛ-12, превращенный в своеобразную летающую лабораторию. В небе клубились облака. Пора было вылетать. Командир корабля оторвал машину от бетонной дорожки и начал набирать высоту. Перед каждым участником опыта столик с приборной доской и необходимым оборудованием вплоть до микроскопа. К бортам прижались большие резервуары с манометрами, обвитые змеями-трубами. Сигнализация ведется через ларингофоны.

На высоте пяти километров самолет достиг облачных вершин. Температура минус 8 градусов. В открытые окна, из которых фотографируются облака, врываются клубы морозного пара. В наушниках звучит команда руководителя экспедиции: «Приготовиться всем!» В поле зрения мощная гряда кучевых облаков. Нижняя граница гряды окутала горы и сползла к морю до высоты 150 м. Венчали же гряды четыре высокие белоснежные шапки. Было решено уничтожить три вершины, а четвертую оставить для контроля.

Самолет устремился к облакам. Мгновение — и машина окунулась в густой молочный туман. На стекле колпака выступили капельки, превратившиеся затем в ледяные кристал-

лы. Прозвучала команда: «Начали воздействие!» Это продолжалось не больше минуты. Самолет трясло, как в лихорадке. Трижды входил он в верхушки и наконец вышел на голубой простор. Но что это происходит с облаком? Вот оно начало менять цвет. Из белого оно превратилось в грязно-серое, потом темная полоса дождя протянулась до самой земли. Пышные шапки на глазах расслаивались на отдельные рваные клочья, которые тут же таяли. Десять минут потребовалось, чтобы огромное облако перестало существовать. Только четвертая, контрольная, шапка ослепительно сверкала на солнце.

Такие опыты неоднократно повторялись, и всякий раз облака растворялись. Опыты показали, что воздействию хорошо поддаются переохлажденные, то есть кучевые, облака и облака холодного времени года. На теплые облака воздействовать гораздо труднее. Нередко при засеивании теплые облака просто таяли, не давая ни капли дождя. В других случаях, несмотря на интенсивное засеивание облаков, осадков выпадало мало. Все это говорит о сложности процесса управления погодой.

Вместо твердой углекислоты в ряде опытов применялось также йодистое серебро, кристаллы которого имеют решетку, сходную с кристаллической решеткой льда. Оказалось, что на йодистом серебре при определенной температуре быстро вырастают настоящие ледяные кристаллы и легко формируются снежинки.

РАССЕИВАНИЕ ОБЛАКОВ

Совершенно реальные результаты дали опыты по рассеиванию сплошных низких облаков над аэродромами. Рассеять облака — это большая и важная задача. Сколько стоит государству один нелетный день на большом аэродроме? Десятки самолетов стоят на приколе. Сотни пассажиров «ждут погоды». А облака сплошной пеленой закрывают аэродром — они как снежные заносы на железной дороге.

Для рассеивания тумана или облачности несколько самолетов пробивают низкие облака, заходят с наветренной стороны и посыпают их химическими реагентами. Через несколько минут на аэродроме начинается внезапный снегопад или морозящий дождь (если тепло), облака тают, появляется обширный участок неба, который держится все время, пока работают самолеты-опылители. Аэродром открыт.

Самый яркий эксперимент по снятию облачности был проведен недавно — во время празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Москве.

На рассвете все небо над столицей было затянуто облаками. Один за другим взлетали к небу самолеты. И вот с юго-запада, со стороны Внукова, открылось небо в радиусе 30 —

40 километров. Светлая полоса поднималась, ширилась, и перед самым парадом первый луч солнца упал на Спасскую башню Кремля. Ни одно облако не прорвалось к праздничной Москве.

Успешные опыты по рассеиванию облаков и туманов неоднократно проводились и на других аэродромах Советского Союза.

Все рассказанное подтверждает, что атмосфера поддается искусственному воздействию, но необходимо осуществить еще много, лабораторных опытов и исследований в свободной атмосфере, чтобы в конце концов прийти к практически ценным результатам.

„ФАБРИКА“ КЛИМАТА И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Большое значение имеют работы станции искусственного климата Института физиологии растений Академии наук СССР в Москве. Это своеобразная «фабрика» климата, оснащенная сложной аппаратурой, позволяющей создавать семидесятиградусный мороз и жару в несколько десятков градусов. На станции искусственного климата можно получить суховеи Заволжья и погоду предгорий Кавказа, зимой создать многочасовой июльский день.

Искусственный климат необходим для того, чтобы познавать закономерности жизни растений в различных температурных условиях, ставить эксперименты по зимостойкости и засухоустойчивости, наблюдать за влиянием на растения повышенной влажности воздуха или, наоборот, суховеев. Из машинного зала станции воздух поступает в лаборатории и камеры. Но прежде он проходит большой путь. Сначала компрессоры фильтруют воздух, освобождают его от пыли и посторонних примесей. Затем в особых отделениях воздуху придают необходимые свойства: он увлажняется либо сушится, нагревается или охлаждается. Все оборудование станции автоматизировано. Научные сотрудники станции только задают программу — точные приборы сами следят за ее выполнением. В лабораториях применяется яркое искусственное солнце.

Интересную идею изменения ледового режима Арктики путем таяния плавучих льдов выдвинул советский ученый Авсюк в 1958 году на Международной конференции по изучению морских льдов. Наблюдения дрейфующих станций «Северный полюс» показали, что тепловой баланс Арктики положительный. Значит, льды в Арктике существуют как бы по инерции, вследствие того, что они образовались давно и имеют большую отражательную способность солнечных лучей. Если льды уничтожить, то в современных условиях они не возникнут вновь. Уничтожение льда на некоторых трассах

Северного морского пути технически осуществимо путем уменьшения отражательной способности льдов при засыпке их темными веществами. Это может привести к продлению сроков навигации на этом пути.

Все это пока лишь постановка вопроса. Однако важно, что человечество уже сейчас примеряет те средства, с помощью которых оно скоро возьмется за переделку климата в нужном направлении.

Успехи ракетостроения в СССР позволили заменить самолеты ракетами при воздействиях на облака сухим льдом. Успешные опыты по рассеиванию грозных туч проведены летом 1960 года в Грузии. Значительные массивы туч с градом были уничтожены при помощи твердой углекислоты.

Значительными по площади и по конечному результату были воздействия на облака в полосе полного солнечного затмения 15 февраля 1961 года в некоторых пунктах юга Европейской части СССР, что позволило астрономам полностью задачу фотографирования солнечной короны (особенно успешно прошел опыт в районе Крымской астрофизической обсерватории).

Наступление на грозные силы стихии ведется с разных фронтов, но решающее слово в этой области будет, по-видимому, принадлежать термоядерной энергии.

Н. Колобков

ГИГАНТСКИЕ ВОЛНЫ В БУХТЕ ЛИТУЯ

ВОЗМОЖЕН ЛИ в естественных условиях внезапный подъем воды океана или морей на полкилометра вверх? До недавнего времени это казалось совершенно невероятным. Однако события, разыгравшиеся в 1958 году у тихоокеанского побережья Аляски, показали, что мы еще плохо представляем, насколько многообразны и уникальны могут быть проявления катастрофических землетрясений. Землетрясение, о котором идет речь, началось, как установлено по записям сейсмических станций, 10 июля в 6 часов 16 минут по гринвичскому времени, или 9 июля в 22 часа по местному времени, в пункте с координатами $58^{\circ} 20'$ с. ш., $136^{\circ} 55'$ з. д., то есть на северном берегу пролива Кросс-Саунд, вблизи бухты Пальма (рис. 1).

Согласно выводам специальной экспедиции американских ученых, обследовавшей эпицентральною область, землетрясение

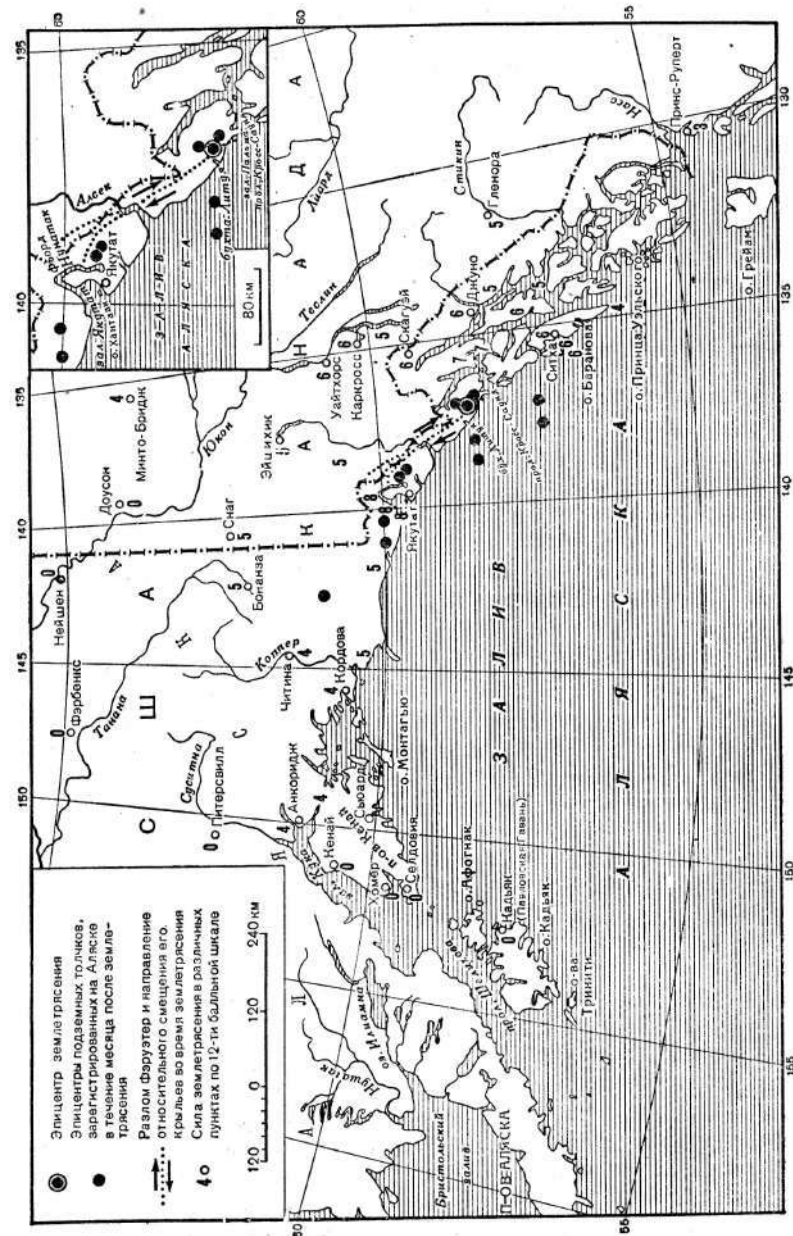

Рис. 1

явилось следствием перемещения одного крупного блока земной коры относительно другого.

Смещение произошло вдоль тектонического разлома Фэруэтер, протянувшегося по крайней мере на расстояние 200 километров, от залива Пальма до фьорда Нунатак. «Вспарывание» тектонического шва происходило, по-видимому, в направлении с юго-востока на северо-запад.

К северо-востоку от разлома Фэруэтер расположен одноименный горный хребет, в верхней части сложенный молодыми, четвертичными, породами. Между разломом и побережьем Тихого океана заключена полоса сравнительно невысоких предгорий, образованных преимущественно третичными, то есть менее молодыми породами. Сам разлом проходит по менее молодым, мезозойским, отложениям, однако они выходят на поверхность лишь в немногих местах, так как в рельефе это нарушение представляет собой серию каньонов и долин, в которые с окрестных гор спускаются мощные ледники, покрывающие разлом более чем на три четверти его длины.

Изучая с самолета, вертолета и на суше свежие разрывы земной поверхности в доступных для наблюдений местах, исследователи установили, что в результате землетрясения вся полоса предгорий сместилась на северо-запад относительно хребта Фэруэтер примерно на 3—6 метров и несколько (до 1 метра) приподнялась.

Поскольку смещение произошло почти мгновенно, в эпицентральной области, на отвесных стенах горных хребтов и на крутых морских берегах возникли многочисленные обвалы и оползни, в том числе немало очень крупных. Так, на островке Хантаак, расположенном против поселка Якутат, обвалилась часть прибрежной полосы длиной в 300 метров, похоронив под собой трех человек; в заливе Якутат этот обвал породил волны высотой до 6 метров. На реке Алсек, в том месте, где она идет по разлому Фэруэтер, от обрушения ледников возникла ледяная плотина. Уровень воды в нижнем течении реки упал примерно на метр; через несколько часов вода прорвала плотину и затопила берега.

Однако самый грандиозный обвал был вызван землетрясением в бухте Литуя (рис. 2). Здесь-то и наблюдался подъем воды на фантастическую высоту. Бухта представляет собой ложе древнего ледника и имеет Т-образную форму. Глубина ее достигает 200 метров, длина внешней части, проходящей в зоне предгорий, равна 1 километру, ширина — до 3 километров. От океана бухта отделяется намывной косой; глубина у выхода в океан всего 10 метров.

Внутренняя часть бухты является частью каньона Фэруэтер и своими отвесными берегами, вздымающимися на высоту от 650 до 1800 метров, напоминает фьорд. Она делится на два

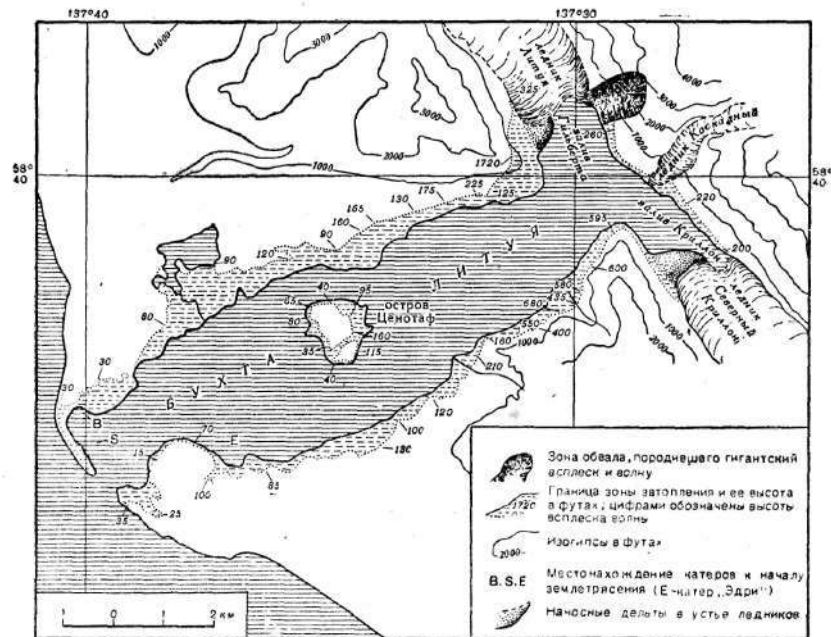

Рис. 2

небольших залива: Гильберт и Криллон, в каждый из которых спускаются мощные ледники из каньона.

Обвал произошел на северо-восточном берегу залива Гильберт. Здесь с высоты 900 метров в воду обрушилось около 30 миллионов кубических метров породы. Выброшенная этим «снарядом» из залива вода устремилась вверх по крутому склону противоположного берега, уничтожая все на своем пути. Гигантский всплеск достиг высоты 520 метров. Скорость движения воды была настолько велика, что и с поваленных, и с устоявших на корню деревьев были содраны кора и сучья.

От места обвала через всю бухту в океан прошла волна средней высотой около 20—30 метров и с отдельными заплесками до 60 метров. Она также «сбрила» всю растительность на берегах. Долгое время спустя бухта была плотно забита плавником и глыбами льда.

В момент землетрясения в бухте Литуя находились три небольших рыболовецких катера. Один из них, с владельцем катера и его семилетним сыном на борту (Е, рис. 2), стоял на якоре у южного берега бухты, недалеко от выхода в океан. Рыбак проснулся внезапно в 10 часов вечера оттого, что катер сильно раскачивало волной. Выскочив на палубу, он понял,

что началось землетрясение. Как он потом рассказывал, через две с половиной минуты после первых толчков в заливе Гильберт раздался оглушительный взрыв и вскоре там появилось нечто вроде гигантского водяного облака. Из этого облака вынеслась огромная волна, через две-три минуты достигшая катера. В момент подхода к катеру волна имела высоту около 20 метров и ее фронт был очень крутым; перед фронтом ее какого-либо возмущения уровня воды не наблюдалось, за исключением вибраций, вызванных землетрясением. Якорная цепь катера лопнула, и он, подхваченный волной, устремился на сушу, но затем обратным течением был отброшен к центру бухты. Гребень волны был сравнительно узким (7—15 метров), а задний фронт пологим. Другие два катера перебросило волной через входную косу. Экипаж одного из них спасся на лодке; другой катер погиб вместе с находившимися на нем двумя рыбаками.

После прохождения гигантской волны в бухте наблюдались беспорядочные, метавшиеся от одного берега к другому волны высотой до 6 метров. Через полчаса все успокоилось.

События 1958 года заставили более внимательно изучить историю бухты Литуя. Оказалось, что разрушительные волны, подобные описанному, возникали в ней неоднократно, а именно в 1936 году, с высотой всплеска до 150 метров, в 1899 году — до 60 метров, в 1874 году — до 2,5 метров и в 1853 или 1854 году — до 20 метров. Причины возникновения этих волн не установлены; известно, во всяком случае, что к последней из них — волне 1936 года — никакое землетрясение не причастно. Таким образом, эта пустынная бухта хранит еще не одну неразгаданную тайну природы.

С. Соловьев

ОБ АТМОСФЕРЕ МАРСА

СУЩЕСТВОВАНИЕ на любом космическом теле высокоорганизованной жизни, сходной (но не обязательно идентичной!) с земной и немислимой без участия в ее создании белковых и прочих органических веществ, зависит от подходящей атмосферы, влажности, температурных условий и средств питания. По этому поводу современные научные данные говорят следующее.

Температурные условия южного полушария Марса, особенно вблизи его экваториальных областей, могут обеспечить существование органической жизни. В летние

дни экваториальные зоны днем имеют температуру поверхности, поднимающуюся до плюс 20—30 градусов, а умеренные — до плюс 10—20 градусов. Зимой температура тропиков падает до плюс 10 градусов, а умеренных широт до нуля и минус 10 градусов. Днем во время летнего солнцестояния интенсивность солнечного облучения примерно такая же, как и на Земле. Зато ночи на Марсе очень холодные, и температура понижается даже летом до минус 20 градусов. При этом температура темных областей Марса («морей») выше, чем светлых, на 8—10 градусов. На полюсах Марса всегда очень холодно, как в Антарктиде.

Вода и водяной пар прямыми астроспектроскопическими наблюдениями на Марсе пока еще не обнаружены. Но о том, что вода, вероятно, все-таки есть, свидетельствуют полярные шапки и их сезонные изменения, а также облачные образования белого цвета (белые облака), не могущие быть пылевыми облаками. Интересно сообщение Пикеринга, еще в 1894 году наблюдавшего в некоторых местах поверхности Марса поляризацию. Это позволяет предполагать возможность на планете пространств, покрытых жидкостью (водой).

Сейчас можно почти не сомневаться, что на Марсе имеется растительность. Астроном Г. А. Тихов, создатель астроботаники, приводил немало соображений по этому поводу. А не так давно Синтон обнаружил в спектре отражения темных областей Марса полосы поглощения с длиной волны около 3,5 микрона, отвечающей колебаниям молекул органических веществ, имеющих С—Н группу. Это поглощение сходно с наблюдаемым у земных мхов и лишайников. Что же касается условий питания растений, то есть бесспорные данные о присутствии в атмосфере Марса углекислого газа в количествах больших, чем на Земле. Таким образом, не исключается возможность существования на Марсе растительности, питание которой происходит за счет фотосинтеза (высшие растения). Однако этот процесс необязательно должен происходить с помощью хлорофилла, так как на расстоянии, отделяющем Марс от Солнца, для этого требуется поглощение более длинноволновых лучей. Советский астроном Н. А. Козырев предполагает, что растительность Марса черного цвета. По-видимому, это мнение подтверждается темной окраской «морей» Марса.

Присутствие кислорода в атмосфере Марса с достоверностью обнаружить не удалось. Но иногда в спектре его полосы удавалось наблюдать. Еще в 1908 году, при исключительно благоприятных условиях, Слайфер обнаружил кислород, а в 1926 году Адаме и Джон нашли, что его там до 7 процентов, то есть в три раза меньше, чем на Земле. Но в последующем тем же авторам эти наблюдения воспроизвести не удалось,

Сейчас на основе довольно гадательных расчетов предполагается, что кислорода в атмосфере Марса меньше 0,1 процента. А присутствие азота и инертных газов не может быть обнаружено методами современной астроспектроскопии.

Все соображения относительно содержания инертных газов чисто умозрительны и, видимо, очень далеки от действительности. Зато много данных непосредственного наблюдения говорит о том, что в атмосфере Марса должны быть вещества, необычные для Земли или обычные, но находящиеся в необычных состояниях. Об этом можно судить на основании того, что на Марсе, во-первых, низка отражательная способность полярных шапок; и, во-вторых, существует загадочный «фиолетовый слой» на расстоянии 10—15 километров от поверхности планеты. Этот слой интенсивно поглощает фиолетовые и ультрафиолетовые лучи. О природе его имеются лишь догадки.

Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод, что на Марсе есть для поддержания жизни такие условия, как температура, влажность и средства питания. Что касается атмосферы, то имеющиеся данные на первый взгляд кажутся мало утешительными. Ниже мы постараемся показать, при каких допущениях можно представить себе, что атмосфера Марса, весьма существенно отличаясь от земной, может обеспечить жизнь даже разумным марсианам.

Хотя на Марсе отсутствуют горы высотой более двух километров, есть предположения, что там существуют крупные понижения глубиной до 10 и даже 20 километров. К таким местам мы относим «моря» Марса, которые представляются нам глубокими низинами между очень полого спускающимися плоскогорьями. Но определить фактическую глубину «морей» Марса чрезвычайно затруднительно. Дело в том, что диаметр планеты, получаемый на фотографиях при помощи самых мощных телескопов, не превышает пяти миллиметров. Поэтому при диаметре Марса в 6780 километров впадина, даже в 20 километров глубиной, будет иметь на снимке величину, лежащую за пределами разрешающей способности фотоматериала.

Размеры Марса и его небольшая масса обуславливают и меньшую силу тяжести, составляющую около 40 процентов земной. Это должно сильно сказываться на условиях жизни на планете по сравнению с Землей. Совершенно своеобразно должны протекать там физические, химические, а также и биологические процессы. Меньшая сила тяжести должна накладывать свой отпечаток на все, что происходило и происходит на этой планете, и не дает права переносить земные условия и представления на Марс, даже в качестве первого приближения. Очень часто мы недопонимаем этого и недостаточно ясно представляем огромное значение такого фактора.

Для жизни высокоорганизованных существ совершенно необходимо присутствие кислорода прежде всего потому, что процессы окисления — это основные источники энергии для живого организма. Но так как условия жизни на Марсе во все эпохи его существования сильно отличались от земных из-за меньшей силы тяжести, то, следовательно, живому существу при прочих равных с Землей условиях придется на Марсе затратить около 40 процентов той энергии, которую оно тратит на Земле для совершения работ, связанных с преодолением силы тяжести — то есть фактически всего того тепла, которое не связано с поддержанием температуры тела.

Есть основания предполагать, что человек Земли — уроженец ее тропических областей. Разумный марсианин тоже должен быть уроженцем наиболее теплых областей южного полушария Марса. Но средняя температура этих областей около 10—15 градусов вместо 20—25 градусов тропических областей Земли. Если у человека температура тела приблизительно на 10 градусов выше средней температуры тропических областей Земли, то при переносе подобной аналогии на марсианина температура его тела должна быть около 25 градусов. При такой температуре даже у земного человека большинство биологических процессов еще протекает некоторое время более или менее нормально.

Организм же марсианина в процессе эволюции жизни на Марсе вполне мог приспособиться к нормальному существованию при такой температуре тела. Конечно, тогда многие жизненные процессы, с нашей, земной, точки зрения, будут протекать иначе, чем на Земле, но это компенсируется значительно меньшей силой тяжести. Может быть также, что механизм тепловой регуляции марсианина допускает существенное отличие температуры для разных органов его тела. Но если небольшая сила тяжести не вполне компенсирует замедление процессов, происходящих из-за меньшей температуры тела, то эволюция живых существ на Марсе должна была протекать более медленными темпами, чем на Земле.

Учитывая все это, можно предположить, что для марсианина, вероятно, будет достаточно для поддержания нормальной жизни 40 процентов от содержания кислорода в атмосфере Земли, то есть 8 процентов кислорода во всей атмосфере. Невольно вспоминаются данные Адамса и Джонса, которые нашли близкую величину для содержания кислорода в атмосфере Марса — около 7 процентов. Почему эти данные не были вторично подтверждены, мы подробнее скажем ниже.

Источником кислорода в атмосфере Марса вне всякого сомнения следует считать процессы фотосинтеза у растений.

Сплошь покрытые растительностью «моря» Марса, по-видимому, и служат «фабриками кислорода», пополняющими естественную убыль его. Можно предположить, что эта растительность однодневная, ибо только такие растения с однодневным циклом существования были бы наиболее приспособлены к резким сменам температур дня и ночи, амплитуда которых может достигать 60—90 градусов. Особенность таких растений в отличие от земных в том, что, будучи генераторами кислорода, они не расходуют его ночью, так как биологические процессы при низких ночных температурах резко замедлены. Но, конечно, не исключена возможность существования растительности с более длительным циклом развития, однако тоже замирающей на ночь, подобно зимующим растениям Земли.

Но почему же кислород до сих пор еще не обнаружен в атмосфере Марса? Не считая несовершенства современных астроспектроскопических методов его обнаружения, это может быть вызвано следующими причинами: во-первых, поскольку источники кислорода на Марсе растения-однодневки, то его содержание в атмосфере должно быть переменным, повышаясь к концу дня (максимум температуры на Марсе приходится на 14 часов) и резко снижаясь к концу ночи и в начале дня; во-вторых, кислород должен быть сосредоточен в самых нижних слоях атмосферы Марса, главным образом над низинами. Вот эти условия и резко ухудшают возможности обнаружения кислорода.

ИНЕРТНЫЕ ГАЗЫ КАК ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ АТМОСФЕРЫ МАРСА

Обладая меньшей силой тяжести, Марс, естественно, должен иметь атмосферу, сильно обогащенную тяжелыми газами. Скорость убегания для газов на Марсе составляет немного менее половины земной, что, однако, еще достаточно для удержания азота и кислорода. Следует только отметить, что убеганию кислорода будут содействовать процессы ионизации верхних слоев атмосферы Марса. Следовательно, доминирующую роль должны играть тяжелые газы. Прежде всего приходит мысль об углекислом газе. Хотя содержание его в атмосфере Марса гораздо больше, чем на Земле, оно не превышает одного процента или около того. Американский астроном Браун высказывал идею, что главный компонент марсианской атмосферы — аргон. Нам кажется, что, по многим причинам, таким главным компонентом следует признать криптоно-ксеноновую смесь с преобладанием первого. Французский же астроном Вокулер предполагает, что аргон на Марсе такого же происхождения, что и на Земле, и содержится его столько

же, то есть около 1,2 процента, а 98,5 процента атмосферы Марса состоят из азота. Однако все эти рассуждения гипотетичны и основаны не на непосредственном определении содержания азота (которое пока еще невозможно), а на -полном переносе на Марс земных условий.

В то же время инертные газы распространены в космосе довольно широко. По этому поводу Браун пишет: «Было бы удивительным с точки зрения физики ядра, если бы редкие газы встречались гораздо реже, чем другие элементы, стоящие с ними рядом в периодической системе». Почему, например, аргон должен быть распространен в космосе меньше, чем кальций, натрий, хлор, алюминий, никель? Что же касается криптона и ксенона, то их содержание в космосе было высчитано Брауном из предпосылки, будто распространенность их примерно такова же, что и на Земле. Это предположение кажется нам недостаточно обоснованным хотя бы потому, что инертные газы имеют наиболее устойчивые конфигурации электронных оболочек, к типу которых стремятся другие элементы путем отрыва или присоединения внешних электронов. Уже только это соображение дает возможность предположить значительное распространение инертных газов в космосе.

Мы не знаем источника происхождения космических инертных газов, исключая гелий и отчасти неон. Произошли ли наиболее тяжелые инертные газы в результате радиоактивного распада или же, наоборот, ядерного синтеза, пока не установлено. Известные нам процессы радиоактивного распада, по-видимому, не могут обеспечить всего количества тяжелых инертных газов, имеющихся в космосе. Каким же может быть источник, создавший аргоно-криптоно-ксеноновую атмосферу на Марсе? Возможны две предпосылки: либо эти газы присутствовали в атмосфере Марса с самого начала, либо они образовались на самой планете впоследствии.

Но мы знаем очень мало процессов, приводящих в конечном итоге к образованию стойких изотопов криптона и ксенона. С другой стороны, имеются некоторые соображения в пользу первичного происхождения такой атмосферы из тяжелых инертных газов. Так, по взглядам некоторых космогонистов, Марс и Луна имеют несколько иное происхождение, чем Земля, Венера и Меркурий. Советский космогонист профессор Б. Ю. Левин отмечает огромный дефицит на Земле тяжелых инертных газов по сравнению с их космическим изобилием. Он также отмечает исключительность положения Марса, который мог недополучить часть твердых веществ из-за соседства с массивным Юпитером. Но, может быть, в силу этого обстоятельства Марс смог удержать тяжелые инертные газы, чего не смогла сделать Земля?

**НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА
ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ КРИПТОНО-КСЕНОНОВОЙ
АТМОСФЕРЫ МАРСА**

Предположим, что атмосфера Марса состоит в основном из смеси криптона с ксеноном (с преобладанием первого) и примесью относительно небольших количеств аргона, азота, кислорода и углекислого газа. Такая атмосфера обладала бы удивительными особенностями, полное представление о которых сможет дать лишь труд многих специалистов. Все же попробуем представить себе наиболее любопытные свойства такой атмосферы и попытаемся усмотреть, нет ли в них причин некоторых уже известных из наблюдений загадочных особенностей атмосферы красной планеты.

Прежде всего — вопрос плотности. Такая атмосфера в земных условиях была бы, по крайней мере, вдвое-втрое плотнее нашей земной. Но учитывая силу тяжести на Марсе, плотность такой атмосферы в условиях Марса, вероятно, не очень отличалась бы от имеющейся на Земле. Поэтому режим дыхания марсианина был бы близок к режиму землянина.

Высота так называемой однородной атмосферы Земли (то есть атмосферы, сжатой до равномерной плотности, соответствующей плотности у поверхности Земли) около восьми километров. Для нашей гипотетической тяжелой атмосферы эта высота в условиях Земли была бы менее четырех километров, но меньшая сила тяжести на Марсе подняла бы ее там на высоту, почти не уступающую земной. Вот почему белые облака на Марсе встречаются на высоте 10—30 километров, примерно так же, как и на Земле. Интересно, что такие облака в основном связаны с «морями» Марса и областями вблизи них.

Следовательно, распространенность атмосферы Марса, во всяком случае нижних слоев ее (тропосферы), приблизительно такая же, что и для Земли*. Существование белых облаков на высотах в среднем около 20 километров очень трудно вяжется с принятым мнением, что атмосфера Марса крайне разрежена и у поверхности планеты соответствует плотности земной атмосферы приблизительно на высоте 20 километров. Если это так, то существование белых облаков на Марсе при такой разреженности и пониженной силе тяжести на двадцатикилометровой высоте представляется странным.

К нашему мнению о том, что атмосфера Марса в ее нижних областях должна иметь значительную плотность, приводят и некоторые другие факты, в первую очередь сильное распространение пылевых бурь в ней и долгое оседание пыли.

* К заключению, что плотность атмосферы Марса близка к земной, недавно пришел также советский астроном Н. А. Козырев («Известия», 1962, 12 апреля).

С пылевыми бурями связаны так называемые желтые облака, располагающиеся чаще всего на высоте 3—5 километров. При разреженной атмосфере длительное оседание пыли после пылевых бурь было бы весьма странным явлением, особенно если учесть, что желтые облака могут оставаться над одной и той же довольно ограниченной областью планеты в течение нескольких недель! Такое медленное оседание пыли при разреженной атмосфере, даже с учетом меньшей силы тяжести, плохо объяснимо. Но если в атмосфере Марса преобладают тяжелые газы, то все становится понятным. Атмосферные потоки » течения, с одной стороны, будут возникать несколько труднее, но, с другой стороны, придя в движение, они будут обладать гораздо большей энергией и смогут захватить более крупные частицы и в значительных количествах. В такой плотной атмосфере оседание частиц пыли в наиболее близких к поверхности слоях будет медленным.

Зависимость убывания плотности нашей гипотетической атмосферы с высотой будет весьма существенно отличаться от земной своей крутизной. Косвенным доказательством этого служит тот факт, что толща атмосферы Марса, определенная оптическими способами, составляет около одной трети земной, в то время как высота тропосферы Марса существенно не отличается от земной тропосферы. При этом наблюдается так называемый эффект Райта: различие диаметров планеты, сфотографированной в разных лучах. Этот эффект не может быть объяснен при существовании очень разреженной атмосферы. Надо учесть, что разница в плотностях главных составных частей земной атмосферы (азота и кислорода) сравнительно невелика: плотность азота относится к плотности кислорода, как 0,97 к 1,10. Поэтому, как показали исследования последних лет, земная атмосфера однородна и не обладает стратификацией почти до самых больших высот.

Иначе обстоит дело с нашей гипотетической атмосферой, плотности важнейших компонентов которой (кислород, аргон, криптон, ксенон) относятся соответственно, как 1,10 к 1,38; 1,10 к 2,86; 1,10 к 4,49 (по отношению к воздуху). При больших разностях в плотностях компонентов, в силу естественной диффузии, более мощной, чем на Земле (меньшая сила тяжести!), самые плотные газы скопятся во впадинах поверхности Марса, в его «морях», а верхние части марсианской атмосферы будут обогащаться более легкими газами. Однако близость потенциалов ионизации криптона и ксенона к потенциалу ионизации кислорода (у ксенона он даже меньше) будет затруднять процессы ионизации кислорода, те процессы, которые способствуют убеганию его из атмосферы Марса. Вот почему в условиях криптоно-ксеноновой атмосферы кислород будет оставаться в нижних ее слоях.

Мы предположили, что глубина впадин Марса может достигать 20 километров. На дне их, даже при глубине всего лишь в несколько километров, можно ожидать атмосферу с плотностью, близкой к плотности земной в горных областях Земли, где некогда с успехом процветали некоторые цивилизации (например, цивилизация инков на высоких плоскогорьях южноамериканских Анд). Толщину наиболее плотного слоя атмосферы Марса трудно предугадать, но, исходя из данных о высоте желтых пылевых облаков, располагающихся в 3—5 километрах от поверхности, она, скорее всего, не более 1—3 километров.

Следующая сторона вопроса — термические свойства тяжелых инертных газов. В этом отношении свойства криптоно-ксеноновой смеси поистине удивительны. Так как эти газы обладают низкими теплопроводностью и теплоемкостью (теплопроводность криптона составляет всего лишь 32 процента, а ксенона даже 21 процент от теплопроводности воздуха, а теплоемкости соответственно в 4 и 6 раз меньше!), то тело, нагреваемое в такой атмосфере, приобретает более высокую температуру, чем при нагревании в воздухе или даже в аргоне. На этом свойстве основано применение криптоно-ксеноновой смеси для наполнения ламп накаливания. Иногда неправильно понимают назначение этой смеси, считая, что эффект заключается только в повышении срока службы электроламп. Но В. Г. Фастовский четко указывает, что свойства криптона и ксенона позволяют при одной и той же затрате энергии повысить температуру накала нити за счет уменьшения тепловых потерь, обусловленных высокой теплопроводностью у других наполнителей электроламп (азота и даже аргона).

Такая особенность допускает, кроме того, выпуск электроламп в колбах значительно меньшего объема. Из этих свойств криптона и ксенона, если они преобладают в атмосфере Марса, следует, что можно ожидать ненормально высоких температур на его поверхности. Существующие температурные условия на Марсе действительно очень странны и трудно объяснимы без принятия нашей гипотезы. Если средняя вычисленная температура Земли плюс 4 градуса, а фактическая плюс 14 градусов, то для Марса средняя температура лежит между минус 30 и минус 50 градусами, но для самых теплых областей («морей») она повышается вплоть до плюс 20—30 градусов. Более того, иногда в некоторых местах наблюдались температуры плюс 47 и даже плюс 70 градусов, как на поверхности жарких пустынь Земли! Распределение температур на поверхности Марса тоже любопытно, ибо южное полушарие, богатое «морями», в то же время и более теплое. При этом разность температур по отношению к светлым областям достигает десятков градусов.

Надо учесть и такой факт, что значительное содержание углекислого газа в атмосфере Марса должно способствовать повышению температуры его поверхности и атмосферы. Происходит это потому, что углекислый газ задерживает тепловое излучение и этим самым уменьшает потери тепла. Так, Ландон указывает, что увеличение количества углекислого газа в атмосфере Земли вдвое повысило бы среднюю температуру на нашей планете на 3,6 градуса Цельсия. Как известно, содержание этого газа в земной атмосфере составляет всего лишь 0,03%. По данным же Гранжана и Гуди, в атмосфере Марса углекислого газа содержится в 13 раз больше. Такое повышенное содержание углекислого газа с избытком компенсирует прозрачность инертных газов к тепловым излучениям планеты, которые ими не задерживаются.

Атмосфера из тяжелых инертных газов приводит также к выводу, что и зависимость падения температуры по высоте в атмосфере Марса будет очень крутой. Этим и объясняются сравнительно высокие температуры у самой поверхности планеты и более низкие температуры в верхних слоях, ниже, чем для земной атмосферы. И общая температура будет также ниже земной. В этом отношении Марс несколько напоминает криптоновую электролампу накаливания с ее очень малым объемом колбы, очень высокой температурой нити накала и сравнительно небольшой температурой стекла колбы. В согласии с этой гипотезой находится также и тот факт, что на Марсе не обнаруживается непрерывное понижение температуры в течение ночи, как это предполагается в теории.

Термические особенности тяжелых инертных газов способствуют тому, что любые взрывы в такой атмосфере будут обладать очень большой яркостью. И любопытно, на Марсе неоднократно наблюдались яркие загадочные вспышки, не находящие объяснения. Если предположить там криптоно-ксеноновую атмосферу, то эта загадка получает простое объяснение: вспышки эти не что иное, как быстро сгоревшие метеориты, для которых даже тонкая криптоно-ксеноновая атмосфера — непробиваемая броня. Эта особенность приводит также к заключению, что самоторможение межпланетных ракетных кораблей в нижних слоях атмосферы Марса должно быть значительным и очень опасным.

В заключение хочется сказать еще несколько слов об одной особенности этих газов. Она заключается в том, что криптон и ксенон обладают высокой растворимостью в воде и способностью давать с ней при низких температурах, несмотря на свою химическую инертность, малостойкие твердые соединения — криогидраты. Эта особенность повышается с увеличением атомного веса и резче всего выступает у ксенона. Поэтому наиболее устойчивы криогидраты криптона и ксенона. При очень

низких температурах на полюсах Марса (до минус 100 градусов) можно ожидать образования не только чистого льда, но и криогидратов, свойства которых очень мало изучены. Возможно, что их существование стоит в связи с некоторыми плохо объясняемыми особенностями полярных шапок Марса и его белых облаков.

НЕМНОГО ЧИСТОЙ ФАНТАСТИКИ

Если на Марсе действительно существуют или ранее существовали разумные существа, создавшие высокую цивилизацию и построившие, как предполагает советский ученый профессор И. С. Шкловский, искусственные спутники Марса — Фобос и Деймос, то для них единственным выходом поддержать свою жизнь в современных тяжелых климатических условиях Марса было бы создание искусственной атмосферы из тяжелых инертных газов. Такая атмосфера была бы неплохой броней против межпланетного холода, наступающего на планету, и против метеоритной бомбардировки, столь возможной из-за опасного соседства кольца астероидов. Она также мешала бы убеганию кислорода, существование которого в нижних слоях атмосферы Марса поддерживалось бы фотосинтезом специально выведенных для этого растений-однодневок, усиленно выделяющих кислород. Питание же этих растений влагой и углекислым газом, может быть, происходило через сеть естественных и искусственных трещин — каналов, по которым подаются влага от полюсов и углекислый газ из недр планеты.

Цивилизация, создавшая такие огромные искусственные спутники, по нашему мнению, способна была бы также создать и поддерживать искусственную криптоно-ксеноновую атмосферу. Каким способом могли быть получены эти газы, трудно предугадать. Быть может, они были получены за счет направленного распада рубидия и цезия, извлекавшихся специально выведенными для этого растениями или бактериями (для земных растений известны факты накопления рубидия). Или же применялись какие-то методы ядерного синтеза, процесса, еще нам недоступного в полном его объеме,— все это пока лишь фантастическая гипотеза, на основе которой можно написать научно-фантастический роман или повесть. Будем надеяться, что наши писатели-фантасты не обойдут своим вниманием и такую тему.

Н. Жиров

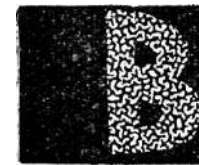

НЫНЕШНЕЕ время для африканских народов — пора завоевания долгожданной свободы и независимости. Иго колониализма в итоге мощного национально-освободительного движения африканцев свергнуто во многих бывших бесправных колониях.

Освобожденные народы Африки создают новую жизнь. Вместе со всем старым они отбрасывают прочь и географические названия — Золотой Берег, Невольничий Берег, Проклятые Лагуны... — напоминающие им о долгих столетиях колониального рабства, разбоя и беззакония.

Но есть и такие географические наименования, данные европейцами-первооткрывателями, которые сохраняются и сегодня в молодых независимых государствах Африки. О возникновении этих названий и пойдет ниже речь.

РЕКА КРАБОВ

УЗКОЕ створчатое окно косо падали солнечные лучи, освещая стоящий в углу комнаты стол и склонившегося над ним человека. Купец-работорговец Фернан Гомиш внимательно просматривал свои торговые книги, время от времени делая на полях пометки.

Пора было уже подводить итоги, так как пятилетний срок монопольной торговли с Сенегамбией, милостиво предоставленный ему португальским королем Афонсу V, истекал.

Судя по довольной улыбке, то и дело появлявшейся на лице Гомиша, результаты его подсчетов были более чем утешительны. И это несмотря на то, что король ограничил его возможности, повелев всю собираемую в Гвинее слоновую кость продавать ему по твердой цене. Мало того, посылаемые Фернаном Гомишем корабли должны были в течение оговоренного пятилетнего срока обследовать побережье Гвинейского залива, каждый год приблизительно на протяжении пятисот километров.

Гомиш листал страницу за страницей, и за скупыми цифрами вставляли события и факты, свидетельствующие о его предприимчивости и кипучей деятельности. Каждый год, начиная с 1469, когда ему была предоставлена монополия, отмечался новыми открытиями, ознаменовывался умножением его богатств. Берег Слоновой Кости, вслед за ним Золотой Берег и еще далее на восток Невольничий Берег.

Каждое из этих названий говорило само за себя и служило как бы вехами торговой деятельности португальского купца. Слоновая кость давала немалый доход, но приобретаемое в стране ашанти золото в виде золотого песка было куда более соблазнительным. Не менее, а, пожалуй, даже более прибыльным делом была торговля рабами, черными невольниками, взамен которых в сундуки Гомиша лилось рекой золото. Не случайно берег Гвинейского залива между реками Вольта и Нигер получил название Невольничьего. Обилие укромных бухт, близость густо населенных областей тропической Африки — все это облегчило задачу работоторговцев, Сюда прибывали их корабли и, нагруженные живым товаром, возвращались в Португалию. Эти места, свидетели деяний, позорящих человеческое достоинство, получили и другое наименование, еще более выразительное, — Проклятые Лагуны.

Но мысль об этом отнюдь не тревожила совесть богатого лиссабонского купца, и если на мгновение на его лице появлялось выражение тревоги, то оно было вызвано совершенно другой причиной. «Что с Сикейрой? Почему он до сих пор не вернулся?» Гомиш возлагал большие надежды на свою последнюю экспедицию и имел все основания для беспокойства. По его расчетам, Сикейра должен был возвратиться в Португалию еще месяц назад, а его все нет и нет. «Что могло с ним приключиться? Неужели кораблекрушение? Или, быть может, его постигла участь Нунью-Триштана, и он погиб в стычке с африканцами?».

Погруженный в эти невеселые мысли, Гомиш не расслышал осторожного стука в дверь. И только когда стук повторился, он крикнул: «Войдите!».

В дверь просунулась черноволосая голова его слуги. Глаза его блстели от возбуждения.

— Хозяин, — с трудом переводя дыхание, проговорил он, — капитан Сикейра...

— Что? Погиб? — упавшим голосом спросил Гомиш, не дожидаясь, пока слуга закончит фразу.

— Я бежал что есть духу, — захлебываясь, продолжал тот, — от самой гавани, чтобы первым сообщить вам известие...

— Да говори же толком, что произошло! — раздраженно закричал купец. — Не тяни, ради бога!

— Ваша воля, хозяин, а только я и говорю, что сеньор Сикейра...

— Что, что Сикейра? — не в силах сдержать нетерпение и гнев перебил его Гомиш. — Скажешь ли ты, наконец, что Сикейра?

Я хочу все время это сказать, да вы не даете мне закончить, — растерянно ответил слуга.

— Ну-ну, — внезапно успокаиваясь, сказал Гомиш, — говори, я тебя слушаю.

— Корабль сеньора Сикейры входит в порт, ваша милость, и я поспешил вам об этом сообщить, как вы и приказывали.

— Слава создателю, слава пресвятой деве Марии! — пробормотал купец, творя крестное знамение. — Эй, Диого, подай мне шляпу и плащ и следуй за мной.

Спустя несколько минут он уже шагал в сторону порта, да так быстро, что слуга едва поспевал за ним, хотя был вдвое моложе своего господина.

Еще издали Гомиш увидел знакомые очертания своего корабля, на котором прибыл Сикейра, и, сгорая от нетерпения узнать о результатах плавания, не стал дожидаться, пока капитан съедет на берег, вскочил в одну из принадлежащих ему шлюпок и приказал грести к кораблю.

Поднявшись на палубу, он кратко приветствовал экипаж и поспешил уединиться с Сикейрой в каюту, чтобы выслушать его отчет.

— Вы доставили мне много беспокойства, сеньор Сикейра, — начал он, — признаться, я ожидал вашего возвращения значительно раньше...

— На то воля господина нашего всемилостивейшего, — почтительно перебил его Сикейра. — Обратный путь был тяжел, ветер отнес нас далеко в сторону от привычного пути, благодарение создателю, что мне удалось спасти корабль и людей.

— А там, на берегу, надеюсь, все было успешным?

— О, в этом можете не сомневаться, сеньор Гомиш, — самодовольно покручивая ус, ответил Сикейра. — Трюм набит до отказа, и товар весь отборный.

— Превосходно, любезный Сикейра, превосходно! — от полноты чувств воскликнул Гомиш. — Вы будете щедро вознаграждены! — Он был в восторге оттого, что последняя экспедиция позволит ему еще больше округлить свой капитал, и пришел в прекрасное расположение духа. — Рассказывайте же, что вам удалось повидать на этот раз, рассказывайте!

— Не буду вам докучать, сеньор Гомиш, перескажем того, о чем вам уже известно, — степенно начал Сикейра. — Ограничусь лишь тем новым, что удалось мне открыть и увидеть. Миновав уже известные вам лагуны, мы продолжали плыть на восток вдоль берега, который по-прежнему был покрыт густой растительностью. То и дело нам удавалось обнаруживать небольшую бухточку, хотя я уверен, что многие из них мы миновали не заметив, настолько там густы лесные заросли. Погода все время нам благоприятствовала (не то что на обратном пути): небо оставалось безоблачным, ветер был

попутным. Так мы плыли несколько суток, не встречая ничего примечательного и не высаживаясь на берег.

Как-то вечером (солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом) я обратил внимание на какую-то громаду, заслонявшую впереди чуть ли не полнеба. По моим предположениям, это могла, видимо, быть какая-то гигантская гора. Я предупредил кормчего, чтобы он удвоил внимание, а сам удалился к себе в каюту.

Наутро, выйдя на палубу, я удостоверился, что виденное мною накануне не было игрой воображения. Огромная гора возвышалась над берегом, подняв к самому небу остроконечную вершину. Клянусь вам, сеньор, мне еще не приходилось встречать на своем веку горы такой невероятной высоты.

Ввиду того что на корабле пришли к концу запасы пресной воды, я приказал зайти в одну из многочисленных бухт. Захватив с собой несколько бочонков, мы погрузились в шлюпки и направились к берегу. Там, оставив у вытасненных на песок шлюпок несколько человек охраны, я разделил своих людей на два отряда, и они разошлись в разные стороны в поисках питьевой воды.

Искать пришлось недолго. Не прошло и получаса, как мы наткнулись на небольшую речку, с трудом пробирающуюся меж лесных зарослей. Вода в ней была чистая, прозрачная и очень вкусная. Набиравшие воду люди заметили, что речка изобилует рыбой и особенно крабами, которых в прозрачной воде легко было заметить. Наполнив бочонки водой, матросы ради забавы принялись их вылавливать и за несколько минут наловили целую кучу. Кто-то снял с себя рубаху и захватил улов с собой, отправляясь обратно к шлюпкам.

Изобилие в реке крабов подсказало мне мысль, что лучшего имени для этой реки, да и не только реки, но и vzdымавшейся поблизости горы, о которой я упоминал, не придумаешь. Река Крабов! Гора Крабов! Звучит не так уж плохо. Как ваше мнение, сеньор Гомиш?

Купец кивнул в знак согласия и попросил продолжать.

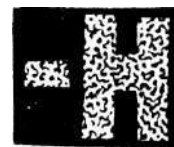
— Вот, собственно, и все, заслуживающее внимания, сеньор, — пожал плечами Сикейра. — Впрочем, есть еще, одно обстоятельство, которое, несомненно, представит интерес. Я хочу, чтобы вы знали о том, что сразу же после места нашей высадки берег меняет свое направление и поворачивает на юг. Как далеко он так тянется, не могу сказать, потому что вскоре я повернул корабль и пустился в обратный путь.

Приблизительно при таких обстоятельствах получила название протекающая в непосредственной близости от крупнейшей вершины на западном побережье Африки небольшая

речка. Португальцы назвали ее рекой Крабов (Rio dos Camaroes).

Одновременно, а по некоторым предположениям несколько позже, аналогичное название получила и упомянутая вершина, оказавшаяся вулканом. Camaroes — Камерун, под этим именем стал известен вулкан, а впоследствии это наименование получила и вся местность вокруг: Камерун — колония, Камерун — подопечная территория и, наконец, Камерун — самостоятельное государство, получившее независимость в 1860 году.

ЛЬВИНЫЕ ГОРЫ

А ЭТИ берега высаживаться небезопасно — чернокожие здесь очень воинственны.

— Возможно ли? А разве кто-нибудь уже побывал в этих местах? Признаться, мне думалось, что мы первые зашли так далеко.

— Как? Разве вы не слышали о гибели небезызвестного Нунью-Триштана и большинства его спутников в этих краях? Об этом было много разговоров в свое время. Впрочем, чему я удивляюсь? Вы еще так молоды, что вряд ли могли об этом что-нибудь знать!

Собеседники стояли на палубе корабля, медленно плывущего вдоль африканского побережья.

Это было небольшое португальское судно, одно из многих, отправлявшихся в середине XV столетия на поиски земель, богатых золотом, пряностями и даровой рабочей силой. Обитателей африканских берегов португальские мореплаватели насильно увозили с собой и по возвращении на родину продавали в рабство, выручая на этом большой барыш.

Один из разговаривающих, пожилой человек с суровым лицом, изборожденным морщинами, был начальник экспедиции по имени Перру да Синтра. Его собеседника звали да Кошта. Он был молод и, видимо, только начинал самостоятельную жизнь, пустившись в это рискованное, полное опасностей плавание.

Синтра равнодушно взирал на проплывавшие мимо берега, зато его молодой спутник не отрывал восхищенного взгляда от сменявших друг друга картин пышного великолепия тропической природы. Его приводило в восторг все: и густая зелень спускающихся почти к самой воде тропических зарослей, и внезапно открывающиеся уютные бухточки, окаймленные желтым песком пляжей, и виднеющиеся впереди в легкой дымке вершины невысоких гор.

— Извольте, если хотите, я расскажу вам историю Нунью-Триштана, — продолжал Синтра, снисходительно поглядывая

на оживленное лицо своего собеседника. — Она очень поучительна для тех, кто решил посвятить свою жизнь морскому промыслу.

Слушайте же внимательно.

Несколько лет назад (если мне не изменяет память, было это в 1443 году) Нуньо-Триштан, слывший опытным мореходом, отправился в плавание на юг вдоль побережья Африки, как мы сейчас с вами, на поиски новых земель и благодаря упорству и настойчивости сумел не только достигнуть мыса Бранку, но и проникнуть южнее его. Оставив позади этот мыс, Нуньо-Триштан продолжал плыть дальше и вскоре увидел группу островов. Оказалось, что острова обитаемы: па них там и здесь виднелись селения, а на берегу одного из островов, к которому подошел близко его корабль, стояли африканцы, разбившись на несколько групп. При ближайшем рассмотрении островитяне произвели на мореплавателя благоприятное впечатление. Они были прекрасно сложены и казались сильными и выносливыми.

Что, как вы думаете, делает Нуньо-Триштан? Он велит захватить несколько человек и берет их с собой в Португалию, где сбывает пленников, причем с такой баснословной выгодой, что у него тут же является мысль повторить это предприятие.

С тех пор не было экспедиции, отправлявшейся в африканские земли, которая бы не занималась столь прибыльным промыслом.

Спустя некоторое время Нуньо-Триштан вновь отправляется в плавание. На этот раз ему удастся заплыть еще дальше к югу (мы не так давно миновали эти места). Выбрав удобную стоянку, он высаживается на берег с намерением поохотиться здесь на туземцев. На этот раз он не собирается ограничиться поимкой нескольких пленников, а намерен захватить столько африканцев, сколько сможет вместить его корабль.

И тут происходит такое, чего Нуньо-Триштан никак не ожидал. Люди, которых он считает дикарями и которых он и его спутники пытаются пленить, оказывают упорное сопротивление. В ожесточенной стычке наши соотечественники, уступавшие в численности туземцам, терпят поражение. Сам Нуньо-Триштан убит, большинство его соратников тоже.

Спаслись лишь пять человек, которые поспешно бежали на корабль, оставив на берегу трупы своих товарищей. Они были настолько напуганы случившимся, что возвращались в Португалию не вдоль берега, как это делали все их предшественники, а через открытый океан, из боязни приблизиться к африканскому побережью.

Когда я увидел эти берега, мне припомнилась бесславная кончина Нуньо-Триштана, и я счел необходимым предупредить вас, человека, еще не искушенного, об опасностях, подстерегающих нас.

Синтра замолчал и продолжал блуждать рассеянным взглядом по проплывавшему мимо африканскому берегу. Молчал и Кошта, находясь под впечатлением только что услышанного.

Между тем свежело. Горизонт на юге покрылся тучами, среди которых то и дело мелькали вспышки молний. Ветер заметно крепчал, будоража поверхность океана. День шел на убыль, быстро темнело.

Синтра распорядился поставить штормовые паруса на случай, если разразится буря. Одновременно он присматривался к незнакомым контурам гористого побережья.

Корабль плыл недалеко от берега, и было слышно, как ветер с ревом и свистом прорывался сквозь густые лесные заросли, ударялся о скалистые уступы гор и с грохотом мчался дальше. Хлынул дождь, сопровождаемый раскатами грома. Эхо многократно повторяло голос непогоды среди торных склонов.

— Как величественно и страшно это! — с восхищением и трепетом воскликнул Кошта. — Не кажется ли вам, сеньор, что в этих горах собралось множество львов, сотрясающих своим мощным рыком воздух далеко окрест? Вы только прислушайтесь к этому реву.

Синтра усмехнулся. Он не мог не согласиться с меткостью сравнения, найденного его молодым спутником.

— Вы правы, мой друг, ваше сравнение очень удачно, — заметил он. — Оно заслуживает того, чтобы им воспользоваться. Вот что мы сделаем. Поскольку нам все равно надо как-то обозначить берег, мимо которого мы сейчас проплываем, назовем его по имени гор, которые вы так удачно окрестили. Пусть отныне берег называется Львиным в память об этом ненастном вечере.

С тех пор за этим участком Гвинейского залива Атлантического океана утвердилось название Сьерра-Леоне, несколько искаженное португальское Serra da Lioa, что означает в переводе Львиные горы.

С. Узин

ВОДА НА ЛУНЕ

ЭТОЙ статье дано заведомо интригующее заглавие, чтобы привлечь внимание читателя и заставить его серьезно задуматься над вопросом, на который так много исследований, казалось бы, дало уверенный отрицательный ответ. Разве мы не слышали с детства, что Луна — это мир, лишенный климата, в котором нет воды, поскольку на Луне нет атмосферы? Разве мы не повторяли, что Галилей и другие наблюдатели небесных светил подвергались впоследствии ожесточенным нападкам за ошибочное наименование плоских лунных областей «морями»? И разве, наконец, специалисты не вспомнят презрение, с которым ученые встретили гипотезу немецкого астронома Гёрбигера о «льде на Луне» всего поколение или два назад?

Цель статьи — не приносить извинения за ошибочные мнения наших предшественников; их идеи не могут быть исправлены или подновлены аргументами, опирающимися на наши современные знания. Однако редко бывает так, что та или иная научная проблема бывает разрешена действительно до конца, как об этом провозглашают современники. Новые поколения, вооруженные новыми знаниями, могут увидеть эти задачи в другом свете. Это, как мне кажется, происходит и с многовековым вопросом о воде на Луне.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СУДЬБА ЮВЕНИЛЬНЫХ ВОД

Чтобы начать с самого начала, отправимся в путешествие назад во времени, к эпохе образования Солнечной системы, то есть примерно на 4600 миллионов лет назад (эта дата установлена достаточно уверенно по изучению возраста метеоритов, падающих на Землю из межпланетного пространства). «Катастрофические» гипотезы образования Солнечной системы из горячей материи, вырванной из недр Солнца, ныне оставлены. По мнению ученых, занимающихся вопросами космогонии, планеты и другие тела Солнечной системы образовались путем постепенного накопления допланетных частиц газа и пыли при температурах, измеряемых, самое большее, несколькими сотнями градусов по шкале Кельвина*; сход-

* Шкала Кельвина — такая шкала температур, в которой за нуль принимается наименьшая возможная температура, лежащая на 273,16 градуса ниже точки таяния льда (так называемый абсолютный нуль). По этой шкале все температуры выражаются положительными числами.—
Прим. -ред.

ным образом рождалось и наше центральное светило — Солнце.

Если подобные представления правильны, то весьма вероятно, что химический состав первоначального газо-пылевого облака, из которого образовалась Солнечная система, должен быть очень похож на химический состав твердых метеорных тел, носящихся в межпланетном пространстве. Их остатки обращались вокруг Солнца от дней образования Солнечной системы до тех пор, пока не столкнулись с Землей. Химический анализ метеоритов показывает, что, кроме атомов и молекул многих химических элементов, в них присутствуют вполне измеримые количества различных легко испаряющихся веществ, самым важным из которых является вода. В так называемых хондритовых метеоритах она может составлять до 0,1 процента их массы.

Существование воды в первичной космической материи не должно нас удивлять, поскольку водород и кислород широко распространены в космосе, а молекулы воды очень устойчивы. Но еще более интересна роль и судьба так называемых ювенильных вод, то есть горячих внутренних вод, которые существуют со времен образования тела лунного или даже планетарного размера. Если подобные тела образуются при температуре выше 1000 градусов Кельвина, то большая часть воды испарится с самого начала и для тел с размерами и массой Луны безвозвратно растеряется в межпланетном пространстве. Если же — как мы ныне уверены — первоначальная температура подобных тел не была так высока и ограничивалась немногими сотнями градусов, ювенильная вода осталась связанной в твердых телах как кристаллизационная вода.

Что же случилось с этой водой (и другими летучими составляющими) со времени образования Луны в такое тело, которое мы знаем сегодня? Ответ во многом зависит от последующего увеличения температуры в недрах Луны. Это повышение температуры происходит благодаря выделению тепла при самопроизвольном распаде радиоактивных элементов. Эти элементы, если судить по аналогии с земной корой или хондритовыми метеоритами, должны находиться на Луне в заметных количествах (в особенности калий-40, торий-228, уран-235 и уран-238). Выходящий наружу поток этого «радиоактивного» тепла, несомненно, очень сильно ослабляется из-за малой теплопроводности лунных пород. Результаты многочисленных расчетов потока тепла из недр Луны, в особенности в работах американского ученого Юри, не оставляют сомнений в том, что Луна должна быть разогрета и что ее недра в настоящее время имеют температуру до 1000—1200 градусов Кельвина. Эта температура уже достаточна для испарения кристаллизационной воды из большинства твердых

пород, содержащих «связанную» воду, и постепенной диффузии ее в виде перегретого пара через различные щели и трещины во внешнее пространство.

Если предыдущие аргументы и содержат какой-либо роковой недостаток, еще не выявленный сегодня, все же мало сомнений в том, что большая часть глубоких недр Луны (с температурой порядка 1000 градусов Кельвина) должна быть полностью обезвожена и высушена, а ее наружная кора, напротив, обогащена водой.

Но насколько близко эта вода могла подойти к лунной поверхности?

Судя по измерениям тепла, излучаемого Луной, поверхностные слои Луны совершенно холодные. На глубине меньше одного метра (куда тепло от нагревания солнечными лучами уже не проникает) по всей Луне господствует постоянная температура 230 ± 10 градусов Кельвина (примерно на 40 градусов ниже точки замерзания воды). Горячий пар, медленно пробирающийся через лунную кору во внешнее пространство, должен здесь конденсироваться в жидкость и превращаться в лед задолго до того, как он достигнет поверхности. Вдоль трещин в кристаллических породах, которые могут служить каналами для более быстрого выхода пара, образование льда происходит очень близко к лунной поверхности. Это может привести к таким изменениям строения лунной поверхности, которые, возможно, укажут земному наблюдателю на существование подповерхностных лунных ледников.

НАБЛЮДЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ТЕОРИЮ

На недавнем симпозиуме по Луне в Ленинграде английский астроном Голд указал, что подобные подповерхностные ледники (покрытые пылью и различными обломками), возможно, наблюдаются нами в виде так называемых «лунных куполов» — небольших вздутий лунной поверхности, располагающихся обычно группами. Эти образования найдены в большом количестве на видимом полушарии Луны. Наибольшие из таких возвышенностей, обнаруженные по соседству с лунным кратером Коперник, имеют в поперечнике 20—25 километров, но большинство из них — по 3—6 километров в поперечнике и 100—300 метров в высоту. У лунных куполов есть заметное внешнее сходство с гидролакколитами* Аляски и Северной Канады, которые, быть может, являются их

* Гидролакколит — многолетний бугор, образованный подземными наледями. Имеет форму купола с крутыми склонами, пологого купола или валообразного поднятия. Встречаются только в областях распространения вечной мерзлоты.— *Прим. ред.*

земными аналогами. Однако необходимы подробные исследования, прежде чем эти предположения встанут на более прочную основу.

Допустим, как крайний случай, что ювенильная вода, вырываясь из горячих недр Луны, обогащала поверхность случайными выбросами — в виде гейзеров. Такие явления с уверенностью до сих пор не наблюдались (да их и весьма трудно было бы обнаружить, за исключением весьма специальных обстоятельств), но у некоторых из наибольших лунных куполов имеются центральные углубления, которые, возможно, представляют собой жерла таких гейзеров, и если горячая вода временами извергается из этих гейзеров, то что же происходило с ней потом?

Точный ответ зависит, конечно, от температуры гейзера и высоты выброса, но можно не сомневаться в том, что, если подобный выброс произойдет лунной ночью или в месте, заслоненном от прямых солнечных лучей, значительная часть выброшенной струи воды не испарится в окружающее пространство, а превратится в лед. Отсюда вопрос — сколько времени может просуществовать такой лед, подвергающийся непосредственному действию условий межпланетной среды, без защиты атмосферы?

Оказывается, «время жизни» льда может быть очень велико. Этот важный факт ускользнул от внимания большинства ученых. Измерение теплового излучения Луны с помощью термоэлементов показало, что господствующая температура на части лунной поверхности, заслоненной от прямых солнечных лучей, составляет 120 градусов Кельвина. Это ненамного выше температуры жидкого воздуха*. При этой температуре скорость испарения льда такова, что за все время существования Луны (4,5 миллиарда лет) с каждого квадратного сантиметра ее поверхности испарилось бы 4,6 килограмма льда. Другими словами, если бы Луна была окружена сплошной оболочкой изо льда сразу после своего образования, то вследствие испарения она потеряла бы за протекшие 4,5 миллиарда лет менее 50 метров своей внешней коры! А ледники, например, нашей земной Антарктиды имеют толщину в несколько километров.

Какова же максимально возможная толщина ледников, образовавшихся на Луне? Обратимся к аналогии с Землей. Предположим, что все количество воды во всех океанах Земли равномерно распределено по ее поверхности. Тогда вода покроет весь земной шар равномерным слоем толщиной 1800

* Такие условия, то есть температура 120° Кельвина, как показывают данные о радиоизлучении Луны, господствуют не только на затененной поверхности нашего естественного спутника, но и по всей лунной поверхности на глубине одного-двух метров.— *Прим. перев.*

метров. Если эта вода образовалась путем «высушивания» всей массы Земли, каждый грамм этой массы должен дать $1,54 \times 10^{-4}$ граммов ювенильной воды. И если допустить, что эти же цифры справедливы и для Луны, то ее меньшая масса высвободила бы количество ювенильной воды, которое может покрыть весь лунный шар океаном глубиной 300 метров. Сравнивая эту величину с приведенным выше числом 50 метров, мы видим, что это количество воды намного больше того, которое могла бы потерять Луна за все время существования вследствие испарения в условиях лунной ночи.

Эти числа, разумеется, весьма приблизительны; при расчете их предполагались полный выход всей ювенильной воды на поверхность Луны (а этот процесс, может быть, еще далек от завершения) и ее равномерное распределение здесь. На самом деле выход воды на поверхность мог происходить в ограниченных областях, а основная часть Луны оставалась обезвоженной. Английские астрономы Ватсон, Мюррей и Гаррисон-Браун недавно отметили, что приведенные доводы делают возможным успех поисков сохранившегося льда в постоянно покрытых тенью областях Луны вблизи ее полюсов, где Солнце никогда не поднимается полностью над горизонтом и где низкие ночные температуры господствуют почти всегда.

Каковы будут результаты подобных исследований, может сказать только будущее, но одно ясно, что наши прежние взгляды о существовании воды на Луне нуждаются в пересмотре.

Зденек Копал

Перевод с английского Л. Самсоненко

ПО СЛЕДАМ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

ГАРУН ТАЗИЕВ, известный исследователь вулканов, оставил на три месяца свои «встречи с дьяволом», чтобы заняться изучением остатков фрегата, опознанного им как обломки «Астролябии» — одного из кораблей Лаперуза. Они были замечены в 1958 году губернатором островов Санта-Крус Антониозом, который известил Тазиева об интересной находке. Результаты исследований места кораблекрушения и сообщение Тазиева об

этом — новая глава в драматической истории экспедиции Жана-Франсуа Лаперуза.

Великий мореплаватель Лаперуз (1741—1788) и лейтенант Флерио де Лангль по приказу французского короля Лю-

довика XVI отправились в самую большую по тем временам научную экспедицию. Корабли покинули Брест 1 августа 1785 года. Вся Европа с живым интересом следила за этим путешествием, в подготовке которого принимал участие и сам король: он составил инструкцию на пятистах страницах — «in quarto» (Королевские советы) — как производить исследования и составлять карты. Хорошо оснащенные всем необходимым два фрегата, «Астролябия» и «Буссоль», вышли в море, чтобы совершить небывалое путешествие, и увы!, не вернулись. Воспоминания о капитане Куке, погибшем пятью годами ранее на Сандвичевых островах, были еще очень живы в памяти людей.

Неизвестные и воображаемые земли можно было увидеть тогда на глобусе. Лаперуз, отправившийся, чтобы пополнить карту мира новыми названиями, начал с того, что стал стирать обозначенные на ней наименования: острова Скалы Дрейка* были безжалостно перечеркнуты. «Земли воображаемые», — писал он о них в судовой книге, копия которой отправлялась в Версаль из каждой гавани.

На пятисотый день плавания началось гидрографическое изучение Таврии, ныне Восточной Сибири. Лаперуз прошел Корейским проливом и оказался в той части земли, где не развеялся даже флаг капитана Кука. Ничто не укрылось от исследований Лаперуза. Глубины ущелий были измерены, высота гор — определена.

Но после сообщений Лаперуза, полученных в январе 1788 года, наступило тревожное молчание, которое опечалило всю Европу. Людовик XVI спрашивал своего тюремщика, нет ли вестей от Лаперуза, даже накануне того дня, когда должен был подняться на эшафот. Конвент голосовал за предоставление кредитов на организацию поисковой экспедиции. Поддержал это решение и еще один человек. Правда, он имел для этого особые основания: когда «Астролябия» и «Буссоль» снимались с якоря в Бресте, воспитанник «Эколь милитэр», не включенный в списки экипажа, плакал, спрятавшись от людей. Его звали Наполеон Бонапарт.

КОРАЛЛОВАЯ ЛОВУШКА ОТКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

В коралловом море, изобилующем рифами, навигация в наше время не менее опасна, чем во времена Лаперуза. В лагуне острова Ваникоро шторм погубил «Астролябию» и «Буссоль». Большая часть тех, кому удалось спастись, были уни-

* Дрейк — английский пират и мореплаватель, первым после Фернандо Магеллана совершил кругосветное плавание (1577—1580). — *Прим. пер е в.*

чтожены. Многие погибли на плотках, которые они соорудили наспех.

Экспедиция Тазиева опознала остатки славных фрегатов. До этого на дне лагуны острова Ваникоро было найдено только несколько обломков. Небольшие взрывы дали возможность расчистить дно и найти шесть якорей, несколько пушек, ядра, латунные гвозди. Не хватало только прямого доказательства принадлежности этих предметов фрегатам. Но накануне отъезда один из пловцов экспедиции Тазиева случайно нашел и такое доказательство. Это был серебряный рубль русской чеканки с изображением Петра Первого и с датой 1724 года. Этот рубль мог принадлежать только кому-нибудь из моряков «Астролябии» — единственного в то время корабля, который побывал и у берегов Восточной Сибири, и в южных морях.

На пятисотый день плавания спасшиеся после кораблекрушения лейтенант де Лангль и физик Ламанон были убиты вместе с десятью другими моряками на острове Тутуила (Океания). Через несколько месяцев исчезли Лаперуз и его товарищи.

Что же произошло?

Виэво — восьмидесятисемилетний старик, самый старый из местных жителей острова Ваникоро — передал Тазиеву странный рассказ: «Дед моего деда видел корабль, потерпевший крушение, разбившись о рифы. Все жители острова бросились на пирогах к кораблю, отрезали головы и привозили в деревню. Те, кто пытался спастись вплавь, утонули. На месте, где зарыты их трупы, дед моего деда и другие жители деревни воздвигли курган». Старый Виэво проводил туда Тазиева. Там была только груда камней.

На этом острове до сих пор поют старинную песню, в которой говорится о дне, когда было погублено много белых людей.

Берпар Жикель

Перевод с французского И. Кочетковой

ПРИРОДА ПОДСКАЗЫВАЕТ ИНЖЕНЕРУ

ОБЪЯСНИМЫЙ ПАРАДОКС

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад в зарубежной печати появились сообщения об использовании дрессированных голубей для... управления боевыми ракетами. В течение нескольких лет было проведено множество экспериментов, и в окончательном виде эта оригинальная система управления функционировала так. В головке ракеты помещалось устройство, которое следило за целью (например, самолетом или кораблем) и проектировало ее изображение на особый экран. Перед ним сидел на жердочке голубь, который клевал изображение, когда оно появлялось на экране. Если ракета двигалась точно в направлении цели, изображение находилось в затемненной центральной части экрана и поэтому было невидимым. Однако едва ракета отклонялась в сторону, изображение цели перемещалось на освещенную часть экрана, голубь видел его и принимался клевать, пока оно не исчезало вновь. Поверхность экрана была токопроводящей, а на клюв птицы надевался металлический наконечник. Это давало возможность в зависимости от положения цели на экране снимать с него ток определенной величины. Через преобразователь этот ток подавался на рули управления, которые заставляли ракету снова лечь на правильный курс...

Правда, поразительно: стальное чудовище, в утробе которого заключена сила нескольких десятков тысяч лошадей, управляется столь примитивным устройством. В чем дело, почему исследовался такой «допотопный» способ управления ракетой? Ведь любой конструктор в течение часа без труда набросает десяток, а то и больше схем — механических, пневматических, электрических и каких угодно, — с помощью которых вроде бы вполне можно обеспечить выполнение функций, доверенных голубю. Устройства, работающие по этим схемам, вообще говоря, не так уж трудно создать, или, как говорят в таких случаях инженеры, «воплотить в металл».

Наконец, есть специальная наука об управлении — кибернетика, которая занимается созданием управляющих систем и которая располагает, казалось бы, чудесной, всемогущей и универсальной техникой. В самом деле, сколько в последнее время приходится читать и слышать о быстродействующих электронных вычислительных машинах, о машинах, играющих в шахматы, сочиняющих стихи и музыку, помогающих врачу ставить диагноз, управляющих разнообразными техно-

логическими процессами. Может быть, следовало обратиться к услугам кибернетики? Почему же тогда американцы предпочли прибегнуть к такому ненадежному устройству, как голубь?

Как это ни парадоксально, использовать голубя для управления ракетой предложили именно кибернетики. Впрочем, парадокс здесь только кажущийся: вспомните, что кибернетика имеет дело с процессами управления и в системах, созданных человеком, и в системах, созданных природой в ходе эволюции. Само развитие кибернетики тесно связано с расширением наших знаний о процессах управления и регулирования в живых организмах. Дело в том, что природа — это огромная лаборатория, работающая сотни миллионов лет. За это время в ней было произведено бесчисленное множество экспериментов. И хотя эволюция слепа — ее можно сравнить со скульптором, который не видит собственных творений и не знает, что с ними будет дальше, — она, пройдя запутанные лабиринты поисков и потерпев невероятное количество неудач, создала тем не менее то фантастическое разнообразие видов живых организмов, которое существовало и существует на нашей планете. И вот обнаружилось, что живые организмы обладают, как правило, уникальными аппаратами управления и регулирования — удивительно экономичными, надежными, способными воспринимать и запоминать порой ничтожные изменения множества факторов внешней среды и отвечать на это сложнейшими приспособительными реакциями.

С точки зрения кибернетики любой живой организм — это своего рода некая система управления и регулирования, сложная, правда, но зато очень эффективная и по своей надежности в некоторых отношениях даже превосходящая управляющие системы, созданные человеком. Эти слова можно отнести, например, к подсолнечнику, шляпка которого с поразительной точностью поворачивается вслед за солнцем; пелуху, который неведомым для нас способом «отмеряет» время от крика до крика; наконец, к человеку, мозг которого, в сущности, великолепное счетно-решающее устройство — весьма «портативное», обладающее колоссальной памятью, потребляющее небольшую мощность, способное делать сложнейшие расчеты и умозаключения.

Сразу же возникает вопрос: нельзя ли, зная, как устроены и работают биологические системы управления и регулирования, создавать искусственные системы, которые обладали бы подобными же характеристиками и свойствами? Разумеется, можно. В свое время Архимед сказал, восхищаясь возможностями, заложенными в таком простом механизме, как рычаг: «Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар!»

С неменьшим правом инженеры наших дней могут заявить: «Дайте нам схему механизма любой биологической системы управления и регулирования, и мы создадим не менее совершенную техническую систему!»

БИОЛОГИЯ ПЛЮС КИБЕРНЕТИКА

Вся трудность в том, однако, что механизмы работы биологических систем управления и регулирования по большей части неизвестны. Биология, как известно, не принадлежит (во всяком случае сейчас) к числу точных наук. До недавнего времени основными методами, которыми она пользовалась, были описание и качественная оценка явлений, изучаемых ею. Лишь в последние десятилетия и особенно в последние годы наметился переход биологии в лагерь наук, пользующихся в своих методах аппаратом математики для установления точных количественных оценок. Решающую роль в этом сыграло появление и развитие кибернетики.

Особенно плодотворным для биологии оказалось ее тесное содружество с кибернетикой. Впрочем, это содружество немало дает и кибернетике. Обе эти науки — биология и кибернетика — образовали сейчас нечто вроде автоколебательного контура. Чтобы сделать бросок вперед, кибернетике все чаще приходится опираться на достижения биологии. Но продвинувшись вперед, кибернетика не остается в долгу, подтягивая на новые рубежи и биологию. Изучая с помощью биологов управляющие системы и чувствительные органы, созданные природой, инженеры используют принципы их работы для создания тех или иных технических устройств. В свою очередь разработка этих технических устройств помогает и кибернетикам и биологам глубже понять процессы, которые происходят в живых системах.

В последнее время сотрудничество биологов и кибернетиков вылилось в совершенно новую форму: появилась молодая отрасль технической кибернетики — бионика. Это направление кибернетики занимается решением инженерных проблем, используя изучение биологических систем и процессов. Цель бионики — создание технических устройств, характеристики которых приближаются к характеристикам живых организмов.

Не надо думать, однако, что бионика ставит своей задачей просто копировать природу. Зная принципы работы различных механизмов биологических систем, человек не только сможет воспроизвести их, но и создать на их основе более совершенные устройства. Кстати, у него для этого больше возможностей, чем у природы. Ведь природа не может, подобно конструктору, разобрать свое творение на части и за-

ново собрать его, пытаясь сотворить нечто лучшее. Ее творчество выражается лишь в поправках, доработках, доделках, усовершенствованиях.

И не так уж она мудра, эта природа. Немногого добился бы человек, если бы он решил рабски подражать ей. Наши предки правильно сделали, что не стали в свое время придумывать шагающую повозку, а изобрели колесо, которое во многих отношениях оказалось более удобным. Или еще примеры. Скажем, самолет никак нельзя назвать увеличенной во много раз птицей, а подводная лодка движется совсем не так, как рыба. Среди творений живой природы нет ни одного, которое передвигалось бы со сверхзвуковыми скоростями, а человек собирается в будущем создать межзвездные корабли, которым будут доступны субсветовые скорости.

Но вместе с этим природа создала множество устройств, о которых ученые и инженеры пока могут только мечтать. Больше всего она «дразнит» их своими системами, предназначенными для переработки громадных объемов информации, и сверхчувствительными датчиками, принимающими и передающими информацию. Количество и разнообразие оригинальных систем, созданных природой в ходе эволюции, просто ошеломляет. Кажется, нет ни одного живого организма, при знакомстве с которым не возникло бы желание: вот бы позаимствовать у него схему управляющего механизма.

Правда, сегодня о большинстве этих биологических управляющих систем мы знаем лишь в общих чертах, но в недалеком будущем несомненно появятся и целые библиотеки книг, в которых они будут описаны, и груды авторских свидетельств, выданных на аналогичные им искусственные системы. Чтобы представить себе потенциальные возможности бионики, давайте совершим с вами экскурсию в музей, где выставлены интересующие нас изобретения природы.

ПО ЗАЛАМ НЕОБЫЧНОГО МУЗЕЯ

Вы, конечно, понимаете, что этот музей — сама природа, а его экспонаты — всевозможные живые организмы, созданные ею. Большинство из них вы видели и раньше, но, по-видимому, не догадывались при этом, с какими чудесами техники сталкиваетесь. Приглядимся к ним повнимательнее.

Мы уже упоминали об удивительной способности петухов «отмерять» время. Быть может, вы знаете и о том, что цветы на лугу или в саду открывают и складывают свои венчики в определенный час дня. Делают они это с такой пунктуальностью, что по ним можно сверять время. В последние годы способность ориентироваться во времени обнаружена у большого числа живых организмов. Оказалось также, что многие

процессы внутри организма протекают в двадцатичетырехчасовом цикле. Это явление ученые называют сейчас «биологическими часами».

Где в организме помещается механизм «биологических часов» и как он действует — это пока неизвестно. А между тем вопрос этот имеет, вероятно, и большой практический интерес. Вообразите, что мы разгадали механизм «биологических часов» и научились по своему усмотрению останавливать и снова заводить их. Опыты, проведенные недавно группой английских физиологов, доказывают, что это принципиально возможно. Поместив петуха в специальную камеру, они обнаружили, что после нескольких дней пребывания в темноте он утратил «чувство времени» и, растерявшись, перестал ку-карекать. Его «биологические часы» остановились. Но достаточно было осветить эту камеру хотя бы на мгновение лучом солнечного света, как «часы» снова пошли. В течение нескольких дней петух своим кукареканьем «отмерял» время как обычно, но затем опять замолк. Слово у его «часов» раскрутилась «пружина».

Как же человек может использовать свою способность останавливать «биологические часы» живых организмов? Вот одна из возможностей. Токсичность большинства микробов и бактерий в течение суток неодинакова и меняется в соответствии с ходом «биологических часов» по определенному закону. У некоторых видов микроорганизмов она временами доходит почти до нуля. А что если в этот момент остановить «часы»?

С работой «биологических часов» некоторые ученые связывают, например, способность голубей находить дорогу домой. Считают, что голубь каким-то образом ставит в соответствие показания своих «часов» и положение Солнца на небе, определяя с помощью этого свое местонахождение. Может быть, используя этот принцип, инженерам удастся создать точнейшие приборы для аэро- и космонавигации?

У многих животных, рыб и насекомых удивительно развита чувствительность к запахам. Собака, например, различает нужный ей запах в «букете», составленном из нескольких сот различных ароматов. Самцы одного из видов бабочек — павлиний глаз, — по-видимому, находят самку по запаху веществ, выделяемых ее железами, даже если она находится в десяти-пятнадцати километрах. Пчелы чувствуют запах меда, находящегося в герметически закрытой банке.

Физическая природа запахов установлена лишь недавно. Согласно последней гипотезе, предполагают, что запах, присутствующий тому или иному веществу, объясняется характерными для этого вещества низкочастотными колебаниями его молекул или частей молекул. При этом вибрирующие молекулы излу-

чают электромагнитные волны длиной от 8 до 14 микронов, которые воспринимаются и регистрируются органами обоняния. Таким образом, поразительная чувствительность к запахам у животных и насекомых объясняется тем, что их органы обоняния — это своего рода великолепные радиоприемники, обладающие тонкой настройкой, способные принимать и анализировать электромагнитные колебания невообразимо ничтожной мощности.

Как пригодились бы человеку такие чувствительные устройства! Ведь с их помощью химики, скажем, могли бы быстро и точно производить сложнейшие анализы различных веществ и смесей, астрономы, быть может, определили бы, не покидая своих обсерваторий, химический состав атмосфер других планет нашей Солнечной системы, врачи получили бы, пожалуй, возможность, контролируя обмен веществ в организме, ставить диагноз болезни, едва она наметится.

А ориентация рыб и водных животных с помощью обоняния, способность их улавливать запахи в воде? Ведь это означает возможность радиосвязи под водой! Надо думать, существует какой-то диапазон электромагнитных колебаний, которые не поглощаются водой или же, поглощаются незначительно. Не подскажет ли природа инженеру, какие длины волн для этого подходят? Нельзя ли заимствовать у нее схемы чувствительных устройств, воспринимающих запахи?

Впрочем, не менее интересны для инженера и другие созданные природой «устройства», с помощью которых обеспечивается функционирование тех или иных органов чувств: слуха, зрения и других. Какую зависть у инженера вызывают, например, такие «приборы», как глаза — глаза насекомых, птиц, пресмыкающихся, рыб и других живых существ! Оказывается, многие насекомые воспринимают ультрафиолетовый свет, особые глаза глубоководных кальмаров способны воспринимать инфракрасные лучи, человеку же удается краешком глаза «заглянуть» в эти области электромагнитного спектра лишь с помощью сложных и несовершенных приборов. Но инженеры считают сейчас, что, «проконсультировавшись» у природы, они смогут в недалеком будущем создать особые устройства, своего рода искусственные органы зрения, которые дадут человеку возможность значительно увеличить объем получаемых им зрительных восприятий.

Прогулка по музею изобретений природы лишь началась, а сколько замечательного мы уже увидели! К сожалению, невозможно хотя бы перечислить все созданные ею системы, к которым с интересом присматриваются сейчас инженеры. Упомянем лишь еще о нескольких загадках, над которыми бьются сегодня бионики. Это прежде всего принципы ультра-

звуковой локации летучих мышей, дельфинов, термолокации гремучих змей, принципы действия «антенн» у бабочек, системы ориентации водных животных на основе обоняния, устройство и работа «фабрик» в клетках зеленого листа, наконец, устройство и работа человеческого мозга, механизм кодирования информации в нем, структура памяти, схемы выработки программ поведения, вопросы, связанные с тем, как осуществляется обучение, как осуществляется контроль над исполняющими органами.

Впрочем, об этом следует рассказать несколько подробнее.

КИРПИЧИКИ И БЛОКИ МОЗГА

Мы уже говорили о том, что с точки зрения кибернетики мозг — это некое счетно-решающее устройство, обладающее огромной памятью, экономичное и надежное. Особенно уникален мозг человека. Вот его основные «технические данные»: вес около полутора килограммов, емкость памяти равна примерно 10 триллионам знаков, состоит он из 14 миллиардов «кирпичиков» — нейронов, потребляемая им мощность составляет несколько десятков ватт.

Насколько наша техника близка к тому, чтобы создать счетно-решающее устройство с подобными же характеристиками?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно подумать сначала, из каких элементов, из каких «кирпичиков» мы будем его строить. Электронные лампы — основной элемент большинства современных вычислительных машин — явно не подходят. Лучшие из этих машин весят в сотни тысяч раз больше, чем мозг человека, во столько же раз «примитивнее» его (если исходить из числа основных элементов) и во столько же раз требуют больше энергии.

Но может быть, нас устроят малогабаритные полупроводниковые элементы? Увы, тоже нет. Несколько лет назад в одном из американских изданий был приведен любопытный расчет. Оказалось, что для создания «памяти», состоящей всего лишь из миллиона попарно связанных между собой полупроводниковых элементов, нужно создать устройство невообразимых размеров, которое потребляло бы мощность около 100 миллионов ватт! А ведь в мозге человека таких элементов свыше 10 миллиардов, и соединены они не попарно, а много сложнее!

Кроме того, и электронная лампа, и полупроводниковый элемент — это просто реле, или выключатели. Устройство нейрона — основного элемента мозга — значительно сложнее. Вычислительные машины, состоящие из ламп или полупровод-

ников, не смогут конкурировать с мозгом, какими громоздкими они ни были бы.

Единственный выход — строить счетно-решающие устройства на основе тех или иных аналогов нейронов. Именно в этом направлении сосредоточены сейчас усилия многих ученых-биоников. И хотя свойства нейрона изучены не до конца, удалось создать несколько его моделей, которые по своим характеристикам приближаются к «кирпичику» живого мозга.

Искусственный нейрон — это преобразователь с двоичным «выходом» и несколькими «входами». Один из видов таких нейронов, так называемый артрон, взят за основу разрабатываемых сейчас познающих, самоорганизующих систем. У него два «входа» — поощряющий и наказывающий. Это позволяет «наказывать» машину, если она, действуя наугад, сделает что-то неправильное, и «поощрять» ее, когда она случайно же сделает это верно. В результате машина приобретает определенные, требуемые от нее «навыки». Такие машины получили название перцептронов. Первая из них, знаменитый «Марк I», созданный в 1960 году, после пятнадцати «уроков» безошибочно опознавала любую букву алфавита. «Видел» он ее «глазом», построенным из 400 фотоэлементов. Однако такие системы могут работать не только от оптических импульсов. Несложно заставить ее, например, опознавать звуки и преобразовывать их в сигналы, управляющие, скажем, пишущей машинкой.

Хотя сегодня подобные машины, как говорится, еще в пеленках, несомненно у них большое будущее. С их появлением человек освободится от необходимости делать большое количество однообразной, нетворческой работы. Учителя смогут доверить им проверку школьных тетрадей, библиографы — поиски тех или иных публикаций, конструкторы — вычерчивание стандартных деталей, инженеры — расчеты по типовым схемам. Станут исчезать такие профессии, как стенографистка, машинистка, наборщик, корректор-считчик и многие другие.

Из подобных систем можно будет, как из блоков, создавать и более сложные устройства, способные выполнять работу повышенной сложности. Например, диагностическую машину, которая поможет врачу оценить состояние больного и назначить лечение. Или машину-синоптика, которая будет в состоянии анализировать огромное количество подробных метеосводок и выдавать точнейшие прогнозы погоды.

Хотя сегодня искусственные аналоги нейронов значительно превосходят размерами нейроны мозга, бионика уже наметила пути их миниатюризации. Уже сейчас она обещает приблизить в перспективе плотность монтажа технических счетно-решающих систем к плотности элементов мозга!

Ничто не мешает нам создавать в будущем вычислительные и логические устройства любых размеров. Таким «мозгам» или даже бригадам «мозгов» под силу будет перерабатывать гигантские объемы информации, решать невиданно трудные проблемы, которые поставит перед ними человек.

МЕЛЬНИЦА, ПЕРЕМАЛЫВАЮЩАЯ ПРОБЛЕМЫ

В наши дни новые отрасли знаний возникают одна за другой и прямо из пеленок устремляются к далеким горизонтам. И все-таки трудно найти другую молодую науку, которая застолбила бы для себя больше «золотых россыпей» в списке нерешенных проблем, чем бионика. Ее хочется сравнить с мельницей, перемалывающей проблемы. Причем жернова у нее — математический аппарат и кибернетическая техника — от работы не снашиваются, а, наоборот, становятся все тверже.

Мы говорили уже, что бионика занимается созданием управляющих систем и чувствительных органов с не менее совершенными характеристиками, чем у живых организмов. Особенно большое воздействие эти приборы оказывают и еще окажут на развитие тех наук, которые пока не относятся к числу точных.

Медицине бионика даст возможность решить такие проблемы, как точная постановка диагнозов, как безотказные методы регуляции «разлаженного» организма, как создание протезов, способных полностью заменить те или иные органы и ткани. Великолепный успех советских ученых Кобринского, Брейдо и Гурфинкеля, создавших управляемый биотоками мозга и мышц протез руки, показал, что можно использовать для этих целей регулирующие системы нашего организма. В нашей стране уже созданы регуляторы работы искусственных легких, управляемые биотоками дыхательных мышц, механизм затвора к рентгеновскому аппарату, который включается биотоками сердца и позволяет получить снимок сердца в нужной фазе сокращения.

С развитием бионики, возможно, совершенно иначе встанет вопрос о приобретении организмом каких-то качеств и передаче их по наследству. Быть может, удастся покончить с болезнями, передаваемыми по наследству, искусственно закрепить те или иные навыки.

Фантастично, не так ли? Да, и все-таки это принципиально возможно. Ведь аппарат наследственности — это, в сущности, передаваемая из поколения в поколение удивительная книга. В ней сочетаниями аминокислот описано почти все будущее развитие организма. При «переизданиях» этой книги возможны «опечатки». Но разве нельзя эти опечатки «выпра-

вить»? В самом деле, если дать эту книгу специальной «читающей» машине, то она сможет сравнить ее с каким-то эталоном, так сказать, с «рукописью», найти искажения в тексте. Найдя способ исправления «опечаток», человек сможет, по-видимому, вносить в «текст» и свои дополнения.

В перспективе — еще более заманчивая возможность: «писать» такие «книги», какие нам нужны. Трудно представить себе переворот, который начнется в нашей жизни, когда это станет осуществляться.

Представьте себе химические фабрики, на которых будут производиться любые количества всевозможных искусственных биомасс! Одни такие биомассы по своим питательным и вкусовым качествам ничем не будут отличаться, скажем, от мясного фарша, другие — от пшеничной муки или даже печеного хлеба, третьи — от каких-нибудь фруктовых соков, мармеладов, варений. Или вообразите рудник, где искусственные микроорганизмы будут восстанавливать металлы из их окислов и выбрасывать свои «отходы» — например, порошковое железо — прямо на конвейер.

Тоже фантастично? Верно, но опять-таки к этому нельзя относиться, как к чему-то нереальному. Нужно иметь поистине необычную фантазию, чтобы «изобрести» проблему, которая затрагивала бы биологию и технику и которая в то же время была бы принципиально неразрешима для бионики. Она еще многим нас удивит — эта инженерная наука биовека!

В. Ковалевский

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий Кубанский. На чужой палубе. Повесть. Рис. М. Скобелева и, А. Елисева	5
Феликс Штильдарк. В метель на Чемборчане. Из дневника охотоведа. Рис. Л. Фалина	92
Борис Евгеньев. На траверзе — мыс Опасный. Рассказ. Рис. Н. Абакумова	117
Анна Вальцева. Енисей, Енисей... Дорожная тетрадь. Рис. П. Валюса	137
Геннадий Фиш. Норвежские встречи. Рис. норвежского художника Ё. Йоргенсена	180
В. Трофимов. Цейлонские зарисовки (вкладка)	
Ганс Отген. Я видел Алжир. Очерк, (перевод с немецкого В. Мазохина). Рис. В. Смирнова	241
Александр Тараданкин. Рейс в полярную ночь. Очерк. Фотографии В. Кунова	274
Александр Колпаков. Око далекого мира. Научно-фантастический рассказ. Рис. Б. Диодорова и Г. Калиновского.	303
Булат Забиров. Луксор. Очерк. Рис. Е. Скрынникова	343
В. Расторгуев. С американцами в Антарктиде. Очерк.	360
Жан Мерриен. Фанатики моря. Рассказ Джонсона (перевод с французского Д. Соловьева). Рис. А. Шикина	389
Ю. Промитов. В стране ущелий. Рис. В. Галкина	407
Л. Файнберг. Поездка на Таймыр к нганасанам. Очерк. Фотографии автора	415
Дж. Паттерсон. Людоеды из Цаво. Главы из книги (сокр. перевод с английского А. Ставиской). Рис. Е. Захарова	431
Александр Мееров. Родбариды. Отрывок из научно-фантастического романа. Рис. Б. Диодорова и Г. Калиновского	473

Гёц Р. Рихтер. Муравьи. Рассказ (перевод с немецкого Н. Гришина). Рис. М. Рабиновича	500
Гордон Джайлс. На Меркурии. Научно-фантастический рассказ (сокр. перевод с английского З. Бобырь). Рис. А. Колли.	527
Лев Василевский. Морская карьера Фенимора Купера. Неизвестные страницы биографии.	576

ФАКТЫ, ДОГАДКИ, СЛУЧАИ...

#	Оформление художника Ю. Бажанова	
И. Акимускин. Опасны ли осьминоги?		589
Н. Колобков. Человек управляет погодой		596
С. Соловьев. Гигантские волны в бухте Литуя.		606
Н. Жиров. Об атмосфере Марса.		610
С. Узин. История двух названий.		62]
З. Копал. Вода на Луне (перевод с английского Л. Самсоненко).		628
Б. Жикель. По следам кораблекрушения (перевод с французского И. Кочетковой).		632
В. Ковалевский. Природа подсказывает инженеру		635

Художественно-географическая книга
«НА СУШЕ И НА МОРЕ»

Редактор *Н. Н. Пронин*

Младший редактор *Г. П. Журавлева*

Художественные редакторы *В. Д. Карандашов* и *А. Г. Шикин*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Редактор карт *А. В. Голицын*

Корректор *З. А. Логинова*

Т—00821. Сдано в производство 18/IV—62 г,
Подписано в печать 11/IX—62 г. Формат 60 X 90^{1/16}
Печатных листов 40,5 + 1,75 л. вкл. Условных листов 42,25.
 Издательских листов 44,37. Тираж 90.000. 2-й завод 15.000.
 Цена 1 р. 34 к. Переплет — 15 к. Зак. 327

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности

Мосгорсовнархоза

Москва, 1-й Рижский пер., 2

ГЕОГРАФИЗ

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ В 1962 г.

И РЕКОМЕНДУЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. Географический календарь на 1963 г., ц. 1 р.

Шестой год выпускается это своеобразное издание, рассчитанное на всех, кто интересуется географией. В нем публикуются многочисленные статьи, очерки и заметки, рассказывающие о явлениях природы, о том, как человек использует природные богатства, как он исследует Землю и межпланетное пространство. На страницах книги перед читателем разворачиваются картины жизни людей в Советском Союзе и во многих зарубежных странах, целые эпопеи и отдельные эпизоды из истории географических открытий, истории, полной увлекательных приключений и захватывающей борьбы. Значительная часть статей посвящена развитию народного хозяйства нашей страны и экономике других социалистических государств, а также борьбе за политическую и экономическую независимость стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Помещены в календаре и географические задачи, кроссворды, головоломки, викторины. Книга ярко и красиво оформлена. В виде приложения к ней даются цветные карты.

Сдавайте Ваши заказы в магазины книготорга, потребительской кооперации или отдел «Книга — почтой».

Получив своевременно заказ, магазин сможет обеспечить его выполнение.

ФОТОАЛЬБОМ «СИБИРЬ», цена 2 р. 30 к.

Художественные фотографии альбома передают красоту сибирской природы, рассказывают о богатствах этого края, о развернувшемся в последние годы грандиозном строительстве, которое превратит Сибирь в один из высокоразвитых районов Советского Союза. Большое место уделяется людям, их жизни и труду. В альбоме помещено около 200 снимков лучших советских фотографов и путешественников-натуралистов.

Сочетание высокохудожественных фотографий с живо написанным познавательным текстом и нарядным оформлением делает альбом полезным для школ, пропагандистов, агитаторов и прекрасным подарочным изданием.

Заказы на издание Географиза также принимают магазины: г. Москва, Е-116, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2. Магазин № 104 Москкниги, г. Киев, Крещатик, д. 44, Магазин № 12 Киевкниги.

Северный Ледовитый Океан

Рейс в полярную ночь

